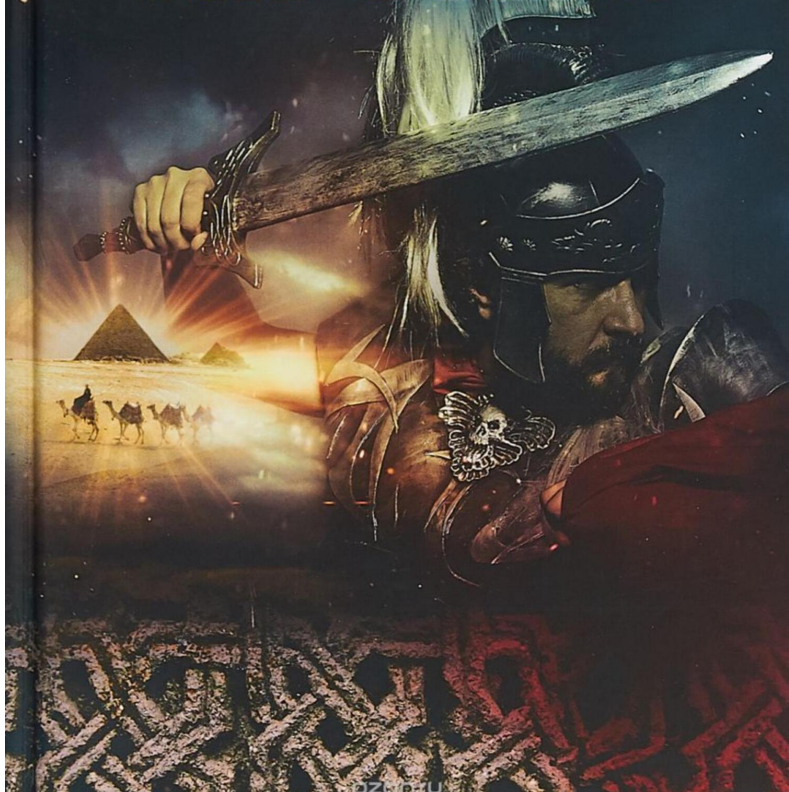

Георгий Григорьянц
ДРАКОНИЙ
ПЕРСТЕНЬ

Георгий Григорьянц

Драконий перстень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42626792

SelfPub; 2024

Аннотация

Десять римских легионов сокрушают Кавказ. Царь Армении Тигран II Великий находит способ избежать разорительного нашествия. Среди прочего он прибегает к силе магического талисмана Драконий перстень. Его обладатель получает богатство, удачу и власть, но в придачу сомнения, трепет, сильные страсти и ужасную смерть. Влияние опасной магии испытывают на себе незаурядные личности античного мира: Помпей, Красс, Цезарь, Антоний и Клеопатра.

Содержание

Глава 1. Амазонки атакуют	5
Глава 2. Смысл поступков	25
Глава 3. Камень цвета тлеющих углей	39
Глава 4. Магия зеленого колдуна	53
Глава 5. Туманное пророчество	68
Глава 6. Мистическая сущность государства	84
Глава 8. Во власти иллюзий	111
Глава 9. Мавзолей Александра	129
Глава 10. Коварное египетское солнце	141
Глава 11. Подняться до уровня богов	155
Глава 12. Свиток творца и чудовище Амаг	169
Глава 13. В Армении происходят странности	187
Глава 14. Полубог Митридат	205
Глава 15. Чудовище, пожирающее души	220
Глава 16. Римское нашествие	246
Глава 17. Тугой узел Гнея Помпея	278
Глава 18. «Освобождение» Каппадокии	293
Глава 19. Зловещие звуки флейты	302
Глава 20. Поцеловать перстень	315
Глава 21. Дар судьбы	328
Глава 22. Погоня за призраком	348
Глава 24. Смелость города берет	375
Глава 25. Покорение Кавказа	390

Глава 26. Упоение пирровой победой	411
Глава 27. Тигран благосклонен к смелым	430
Глава 28. Сирия будоражит воображение	448
Глава 29. Время открывает скрытое	462
Глава 30. Любовь окрыляет	490
Глава 31. Помни о смерти	506
Глава 32. Боги призывают Тиграна к себе	526
Глава 33. Победоносный Красс и парфяне	544
Глава 34. Жуткая трагедия «Вакханки»	569
Глава 35. Тайна власти	588
Глава 36. Клеопатра пленяет Цезаря	610
Глава 37. Стать богом на земле	628
Глава 38. Жемчужина в вине	646
Глава 39. Артавазд в моменты неуверенности	665
Глава 40. Вероломство Антония	684
Глава 41. Слава и забвение	715
Глава 42. Дух Арарата	742

Георгий Григорьянц

Драконий перстень

Глава 1. Амазонки атакуют

В лучах заходящего солнца древний город Арташат, погружаясь в безмятежность неги и мир причудливых грез, окрасился в багрово-золотистые тона. Медленно остывая от дневного зноя, столица царства Великая Армения засыпала.

К храму армянской богини Анаит приблизились три женские фигуры – сторбленные и мрачные, в просторных грязно-серых плащах-гиматионах. Край плаща каждой наброшен на голову, скрывая лицо. Опираясь на посохи, они ковыляли к входу в храм, куда в это вечернее время стекались для лечения больные и убогие. Врачевание начиналось с обряда очищения – страждущих окуривали специальными благовоениями, а потом жрецы всех укладывали спать прямо на каменные плиты святилища, чтобы утром выслушать рассказ о сновидениях больных и назначить лечение.

– Меня зовут Каринэ. Вы можете прилечь у алтаря, – обратилась к женщинам жрица после завершения обряда, указывая на возвышение с жертвенником.

Одна из пришедших приблизилась к позолоченной бронзовой статуе богини Анаит и, выпрямившись, подняла го-

лову, устремив взгляд на ее руку. Богиня – величественное изваяние – стояла на пьедестале и держала в поднятой правой руке жезл с парой отшлифованных камушков горного хрусталя. Сбросив с себя плащ, женщина, молодая, красивая, с золотистыми волосами, в доспехах и с оружием, холодно взглянув на жрицу, направилась к статуе богини. Каринэ всполошилась:

– Ты кто? Что тебе нужно?

– Не мешай, и все останутся живы, – невозмутимо ответила женщина-воин.

– Ты амазонка! – воскликнула жрица. – Мужеубийца!

– Я пришла забрать то, что мне нужно.

Амазонка кивнула своим спутницам, также молодым и сильным девушкам, и те, сбросив плащи, подбежали к статуе и ловко сцепили кисти рук. На сомкнутые ладони вскочила их предводительница, и ее подняли вверх. Схватив жезл, она прыгнула на пол и попыталась бежать к выходу. Внезапно двери храма с шумом закрылись. Пространство с колоннами, освещаемое светильниками с касторовым маслом, заполнилось жрецами – мужчинами и женщинами. На встревоженных лицах читалось: произошло что-то ужасное.

– Остановись, верни жезл! – закричала Каринэ. – Он реликвия храма!

– С дороги! – амазонка достала из ножен короткий меч.

– Храм не позволит тебе выйти наружу с этой вещью, – твердо произнесла Каринэ.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Воительница-амазонка, спокойно заложив жезл за пояс, приготовилась атаковать первой. Жрецы-мужчины вооружились длинными палками. Предводительница амазонок (ее звали Калестрида), издав устрашающий рев, набросилась на одного из них. Жрец, сделав оборонительное движение, тут же перешел к атаке, не подставляя деревянное оружие под лезвие клинка. Не стремясь нанести увечье, он заблокировал движение меча и ждал – возможно амазонка передумает драться. Другая воительница метнула короткий дротик — поразить жреца-раба, но тот отбил его в полете. Третья амазонка, самая молодая, ринулась на одного из защитников с топориком, но тут же дубинка обрушилась на ее голову. Жрецы явно контролировали ситуацию, не причиняя противнику вреда.

Калестрида получила сильный удар тычком в грудь, у ее подруги в ходе атаки сломался бронзовый клинок. Калестрида попыталась рассечь мечом голову противника, но жрец отбил меч и острым концом палки расцарапал ей лицо. Амазонка отпрянула, но проведя обманный прием, ранила жреца. Его место немедля заняла Каринэ. Работая палкой стремительно и энергично, она выбила меч из руки Калестриды, а от летящего боевого топорика увернулась.

– Ты отважная женщина, – крикнула жрица, – но никому не позволено красть в храме!

– Мне нужна эта вещь! Уйди с дороги!

Жрецы, полные решимости отстоять реликвию, пошли в атаку. В умелых руках палки превратились в грозное оружие. Один из служителей храма, ударив подругу Калестриды в колено, сломал ей ногу. На другую женщину, самую молодую из амазонок, сверху, со свода храма, упала сеть, и, запутавшись в ней, девушка рухнула на камни пола. Яростная схватка продолжалась только между Каринэ и Калестридой, но поражение амазонки было предрешено. Каринэ обманным движением изобразила замах, соперница защитилась дротиком, а жрица молниеносно ткнула острым концом палки ей в горло, и вонзила бы неминуемо, но... амазонка застыла, устремив взор на палку. Шумно дыша, она глянула на поверженных подруг и, бросив дротик, подняла руки:

– Я сдаюсь!

Ее обступили жрецы: кто-то забрал жезл, кто-то связал веревкой. Калестрида посмотрела с недоумением на статую богини Анаит. Амазонки в этой скульптуре признавали свою богиню-покровительницу Артемиду – осязаемое воплощение женщины-воина. Предводительница нападавших горестно произнесла:

– В нашем храме богини Артемиды я принесла в жертву четырех чужестранцев. Почему же богиня сегодня оставила меня?

– Богиня Анаит – покровительница Арташата, – сухо сказала Каринэ. – Она не допустит великую несправедливость в своем храме. Ты зря сюда пришла, тебя ждет бесславный

конец.

Жрецы и жрицы, собравшись вокруг статуи, упали на колени и воздели руки к небу:

– О великая мать, богиня Анаит, заступница и кормилица народа, могущественная и целомудренная госпожа наша! Тебе возносим молитву со словами благодарности за помощь. Впредь дари людям любовь и плодovitость, будь нашей защитницей, славой и животворящей силой!..

В храм вошли служители порядка, возглавляемые Кухбаци, начальником службы безопасности царя. Жрецы, встав с колен, почтительно поклонились.

– Нападение на храм – серьезное преступление, – произнес Кухбаци, – а похищение реликвий может привести к непоправимым последствиям, поэтому карается смертной казнью. Увести преступников!

Двух воительниц, связанных и обезоруженных, вывели из храма, а третью, со сломанной ногой, положили на щиты, скрепленные копьями. Солдаты водрузили ношу на плечи и унесли.

Царство Великая Армения восстанавливалось после первой ожесточенной войны с Римом. Недавнюю войну, подчиняясь общему стремлению граждан Римской республики грабить, разделять и властвовать, развязал и бездарно вел, не слушая своих советников, главнокомандующий армией Лициний Лукулл. Ущерб Армении был нанесен значительный,

но страна после победы в войне быстро возродилась, продолжая стремительно развиваться. Шел 2426 год по древнеармянскому календарю или 66 год до нашей эры.

Царь Великой Армении Тигран II в покоях арташатского дворца разговаривал с приближенными.

– Откуда прибыли эти воительницы? – острый взгляд царя остановился на советнике Евсевии.

– Великий канон (властитель – *арм.*), племя амазонок обитает где-то в северных предгорьях Кавказских гор, – ответил старый, умудренный опытом армянский философ и историк. Ему царь доверял все свои тайны.

– Государь, многие считают, что амазонки – миф, – сказал Метродор, греческий ученый, покинувший Афины с тех пор, как Рим захватил Грецию, и ставший советником царя. – Но они существуют! Мифы, повествующие о них, вовсе не вымысел.

Тигран читал Геродота и знал, что эллины не раз воевали с амазонками в Малой Азии.

– Амазонки и албаны родственны, – добавил Метродор.

Лицо Тиграна, одухотворенное и царственно спокойное, но скрывающее за маской спокойствия жизненную энергию, выражало несокрушимую волю и работу мысли, самообладание и внутреннюю дисциплину. Он в раздумье прошелся по залу со стенами из серого базальта и необыкновенной резьбой по камню. Лучшими в мире резчиками по камню считались армяне: их приглашали для украшения дворцов и хра-

мов по всему миру, в том числе в Рим, Иерусалим и Антиохию.

Тигран сердито спросил:

– С каких это пор албаны стали заниматься грабежом и нападать на наши храмы?

Албаны – собирательное название народов Кавказа, придуманное греками. На горных склонах обитало много племен: гелы, леги, кадусии, амарды, утии, аланы и другие, а самым могущественным и многочисленным было племя каспиев, давшее название Каспийскому морю. Имелись сведения, что амазонки когда-то были женами кочевых албанов.

Кухбаци, начальник службы безопасности, проронил:

– Давно горцы не нападали на земли твоего царства, государь.

Царь недоумевал:

– Что же такое случилось, если одно из племен, пусть и излишне воинственное, напало на мою столицу, да еще попыталось украсть из храма реликвию?

Подойдя к окну, из которого открывался величественный вид на Арарат, священную гору (на ее вершине обитают армянские боги), он продолжал размышлять над ситуацией. Ему уже семьдесят три: боги даровали долголетие. Поседевшие волосы украшены белой головной повязкой со свободно свисающими сзади концами. Такую ленту – символ предводителя нации – носили все цари античного мира, красной же лентой венчали победителей спортивных соревнований.

Видимо, ожидая духовного просветления, правитель смотрел на гору, и озарение снизошло. Царь повернулся к приближенным. Его пронзительный взгляд даже в пожилом возрасте оказывал магическое действие на каждого, кто с ним общался. Евсевий понял: царь знает ответ.

– Я вам никогда не рассказывал об этом предмете – жезле. Его пытались вчера похитить, – произнес Тигран. – Тайну никто не должен был знать. Это египетская святыня – жезл Сехем. По преданию, боги вручили его царям Египта, чтобы даровать созидательную энергию. Обладатель жезла воплощает власть в этой стране.

– Дубинка, скорее даже лопатка, с парой глаз из стекла? – удивился Евсевий.

– Посох властителя! – царь укоризненно посмотрел на ученого. – А еще ключ к тайнику. Я поместил святыню в храм под охрану богини Анаит. Как видно, богиня хорошо охраняет реликвию от посягательств. Давайте присядем, я расскажу.

Египет, 14 лет назад.

В дворец фараона ворвалась разъяренная толпа жителей Александрии. Сметая на своем пути стражу, народ устремился в покои властителя. В тронном зале, ослепляющим своим великолепием, на золотом троне сидел, держа в руках скипетр Нехех (плеть как знак власти), испуганный Птолемей XI с накладной бородкой. Малый трон царицы был пуст.

Озлобленные люди несли на руках тело женщины – царицы Египта. Фараон-грек, правивший всего девятнадцать дней, с ужасом смотрел на разгул беспорядков. Он был прислан Римом править этим государством, потому что республика считала полезным посадить на трон своего протеже.

Толпа остановилась. Наиболее активный погромщик, египтянин в красном, выкрикнул:

– Зачем ты убил нашу любимую царицу?

– Я не убивал! – в полной беспомощности завопил Птолемей.

– Где жезл Сехем?

– Я не знаю!

Египтянин в красном обернулся, устремив взгляд на скрывающегося за колонной верховного судью, высокого человека в платке немес с черными и белыми полосами. Тот кивнул. Египтянин заорал:

– Смерть убийце!

К фараону бросилась толпа. Его стащили с трона и за ноги поволокли на площадь перед дворцом, чтобы растерзать.

– Последний раз спрашиваю: где жезл Сехем? – египтянин в красном с глазами навывкат бежал рядом, жадно наблюдая, как гибнет владыка, небожитель Египта.

Тронный зал опустел, только на плитах пола среди колонн цвета папируса лежал труп престарелой царицы, теперь никому не нужной.

У трона сошлись четверо: главный министр, верховный

судья, военный министр и начальник дворца, все в белых длинных туниках и в льняных головных уборах немес, все греки, кроме египтянина полководца Ахиллы. Голубые и белые полосы на платке мог иметь только фараон, поэтому остальные, строго соблюдая церемониал, носили свой цвет.

Главный министр в платке с золотистыми и белыми полосами сказал:

– У нас больше нет царя, как нет в стране мужского потомства Птолемеев.

Военный министр в немес с красными и белыми полосами воскликнул:

– Есть претендент, в жилах которого течет кровь Птолемеев! Он не имеет отношения к римлянам, что хорошо. Воспитан молодой человек царем Армении Тиграном и дожидается своего часа в Сирии.

– Надеюсь, он будет покладист и женится на Трифаене, – высказал свое мнение верховный судья в черно-белом платке.

– Итак, у нас есть царь, и имя его Птолемей XII, – подытожил толстый и надменный начальник дворца в немес с зелеными и белыми полосами.

– Но где же жезл Сехем?... – верховный судья смотрел на соратников с озабоченным видом.

Жезл Сехем, означающий идею власти и мощи, являлся ключом к тайнику, где хранился предмет вожделения правителей всех царств. Мир говорил об этом предмете с приды-

ханием и называл его Свитком творца. Созданный богом Тотом (египтяне верили, что Тот являлся творцом мира), свиток включал собрание заклятий и магических формул, позволяющих любому стать великим провидцем.

Тигран остановил рассказ и задумчиво посмотрел на мудрецов, сидящих напротив в жестких креслах с прямыми деревянными спинками.

Метродор с сомнением спросил:

– Тексты, дающие и мудрость, и знания, и силу? Не слышал о таком.

Царь рассеянно взглянул на него:

– Не забывай, я иногда общаюсь с богами и знаю о чем говорю.

– Как же жезл Сехем оказался в Армении? – недоуменно спросил Евсевий.

Рассказ царь продолжил.

Процессия во главе с армянским царем Тиграном II и будущим фараоном Египта Птолемеем XII, имеющая в своем составе десять боевых слонов, до тысячи всадников и сотню верблюдов, груженых золотом, серебром, тканями и пряно-стями, вошла в пределы Египта из Сирии. Тигран, покорив Сирию, правил этим государством мудро, и оно процветало, обгоняя в развитии все страны Востока. Один из слонов тянул колесницу с небольшой золотой статуей Александра Ма-

кедонского. Уже триста лет, как Египет был завоеван греками, и Тигран учитывал это обстоятельство в своих дипломатических делах.

Рядом с царем ехали его сановники. Меружан, полководец, сказал:

– Государь, не узнаю Египет: все в упадке. Новому фараону поможет только чудо.

– Египту не поможет уже никакая магия, – грустно заметил Гнуни, главный казначей царя.

Греческое правление этим царством не лучшим образом отразилось на религии, языке и искусстве; кроме того, начался развал страны: торговля и производство находились в глубоком упадке.

– Дорогой Гнуни! – сказал Тигран. – Как Нил вечно несет свои воды к морю, так и Египет нацелен в вечность. Эта страна обладает выдающимися знаниями. В Египте находятся истоки всех магических искусств и научных фактов.

Гнуни торопливо заметил:

– Некоторым цивилизациям удастся просуществовать тысячи лет, однако рано или поздно любая из них погибает, а место погибшей цивилизации тут же занимает следующая.

– Гнуни, это твое мнение, – царь посмотрел на него укоризненно. – Вот я верю, что армянская цивилизация будет жить вечно...

Возведение на трон девятнадцатилетнего Птолемея было пышным. На пиру в честь обретения страной царя, где при-

сутствовала вся знать Александрии, Тигран сказал:

– Мой долг – способствовать тому, чтобы Египет поднялся до высочайшего уровня развития. Так хочет верховный бог армян Арамазд. Он возвестил мне: Египет – ключевая страна на земле, задающая ритм жизни всему миру уже четыре тысячи лет.

Египетские министры, фактически управлявшие страной, были довольны и улыбались. Еще бы! Молодой фараон не собирается вмешиваться в дела управления, казна пополнилась за счет армянского золота, а Великая Армения стала надежным союзником в борьбе с Римом, имеющим виды на Египет.

Со своего места поднялась Трифаена, дочь убитой царицы. Она предстала перед публикой в образе богини Исиды – повелительницы жизни. Ее прическу венчал золотой головной убор «трон» с намеком на то, что именно она предоставляет престол новому фараону. В красном плиссированном калазирисе (длинный узкий сарафан, плотно облегающий тело) и легком, окутывающем словно дымка, плаще, с амулетом из сердолика и яшмы под названием Узел Исиды, она выглядела как властительница магических сил, вызывая трепет окружающих. Когда же заговорила резко и громко, повеяло холодом.

– Царь Великой Армении должен не забывать: вовлекая в сферу своего влияния великий Египет, он приобретает много преимуществ, ведь Египет – страна, где напрямую обща-

ются с богами. Но мы никому не позволим учить нас как жить!

После этой речи у Тиграна остался неприятный осадок. Когда он с царедворцами вошел в роскошные покои, отведенные ему в египетском дворце, то сказал:

– Она холодна и опасна, как египетская кобра.

Гнуни пошутил:

– От ее дурного глаза даже камни трескаются...

Раздался скрежет камня. Все вздрогнули. Царь обнажил меч, Меружан и Гнуни с клинками в готовности к бою встали перед ним. Плита в стене с изображением египетского божества отъехала назад, и в проеме появился мальчик лет десяти в набедренной повязке, льняной коричневой рубаше и накинутой на плечи леопардовой шкуре.

– Не бойтесь! – мальчик поднял ладони, показывая, что не вооружен. – Мне пришлось пройти тайным ходом. Никто не должен знать о нашей встрече. Я верховный служитель Великого храма в Мемфисе, главный египетский жрец.

Тигран крайне удивился, как и его приближенные.

– Ты высший жрец этой страны?

– Да, государь! Я Пшериниптах, – мальчик поклонился.

– Мне говорили, что Пшериниптах – верховный жрец Египта, но я не ожидал увидеть ребенка. Слушаю!

– Этот разговор не для чужих ушей.

Тигран, вложив меч в ножны, кивнул царедворцам, они вышли.

– Великий Тигран, – начал жрец, – силы зла хотят завладеть этим, – он вытащил из складок одежды странный предмет, царь ранее его никогда не видел.

– Что это?

– Жезл Сехем, – ответил жрец, – символ власти и мощи Египта. Чтобы никто не мог прервать правление фараона, заberi его. За ним охотятся враги Египта. Жезл может помочь правителю в безвыходной ситуации.

Тигран взял в руки предмет и осмотрел его. Особого трепета бронзовый жезл в форме маленькой лопатки с геометрическим узором и двумя голубыми отшлифованными камнями горного хрусталя на утолщении, не вызвал.

– Странная вещица, – сказал царь.

– Жезл – ключ к тайнику, где хранится самая важная в мире вещь – Свиток творца. С его помощью можно постичь язык и письменность всех народов, получить власть над природой и людьми, по сути, встать вровень с богами при жизни.

Мифы Египта повествовали: бог мудрости Тот, пользовавшийся в этой стране наибольшим авторитетом среди богов, создал людей, управлял временем и изобрел письменность. Он записал всю мудрость мира на свиток, имеющий великую магическую силу. Этот предмет давал полные знания по математике и астрономии, позволял обрести совершенный дух и необыкновенный разум. Статуи многих фараонов держат в руках два цилиндра (свернутые свитки), один из них Свиток творца (земная власть), другой – Книга мерт-

вых, свиток с каноническим текстом заклинаний (они нужны умершему фараону, чтобы занять свое место среди богов).

Тигран слышал о свитке, но тайник до сих пор не найден. Жрец опустил глаза в пол:

– Свиток в Александрии, под храмом Серапеум.

Александр Македонский возвел город Александрию в дельте Нила, где зародилась египетская цивилизация, над катакомбами, древнейшим культовым центром Египта. Вход в катакомбы обозначен храмом Серапеум. Тигран подумал: «Это похоже на правду, но существует ли вообще Свиток творца, вот вопрос?»

Мальчик, прочитав его мысли, сказал:

– Как капля дождя может быть началом наводнения, так длина ума разрушает горы. – Он поклонился: – Пора уходить. Если узнают о нашей встрече, мне не избежать смертельной опасности... Научись смотреть и видеть!

Жрец вошел в проем стены, каменная плита со скрежетом встала на место. Тут же в зал ворвались Меружан и Гнуни.

– Государь, все в порядке?

– Да, Меружан, все в порядке, – ответил царь, пряча жезл в карман плаща. – Египет – это тайна, и постичь ее может только ведомый богом...

Царь Тигран, завершив рассказ, невольно взглянул через окно арташатского дворца на Арарат. Раздался голос Евсевия:

– Государь, четырнадцать лет назад ты возвел на трон Египта Птолемея XII, когда юноше было девятнадцать. Зачем?

Тигран внимательно посмотрел на философа, своего учителя:

– Нельзя было дать шанс Риму подчинить Египет себе.

Египет стал блестящим триумфом Тиграна. После обширных завоеваний он хотел контролировать и эту страну, чтобы она не подпала под политическое и военное влияние Рима, иначе божественные и магические традиции либо умрут, либо станут служить римлянам, а у Великой Армении совсем не останется союзников.

Птолемей ребенком попал к Митридату и до двенадцати лет рос при понтийском дворе вместе с царскими детьми. Как это случилось? Однажды Митридат захватил в плен трех братьев, в них текла кровь греческих Птолемеев. Он вырастил и воспитал их, чтобы потом посадить одного из них на трон Египта. Старший сбежал к римлянам и стал Птолемеем XI. Толпа египтян растерзала его на девятнадцатый день правления. Двое других оказались в Армении. Теперь один правил Египтом, а второй, слабый и нерешительный, Кипром.

Метродор с иронией проговорил:

– Птолемея XII египтяне презрительно прозвали Авлетом (Флейтист). Он, помимо беспутного образа жизни и расточительства, соревнуется с музыкантами в игре на флейте. Пло-

хо же воспитал его Митридат!

– К сожалению, это так, – подтвердил Тигран. – А еще он ловко показывает фокусы и разбирается в магии.

Образ жизни Птолемея был далек от высоких идеалов нравственности, но он – ставленник Тиграна и не так прост, как казался. Его предшественник удержался на троне меньше месяца, а флейтист правил уже четырнадцать лет. Ходили слухи, что растерзанный фараон перед смертью завещал Египет римскому народу. Но кто же пишет завещание на девятнадцатый день правления? В Риме явно изготовили завещание-фальшивку.

Кухбаци вдруг предположил:

– Государь, а нет ли связи между кражей жезла и правлением египетского царя?

Тигран задумался, анализируя ситуацию. Рим хочет воспользоваться фальшивым завещанием и подбирается к Птолемею XII, чтобы сделать Египет своей провинцией и получить доступ к чудесам и богатствам страны. Римляне достоверно знают, что прямая связь с богами сегодня, когда разрушен Вавилон, возможна только в Египте и Армении. Об этом обмолвился Юлий Цезарь на встрече с братом армянского царя Гурасом. Правда, фараон мог бы откупиться: Египет богатая страна.

Возможен еще вариант. Нашелся заинтересованный в смещении фараона претендент на трон, например беглый Антиох XIII, сын недавно казненной Тиграном сирийской

царицы Селены. В нем течет кровь Птолемеев. Несколько лет назад армяне разбили войско Антиоха. Тот, чтобы воцариться в Сирии, нанял кочевников, пообещав им плодородные земли, и набатеев, предложив им торговые пути из Аравии к Средиземному морю. Он вполне мог нанять амазонок выкрасть жезл. Однако Рим его притязаний не поддержит: юноша хочет заявить права на объединение царств Селевкидов и Птолемеев.

А как насчет жены Птолемея, царицы Трифаены? Она же является его соправителем. Жена серьезный фактор. Плохая жена мечтает сломать мужа, чтобы казаться умнее и безраздельно править, неважно чем – семьей или царством. Трифаена своим видом и действиями внушает отвращение. Властная, подозрительная, злая...

Царь твердо сказал:

– Думаю, реликвию, которую попытались украсть амазонки, пожелала заполучить Трифаена. Нужно принимать меры!

Евсевий с неподдельной тревогой в голосе вскрикнул:

– Падет Птолемей, и Рим станет владыкой мира! – Мудрец, крайне

испуганный, добавил: – Я бы рекомендовал немедленно послать Гураса в Рим получить поддержку Цезаря, а твоего сына Артавазда, молодого и энергичного наследника престола, направить в Египет, в Александрию, на помощь Птолемею.

– Евсевий, в Египте опасно, отправлять туда наследника престола – большой риск.

– Тогда сначала выясни, не подготовила ли судьба ему смертельную ловушку! – Ученый пытливо глядел на царя: – Тигран, ты давно уже обещал открыть будущее сыну с помощью Таблицы судеб, ведь так?

– Предлагаешь для начала переместить его в Птолемаиду?

– Да!

Глава 2. Смысл поступков

В саду, раскинувшемся вокруг дворца в Арташате, жена царевича Артавазда Анаит, одетая по последней моде, с уложенными в серебряную сеточку волосами, гуляла с детьми в окружении придворных женщин, нянь и рабынь. Своей красотой она нисколько не уступала самой богине Анаит (в честь нее и была названа). Ее муж объявлен наследником престола, и армянка Анаит, темпераментная, с гордой осанкой, великолепной фигурой, утонченными чертами лица, карими глазами и пышными черными волосами, готовилась стать царицей огромной державы. Няня передала ей младшего сына, названного в честь деда Тиграном, но все его называли Тигранчиком. Ему всего два года. Счастливая царевна нежно приласкала его. Потом она обратила взор на старшего сына Арташеса, умного и смекалистого мальчика, все время порывавшегося убежать поиграть со сверстниками.

– Арташес, никуда не убегай, будь рядом! А после утренней прогулки тебя ждут занятия с Амфикратом.

Грек Амфикрат, мудрец, выдающийся ритор и писатель, изгнанный из Афин своими соотечественниками за то, что не верил в политические теории, созданные Платоном и Аристотелем, стал одним из ключевых советников царя Тиграна, но также и занимался образованием его детей и внуков.

– Мама, я сегодня устал и заниматься не хочу, – сделал

наивное лицо, сказал восьмилетний Арташес. – Ну разреши мне поиграть с другими мальчиками!

– Арташес, будь рядом, никаких игр! – Анаит изобразила строгость.

– Хорошо, мама, – сдался мальчик, озираясь по сторонам. Стоило женской процессии двинуться дальше, как он, улучив момент, нырнул в нарядный куст розоцветной спиреи и был таков.

– Сегодня у тебя, Арташес, геометрия, – говорила Анаит. – Эта наука развивает пространственное мышление и воображение... Арташес, ты где?

Анаит, застыв на месте, бросала взгляды вокруг себя. Все женщины в волнении смотрели на нее. Царевна резко развернулась и сказала:

– Он убежал! Вот негодник! Давайте разделимся и начнем искать!

С младшим сыном и двумя служанками она пошла по дорожке, а все остальные побежали в дальние уголки сада, заглядывая за каждый куст.

Поиск ничего не дал. Расстроенная и встревоженная, она влетела в кабинет мужа и закричала:

– Артавазд, я не могу найти Арташеса! На прогулке убежал от меня, и вот уже час никто не знает где он.

– Успокойся, любимая, – Артавазд поднялся из-за стола с разложенными рукописями греческих трагедий, выписанных из Афин. – Не мог он далеко убежать, шалун где-то пря-

чется.

Царевич нежно любил жену, всегда надеялся на ее молчаливую поддержку и чувствовал безграничную власть красоты и любви этой невероятно притягательной женщины. Анаит же смотрела на своего чудесного мужа, восхищаясь им каждую минуту.

Двадцатилетний Артавазд, старший сын царя Тиграна, был красивым и сильным мужчиной, прекрасным борцом и храбрым воином. Его уже объявили наследником престола. Талантливый, целеустремленный и преданный царю, он имел волевое лицо и каштановые волосы, свободно спадающие на плеч, что считалось в те времена символом мужества и величия. Он был высокий, стройный и ловкий, правда, не имел склонности к точным наукам, но зато талантливый драматург, пишущий трагедии на греческом языке. Отец сделал его своим соправителем, и Артавазд живо интересовался делами управления огромным государством. Держава Тиграна простиралась от Каспийского до Средиземного моря. Завоеванная в битвах и походах территория процветала, управлялась мудро и справедливо, вызывая зависть и дрожь Римской республики и Парфянского царства.

– Помнишь, – сказал жене Артавазд, – маги из Мидии Атропатены, предсказали Арташесу большое будущее?

Магами в то время называли жрецов, пришедших из Вавилонии и поселившихся с персами. Их еще все звали волхвами и верили, что они волшебники.

– Да, я помню, – сказала расстроенная Анаит. – Они сказали, что Арташес будет царем Великой Армении и спасет свою страну от страшной беды.

– Вот видишь! Ничего не может случиться с нашим сыном. Сейчас же сам займись его поисками.

...Арташес лез на крышу дворца. Мальчика интересовало все, и сегодня он хотел забраться на самую высокую точку здания, чтобы увидеть мир вокруг. Впереди маячила дозорная башня – высшая точка дворца, с нее непрестанно велось наблюдение за окрестностями, и воин в кожаных доспехах и бронзовом шлеме с карийским (было такое племя в Малой Азии) красным гребнем из конских волос, с сигнальной трубой и мощным луком, ходил взад-вперед по вышке, неся службу в дозоре. Сигналы – заранее установленные знаки, несущие сообщения о нападении или передвижении войск неприятеля, – подавались с самых окраин державы специальными сигнальными подразделениями и дозорами с помощью зеркал, дымов, огней, костров и факелов. Число факелов и их расположение говорило об определенной букве алфавита.

Послышался шорох. Солдат на вышке насторожился, огляделся. Никого! Успокоившись, стал смотреть на север. Шорох донесся вновь. Воин выглянул с вышки: внизу все тихо, в саду прогуливались несколько женщин. Утерев рукой пот со лба, солдат достал флягу с водой, отпил и стал вглядываться в горы на юге. Арташес, босой, аккуратно цепляясь за камни песчаника (из него сложена башня), тихо караб-

кался вверх по одной из колонн за спиной дозорного. Солдат, уловив странные звуки, резко обернулся, но тут внезапно вспорхнула стая голубей, чуть не сбившая мальчика с колонны. Однако Арташес цепко схватился за шершавый камень и, после некоторого промедления, перелез на черепичную крышу. Мальчик выпрямился и увидел наконец что хотел.

Перед ним во всем великолепии лежал огромный мир: на юго-западе возвышалась исполинская, двуглавая, со снежными шапками гора Арарат, на северо-востоке четырехглавый великан, гора Арагац, а между ними простиралась изумрудная благодатная Араратская долина, разделенная на две части синей рекой Аракс. Плодородная земля переливалась всеми оттенками зеленого. Возделанные поля пшеницы и ячменя были цвета нежных побегов. Абрикосовые и персиковые деревья ярко-зеленого цвета с оранжевыми вкраплениями фруктов (говорили, что армянские абрикосы имеют вкус солнца). Берега реки имели папоротниковый цвет, а огороды фисташково-салатный. Цепи холмов со склонами, изрезанными голубыми ручьями, были оттенка молодой горчицы. Выделялась темная зелень виноградников и бронзово-зеленый цвет леса. Кругом разбросаны черные глыбы больших камней. Умиротворение и спокойствие поражало...

До мальчика донеслось: «Арташес!» Он посмотрел вниз и увидел: вокруг дворца бегают люди, среди них и его мать, а когда парнишка уже решил спускаться, то заметил отца,

стоявшего на балконе. Щурясь, тот смотрел на вышку и показывал пальцем в сторону сына. Солдат-дозорный занервничал, высунул голову за ограждение вышки и, посмотрев вверх, увидел мальчика.

– Вай, что ты там делаешь? Ради бога Арамазда, слезай! – вскрикнул испуганный воин, узнав Арташеса. – Но только осторожно! Прошу, милый мальчик, будь осторожен.

Арамазд, верховный бог армян, был милосердным и миролюбивым, и в этой ситуации вся надежда была на него. Мальчик, явно ничего не боясь, спокойно слезал с крыши. Цепляясь за каменную кладку, он спустился вниз и побежал к отцу.

В богато украшенном зале доблести и славы на стене висел царский штандарт – красное полотнище с вытканными золотом восьмилучевой звездой и двумя орлами. Знамя имело обрамление – грозное оружие армян: мечи, секиры, стрелы, булавы, копья и топорики, побывавшие в боях, имеющие глубокие отметины (напоминание о кровопролитных сражениях). Под стягом, в окружении трофейных доспехов, фасций с топорами и знаков легионов, на фоне двух сломанных перекрещенных римских солдатских мечей гладиус, небрежно вверх ногами висела римская эмблема воинской доблести – золотой лавровый венок полководца Лукулла. В спешке брошенный отступающим главнокомандующим золотой венок стал трофеем. Мир вернулся на армянскую землю после

победы над врагом, но этот зал, выражая идею доблести, напоминал о трагических днях и героизме народа.

Царь Тигран стоял посреди зала в окружении царедворцев: справа историк Евсевий, слева полководец Кухбаци и философ Метродор. Ждали Артавазда. Тигран правил царством Великая Армения вот уже двадцать девять лет, добившись небывалых успехов в хозяйстве и культуре. Но успехи могли быть более впечатляющими, если бы не вторжение римского войска во главе с Лицинием Лукуллом. Римскому полководцу не давали покоя богатства и тайны Армении. Впрочем, даже в этих условиях царь, изгнав римлян из пределов своей земли, сумел удержать державу от распада, поднять армянский народ из полуварварства до высот цивилизации и вывести царство в передовые государства мира.

Тигран и Кухбаци были безупречно выбриты, как того требовала мода: просвещенные бритые мужчины выгодно отличались от варваров. А вот Евсевий и Метродор имели пышные бороды для уважительного почитания окружающими их статуса. Философы и историки желали показать царям, придворным и горожанам свою индивидуальность, зрелость, мудрость и свободолобие.

– Где Артавазд? – с негодованием спросил царь.

В этот момент дверь открылась, в зал вбежал Артавазд и, встав по правую руку от царя, услышал неодобрительное замечание:

– Надо иметь очень важные причины, чтобы опаздывать

на встречу с царем... Бывает, голова с плеч, и не заметишь.

– Прости, государь, у меня нет оправдания. Мой сын Арташес так спрятался, что пришлось объявлять тревогу и искать его.

– Ну и как, нашли?

– Да, государь, он забрался на крышу дозорной вышки.

Тигран недоуменно поморщился:

– Впредь следите за моим внуком тщательнее.

В зал ввели амазонку Калестриду в кандалах. Молодая красивая женщина имела светлые волосы, забранные ремненным шнуром, одета в легкие кожаные доспехи, напоминающие короткую тунику.

– Калестрида! Ведь так тебя зовут? Я царь Тигран и хочу знать, зачем ты покусилась на мою реликвию.

Амазонка молчала и смотрела в сторону.

– Скажи, – продолжал царь, – кто послал тебя, кто заказал похищение жезла?

– Ничего не скажу: я проиграла и готова умереть, – гордо произнесла Калестрида.

– Обычно я действую методом убеждения, чтобы побудить человека доверять мне и стать союзником, но иногда приходится прибегать к насилию. Твое племя обитает на северных предгорьях Кавказских гор, рядом с племенем гаргаров, не так ли? Я пошлю туда войска и уничтожу тамошних обитателей. Но в твоей власти не навредить, помочь своему народу. Скажи мне правду.

– Я сплеховала, и лучше смерть, чем предательство.

– Твое самобичевание сродни эгоизму и не поможет ни тебе, ни твоим соплеменникам.

Евсевий мягко произнес:

– Амазонок периодически вербуют, чтобы сражаться в вооруженных конфликтах, и вы соглашаетесь ради выгоды. Но сейчас ситуация иная: Армения соблюдала паритет с горцами сто лет, а вы его нарушили. Наказание неотвратимо. Нелепо подвергать свой народ риску уничтожения по прихоти заморских заказчиков.

Тигран, взглянув на соратников, снова обратился к Калестриде:

– Ты совершила ошибку, однако я готов простить и просить об услуге.

Амазонка резко повернула голову в его сторону, но промолчала. Вступил в разговор Артавазд:

– Твой народ образовал собственное воинственное государство, состоящее исключительно из женщин, и жаль начинать войну с вами. Ты, Калестрида, производишь впечатление умной и смелой воительницы. Советую прислушаться к словам царя царей.

Титул «царь царей» означал старшинство верховного азиатского правителя над другими царями. Тигран II, захватив в кровавых сражениях огромные территории Малой Азии и Месопотамии, вдруг остановил войны и решился на грандиозный эксперимент – превратить патриархальную Армению

в цивилизованную державу, взяв за образец эллинов, для чего смешал народы и стал строить мир во имя процветания единой нации.

На пути достижения поставленных целей у него возникали небывалые препятствия. Например, зло в облики дракона затаилось в пещере горы Арарат. Низвергая гром и молнии на страну, оно грозило уничтожить человечество. Или вторжение сильной римской армии, захватившей одну из столиц Армении Тигранакерт. А еще подлый заговор рабовладельцев, жаждущих обогащения и роскошной жизни, как в Риме. Были и кровавые мятежи, ставившие государство на грань выживания. Вероломное предательство жены Клеопатры Понтийской и сына Тиграна Младшего, мечтающих о безраздельной власти, ударило сильнее всего. Изощренная месть бывшей царицы Сирии Селены I, которая с помощью магии, ядов, змей и других средств древних злодеев устраивала бесконечные покушения на царя. Не дремали и соседи: воинственный царь Набатеи Арета III хотел Сирию, трусливый правитель Каппадокии Ариобарзан I покушался на западные земли Армении, а коварный царь Парфии Фраат III, проведя с Римом тайные переговоры, внезапно вторгся во владения Тиграна и осадил одну из столиц – богатейший армянский город Арташат.

Тигран изгнал из пределов своей державы римлян и парфян, разбил Арету, наказал Ариобарзана, запечатал зло в образе дракона в черной пещере на горе Арарат, разделал-

ся с предателями и завистниками, подавил мятежи, помог Митридату VI вернуть царство и обеспечил покой в Азии. И вот новое испытание. Миру опять грозит опасность: в Египте поднимали голову темные силы.

– Калестрида, – вкрадчиво сказал Метродор, – главные ценности жизни просты: честь и достоинство, любить и быть любимым, наслаждаться радостью существования. Во имя этого помоги нам!

Тигран верил, что сможет убедить амазонку взглянуть на ситуацию по-новому:

– Твое черное дело может привести ко вселенской катастрофе: у человечества украдут будущее.

Калестрида постепенно входила в диалог, поддаваясь обаянию Тиграна. Она произнесла:

– Но ты же не пророк, откуда знаешь?

– А если пророк? – Царь прошелся по залу, посмотрел на штандарт и вдруг спросил Калестриду: – Как самочувствие твоей молодой спутницы, у которой сломана нога? Кажется, ее зовут Камиллой?

– Она больше не воин: либо умрет, либо останется без ноги.

– А калек в вашем племени убивают, не так ли? Жестокая традиция. Но я предсказываю: девушка излечится и будет ходить, здесь и сейчас! – торжественно объявил царь. – Кухбаци, вели принести Камиллу сюда и позови Егию!

Калестрида недоверчиво посмотрела на царя, и лицо ее

выражало недружелюбие и подозрительность. Внесли носилки с раненой амазонкой, красивой девушкой с лицом блее белого и крупными каплями пота на лбу. Было видно, что она по-спартански преодолевает невыносимую боль. Вошли личный врач Тиграна Егия и телохранитель царя Гурген, держащий в руках чашу из белого камня с крышкой. Каменные стенки чаши были настолько тонкие, что просвечивали насквозь, и было видно, как в сосуде колыхается жидкость.

– Егия, помоги этой девушке, – сказал царь.

Лекарь встал на колени перед страдающей амазонкой, осторожно снял повязку с раны на ноге, затем, взяв у Гургена чашу, приоткрыл, и капля жидкости упала на рану. Глаза девушки широко открылись, заблестели, лицо порозовело и приобрело нежный и мягкий оттенок.

– Ну, милая, – сказал Егия, – попробуем встать.

С этими словами он приподнял девушку и дал ей возможность опереться на свою руку. Та медленно поднялась и с удивлением обнаружила, что нога цела, и она снова способна самостоятельно передвигаться. Амазонка неуверенно, но с заметным ликованием прошла по залу. С благодарностью посмотрев на лекаря, подошла к Калестриде и обняла ее. Слезы выступили в глазах опытной воительницы, а красавица Камилла рыдала в голос. Калестрида, преисполненная радости, повернулась к Тиграну. Ее лицо выражало одновременно и признательность, и восхищение, и удивление.

Бережно поддерживая за руку излеченную молодую вои-

тельницу, Егия и Гурген вывели ее из зала.

– Калестрида, – обратился к амазонке царь, – твоей подруге нужно какое-то время восстановиться. У тебя есть выбор: либо помочь мне, либо гнить в подземелье со своими сородичами до конца жизни.

– Что ты хочешь знать? – уже не так вызывающе спросила женщина.

– Укажи на человека, заказавшего похищение жезла, помоги схватить его и тем самым предотвратить катастрофу.

Калестрида молчала. Артавазд спросил:

– Так что ты выбираешь, мир или войну?

Тигран подошел к ней ближе и заглянул в глаза:

– Ты явилась к нам с коварным умыслом похитить реликвию храма, но богиня Анаит не позволила свершиться злодеянию, – царь, серьезный и грозный, вдруг улыбнулся и продолжил: – Я знаю, где находится Пояс Ипполиты, реликвия твоего народа...

Когда-то у царицы амазонок волшебный пояс отнял Геракл. Пояс уже давно находился среди многих магических вещей там, где царь взял ту чудесную жидкость, что излечила подружку воительницы – в таинственном Дворце власти.

Царь добавил:

– Если поможешь, и мы поборемся за спасение мира, ты получишь реликвию. С этим поясом будешь непобедимой в любом бою.

– Тот человек щедро заплатил, – произнесла побежденная

Калестрида. – Он назвался Вельзевулом.

Калестриду увели, а Тигран обратился к сыну:

– Артавазд, дело не терпит отлагательства. Тебе придется отбыть в Египет и решить там сверхсложную задачу. Но предварительно мы отправим тебя, как и обещал, в Птолемаиду, узнать судьбу. Зная свою участь, всегда будешь действовать решительнее. Только прошу: обдумывай тщательнее поступки. – Тигран подошел ближе к сыну и положил руку ему на плечо: – Ты очень доверчив. Будь осторожен!

Глава 3. Камень цвета тлеющих углей

Столица царства Великая Армения город Арташат (греки прозвали ее Артаксата) стоял на холмах у подножья горы Арарат, при слиянии рек Мецамор и Аракс. Благоустроенный город имел царскую резиденцию, дворцы, храмы богов (не только армянских) и мощные крепостные стены, недавно выдержавшие осаду парфянских войск. Город был основан царем Арташесом I, а построен по проекту Ганнибала из Карфагена. Ранее на этом месте стояло небольшое поселение времен Урарту, но теперь вырос огромный полис с населением в сто тысяч человек.

В городе процветали ремесла, торговля, земледелие, скотоводство, библиотечное дело и театр, а жилые постройки уже вышли за крепостные стены и теснились у самой реки. Посвященные знали и о тайных помещениях под городом, также спроектированных Ганнибалом, – начиная с водопроводной системы из гончарных труб и кончая залами магии и хранилищами сокровищ. На холме Хор Вирап была подземная темница, куда заточали опасных преступников. Араратская долина, орошаемая рекой Аракс, кормила город, давая богатые урожаи зерновых, фруктов и овощей.

В хранилище чудес под дворцом спустились Гурас (брат

царя, его опора в делах, прирожденный дипломат) и Евсейий (мудрец, ведавший тайнами царства).

– Пришло время воспользоваться этой вещью, – сказал Гурас. – В путешествии в Птолемаиду Артавазду она пригодится. Потом отвезу ее в Рим.

– Вещь опасная для каждого, кто пожелает прийти с мечом на армянскую землю! – воскликнул Евсейий.

Они говорили о перстне духа Арарата, известном как Драконий перстень. На протяжении веков этот предмет не раз помогал победить или переиграть противника. Того, кто носил перстень, дух священной горы Арарат наделял сильными страстями и необыкновенными качествами, но владельца также одолевали сомнения и трепет. Несомненно, армянский дух Арарата, душа древнего предка, делал добро тем, кого любил, и причинял зло тем, кого ненавидел.

В специальном хранилище под дворцом, куда вел запутанный лабиринт с хитроумными ловушками, хранились волшебные вещи. Одна из них – массивный перстень духа Арарата, сделанный в давние времена из золота в форме драконьих лап, цепко держащих идеально отшлифованный темно-красный камень карбункул, прозванный гранатом.

Старинный манускрипт (его, конечно, читали Гурас и Евсейий) сообщал: ассирийцы во главе с царем Салманасаром III регулярно предпринимали грабительские походы в страну армян Урарту, забирая скот, упряжных лошадей и увозя людей в рабство. Все изменилось, когда царь Урарту Сар-

дури I, платя дань ассирийцам, подарил Салманасару перстень с красным камнем, добытым из головы дракона. Чудо-вище спало, когда Сардури с товарищами проник в черную пещеру на горе Арарат и отсек ему голову. Камень карбункул, сверкавший на лбу дракона как пламя пожара, извлекли. После, лучший царский ювелир вставил его в золотой перстень. Непонятным образом на внутренней стороне кольца появилась надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Правитель Урарту носил перстень на пальце в качестве талисмана.

Сардури был очень горд, носил украшение долго, пока не понял, что перстень рождает страстные желания, оборачивающиеся против владельца. Он преподнес золотой талисман в подарок врагу. С этого момента новый владелец перстня Салманасар больше так и не смог покорить страну Наири (так ассирийцы называли Урарту). Крупное нашествие на армянские земли провалилось, Салманасар погиб.

Но ассирийцы, воинственные и могущественные, по-прежнему считали государство Урарту главным противником, хотя и не трогали его, а грабили Вавилонию, Сирию и Иудею. Незаурядная во всех отношениях царица Ассирии Семирамида, регент малолетнего царя (она убила мужа и почти всех детей, чтобы править самой), снова захотела захватить Урарту, но не смогла. Говорят, она носила перстень с драконьим камнем. Следующий царь ассирийцев, Салманасар IV, все же решился пойти на Урарту, но повернул об-

ратно, с ужасом воскликнув: «Царь урартов Аргишти I – тяжелая буря!» В Ассирии между тем начались страшные бедствия: разразилась эпидемия чумы, косившая население, возникла небывалая засуха, подорвавшая хозяйство, вспыхнули восстания, расколовшие страну, и, напоследок, самое скверное – затмение солнца, ознаменовавшее конец. Вскоре держава Ассирия, как ни сопротивлялась судьбе, исчезла. Повлиял ли перстень духа Арарата на эти события? Были люди, знавшие это наверняка.

Евсевий, улыбаясь, напомнил:

– Обладатель этого перстня, я точно знаю, получает богатство, удачу и власть над людьми, но в придачу – сомнения, трепет, сильные страсти и ужасную смерть. Персидские цари считали этот перстень талисманом, и чем все кончилось?

Перстень из Ассирии попал к персам и переходил от одного царя к другому. Два столетия длилось владычество персов над Арменией, причем персидские государи династии Ахеменидов старались мало интересоваться внутренними армянскими делами, никогда не приближаясь к Арарату. Их устраивало, что дань и войска присылались вовремя, а потому они проявляли веротерпимость и вели гибкую национальную политику. Армения наслаждалась миром.

Никто не ожидал, что Александр Македонский нападет на персов и с небольшой армией легко уничтожит мощь царства. Персидское государство как самостоятельное прекратило свое существование. Наверное, так было угодно бо-

гам...

Александр Великий двинулся на завоевание мира. Зная, что Армения очень богатая страна, он все же не решился войти в ее пределы. Говорят, Драконий перстень был его талисманом... Когда в Вавилоне во дворце Навуходоносора в возрасте тридцати трех лет он внезапно умер, перстень положили в гроб удачливого завоевателя. Тело с приключениями привезли в Египет и поместили в мавзолей в Александрии, египетской столице. Однажды, прибыв в Египет, армянский царь Тигран II увидел перстень в склепе, где стоял стеклянный гроб великого полководца, и попросил Птолемея XII вернуть перстень Армении, что тот и сделал.

И вот сейчас снова вспомнили про Драконий перстень: дух горы Арарат должен помочь Армении, не дать ее в обиду...

Тяжелая дверь с хитроумным замком открылась, и царедворцы вошли в освещаемый вечным светильником зал чудес. В нем собраны магические вещи: доспехи неуязвимого в бою воина; бронзовый кинжал с ручкой из рога африканского носорога, способный пронзить любую стену, так как его обмакнули в кровь дракона; волшебная Таблица судеб, открывающая божественные замыслы и дающая власть над решениями богов; кусок металла, упавший с неба, умеющий омолаживать тело и дарующий чувство внутреннего равновесия и гармонии; эгида – накидка из козьей шкуры, обладавшая волшебными защитными свойствами; Паллади-

ум, священная статуя-оберег; перстень духа горы Арарат.

– Это здесь! – Евсевий указывал на железный ларец, стоящий на изящном мраморном столике.

Он открыл крышку, и Гурас увидел прекрасное изделие ювелирного искусства – необычный мужской перстень с красным камнем цвета тлеющих углей. Евсевий назидательным тоном произнес:

– Перстень, ломающий судьбу...

Однажды надев этот перстень на палец, чувствуешь прилив божественной энергии и пробуждение могущества, кажется, что получаешь принадлежность к избранным и всевластие, но не замечаешь как постепенно оказываешься рабом перстня, падаешь в бездну разбитых ожиданий и в приступе ярости находишь свою погибель.

Осторожно взяв талисман, он передал его Гурасу. Брат царя, подняв Драконий перстень к свету, чтобы лучше рассмотреть, поразился силе камня и с сожалением сказал:

– Жизнь беспощадна: в море безумства и лжи ищешь причину не унывать, сохраняешь надежду на частицу счастья, а все оборачивается неправдой и жестокостью.

Евсевий погладил бороду и строго посмотрел на царедворца:

– Что ж, если нет надежды на лучшее и впадаешь в отчаяние, нечего делать на этой земле.

Брат царя сказал:

– Пусть Артавазд ненадолго обретет прилив божествен-

ной энергии, а потом я отвезу этот перстень врагу, чтобы тот ощутил силу демонов.

Гурас передал перстень мудрецу, и тот спрятал его в карман.

Из северных ворот города в сопровождении охраны из пятерых воинов на конную прогулку отправилась молодежь Арташата – десять мальчиков разного возраста, и среди них Арташес, сын Артавазда и внук царя. Мальчики направлялись в сторону леса, примыкавшему к городу с севера. Система воспитания отпрысков знатных семейств напоминала спартанскую и включала верховую езду, физические упражнения, владение мечом, метание копья. Цель – создание боеспособных и готовых к любым тяготам воинов, будущих военачальников.

Арташес – ему было всего восемь лет, – чувствуя в седле безграничную свободу и представляя себя бесстрашным завоевателем далеких земель, скакал легко, ритмично, радостно, а ветер рвался ему навстречу. По лесной дорожке группа наездников вышла на поляну, где прозвучал сигнал наставника спешиться. Привал. Привязав лошадей, мальчики разбрелись по поляне, Арташес же вошел в чащу и позвал:

– Кяж! (рыжий – *арм.*)

Тут же из куста показалась мордочка лисенка. Мальчик протянул руку. В ней лежало приготовленное угощение – долька яблока. Лисенок осмелился подойти ближе, рассмат-

ривая лакомство в руке Арташеса. Любознательный рыжий зверек с большими ушами, удлиненной мордочкой и пушистым хвостом взял угощение, стал его грызть и разрешил мальчику себя погладить. Уже давно между ребенком и животным сложились доверительные отношения, и Арташес не упускал случая принести лесному другу то грушу, то яблоко, а то и куриные потроха. Арташес решил поиграть с ним и стал бросать в траву мячик из ивовых прутьев, а лисенок бегал, искал мяч и приносил его мальчику.

– Арташес, что ты делаешь?! – вдруг раздался грозный крик наставника. – Лис может укусить тебя!

Мальчик обернулся. К нему приближались наставник и телохранитель. Последний, раскрутив над головой пращу, выпустил камень в лисенка. Промаях! Лисенок тьякнул, развернулся и побежал в чащу леса. Арташес закричал:

– Кяж! Стой, Кяж!

Взрослые уже были рядом. Вдруг мальчик сорвался и побежал за лисенком.

– Арташес, стой! – кричал наставник, пустившись вслед за ребенком. – В лесу опасно, стой!

Но мальчик ничего не слышал. Он бежал с одной мыслью: друга обидели и надо спасти его. На пути внезапно выросла торчащая из земли, точно зуб, желто-коричневая скала, в которую лисенок нырнул и... исчез. Арташес, не разбирая дороги, врезался в скалу и тоже исчез. Подбежали мужчины. Они только что ясно видели мальчика у скалы, а теперь его

нет! Обежав скалу несколько раз и поняв, что царский внук пропал, наставник и телохранитель разделились и в панике побежали искать беглеца.

Как часто взрослые не дают детям жить в гармонии с природой, наслаждаться тем, что их окружает! Зрелые люди норовят все испортить, а когда разрушат, ищут утешение в оправдании: «Я же хотел как лучше!»

...Скала представляла собою портал, разрыв в пространстве-времени, случайно выстроенный побочным эффектом действия магического зеркала перемещений. Портал направлял людей и предметы в тайный подземный зал арташатского дворца. Мрачное помещение этого зала освещали четыре масляных светильника, и отблески пламени отражались в отполированном до идеального блеска большом железном зеркале в золотой раме с надписями и заклинаниями (их мог читать только посвященный). Блики от зеркала падали на массивную деревянную подставку со старинной книгой. Магическое зеркало могло перемещать предметы и человека в некоторые географические точки, но так как люди не всегда возвращались обратно, им пользовались редко.

Оказавшись в этом зале, лисенок, покружив, сел и посмотрел на мальчика, а Арташес, испуганный и растерянный, с опаской ходил по подземному помещению и наконец остановился у зеркала. Посмотрев на свое и лисенка отражение, направился к постаменту с толстой книгой в твердой обложке из телячьей кожи. Открыв ее, прочитал написан-

ное черными чернилами по пергаменту: «Пусть придет яркий свет и мощная энергия. Крылами махни и перенеси туда, где цветет жасмин. Тело же сохрани и убереги. Да будет так!»

– Книга заклинаний! – вскричал мальчик.

Об этой книге он знал от матери. Она, рассказывая сказки, наполненные символическим тайным смыслом, приключениями и волшебством, поведала о чудесной книге. Вдруг послышались какие-то звуки и скрежет железа: открывалась потайная дверь. Арташес, схватив лисенка, затаился в темном углу, а в помещение вошли Евсевий и Артавазд, отец мальчика.

– Дорогой Артавазд, – говорил мудрец Евсевий, – тебе предстоит дальнейшее путешествие. Это магическое зеркало, изменяющее положение объекта, переместит тебя в иную географическую точку – город Птолемаиду. Все готово для путешествия. Для безопасности и успешного выполнения миссии я дам тебе несколько магических предметов. Вот Таблица судеб, – старец протянул царевичу небольшую кожаную сумку на ремне.

Все правители мира знали о существовании Таблицы судеб и охотились за ней. Этот артефакт стал одной из причин, по которой римский главнокомандующий Лукулл, вопреки воле сената, двинул римские войска на Армению, не понимая, что боги не допустят нарушения равновесия, сложившегося в мире. Добившись мелких успехов, Лукулл, ярый

сторонник республики, в глобальном плане проиграл и, сам того не желая, подтолкнул республиканский строй в Риме к полному развалу, приходу тирана и возникновению империи.

Таблица судеб была дарована богами Вавилону, который они сделали своими вратами. Через них они вступали в земной мир, сообщая о своем присутствии. Вавилон – врата бога, а Вавилонская башня – храм краеугольного камня неба и земли. На таблице стоит личная печать верховного бога, а владение этой вещью дает возможность понять божественные замыслы: человек узнает не только свою судьбу, но и получает власть над решениями богов.

– Смотри! – воскликнул Евсевий.

Он достал из сумки гладко отшлифованную пластину темно-серого цвета. Та блестела и переливалась в тусклом свете светильников. Артавазд, плененный необычной вещью, неотрывно смотрел на таблицу.

В темном углу, удерживая в руках лисенка, сидел никем не замеченный Арташес, удивляясь услышанному, и его сердце так учащенно билось, что, казалось, этот стук сейчас услышит отец.

– Таблица заговорит в самом почитаемом храме богини Ташмету – Храме судеб, что находится в Птолемаиде, и поведаст твою судьбу, – продолжал Евсевий.

В этом храме царь Армении Тигран II действительно получил предсказание. Только он один из всех владык мира су-

мел найти Таблицу, исчезнувшую после разрушения Вавилона, и та «заговорила».

– Через несколько минут магическое зеркало перенесет тебя в Птолемаиду. Запомни: дом рядом с тремя пальмами – твой портал обратного перемещения.

– Дорогой Евсевий, учитель, я должен это сделать, чтобы заслужить уважение окружающих, приобрести чувство собственного достоинства и превзойти себя.

Положив Таблицу в сумку и передав ее Артавазду, Евсевий продолжил:

– Вот амулет, – он повесил на шею царевича агатовую гемму на кожаном шнурке, изображающую оленя с орлом на спине. – Амулет откроет тебе двери храма и даст знак богине говорить с тобой. – Нашупав в кармане перстень, достал его: – Дракони́й перстень! Он наделит тебя такой энергией, что любая непосильная задача станет легкой. Одно плохо: нельзя долго носить, превращаешься в раба перстня, попадаешь в бездну разбитых ожиданий и в приступе ярости находишь свою погибель.

Артавазд взял перстень, поднес к глазам. Красный камень цвета тлеющих углей будто подмигивал ему.

– Надевай на палец, времени мало... Есть кое-что еще...

Евсевий протягивал цилиндрическую печать из зеленого камня.

– Твой меч, конечно, сильное оружие, но я думаю, тебя могут поджидать темные силы. Для разрушения злых чар ис-

пользуй эту печать. Поверти ее в руках, приговаривая: «О колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!»

– Спасибо, учитель, я запомнил! – Артавазд положил печать в карман хитона.

Евсевий подошел к массивной подставке с книгой, полистал плотно исписанные пергаментные листы и, найдя нужное заклинание, прочитал:

– Пусть придет солнечный свет и озарит необозримое пространство. Крылами махни и перенеси туда, где три пальмы растут. Тело же сохрани и убереги. Да будет так!

Зеркало помутнело, затем возник металлический блеск, и пробежали молнии. Поверхность зеркала волнообразно заколыхалась с переливами от серебристого до белого цвета, создавая завораживающее сияние. Евсевий обернулся и махнул рукой. Артавазд протянул руку. Сначала в металл вошла его ладонь, потом рука, нога, а затем царевич смело ворвался в пространство новой реальности.

Вдруг лисенок вырвался из рук мальчика, подбежал к зеркалу и прыгнул в колышущееся серебристо-облачное окно.

– Кяж! – закричал мальчик, выбегая из своего убежища и, не задумываясь, нырнул в зеркало.

Евсевий от удивления всплеснул руками, оступился и рухнул на постамент с книгой. Грохот, шум от падения книги и деревянной подставки, крик мудреца... Придя в себя, Евсевий поднялся и побежал к царю, а магическое зеркало, по-

следний раз эффектно сверкнув, вновь стало отполированной до идеального блеска большой железной поверхностью в золотой раме.

Глава 4. Магия зеленого колдуна

Город Птолемаида, что на берегу Средиземного моря, до появления в Сирии Птолемеев звался Акко и было ему более двух тысяч лет. Цари Египта, зная о тайне города и особенно о чудесном храме богини Ташмету, не только переименовали город, но и неизменно получали в небольшом храме с портиком и колоннами божественные прорицания – например на удачные завоевательные походы или морские путешествия. И все предсказания богини сбывались, отчего Ташмету стала очень популярна на всем Средиземноморье. Богиню так почитали, что повсеместно возводили храмы в ее честь. Но только в Храме судеб Птолемаиды могла заговорить Таблица судеб – удивительный предмет, пластина величиной в две ладони, подаренная богами Вавилону, а теперь лежащая в кожаной сумке Артавазда.

На белой стене небольшого одноэтажного дома, рядом с которым росли три пальмы, сначала показался неясный силуэт человека, а затем из нее шагнул на каменную мостовую царевич Артавазд. Осмотревшись, он медленно направился к храму напротив. Сзади послышался звук, Артавазд обернулся и, к своему удивлению, увидел рыжего лисенка, а вслед за ним на камни дороги вывалился его сын Арташес.

– Арташес, что ты здесь делаешь?! Как сюда попал? – громким шепотом произнес потрясенный Артавазд.

– Отец, я погнался за лисенком...

– Впрочем, неважно, у нас мало времени, пойдём со мной!

Они пересекли улицу и, войдя за ограду, поднялись по ступеням храма, оказавшись у двустворчатой двери. Артавазд потянул ручки створок на себя, те со скрипом открылись, и, как только царевич с сыном шагнули в полутемное святилище, перед ними вырос жрец, тощий служитель бога с длинными жидкими волосами и злыми глазами, в белой хламиде и белых сандалиях, с оливковым, увитым лентой цвета финика, венком на голове.

– Этот храм неприкосновенный! Никто, кроме жрецов и царственных особ, не может входить сюда! – закричал жрец, преграждая дорогу. – Помолитесь снаружи!

– Перед тобой царственная особа. Я Артавазд, сын царя Великой Армении и Сирии Тиграна II, а это мой сын Арташес.

Жрец перевел взгляд с царевича на мальчика, потом на лисенка в руках парнишки.

– А лис тоже царственная особа? – невозмутимо спросил служитель бога.

– Да, этот лисенок из царского питомника, сакральное животное, – невозмутимо заявил Артавазд.

Взглянув недоверчиво на мужчину, жрец спорить не стал, но спросил:

– Чем ты докажешь?

Артавазд достал висевший под одеждой на шее амулет –

агатовую гемму с изображением оленя, на спине которого сидел орел, и показал жрецу. Изменившись в лице, тот отступил, почтительно пропуская гостей. Артавазд с сыном прошли в святилище. В центре зала на пьедестале стояла статуя божества. Каменные стены святилища, прочные и толстые, надежно защищали святыню от случайного прикосновения, воровства или даже любопытного взгляда. Освещение – солнечный луч, падающий на статую через решетку над дверью, – давало возможность увидеть, что помещение богато украшено: в нишах стояло много золотых и серебряных сосудов, стены ярко раскрашены фресками, по углам размещались изящные скульптуры и масса храмовой утвари; на алтаре в большом бронзовом жертвеннике курился фимиам.

Артавазд сразу почувствовал присутствие божественных сил. На него с высокого постамента смотрела раскрашенная бронзовая статуя работы Праксителя. Одни в ней узнавали аккадскую Ташмету, другие греческую Артемиду, третьи шумерскую Нанайю, а кто-то армянскую Анаит. Артавазд заволновался: богиня, сошедшая с небес, сейчас предскажет ему судьбу! Из состояния сильного душевного волнения его вывел служитель храма:

– Мы, жрецы, осведомлены, что определенный статус может быть только унаследован по крови, но никак не приобретен. Если ты действительно сын царя Великой Армении, ты получишь предсказание. Обряд требует принесения богине в жертву золота.

Артавазд достал кожаный кошель с золотыми монетами и положил на алтарь. На пальце его руки сверкнул Драконий перстень, привлечший внимание жреца. Камень перстня переливался цветами от розового до бордового. Со служителем стало происходить нечто странное: его объял ужас, он затрясся, тыкал трясущейся рукой в грудь царевичу, силясь что-то произнести, но слова застряли у него в горле. Наконец овладев собой, жрец произнес дрогнувшим голосом:

– Дай мне то, что нужно богине.

Артавазд передал ему агатовую гемму. Перепуганный жрец, положив амулет у ног бронзовой статуи, бросил в жертвенник для воскурений кусочек ладана и торопливо ушел. Струйка ароматного дыма поползла вверх: царевич почувствовал тягучий сладковатый запах, вызывающий умиротворение и необычную легкость в теле.

– Папа, что ты собираешься делать? – спросил мальчик.

– Сын, – Артавазд положил руку на плечо Арташеса, – я буду царем, носителем благополучия Армении, а чтобы уверенно влиять на государственные дела, должен узнать предначертанную мне судьбу.

– И богиня откроет судьбу? – скосив глаза на статую, недоверчиво спросил Арташес.

– Надеюсь, сын. Ну что ж начнем.

Царевич подошел к бронзовому изваянию и достал из сумки мистическую пластину. По ней внезапно побежали завораживающие своей красотой бело-голубые световые раз-

ряды. Раздалось потрескивание, печать в углу Таблицы судеб тускло загорелась рубиновым огнем. Артавазд, не раздумывая, приложил пластину к груди, как наставлял отец, и вдруг она ярко засияла. Сильное лазоревое свечение сделало помещение храма таким же светлым, как в яркий солнечный день. Подняв таблицу к глазам, царевич увидел надпись на греческом и торопливо прочитал пророчество вслух:

Цели заветной – власти верховной меж равных царей достигнешь;

Боги с лазурных небес наблюдают и нерешительность видят.

Рассудком твоим завладеет царица Востока, блудница мерзкая;

Власть серебром ограничит, игрушкою сделав; чарам поддавишься,

Голову потеряешь...

Потрясенный Артавазд, прочитав пророчество еще пару раз, опустил Таблицу и, взглянув на скульптуру, возблагодарил богиню:

– Богиня Ташмету, ты благожелательная и милосердная, ты послала мне предсказание богов, твои божественные лучи снизошли на меня, открыв истинное предназначение – быть царем царей. Но почему мое правление будет зависеть от женщины? В чем мое проклятие?

Царевич пристально смотрел на лик божества, но бронза оставалась холодной и неподвижной. Ни знака, ни звука, ничего... Артавазд, в отчаянии опустив руки, посмотрел на сына.

– Моя судьба, что бы ни открыли сейчас боги, в моих руках. Так учил отец, а его уроки я хорошо усвоил.

– Странное предсказание, – проговорил мальчик, – я ничего не понял.

Царевич горько пошутил:

– Избежать недальновидных шагов просто: всего лишь нужно знать судьбу и предвидеть ход истории.

Свечение прекратилось. Артавазд в некоторой задумчивости стал укладывать волшебный предмет в сумку, как скрипнула дверь. В святилище раздались гулкие шаги. Резко обернувшись, наследник престола увидел человека лет двадцати в синем хитоне и пурпурном плаще. На его златокудрой голове с короткой стрижкой лесенкой красовался веночек из золотых дубовых листьев. Такой носили только цари. На шее вошедшего на золотая цепи висел странный амулет, на поясе меч с красным опалом в рукояти. Пришедший злобым взглядом буравил Артавазда, не произнося ни слова. Юный Артасес, держащий в руках лисенка, вздрогнул, ощутив и у зверька учащенное сердцебиение.

– Ты кто? – громко спросил Артавазд. – В такой величественной одежде может появиться только царственная особа.

– Я тот, кого ты меньше всего желал бы видеть, – наконец отчетливо произнес юноша с венком на голове. – Твой отец, царь Тигран, сделал все, чтобы лишить меня трона, отобрать сокровища, изгнать из царства, а мою бедную мать казнил лишь за то, что она была предана сирийскому народу и делала добро людям.

– Ты Антиох XIII, а твоя мать царица Сирии Селена... Та, что убила пять мужей, в том числе и твоего отца.

– Моя мать святая женщина, она боролась за себя и любимую страну до последнего вздоха!

– Зачем же она завещала Риму любимую Сирию, забыв упомянуть в завещании собственного сына?

– Это неважно. Важно другое: я хочу, а главное могу вернуть себе все.

– Ты и твоя мать довели Сирию до полного развала, и только царь Тигран принес стране успокоение и процветание. По части заговоров, убийств и мятежей ваша семейка уникальна, таких на Востоке больше не сыщешь.

– Моя мать оказалась недальновидной, но я не упущу свой шанс. Эта гемма, та, с оленем, что лежит у ног богини, – в глазах Антиоха сверкнули красные огоньки, – принадлежала ей. Я хочу забрать амулет.

Артавазд с насмешливой улыбкой на устах взял гемму с постамента и повесил себе на шею.

– Попробуй возьми, – невозмутимо сказал он.

Антиох с кривой гримасой стал приближаться:

– Придется нам с тобой спор решить наедине. Незачем простолоюдинам осквернять жилище почитаемой мной богини. Но за оградой храма стоят мои люди, и просто так отсюда тебе не уйти. Хотя, я и один справлюсь.

– Не надейся! – крикнул Артавазд. – Богиня поведала мне судьбу: жить мне еще долго.

– Как я сразу не догадался?! При тебе Таблица судеб... Вот это удача! Она лежит в той сумке, что на плече, не так ли?

Мальчик, держа лисенка, весь съежился, а его отец, убедившись, что сын прячется за алтарем и пока вне опасности, достал из ножен булатный меч, способный как масло резать любые доспехи, и приготовился к бою. Антиох, обнажив свой дамаский меч, сорвался с места и бросился на армянского царевича, обрушив первый удар. Меч остановил меч.

– Неплохо! – крикнул Антиох. – А как ты ответишь на это? – и нанес прямой укол.

Артавазд увернулся и сильным, размашистым движением попытался выбить оружие из рук сирийца, но не получилось. Оба соперника фехтовали уверенно, не суетясь, нанося удары, так и не достигавшие цели.

Юный Арташес, ошеломленный увиденным, поднялся и во все глаза следил за поединком. Отец, взломав защиту врага, нанес мощный и сметающий удар. Его противник не удержавшись, потерял равновесие и повалился на алтарь. Золотой веночек с головы свалился, прическа растрепалась, былой

лоск улетучился. Внезапно Антиох как ужаленный выпрямился и уставился на Драконий перстень на руке Артавазда. Сирийского властителя обуял панический страх, он застыл и не моргая смотрел на талисман: магический камень цвета крови намертво приковал его взор.

– Арташес, – закричал отец сыну, – возьми сумку с табличей! Если мне будет угрожать опасность или погибну, доставь ее дедушке!

– Папа, а если я не справлюсь?

– Верь в себя, сын, и все поверят в тебя!

В этот момент Антиох, преодолев минутную слабость, вернул себе способность двигаться. Он поднес к лицу висящий на груди могущественный амулет в виде соколиного глаза и, ощутив прилив сил, расправил плечи. Свирепо оскалившись, он встал на изготовку к бою.

Артавазд прошелся вокруг соперника:

– Мой Драконий перстень поколебал твою силу, Антиох. Мне говорили, что заветный талисман – защита от злобного демона. Так и есть.

Антиох с искривившимся лицом бросился в атаку. Артавазд ударом меча отбил меч противника, но, видя безумные глаза соперника, подумал: «Он явно сильный фехтовальщик. Неужели этот двадцатилетний парень подготовлен лучше меня?» В этот момент Антиох, применив обманный финт, развернулся и рукоятью меча ударил соперника в грудь. Удар был такой силы, что армянский царевич от-

летел к стене и рухнул. Пронесся воздушный вихрь, заметалось пламя в масляных светильниках, с грохотом посыпалась утварь храма.

Довольный Антиох закричал:

– Ты не знаешь с кем связался! Греки триста лет назад отвоевали Египет у персов. Не задавался вопросом, почему с тех пор египетские цари получают первенство во всех делах? Потому что они, как и я, и моя мать, и сестра – потомки знаменитой Арсиной!

Все знали феномен Арсиной II. Молодая гречанка вдруг удостоилась титула фараона и была обожествлена еще при жизни. Все просто: Арсиноя, убив мужа-фараона, стала женой бога. Она рожала детей от солнечного бога Гора, сына Осириса, правителя загробного мира.

Антиох XIII возглашал:

– Во мне течет кровь богов! Я олицетворение одновременно загробного мира и солнца, моя миссия – мстить за смерть Осириса!

Артавазд засмеялся:

– У Осириса, как известно, зеленое лицо, а ты пышешь здоровьем. Вон какой розовощекий!

Антиох не унимался:

– Я владыка небес, бог солнца, истинный фараон!..

– Полагаю, душа Осириса – птица Феникс – уже переселилась в тебя. Остается подождать, когда сторишь, – насмеялся Артавазд.

– Я заставлю всех признать меня единственным наследником Осириса! Я владыка Египта и Сирии! – кричал бывший царь.

– Ну-ка разведи руки в стороны, – потешался Артавазд, – чтобы походить на древний символ «Крылатое солнце»!

– Смеешься? Ты уже выдохся, а у меня есть то, что дает бесконечный запас энергии – глаз Гора. – Антиох прикоснулся к амулету Уаджет, висевшему на груди: – Тебе не победить!

Артавазд достал из кармана плаща зеленую печать:

– Эта вещица, возможно, разрешит спор.

Увидев цилиндрическую печать, сириец изменился в лице. Не успел он что-либо предпринять, как Артавазд, вложив меч в ножны, завертел цилиндр в ладонях, приговаривая: «О, колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть...»

Он не договорил. Антиох, запаниковав, схватил лежащий на алтаре кошель с золотом и запустил им в царевича, выбив печать из его рук. Каменная печать с грохотом покатилась по полу. Лисенок, сидевший на руках мальчика, вырвался и погнался за зеленым цилиндром. Схватив его в зубы, вернулся к Арташесу.

– Папа, печать у меня! – крикнул мальчик и, увидев, что внимание отца привлечено, бросил цилиндр отцу.

Поймав печать, Артавазд подбежал к алтарю – месту, где ритуалы, таинства и магия совершаются регулярно и влияют

на людей с особой силой, а Драконий перстень воздействует на врага мощнее. Антиох с обнаженным оружием обрушился на армянского царевича, но, попав под влияние перстня, опять застыл, оставшись стоять с занесенным мечом. Теперь Артавазду хватило времени произнести заклинание полностью. Перекатывая в ладонях зеленый цилиндр, он произносил:

– О, колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!

Златокудрый Антиох вдруг потерял ориентацию в пространстве и, уронив меч, стал вращаться, убыстряясь, а потом и вовсе повалился на пол. Его лицо позеленело, взгляд остекленел, тело приняло позу повиновения. Подошел царевич. Сорвав с шеи противника амулет Уаджет и положив себе в карман, он сказал:

– Все колдуны и маги поклоняются зелени.

Повернувшись к сыну, крикнул:

– Арташес, уходим! Осторожно, нас поджидают за дверью!

Выйдя из храма, Артавазд увидел десять головорезов, в нетерпении стоящих за оградой, опасющихся войти на освященную территории дома богини.

– Ну, если всех не уложу, жизнь отдам дорого. Арташес, попытаюсь их задержать. Прошмыгни между солдатами и беги к порталу. Понял?

– Да, отец!

Артавазд, обнажив меч, смело направился к группе солдат, демонстрирующих в грубой форме свое превосходство: сыпались угрозы и оскорбления. Напав первым, царевич сходу уложил самого крупного и стремительно атаковал следующего. Пытаясь мешать всем сразу и не давая возможности громилам напасть группой, он выказывал выучку и уверенность в собственных силах. Драконий перстень придавал ему неукротимую энергию, несгибаемое упорство, безудержную ярость и неистовую одержимость. Не ожидая от жертвы такого напора, солдаты растерялись, но все же перешли к атакующим действиям. Артавазд, оказавшись под градом ударов с разных сторон, умело маневрировал и сумел вывести из строя еще двоих.

Арташес, улучив момент, сорвался со ступеней храма и, выбежав за ограду, сломя голову помчался к дому с тремя пальмами. За ним бросился один из головорезов: догнал, сбил с ног, схватил и потащил обратно. Арташес вырывался, кричал. Внезапно к солдату подскочил лисенок. Хищник, обладающий быстрой реакцией и острыми зубами, подпрыгнул и больно укусил врага за палец. Солдат вскричал, отпустил мальчика, а тот, почувствовав свободу, что есть силы рванул к пальмам, лисенок за ним и, добежав до заветной стены, оба нырнули в портал. Через мгновение ни мальчика, ни лисенка уже не было. Подбежавший солдат тупо уставился в белую стену дома, не понимая куда мог деться малец.

Армянский царевич сражался как лев, сразив наповал

четверых, но преимущества пока не добился: еще шесть наемников теснили его. И вот, когда яростный обмен ударами достиг кульминации и казалось, что царевич уступит соперникам, со стороны дома с тремя пальмами чудесным образом появилась Калестрида – красивая, молодая, ослепительная, с волосами, отливающим в вечерних лучах солнца золотом, с повязкой вокруг головы, в легких доспехах, с широким поясом, без шлема, но с оружием в руках: меч-акинак и кинжал кама. Холодно и презрительно взглянув на головорезов, она вклинилась в схватку, нанося налетчикам колющие и рубящие удары. Артавазд с восхищением глянул на воительницу и, вдохновленный ее грациозными и точными движениями, сам стал энергичнее маневрировать. Число нападающих поредело. Калестрида, уверенно работая мечом и кинжалом, ловко вела сражение сразу с двумя громилами, и через мгновение оба оказались у ее ног. Она крикнула:

– Артавазд, царь Тигран прислал меня к тебе на выручку! Бьемся вместе!

– Я рад, Калестрида, – крикнул в ответ Артавазд, – работы хватает!

Артавазд, применив обманное движение, нанес смертельный укол наемнику в грудь, и тот, не успев закрыться, пал в бою. Калестрида фехтовала с детиной, превосходящим ее в росте и силе, но вдруг, нырнув под него, она вонзила свой меч в его промежность. Верзила, взревев, рухнул на землю. Двое оставшихся солдат, видя бесперспективность борьбы,

сочли разумным ретироваться с места боя.

Артавазд воскликнул:

– Ты управляешься с мечом и кинжалом как богиня, я восхищен! Не позавидуешь тому, кто захочет противостоять тебе один на один.

– Я пролила немало крови и потушила свет в глазах многих врагов, – сказала Калестрида, – но только сегодня получила истинное удовольствие, сражаясь на пару с умелым и бесстрашным воином.

– Говорят, женщины-воительницы не очень-то жалуют мужчин... – мягко сказал Артавазд, с симпатией глядя на амазонку.

– Я люблю то, что делаю, и ценю красоту поступка, – Калестрида, умело скрывая восторг, с уважением смотрела на мужчину.

– Делать здесь больше нечего. Пошли!

Они направились к дому с тремя пальмами, и один за другим шагнули в окно пространственного перехода – сначала женщина, потом мужчина.

Глава 5. Туманное пророчество

Царь, сидя в дубовом кресле, задумчиво смотрел на Артавазда. В зале заседаний дворца в Арташате он собрал советников, чтобы еще раз выслушать рассказ царевича о прорицании, а также о происшествии в Птолемаиде из ряда вон выходящее.

– Артавазд, – наконец сказал он, – ты избран богами. Смелые поступки – удел отважных, а бесстрашие есть господство силы духа над телом. Проявленная тобой в Птолемаиде доблесть достойна наивысшей награды – веры и любви окружающих. Поздравляю, сын!

– Спасибо, государь, – ответил на хвалебные слова царевич.

Тигран II, оглядев присутствующих, продолжил:

– Верховная власть – абсолютная, ничем не ограниченная, – конечно перейдет к моему сыну Артавазду, и это подтвердили боги в прорицании, полученном в Храме судеб. Я хочу, чтобы постичь смысл послания богов, услышать от моих советников толкование текста. Говорите!

В жестких креслах с высокими спинками полукругом напротив царя сидели верховный жрец Спандуни, греческие философы Метродор и Амфикрат, армянские мудрецы Евсевий и Айказ. Все посмотрели в сторону сына царя.

Встал и заговорил Спандуни, старейший из присутствующих.

щих:

– Государь! Мы готовы дать тебе совет, даже если он вызовет твое неудовольствие.

– Верховный жрец и вы, мои советники, – произнес царь, – я приму ваш совет. Говорите как есть!

Поднялся Евсевий, советник царя по мистике:

– В прорицании четко сказано: «Цели заветной – власти верховной меж равных царей достигнешь». Боги, несомненно, видят царем царей после тебя, государь, Артавазда. С выбором преемника, доказавшего, что он может вести народ за собой, ты не ошибся. Уверен, люди признают в нем представителя бога на земле.

Евсевий сел, поднялся Амфикрат:

– Твой поступок сообщает миру: в государстве есть законный наследник, способный обеспечить нации благоденствие, но... боги с лазурных небес наблюдают и нерешительность видят. Почему?

Царевич молчал, потупив голову. Встал Метродор:

– Артавазд, ты смелый и решительный воин, но, прости, я назову одну твою слабость: долго взвешиваешь доводы, риски и варианты. Принятие решения у тебя занимает много времени. Наверное, тому есть причины, например боязнь совершить ошибку. Но царю всю жизнь приходится думать за других. Победи нерешительность, смотри на картину жизни целиком, не говори «нужно», говори «могу», не бойся трудностей! А если ошибешься, не переживай, ищи выход из по-

ложения.

– Я запомню, учитель, – сказал Артавазд.

– Как же оказался в Птолемаиде Арташес? – спросил царь.

– Не знаю, отец.

– Он подвергался страшной опасности! Хорошо что все обошлось, – Тигран переживал случившееся. – Слава богу Арамазду, внутренний стержень у внука наш, Арташесидов! Дрался с наемником, говоришь? – улыбнулся Тигран.

– Да, государь. Вырвался и убежал, а в критический момент, когда Антиох выбил из моих рук зеленую печать, именно Арташес не растерялся, с помощью ручного лиса нашел ее и спас положение.

– Каков мой внук! Молодец!

Все заулыбались. Встал Айказ, молодой (по меркам философов), всего сорок лет, и сказал:

– Артавазд, ты сохранил в сложной жизненной ситуации душевное равновесие, проявил стойкость и волю. Я преклоняюсь перед тобой, но...

Присутствующие перестали улыбаться и внимательно посмотрели на Айказа, ученого, прошедшего полжизни в библиотеках, исследуя божественные пророчества. Предметом его поиска было постижение смысла, который таят предсказания, дабы избежать поворотов судьбы. Работал он тайно и о результатах докладывал только царю.

– Артавазд, – помедлив, продолжил Айказ, – боги через Таблицу судеб, поведав о твоём будущем, сказали: «Рас-

судком твоим завладеет царица Востока, блудница мерзкая; власть серебром ограничит, игрушкой сделав; чарам поддав- шись, голову потеряешь». Это меня настораживает. Что ты сам об этом думаешь?

– Айказ, я не понимаю... Какая царица Востока, что за серебро, почему я должен потерять голову?

Тигран проронил:

– Артавазд нежно любит свою жену Анаит, и, думаю, стра- стью к другой женщине не поглощен. Но все же... что может означать пророчество?

Айказ высказал предположение:

– Боги заложили глубинный смысл в пророчество, просто- му смертному понять не дано. Однако человек должен стре- миться к истине, какой бы безжалостной она ни оказалась.

Царь подтвердил:

– Да! И не только понять истину, но найти способ изме- нить судьбу.

Поддержал царя Спандуни:

– Найдешь истину – докажешь не только незыблемость бо- жественных прорицаний, но и получишь силу перед лицом безжалостного рока.

Царь встал, встали со своих мест и остальные. Тигран про- изнес:

– Мудрецы, я услышал что хотел. Советы мудрецов мо- гут не нравиться, но они нужны, чтобы не мучила совесть, а еще принять с облегчением тягостное решение или совер-

шить отчаянный поступок, о котором раньше и помыслить не мог. Все свободны! Артавазд и Евсевий, задержитесь.

Советники вышли. Царь, пройдя по залу гордой походкой, остановился у окна. Вид на гору Арарат не только успокаивал его, но и наводил на нужные мысли, открывая тайную суть замыслов богов. Повернувшись к Артавазду, он сказал:

– Сын, тебе придется отправиться в Египет – страну сколь чудесную, столь и опасную. Египет должен остаться в зоне моего влияния.

Сражаясь с Антиохом, Артавазд убедился в нечеловеческих способностях бывшего сирийского царя. Несомненно, в путешествии ему доведется встретиться с магией и сверхъестественными событиями. Задание отца требовало разобраться с какими силами столкнулись армяне. Нужно обязательно помочь Птолемею XII справиться с ситуацией, узнать кто жаждет его смещения, оценить шансы на дальнейшее успешное правление. Артавазд воин, и никто из посвященных в тайны древней страны не смог бы выполнить эту миссию лучше.

Царевич был воодушевлен:

– Отец, есть тайны, которые следует раскрыть, так как они отравляют жизнь друзьям, а врагам дают повод навредить. С нетерпением жду отбытия.

– Выясни кто такой Вельзевул и что он задумал, – сказал царь. – Вместе с тобой в Египет отправится Калестрида.

– Амазонка? Но зачем?

– Она будет охранять и защищать тебя. Кроме того, она знает Вельзевула в лицо и укажет на него.

– Я и сам справился бы с задачей. Прорицание ясно говорит...

– Она воин, хорошо владеет оружием, да и мне будет спокойнее. Пусть Вельзевул своим беспокойством выдаст откуда тянутся нити заговора.

Мудрец Евсевий, лукаво посмотрев на царевича, сказал:

– Хорошо бы обнаружить тайник бога Тота и Свиток творца. Но вот что меня волнует: готов ли ты к путешествию?

– Готов, учитель.

– Помни: Египет – единственная в мире страна, устремленная не только в будущее, но и в прошлое. Глубокое знание истории позволяет избежать гибельных последствий судьбы.

– Я читал рукописи по истории Египта.

– А вот мы сейчас проверим! – хихикнул мудрец. – Скажи, почему, проиграв сражение с врагами, египетские цари приказывали писать на стенах храмов «сражение выиграно»?

Артавазд задумался, потом ответил:

– Думаю, они мнили себя богами, а боги не могут ни в чем потерпеть неудачу.

– Верно! – Мудрец, прищурившись, задал следующий вопрос: – Скажи, в чем главный секрет величия и могущества египетских царей?

Царевич не знал. На помощь пришел царь:

– Сын, главный секрет величия и могущества заключается не в способностях царя Египта, а в умении объединить усилия большого числа людей для решения наиважнейшей задачи. Например возвести небывалую пирамиду.

– Да, отец, я запомню.

– Кстати, о пирамидах! – Евсей задал очередной вопрос: – Для чего фараоны строили пирамиды?

– Возможно, чтобы возвеличить царя... – царевич пытли-во смотрел на ученого: угадал ли?

– Не только.

Артавазд задумался, затем, глянув в окно на гору Арарат, воскликнул:

– Угодить богам!

– Да, царевич! Отношения с богами во все века строятся по принципу «ты мне, я тебе». Люди сооружают богам величественные храмы и огромные пирамиды, а боги дают людям разлив Нила и обильные урожаи. Так сказать, взаимобмен. – Наконец мудрец задал последний вопрос: – Кто в Египте сражается, но не побеждает, и сам не бывает побежден?

Сын царя, немного подумав, улыбнулся и произнес:

– В пустыне живут кочевники. Они слабы против армии фараона, но и армия не может с ними справиться в пустыне.

– Так, царевич! – Довольный Евсей обратился к Тиграну: – Он готов!

– Артавазд, – царь серьезно смотрел на сына, – готовься

переместиться в Египет и помни египетскую поговорку: «Если зло не исправить, оно удвоится». Мой совет: верь в себя, доверяй интуиции, действуй разумно и не ввязывайся в драку без необходимости.

В одной из комнат гарема арташатского дворца Седа, бывшая любимая наложница Тиграна, красивая и властная черноволосая армянка, сидела на диване и, положив голову сына на колени, расчесывала роскошные кудри юноши. Ее Аршам, внебрачный сын царя, атлетически сложенный и одного возраста с Артаваздом, не имел никаких прав на наследование трона. Его не отличали ни глубокий ум, ни быстрая сообразительность – только яркая внешность и веселая беспечность. Обучаясь вместе с другими сыновьями Тиграна II, он достиг великолепных показателей в верховой езде, стрельбе из лука и фехтовании на мечах. Всегда без утайки рассказывая матери о своих похождениях, Аршам ждал ее оценки этим поступкам, а она старалась внушить сыну: «Ты достоин большего, впереди необыкновенное будущее».

Седа была несчастна. Как известно, только брак приносит женщине радость: в нем она чувствует смысл жизни. Конечно, быть наложницей царя – великая честь, но зависть стала ее второй натурой. Под влиянием зависти появились раздражительность, несдержанность и беспокойство. Раньше она завидовала официальной жене армянского властителя Клеопатре Понтийской, ныне удаленной из дворца за измену и

попытку физического устранения монарха. Жена, стремившаяся к единоличной власти, теперь жила у брата в Боспорском царстве – подальше от гнева Тиграна.

Новым предметом зависти стала молодая наложница Аревик, самая красивая девушка гарема: длинные пышные каштановые волосы, пухлые губы, миндалевидные глаза, обаятельная улыбка, гордая осанка, тонкая талия и крутые бедра – всё сводило царя с ума. Тигран давно потерял интерес к Седе (ей было за сорок), и все свободное время проводил с молоденькой Аревик, видя в ней совершенное создание, почти богиню. Седа ненавидела Аревик.

– Ничего, сынок, придет время, и ты станешь великим. Вместе с тобой возвышусь и я, мой мальчик. Все в этом дворце будут внимать каждому моему слову, а тебя, самого одаренного и красивого, прославлять и уважать.

– Мама, я не чувствую удовлетворения жизнью. Хочу большего! Иногда представляю себя на месте Артавазда, и тогда страсть овладевает мной. Мне мерещится как все восхищаются моими достижениями, как царь дает самые важные поручения, как, преодолевая опасности, восхожу на вершину горы и разговариваю с богами...

– Аршам, сынок, все исполнится. Кому дозволено больше, тот сорвет с древа желаний самый спелый плод.

– Я каждый день посылаю мольбы богам. Не хочу подчиняться разуму, жажду возвыситься, преуспеть во всем.

Тщеславный юноша встал с дивана, нежно посмотрел на

мать и сказал:

– Мама, мне надо идти. Сегодня кабахи. Хочу выиграть, а заодно выведать у Артавазда, какое поручение дал ему царь. В последнее время он ходит задумчивый, отрешенный.

Кабахи – армянская конная национальная игра. Имитируя боевые действия вооруженных всадников, стрельба из лука по мишени со скачущей лошади, развивала меткость и двигательную координацию.

В галерее второго этажа дворца кто-то окликнул Аршаму. Обернувшись, он увидел у балюстрады Рипсимэ. Двадцатилетняя дочь садовника мечтала о жизни в дворце, заводила знакомства с сыновьями царедворцев, пыталась понравиться царским сыновьям. Тигран Младший, когда он еще не был изгнан из Армении, наигравшись с ней, бросил. Артавазд отверг ее притязания сразу, и вот Аршам... Свежая, изящная, раскованная, она слыла красавицей, умной и образованной девушкой; на нее заглядывались все парни в городе, но она остановила выбор на Аршаме. Вот и сейчас ее карие глаза загорелись, увидев предмет своего обожания. Очаровательная армянка Рипсимэ выглядела потрясающе: изящная фигура, белоснежная кожа, темные глаза, чувственный изгиб бровей, полные манящие губы, небесно-голубое одеяние и золотые украшения.

– А, Рипсимэ! Как поживаешь?

– Ты обещал прийти... Я напрасно прождала тебя вчера.

– Был занят... Вот сегодня кабахи. Собираюсь утереть нос зазнавшемся

Артавазду, – юноша был холоден.

– Страхусь признаться, но мое сердце изнывало от ожидания, – потупив взгляд, произнесла Рипсимэ.

Глубокое чувство привязанности затмевало ей глаза, сбивало с толку, заставляло сомневаться в обреченности отношений, но... постоянный праздник закончился. На лице Аршама никаких эмоций.

– Наши отношения – недостаточный повод для свадьбы. Лучше расстаться. Я сын царя, а ты дочь садовника и не пара мне, – Аршам отвел взгляд.

Тень пробежала по хорошенькому личику девушки. Мучаясь в неведении, она уже проплакала в подушку бессонную ночь, и вот сегодня ее пылкая любовь окончательно умирает... Аршам, давая понять, что их отношения угасли, бесстрастно говорил:

– В разлуке есть и привлекательные стороны: мы останемся друзьями, страсть время от времени может вспыхивать...

– Аршам, я познала любовь к тебе, а теперь, как раненая птица, бьюсь об стену твоего равнодушия, теша себя напрасными надеждами...

Боль расставания и горечь разлуки снедали бедную девушку. Взглянув безучастно на дочь садовника, Аршам вымолвил:

– Девушкам свойственно надеяться, но разумнее не предаваться отчаянию от беспомощности и тоски. Ты красива, все мужчины восторженно смотрят в твою сторону. Так пользуйся этим!

Юноши из знатных семейств считали честью и священным долгом службу в коннице царя, поэтому состязания типа кабахи и низаки-нетум (поражение цели на быстром аллуре копьем) проводились каждую неделю. Сегодня устроили армянскую конную игру кабахи. Темпераментная и азартная игра, развивающая меткость и глазомер, требовала на полном скаку с расстояния сто семьдесят шагов сбить с высокого столба чашу, кубок, тыкву или яблоко.

Состязания шли на поляне за городом. Слуги поставили тыквы на высокие столбы, и шестеро юношей из окружения царевича по команде, один за другим, на галопе метали копья. Двое не попали в цель и выбыли из борьбы. На следующем этапе метали дротики по глиняным чашам: еще двое выбыли из соревнований. Как всегда, лучшие результаты показали Артавазд и Аршам, они и продолжили борьбу.

– Что, Аршам? – кричал Артавазд, разгоряченный от схватки, гарцуя на своем скакуне. – Сейчас мы узнаем кто лучший в стрельбе из лука!

– Я стреляю из лука лучше тебя, Артавазд! – воскликнул Аршам. – Моя стрела всегда достигает цели, даже если та прячется или исчезает!

Нелегко, сидя на скачущей лошади, точно попасть в мишень, а в небольшое яблоко тем более. Артавазд изготовился к стрельбе, вставил стрелу хвостовиком в гнездо и с места поднял коня в галоп. Копыта бьют землю, всадник, растягивая лук, несется по дорожке, зрители кричат, эмоции захлестывают. Не изменило присутствие духа меткому стрелку и на этот раз. Вот он повернулся, коснулся тетивой подбородка, прицелился и выстрелил. Стрела точно поразила цель – прямо в яблочко!

С широкой улыбкой Аршам приблизился к царевичу:

– Говорят, хороший выстрел сражает наповал, как взгляд стреляющей глазками девушки, – в руках Аршам держал то самое яблоко, пронзенное стрелой.

– Что ж, теперь твоя очередь, Аршам, – улыбался Артавазд. – Удиви нас!

– Куда уж мне тягаться с великим Артаваздом! – шутил Аршам. – Хотя бы край яблочка задеть стрелой!

– Не скромничай, стреляешь ты отлично, – остывая от перипетий состязания, весело сказал царевич.

На резвом коне по команде судьи Аршам полетел по дорожке и, повернувшись к мишени, почти не прицеливаясь, выпустил стрелу. Все, затаив дыхание, наблюдали за ее полетом. Стрела, аккуратно срезав верхушку яблока, улетела далеко, а слуга, сняв половинку плода со столба, уже бежал к стрелку. Аршам подъехал к Артавазду и с притворным огорчением сказал:

– Как и говорил, сумел лишь задеть мишень...

– Выстрел великолепный! – восхищенно воскликнул царевич. – Ты достиг мастерства в стрельбе из лука, его не превзойти никому.

– Терпение, время, немного таланта – и успех обеспечен! – сын наложницы был польщен.

Когда юноши ехали к стойлу, Аршам как бы невзначай спросил:

– Последнее время ты очень задумчив. Царь дал тебе новое поручение?

– Да, друг. Придется выполнить сложное задание, полное опасностей и приключений. Но мне даже нравится рисковать жизнью: хочу испытать острые ощущения в далеком Египте...

– Египет?! – У Аршама загорелись глаза. – Артавазд, возьми меня с собой! Жизнь наполняется новым смыслом, если риск и опасность становятся обыденностью. Всегда мечтал испытать миг безграничных возможностей.

– Я хотел... – Артавазд растерянным взглядом смотрел на друга: – Свою жизнь могу доверить только тебе, единственному в мире, кто стреляет навскидку без промаха. Но царь приказал взять в телохранители амазонку.

– Что?! – Аршам был возмущен. – Всем известно, что в критической ситуации амазонки впадают в оцепенение: происходит либо всплеск агрессивности, либо упадок сил. Ей бы себя защитить.

– Царь другого мнения, он даже доверил ей охранять какой-то необыкновенный жезл. Намучаюсь я с ней. Еще вопрос кто кого будет охранять...

В покоях царевича его жена Анаит вся извелась: ее страшило неведомое поручение царя Артавазду в Египте.

– Дорогая, – говорил он, вернувшись с состязаний, – беспокоиться не о чем, я буду отсутствовать недолго. И знаешь кого царь приставил ко мне для охраны? Амазонку! Ту самую, что пыталась похитить бронзовый жезл с глазами.

– Эту ужасную силачку? Невероятно! Артавазд, она холодная, мужеподобная, безгрудая и воинственная; на уме лишь чужие мужчины, своих ведь нет!

Анаит охватило сложное чувство: страх потери мужа, недоверие к амазонке, желание удержать Артавазда подле себя любой ценой. Она помнила, как брат мужа,

Тигран Младший, волочился за любой красивой девушкой, бездумно бросая надоевшую любовь. Да и сам царь, отец Артавазда, не отличался постоянством. Она пыталась отбросить эти мысли, возникающие как реакция на собственное несовершенство, но сомнения в любви и верности мужа не оставляли ее. Тревожно-мнительный характер женщины явно преувеличивал опасность.

– Наши дети будут очень скучать по тебе. Арташесу уже восемь, он такой непоседа, мне будет трудно за ним сле-

дить. А Тигранчику только два года, он требует столько внимания... Я в растерянности...

Муж подошел к ней, обнял и поцеловал в губы:

– Анаит, милая, мне никто кроме тебя не нужен. Эта женщина тебе не соперница. Калестриду (так ее зовут) назначили телохранителем против моей воли. В храбрости ей не откажешь, она неплохо стреляет из лука, замечательно метает копье, отлично владеет острым топориком. Сразиться с ней в открытом бою боятся многие мужчины. Но разве она может сравниться с тобой!

– Мы десять лет вместе... – слова Анаит разносились эхом.

– Только ты мне нужна. Прошло десять лет, а я не перестаю восхищаться твоей красотой, мягким характером и живым умом. В моих глазах ты само совершенство.

Анаит нежно и с надеждой смотрела на мужа, и слезы выступили на ее глазах:

– Пусть только попробует тебя соблазнить, – голос ее звучал тихо. – Вырву ей все кудри...

Глава 6. Мистическая сущность государства

Рим – центр мира. В это верили римляне и заставили верить всех. Здесь сфокусировались энергии и силы, сделавшие Рим властителем могущества. Вот почему этот город мог позволить себе бурную и беззаботную жизнь. А грандиозные проекты – многоэтажные дома, небывалые акведуки, прекрасные дороги, помпезные храмы – стали важной частью величия республики, породившей созвездие богатейших людей мира, коими становились полководцы и консулы. Ведя непрерывные войны за пределами страны, они имели огромные армии и гораздо больше влияли на политику, чем сенат. Эти люди верили, что выполняют божественную миссию и что римляне имеют неоспоримое превосходство над другими народами – щадить покоренных, усмирять гордых. Вторгаться и наводить порядок – не только право Рима, но и обязанность.

С некоторых пор Римскую республику стал волновать Восток, и республика обратила жадный взор на Армению и Египет: требовались рабы, богатые трофеи, зерно, масло, вино, научные знания, а также непознанное, манящее великими тайнами.

От всех бед Рим охраняла священная статуя-оберег Пал-

ладий, изображающая Афину Палладу. Рим не мог пасть (так считалось), пока в стенах города находится эта небольшая деревянная фигура. Весталки (жрицы очага богини Весты), хранительницы, прятали Палладиум в сокровенном месте храма под каменным полом (там лежали и другие символы империи). Лишь главная жрица (верховная весталка), немолодая, статная и умная женщина, знала, что талисман ненастоящий, да к тому же сильно обгорел при пожаре. Подлинник же был у царя Тиграна в Великой Армении. Однако римляне свято верили, что сакральный предмет настоящий и он приносит им могущество, славу и счастье. Через четыреста лет, при императоре Константине, «талисман империи» был перенесен из Рима в Константинополь, где его захоронили под колонной Константина.

Храм Весты, как очаг государства, был особенно притягателен для политиков и полководцев, а для римлян он был центром Вселенной. Жрицы-весталки вшестером оказывали услуги: любой мог получить огонь для домашнего очага. Здесь же хранились завещания значимых персон Рима, и здесь могло снизойти божественное откровение на выдающихся лиц страны. Весталки отказывались вступать в брак и, сохраняя целомудрие на время своей тридцатилетней службы, посвящали жизнь соблюдению религиозных ритуалов и поддержанию священного огня в храме. Согласно мифу, однажды Веста во время прогулки уснула, и ее увидел бог плодородия Приам. Крик осла, разбудивший Весту, спас боги-

ню от посягательств Приама, и именно на этом месте – на римском форуме – и был построен круглый храм.

Сюда пришел Гней Помпей, завершивший блестящую операцию по очистке Средиземного моря от пиратов, досаждавших в течение многих лет Риму. Справившись с задачей всего за три месяца (с ней до этого никто справиться не мог), он готовился в новый поход (на Восток) и хотел испросить благословления богини. Лукулл с восточного театра военных действий был отозван сенатом, а народное собрание приняло закон о назначении новым главнокомандующим войсками Помпея. Цель – усмирить злодея Митридата и заставить армянского царя Тиграна уважать Рим. Закон устанавливал конец войны до полной победы над Митридатом или его смерти. Гней получил право набирать легионы и назначать по своему выбору легатов.

Вчера Помпей уже выслушал авгуров, истолковавших волю богов путем ауспий – гаданий по полету птиц, в основном ворон, – но остался неудовлетворенным. Провал и позор Лукулла, как бы это ни называли в Риме (порой факты неудачной армянской кампании просто замалчивали), сильно тревожили Помпея. Как человека, подверженного суевериям, эта мысль удерживала его от начала масштабной войны с Арменией. В смешанных чувствах военачальник искал решение.

Его встретила верховная жрица и подвела к священному огню:

– Здесь, в храме Весты, сосредоточены величайшие космические силы. Ты пришел посоветоваться о делах войны, и ты получишь божественное послание.

Как бы то ни было, а получение и толкование божественных посланий играло решающую роль в принятии решений. Помпей знал это и сразу почувствовал в храме прилив неведомой ему энергии.

Вошли пять молоденьких весталок. Одна из них произнесла:

– Мы, жрицы богини Весты, откроем тебе ее послание. Что тебя тревожит?

Помпей, посмотрев на девственно чистых весталок и сокровенный очаг Весты, задал вопрос:

– Как поступить с Арменией в ходе моего похода на Восток?

– Принеси жертву священному огню, и ты получишь откровение богини.

Жертвоприношение огню – это возлияние вина и масла. Помпею подали черный глиняный сосуд с ручкой и узким горлом, и он стал лить вино в огонь. Пламя поднялось ввысь. Он взял из рук весталки красный сосуд с маслом, и, как только масло попало в огонь, пламя ярко вспыхнуло, полетели искры. Помпей отшатнулся, но одна искра все же упала на его тогу.

– Божественное слияние! – воскликнула молодая жрица. – Богиня благоволит тебе.

Встав в круг, весталки посовещались, и одна из них произнесла:

– Только одна искра коснулась тебя. Этого недостаточно, чтобы провести успешный военный поход.

– Что?! Армения не покорится мне?

– Посоветуйся с другими богами.

Подавленный Помпей вышел из храма. Его обступили помощники и телохранители.

– Мне нужно получить пророчества других богов, – сердитым тоном сказал полководец и направился к зданию Регии, находящемуся напротив храма Весты.

Регия – бывшая резиденция царей Рима, а теперь местопребывание великого понтифика. Здесь хранились архивы, формулы всех молитв и клятв, исторические анналы, законы и магические предметы. Великий понтифик Метелл немедленно принял Помпея.

– Великий понтифик Рима, приветствую тебя! – по-военному громко сказал Помпей.

– Что привело столь блистательного полководца в дом Марса? – спросил понтифик, провожая его в зал, где происходят совещания коллегии понтификов. На Метелле была белая тога, на голове шапочка, на шее железный жертвенный нож на цепи – важнейший атрибут. Украшения зала – оружие, доспехи и снова оружие – блестели в лучах солнца, проникавших сквозь открытую дверь. Как только сели в обитые белой материей кресла, Помпей, посмотрев в глаза собесед-

нику, прямо спросил:

– Удачным ли будет мой поход в Армению?

Понтифик встал и, прогуливаясь по залу, поглаживая свой железный жертвенный нож, о чем-то думал, а потом начал говорить:

– Удача не ускользает от тех, кто готов схватить ее за хвост. Несомненно, доля удачи в твоей победе будет: римское оружие непобедимо.

– Это так, – сказал Помпей, – но все же?

– Я, великий понтифик Рима, провозглашаю: любая сила, вознамерившаяся воспрепятствовать тебе, обречена на провал. Более того, она будет уничтожена, поскольку то, что стоит на страже Рима, непобедимо и несокрушимо.

Помпей, гордо подняв голову, провозгласил древний вдохновляющий девиз:

– Непокоренный Рим!

– Да, Гней! И что бы ни случилось, – торжественно объявил понтифик, – Рим всегда будет возрождаться и укреплять свое могущество! Ты находишься под защитой римских богов, тебя ждет немеркнущая слава! Пойдем со мной, ты убедишься в правоте моих слов.

Помпей встал и последовал за разгоряченным понтификом. Пройдя внутренний дворик, вымощенный туфом, они оказались в святилище Марса. На стене висели двенадцать бронзовых щитов и копьё. Все щиты были выполнены в форме эллипса с выемками по бокам. Метелл тихо и торжественно

но сказал:

– Один из этих щитов Анкил. Укажи на щит Марса.

Анкил – легендарный щит бога Марса, упавший с неба при римском царе Нуме Помпилии ему в руки во время моровой язвы. Чудесное явление сопровождалось голосом, объявившим, что Рим будет владыкой мира, пока обладает этим щитом. Чтобы настоящий щит нельзя было отличить и украсть, царь распорядился сделать еще одиннадцать таких же.

Помпей растерялся. Все двенадцать щитов были одинаковыми, начищенными до блеска, и повторяли друг друга в мельчайших деталях.

– Ну смелее, Гней! – подбадривал понтифик, широко раскрыв глаза и жадно следя за действиями военачальника. – Прислушайся к своему сердцу. Если ты укажешь подлинный щит, дотронувшись до него, копьё Марса дрогнет.

Помпей прошелся вдоль стены со щитами, ничего не почувствовав. Оглянувшись, он ощутил некое притяжение и медленно приблизился к пятому слева доспеху. По щиту пробежала еле заметная искра, и Помпей, подняв руку, коснулся его. Копьё Марса внезапно дрогнуло, оба римлянина конвульсивно повернулись и уставились на оружие.

Изумленный Помпей выкрикнул:

– Невероятно, получилось!

– Гней, ты избран богом! – возвестил Метелл. – Ты указал верный щит! Бог Марс покровительствует тебе. Твоя победа

в войне с Арменией предрешена!

Помпей радостно воскликнул:

– Победа там, где согласие с богами!

Потом его чувства вдруг смешались. Погрустнев, он прищурился и, в свойственной ему манере ставить всех в тупик, жестко спросил:

– Почему же не получилось у Лукулла?

Понтифик смутился, не зная, что сказать, а потом выдал из себя:

– Возможно, в Армении скрывается магическая сущность, равная по силе римской. – Он пожал плечами: – Здесь есть о чем подумать.

Помпей сверлил его взглядом, а служитель бога, отведя в сторону глаза, произнес:

– Гней, вот что я тебе посоветую. В храме Юпитера на Капитолийском холме сегодня ночью ты можешь получить пророчество. Будешь спать под колоннадой храма и внимать откровениям вещего сна. Уверен, ответ на твой вопрос будет.

...В храме Юпитера, пророческом центре Рима, было тихо и безлюдно-зловеще. Храм предназначался для поклонения божественной триаде: Юпитеру, его жене Юноне

и дочери Минерве. После пожара храм недавно отстроили заново, и он выглядел совсем новым. Помпею стало не по себе, когда поздним вечером, в темноте, поднимаясь на

Капитолийский холм за человеком с фонарем, его стали терзать навязчивые мысли. Великий полководец хочет получить послание богов, чтобы понять, как поступить с Арменией – покорить мечом эту дикую, но богатую страну, взять ли хитростью или прельстить дружелюбием? Неясно, как поступить, с какой стороны подойти к проблеме. Несомненно, имелись высшие силы, оберегающие эту страну и не позволяющие римлянам поступить по общепринятой схеме: лишение независимости, порабощение, размытие культуры, религии и языка и наконец превращение в римскую провинцию, где права имеют только римские граждане, а остальные либо рабы, либо никто.

Храм Юпитера – символ власти, силы и бессмертия Рима – имел фасад с тремя рядами по шесть массивных колонн, подпирающих треугольный фронтоном со статуями волчицы и Юпитера, и в этом храме часто собирался сенат. Под сводами храма разнеслись гулкие шаги полководца по каменному полу. Подошел жрец, дал испить из золотой чаши священный напиток, указал место и ушел. Помпей расстелил плащ у одной из колонн и прилег, устремив взгляд на небо. Множество звезд представлялись ему серебряными гвоздями, вбитыми в небесный свод, и их мерцание доказывало бесконечную вечность.

Он уснул и увидел сон: царь Армении встает перед ним на колени и протягивает золотую диадему – символ власти. Также протягивая Помпею белую шерстяную ленту предво-

дителя нации, он говорит: «Мое царство у твоих ног, правь им!» А Помпей поднимает царя с колен и возвещает: «Я объявляю тебя другом и союзником римского народа! Продолжай править в интересах Рима и мира, и отныне мы с тобой вместе будем решать судьбу других государств!»

Глава 7. Тигран

II

и ход истории

По дорожкам сада царского дворца в Арташате торопливо семенил старик Вараздат. Мудрец, астроном и астролог в свои девяносто пять продолжал служить царю Тиграну II, как и его отцу. Прогнозы этого астролога Тигран ценил, и ученый, еженощно поднимаясь в обсерваторию на крыше дворца, чтобы по звездам читать небесную книгу, сообщал государю о надвигающихся событиях, предугадывал судьбу и Армении, и ее царя. Седовласый, с длинной бородой старик оставался энергичным, имел живую речь, сохраняя в голосе бодрый настрой. Он спешил к царю, находящемуся в этот час в беседке под сенью платанов, беседуя со своим младшим братом Гурасом, которому безмерно доверял.

Гурас по натуре философ, ученый и прирожденный дипломат. Ему уже исполнилось шестьдесят пять, но он полон сил, мужской красоты и обаяния, всегда чувствовал настроение и мысли царя лучше других.

– Ты много строишь, брат. В Арцахе заканчивают возведение еще одной столицы, названной тобою Тигранакерт, –

говорил Гурас.

– Строительство – это средство увековечить себя, дорогой брат, – сказал Тигран. – Наш дед Арташес I царствовал двадцать девять лет и, умирая, горестно заметил: «Увы, все на свете бренно». Пусть о моем правлении останется память – большие и красивые города.

Вокруг беседки раскинулся ухоженный и тенистый сад. В нем росли груши, гранаты, смоковницы, яблони, айва... Спрятанная от посторонних глаз густой и причудливо подстриженной изгородью беседка была украшена гирляндами цветов, а сверху свисала роза – знак «сказано под розой» (то есть все, о чем здесь говорят, должно сохраниться в тайне). Кругом благоухали цветы: прекрасные асфоделии и мускари, нежные фиалки и незабудки, красивые, но ядовитые дельфиниум и аконит.

– Гурас, посмотри!

Тигран сорвал лиловую фиалку, росшую рядом, и положил на мраморный стол. Царь в своем преклонном возрасте созерцал и любовался природой как высшим мерилom всех ценностей, жил в гармонии с ее ритмами. Гурас знал, что фиалка – самый почитаемый государем цветок. Ее яркие лепестки олицетворяли удивление, любопытство, любовь и скромность человека, творящего добро. У фиалки чудный, ни с чем не сравнимый запах.

Гурас, разглядывая цветок, поддержал лирическое настроение брата:

– Почитаемый мною Гомер писал, что греки воспринимают окружающую природу чувственно-эстетически...

– Эстетика греков в достижении гармонии во всех сферах жизни постепенно захватывает армян, – заметил царь.

Действительно, красивая скульптура, передовая философская мысль, уважительное отношение к природе нравились людям; они стали с удовольствием ходить в театр, читать рукописи и книги. Интересный факт: потребность в пергаменте в царстве росла с каждым годом, чего прежде не бывало.

В этот момент появился астролог.

– Государь, случилось невероятное! – сообщил запыхавшийся ученый.

– Вараздат, рад тебя видеть, – Тигран был удивлен. Астролога к нему допускали всегда без доклада.

Старик, еле отдышавшись, сел на мраморную скамью и в упор посмотрел на царя:

– Тигран, я каждую ночь слежу за небом, старясь предвидеть благополучные периоды или времена кризиса.

– Я знаю, Вараздат, и ценю это.

– Сегодня ночью я наблюдал то, что предвещает войну...

– Конечно, жизнь на земле течет по космическим правилам, но все же: что тебя так взволновало?

– Я видел летящий щит!

– Щит? В смысле военное снаряжение?

– Да, именно!

Тигран недоверчиво смотрел на астролога:

– Как он выглядел?

– Имел форму эллипса с выемками по бокам... Сверкая огнями, он летел высоко над рекой в сторону горы Арарат.

Тигран и Гурас переглянулись: не спятил ли старик?

– Что говорит наука по поводу таких явлений? – Тигран смерил мудреца пристальным взглядом.

– Такими явлениями боги дают предупреждение людям, – проговорил Вараздат с убитым видом и поднял голову к небу.

Предупреждения бывают разные: иногда с неба льется не только вода, но и кровь, появляются огненные кометы, полыхает ослепительное зарево, возникают блики света. Но полет доспеха над землей говорит о войне. Старик опустил голову, о чем-то задумавшись. Наступившую паузу прервал Тигран:

– Значит, боги посылают знак о предстоящем событии...

Почему щит, почему ты уверен, что грядет война?

Старик рассказал, что всю ночь и все утро в старинных манускриптах искал ответ на этот вопрос. В одном из них он нашел любопытную запись. С давних пор римляне имеют щит – подарок богов – в форме эллипса с выемками по бокам, способный отвращать беду от Рима, и делая его непобедимым.

Гурас удивился:

– Рим имеет такой мощный оберег?

Вараздат поведал братьям, что семьсот лет назад, когда

Римом еще правили цари, Нума Помпилий, очень мудрый царь, заслужил милость богов. Он запретил человеческие жертвоприношения и ни разу за сорок два года своего правления не развязал войну. Боги вознаградили его: с неба упал тот щит.

Гурас растерянно смотрел на Тиграна:

– Кто-то из богов предупреждает о грядущей опасности?

– Может предупреждает, а может пугает... – царь выглядел раздосадованным.

Весь мир знал, что армянское царство уникально с точки зрения своего расположения. Здесь, на Армянском нагорье, Тигран контролировал Запад и Восток. Кому-то это не нравилось, но страны Азии были заинтересованы, чтобы в Великой Армении были порядок и спокойствие. Благодаря этому конфликты гасли, не начавшись, а мир в Азии поддерживался твердой рукой.

– Брат, – негромко сказал Гурас, – прими как истину: Рим никогда не согласится с твоим доминированием в Азии, он сам хочет быть арбитром.

– Диалог цивилизаций не получается, – с сожалением констатировал Тигран. – Прошлая война привела к подрыву отношений двух стран.

Послевоенную ситуацию в Азии определяли две державы – Рим и Великая Армения, но через обе эти державы проходила ось конфронтации.

Дрогнувшим голосом Гурас произнес:

– Есть признаки, что противоречия обостряются. Сенат Рима, и тебе это хорошо известно, хочет вынудить нас пойти на уступки.

– Я не уступлю! – бросил царь.

– У них есть желание превратить Армению в вассальное государство.

– Это им не по зубам!

– Они предъявляют народу Рима фиктивные, ничем не подкрепленные доказательства твоей агрессивности.

– Мы упрочим безопасность своих рубежей, любого врага встретим во всеоружии.

Гурас, взбудораженный тяжелым разговором, еще минуту назад протекавшим в философско-лирическом тоне, видел, как изменилось настроение царя: его лицо горело желанием вступить в битву, сражаться и победить. Тиграна задело, что противник, получив несколько лет назад отпор (армия Лукулла была разбита и изгнана с армянской земли), вновь угрожает его стране.

– Но твоя экономика слабее римской. На Рим работает весь мир...

– Возможно, я потерплю поражение, но история стирает из памяти тех, кто перестает сражаться.

– Нестабильность твоих отношений с Римом навредят всей Азии...

– Битву нельзя выиграть без боя, справедливость не восторжествует без борьбы! – упрямо твердил Тигран.

– Да, брат, я такого же мнения, как и ты... – Гурас, смирившийся с мыслью о грядущей войне, расстроился. Возникла пауза, но внезапно он увидел, что по лицу царя пробежала загадочная улыбка.

Тигран уже подавил всплеск эмоций. Он ясно осознал, что могущественный Рим сильно встревожен ростом влияния его царства. На пороге новая война, но Армения осталась в одиночестве. Союзы с соседними Гордиеной, Атропатеной, Коммагеной и Адиабеной недолговечны: Рим найдет способ перетянуть эти страны на свою сторону. Египет и Сирия, контролируемые Тиграном, слабы. Пираты, скифы и албаны ненадежны. Понтийское и Парфянское царства ведут собственную игру. Шпионы доносили: римляне считают незаконным армянское завоевание Софены, Сирии, земель Киликии и Каппадокии. В римском сенате началась настоящая истерия по поводу Армении. Помпею отдали войну с Митридатом, явно подразумевая нападение на армянское царство. Тигран, поразмыслив, перестал сердиться и успокоился.

Подал глуховатый голос Вараздат:

– Безнадежно воевать с мельницей...

Забыв на время об астрологе, братья, встревоженные сообщением о полете щита и тревожными мыслями, враз повернули головы к нему. А старик, пытливо вглядываясь в их лица, продолжил:

– Кто ввязался в борьбу, из нее уже не выходит. Древние

мудрецы учили: «Оставьте ссору, пока она не разгорелась».

В сознании Тиграна крепко засела мысль, высказанная старцем. Взволнованный Гурас встал, прошелся в волнении по беседке и, обратившись к царю, сказал:

– Ты можешь разбить Помпея, но на смену ему тут же придет Цезарь или Красс с удвоенным войском.

Тигран, понимая правоту обоих, явно был раздосадован своим упорством. Брат еще не упомянул такой немаловажный фактор, как союз, заключенный Римом с Парфией: две сильные державы против Армении.

– Что ты предлагаешь, Гурас?

– У меня нет решения...

Оба точно знали, что на стороне римлян стоят очень мощные сакральные силы, вознесшие Рим на вершину власти над миром. В этом кроется причина непобедимости армии Рима, а также способность удерживать огромные территории в составе своей державы.

Старик Вараздат провидческим тоном произнес:

– На стороне Армении стоят божественные силы, помогающие нам выжить вот уже три тысячи лет. Но надежды на мирную жизнь рухнули. Мы снова на пороге войны.

Тигран смотрел на него и думал как поступить. Союз трех азиатских государств Армении, Понта и Парфии мог бы поставить Рим на колени, но разве можно договориться с теми, кто мечтает возвеличиться до уровня богов и повелевать миром? Ни понтийский царь Митридат VI, ни царь Парфии

Фраат III (оба узколобые догматики, политические слепцы) не готовы объединиться и отбросить эгоистические интересы. А для Помпея, Цезаря или Красса даже не важна страна, подвергнутая разграблению. Главное – возвыситься в Риме и доказать: я суровый и бескомпромиссный, первый среди равных, претендент на роль диктатора. А еще они все мечтают о заслугах, чтобы войти в историю.

Понимая, что базовый инстинкт римлян – грабить всех, кто слабее, и что создана мощная военная машина, противостоять которой Великая Армения сейчас не может, даже совместно с союзниками и вассалами, царь произнес:

– Мы должны не допустить, чтобы кто-то изменил нашу идентичность и замедлил развитие.

Гурас с воодушевлением подхватил:

– Да! И чтобы название нашей страны не исчезло из хроник истории!

Астролог пошутил:

– Боги, думаю, нам помогут, но как поступить, придется подумать самим.

Тигран встал. Собеседники подошли к нему, чтобы услышать главные слова.

– То, что я скажу, вам не понравится, – начал он, – но попробуйте понять. Мир меняется, мощь Рима растет, а силы государств эллинов угасают. Мы еще не окрепли после последней войны, союзники слабы и ненадежны, парфяне мечтают всадить нам нож в спину. Потерпеть поражение в вой-

не – катастрофа и начало развала страны. Я как царь должен прежде всего думать о безопасности государства, но мне семьдесят пять, вести войну, как раньше, не по силам, а мой сын Артавазд слишком молод и неопытен...

Вараздат, опустив глаза, проронил:

– У него нет твоей проницательности и дара предвидения.

Царь, тревожно взглянув на него, продолжил:

– Большая война, если она вспыхнет, станет трагедией, настоящим бедствием для страны и народа, пронесется вихрем смерти, опустошая земли и души людей. – Помолчав и подумав о чем-то, он сказал: – Я хочу оставить после себя сильное и процветающее государство... Мы не станем воевать.

Гурас всполошился:

– Как же так, брат? Рим растопчет нас!

Царь был тверд в своем решении:

– Помпей придет в Армению с огромным войском. Мы же, хоть и можем постоять за себя, воевать не станем!

Тигран многозначительно смотрел на собеседников: он уже решил как поступить. Во-первых, царь объявит Помпея победителем: пусть тешит себя иллюзиями собственного величия, претендуя на место диктатора Рима. Во-вторых, выплатит ему контрибуцию, те деньги, которые разожгут костер войны в Риме: покоритель Азии Помпей столкнется с завистью Красса и Цезаря, и в борьбе за первенство они поспорятся и погибнут.

В-третьих, наследник Артавазд успеет воспользоваться ситуацией, и тогда произойдет главное: у Армении будет достаточно времени вновь укрепиться и стать грозной силой.

Услышав решение властителя, Гурас поразился произошедшей с ним перемене:

– Ты хочешь отойти от дел? Ты не можешь! Нация сплотилась вокруг твоей фигуры. Почти все князья и простой народ тебя обожают, готовы терпеть лишения, пойдут за тобой в бой, на смерть...

– Хватит смертей! – резко сказал царь. – Рим, провоцируя вооруженные конфликты по всему миру, раздувает войны, организует мятежи, смещает законных правителей, все территории объявляет «зоной жизненных интересов». Этому нужно положить конец. Хочу даровать Великой Армении спокойствие...

Гурас горячился:

– Но Артавазд не сумеет сплотить нацию: твоего авторитета у него нет! Правители всех областей, недалёковидные князья и царедворцы начнут испытывать его на прочность, и еще неизвестно, чем закончится такой эксперимент.

– Он мой соправитель, я готовлю его к правлению, поручая самые сложные задания. На днях он убывает в Египет помочь Птолемею XII удержать власть, а может быть, вступить в борьбу с силами зла, стремящимися уничтожить мир. Надо побудить магию Египта встать на нашу сторону.

Вараздат деловито добавил:

– Твой сын должен приобрести силу и влияние, с ним должны считаться... Тигран, мы поможем ему.

– Да, Вараздат, именно так! – Тигран обратился к брату: – Гурас, пойми, римское вторжение неприемлемо: они идут, сметая все на своем пути, их цель – максимально ослабить и подорвать наши силы, посеять хаос. Мы остановим их, но не силой оружия: разрешим конфликтную ситуацию путем взаимных уступок... Ты со мной?

Гурас побледнел. Нахарары – главы аристократических родов – объявят царя трусом, начнут раздувать лживые слухи, организуют мятежи. Уже были открытые выступления против царя со стороны подкупленной Лукуллом части армянской знати, выразителем интересов которой являлся Тигран Младший, сын царя, ныне изгнанный из пределов государства. Многие крупные рабовладельцы недовольны правлением царя, запретившего заниматься ростовщичеством и превращать крестьян в рабов, а некоторые землевладельцы возмущены тем, что им не разрешают отбирать земли у крестьян-должников. Однако Гурас чувствовал, что царь смотрит далеко вперед. «Чутье никогда не подводило брата», – думал он. Даже нападение римских войск во главе с Лукуллом не поколебало ни его, ни страну, и нанесло больше моральный, чем материальный ущерб. Государь несомненно прав: стабильное развитие страны позволит преодолеть упадок хозяйства, провести реформы и, как результат, возродить былое величие, сравняться с Римом.

– Я с тобой, брат! – воскликнул он. – Что мне делать?

– Спасибо, Гурас. Ты переместишься в Рим с двумя задачами. Во-первых, убеди Цезаря взять деньги Птолемея XII – шесть тысяч талантов, – чтобы заставить сенат признать египетского царя законным правителем. Во-вторых, если почувствуешь, что Помпей готовит вторжение в Армению, объяви, что я готов заключить с Римом мирный договор на их условиях.

Шесть тысяч талантов – это сто пятьдесят пять тонн серебра.

– Что?! – воскликнул Гурас. – Он потребует не только контрибуцию, но также отказаться от территорий, завоеванные тобой. А это Сирия, Киликия и боги знают что еще!

– Я готов заплатить контрибуцию в десять тысяч талантов. Что касается Сирии... – Тигран горько посетовал: – Это плата за гордыню, мои просчеты в стратегии и неспособность вести современную войну... Присядем.

Собеседники сели за стол, Тигран хлопнул дважды в ладоши: появились виночерпий Вардгес с глиняным кувшином охлажденного вина и слуга с золотыми кубками. Разлили вино, искрившееся и переливавшееся всеми оттенками красного в лучах полуденного солнца, как та благоуханная роза, что свисала с потолка. Вардгес, испробовав из кубков вина (не отравлено ли), ушел со слугой.

Тигран произнес:

– Истина в вине, а здоровье в воде. Так, кажется, теперь

говорят... Давайте успокоимся и выпьем.

Они сидели в беседке и пили вино. Царь рассказал притчу. Однажды в древние времена царю Армении долго не удавалось принять решение, как войскам форсировать бурную реку Куру, чтобы разгромить большое и сильное скифское племя массагетов, периодически грабившее его страну. Он мог бы принять любой план, но ни один из них не решал задачу быстро и с наименьшими потерями. Чтобы проникнуть в суть тайны, он созвал в свой шатер генералов, напоил их вином и приказал придумывать варианты решения задачи. У пьяных генералов развязались языки, они раскрепостились и подали много идей, в том числе фантастических. Но вот встал старый седой доблестный воин и сказал:

– Надо массагетов сделать своими союзниками, заключить мир и выступить против общего врага – персов, а чтобы было взаимное доверие, совместно построить мост через Куру.

Царь получил лучшее решение.

Подняв кубок, Тигран провозгласил:

– Выпьем за ясность сознания, позволяющее под воздействием вина увидеть суть проблемы, потому что вино – напиток богов!

Посмеялись, лихо сдвинули кубки, расплескав напиток богов, и выпили. Вино имело отменный вкус и удивительным образом сняло раздражительность и напряжение. Все расслабились и успокоились.

Старик Вараздат сообщил, что каждый день во время обеда выпивает кубок красного вина, и поэтому бодр и свеж, хотя ему уже девяносто пять. На собственном опыте он вывел закономерность: кто умеренно пьет вино, тот счастлив, забывает о возрасте и всегда имеет ясные мысли. Излучая благодушное настроение, царь похвалил хорошее вино. Ведь оно у толкового человека пробуждает мудрость и желание, несмелого делает храбрым, а сомневающемуся позволяет взглянуть на вещи в другом свете.

В благодушный разговор внезапно вклинился погруженный в мысли о предстоящей миссии Гурас:

– Брат, скажи, как мне говорить с Помпеем?

Тигран спокойно ответил:

– Больше театральности, Гурас! Мне доносят, что Помпей суеверен, любит драматические эффекты. Обговори с ним церемонию моего прибытия в римский лагерь, да не забудь сказать, что я хочу именоваться другом и союзником римского народа.

Вараздат, лукаво посмотрев на братьев, воскликнул:

– Мне это нравится – переиграть противника! Армии, устремившись в бой, мирно разойдутся... Надо же!

Тигран ласково посмотрел на соратников:

– Нам потребуется мужество, чтобы избежать битвы и, навязав мир, победить противника. Всегда нужно помнить, что излишняя самонадеянность ведет к горькому разочарованию. Пусть Рим пока думает, что управляет Вселенной.

– Государь, – Гурас лукаво глянул на царя, – подарок тому, кто желает прийти на армянскую землю с мечом, я уже подготовил.

– О чем ты, Гурас? – спросил Тигран.

– О, ты забыл! Перстень духа Арарата!

Тигран вспомнил. На протяжении веков эта вещь не раз помогала победить противника. Того, кто носил Драконий перстень, дух священной горы Арарат наделял не только сильными страстями, но и сомнениями. Конечно, этот перстень заставит Помпея робеть, если полководец войдет в пределы царства, и даже чрезвычайно устрасит.

– Пусть будет так! – сказал царь. – Гурас, отвези перстень в Рим и подари Помпею!

А сам подумал, что, возможно, легенда и исторические анналы его библиотеки сообщают правду, и камень действительно является носителем магической силы. Боги Рима посылают на все страны кошмары, давая римлянам силу и неуязвимость, побуждают к новым грабежам и насилию, подталкивают в Армению. Пусть перстень с загадочным прошлым ослабит захватнический инстинкт Помпея.

Вараздат, радостный как дитя, распростер руки перед братьями:

– Вот и славно! Перстень духа Арарата захватит мысли и ум захватчика. Мир благо, война зло, победа горька, а слава мимолетна. Пусть воюют другие!

Тигран, обладавший в царстве не самым спокойным нра-

вом, вдруг умиротворенно рассмеялся:

– Я рад, что есть талисман, способный приносить удачу или охранять от неприятностей армянское царство.

Он собирался добавить, что с соратниками нашел верное решение: никогда не начинай войну, если есть хоть малейшая возможность поддержать мир, но увидел на дорожке, ведущей к беседке, свою любимицу Аревик и поспешно сказал:

– Ну, идите!

Мимо фонтанов и мраморных статуй по дорожкам сада шла наложница Аревик. Стройная, маняще красивая, в синих одеждах, с дорогими украшениями, она излучала солнечный свет. В руках женщина держала вербену – мелкие белые цветы. Увидев в хорошем расположении духа Тиграна, она просияла.

Царь встал, обнял и поцеловал ее в алые губы:

– Моя Аревик, моя любовь! Ты принесла мне траву любви, верно полагая, что я в гневе, ведь вербена гасит эмоции.

– Не только, Тигран. Эти цветы приводят в веселое расположение духа.

– Мы тут спорили с Гурасом и Вараздатом, но сейчас у меня хорошее настроение: я нашел верное решение.

Царь страстно любил Аревик. Ее томный взгляд обладал завораживающей и притягательной силой, яркая внешность приводила в восхищение, а свет внутренней красоты вызывал ощущение спокойствия и раскрытие непостижимой тайны.

– Я люблю тебя, Тигран, всем сердцем! – она с восхищением смотрела на царя.

А Тигран, вновь поцеловав ее, произнес:

– Моя любовь к тебе настолько сильна, что хочется просить у богов бессмертия, чтобы быть всегда рядом.

Аревик улыбнулась. Ее каштановые волосы, прическа, небольшая синяя шапочка и необыкновенные карие глаза, напоминающие миндаль, сводили его с ума. Глядя на этот эталон красоты, царь по-другому воспринимал мир.

– Когда ты улыбаешься, я понимаю ради чего живу... – Тигран каждый раз заново любовался этим совершенным произведением природы.

Аревик, как всегда смутившись, произнесла:

– Я тоскую, когда тебя нет рядом, но увидев вновь, испытываю неземной восторг... как от величия природы и солнца, и звезд на небе...

Царь вторил ей:

– Только с тобой ощущаю гармонию жизни: все приобретает равновесие и совершенство...

Аревик взяла Тиграна под руку, и парочка пошла гулять по дорожкам великолепного сада.

Глава 8. Во власти иллюзий

На другой день после прибытия в Рим Гурасу организовали встречу с Цезарем. В сопровождении свиты армянский дипломат двинулся в римский район Субура, где находился дом сенатора. Район, считавшийся предместьем Рима, находился недалеко от форума и имел репутацию неблагополучного, поэтому в свите были не только слуги, но и телохранители. Для переселения на престижный Палатинский холм Цезарю просто-напросто не хватало денег.

Входную деревянную дверь открыл слуга, проводивший Гураса в атрий с небольшим прудом в центре. Хозяин дома уже ждал:

– Гурас! – Юлий Цезарь расплылся в улыбке. – Когда приходит армянский друг, понимаешь, что дружба существует не только во имя благородных поступков, но даже делиться последним золотом. – Хозяин с удовольствием смотрел на небольшой сундук, который внесли и поставили у его ног.

Гурас поклонился:

– Твое расположение, Цезарь, ценно тем, что Армения получает советы дальновидного и мудрого государственного деятеля.

– Царь Тигран умеет сокрушать врагов, поэтому достоин моего уважения, – продолжал Цезарь. – В Риме не мешало бы установить монархию восточного типа, но без насилия.

– Цезарь, ты всегда почтительно отзываешься о моем царе. В знак глубокого уважения прими эти дары.

Гурас открыл сундук, и перед сенатором заблестели золотые и серебряные кубки и кувшины, чаши из горного хрусталя, кинжалы, ювелирные украшения и серебряные денарии.

– Золото – символ постоянства... – Цезарь с восхищением осматривал изделия и, взяв в руки золотой кувшин, сказал: – Какая изящная вещь! Жаль, что я почти не употребляю вина.

От Гураса не укрылась страсть хозяина дома к изысканности и стремление к роскоши, коих он был лишен. «Но все впереди, – подумал армянский гость, – он молод, ему около тридцати пяти, энергичен, честолюбив». А вслух мягко произнес:

– Золото является также символом богатства и власти...

Цезарь понял намек:

– Мой дом, конечно, не производит такого впечатления, но в будущем, после избрания великим понтификом, а я верю, это произойдет рано или поздно, я получу резиденцию от государства: перееду из Субуры в самый центр города. Знаешь, мой род Юлиев Цезарей находится в родстве с богиней Венерой...

– Прямой потомок богини? – бровь Гураса взлетела вверх. – Впрочем, я всегда подозревал твою исключительную значимость, так сказать, сакральное начало личности.

– Между прочим, по материнской линии в моем роду был сам Марс.

– Вот почему ты резко выделяешься среди людей, тебя окружающих! – воскликнул Гурас.

– Происхождение от богов накладывает большую ответственность...

Гурас почтительно поклонился:

– Цезарь, желаю тебе не только достойно служить своей родине, но и творить историю!

Появилась Помпея, молодая жена Цезаря, двадцати трех лет, красивая, с хорошей фигурой, темно-рыжими волосами и ярко-зелеными глазами. Гурас опять поклонился, а Цезарь сказал:

– Помпея, это наш гость с Востока, из Великой Армении, Гурас, брат царя. Посмотри только на эти великолепные предметы, которые он преподнес в дар! – Сенатор взял из сундука чашу и передал жене: – Такой роскошной чаши из горного хрусталя с отделкой золотом нет даже у Красса!

– Сказочно красива! – бросила Помпея. – Но годится разве что испить яду, – возвратив чашу мужу, она развернулась и ушла.

Недовольный ее поведением, Цезарь изменился в лице. Гурас, опустив глаза, подумал: особых чувств к жене сей муж не испытывает. Впрочем, все и так знали, что брак с родственницей Гнея Помпея был нужен Цезарю, чтобы сблизиться со знаменитым военачальником. Ходили слухи, что и сам Цезарь не был идеальным супругом, мол, падок на любовные утехы.

Прошли в таблиниум – главное помещение дома, где хозяин принимал гостей. Дверь таблиниума выходила в сад и была отворена, поэтому зелень и цветы, как картина в раме, украшали комнату. Любовь к природе – неперемнное качество римлянина, а тем более патриция, коим был Цезарь. Рабы унесли сундук с подарками, а Цезарь и гость, сев в кресла друг против друга, начали разговор.

Гурас смотрел на этого человека, утверждаясь во мнении: он не остановится ни перед чем, дабы достичь высот власти. Он умен, быстро реагирует на меняющиеся обстоятельства, желает сделать политическую карьеру, может манипулировать людьми, высокопарен, обладает живыми глазами, тщательно ухаживает за собой. Несомненно, диктаторскую власть в Риме захватит он.

– Юлий Цезарь, – сказал гость, – я прибыл просить тебя о помощи...

– Если ты о предстоящей войне на Востоке, порученную Помпею, то, увы, ничем помочь не смогу. Война дает право завоевателям диктовать покоренным любые условия.

– О, нет-нет! Честолюбие Гнея Помпея требует отдельной встречи с ним. Догадываюсь, как трудно будет смягчить участь будущей жертвы. Но он никого не принимает. Прошу тебя, организуй нашу с ним встречу!

– Я пожертвую своей репутацией, если буду просить за Армению.

– Чтобы все стороны почувствовали заинтересованность

в переговорах, – загадочно сказал Гурас, – нужно одно из двух: общую цель или выгоду для сторон.

Цезарь улыбнулся:

– Общая цель возникает в тайных союзах, а вот выгода дает преимущество, позволяющее великодушно делать добро.

– Деньги можно найти, если поискать... – Гурас многозначительно посмотрел на сенатора.

– Да, деньги мне сейчас нужны, – задумчиво произнес Цезарь. – В этом году я стал смотрителем Аппиевой дороги: придется ремонтировать за свой счет. Еще меня избрали курульным эдилом. Он, кроме всего прочего, организует в Риме праздники, игры и гладиаторские бои на собственные средства. Еще я раздаю хлеб беднякам... Приходится занимать крупные суммы у друзей и покровителей.

– Уверен, граждане Рима запомнят тебя надолго, – похвалил Гурас. – Цезарь, я знаю человека, готового заплатить крупную, очень крупную сумму за твое посредничество.

– И кто же это? – глаза сенатора загорелись.

– Египетский правитель Птолемей XII просит признать его как царя. Он хочет, чтобы легитимность его власти была одобрена Римом.

– Это сложный вопрос... В сенате поговаривают, что египетское царство должно отойти Римской республике по завещанию Птолемея XI, убитого в расцвете сил...

– Но мы-то знаем, что завещание подложное... – Гурас заговорщически посмотрел на хозяина дома.

– Люди охотнее верят тому, чему желают верить, – Цезарь смотрел в упор на гостя. – Говоришь, он готов заплатить крупную сумму?

– Очень крупную!

– Этот вопрос требует согласования с высокопоставленными людьми... – начал Цезарь, но Гурас его прервал:

– Птолемей готов заплатить достаточно... Риму выгоднее иметь независимое египетское царство, которым правят потомки Александра Македонского...

При упоминании этого имени Цезарь вздрогнул: он всегда ориентировался на этого завоевателя, управлявшего покоренными народами по рецепту персов. И даже обожествление своей персоны Гай Юлий проводил так же, как и его кумир Александр. Пару лет назад Цезарь посетил Египет и убедился, что власть древних фараонов и власть Александра Македонского покоилась на одном и том же принципе – божественном происхождении. Войдя в египетский храм и увидев статую Александра Великого, Цезарь поймал себя на мысли: «Он умер в тех же годах, что и я сейчас, но он покорил весь мир, а я не совершил ничего примечательного».

Сидя в кресле напротив армянского дипломата, сенатор подумал: «Придет время, и покорителем Египта стану я сам». А вслух сказал:

– Что ж, идея заманчивая, но ты же понимаешь, что без Помпея и Красса этот вопрос решить нельзя?

– Понимаю. Вы трое – это союз власти, денег и ума, –

улыбнулся Гурас.

Цезарь негромко сказал:

– И потом, я должен провести решение в сенате... О какой сумме идет речь?

– Шесть тысяч талантов!

Глаза сенатора округлились, лицо стало решительным, и он произнес свою любимую фразу:

– Великие дела надо совершать не раздумывая, чтобы мысль об опасности не ослабляла отвагу и быстроту.

Он встал и быстро заходил по комнате. «Артистично, талантливо!» – подумал Гурас, а Цезарь продолжал:

– Моему честолюбию льстит, что ты обратился с этим вопросом ко мне. Средства Птолемея решат все мои финансовые проблемы. Я берусь за это дело!

«Он с удивительным легкомыслием принял мое предложение. Такой человек действительно осуществит любые честолюбивые планы», – размышлял Гурас, а Цезарь пришел в возбужденное состояние:

– Я не терплю нерешительности! Все скрытое и непознанное порождает страх, поэтому нельзя долго обдумывать дело, надо за него браться сразу. Дорогой Гурас, обещаю: царь Птолемей XII станет другом римского народа, а тебе я устрою встречу с Помпеем.

Они расстались друзьями.

Цезарь, несомненно, умело манипулировал Помпеем. Не

прошло и трех дней, как армянский дипломат был приглашен в дом полководца. Солнце уже заходило, когда по узким улочкам города четверо рабов несли носилки с Гурасом, спускаясь с холма Эсквилин в низину, в район Карины, где жил Помпей. Их сопровождали двое телохранителей, и еще двое слуг несли небольшой сундук.

Проходя безымянный переулок, никто не заметил темные тени у забора: четверо разбойников внезапно напали на кортеж. Телохранители, обнажив кинжалы, вступили в схватку с двумя мужчинами, вооруженными длинными ножами. Еще два грабителя бросились к заветной цели – сундуку. Слуги дипломата, получив мощные удары – один в зубы, другой палкой по голове, – выпустили ношу из рук, и сундук немедленно исчез в темноте городских переулков. Рабы, небрежно поставив носилки на землю, разбежались. Сидящий внутри Гурас, откинув полог, вылез наружу и, выхватив из складок плаща маленький серебряный кинжал, приставил его к горлу одного из разбойников, а телохранитель еще и нацелил ему в глаз острый клинок. Преступник, сообразив, что сопротивление бесполезно, прекратил бой, бросил нож и поднял руки. Второй громила уже лежал на земле, не подавая признаков жизни. Вельможа подошел к упустившим золото слугам, сидевшим на земле, один держась за челюсть, другой за голову, с грустью посмотрел на них и изрек:

– Потеря золота еще не смерть, величайшая потеря в жизни – когда перестаешь верить в себя.

Из-за угла дома выглянули испуганные рабы. Убедившись, что армяне победили, они с опаской вернулись к носилкам, и кортеж дипломата двинулся в путь, пополнившись связанным разбойником.

Престижный район Карины, примыкавший к форуму, находился между холмами Оппий и Палатин. Двухэтажный дом Помпея был украшен рострами: после победы над пиратами сенат разрешил ему повесить на дом отпиленные носы кораблей.

Гней Помпей бушевал:

– Это возмутительно! Среди бела дня на улице Рима грабят дипломата! Сочувствую. Мне самому приходится ходить с охраной. Риму давно требуется сильная рука!

– Царь Тигран прислал тебе дары, но, увы, грабители их отняли, – как бы оправдываясь, произнес Гурас.

– С этим я разберусь, ведь у нас в руках их соучастник...

Помпей жил уединенно как частное лицо, в политические распри республики не вмешивался, но и не тратил время попусту – готовил поход на Восток, отменив все аудиенции. Столы в зале были завалены картами, письмами и списками, обстановка говорила, что хозяин дома ведет умеренный образ жизни и, как человек военный, не признает излишеств.

– Гурас, мы много раз встречались, и ты знаешь мою позицию: время гегемонии царя Тиграна в Азии прошло. Закат армянской державы близок...

– Гней, ты тоже должен осознать почему у Лукулла ниче-

го не получилось, – Гурас овладел собой и говорил уверенно: – Горная Армения – надежный оплот Тиграна, основа его успехов. Царь поднял и сплотил народы, племена, общины на борьбу с врагами. Боги Армении карают всех, кто нападает на нашу страну...

– Не обманывайся! – Помпей неторопливо ходил по залу. – Я натравлю на армян соседей, брошу семена ненависти, использую все для возбуждения смуты. Разделяй и властвуй!

– В Риме беспокойно... – гость решил напомнить «гостеприимному» хозяину дома, что в его стране сложилась непростая обстановка. – Гней, сенат, кажется, совсем не справляется со своими обязанностями, его действия могут привести к хаосу. – Сделав встревоженное лицо, Гурас патетически воскликнул: – Кто тот герой, который наведет порядок в Риме?!

– Рим на вершине своего величия! – возгласил Помпей, но тут же осекся: – Да, кое-кто призывает к анархии, кого-то обуяла алчность...

Гость беспристрастно добавил:

– Мятежи не прекращаются, особенно на окраинах державы...

– Что ты хочешь этим сказать? – полководец грозно смотрел на дипломата.

– Две великие страны могли бы жить в мире и дружбе, совместно установив новый мировой порядок: вы на Западе, мы на Востоке...

– Рим завоеует весь мир, – Помпей сурово смотрел на гостя, – и Армению в том числе, с ее богатствами и магическими штучками, которые искал Лукулл! Доходы республики в результате моих походов должны возрасти вдвое, поступление рабов и богатой добычи ожидается значительное.

– Даже самый удачливый завоеватель Александр Македонский не решился войти в Армению. Я слышал, ты любишь себя сравнивать с ним... – как бы между прочим напомнил Гурас.

Гней Помпей, сердясь, вновь зашумел:

– Мы обрушимся на Великую Армению с двух сторон – с запада и востока! Парфяне готовы вступить в войну, и Тиграну не устоять!

– Я бы не стал надеяться на парфянского царя Фраата III. Рим он ненавидит, союзник ненадежный, а завидев на поле боя армян, разворачивает армию и уходит.

Помпей внезапно успокоился, агрессивность снизилась и, внимательно взглянув в глаза дипломата, он предложил ему сесть. Слуга по имени Вириат, раб из Лузитании, подал вина, зажег масляные светильники. Дальше разговор протекал за столом в спокойном, даже дружеском тоне.

– Я никого сейчас не принимаю, так как идет большая подготовительная работа к военной кампании – скоро выступаю в поход. Однако Цезарю не смог отказать. Мы дружим. Цезарь – самый популярный среди городского плебса. Хочет консульства, и он его получит. Должен сказать, что этот че-

ловек столь же полезен, сколь и опасен, но мне импонирует.

– Мы на днях встречались, и он произвел на меня сильное впечатление. Он тот, кто хочет все и не остановится ни перед чем, – загадочно сказал Гурас.

Помпей внимательно посмотрел на собеседника:

– Полагаешь, мне нужен сильный успех, чтобы затмить Цезаря?

Гурас поймал себя на мысли: «Красс богат, Цезарь пользуется популярностью у простого народа, а что же Помпей? По всему видно, что политик он не выдающийся, красиво говорить не умеет и не хочет, но он вояка, его любят легионеры, умеет залезть в душу солдата. За военные успехи уже при жизни получил от сената титул «Великий».

– Я слышал, что народ восхваляет тебя, самого влиятельного человека в Риме, имеющего военный талант. Только у тебя и Красса есть собственные армии.

– Не хочу хвастать, – Помпей подобрел, – мне потребовалось всего три месяца, чтобы очистить море от пиратов...

Действительно, пиратство приобрело неслыханный размах, торговля упала, казна опустела, а народ Рима был доведен почти до голода. Помпей со своим флотом выловил все пиратские корабли, и судоходство сразу нормализовалось, снабжение столицы хлебом улучшилось. Гурас видел перед собой богатого сорокалетнего землевладельца с чертами лица волевого человека, полноватого, с толстым носом и маленькими глазками, бывшего консула, честолюбивого ари-

стократа, который в политике никогда не обнаруживал больших дарований. «Этот непобедимый герой непоследователен, высокомерен и нерешителен, – думал дипломат. – Тщеславный и недалновидный, но гордый, амбициозный и суеверный. Для него патриотизм, честь и верность не простые слова. Но он лицемер: тонко рассчитав свои действия, продаст друзей, а Цезаря в первую очередь».

– ...теперь моя цель Митридат, и я его одолею! – громко вещал Помпей.

– Не сомневаюсь, – спокойно сказал Гурас. – Армия хорошо оснащена и укомплектована: сокрушение Митридата предрешено.

– Я изменю карту Востока, – Помпей был горд собой. – Царь Тигран должен трепетать! Эллины, те что боятся Тиграна, получают мою защиту, парфяне воспрянут духом, народы Востока – горцы например – станут союзниками Рима...

– ...и добыча потечет в Римскую республику рекой... – сыронизировал дипломат.

Он слушал и думал: вслед за легионами в эти области и царства придут римские публиканы (им достанется земля и рудники) и откупщики (сборщики налогов), и начнется произвол, конфискации и злоупотребления.

Дрожащий свет масляных светильников отражался на лице полководца. Оно, казалось, приобрело мистические очертания. Помпей тяжелым, оценивающим взглядом посмотрел на дипломата:

– Ну и что предлагает твой царь?

«Этот римский герой, воспитанный в традиционном духе уважения к закону и религиозным установлениям, возжелал еще большей славы», – подумал Гурас и решил, что пришло время сказать главное:

– Тигран ищет мира...

– Я занимаю воинственную, но взвешенную позицию, – примирительно ответил Помпей, явно намекая, что война с Великой Арменией – крайнее дело. – Понимаешь, Гурас, Рим недоволен усилением Тиграна: его мощь и богатство угрожают римским провинциям в Азии и нашим союзникам.

– Ты великий полководец и выдающийся политик, – Гурас был вежлив. – Царь царей Тигран II предлагает заключить мирный договор на твоих условиях.

Помпей встал с кресла, явно взволнованный, но не удивленный. Гурас вдруг понял, что эта мысль приходила на ум полководцу. Таковы предначертания римских богов, и он в них уверовал. А хозяин дома, окрыленный заманчивой перспективой, стал ходить по залу и вдруг, резко остановившись, повернулся к гостю и решительно сказал:

– Я получил от сената право заключать мирные договоры на условиях, которые посчитаю нужными. Так вот, хочу сделать Великую Армению другом Рима, а, как известно, у наших друзей есть только одно обязательство: не помогать нашим врагам.

– Царь Тигран с благодарностью примет титул друга и со-

юзника...

– Вот мои условия: Великая Армения выплачивает Риму контрибуцию в шесть тысяч талантов. Все завоевания Тиграна являются слабостью римской восточной политики, поэтому ему придется отдать захваченные области в Каппадокии и Киликии.

– Царь Тигран выполнит эти условия, – Гурас встал и поклонился.

– ...Софена должна управляться зависимым от Рима царем... – продолжил Помпей.

– Но эта область давно находится в составе Великой Армении! – с негодованием воскликнул армянский дипломат.

– Твой царь захватил Софену и казнил ее законного правителя. Тот, как стало известно, завещал царство римскому народу... Это государство – хороший буфер между вами и римскими провинциями. У меня на примете есть подходящий кандидат на престол...

– В последнее время посмертные завещания в пользу Рима пишут цари Азии и Африки, один за другим...

– ...и Сирию!

– Как Сирию? – Гурас притворно негодовал.

– Скорблю, но Сирию я обещал Крассу. Он давно мечтает стать ее наместником. Я хочу сделать Рим властелином Средиземноморья.

– Это все?

– Да, все!

Гурас, сделав вид, что озадачен и потрясен, выждал театральную паузу и растерянно произнес:

– Гней Помпей, где состоится подписание мирного договора?

Помпей, довольный произведенным эффектом, триумфально прошелся по залу, поглядывая на дипломата, но было видно, что план заключения мирного договора в его голове созрел давно. Что ж, это Гураса вполне устраивало. Полководец взял топографическую карту, исполненную на пергаменте, разложил перед дипломатом и большим пальцем правой руки, на котором блеснул фамильный перстень-печатка, указал точку:

– Здесь!

В голове Гураса мелькнуло: «Большой палец вниз – и гладиатор умрет». Точка находилась рядом со столицей Великой Армении городом Арташатом, на берегу реки, напротив горы Арарат. Гурас поднял удивленный взгляд на военачальника.

– Так хочет Марс, – небрежно сказал римлянин.

Гость знал, что храм бога войны Марса стоял на Марсовом поле вне городских стен Рима, поскольку вооруженное войско не должно входить на территорию города. Именно на этом поле Помпей в ходе подготовки к походу проводил смотр войскам и в этом храме наверняка просил Марса быть его покровителем. «Полет щита над Арташатом неслучайность», – подумал Гурас.

– Как ты желаешь обставить церемонию? – осторожно спросил он.

Помпей поднял взгляд к потолку и изрек:

– Церемония прославит меня и войдет в анналы истории.

Далее он изложил, как царь Великой Армении прибудет в римский лагерь один, на белом коне, как спешится, отдаст префекту меч и пешком пойдет к шатру. Увидев Помпея, опустится на колени и, по азиатскому обычаю, снимет с головы и положит к ногам полководца диадему – главный символ власти царей Востока, а потом скажет: «Мое царство у твоих ног, правь им!» Помпей поднимет его с колен, вернет диадему и произнесет: «Объявляю тебя другом римского народа, продолжай править в интересах Рима и мира, вместе отныне будем решать судьбу других государств».

– Ну как? – римлянин был в ударе.

Гурас выглядел потрясенным. Придя в себя от этого театра, торопливо объявил:

– Конечно-конечно, только так и не иначе... Я донесу до царя Тиграна твои слова.

– Скажи ему, что в пределы Армянского царства со мной войдет огромная армия, – холодный взгляд Помпея устремился на растерянного гостя.

– Да, конечно! – дипломат поклонился. И тут, как бы что-то вспомнив, он сказал: – Не хочу уйти, не вручив подарка. Наша древняя традиция в гости без даров не ходить, – Гурас достал из кармана плаща перстень и положил на стол.

Золотой массивный перстень приковал внимание Помпея необыкновенной игрой цвета красного камня, напоминающего то тлеющие огоньки, то горячую кровь.

– Камень горит! – восхитился Помпей. – Блеск великолепный, цвет роскошный!

– Драконий перстень... Карбункул – царский камень. Если тебе подадут отравленное вино, камень станет зеленым. А еще он является носителем магической силы...

– Силы? – Помпей посмотрел на дипломата. – А власть?

– Обладатель этого старинного перстня, как гласит легенда, получает богатство, удачу и власть над людьми. Надень на палец, и ты почувствуешь неукротимую энергию, несгибаемое упорство и безудержную ярость. – Опытный дипломат разжигал желание собеседника владеть талисманом. – Говорят, он защищает от ранений и делает память цепкой. Носи на указательном пальце левой руки.

Помпей взял перстень и стал рассматривать прозрачный красный камень: из мрачных глубин глаз римлянина вырвались молнии, на лице отразились алчность и жажда власти. Полководец был доволен. Он неторопливо надел перстень на указательный палец левой руки и... вздрогнул. По телу пробежало тепло, в человека вселилась уверенность в своей исключительности. Это удивило Помпея. Он посмотрел на гостя, поблагодарив лишь глазами и улыбкой. Дар был принят с достоинством.

Глава 9. Мавзолей Александра

Александрия, столица птолемеевского Египта, была основана Александром Македонским и занимала ключевое положение в торговле между Европой и Азией, поскольку находилась на стыке двух морей – Средиземного и Красного. Но город жил не только торговлей. Он слыл центром притяжения всех ученых и средоточием мудрости, где восточные учения обогащались греческой философией.

На белой стене небольшого одноэтажного дома, рядом с которым рос куст жасмина, сначала показался неясный силуэт человека, а затем из стены шагнул на каменную мостовую царевич Артавазд. Солнце палило нещадно, и он ощутил пышущий жаром воздух, а также густой медово-амбровый аромат цветов жасмина. На улице никого не было, кроме старика, неподвижно сидевшего на камне. Осмотревшись, Артавазд повернулся и протянул руку Калестриде: та уверенно вышла из стены. Магическое перемещение свершилось. Оба были одеты в греческие одежды и плащи (под ними скрывалось оружие), оба молодые и красивые, совсем непохожие на египтян. Мужчина и женщина двинулись в путь по тесным улицам, между лепившимися друг к другу строениям, мимо детей, гонявших клюшками из пальмовых ветвей кожаный мешочек, набитый папирусом.

– Нам нужно найти дом Диодора, преданного отцу чело-

века. Он устроит встречу с царем, – сказал Артавазд.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – произнесла Калестрида.

– Идем в сторону порта! Видишь Александрийский маяк? Порт там.

Старик-египтянин, сидевший на камне, проводил их долгим удивленным взглядом.

Оживленный порт был не так далеко, и через некоторое время прибывшие уже шли по пирсу со множеством причаливших к нему кораблей. В порту что-то бесконечно выгружалось и грузилось, длинные вереницы рабов в вечном движении тащили мешки и катили бочки. Рядом с пирсом, на каменном острове Фарос, стоял Александрийский маяк, самый высокий в мире. Царевич задрал голову и от удивления замер на месте. Никогда в жизни он не видел такого исполинского сооружения. Трехъярусное чудо, облицованное белым мрамором, подпирало небо. Купол маяка был увенчан бронзовой фигурой Посейдона, повелителя морей. Сейчас, днем, с третьего яруса поднимался столб дыма (по нему ориентировались корабли), а ночью языки пламени, отраженные от бронзовых пластин, были видны далеко в море и давали возможность миновать рифы при движении в александрийскую бухту.

– Похоже, это не только маяк, но и оборонительная крепость, – произнесла Калестрида.

– Так и есть. Говорят, лучи маяка сжигают вражеские суда

еще до подхода к берегу, – сказал Артавазд.

Калестрида уважительно посмотрела на необычное сооружение, но задерживаться нельзя, и они двинулись дальше. Сразу за портом, в богатом предместье на берегу моря, где стояли утопающие в зелени трехэтажные виллы, они нашли нужный дом, отгороженный от улицы забором. Мимо шли прохожие – взрослые и дети – все в легких туниках и сандалиях, а над улицей были растянуты полотняные навесы – защита от солнца. Путники вошли во двор. Над дверью в жилище были начертаны иероглифы – священное резное письмо – для отращения злых духов и воров. Ныне иероглифы забывались: в египетской письменности использовался греческий алфавит. Царевич, взяв бронзовый молоточек, висевший на веревке, постучал. Дверь открылась, в проеме появился старый привратник-египтянин, обратившийся к мужчине на греческом:

– Кто ты? Что тебе нужно?

– Я тот, кто пришел из Дуата, кто вчера был скрыт, но родился сегодня. Имя мое тебе неизвестно. Если его написать на земле, вырвется огонь. Хочу, чтобы голос мой был услышан.

Дуат в мифологии Древнего Египта – это загробный мир. Старик, услышав пароль, изменился в лице, поклонился и почтительно пропустил пришедших в дом. Гости вошли в просторный дворик, окруженный с трех сторон галереей с колоннадой, куда выходили двери жилых помещений. Чет-

вертая сторона – вид на море. Семья большую часть дня проводила в этом самом дворике, а в хорошую погоду даже спала здесь. Хозяин дома поднялся с ложа и пошел навстречу царевичу, а его жена и дети в нерешительности стояли поодаль.

– Гостей посылают боги, а гостю из Армении в этом доме особенно рады.

– Ты Диодор?

– Да, мой друг. Кто ты?

– Я Артавазд, сын царя Тиграна. Мою спутницу зовут Калестрида.

Диодор уже увидел на указательном пальце левой руки юноши знак царской власти – золотой перстень с красным сердоликом. На камне был вырезан трехлистный клевер, символ египетской богини Исида, которая в Армении почиталась под именем Анаит. Диодор поклонился и произнес:

– Для меня большая честь принимать сына армянского царя. Готов служить тебе, как когда-то твоему отцу, посетившему Александрию много лет назад.

– Мне нужно встретиться с царем Египта.

– Все что пожелаешь, будущий владыка Армении! – Диодор расплылся в улыбке. – Желания великого человека преобразуют мир, а его воле с неизбежностью подчиняется ход истории!

– Диодор, мне нужно встретиться с Птолемеем срочно.

Хозяин дома улыбнулся:

– Нашему правителю я одолжил столько денег, что он не

сможет отказать мне в просьбе встретиться. Отдохни с дороги... Сейчас три часа дня – время ежедневного купания, спортивных занятий, разговоров и вкусной трапезы. О твоей спутнице позаботятся мои дочери: у женщин свои дела.

Хозяин проводил гостя к купальне. Они, разместившись на ложах, стали обсуждать ситуацию, события и людей, а слуги непрерывно подносили им вино, фрукты и сладости.

Дворцы царя Египта занимали несколько кварталов города, были окружены ухоженными садами, имели зверинец с редкими животными, роскошные бани и театр. Здесь же располагались царские гробницы, в одной из которых покоилось тело Александра Македонского. Триста лет назад первый из Птолемеев (соратник Александра), дабы усилить свой престиж в качестве законного царя Египта, хитростью захватил набальзамированное египетскими жрецами тело великого полководца. Золотой гроб везли из Вавилона в Македонию для захоронения. Птолемея I перехватил гроб и привез в Александрию, поместив в великолепную усыпальницу.

К усыпальнице, называемой также мавзолеем, и пришли Диодор, Артавазд и Калестрида. Это был храм с колоннами, стоящий внутри освященной ограды, где делались подношения усопшему. Охрана, предупрежденная заранее, пропустила их внутрь храма. В святилище возвышалась большая бронзовая статуя Александра, за ней был алтарь, рядом находился вход в подземную гробницу. Остановившись в глу-

бине зала за шеренгой жрецов, трое вошедших людей стали ждать.

Послышались пение гимнов, звуки труб, бой барабанов. К храму-усыпальнице двигалась торжественная процессия во главе с фараоном: рабы несли его на тронных носилках. Египетский царь был в белой длинной тунике, льняном головном уборе немес с голубыми полосами и в кожаных сандалиях. Из-под платка выглядывала косичка, на лбу красовался золотой урей (кобра с раздутым капюшоном, защищающая царя от зла), на лице приставная бородка, на шее драгоценное ожерелье в виде воротника. В руках он держал крест-накрест жезлы Хека (скипетр крюк, знак власти) и Нехех (скипетр плеть, знак защиты народа и обновления), на пальцах золотые перстни. За ним следовали высшие чиновники государства, а слон тянул колесницу с небольшой золотой статуей Александра Македонского. Подойдя к храму, процессия остановилась, фараон совершил обряд воскурения и возлияния, бросил стрелы в каждую из сторон света (символически поразил всех врагов), слез с носилок и, вверив царские регалии специальному чиновнику, направился в храм.

День смерти Александра, почитавшегося богом, считался священным днем, и сегодня царь по традиции посещал усыпальницу, одаривая храм подарками.

– Процессия меня сильно утомила, – громко сказал Птолемей XII, проходя мимо жрецов к входу в гробницу.

За ним внутрь храма вошли лишь трое высших сановни-

ков царства: главный министр, военный министр и верховный судья. Калестрида, стоявшая в полумраке святилища рядом с Артаваздом, заволновалась и лихорадочно зашептала:

– Артавазд, тот, кто следует за царем третьим, в головном уборе с черными полосами, и есть Вельзевул. Это он заказал похищение жезла.

Артавазд внимательно смотрел на высокого человека в черно-белом полосатом платке, белой одежде и с инкрустированными драгоценными камнями украшениями на груди.

– Я запомнил этого человека. Спасибо, Калестрида.

Внезапно фараон на полпути к статуе остановился, резко повернулся к Артавазду и объявил:

– Мне никто не нужен, а ты пойдешь со мной!

Царь Египта, сопровождаемый царевичем Армении, спустился по ступеням в просторную и богатую подземную гробницу с расписанными стенами (сцены похорон, иероглифы, греческие тексты). В усыпальнице хранились предметы мебели, разнообразная утварь, кувшины с вином, скульптурные изображения полководца, оружие, доспехи и книги. В центре зала возвышался массивный хрустальный саркофаг, и в нем лежала мумия Александра в пурпурной одежде и с диадемой на голове. Он выглядел как живой. В руки мумии был вложен бронзовый Анх – знак бессмертия, вечности и защиты. Артавазд, потрясенный великолепием обстановки и взволнованный тем, что отдает почести великому завоевателю, остановился.

Птолемей пренебрежительно смотрел на мумию:

– Мне сейчас столько же лет, сколько было ему, когда он умер, – тридцать три. Ты, Артавазд, гораздо моложе, наверное, тебе двадцать пять?

– Двадцать шесть.

– Я старше, значит, мудрее. С годами чувствуешь непостижимую мудрость, не позволяющую останавливаться на достигнутом.

Артавазд скривил усмешку:

– Как сказать... Мудрец не тот, кто старше годами, а тот, кто делает меньше глупостей.

Птолемей, проглотив колкость, вновь уставился на саркофаг. Толстое стекло до неузнаваемости искажало черты лица Александра, но все равно было видно, что в гробу лежит человек молодой.

– Владение этим телом полезно, – сухо произнес фараон.

Армянский царевич смекнул: полезно потому, что, во-первых, преемственность власти – это стабильность, а во-вторых, поклонение мумии дает вдохновение людям с обостренным самолюбием. Дух царя-основателя, как все верили, оказывает городу покровительство и защиту, а пышность и внушительность церемоний должны внушать: любитель приключений Александр и есть бог и сын бога.

Артавазд прекрасно понимал, что Александр Македонский был чрезвычайно талантлив и крайне честолюбив. Такие качества любого сделают великим. Птолемей же, желая

быть великим, жаждал прославиться как созидатель, а не как разрушитель Александр, которого в конце концов погубило тщеславие. И что же Птолемей XII созидал? Много лет он пытался закончить строительство крипт (подземные сводчатые помещения) великого храма в Дендере и алтарь в уездном городке Коптос: расходы большие, а денег не хватало. У правителя напрочь отсутствовал интерес к государственным делам. Ему, греку, приходилось управлять туземцами, в то время как он жаждал покоя и наслаждений. А дела... Для дел есть министры.

Артавазд спросил:

– Не заметил ли ты чего-то необычного в последнее время?

– Необычное? Да, было! Кто-то стер мое имя, состоящее из иероглифов, в одном из храмов Фив. Наверное, чтобы лишить меня вечной жизни. Еще моя супруга Трифаена стала холодной и надменной... Почему ты спрашиваешь?

– Птолемей, я прибыл сюда потому, что есть силы, стремящиеся сместить тебя с трона, – доверительным тоном сказал Артавазд.

– Что?

– Была попытка выкрасть знак твоей власти – жезл Сехем.

– Жезл дарует власть... Он все еще цел? – торопливо спросил обеспокоенный правитель. Увидев, что царевич кивнул, успокоился и взмолился: – Слава Амону, жезл не пропал! Чтобы бороться с врагами, он мне потребуется.

– Я принес жезл, – Артавазд достал из кармана плаща небольшую бронзовую лопатку и передал фараону.

Взяв реликвию, Птолемей прижал ее к груди и растерянно посмотрел на армянского царевича:

– Сехем – ниспосланный богами знак моего высшего предназначения.

– Этот человек здесь, в храме, – сказал Артавазд.

– О чем ты?

– Тот, кто заказал похищение жезла, сейчас находится здесь, наверху. Он в головном уборе с черными и белыми полосами.

– Верховный судья?

Птолемей, водрузив Сехем на плечо как дубинку, стал, словно готовясь к бою, ходить взад-вперед, взволнованно поглядывая на царевича.

– Он человек Трифаены, – неожиданно сказал фараон.

Давно подозревая, что жена стремится к личной диктатуре, фараон терпел ограничение своей власти бессовестным своеволием главного министра, верховного судьи и Трифаены. Жена вообще делала что хотела. Даже сегодня отказалась следовать за ним, чтобы почтить память Александра. Хорошо, что этот разговор состоялся. Гробница – единственное место, где не могут подслушать. «Что же делать?» – терялся в догадках Птолемей.

Артавазд дал подсказки, и властитель Египта воспринял их серьезно. Пока этот жезл у фараона, тот будет облада-

телем власти, но удержать власть и отворотить врагов поможет лишь Свиток творца. Заклятия из свитка, созданного богом мудрости, сделают Птолемея великим провидцем, однако никто не знает где находится тайник. Армянский царевич поделился откровением: боги указали место тайника – храм Серапеум в Александрии.

Серапеум – храм, посвященный Серапису (эллинистический бог изобилия, плодородия, подземного царства и загробной жизни), считавшемуся защитником Александрии. Под храмом находились древние катакомбы. Сехем является ключом к тайнику, где хранится свиток. Артавазд убедил фараона объявить царедворцам, что ему необходимо посоветоваться с богом Сераписом, прийти в храм с жезлом, и они вместе отыщут тайник. Никто не должен прервать правление Птолемея XII, ведь он главный союзник Великой Армении. Либо с ним будут считаться и уважать, либо наступит хаос и гибель египетской цивилизации. Фараон должен оставаться символом стабильности и единства страны.

Правитель Египта взмолился:

– Артавазд, помоги мне! Завтра в царском дворце приемный день. Приходи, покажи им, что я не один, что есть царство, которое встанет на мою защиту.

– Я приду, но помни: что бы ни случилось, не доверяй никому и верь в себя, проявляй мудрость и делай поменьше глупостей.

Птолемей мрачным тоном произнес:

– Хочется верить, что дружба с тобой и есть то, что делает невозможное возможным. Идем, мой друг!

Они вышли из гробницы, и фараон с гордо поднятой головой, держа в руке жезл Сехем, уверенно проследовал к носилкам, даже не бросив взгляда на своих врагов.

Глава 10. Коварное египетское солнце

На другой день Птолемей XII и Трифаена принимали важного гостя – сына царя Великой Армении, прибывшего с дипломатической миссией. Артавазда и Калестриду препроводили в тронный зал, на входе забрали оружие, но разрешили пронести подарок царственным особам «Кубок вселенной». Изделие армянского ювелира, давно хранившееся у Диодора и ждавшее своего часа, поражало великолепием и изяществом. Кубок, покоившийся в ларце, был выполнен из хрусталя с золотой решеткой и усыпан темно-синими сапфирами. На венце он имел четыре рубина идеальной чистоты.

Первым шел Артавазд. На нем, как и положено особе царского рода, был изысканный наряд: длинный желтый расширенный хитон с бахромой, кожаный пояс с золотой пряжкой, амулет Уаджет на цепочке и красный плащ. За ним следовала вооруженная до зубов Калестрида в белой тунике с меандром (кайма по краю ткани), скрывающим тончайшую плетель из конского волоса. На талии пояс (пояса под грудью носили замужние женщины, но это был меч), на плечи накинут расширенный голубым шитьем гиматий (плащ), которым можно защищаться как щитом от меча, дубинки или боевого цепа. Волосы амазонки, завязанные на затылке пучком, окайм-

ляла кожаная лента-праща, на руках надеты золотые браслеты-дротики и кольца-скарабеи с шипами, в ушах серьги в виде цветов лотоса с метательными звездочками, на груди кулон-жало.

Дипломаты вошли в тронный зал. Вселяя торжественную приподнятость, большой зал ослепил своим великолепием: колонны цвета папируса с золотыми накладками, капители – раскрытые белые цветы, стены имели яркий геометрический орнамент и фрески, изображающие животных, на потолке выписаны стилизованные бычьи головы и стервятники. Кругом защитные символы и знаки.

Фараон, владыка Египта, недостижимый для простых смертных, предопределяющий судьбы людей, сидел на золотом троне и держал в руке Сехем. Рядом с ним, на троне поменьше, сидела царица, его соправитель, со скипетром в виде цветка лотоса. Величавые небожители в коронах и широких ожерельях-воротниках на фоне огромной каменной стены с высеченным цветным рельефом «Фараон-воин поражает своих врагов» внушали всем страх и являли спокойное равнодушие к земным делам.

Слева от фараона стояли два чиновника: самоуверенный главный министр Потин и суровый военный министр Ахилла, справа от царицы находились злобный верховный судья Вельзевул и надменный начальник дворца Теодат. Жизнь властителя строго планировалась: утро отводилось под государственные дела.

Гости из Армении пали ниц перед владыкой всего сущего под солнцем.

– Вы можете встать, – сказал главный министр в платке немес с золотистыми и белыми полосами. – Вам дозволяется говорить с царем.

– О богоравный! – начал Артавазд. – От имени царя царей, правителя Великой Армении и Сирии Тиграна II приветствую тебя и передаю пожелание: править долго и счастливо, чтобы твоя сверхъестественная божественная сущность несла Египту богатство и процветание, дабы твое могущество подарило подданным благоденствие и спокойствие.

Заговорил главный министр, глава правительства:

– Правитель Египта Птолемей XII желает царю царей Тиграну II процветания и долголетия. Назови свой титул!

– Я сын царя Великой Армении Артавазд, наследник престола. Рядом со мной моя помощница Калестрида. Владыка, прими дар царя царей, да продлятся дни твоего правления!

Верховный судья, взглянув на Калестриду, изменился в лице и стал что-то быстро шептать царице. Невозмутимая амазонка, сделав шаг вперед, открыла ларец. И засверкало звездное небо из сапфиров. Главный министр подошел, достал из ларца кубок и высоко поднял над головой, изумленно и жадно рассматривая его. Взгляды всех присутствующих устремились на великолепный образец ювелирного искусства, явно выражая восхищение и удивление. Кубок ослепительно сиял гранями хрусталя и таинственным свечением

синих камней.

Артавазд громко сказал:

– В этих сапфирах отражается космос. Их энергия передается владельцу.

Хитрый и ловкий царедворец быстро произнес:

– Владыка хочет знать, какая польза от рубинов на этом кубке?

– О великий владыка, – сказал армянский царевич, – рубины содержат магическую силу и приносят удачу.

– Владыка просит пояснить, каким образом этот кубок принесет ему удачу? – не унимался Потин.

Артавазд с иронией посмотрел на главного министра и спокойно сказал:

– Налей в кубок вина. Если рубины заискрятся, значит, все спокойно в царстве, но если загорятся огнем, берегись: грядет война.

Резко опустив руку, чиновник испуганно посмотрел на царевича, положил кубок в ларец и отошел, кивнув секретарю. Подарок немедленно забрали, а министр снова задал вопрос:

– Какова цель твоего визита?

– Я приехал с дипломатической миссией – обсудить с царем Египта наш совместный поход против кочевых племен Аравии, сильно досаждающих городам на юге Сирии.

Военный министр в платке немес с красными и белыми полосами торопливо подал голос:

– Великий царь не расположен к этому походу, его армия

сейчас занята усмирением Киренаики.

Фараон, которым, видимо, помыкали как хотели, безучастно молчал. Вдруг заговорила царица, резко и громко:

– Южная Сирия самой природой предназначена служить ареной войны. Неудивительно, что там неспокойно. Я давно интересуюсь этим местом, находящимся на полпути между Месопотамией, Анатолией и Египтом. Именно там произойдет неминуемое столкновение армий Рима, Армении и Египта, в котором, несомненно, победит Египет!

От царицы веяло таким холодом, что у Артавазда по спине мурашки побежали. Он сказал:

– Царица Трифаена знает, что Великая Армения принесла Сирии успокоение. Вместе со своим союзником Египтом мы поддерживаем мир в этой стране вот уже двадцать лет.

– Союзником? – ядовито процедила царица. – Египет – величайшая страна мира и не нуждается в союзниках. Армения интересуется тем, что ее совсем не касается. Египту давно пора сделать Сирию своей провинцией.

– Нельзя играть важную роль в мире, опираясь лишь на одни желания, – жестко сказал Артавазд, изменившись в лице и посмотрев на молчавшего фараона. Потом, обратив взгляд на царицу, добавил: – Если нет реальной силы и влияния, мечты о возвышении и богатстве граничат с безумством.

– Как ты смеешь называть меня безумной?! Ты, который с помощью магии прибыл сюда, чтобы лишить власти закон-

ного правителя. . .

Царица Трифаена внезапно вышла из милого образа повелительницы жизни богини Исиды. Налет романтичности, как у богини любви Афродиты, исчез, и она превратилась в мерзкое существо. Так, во всяком случае, показалось Артавазду. Ее прическа, украшенная калафом – солнечным диском между коровьими рогами, – тряслась, ниспадающие волосы напоминали извивающихся змей, а лицо исказилось от злобы. Трифаена встала и перешла на крик:

– Я та, что находится в постоянном единении с богами, являясь посредником между небожителями и остальным человечеством!! Я не потерплю, чтобы какой-то наглец оскорблял достоинство правительницы Египта!

Трифаена развернулась и стремительно вышла из зала. За ней последовал верховный судья. Царица шла по длинному коридору, кипя от злости и дикой ярости. Внезапно остановилась и повернулась к судье:

– Убить их! – в ее глазах сверкнули красные огоньки.

В тронном зале висело напряженное ожидание. Фараон с выражением полной безнадежности на лице ерзал на троне, поглядывая на министров и не зная что предпринять. Наконец Птолемей неуверенно произнес:

– Завтра утром я должен посетить Серапеум, чтобы посоветоваться с богом Сераписом по вопросу жизни и смерти.

– Да, сын солнца! – с поклоном сказал главный министр.

Фараон вместе с министрами покинул зал. Артавазд и его

спутница направились к выходу, где им вернули оружие. Они шли по коридору, как внезапно дорогу им преградили десять воинов, подготовившихся к атаке. В руке каждого был изогнутый меч хопеш с заточкой на выпуклой стороне клинка.

– Только этого не хватало! – посетовал Артавазд, доставая меч из ножен. – Нас явно хотят задержать.

– Артавазд, похоже, дипломатическая миссия провалилась, – полушепотом произнесла Калестрида. – Лучше бы мы сходили в Александрийскую библиотеку.

Солдаты ринулись в бой. Амазонка выхватила из своего пояса меч Уруми – гибкое смертоносное оружие племен Индии и Кавказа. Длинная обоюдоострая полоса из чрезвычайно гибкой стали, ранее обмотанная вокруг ее тела, теперь со свистом летела в поперечном направлении, как плеть, серьезно ранив сразу шестерых противников. Остальные отступили.

– Быстро назад! – скомандовал царевич.

Они побежали обратно, в сторону тронного зала, но там их уже поджидала другая группа вооруженных воинов. Калестрида резким движением руки сняла с головы кожаную ленту-пращу и раскрутила ее: в солдат полетела крупная дробь из металлических шариков. Дротики из браслетов она метала прицельно, уложив наповал большинство нападавших. Схватив Калестриду за руку, Артавазд метнулся к ближайшей незапертой двери. Вбежав в комнату, он увидел следующую дверь и поспешил туда. Беглецы оказались в полутем-

ном коридоре, устремившись по нему в глубь дворца. Наконец царевич со спутницей ворвались в большое помещение с цветными рельефами на каменных стенах, подсвеченных масляными светильниками на треногах.

– Там дверь! – Калестрида указывала в темноту.

Дверь оказалась запертой. Побежали обратно. Дверь, через которую они только что вошли, кто-то запер.

– Мы в ловушке! – с досадой воскликнул царевич.

– Очень странное помещение, – произнесла Калестрида. – Окон нет, только цветные рисунки на стенах.

Артавазд решил, что комната используется в ритуальных целях, и стал думать, как выбраться. Наверняка имеется потайная дверь, просто нужно знать где нажать. «Сейчас мне потребуется помощь амулета Уаджет (глаз бога Гора)», – подумал он.

Амулет, дающий бесконечный запас энергии и ясность мысли, Артавазду достался как трофей в смертельной схватке с Антиохом XIII. Этот колдовской предмет должен помочь и в нынешней трудной ситуации. Царевич, прикоснувшись к амулету, висевшему на груди, поднес его к лицу. Затем, пройдясь вдоль стен, обратил внимание на один из рисунков. Египетские воины идут в безупречном строю, держа топоры на плече. Все лица бесстрастны, изображены в профиль, смотрят влево, и только лицо одного воина направлено в противоположную сторону. Артавазд поднял руку и осторожно нажал на лезвие топора этого воина, пото-

му что оно отличалось от других. Послышался скрежет металла, и мимо него пролетел топор, потом следующий, и еще три бронзовых топора с острыми лезвиями летели из темных углов один за другим. Беглецы, упав на пол, едва не распрощались с жизнью. Наступило затишье.

– Полагаю, топоры закончились, – сказала Калестрида.

– Комната полна сюрпризов, – посетовал Артавазд.

Царевич поднялся с пола и прошелся вдоль стен, рассматривая раскрашенные египетские рельефы. Удивительное постоянство в изображении людей и явлений! Однако росписи повествуют о различных моментах жизни фараона. Вот он сидит на троне и, подняв высоко над головой скипетр, указывает на круг. Может быть, он подсказывает выход из ловушки? Юноша поделился мыслью с амазонкой. Та засомневалась, предположив, что если нажать на круг, полетят стрелы. Сложилось впечатление: все нарисованное или высеченное из камня в этой комнате чудесным образом оживает.

– Калестрида, посмотри! На этой фреске фараон держит в руках красивый цветок. Это лотос, символ плодородия. Думаю, надо нажать на цветок.

– В моем племени лотос символизирует жизнь и мудрость, – сказала Калестрида.

Артавазд уверенно нажал на цветок. В тот же момент в стену возле него вонзилась прилетевшая со свистом стрела. Мужчина и женщина отскочили в сторону и, забившись в угол, обняли друг друга, ожидая в ужасе горькую участь, а

стрелы откуда-то сверху обстреливали пространство комнаты с завидной методичностью. Артавазд бросился к изображению фараона, поднявшего высоко над головой скипетр, и нажал на круг – на него указывал властитель. Обстрел прекратился, сработал механизм, и часть стены с рисунком птиц, сидящих в зарослях папируса, отодвинулась, открыв выход из смертоносного зала. Не мешкая, беглецы нырнули в эту дверь, и та вновь закрылась.

Они оказались в комнате, где горело несколько масляных светильников, расставленных на полу. Письмена и рисунки также были здесь на стенах.

– Опять иероглифы! – Артавазд был разочарован.

– Что это? – в глазах Калестриды был ужас. Она показывала на потолок. Из него торчали длинные и острые металлические шипы.

Царевич похолодел, но приступил к осмотру комнаты:

– Нужно сосредоточиться и понять, что зашифровано в этих рисунках.

Он внимательно разглядывал рельефы, удивляясь довольно странным и загадочным изображениям. На одной из стен внимание привлек рисунок: художник представил увенчанного короной фараона с булавой, занесенной над головой поверженного врага. Набалдашник булавы отличался от основного рисунка на камне, он был исполнен в бронзе.

– Придется нажать на этот металлический круг, ничего другого я не вижу, – неуверенно сказал Артавазд.

Положившись на волю случая, царевич поднял руку и надавил на металл. Раздался скрежет, и потолок, вдруг вздрогнув, стал с шумом, рывками опускаться.

– Артавазд, твоя идея очень плохая!! – закричала женщина.

– Новая ловушка! Должен же быть выход!

Царевич метался по комнате, от стены к стене, посматривая то на потолок, неумолимо опускавшийся рывками все ниже и ниже, то на рельефы, коих было множество.

– Сделай что-нибудь!! – отчаянно закричала Калестрида. – Может, звезда? Нам звезда озаряет путь! – воскликнула амазонка, указывая на изображение богини со звездой.

Артавазд взглянул на рельеф, изображающий богиню Сешат со звездой на голове:

– Несомненно, это оно! Звезда верный знак. Каждый человек появляется на свет под своей счастливой звездой. Смотри, здесь есть египетские письмена, под ними текст на греческом:

Съешь это – и умрешь.

Возьмешь это – не унесешь.

У бедных это есть, а у богатых нет.

Что это?

Загадка! Под надписью пять картушей (контур с иероглифами): коршун, песок, вода, змея... в пятом же ничего не

было. Из пяти вариантов ответов нужно выбрать лишь один правильный.

– Что же выбрать? – Царевич в панике нажал коршуна. Потолок стал опускаться еще быстрее, и казалось, что острые когти «коршуна» вот-вот вонзятся в тела людей.

Мужчина лихорадочно соображал. «Что есть у бедных? Да ничего у них нет! Чего нет у богатых? Все у них есть! – сын царя отчаянно силился осмыслить загадку. – Ну, соберись, думай! Это нельзя унести, но если съешь, умрешь. Если ничего не есть, точно мертвец. У бедных ничего нет, из их жилища ничего не унесешь... У богатых есть все... Ну, конечно! – осенило Артавазда. – Ответ: „ничего“!»

Царевич быстро нажал на пустой картуш. Шум машины немедленно стих, потолок почти над самой головой молодых людей остановился, заработали другие механизмы, и каменная плита в стене со скрежетом отодвинулась, образуя небольшой проход для людей.

Артавазд после душевного потрясения стоял неподвижно. Его привела в чувство Калестрида:

– Нужно идти!

Она вложила в руку царевича масляную лампу с трепещущим огоньком и, взяв еще один светильник, потянула Артавазда за собой в открывшийся проход. Оказавшись в длинном туннеле, Калестрида нежно обвила руками его шею и поцеловала:

– Кто знает, что ждет нас впереди? Но пока мы живы, мож-

но бороться и победить.

Артавазд посмотрел ей в глаза:

– Ты стала для меня талисманом удачи. Мы испытали когти коршуна, но могли утонуть в воде или быть погребенными в песке.

Калестрида усмехнулась:

– Хорошо, что ты не нажал знак змеи.

– Пойдем вперед не оглядываясь! – бросил Артавазд, пригнув амазонку к себе и страстно поцеловав.

Трепетное волнение внезапно охватило обоих, сладостный поцелуй пьянил, пробуждая в каждом дремлющее желание. Мужчина оттаивал, а женщина в своих мягких объятиях успокаивала его. Потом, осторожно отстранив партнера, она произнесла:

– Давай сначала выберемся из этого проклятого дворца. Смерть по пятам за нами гонится.

Освещая путь светильниками, беглецы двинулись в неизвестность. Туннель длинный, сухой и мрачный... Открыв в самом его конце тяжелую деревянную дверь, они оказались в пустом доме на берегу моря. Светило яркое египетское солнце, волны лениво плескались на песке, вокруг ни души, вдалеке возвышалась башня Александрийского маяка.

Артавазд предположил:

– Видимо, туннель прорыли Птолемеи на случай бегства из дворца. Задерживаться здесь нельзя, а идти к Диодору опасно: нас наверняка ищут.

Царевич и амазонка двинулись по песку в сторону города, и в одном из домов неподалеку от порта, предъявив хозяину убедительные аргументы – острые мечи и золотые монеты, получили кров и еду.

Глава 11. Подняться до уровня богов

Торжественно и неторопливо утром следующего дня правитель Египта выдвигался к Серапеуму. Носилки с фараоном в окружении телохранителей несли рабы. Птолемей в платке немес с уреем на лбу (богиня-кобра Уаджит, покровительница власти фараона), с приставной бородкой и каменным лицом, сидел на позолоченном сиденье, рассматривая толпу в поисках Артавазда.

Было шумно и оживленно. Народ сбегался посмотреть на пышную процессию. Все склонялись в глубоком почтении: простые смертные созерцали божество. Ему нужно поклоняться, но главное – оберегать, чтобы не навлечь страшные бедствия и гнев богов. Перед носилками шли стражники и жрецы, за носилками – высшие сановники государства. Не было лишь царицы и верховного судьи. Рабы замыкали шествие, ведя священного белого быка и жертвенных животных.

Серапеум являл собой самый большой и величественный из всех храмов Александрии. В нем установлена огромная статуя бога Сераписа из черного диорита, а также располагалась большая библиотека, вторая по значимости после Александрийской. Окруженный колоннадой, этот храм был хра-

нилищем непревзойденных произведений искусства: древние статуи всех египетских богов, яркая, неординарная, покрытая слоем лака и смолы живопись. Бог Серапис (на его голове стояла мерная пшеничная корзинка) даровал изобилие и плодородие, повелевал подземным царством и загробной жизнью и, соединяя в образе человека черты египетских богов Осириса и Аписа, выглядел как грек, что было привычнее для эллинов, управлявших Египтом. Культ этого божества Александр Македонский вывез из Вавилонии. Умирая, Александр молился именно ему.

У входа в храм процессия остановилась, фараон, держа в руках жезл Сехем, слез с носилок и ждал. Подошел главный жрец. Поклонившись, он произнес:

– Жертвы богу принесены, ты можешь войти и получить предсказание.

Своим приближенным Птолемей громко объявил:

– Я хочу помолиться верховному богу – покровителю моей династии. Всем ждать здесь, я войду один!

Он поднялся по ступеням храма и вошел внутрь. Дверь за ним с грохотом закрылась. Жрицы, стоявшие у статуи, поклонились небожителю.

– Мои просьбы по вопросу жизни и смерти Серапису, – с раздражением обратился правитель к главному жрецу, – никто не должен слышать. Всем покинуть зал, в том числе тебе, великий провидец. И никого сюда не пускать!

Жрецы в замешательстве от сурового взгляда правителя

(по поверью, взгляд фараона мог испепелить человека) подобострастно поклонились и ушли. Оставшись в одиночестве, Птолемей посмотрел на каменное изваяние бородатого мужчины, облаченного в тунику и обутого в сандалии, и подумал о странном творении скульптора по заказу правителей из династии Птолемеев.

– О великий! – начал молитву Птолемей, совершая обряд воскурения и возлияния. – Ты отвечаешь за стабильность и непрерывность власти моей династии. Я принес жезл Сехем, чтобы твоя мудрость излилась на меня. Проявляя терпимость к верованиям туземцев, я продолжаю чувствовать их враждебность, а также злобность царедворцев. Мое положение неустойчиво. Как мне поступить – усилить репрессии или смириться? – вглядываясь в лицо божества, он ждал знака.

– Будь мужчиной! – вдруг раздался голос. – Ты бесхарактерный и изнеженный, а люди уважают сильных. Прими решение и жди неизбежного!

– Артавазд! – Птолемей узнал голос.

Из-за статуи божества с головой ибиса (бога мудрости Тот) вышел армянский царевич.

– О! – вскричал фараон. – Я уже потерял надежду увидеть тебя, единственного человека, на которого могу положиться!

– Меня и мою спутницу в твоём дворце пытались убить, но мы смогли уйти. – Артавазд привлек к себе Калестриду, обхватив ее за талию. Она пряталась за статуей богини Иси-

ды, защитницы и покровительницы народа.

Птолемей был расстроен:

– Это все происки Трифаены. Я сам нахожусь в постоянном напряжении, не могу расслабиться ни днем, ни ночью, ожидая удара в спину. Моих врагов пока останавливает лишь страх перед гневом богов. Что же делать? – он смотрел на Артавазда с надеждой.

Армянский царевич объяснил:

– Нужно найти Свиток творца! Он хранится в подземелье этого храма. На этот счет есть точное указание богов.

Птолемей растерянно смотрел на него. Вступила в разговор Калестрида:

– Армянский царь Тигран общается с миром богов и духов. Я сама убедилась в этом, так что верь Артавазду.

Царевич сказал:

– Когда отец был в Египте, главный жрец Великого храма в Мемфисе Пшериниптах поведал ему о Свитке, чьи заклинания помогут извести нечисть в твоём царстве.

Амазонка дополнила слова друга:

– Царица Трифаена и главный судья знают о Свитке и тоже ищут его.

Птолемя осенило:

– Теперь понятно, почему в этом храме жрецы со всего Египта любят проводить свои собрания!

Артавазд вселил уверенность в фараона:

– Птолемей, Сехем укажет местонахождение свитка.

Знать, значит уметь! Вперед!

Троица, прихватив масляные лампы, двинулась по наклонному пандусу в склеп, где был установлен саркофаг священного быка Аписа, земного воплощения бога Птаха.

Птолемей, осмотрев помещение, разочарованно произнес:

– В склепе нет дверей...

Артавазд обошел вокруг большого черного гранитного саркофага, отшлифованного с невероятным мастерством, и предложил:

– Давай откроем крышку саркофага!

Они навалились на крышку, та со скрипом сдвинулась.

Фараон воскликнул:

– Внутри лестница, уходящая вниз!

Артавазд помог забраться в саркофаг правителю Египта и амазонке, потом залез сам, и все трое, освещая дорогу факелами, спустились в подземелье. Они шли долго, и казалось, что туннель, прорытый в песчанике, никогда не закончится.

– Птолемей! – вдруг крикнула Калестрида. – Взгляни на свой жезл: камни стали светиться!

Фараон изумленно посмотрел на Сехем. Действительно, «глаза» – стеклянные камни, вделанные в бронзовый жезл, – светились тусклым красным светом.

Птолемей боязно молвил:

– Бог наблюдает за земной жизнью фараона...

– Мы идем в правильном направлении, – уверенно сказал

Артавазд.

Вошли в ротонду с колоннами. Из нее ветвились два коридора. Двинулись в левый – «глаза» потухли, вернулись и пошли в правый – «глаза» загорелись. Птолемей нес жезл на вытянутой руке, поражаясь божественной силе, ведущей людей к открытию. Здесь, в катакомбах Серапеума, он испытывал восторг: бог передает ему свою волю! Фараона переполняло восхищение от происходящего. После своей смерти он, несомненно, присоединится к одной из звезд на небосклоне и станет бессмертным. Его путешествие в другую жизнь инициирует возрождение... если конечно никто не сотрет его имя на стенах храмов. Он написал свое имя иероглифами везде, во всех храмах, чтобы обрести вечную жизнь. В Египте верили: изображая предмет или имя, вдыхаешь в них жизнь, а сотри чье-то имя или напиши рядом иероглиф «зло», это помешает уйти в вечность.

Артавазд, заметив мечтательную задумчивость фараона, попросил:

– Сосредоточимся на цели нашего пути.

Они оказались в другой ротонде с колоннами. Коридор разветвлялся в три разные стороны. И вновь в одном из туннелей «глаза» на жезле ярко загорелись, помогая людям выбрать правильное направление.

В приземистом колонном зале, где они оказались, стены были покрыты яркими рисунками и рельефами.

– Боги со стен смотрят на тебя, Птолемей. Поприветствуй

их! – Артавазд с восхищением смотрел на творение древних мастеров.

Дальнейший путь преграждала стена с цветным рельефом по камню: бог Ра в короне, украшенной уреем, плывет на священной ладье, восседая на золотом троне. На носу солнечной ладьи, гордо вскинув головы, стоят две богини. В свите еще есть бог с головой ибиса, держащий развернутый папирусный свиток, а также бог с головой крокодила. На ладье примостилась обезьянка. Слева и справа от этого рельефа высечены стражники.

Ошеломленный Птолемей испуганно таращился на изображение:

– Мы у каменных врат... их охраняют два привратника...

Артавазд попробовал пофантазировать:

– Похоже, ладья подплыла к каменным вратам и остановилась.

Могущественный амулет Уаджет, делая мысли царицы ясными, позволял анализировать ситуацию в нужном направлении. Несомненно, чтобы неумолимые стражи пропустили ладью, нужно знать магическое заклинание или...

– Это врата бога Осириса, – обеспокоенно произнес Птолемей, – за ними царство мертвых Дуат.

– Не может быть! – с тревогой в голосе воскликнула Калестрида. – Просто очередные ворота в следующий зал, их нужно пройти... Смотри, глаза на жезле горят значительно ярче!

Фараон обреченно проговорил:

– Лучше повернуть назад...

Царевич ободрил его:

– Птолемей, боги привели нас сюда, потому что хотят твоей победы над врагами. Неужели отступим? Нет, только вперед!

Птолемей, не читавший священный папирус «Книга мертвых» (было недосуг), все же уяснил: заклинания нужно произносить наизусть, слово в слово, чтобы благополучно миновать все преграды. Еле слышно он пробормотал:

– Я даже не знаю имен привратников, стражей Дуата...

Артавазд успокоил молодого фараона:

– Тобой овладел мистический ужас. Это ничего.

Царевич сильно засомневался в способностях фараона, но выхода нет, нужно ему придать уверенности. Царь Египта так долго окружен религиозными сюжетами, что поверил в одушевленность предметов и событий. Соприкоснуться с богами – уникальный опыт, практически недоступный человеку. Только избранные, такие как царь Тигран, имеют возможность участвовать в слиянии сакральной власти и высших сил.

Поднимая дух товарища, Артавазд продолжал мотивировать его:

– Возьми себя в руки! Ты избран! Это просто очередное препятствие. Мы должны его преодолеть!

Птолемей, одолев суеверие, дал себя уговорить:

– Ну хорошо, что дальше?

– Всего лишь отгадать загадку, – сказала Калестрида.

Ворота закрыты, это ясно. Выдвигая идеи как открыть проход, друзья зажгли масляные светильники на треножниках в зале: в помещении стало светло. Птолемей ходил взад-вперед, нервно поглядывая на изображение ладьи с богами. Низкая самооценка сказалась на результатах его изысканий:

– Нет, разгадать это невозможно! Ничего не получится!

Мне не суждено подняться до уровня богов...

В состоянии опустошения, подавленности и беспокойства ему обычно помогала игра на флейте. Недаром за ним закрепилось прозвище Флейтист. Вот и сейчас, теряя контроль над мыслями, египетский царь грустно смотрел на картину в камне. Чтобы успокоиться, он достал из кармана плаща флейту и заиграл. Звуки инструмента, высокие и гармоничные, обычно его успокаивали, заряжая позитивной энергией и очищая пространство вокруг от всего негативного. Звучала мелодия «Солнце пустыни». Он всегда ее наигрывал в минуты депрессии. Прислонившись к колонне, Птолемей случайно локтем задел небольшой выступ. Внезапно раздался щелчок, в полу открылся люк, и оттуда поднялся каменный столик с алебастровой доской-палеткой и фишками. Как ужаленный отскочив от колонны, фараон с опаской посмотрел на столик:

– Игра сенет?! Боги предлагают сыграть с ними в сенет?

Артавазда осенило:

– Игра сенет поможет открыть ворота! Уверен, в ней заключен тайный шифр.

Доска с клетками три на десять, и в каждой клетке – иероглифическое написание имени того или иного бога. Всего тридцать. Но фишек-то семь!

Вид Птолемея выражал безнадежность:

– Эту игру я знаю, ее изобрел бог Тот. Естественно, постичь замысел бога невозможно, тем более что здесь неполный набор: не хватает фишек и нет четырех палочек.

Калестрида с уважением посмотрела на царевича:

– Отгадывать загадки по части Артавазда. Птолемей, объясни, что изображено на стене.

Фараон грустно покачал головой, ведь вся египетская мифология – сплошная загадка. За четырнадцать лет на троне он кое-что уяснил: египетских богов также много, как звезд на небе. Разгадать загадку, значит, истолковать сцену на рельефе. Раздраженный и озадаченный Птолемей не понимал как все в сценке связано. Артавазд, взяв фишки в руку, уже приготовился расставлять их по нужным клеткам. Понятно, если правильно разместить фишки на доске, дверь откроется. Птолемей задумчиво взглянул на каменный рисунок, и вдруг начался мыслительный процесс малосведущего человека. Он обязан истолковать что видит!

Мифы в жизни египтян играют огромную роль: от богов зависит все, в том числе судьба человека. Итак, на троне сидит солнечный бог Ра. Это точно. На палетке есть его клет-

ка. Птолемей указал, а Артавазд поставил на клетку фишку. Божество с головой крокодила – это Себек, бог воды и разлива Нила, а с головой ибиса – бог Тот, создавший мир всего лишь одним своим словом. Их иероглифы имеются на доске. На нужные клетки были поставлены фишки. На носу ладьи стоит Хатхор – привлекательная женщина с рогами и солнечным диском между ними. На клетку с иероглифом Хатхор Артавазд поставил фишку. Женская фигура с головой львицы – богиня войны и палящего солнца Сохмет. Нашлось на игровой доске место и для нее.

– А обезьянка? – нетерпеливо спросила Калестрида.

Птолемей задумался и вдруг воскликнул:

– Постойте! Это сценка на стене напоминает мне миф о разливе Нила. Часто его слышал, да и сам пересказывал маленьким дочерям Беренике и Клеопатре.

У Калестриды появилась надежда:

– Птолемей! Возможно, в мифе и заключена разгадка шифра... Рассказывай, не тyani!

– Сказки и мифы я очень люблю...

Фараон говорил, а в головах друзей рождалась цепочка ассоциаций. Миф о разливе Нила повествовал о ссоре между Тефнут (богиня дождя и плодородия) и ее отцом Ра. На Египет вдруг обрушились засуха и мор. Причина: земледельцы в храмах благодарили не Тефнут, а Ра за свет и тепло, которое он дарит земле. Богиня обиделась. Если бы не ее дожди, зерно, брошенное в землю, не проросло бы! Обратив-

шись в львицу, она покинула Египет и бродила по нубийской пустыне, в ярости убивая людей. Сухая жара в царстве сделалась невыносимой. За любимой дочерью Ра послал бога мудрости и письма Тот. Этот бог славился хитростью и ловкостью. Обратившись в павиана, он отправился в Нубию, нашел богиню и, встретив недружелюбие, стал уговаривать ее вернуться. Тэфнут, не желая слушать, сказала: «Уходи, или растерзаю в клочья». Бог Тот понял, что разумные доводы бесполезны, и, подумав: «Сильный часто бывает глупым. Применю-ка лесть против острых когтей», сказал вслух:

– Ты самая могущественная из богинь, а боишься меня, слабую обезьяну.

– Почему ты решил, что я тебя боюсь? – удивилась львица.

Бог в обличье павиана ответил:

– Маленького скорпиона боятся все. Его либо убивают, либо люди от него убегают. А лев никого не боится, ему не нужно кого-то убивать, чтобы доказать свое могущество. Убивает тот, кто боится!

– Я не боюсь тебя, обезьяна. Я могущественная и отважная!

– Зачем же ты охотишься? Если вернешься, люди будут приносить тебе богатые жертвы: антилоп, козлов и прочую дичь... Хаос царит в долине Нила, а в твоих храмах не устраивают торжеств...

Львица подумала и сказала:

– Не ты заставил меня вернуться, я так решила сама!

Красивые девушки с тамбуринами (барабаны) и систрами (погремушки с колокольчиками) в руках вышли ее встречать. Омывшись в священном озере, превратилась львица в богиню Тефнут. Ра заключил ее в объятия. С приходом богини кончилась засуха.

Завершив повествование, Птолемей озадаченно посмотрел на царевича и амазонку. На их лицах отразилось: все это очень интересно, но мы ничего не поняли.

Калестрида спросила:

– Обезьянка, та что на фреске, – это павиан, который в то же время бог Тот, так?

– Да.

Артавазд в упор смотрел на фараона:

– Разлив Нила – это возвращение Тефнут. Ранее она перевоплотилась в львицу Сохмет, так?

– Ну да! Она еще может перевоплощаться в Хатхор, богиню с рогами, и в Уаджит, богиню-кобру.

Уаджит – божественное око Ра, на рельефе она на лбу Ра.

– Очень заковыристо, – заключил царевич. – Получается, на этом рисунке Тефнут в трех обличьях?

– Ну да, – простодушно сказал Птолемей. – В божественном мире своя логика и смыслы.

Артавазд переставил фишки. Три фишки он передвинул на клетку Тефнут. С мудрым Тотом тоже не все ясно: то он ибис, то павиан. Не успел сын армянского царя поставить две фишки на клетку Тота и одну на крокодила, как раздал-

ся скрежет камня о камень, и тяжелая плита в стене, вся исписанная иероглифами, сдвинулась с места и ушла куда-то вглубь. Проход для людей в следующий зал открылся.

Царевич устало молвил:

– Недаром бог Тот на рельефе с папирусным свитком. Мы найдем что ищем!

Идите!

Артавазд с друзьями, освещая путь факелом, первым вошел в следующий зал.

Глава 12. Свиток творца и чудовище Алат

Перед путниками предстал пещерный зал с воротами, стены его были покрыты иероглифами и картинами. Птолемей, изумленный и испуганный, произнес:

– Согласно мифу, подземная долина Нила разделена двенадцатью вратами...

Душа покойника, чтобы дойти до зала справедливости и предстать перед судом Осириса, должна миновать двенадцать провинций, соответствующих двенадцати ночным часам. Все врата охраняются страшными огнедышащими змеями и чудовищами. Двери открываются, если правильно назвать чудовище и произнести волшебное заклинание. Фараон был в отчаянии: заклятий не знал, имен демонов назвать не мог.

Калестрида воскликнула:

– Птолемей, «глаза» на жезле вспыхнули еще ярче, значит, свиток где-то здесь!

Правитель Египта беспомощно замотал головой:

– Мы никогда не пройдем все врата Дуата...

Послышался приглушенный рев из-под земли.

У Птолемея расширились глаза:

– Это рычит Апоп... Вы не представляете, с кем столкну-

лись... Огромный змей... Повелитель злых сил... – Запаниковавший царь отступил: – Мы не боги, чтобы биться с иполинским змеем! Уходим!

– Нет, постой! – Артавазд, пытаясь овладеть ситуацией, схватил египетского царя за руку: – Свиток где-то здесь! Жезл! Так ярко «глаза» еще не горели... Тайник здесь! – Он стал осматривать пещерный зал: – Птолемей, Калестрида, ищите знаки, сочетания иероглифов, графические изображения... Должно же быть что-то!

Фараон с опаской семенил за Артаваздом, так и не обрета душевного равновесия. Его парализовал ужас, а увидев в проеме ворот изображение змея, он запричитал:

– О великий владыка Дуата! Я пришел к тебе, дабы обрести в твоём царстве блаженство и покой. Я безгрешен, я безгрешен...

Внезапно он замер, уставившись на фреску над воротами. Два изображения бога Тота с инструментами для письма: одно божество с палеткой, другое с палочкой. На первом божестве корона Хемхемет (кобра, рога, солнце и перья), глаз открыт, на втором – Лунная корона (полумесяц), глаз закрыт. Между божествами – страусовое перо.

Подожел Артавазд:

– Что тебя удивило, Птолемей?

– Глаз открыт – глаз закрыт!

Артавазд заинтересовался:

– Действительно, необычно. Что это может означать?

– Возможно, намек на равновесие. Бог Тот всегда все уравнивает... – к фараону снова вернулась самообладание.

– А при чем тут страусовое перо?

– Это не перо, это богиня Маат.

Артавазд пригляделся к изображению внимательнее, а Птолемей внезапно разразился тирадой. Оказывается, Флейтист неплохо знал египетскую мифологию. Бог Тот создал мир словом, а божественное слово дает расчленение хаоса. Создание баланса стихий и есть равновесие. Бог Тот творит и разделяет, создавая равновесие. В первую очередь бог разделил небо и землю, тьму и свет. Великая богиня Маат провозглашает торжество порядка над хаосом, воссоединяя небо и землю. Она супруга бога Тота. Хорошая пара: правда и мудрость...

Артавазд воскликнул:

– Ищем символы стихий и пространств!

Все немедленно разошлись по пещерному залу, рассматривая рисунки, рельефы, иероглифы. Вдруг царевич резко остановился: его осенила мысль.

– А знаете, что означает открытый глаз? Это день, а глаз закрытый ночь. Ищите символы дня и ночи!

Птолемей ходил по залу, всматриваясь в рисунки, и молился: «Взываю к тебе, о великий Тот, почтенный ибис! Ты второй после Ра, ты вершитель судеб, защитник от демонических сил, могущественный в речах. Ты создал мир словом,

ты залог равновесия. Дай мне то, что я ищущу во имя процветания моей страны...»

– Есть! – радостно воскликнула Калестрида, указывая на каменную плиту в стене.

Мужчины подбежали и увидели рисунок: богиня Маат, символизирующая собой истину, божественный порядок и вселенскую гармонию, в парике, обвязанным красной лентой, со вставленным священным пером страуса, стоит с поднятыми руками, указывая на солнце и звезды.

– Это здесь! – Артавазд, взволнованный и сосредоточенный, вынул из ножен кинжал и стал очищать швы вокруг камня. – Истина нам откроется, только нужно расчистить завалы заблуждений...

Калестрида помогала ему своим кинжалом. Каменная плита все более четко выделялась на фоне стены. Когда все швы были очищены, а лезвия кинжалов легко вошли в зазор между камнями, плита подалась. Все трое осторожно опустили ее на пол и заглянули в отверстие в стене.

– Там что-то есть, – таинственно сказал Птолемей и, проткнув руку, достал небольшой сверток.

Он торжественно и медленно разворачивал льняную ткань с восторженной улыбкой первооткрывателя. Когда плотно было снято, все увидели небольшой цилиндр – плотно свернутый в трубочку наподобие папирусного свитка золотой лист. Осторожно развернув небольшую часть послания бога, люди поразились: на обеих сторонах нанесено немис-

лимое количество иероглифов и других знаков.

– Свиток творца! – воскликнул Артавазд.

Бережно взяв в руки вещь, созданную богом, он вертел и рассматривал золотой цилиндр, с великим почтением пытаясь разгадать волшебные письмена, ему непонятные. Собрание заклятий и магических формул, позволяющих любому стать великим провидцем! С этой рукописью можно постичь магическую силу, обрести совершенный дух и власть над природой и людьми.

– Невероятно! – ахнул Птолемей. Со злорадной усмешкой он воскликнул: – И пусть теперь Трифаена попробует меня послушаться!..

В тишине зала вдруг прозвучал неприятный женский голос:

– Ослушаться ничтожество – самое малое, что может сделать умная женщина!

На пороге зала стояла Трифаена. Она вошла, за ней следовали верховный судья и человек десять стражи.

Со злостью в голосе она произнесла:

– Я давно следила за тобой, Птолемей, и ждала, когда ты, мелкое и ничтожное существо, приведешь меня к тайнику бога Тота. О, я жаждала получить свиток, а с ним и власть, и силу. И вот этот день настал!

Артавазд, обнажив меч, сделал шаг вперед:

– Птолемей, возьми свиток и никому не отдавай. Он твой! Мы сумеем за себя постоять!

Калестрида, всегда охотно ввязывающаяся в драку, встала перед фараоном, а самоуверенная и властная Трифаена с ядовитой улыбкой на лице прошла по залу, расточая аромат фиалки, мускуса и сандала. Выглядела она потрясающе: черные волосы, как у богини Исиды, свободно спадали по обе стороны от пробора (это был парик), подвитые и закрученные спиральями пряди подчеркивали красивый подбородок и четко очерченные скулы, на голове красовалась золотая диадема с уреем, шею украшало драгоценное ожерелье, тело облегало длинное плиссированное платье-калазирис из красной ткани, а легкий прозрачный плащ создавал вокруг женщины облако тайны. Уверенная в своем превосходстве и победе, жена фараона громко провозгласила:

– Только я достойна владеть этой вещью! И знаешь почему? Я сакральная царица, истинный небожитель и земное воплощение богини Исиды, – она высокомерно смотрела на мужа и его друзей. – Моя прародительница, великая царица Египта Арсиноя, – дочь бога. Ее почитают во всех храмах как богиню, и только ей было дозволено носить на короне двойной урей.

Артавазд, достав из кармана плаща зеленую цилиндрическую печать, приготовился произнести заклинание:

– Я знал одного твоего родственника, Антиоха XIII. Мы мило побеседовали с этим потомком Арсинои.

– Ах Антиох... Он слаб и беспомощен, имеет недостаточно чистую кровь, кстати, как и его мать, царица Селена, кол-

довство которой было низкого сорта. Твой отец Тигран легко пленил ее, а потом казнил. – Насмешливо взглянув на зеленый цилиндр, Трифаена залилась хохотом: – Твоя уловка с печатью на этот раз не пройдет! Моя энергия разрушает догмы, подчиняет себе не только людей, но и темные силы. Я земное воплощение богов, созданная повелевать и властвовать!..

– Капризная и упрямая мерзавка, – сквозь зубы процедил Птолемей. – Ты готова принести в жертву всех, лишь бы насытить свое неумемное самолюбие и погрузить мир во тьму. Ты служишь демону!

– А ты, муженек, самый бездарный и никчемный человек, когда-либо мною встреченный. Одно слово: флейтист!

Артавазд начал крутить в ладонях печать, произнося заклинание:

– О колдун, завертись, как вертится эта печать, пусть твоя злоба не пристанет ко мне, пусть твоя сила иссякнет!

Птолемей с ужасом смотрел на свою жену, Калестрида, держа в поле зрения стражников, с иронией наблюдала за этой сценой, а Трифаена, прогуливаясь мимо них и шурша облачным плащом, говорила с усмешкой:

– Артавазд, не трать понапрасну время, отдай мне свиток, и я сохраню тебе жизнь. Не хочу, чтобы трон Великой Армении потерял наследника.

– Ты никогда не получишь свиток, – спокойно сказал царевич, а потом, осознав бесполезность применения печати и

заклинания, воскликнул: – Мы будем биться!

– Убить их!! – взвизгнула Трифаена.

Стража ринулась в бой. Артавазд сражался сразу с четырьмя врагами. Каждый египетский солдат бился изогнутым мечом хопеш, но булатный меч царевича успешно отбивал яростные атаки противника, и два египтянина были повержены в самом начале схватки. Калестрида выхватила свое секретное оружие – тончайшую плетъ конского волоса, ранее скрытую в изгибах узора меандр, окаймляющего ее белую тунику, и, умело действуя, не подпускала к себе шестерых стражей.

Трифаена, подтолкнув верховного судью вперед, приказала:

– Иди и отними свиток у Птолемея!

Судья неловко стал обходить место схватки, постепенно приближаясь к фараону и протягивая к нему свои крючковые руки. А царь, забившись в угол и держа в руках свиток, трепетал от страха. Его, как всегда, парализовало чувство безнадежности, в глазах отражался ужас. Сознывая свою беспомощность, фараон вытянул свободную руку и оттолкнул судью. От несильного толчка судья попятился назад, чуть не упав. Птолемей внезапно почувствовал, как волна необычных ощущений пробежала по его телу, организм приобрел новые возможности, мозг сконцентрировался на главном, мысли побежали быстрее. Владелец свитка явно получал совершенный дух и необыкновенный разум.

Увидев, как успешно отражают атаки его друзья, фараон выпрямился, надменно посмотрел на судью и начал его дразнить, протягивая свиток. Как только судья потянулся за цилиндром, Птолемей, как заправский фокусник, с помощью ловкости рук в одно мгновение заставил свиток исчезнуть, предъявив злодею синий платочек. Раздосадованный судья с лицом, искаженным от злобы, шагнул вперед. О, он не знает, что Птолемей досконально постиг узелковую магию! Соблюдая ритуал, фараон завязал на платочке первый из семи узлов, позволяющий освободить магическую силу. Прозвучали волшебные слова:

– Вселенная и боги управляют жизнью на Земле!

Вельзевул немедленно остановился в паре шагов от него.

– Человек как часть Вселенной влияет на земные события! – Птолемей завязал второй узелок.

Судья склонил голову влево и уставился на говорящего.

– Великое всегда в малом!

Судья склонил голову вправо, а фараон завязал третий узел.

– Зло всегда в большом! – Птолемей завязал четвертый магический узел.

Вельзевул вдруг упал на колени, открыв рот в немом крике.

Трифаета, пораженная возможностями свитка, смотрела на происходящее как зачарованная. В это время Калестрида резким движением руки сорвала с головы кожаную

ленту-пращу, и в стражников полетели металлические шары. Ловко снимая с себя снаряжение, амазонка пустила в ход браслеты-дротики, кольца-скараabei с шипами, серьги с метательными звездочками и кулон-жало. Уложив пятерых, она выхватила из ножен меч и в паре с Артаваздом пошла в наступление на оставшихся троих солдат.

К Птолемею вернулась уверенность:

– Все находится в непрерывном водовороте поиска! – пятый узел был завязан.

Вельзевул обмяк, его голова упала на грудь, глаза закрылись.

– Все зарождается снова и снова! – фараон завязал шестой узел на синем платке.

Судья свалился на пол и не подавал признаков жизни.

– Конец один: все подлежит уничтожению! – седьмой магический узел был завязан.

Над телом верховного судьи взвилось облачко пара. Вельзевул начал таять и, наконец... исчез совсем. Трифаена, ужаснувшись, посмотрела на мужа так, словно хотела испепелить его взглядом, но, привыкшая подчинять себе и обстоятельства, и людей, призвала самообладание и сдаваться не собиралась.

Бой со стражниками подходил к концу: Артавазд сделал обманное движение и поразил мечом последнего из них. Его внимание, как и Калестриды, теперь привлекла Трифаена. Царица, подняв над головой скипетр в виде цветка лотоса,

вращала им и творила заклятие:

– О великая Исида, та, у которой тысяча имен и безграничная власть над миром, сильнейшая и могущественная из богинь, покровительница магии и волшебства! Взмахни крылами, направь на нечестивцев ветер и ядовитого змея!..

В зале появился ветерок, движение воздуха усиливалось, вокруг Трифаены возник вихрь; разрастаясь, он достиг трех друзей. Они переглядывались, не зная, что предпринять, ведь магию может победить только магия. В проеме двери показался большой змей необычного окраса – чередование черных, желтых и красных полос. С высунутым двойным языком он вползал медленно, огибая камни и плиты, и укладывался кольцами вокруг царицы. Огромная черная пасть змея с двумя ядовитыми клыками наводила на друзей невыразимый ужас. И тут медленно, протяжным шагом вступил в зал великий бог Анубис – божество Египта с головой шакала и телом человека-атлета. Он встал рядом с Трифаеной, приготовившись вести грешников на суд в загробный мир.

Артавазд и Калестрида отпрянули в испуге, Птолемей, вновь потеряв самообладание, на подкосившихся ногах опустился на пол. Фараона охватили отчаяние и оцепенение, накатила безысходность. И, как обычно, из этого состояния царя могла вывести только флейта. Чтобы уйти от действительности, он достал инструмент и заиграл. Полилась завораживающая мелодия «Солнце пустыни», выражающая всю гамму эмоций, накотивших на молодого властителя. Играя на

флейте, Птолемей уходил в другое измерение, переключал свое внимание с реального мира на фантастический, даря себе минуты наслаждения чарующими звуками...

Раздался шорох. Из дальнего темного угла показалось отвратительное чудовище, медленно, в такт музыке бредущее на середину зала. Пожирательница Амаат, богиня возмездия за грехи, в образе гиппопотама, с головой крокодила, львиными лапами и косматой гривой, шаркая, тяжело дыша, шествовала мимо фараона. Она почуяла запах царицы, погрязшей в злобе, зависти, жадности и гордыне.

Трифаета в нетерпеливом ожидании, с широко открытыми глазами, все еще надменная, статная и уверенная в себе, продолжала держать над головой жезл, призывая духов и вихри подчиниться. Амаат все ближе и ближе подбиралась к ней, и вдруг, широко разинув пасть, молниеносно проглотила царицу. Все вздрогнули. Вихрь прекратился. Фараон, в ужасе уставившись на чудовище, перестал играть. Амаат медленно повернула голову в его сторону. Калестрида всем телом подалась вперед, указывая на флейту, Артавазд открыл рот, пытаясь крикнуть: «Играй!» Встрепенувшись, Птолемей приложил флейту к губам – раздался резкий звук, словно вскрик чайки. Амаат неуклюже развернулась и в упор посмотрела на фараона. Запаниковавший Птолемей закрыл глаза, приготовившись к смерти, но некая сила заставила его вновь поднести флейту к губам и заиграть прежнюю мелодию...

Сначала растворился в воздухе образ Анубиса, затем уполз змей, а потом и Амаат двинулась в обратный путь. Чудовище, прошуршав когтистыми лапами рядом с царем Египта, играющим с закрытыми глазами на флейте, мирно проследовало в свой темный угол и исчезло.

Наступила тишина. Птолемея открыл глаза.

– Спасение, – выдохнул он, опустив флейту.

– Надо признать, это было опасное спасение, – Калестрида все еще переживала случившееся.

Артавазд, вложив меч в ножны, обнял амазонку и помог встать Птолемею:

– Спасение приходит к тем, кто верит и не теряет самообладания.

Достав Свиток творца из кармана плаща, фараон пытливо посмотрел на него:

– Эта волшебная вещь должна находиться в надежных руках, иначе недалеко до беды. Я помещу ее в тайник...

– Папа, что это?

Слова эхом разнеслись по залу, поразив царя как удар молнии. Он обернулся: в проеме двери стояла его трехлетняя дочь Клеопатра, одетая в красное плиссированное платье-калазирис, с детским черным париком на прелестной головке. В руке она держала игрушечный скипетр в виде лотоса. Эта девочка, Клеопатра, повзрослев, заставит говорить о себе весь мир и прославится благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию...

– Доченька, что ты здесь делаешь?

– Я искала маму! – в глазах маленькой Клеопатры сверкнули красные огоньки.

– Дорогая!.. – у Птолемея слезы выступили на глазах. Он подошел к дочери и нежно поцеловал в лобик. – Мамы здесь нет. Пойдем в дворец! – и, обернувшись к друзьям, не скрывая своего удивления, сказал: – Вся жизнь – чудеса. Мы о них не подозреваем, но рано или поздно они происходят.

Держа девочку за руку, изнуренный, но довольный, он пошел обратно к свите, чтобы теперь безраздельно править страной.

На другой день в тронном зале фараон уверенно, гордо и с надменным лицом восседал на золотом троне в окружении вельмож и принимал армянских дипломатов. На его голове поверх платка немес с золотыми коброй и стервятником красовалась сдвоенная корона пшент – сочетание красной дешрет и белой хеджет, что символизировало мощь фараона и единство египетского государства. В одной руке Птолемей держал золотой цилиндр, в другой жезл Сехем. Рядом, на маленьком золотом троне, сидела его одиннадцатилетняя дочь Береника. Ее волосы были уложены в прическу, украшенную калафом – солнечным диском между коровьими рогами. Около старшей сестры стояла трехлетняя Клеопатра, одетая как Исида, богиня-покровительница детей. Головным убором малышки был игрушечный трон. Все в Египте верили, что именно богиня Исида предоставляет трон фараону.

– О мой друг Артавазд! – начал Птолемей, как только царевич с амазонкой вошли в зал. – Познакомься: мой соправитель Береника. Традиция требует править вместе с соправителем. – Он с умилением посмотрел на старшую дочь. – Мы продолжим прежнюю внутреннюю и внешнюю политику ради расцвета Египта, не так ли, дорогая?

Девочка промолчала. Ее лицо было бесстрастно и непроницаемо.

Артавазд поклонился:

– О великий, я ни в коей мере не сомневаюсь в твоей избранности и способности творить благие дела. Но мир вступает в полосу кризиса...

– У меня есть то, что даст процветание стране, – хитро улыбнувшись, сказал Птолемей. – Наконец боги раскрыли мне что мешает древнему Египту достичь величия. Это – интриганы при дворе и бюрократический произвол на местах! – он с презрением посмотрел на своих министров; те потупили взоры. – С этим будет покончено! Мне мешают тратить деньги, я даже не могу мобилизовать ресурсы для строительства храма в свою честь. Враги царя будут уничтожены! – на лице фараона отразилась злость. Затем гнев сменился улыбкой: – Со мной Египет вступит в полосу процветания. – Фараон встал: – Я иду в сад, пусть меня сопровождает только Артавазд!

Гордо подняв голову, Птолемей походкой триумфатора прошествовал к дверям зала. В саду, в тени жасминовых де-

ревьев, возвышались обелиск и статуя правителя. Обелиск из красного гранита символизировал связь с богами. Птолемей собирался править шестьдесят семь лет подобно Рамсесу II. Его подданные жили в три раза меньше, и они должны поверить, что фараон – воплощение бога на земле, и каждый человек обязан ему своим существованием.

– Почему у твоей статуи левая нога выдвинута вперед? – спросил Артавазд.

– Левая нога делает шаг за грань земного мира.

– Понятно. Здесь ты изображен молодым, отважным и сильным. Соперничать с фараонами, царствующими до тебя, ты мог бы в случае отказа от чрезмерного чревоугодия и вседозволенности. Извини за прямоту.

– Ты пристрастен, – Птолемей обиделся. Затем, пройдясь по саду, сказал: – Я изменился, Артавазд. Хочу получить наивысшую степень сакральности, дабы объем почестей живому царю превышал почести усопшим Птолемеям. У меня есть план! – Он сильнее сжал в руке золотой цилиндр: – Я налажу торговые пути и начну разработку золота в Нубии.

– Имея Свиток творца, верю, ты постигнешь замысел богов, и твои планы воплотятся в жизнь, – с поклоном сказал Артавазд, но на его лице тут же отразилась озабоченность: – Государь, Рим до сих пор не признал тебя царем и присматривается к твоим владениям...

– С таким союзником, как Великая Армения, мы отразим нападение любого агрессора. Рад, что наследник армянского

престола горячо печется о делах моей страны.

Артавазд, понимая, что Флейтиста трудно вразумить, все же попробовал:

– Я бы советовал выплатить Риму шесть тысяч талантов, чтобы тебя признали царем. Нельзя допустить, чтобы власть в Египте захватили римляне.

– Чудовищная сумма! – вскричал Птолемей. – Такая выплата грозит стране увеличением налогового бремени, деньги обесценятся, начнется смута...

Артавазд возразил:

– Либо ты спишь спокойно, либо ведешь войну, яростную и разорительную.

– Я подумаю...

– И еще. Чтобы исключить возможность политических беспорядков, как можно скорее объяви наследника престола, – посоветовал армянский царевич.

– У меня две дочери, Береника и Клеопатра... Нужен сын.

– Древние заклинания и формулы, магия и священные знания – все теперь доступно тебе, обладателю свитка бога Тота! – Артавазд поклонился. – Разгадать волю богов и понять, что предначертано человеку, доступно либо великому, либо кудеснику.

– Обожаю волшебство! – фараон глубоко вдохнул аромат жасмина. Восхищенно посмотрев на небо, протянул Артавазду жезл: – Возьми Сехем! Свиток останется у меня и, если со мной что-нибудь случится, с помощью жезла ты всегда

найдешь тайник.

Они обнялись. В тот же день Артавазд и Калестрида отбыли в Армению.

Глава 13. В Армении происходят странности

Античный мир воевал повсеместно и постоянно, применяя все более изощренное оружие: стреляющие камнями, стрелами и горящими снарядами катапульты; напичканные хитроумными устройствами боевые башни на колесах; кромсающие противника на поле боя серпоносные колесницы; «греческий огонь» – сжигающие корабли, деревянные строения и людей огнеметы. Спарапет (высшее воинское звание) Мамиконян, верховный полководец Великой Армении, выдающийся военачальник могучего телосложения (ему царь доверил выработку военной политики и военное строительство) с решительным лицом и со знанием дела представлял государю новый вид оружия – разрывной снаряд, начиненный горючей смесью и камнями.

– Что это? – Тигран со свитой царедворцев, прибыв на демонстрацию последних образцов оружия, выложенные в ряд на столе, указывал пальцем на небольшие глиняные горшки с горлышком с фитилем, запаянные воском.

– Это граната! – спарапет взял в руку снаряд с матерчатым промасленным шнуром. – Его устройство – государственная тайна. Тебе все объяснит мастер Оганес.

– Государь, – начал мастер, – внутри глиняной оболочки

мелкие камни, как зерна плода граната, и горючая смесь из канифоли, серы, селитры и льняного масла. Поджигаем фитиль, дожидаемся, пока он почти сгорит, и метаем в противника.

– Очень интересно! – Тигран взглянул на Артавазда: – Сын, дадим возможность мастеру показать снаряд в действии?

Артавазд кивнул. На поляне за чертой города, куда прибыли царь Тигран с приближенными, все было готово для показа мощи новейшего оружия.

– Ну что ж, показывай! – сказал царь.

Оганес поджег фитиль, подождал и метнул глиняный сосуд далеко вперед. При ударе о землю раздался несильный взрыв, вырвалось слабое пламя, и полетели шагов на пять мелкие камни.

– Да-а... Не очень впечатляет, – произнес Тигран. – Кого же мы этим напугаем?

– Праща посильнее будет, – сказал азарапет Гнуни, придворный, ведавший финансами.

– Лук со стрелами превосходит это оружие, – вмешался начальник царской охоты Варажауни, мужчина крупного телосложения и немереной силы.

– Это изобретение не найдет себе применения, – заключил Кухбацци.

Тигран задумчиво посмотрел на недалёковидных соратников:

– Я бы не спешил с выводами. Надо усовершенствовать снаряд, и, возможно, он будет играть важную роль в бою. Так, Оганес?

– Да, государь.

– Что еще, Мамиконян?

– Архимедово паровое орудие, улучшенное твоим сыном и нашими мастерами.

Все прошли к пушке. На железной станине лежала длинная медная труба, закупоренная с одного конца. Со времен Архимеда появилось усовершенствование – трубу на станине теперь можно вращать в разные стороны.

– Государь, – пояснял Мамиконян, – это орудие ведет огонь по противнику полыми глиняными шарами, начиненными зажигательной смесью.

Все уставились на блестящую медную трубу, способную плевать зарядами и производить оглушительный звук. Такое орудие должно вызвать панику в рядах противника: гром такой силы, что на ум приходит мысль о каре богов.

Артавазд, улыбаясь, сказал:

– Государь, разреши показать тебе орудие в действии.

– Покажи, сын!

Все отошли к столам с угощением и вином, расположенным на почтительном расстоянии от пушки. У орудия остались только Артавазд, Аршам и Вараж – способный юноша, усовершенствующий орудие. Трубу, вернее, ее закупоренный конец, нагрели, подбрасывая под нее раскаленные

угли. Вараж поднес к открытому концу трубы заряд – глиняный шар, начиненный зажигательной смесью, а Аршам приготовился заливать воду в нагретую часть орудия. Вода в раскаленной докрасна трубе должна испариться и, превратившись в пар, вытолкнуть ядро далеко вперед, к лесу. Гениальный Архимед, спасая родные Сиракузы от римлян, заставил работать огонь и воду.

Аршам, повинувшись неким крамольным мыслям, незаметно снял стопор, ограничивающий вращение орудия на железной станине.

– Огонь! – скомандовал Артавазд.

Вараж закинул в трубу глиняное ядро, Аршам залил внутрь воду, она начала испаряться, образуя мощный поток пара. Труба вдруг дернулась и, вопреки всем ожиданиям, под действием струи выходящего из нее пара стала со свистом вращаться на подвижной станине, набирая скорость. Артавазд, Аршам и Вараж бросились врассыпную. Раздался залп, будто над поляной прогремел трескучий гром при внезапной грозе. Снаряд, вылетевший из трубы, полетел в сторону царя и свиты. Все охнули.

С огромной скоростью и свистом снаряд преодолел расстояние и, ударившись о землю, разорвался. Легковоспламеняющееся вещество, залив все в метре от царя, вспыхнуло. Едкий дым окутал место происшествия. Люди с ужасом попадали на землю. Тигран лежал в траве, закрыв голову руками, не веря, что катастрофа произошла на обычном пока-

зе. Увидев, что придворные шевелятся – они с опаской подняли головы, – царь встал, развернулся, и не говоря ни слова, направился к телохранителям, с трудом удерживающим перепуганных лошадей. Он уехал. Огонь, не поддающийся тушению, яростно, с треском пожирал столы с угощением, превращая все в пепел и накрывая поляну черным дымом. Испытание провалилось.

Царь, сидя в дубовом кресле напротив подчиненных, грозно хмурился:

– Артавазд, Мамиконян! Такого бездарного показа вооружения у нас еще не было!

Прибывшие на головомойку в его покои члены военного совета сидели в жестких креслах с прямыми спинками, низко опустив головы.

Негодующий Тигран вперил орлиный взор в незадачливых вояк:

– Могли погибнуть люди, лучшие умы государства. В нашем мире, где и так много боли и смертей, это недопустимо!

– Прости, государь, – произнес Мамиконян, – оружие не готово к применению. Вся вина лежит на мне.

– Нет! – воскликнул взволнованный Артавазд. – Орудие готовил к показу я, значит, вина моя.

Тигран посмотрел на вспыльчивого сына и подумал: «Взгляд потухший, мысли растерянные», поэтому сказал:

– Люди мечтают овладеть высшей мудростью, не утруж-

дая себя глубоким изучением окружающего мира. Конечно, в суетной жизни иногда происходят необъяснимые чудеса, но только познание истин позволяет увидеть правду и ложь. Сын, было бы трагедией, если бы страсть к познанию у тебя угасла. – Затем, вдруг остыв, царь примирительно произнес: – Гром был оглушающим, а огонь жарким. Продолжайте работать над этим оружием. Получится серьезная машина.

Глаза Артавазда вновь засветились:

– Да, государь, уже есть новые идеи...

Царь сменил тему, и все со вздохом облегчения подняли головы и внимательно слушали.

– Должен поздравить Артавазда и Гураса с хорошо выполненными заданиями, – Тигран расплылся в добродушной улыбке. – Египет открыл тайны: мы жаждали их узнать. Теперь ясно: царица Трифаена, безвременно погибшая, имела божественное происхождение и сильные магические способности, как, скорее всего, имеют ее дочери Береника и Клеопатра. Борьба за власть в этой стране, несомненно, продолжится, однако, пока Свиток творца в руках Птолемея, власть его будет безраздельной, а силы зла затаятся.

– Страна получила шанс для развития, – добавил Артавазд.

– Да, сын! По нашим сведениям, Юлий Цезарь начал активную работу с сенаторами, и скоро Рим признает Птолемея XII законным царем.

– Не будем загадывать далеко, порадуемся тому, что

есть, – философски изрек Гурас.

Царь улыбнулся брату:

– Дорогой Гурас, ты нашел подтверждение тому, о чем я давно подозревал. Начинается новый раздел территории Малой Азии, Ближнего Востока и Месопотамии. С запада собираются вторгнуться римляне, с востока войска Парфянского царства. Помпей с большой армией под предлогом охоты за Митридатом придет к нам. Прошу ближайших советников высказываться!

Первым взял слово Багратуни, глава старейшин, великий венцевозлагатель, человек из рода, имевшего привилегию короновать царей Великой Армении:

– Государь, меня посвятили в твой план заключить с Римом мирный договор...

Он говорил много, но главная мысль заключалась в том, что план царя вызовет неприятие у аристократов. Те потеряют владения в новых землях, их доходы упадут, и все, кто имеет в Софене и Сирии концессии, утратят контроль над предприятиями. Тигран смотрел на Багратуни, старого и изворотливого сановника, и думал: «Жадные нахарары (нахарар – дворянский титул князя) прежде всего пекутся о своем благе. Они ни за что не откажутся от своих приобретений и желанья разбогатеть еще больше. Пусть мир рушится, пусть Рим рвется к глобальному господству и подчиняет себе государство за государством, лишь бы нахарары не упустили шанс набить мешки золотом, а для этого все средства хороши».

ши».

Разгорелся спор. Превалировали два мнения. С одной стороны, везде, где господствовали иноземцы, разрушалась система управления государством, менялся многовековой уклад жизни народа. Нельзя никому позволить хозяйничать на армянской земле, Армения должна остаться суверенной! С другой стороны, победить противника, заключив с ним союз, невозможно. Нахарары осознают кровное дело нации не быть покоренной, они опора царя, а он должен любой ценой противостоять агрессору. Девиз армян помнил каждый причастный отечеству: «Ни перед кем не склоняться, никогда не давать себя в обиду».

Царь, благосклонно внимая спорящим, подвел итог:

– Дорогой Багратуни, быть независимой страной, оставаться жизнеспособными и развиваться – дело хорошее. Да, мы обязаны иметь военные силы, готовые дать отпор любому агрессору. Но если враг сегодня сильнее тебя, как быть?

Багратуни заерзал в кресле, не находя что ответить.

Евсевий, мудрец, произнес:

– У нас есть два выхода из ситуации. Первый – вступить в войну и одержать Пиррову победу...

Он имел в виду поучительный эпизод. Эпирская армия царя Пирра (он приходился родственником Александру Македонскому), в течение двух дней вела наступление на войска римлян и сломала их сопротивление, но потери были столь велики, что Пирр в отчаянии воскликнул: «Еще одна такая

победа, и я останусь без войска!»

Тигран улыбнулся:

– Нам это не подходит.

Евсевий продолжил:

– Второй вариант – максима Гамилькара: «Не можешь победить, покорись обстоятельствам!»

Когда карфагеняне бились с римским войском на Сицилии за свой город Фермы, известный теплыми солеными источниками Геракла, их положение ухудшилось, и не осталось никакой надежды на спасение. Тогда они благоразумно решили покориться неизбежному и отправили к римлянам послов для переговоров об окончании войны и заключения мира. Римляне с радостью приняли предложение, так как и их войско оказалось истощено. Условия мира были тяжелыми, но карфагеняне спасли город, себя и свое войско от полного разгрома.

Багратуни поднял удивленные глаза:

– Евсевий, что ты хочешь этим сказать?

– Дорогой Багратуни, царь должен уметь определять моменты как для победы, так и для отступления.

Багратуни, решив не спорить, все же заметил:

– Надеюсь, хотя бы наемники будут играть в нашей армии третьестепенную роль.

– Так и есть! – сказал главнокомандующий Мамиконян. – Никогда нельзя возлагать надежды на чужих солдат. Основу войск теперь будет составлять конница.

Багунци, заместитель главнокомандующего, проронил:

– Наша конница – лучшая в Азии, мы могли бы дать отпор...

Все главы армянских княжеских родов доносили, что готовы согласно военному регистру Зоранамак предоставить конные отряды в царское войско.

Воинственного Багунци поддержал не менее непримиримый начальник царской охоты Варажауни:

– Все уезды, государь, пришлют в твое войско отряды охотников, лучших стрелков страны! С такой армией мы непобедимы...

Царь задал риторический вопрос:

– Если боги пошлют нам победу, что даст она нам?

Все промолчали. А государь разъяснил:

– Война – это нищета и беспросветная нужда народа, плюс погибшие солдаты и разоренные города. У нашего народа есть исключительная миссия. Если мы ее выполним, на земле наступит эра справедливости, воцарятся мир и покой.

Мамиконян, осуждающе посмотрев на Багунци и Варажауни, продолжил:

– В случае агрессии, врагу не поздоровится. Как у Лукулла не вышло превратить Великую Армению в римскую провинцию, так и не получится ни у кого другого.

Гурас, брат царя, веско добавил:

– Армяне – один из самых древних народов на земле, воевать умеет. Твой план, государь, мирного урегулирования

конфликта позволит нации и дальше спокойно существовать. Но пусть все знают, что народная война против захватчиков в любой момент вспыхнет вновь...

Скрипнула дверь, в зал с испуганным лицом вошел главный евнух – царедворец, руководивший двором и личным хозяйством царя. Евнухи стерегли гарем, и царь мог не опасаться, что создастся новая династия. Тигран повернул голову в его сторону и встревоженным голосом спросил:

– Что-то случилось, Мард?

– Государь, – вошедший по имени Мардпетакан, которого все звали Мардом, опустил голову, – в гареме произошло несчастье.

Будто огромный камень придавил Тиграна: что-то случилось с Аревик! Мучительная мысль пронзила его, как молния, не давая думать ни о чем другом.

– Говори, – тихо сказал царь.

– Умерла Шогер...

– Певунья?

Шогер, молодая красивая девушка, чье имя означало «великолепие», была подлинным украшением гарема Тиграна. Вечерами, в часы отдыха и развлечений, царь и его гости располагались на диванах в зале для торжеств, и при одном появлении Шогер все замолкали. Когда она пела, мироздание ликовало.

– В гареме никто не понял что произошло, – говорил Мард. – Она пела и смеялась, пила вино... а потом упала без

чувств.

– Все свободны! – Царь встал. – Пойдем туда! Лекаря ко мне!

Объятый тревожным чувством, Тигран шел по коридорам дворца, сопровождаемый начальником службы безопасности Кухбаци, лекарем Егией, евнухом Мардом и охраной. Деревянную дверь, отделанную неповторимым резным узором с золотыми вставками, перед ним открыли, и взору предстал великолепный мраморный зал с колоннами и бассейном.

На мраморном полу возле инкрустированного слоновой костью столика без чувств лежала в жемчужно-золотом наряде Шогер; в ее руке остался недопитый кубок. В углу зала несколько объятых страхом наложниц растерянно смотрели то на царя, то на покойницу. Обольстительная женщина, умевшая услаждать царя пением и танцами, лежала неподвижно в изящной позе, беззащитная и бледная, с трогательным выражением лица, будто спала. Тигран, потрясенный и негодующий, смотрел на безжизненное тело и не произнес ни слова. Даже сейчас красавица выглядела ослепительно, вызывая восхищение.

Лекарь, пощупав пульс, осмотрев зрачки и язык, произнес:

– Она умерла.

Затем из складок своей одежды он достал небольшой мешочек и развязал. Взяв красный «кристалл истины», бросил его в кубок с вином, все еще остававшийся в руках Шогер,

и стал ждать.

Все цари античного мира держали гаремы: чем больше наложниц, тем престижнее. В дворце Арташата было сорок наложниц, жили они в изолированной части здания, в отдельных покоях, некоторые имели от царя детей. Обслуживали их сорок служанок, в основном рабыни, а за всеми женщинами приглядывали пять евнухов. Каждая наложница училась пению, танцам, грамоте, этикету, умению вести беседу и доставлять удовольствие мужчине. Готовясь усладить взор и слух господина, сказочно соблазнительная красавица мечтала стать любимой женщиной царя, всегда помня: быть наложницей – великая честь для девушки, в том числе из знатного семейства. Однако попасть в гарем могли только избранные, правда, многие из них так и не видели царя вблизи.

Повелитель, воздавая должное каждой прелестнице, никогда не забывал, что женат на царской особе – Клеопатре Понтийской, дочери царя Митридата, красивой, яркой и властной женщине. Она предала царя трижды, и шесть лет назад ее, желавшую властвовать единолично, отправили подальше от столицы, в крепость Софа, окружив роскошью, поэтами и философами и разрешив прибывать в столицу только на государственные торжества. Когда началась война, царица перебралась в Боспорское царство к брату, подальше от мести Тиграна. Настроив против мужа троих сыновей, поднявших по наущению царицы мятежи, чтобы сместить царя, она добилась обратного: двое были обезглавле-

ны, а третий, Тигран Младший, бежал в Парфию, женился на дочери парфянского царя Родогуне и, получив там войско, попытался воевать с Великой Арменией, но безуспешно. Трое мятежных сыновей предали идеалы государя, ради которых он жил и строил свою державу. Предательство не прощалось.

Женщины вдохновляли Тиграна, и даже в преклонном возрасте будоражили его воображение и душу, делая жизнь ярче и насыщенней, а содержание гарема было одной из главных статей расходов государства, что, впрочем, не вызывало нареканий ни у всемогущего управляющего финансами Гнуни, ни у родовитых князей Великой Армении.

Вечерами, когда царь отдыхал от государственных дел, девушки гарема пением и танцами развлекали Тиграна, наполняя его новой энергией и погружая в мир грез и желаний. Гости царя отмечали, что такой приподнятой атмосферы праздника не было ни при дворе Митридата, имеющего самый крупный гарем на Востоке, ни при дворе парфянского царя Фраата, где пляски и пение походило на боевой клич к победным баталиям...

Вино в кубке изменило цвет. Егия, понюхав, поставил сосуд на столик:

– Вино отравлено, государь!

Вздых отчаяния вырвался из груди Аревик. Тигран посмотрел на нее, напуганную до смерти и тихо рыдающую. Рядом стояла Седа, сосредоточенная, смущенная и пережи-

вающая трагедию, но взгляд ее черных глаз был недобрым. Она подняла очи на Тиграна, как бы говоря: «Ты совсем забыл меня, а когда-то я была твоей любимой женщиной...» Царь залюбовался ею: осанка безупречная, черты лица точеные, фигура идеальная, мягкие черные волосы уложены в аккуратную прическу. Даже одежда этой женственной, уверенной в своей красоте наложницы подчеркивала ее достоинства. Прекрасна и неповторима! Но холодна и больше не вызывала у Тиграна глубоких, радостных эмоций. По-настоящему он любил лишь одну – прекрасную Аревик.

Мужчины ушли, и уже в покоях государя лекарь Егия сообщил, что это был яд болиголов: парализует мгновенно. Вино в кубке под воздействием «кристалла истины» изменило цвет, появилось зловоние, похожее на запах кошачьей мочи, а глаза и язык жертвы покрыты сыпью.

Мард воскликнул:

– Отравитель наделен коварством и жестокостью!

– Кто совершил злодеяние? – Тигран, все еще не справившийся с тягостным чувством, смотрел на Кухбаци.

Начальник службы безопасности ответил:

– Отравительница, несомненно, в гареме: либо наложница, либо служанка...

Царь сурово посмотрел на сановников:

– Мард, твоя главная задача беречь Аревик, а твоя, Кухбаци, – найти убийцу. Пусть Аревик придет ко мне. Вы свободны!

Опустошенный и подавленный Тигран опустил на пуф и не поднимал головы, пока в зал в сопровождении евнуха не вошла его любимица. Царь видел, что она, столкнувшись с опасностью, переживает страх и, чувствуя себя незащищенной, вся сжалась в комочек. Он встал, подошел и, обняв Аревик, поцеловал ее в губы.

Она дрожала, в глазах ее были слезы:

– Этот яд предназначался мне... Я сидела у столика, слушающая изумительное пение Шогер, и не заметила кто поставил рядом кубок с вином. Шогер, допев песню, взяла этот кубок и сказала: «Я пью за красоту, прекрасную и опасную», и выпила...

– Нас хотят разлучить, милая, – Тигран увлажненными глазами смотрел на возлюбленную.

– Я не мыслю жизни без тебя, – тихо говорила Аревик, заглядывая в его бездонные глаза.

– Милая, я не допущу причинение тебе вреда. Коварство, подобно кинжалу, наносит смертельную рану самым беззащитным. Будем сильными, зло не должно торжествовать!..

В покои Седы вбежал Аршам:

– Мама, отравили Шогер, в дворце стало опасно!

Она неподвижным взглядом посмотрела на сына:

– Не думай о смерти, не бойся ее, не призывай раньше времени.

– И все же история трагическая...

– Сынок, в Армении происходит много необъяснимых историй...

Аршам внимательно посмотрел на мать:

– Как-то ты говорила, что каждое слово и дело становятся известны высшим силам...

– Что ж, тайна жизни и смерти рано или поздно раскрывается... Важнее другое: ты сын царя и достоин быть царем, а я та, кто сделал Тиграна таким, каким он стал – великим! Роза расцвела, и все восторгаются ее дивной красотой и разящими шипами...

Аршам от этих слов невольно выпрямился, его взгляд стал ледяным, он оценивающе посмотрел на мать:

– Всех, заблуждающихся на мой счет, я заставлю сомневаться...

В сарае, куда приволокли пушку после неудачного показа царю, вокруг орудия колдовали Артавазд и Вараж.

– Не понимаю, как стопор мог отсоединиться сам по себе? Вроде все исправно, – недоумевал Вараж.

– Сила пара огромна, Вараж. Нам придется в корне менять механизм ограничения движения, – произнес Артавазд. – Возможно, сделаем два гнезда для надежного удержания трубы стопорами.

В сарай вошел Аршам, с порога заявив:

– Гром над Араратом еще прогремит! Только следует зарядить наше орудие головой азрапета Гнуни, не давшего до-

статочно денег для постройки орудия.

– Не шути так, Аршам. Скажи, как случилось, что стопор не удержал трубу?

– Полагаю, стопор ненадежный.

– Мог погибнуть царь...

– Ну тогда трон занял бы ты... – Аршам шутливо подмигнул царевичу.

Артавазд поднял взгляд. Казалось, этого человека он совсем не знает. За дерзкой улыбкой скрывается злая натура. Мысли, тайны, желания и нрав Аршама – все, что обычно составляет характер человека, вызывало протест. Он находит радость в чьей-то смерти? «Вряд ли мне удастся понять мотивы его поведения и поступков. Странное восприятие действительности, – думал царевич. – Что это? Гордость, жадность или мальчишеская беспечность?» Судить не хотелось. Вслух Артавазд сказал:

– Я еще не готов к правлению. Стать первым, значит пройти много испытаний, в том числе научиться не слушать советов друзей.

Артавазд отвернулся и стал сосредоточенно рассматривать стопор орудия. Аршам, смутившись, потрясенный словами царевича, опустил голову и больше не произнес ни слова.

Глава 14. Полубог Митридат

В столице Понтийского царства городе Амасии – резиденции царей и главном средоточии мудрости государства – царь Митридат VI Евпатор прохаживался взад-вперед в покоех дворца, обдумывая, как разжечь новый костер войны со своим главным соперником Римом в борьбе за господство на Востоке. Совсем недавно из Амасии был изгнан враг – римский гарнизон, возглавляемый легатом Сорнатием, и теперь все вернулось на круги своя: понтийский царь правил державой из столицы.

Город, возвышавшийся на левом берегу реки Ирис, известный как дом мыслителей, поэтов и писателей (Митридат кроме рукописей, изящных вещей, драгоценных камней и всевозможных ядов коллекционировал еще и ученых), был разграблен, но не разрушен, его население, приняв римские порядки, не слишком пострадало. Теперь, вернув себе благодаря Тиграну II царство, владыка Черного моря вновь пробуждал в себе дух воинственности и агрессивности, помышляя об освободительном походе, новом вызове Риму, очередной схватке с ненавистным противником. К нему вернулась прежняя дерзость. Единственное, чего не хватало Митридату, это отборных войск. Когда доложили, что с тайным визитом прибыл его внук, царевич Великой Армении Тигран Младший, царь восторженно встретил его, просчитывая новые возмож-

ности.

– Мой любимый внук! – Митридат встречал его, сидя в кресле, но встал, чтобы подчеркнуть особое расположение к юноше и радушно поприветствовать. – Мне тебя не хватало. Возмужал! Но в этом парфянском наряде ты смотришься как павлин, ожидающий восхищения зрителей. Много блеска, мало смысла.

– Демонстрировать лучшие качества и во всем добиваться совершенства... Ты сам меня учил.

Они обнялись. Дед улыбался:

– Да-да, я всегда говорил: совершенство – это когда предназначение человека совпадает с его способностями. Таково условие перемены мира по прихоти тирана. У тебя есть всё: эффектная внешность, хорошее образование, высокая самооценка и, несомненно, ты сердцеед.

Тигран Младший, высокий, бледный, утонченный юноша двадцати четырех лет, эмоциональный, одаренный, умный, но высокомерный, самонадеянный и дерзкий, часто бывал нерешителен, а в острой ситуации отступал и закрывался.

– Государь... Дедушка! В дворце отца я превзошел всех в греческом, экономике и религии...

– Конечно, ты умен, но... – Митридат взглянул на него многозначительно, — ...проиграл дважды!

Первый раз Тигран Младший проиграл, когда поднял мятеж против царя Тиграна II, своего отца. Вокруг юноши объединились все недовольные царем аристократы, и он, под-

стрекаемый матерью (армянской царицей, дочерью Митридата), а также дедом, попытался свергнуть правителя Великой Армении. Неопытность сына и сила воли отца разрешили ситуацию: мятеж провалился, царь укрепил власть, а царица с позором бежала в Парфию. Второй раз он проиграл, когда, получив войска от парфянского царя Фраата III, осадил древнюю столицу армянского царства Арташат, чтобы разграбить и нанести удар по самолюбию отца. И снова провал. Потеряв половину войска и веру в себя, царица уползла в Парфию зализывать раны.

– Дедушка, я многое переосмыслил и нашел формулу успеха.

– Да?

– Если желание преуспеть будоражит воображение, подталкивая на риск, тогда приходит успех! – юноша старался произвести на деда впечатление.

– Да, мой мальчик, успех сделает тебя великим. Но успех сам по себе не приходит, его надо добиться. Знаешь, чего тебе не хватает? Коварства!

При этих словах в глазах Митридата появился злобный блеск. Человек, посвятивший тридцать пять лет борьбе с Римом, став его главным врагом, знал что такое коварство и как тиранить самое сильное государство мира. Он, гений власти, тщеславный и гордый, в свои шестьдесят шесть оставался энергичным и необузданным.

– Коварство и хитрость придают правителю значимость! –

провозгласил Митридат.

Он был убежден, что нельзя быть добрым: реальная жизнь не соответствует идеалам добродетели. Например, нельзя верить окружающим: все равно предадут. Рим называет Митридата VI великим злодеем? Что ж, он действительно заклятый враг Рима. Говорили, он жесток. Конечно, он везде видел убийство и измену, но был справедлив. Простой народ его любит и, сражаясь за его идеалы, умирает.

Тигран Младший смотрел на деда восхищенными глазами:

– Я хочу прославиться, хочу Великую Армению...

– Похвально, внук, – Митридат хлопнул в ладоши, и тут же появились слуги с двумя золотыми кубками и кувшином из агата в золотой оправе. Царю и внуку подали кубки, до краев наполненные искрящимся вином. – Вижу, ты не опустил руки. Выпьем за главные черты государя: храбрость, но не безрассудность; непреклонность, но не упрямство; милосердие, но не жалость!

Сдвинули кубки, расплескав вино, и выпили, посмотрев друг другу в глаза как единомышленники.

– С чем ты ко мне пожаловал? – спросил царь, когда они сели в кресла друг против друга.

– Государь, дай мне войско. Объединив наши силы, я свергну отца, займу его трон и положу богатства Армении к твоим ногам.

– Сколько у тебя воинов?

– Десять тысяч парфянских всадников.

– Тигран раздавит тебя, даже не заметив. И потом, как быть: твой отец мой зять, а мою стотысячную армию наполовину составляют армяне? Они любят Тиграна. Я, Митридат VI, царь Понта, сам являюсь царем Армении – Малой Армении. Ты не знал? Трон был мне завещан прежним царем, – Митридат улыбался. – Вторая половина моего войска – греки, скифы, понтийцы, тавры, сарматы, беглые рабы, разбойники, пираты и много кто еще. Все страны вокруг Понта Эвксинского (Черное море) завоеваны мною. Ты не справишься с этой сворой.

Юноша потупил взор.

– Ну, не расстраивайся, Тигран Младший. Присоединяй свой отряд к моим войскам. Скоро предстоят серьезные бои с армией Помпея.

Из Рима Митридату поступали достоверные вести, одна тревожнее другой. На царя объявлена охота, но он не сомневался, что разобьет Помпея и пойдет на Рим через Балканы и Альпы как Ганнибал. Внук с сожалением проронил:

– Извини, у меня другие планы. Хочу Великую Армению, хочу быть царем царей, получить страну, в которой происходят чудеса и скрыты тайны мира.

– Армения полна чудес, подтверждаю... – воспоминания нахлынули на деда.

О чудесах в Армении древний мир знал наверняка. Во многих старинных манускриптах написано, что именно на

земле Армении возродилась жизнь после потопа, насланного разгневанными богами. Земной рай, который простым смертным не дано видеть, находится на ее территории, а гора Арарат – высшая его точка. Все цари Востока, повинувшись неодолимому зову, везли свои сокровища в Армению. Там, в скалах, в огромных пещерах, которые называли Дворцом власти, великие правители Крёз, Кир, Дарий, Ксеркс, цари Вавилонии и Ассирии, Элама и Урарту сложили свои богатства. Они возвеличивали свою власть за счет приобщения к высшим силам именно в Дворце власти.

– Я хочу богатства царей Востока! – вырвалось у Тиграна Младшего, его глаза горели как огонь, он сгорал от нетерпения.

– Кому достанутся эти сокровища, не знаю... – проронил царь.

Митридат встал, подошел к окну. Он смотрел на лиловые облака, тянущиеся по небу, оживляя картину великолепия угасающего дня, и думал, что в Дворце власти есть магические вещицы, эликсир бессмертия например. Жаль, что внук поступает вопреки его ожиданиям и не выступит с ним в поход. Разбив Помпея, они бы вместе отыскиали этот дворец и завладели бы золотом и волшебными предметами. Тигран был там и не взял ничего, кроме меча. Огненный меч армянского бога Ваагна мог бы остановить не только Помпея, но и проложить путь к Риму, однако Тигран предпочел использовать оружие бога против сил зла во имя всего человечества.

Меч утрачен... «Какое мне дело до всего человечества! Я хочу быть богатым, великим и бессмертным!» – решил Митридат. Поняв, что наговорил лишнего, с тревогой посмотрел на юношу, но, увидев в его глазах героический блеск, и то как он выпрямился, расправив плечи, подумал: «Витает в облаках» и успокоился.

Тигран Младший вскричал:

– Если я стану царем Великой Армении, то найду меч, а золото мы разделим!

Митридат, обдумывая ситуацию, прошелся по залу, мысленно прокручивая разные варианты выбора: «Парень пылкий, но как правитель слаб, им можно легко манипулировать. Он орудие для устранения Тиграна II, не больше. Мне нужны богатства и войска Великой Армении, нужен контроль над ее территорией в качестве плацдарма для вторжения в Италию!»

– Я помогу тебе, – сказал Митридат. – Твой отец стар, не может адекватно оценивать ситуацию, кроме того, навредил мне, отняв магические вещи – ключ от Дворца власти и Таблицу судеб. Я хотел бы это вернуть.

– Раньше вы дружили... – неуверенно проронил Тигран Младший. – Когда Рим отнял у тебя царство, он помог...

Митридат на минуту задумался: «Почему же я хочу смерти армянского царя? Интересный вопрос. Наверное, Тигран II олицетворяет Добро, а я Зло, но его стремления и мотивы мне неинтересны, мои цели важнее. Если не я остановлю

алчный Рим, то кто? Тигран построил царство неги и думает только о процветании своей державы. А кто будет бороться за свободу эллинов, кто отдаст всего себя делу освобождения греков от тирании Рима? Я не желаю знать его проблем так же, как он не интересуется моими. Да, Тигран дал мне конницу, с ней я освободил свое царство и вновь захватил соседей – Вифинию и Каппадокию, но от меня отвернулись все цари Востока, и Тигран дал понять, что не желает иметь со мной дел». Вслух же сказал:

– Мой дорогой, я сполна заплатил твоему отцу за помощь. И потом, он меня унизил, а в трудную минуту бросил. Я отвечу тем же...

– Кто всех унижает, достоин смерти! – воскликнул Тигран Младший. – Я готов на все, чтобы трон Великой Армении стал моим. Цель оправдывает средства. Вместе с тобой мы будем творить справедливость!

Митридат видел как сильно юноша жаждет власти и люто ненавидит отца, но в душе понтийского царя по-прежнему боролись твердая уверенность и мучительное сомнение. Митридат есть сила, разрушающая все, как смерч на своем пути, но он и ранимый человек, которому свойственно ошибаться. Что им руководит: зависть или желание отомстить? Наверное, все же корысть. Как говорят, ничего личного... А если из-за него рухнет миропорядок? Что ж, тем лучше! Уйду со сцены, а мир пусть летит в тартарары!

Царь подумал, что жизнью он разочарован, так как ничего

не добился: не построил личную империю, не встал вровень с Александром Македонским. Конечно, с бесспорно превосходящей военной мощью Рима может биться только глупец или... он. Когда человек соткан из противоречий, то вынужден либо подавлять желания, сводящие его с ума в стремлении к успеху, либо раскрыться навстречу опасности. Хочешь лавров, научись реализовывать свой потенциал.

Подойдя к царевичу, Митридат заглянул в его большие горящие глаза:

– Пообещай: когда станешь царем, двинешь свою армию вслед за мной на Рим.

– Обещаю, дедушка! Что я должен делать?

В голове царя уже созрел коварный план. Он устранил Тиграна и расширит свою империю. Она будет простираться от Каспийского моря на востоке до Средиземного на западе, от Азовского моря на севере до Индийского океана на юге. Голова кружилась от кажущегося успеха.

Митридат, шурша шелковыми багровыми одеждами и побрякивая золотыми украшениями, приблизился к юноше и начал медленно кружить вокруг него, будто обволакивая тяжелым туманом. Потом, заговорщически поглядывая на царевича, придвинулся к нему и прошептал на ухо:

– Царь Тигран II очень привязан к людям, окружающим его. Они ему дороги, все признанные авторитеты...

Речь шла о таких персонах, как верховный жрец Спандуни, главнокомандующий Мамиконян, мудрец Метродор и

другие. Они, так сказать, есть коллективный разум Тиграна. Работая совместно, эта команда мыслителей всегда находит наилучшее решение, превосходящее замысел любого правителя.

Тигран Младший, внимательно слушая, пытался уловить мысль царя. А тот, наклонив совсем близко к нему свою седеющую голову, повязанную белой лентой-диадемой (символ царской власти), вкрадчиво объяснил:

– Сначала надо устранить их... Скорбь коснется того, кто потеряет мудрость.

– Понимаю, государь, – царевич, сглотнув слюну, почувствовал, как усилилось сердцебиение. – Мудрость обернется глупостью... А как будет нанесен удар по царю?

– К нему не подступиться, я знаю, но у него есть одна слабость, и мы используем ее, чтобы сокрушить царя окончательно и свести в могилу. Это Аревик, любимая наложница, смысл его жизни. Ее смерть будет ему карой.

– А Артавазд? – Тигран Младший впился глазами в деда.

– Наследник престола Артавазд настолько слаб и как стратег, и как правитель, что после смерти Тиграна от него отвернется аристократия. С ним мы разделаемся позже.

Заходящее солнце бросило последние лучи на дворец понтийского владыки, и один из лучей через окно упал на лицо царевича: оно выражало ненависть и благоговейный страх.

– Как же это осуществить? – не представлял себе юноша.

Митридат взял Тиграна Младшего за локоть и подвел к мраморному столику со шкатулкой, открыв ее.

– Полюбуйся!

Царевич бросил взгляд: в ларце лежали небольшие стеклянные закупоренные сосуды с различными жидкостями – желтая, красная, зеленая...

– Что это?

– Это коллекция ядов, мои шедевры! Разят без промаха. Цикута нас не интересует: действует слишком медленно. А вот взгляни на это! Аконит! – царь взял сосуд с черной маслянистой жидкостью. – Убивает мгновенно!.. Это асклепид... – он показал на флакон с желтым содержимым. – А здесь белена, – Митридат потряс пузырьком с жидкостью бронзового цвета. – Все испытано на преступниках... Я могу укротить любого, вставшего на моем пути.

У Митридата была репутация изощренного тирана-отравителя. Юноша это знал. Митридат снял со стены необычный кинжал – трехклинковый, с закрученным лезвием.

– Но кое-кого отравить не удастся, придется заколоть... Этот кинжал нанесет наибольший вред жертве, не оставив шанса на выживание. Кто же заслуживает такой смерти?.. – Подняв голубое лезвие кинжала до уровня глаз, царь залюбовался совершенной работой мастера: – Метродор! Бывший мой советник, а теперь советник твоего отца должен умереть, слишком много секретов он выдал царю Тиграну. Мудрец хитер. Зная, как я люблю пускать в ход яды, приучил се-

бя к ним малыми дозами, чтобы выработать невосприимчивость. Впрочем, как и я.

Тигран Младший, затаив дыхание, неотрывно смотрел на злодея, думая: «Моя жизнь зависит от одного слова этого человека». Митридат, прочитав его мысли, ухмыльнулся и произнес:

– Не бойся, мой мальчик, тебе ничто не угрожает. Я забочусь о тебе, хочу видеть тебя великим, надеюсь, ты наследуешь мне. – Он взял со столика маленький сосуд из хрустала, отделанный золотом и эмалью, запечатанный пробкой из рубина с огранкой «роза». На горлышке была завязана бантом белая шелковая лента. Внутри плескалась розовая жидкость. – Это териак – универсальное противоядие от всех ядов. Секрет состава знаю только я. Он включает пятьдесят четыре ингредиента. Дарю! Всегда будь начеку: яд бывает не только в вине, но и в добрых советах...

Встрепенувшись, Тигран Младший с благоговением взял флакон и щенячьими глазами посмотрел на деда:

– Когда?

– Скоро, мой мальчик, скоро. Ни о чем не беспокойся. Во дворце Тиграна есть мои люди. Твоя задача – найти способ передать им яд и оружие, назвать имена, остальное не твоя забота. – Вручив Тиграну Младшему пузырьки с ядом и кинжал, загадочно

сказал: – Безумство – это когда хочешь, можешь, но не

делаешь.

Царевич ушел, а Митридат, проводив его взглядом, хлопнул в ладоши. Немедленно появился Менофан, помощник и стратег, один из немногих царедворцев, кому еще доверял царь.

– Менофан, приведи ко мне жену и детей.

Стратег поклонился и ушел, и вскоре в зал вошли одетые в богатые одежды и увешанные золотыми скифскими и греческими украшениями жена Гипсикратия и дети царя: Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр и Эвпатра. Сыновья и дочь, возрастом от десяти до восемнадцати, проживали с ним в дворце, старший сын Фарнак собирал войска в Колхиде, дочь Клеопатра Понтийская (жена Тиграна II), сбегавшая от гнева мужа, была в Пантикапее, там же находился и средний сын Махар, фактически предавший отца, отослав диадему правителя Понта римскому полководцу Лукуллу, тем самым сдав царство врагу.

– О Гипсикратия, моя жена, о мои дети, папа любит вас и заботится! – вскричал Митридат.

– Великий царь! – нежным голосом сказала Гипсикратия. – Ты превыше гор, можешь укротить бурю, тебя почитают наравне с Зевсом, твою любовь стремятся заслужить. Всегда великодушный к своим детям, дай им бесценное наставление!

Растроганный Митридат прошелся вдоль выстроившихся в линию детей и дотронулся рукой до каждого:

– Мои дорогие, в ваших глазах я иногда замечаю тревогу и смятение, но не беспокойтесь, я всегда думаю о вас и сумею защитить.

– Отец, мы любим тебя, – высказался за всех восемнадцатилетний Артаферн.

Силой оружия царь уже подчинил себе некоторые царства и народы, например бастарнов, фракийцев и ряд скифских племен. Вскоре его армия должна стать самой большой в мире, достаточной, чтобы разрушить могущество Римской республики.

– Дети мои, – Митридат говорил искренне, – я намереваюсь совершить большие завоевания. Каждому из вас я подарю по царству, а вы, встряхнув сонных подданных, станете тиранами, дабы карать и прощать.

Митридат подошел к самой юной – Эвпатре.

– Милая Эвпатра, ты станешь царицей роксоланов, светлых людей. Я выдам тебя замуж за их предводителя Тасия.

Затем он обратился к остальным:

– Оксатр получит Херсонес Таврический, Ксеркс Тамань, Фарнак, убывший собирать войско, Боспорское царство, Дарий Малую Армению, Артаферн Великую Армению. Мой сын Махар предал меня, он умрет... Ну, идите, милые.

Дети удалились. Царь поцеловал в губы свою шестую жену:

– Гипсикратия, ты всегда будешь рядом со мной, ты единственная, кто предан мне до конца и способен вдохновить

на подвиг.

– Да, мой господин. Разреши вопрос, великий царь!

– Дорогая, спрашивай.

– Все страны покорятся тебе, я не сомневаюсь, но Великая Армения находится под защитой могучих божественных сил. Стоит ли ссориться с Тиграном?

Митридат холодно посмотрел на нее:

– Я сам полубог. Как и Дионис, рожден Зевсом из бедра.

В детстве в меня ударила молния, но не навредила, а наделила необычайной силой и вселенским разумом. Дорогая, на земле есть духовные центры, где божественное начало ближе всего к человеческой сущности. Это Египет, Армения и Иудея. Завладев Арменией, я стану бессмертным, превращусь в бога...

Царь полностью ушел в себя, незримо витая в пространстве своего воображения. Гипсикратия неслышно вышла из зала.

Глава 15. Чудовище, пожирающее души

Метродор происходил из мест, где легендарная Троя, воспетая Гомером, осаждалась ахейцами (древнегреческое племя), а одна из лучших в мире библиотек – Пергамская – была разграблена римлянами. Когда же и его родной город Скепсис захватил Рим, знаменитый философ, академик, историк и ритор, являвшийся непререкаемым авторитетом для ученых, оставил философию и ушел в политику. Получив прозвище «Ненавистник римлян», поступил сначала на службу к Митридату Евпатору, а затем стал ближайшим советником царя Тиграна. Как советник правителя, он был призван решать проблемы все усложняющейся жизни царства и действительно видел глубинную суть вещей.

Слава о Метродоре продолжала ходить по миру, поскольку он изобрел метод, позволяющий запоминать огромные тексты. Метод изучал Цицерон. Восхитившись ученым, оратор воскликнул: «Он вписывает в память все, что хочет запомнить!» Действительно, Метродор делал в уме стенографическую запись прочитанного или услышанного с помощью образов, упорядоченно размещая каждый образ в своей памяти на определенном месте. Это было феноменально.

Теребя длинную бороду, старый философ в раздумьях

прохаживался по своему дому, расположенному недалеко от царского дворца в Арташате. В открытом световом дворике, окруженном с четырех сторон портиками, откуда имелись входы во все остальные помещения, он подошел к присаде для птиц – шесту из дуба, отделанному слоновой костью, с перекладиной, на которой сидела пара прирученных горных орлов, самка и самец. Всегда в одно и то же время они прилетали в его двор и разрешали себя покормить и погладить. Лучи солнца играли на красивых птичьих перьях; самка превосходила самца в размерах и силе, а тот был более легким и, соответственно, более быстроходным. Птицы не были ловчими, но к восьмидесятилетнему хозяину относились благосклонно. Старик никогда не использовал опутенки и шнуры-должники, чтобы удержать орлов, и не было случая, чтобы пернатые пытались клюнуть его. Поглаживая птиц, Метродор приговаривал:

– Мои хорошие, вы так выросли, совсем взрослые! Сегодня я приготовил ваше любимое угощение – мясо кролика... – и каждой птице он подал кусочек, любуясь изогнутым вниз клювом самца и острыми когтями самки.

Орлы брали лакомство из рук хозяина, проглатывали и издавали одобрительные звуки.

Подошел слуга и, поклонившись, сказал:

– Господин, тебя спрашивает Апелликон, и с ним еще один человек.

– О! – встрепенулся хозяин. – Апелликон – продавец ред-

ких книг. Приглашай! – Отойдя от птиц, Метродор направился навстречу гостям.

Вскоре во дворике появился довольно тучный продавец, одетый по-гречески в белый хитон с желтой каймой и гиматий, а за ним следовал человек с большой родинкой на лбу и злым выражением лица в греческом сером хитоне. Он держал в руках увесистый предмет, завернутый в коричневую льняную ткань, и улыбался. Но эта улыбка больше напоминала оскал: брови сомкнуты, губы растянуты, зубы обнажены.

Торговец вскричал:

– Как-то Диоген сказал, что милостыню надо подавать нищим, а философам никогда! Вот почему мои книги стоят дорого, но они того стоят!

– Апелликон, рад тебя видеть! – они дружески обнялись. – Кто еще купит старую книгу с заплесневевшими страницами по цене быстроходного корабля?

– О Метродор, твой язык всегда отличался метафоричностью. Это знают все, но мало кто знает, что ты истинный ценитель великих трудов древности. Мудрец – друг бога! Глупого твои слова обнадеживают, а умного делают щедрым и предусмотрительным.

– Ну не тяни, Апелликон, с чем ты ко мне пожаловал сегодня? – старик сгорал от нетерпения.

– Эта вещь роковая, она может убить или прославить на века.

– Предпочитаю второе... – удивленно сказал Метродор.

– Что ж, смотри! – и торговец, взяв из рук помощника предмет, развернул кусок ткани.

В его руках была рукописная книга: обрамление из твердого переплета (доски, обтянутые телячьими шкурами) и сшитые листы пергамента с текстом, написанным черными чернилами (чернила получали, смешивая раствор камеди с золой корней и листьев дуба). Передав книгу ученому, Аппеликон странно посмотрел на него, что не укрылось от философа. На первой странице бронзовым пером было красиво выведено: «Демосфен. Речи».

У Метродора перехватило дыхание. Он медленно, удерживая книгу в дрожащих руках, побрел в кабинет, где работал над рукописями. Деревянные высокие книжные стеллажи были заполнены манускриптами, свитками, валиками, стопками пергамента, футлярами разных цветов и редкими минералами. Взяв изобретенную ассирийцами лупу из хрустального стекла, ученый стал просматривать текст Демосфена – кумира риториков, знаменитого греческого оратора.

От рождения Демосфен был косноязычен, имел слабый голос, короткое дыхание и привычку подергивать плечом, но победил все эти недостатки. Он набирал в рот черепки и камешки и произносил речи на берегу моря при шуме волн, а дома, всякий раз, когда при тренировке перед зеркалом по привычке поднимал плечо, меч, спускавшийся с потолка на веревке, колот его. Увидев в середине книги произведение

«О венце», старик от восторга потерял дар речи. Демосфен призывал народ на борьбу, тем самым предопределил победу над тираном Филиппом II Македонским, отцом Александра Великого, намеревавшегося захватить Грецию.

Вдруг Метродор вспомнил, что Демосфена вынудили принять яд... В голове тут же мелькнули тревожные мысли, вспомнилась брошенная Апелликоном фраза: «Эта вещь роковая, она может убить...» Ученый резко развернулся. Со всем рядом стоял человек в сером хитоне, в его руке блеснуло лезвие кинжала. Метродор схватил книгу и прикрылся ею как щитом. Удар кинжала пришелся на речи Демосфена. Лезвие оружия застряло в деревянном переплете и твердых листах пергамента. Метродор оттолкнул нападавшего и схватил чернильницу. Плеснув чернила в лицо злодею, старик, пока тот утирался, поспешил к столу со склянками для опытов. Не успел убийца рвануться в его сторону, как Метродор бросил на пол две колбы с жидкостями. Те, разбившись, с шипением вызвали резкое испарение и неприятный запах. Тут же всю комнату окутал белый туман. Когда туман рассеялся, хозяина в кабинете уже не было.

Вбежал Апелликон:

– Он не мог далеко уйти, ему восемьдесят лет! Ищи по-тайной ход!

Торговец и его подручный методично осматривали стеллажи, сбрасывая свитки и футляры. Вдруг один из шкафов, дубовый, набитый манускриптами и крупными минералами,

повалился на их головы. Пытаясь защититься, оба негодяя инстинктивно выставили перед собой руки. К их ужасу, результаты научных исследований погребли обоих в кабинете великого ученого.

Метродор стоял на пороге комнаты и смотрел на незадачливых преступников, покусившихся на его жизнь. Послав слуг за помощью, двинулся к выходу из дома. Первым вылез из-под завалов человек с большой родинкой на лбу. Пошатываясь и достав из складок одежды нож, он поковылял по внутреннему дворику вслед за ученым. С насеста сорвался орел. Сделав несколько взмахов крыльями, он накинулся на жертву сзади. Раздался дикий крик птицы и безумный вопль человека с родинкой. Орел клевал его, раздирая плоть, злодей пытался защищаться, махал руками, но вот клюв птицы глубоко вонзился ему в голову, и жертва пала. Из двери кабинета выполз Апельликон. Толстяк с ужасом наблюдал сцену борьбы своего напарника с дикой птицей, потом услышал за спиной свист и почувствовал колебание воздуха. Обернулся. Самка орла вцепилась когтями в его глаза и, повалив на пол, стала клевать...

Ученый, семеня, двигался по улице к дворцу.

– Метродор, – окликнул его кто-то, – что случилось, куда ты так спешишь? Негоже мудрецу появляться на улице в одном хитоне, хотя и длинном. Где твой плащ?

Старик обернулся. Невдалеке стоял и удивленно смотрел на него начальник царской охоты Варажауни – грузный, но

сильный человек с круглым лицом и косматой бородой, в фиолетовом хитоне и сиреневом плаще. Варажауни происходил из знатного рода. По традиции из этого рода цари Армении назначали главных охотников. На службе у царя Тиграна он состоял давно, всегда получая одобрение государя за доставленную радость и славное развлечение на охоте.

– Варажауни, за мной гонятся убийцы! – запыхавшись, прохрипел ученый.

– Сюда, Метродор! Здесь ты можешь затаиться, а я прослежу, куда они пойдут. – Схватив старца за хитон, охотник втянул его во двор какого-то дома, потом выглянул на улицу и, убедившись, что никого нет, произнес: – А может, тебе показалось? Никто и не собирается тебя убивать.

– Что ты, что ты! Человек с кинжалом набросился на меня, я еле ноги унес...

– Что же ты такое натворил, что Апелликон захотел устранить тебя?

– Откуда тебе известно об Апелликоне? Я не произносил его имени...

– Ну, знаешь, земля слухами полнится...

– Пропусти, мне срочно нужно к царю!..

Огромный Варажауни левой рукой (на среднем пальце этой руки сверкнуло золотое кольцо «лев»), прижал старика к каменной кладке забора. Его злые и колючие глаза впились в лицо мудреца:

– Жизнь – это сон, заканчивающийся однажды, и человек

понимает, что нет оправдания бессмысленности существования. – В правой руке главного охотника появился кинжал – трехклинковый, с закрученным лезвием.

– Ты один из убийц! Я знаю этот кинжал, он принадлежал Митридату... – пробормотал потрясенный ученый.

– Митридат – это дух, он все видит и знает, его все боятся. Власть царя бесконечна, его слово закон. Наказание предателю неотвратимо...

– Ты, Варажауни, потерялся в этой жизни, не можешь обуздать свой страх, раболепствуешь перед Митридатом! А он чудовище, пожирающее души близких ему людей, чтобы насытить свою злобность. Сегодня на смерть обрекли меня, а завтра придут за тобой. Одумайся пока не поздно!

– Поздно, Метродор, прости...

Варажауни всадил закрученное лезвие кинжала в сердце мудреца по самую рукоять и повернул его. Глаза ученого, выражая беспредельную грусть, остекленели. Шанса на выживание своим жертвам царский охотник не оставлял.

Для почитания армянских языческих богов в Арташате были воздвигнуты каменные храмы. Главный из них – храм Арамазда. Статуя бога, установленная в святилище, была предметом всеобщего поклонения. Вся жизнь людей, как верили армяне, зависела от воли Арамазда, главного божества мира, творца небес и земли, обладателя величайшей мудрости.

Лучи солнца проникали в святилище храма сверху через большое круглое отверстие в потолке и падали на статую бога. Сделанная из мрамора в два человеческих роста и отделанная слоновой костью, золотом и серебром, скульптура, казалось, излучала сияние, вызывая неподдельный трепет верующих. С плеча мраморного Арамазда, сидящего на троне, ниспадал плащ из серебра, ноги были обуты в сандалии, в левой руке бог держал золотой шар (яблоко), в правой скипетр из золота с рубинами (посох); на голове его красовался золотой оливковый венок, символизирующий миролюбие. Натертая душистым маслом статуя с добродушным выражением лица выглядела величественно.

Верховный жрец Спандуни, отослав помощников и жрецов из зала, готовился говорить с богом – помолиться наедине и попросить совета: стоит ли дать царю золота и серебра из запасов храмовой сокровищницы для починки разрушенных войной крепостей? Подойдя к алтарю, жрец, чтобы задобрить бога, добавил в горевший в бронзовой чаше-очаге огонь ароматические растения – воскурил фимиам. Дымок пополз вверх: молитва жреца как фимиам направится прямо к богу, потому что бог всегда рядом.

Старик, поправив фитиль в горящей лампе с льняным маслом, взял в руки стоящую рядом «чашу гнева» – большую керамическую миску-лекану с ручками в виде змей, наполненную горючей смесью для огненных эффектов в ходе церемоний. Огонь в чаше возникал всякий раз, когда прося-

щий милостей у бога сановник или знатный человек скупился и жертвовал недостаточно золота. Взглянув в чашу и не увидев в ней картины грядущего, Спандуни поставил ее на место, поцеловал ступни статуи, воздел руки к небу и промолвил:

– О всеведущий и всевидящий бог Арамазд! Благодарю тебя за ниспосланную нам победу над врагом, за то добро, которое ты творишь на земле армянской, за плодородие полей, тучность садов, изобилие виноградников! Прошу и впредь защищать, исцелять и очищать нас!

Верховный жрец молился богу, глубоко веря в сверхъестественные силы, понимая свою главную задачу – сплочение народа на религиозной основе. Сегодня, дабы умиловить божество и снискать благоволение, он с утра принес особую жертву – большого белого быка и овцу, и теперь просил совета, стоит ли давать царю из храмовой сокровищницы средства на восстановление крепостей.

Бог в благом молчании взирал на жреца. Спандуни замер, прислушался. Вдруг в круглое отверстие над головой божества впорхнул голубь и сел на шар, зажатый в руке статуи. Спандуни понял: это знак!

– О Арамазд, отец наш и верховный бог, создатель неба и земли! Ты обладаешь величайшей мудростью, всегда наставляешь меня на путь истины. Внимая небесным указаниям, исполню волю твою...

Сзади послышались шаги. Спандуни обернулся. В центре

святилища стоял человек. Плащ скрывал не только его тело, но и лицо.

– Ты кто? Что тебе нужно? – рассердился жрец. – Никто не может входить в храм, когда я разговариваю с богом!

Вместо ответа человек вынул из-под плаща кинжал. Седая голова Спандуни затряслась, глаза заблестели, взгляд мгновенно стал жестким и презрительным. В момент, когда незнакомец сделал шаг, жрец, собравшись с духом, взмахом руки столкнул с алтаря и «чашу гнева», и светильник с льняным маслом, и бронзовый очаг с огнем. Масло и горячая жидкость, пролившись на пол, немедленно вспыхнули, и между жрецом и убийцей встал стеной божественный огонь.

Незванный гость отступил, но потом обежал вокруг огня-охранителя. Спандуни у алтаря не было. Человек в плаще забежал за алтарь. Тоже никого. Медленно обойдя алтарь, он подошел к статуе бога. Вынув из кармана флакон с ядом, откупорил его и вылил содержимое на ступни божества. Затем, соображая, куда мог деться верховный жрец, стал нажимать на все узоры и выступы на алтаре, на пьедестале статуи, стене храма и в полу. За статуей его внимание привлек каменный узор – гроздь винограда. Три ягоды были истерты от частого прикосновения. Незнакомец тремя пальцами правой руки одновременно нажал на них.

Раздался скрип, и каменная дверь в стене приоткрылась. Человек в плаще толкнул ее и вошел в туннель, ведущий в храмовую сокровищницу. Он побежал по освещенному

масляными светильниками коридору, остановившись перед длинной лестницей, ведущей вниз. Прислушался. Шаги доносились из подвала. Не задумываясь, наемный убийца, достаточно молодой и атлетически сложенный мужчина, держа в руке острый кинжал, ринулся по ступенькам вниз.

Лестница закончилась, и незнакомец оказался на площадке с двумя дверьми. Деревянные двери (необычное явление в армянских храмах, где все делалось из камня) имели узоры. На первой из них было изображено дерево с плодами граната, на второй – тигр с птицей на спине. Открыв первую дверь, убийца вошел в слабо освещенную комнату и, сделав всего два шага, наступил на плиту, вдавив ее в пол. Механизм запустился: из пола начал расти барьер, блокируя обратный выход. Резко развернувшись, мужчина сгруппировался и прыгнул. В полете, выпрямив тело, перелетел над препятствием, приземлился с перекатом через голову и вскочил на ноги на площадке перед дверью.

Он открыл вторую дверь.

Снова длинный коридор, тускло освещенный медными светильниками. Заметив вдалеке белый плащ верховного жреца, мужчина бросился вперед. Казалось, Спандуни шел медленно, тяжело, не оборачиваясь. Убийца ускорил шаг. Внезапно из стены вылетела железная секира: огромное, острое и широкое лезвие, неистово крутясь, казалось, неумолимо рассекает человеческую плоть. Реакция наемника была мгновенной: прямо на ходу, упав на спину, он пролетел под

ней без ущерба себе. Вскочив, побежал дальше.

В конце коридора увидел Спандуни: жрец стоял и внимательно смотрел на него. Убийца ринулся к старику в готовности атаковать кинжалом. Со всей силы он вонзил лезвие в жертву. Раздался скрежет металла о металл. Убийца отшатнулся: перед ним железное зеркало, отполированное до идеального блеска. Жреца нет, но слева проход в другое помещение, и разъяренный мужчина бросился по нему вперед. Под ногой что-то щелкнуло, и с потолка рухнула каменная глыба, задев лишь слегка, так как он успел упасть и откатиться. Повредилась левая рука.

Придя в себя, встал, осмотрелся. Сложная система коридоров вела дальше. Наемник потерял ориентацию, начал впадать в панику, но вдруг, услышав скрип двери, выбрал правильное направление и побежал. Деревянная резная дверь с изображением огромного змея предстала перед ним. Открыв, остановился как вкопанный. Внизу зияла черная пропасть, отвесная и глубокая, и есть только небольшой каменный уступ да узкий мостик без перил, висевший над бездной. На другом его краю стоял Спандуни. Светильник освещал его лицо, спокойное и сосредоточенное. Убийца, злой и взбешенный, шагнул на мостик. Второй шаг пришелся в пустоту. Мостик оказался иллюзией. С пронзительным криком отчаяния убийца полетел вниз, в преисподнюю, закончив свое существование.

Спандуни с презрительным выражением лица проводил

полет убийцы в «ад» и двинулся назад по еле видимой тропинке на краю пропасти. Удовлетворенно что-то мыча себе под нос, жрец направился в святилище. Подойдя к алтарю, поднял с пола и поставил на место «чашу гнева», излившую ярость на врага, и, воздев руки к небу, обратился к богу:

– Хвала тебе, Арамазд! И впредь не оставляй меня в опасности, всегда рази своими молниями врагов моих! – и поцеловал ступни статуи божества.

Схватившись за сердце, верховный жрец повалился на пол, задев рукой «чашу гнева». Спандуни умер мгновенно. Душа его отправилась к небесному трону Арамазда. Среди осколков чаши, устилавших каменный пол святилища, тлели ветки сандалового дерева: дымок воскурений медленно полз вверх, благословляя деяния этого великого человека.

На женской половине дворца Аревик готовилась принять ванну. Две служанки-рабыни – Трасия, родом из племени клитов, что в Киликии, молодая женщина с осветленными волосами, свободолюбивая и беспокойная, и Макури, чернокожая девушка из Нубии, высокая, сильная, добродушная – готовили воду для купания. В центре зала, отделанного розовым и бежевым туфом, с колоннами и мозаичным полом, стояла белоснежная мраморная ванна, наполненная теплой водой. Служанки, соблюдая строгий ритуал, последовательно добавляли в ванну ароматические вещества, творящие с женским телом чудеса: мед для разглаживания морщин,

ладан и мирру, создающие таинственность и привлекательность женщины, сок одного китайского яблока (апельсин), обладающий омолаживающими свойствами, две капли масла лаванды для шелковистости кожи, немного масла оливы для ее упругости. В заключение нубийка бросила в ванну лепестки розы, дарящие радость, нежность и прекрасное настроение.

Вошла Аревик. Трасия помогла ей снять белую тунику из тончайшей шерстяной ткани, распустила узел на затылке, и красивые мягкие волосы упали госпоже на плечи. Аревик обратила внимание, что руки рабыни слегка дрожат.

Гладкая, бархатистая кожа Аревик излучала тонкий аромат и отличалась ухоженностью и чистотой, а после ванны становилась еще роскошнее, приобретая свежесть. Если женщина ощущает восхитительность своего тела, мужчина в ее обществе не только отдыхает, но и погружается в уют и негу.

Аревик царственно шагнула в ванну. Ее стройная фигура, подтянутость и красота всегда вызывали восхищение окружающих. Она медленно опустилась в воду, взглянув краем глаза на светлокожую служанку. Та вела себя необычно: нервничала, не находила места рукам. Госпожа, прикрыв глаза, ощутила запах нежных лепестков розы и благовоний; расслабившись, положила голову на подушечку, набитую травами – зверобоем и горицветом.

Подошла Трасия и поставила на край ванны золотой ку-

бок с вином, как делала это всегда. Даже с прикрытыми глазами Аревик ощутила угрозу. Может ли рабыня, к которой хорошо относятся, причинить вред? Угрожает ли госпоже опасность? После происшествия с певицей Шогер Аревик держалась настороже, ловила каждый взгляд, ощущала опасность спиной. Недоброжелательность разрушает все чувства и разум. Угрозу следует ожидать от того, кто находится в безвыходном положении или пытается вырваться из когтей несправедливости.

Нубийка Макури поливала голову госпожи водой из кувшина, а киликийка втирала в ее волосы настой шалфея, одновременно массируя кожу головы, и делала это торопливо, не мягко. Тревога Аревик усилилась. Закончив втирание настоя, Трасия отошла в сторону. Аревик перехватила ее взгляд – колючий, настороженный. Обе рабыни встали у колонны в покорных позах, причем киликийка понурила голову.

Аревик посмотрела на кубок: блики от воды играли на его золотых гранях. Немного сухого белого виноградного вина – ее каждодневный ритуал – улучшает тонус и повышает сопротивляемость к болезням. Но сегодня вина не хотелось. Госпожа медленно протянула руку к бокалу, тыльной стороной ладони подвинула его к краю ванны и легким движением толкнула. Кубок со звоном упал на пол и покатился, вино разлилось, служанки вздрогнули, ужас в глазах белой рабыни выдал ее душевное состояние. Госпожа резко вста-

ла, струйки воды стремительно побежали по ее телу. Рабыни подскочили к ней: Трасия подала руку, чернокожая накинула большое полотенце с вышитым Древом жизни, а Аревик, выйдя из ванны и завернувшись в мягкую ткань, резко повернулась к киликийке:

– Ты хотела убить меня?

Рабыня, побледнев и потеряв дар речи, смотрела на нее испуганными глазами, потом начала мямлить:

– Госпожа, как можно? Я... я ничего такого не делала...

Нубийка Макури насторожилась. Ее девочкой купили на невольничьем рынке; росла и прислуживала в гареме, окруженная добром и заботой. Свою госпожу она боготворила, восхищалась ее красотой и умом. В преданности чернокожей рабыни Аревик не сомневалась.

– Говори или я позову стражу! – госпожа гневно смотрела на киликийку и ждала.

Беспомощно озираясь, Трасия молчала, прижавшись к колонне. К ней подскочила нубийка и, схватив за шею, пронзительно закричала:

– Говори правду или я сверну тебе шею!

Глаза киликийки вспыхнули огнями злобы. Она оттолкнула Макури и попыталась бежать. Дочь Африки прыгнула на нее как черная пантера, свалив с ног и врезав кулаком по лицу. Завязалась драка. Трасия, пытаясь вырваться из когтей «пантеры», схватила подвернувшийся под руку кувшин и ударила соперницу. Та немного ослабила хватку, и кили-

кийка поползла к двери. Но Макури схватила ее за ноги и потащила к луже вина:

– Пей, если вино не отравлено! – черная рабыня прижала Трасию щекой к полу с такой силой, что, казалось, раздавит ее голову. Киликийка, сопротивляясь, начала изворачиваться, потом зарыдала. В цепких руках крупной, сильной африканской женщины она чувствовала безысходность и отчаяние.

– Я... я скажу... – прохрипела белая служанка.

Макури приподняла ее голову:

– Говори!

– Человек в плаще... Здесь, в дворце... Я никогда не видела его лица... На пальце кольцо «лев»... Часто давал мне деньги, а вчера дал флакон... Обещал свободу и возвратиться на родину...

– Где флакон? – сухо спросила Аревик, безучастно наблюдавшая эту сцену.

– В горшке с цветами...

Пустой пузырек финикийского стекла синего цвета действительно нашелся в горшке с пионами. Аревик открыла дверь зала и крикнула:

– Стража! Уведите преступницу!

Главнокомандующий войсками царства Великая Армения Мамиконян, человек могучего телосложения, пронзительный и осторожный, в сопровождении телохранителей

шел по коридорам дворца. Его, носителя тайн и второго после царя человека в стране, всегда и везде охраняли, и не только в дворце, но и дома, а кинжал, казалось, он не снимал с пояса никогда. Только что царь Тигран, внезапно вызвав его, оповестил о вероломном убийстве Спандуни и Метродора и попытке отравить Аревик. За этими преступлениями стоял кто-то свой – по описанию царедворец с кольцом «лев». Больше ничего о нем известно не было. Яд в дорогом кобальтовом флаконе не оставлял сомнений, что убийство любимой наложницы царя Тиграна замыслил очень влиятельный и состоятельный человек. Но кто? Спарапет терялся в догадках, понимая, что нужно быть начеку.

Оставив охрану за дверью, Мамиконян вошел в свои покои и сел за стол, заваленный свитками, погрузившись в изучение нового разведывательного донесения. Источник сообщал, что Помпей в Риме завершает последние приготовления к войне с Митридатом: на Марсовом поле прекратились тренировки легионов, обозы загружены, стенобитные и метательные машины изготовлены.

Главнокомандующий встал со стула, взял с изящного букового столика кувшин с вином и, налив в серебряный кубок на толстой ножке свое любимое, не очень терпкое, красное вино ахтанак, отпил немного. Затем подошел к окну, наслаждаясь вкусом напитка и живописным видом. День был окрашен ярким светом солнца, Араратская долина переливалась изумрудно-зеленой и желто-золотой палитрой цветов,

река Аракс, мирно светясь в лучах солнца, величаво несла лазурные воды среди низких берегов куда-то вдаль – к крутым и отвесным склонам, к руслу с порогами.

«Митридат с его разношерстной армией не сможет оказать хоть сколько-нибудь серьезного сопротивления хорошо управляемым и обученным легионам Помпея, – думал Мамиконян. – Понтийская армия обречена. Мы пропустим Помпея через свою территорию, и он, развернувшись на север, пойдет через Колхиду на Боспорское царство. По пути ему придется сражаться с дикими племенами албанов, скифов и каспиев, преодолевать узкие проходы и опасные перевалы в горах, а также осадить иберийские крепости... Нужно помочь царю Иберии оружием... Убийца во дворце... Кто?»

Вошел секретарь:

– Господин! Начальник царской охоты Варажауни просит принять его.

– Пусть войдет!

Варажауни, сильный и знающий себе цену человек, обладатель курчавой головы и всклокоченной бороды, прошелся к окну и, встав рядом с хозяином кабинета, сказал:

– Когда бродишь по лесу в поисках льва, будь готов столкнуться с бешеной лисицей!

– Что ты имеешь в виду, Варажауни? – от пристального взгляда Мамиконяна не укрылись бегающие глазки охотника.

– Здравомыслящий человек понимает, что безрассудство

либо приведет к глупости, либо к трагедии... – проронил охотник.

– Ты говоришь загадками...

– Мамиконян, мой осведомитель сообщил, что в город тайно прибыл сын Кохара.

Аристократ Кохар участвовал в мятеже против царя, но пал в бою. Его сын вместе с Тиграном Младшим сбежал в Парфию.

– Вот как! – удивился спарапет. – И с какой целью он оказался в Арташате?

– Думаю, Тигран Младший замыслил новый безрассудный поступок.

– И почему же ты не сообщил об этом царю или начальнику службы безопасности, а пришел ко мне? – взгляд военачальника упал на левую руку главного охотника: на среднем пальце сверкнуло золотое кольцо «лев».

– Хотел... хотел посоветоваться, может, мне просто мерещатся заговоры... – неуверенно произнес царедворец.

– Ты, Варажауни, правильно сделал, что обратился ко мне, – главнокомандующий говорил убедительно. – Теперь все ясно! – Поставив серебряный кубок с недопитым вином на оконник, Мамиконян подошел к столу: – Здесь где-то было донесение из

Парфии... – он начал рыться в горе свитков, которыми был завален стол.

Варажауни воспользовался моментом. Достав флакон с ядом, быстро откупорил и вылил содержимое в кубок.

– Вот, нашел! – спарапет обернулся и протянул охотнику небольшое донесение. – Теперь все ясно!

Взяв свиток, Варажауни стал его вертеть, так и не разобрав написанного:

– Ничего не понимаю: какие-то знаки, крючки и черточки...

– Ах да, это шифр. В донесении сказано, что парфяне готовят провокацию, – Мамиконян, говоря это, взял с окна серебряный кубок на толстой ножке.

Главный охотник, блестя глазами, с интересом смотрел на него, явно ожидая продолжения. Главнокомандующий залпом выпил содержимое кубка, медленно пошел к столу, сел, продолжая держать бокал в руке, опустил голову, закрыл глаза и замолк.

Варажауни обошел стол и заглянул в кубок. Пуст! На его лице отразились истинные чувства: злорадство, презрение, страх, отвращение... Захлестнули эмоции. Столько лет вынужден скрывать свою суть: он ненавидел царя Тиграна, боялся умного Мамиконяна, не верил в бога Арамазда, был соглядатаем Митридата Евпатора. Выбросив пузырек

из-под яда в окно, подумал: «Сейчас позову охрану и с сожалением объявлю, что у Мамиконяна сердечный приступ». Безотчетно и непроизвольно он улыбнулся, потаенные мыс-

ли вылезли наружу и, оскалив зубы, вслух произнес:

– Собаке собачья смерть.

Внезапно глаза Мамиконяна открылись, он поднял голову и свирепо посмотрел на пораженного словно молнией Варажауни. Главный охотник, вздернув брови, сделал шаг назад, на его лице отразились ужас и удивление. Огромный Мамиконян встал и, казалось, заполнил своей фигурой весь кабинет:

– Собаку ценят не за способность вилять хвостом, а за умение вовремя укусить!

Выхватив из ножен кинжал, спарапет двинулся на охотника. Варажауни отступил, но, взяв себя в руки и вспомнив, что лучше него с кинжалом не управляется никто, обнажил свое оружие. Они сошлись в бою. Противники столкнулись почти вплотную, и в искусстве боя холодным оружием им не было равных. Надежный и удобный кинжал каждый из них держал в правой руке острием вниз. Сделав ногой выпад, Мамиконян попытался нанести удар сверху в грудь, но он пришелся мимо цели: противник уклонился. В активное наступление пошел Варажауни. Его яростный удар кинжалом был остановлен: клинки скрестились.

Спарапет, суровый и опытный воин, блестяще владел холодным оружием, а главный охотник, раздираемый злобой, держал кинжал в огромном кулаке на уровне груди, нанося серию ударов – боковых и сверху. Клинок нападавшего тут же встречался с клинком оборонявшегося. Отравитель яв-

но натолкнулся на мощную защиту, кроме того, Мамиконян виртуозно уклонялся от уколов. Выжидая удобного момента для нанесения нового удара, соперники маневрировали, и в этот момент Мамиконян подбросил свой кинжал в воздух, перехватив его левой рукой. Варажауни перевел взгляд на левую руку противника, и этой секунды полководцу хватило, чтобы увесистым кулаком правой нанести ему таранный удар в голову. Охотник рухнул, поединок закончился.

– Так ты, Мамиконян, говоришь, что Варажауни долгие годы шпионил в пользу Митридата? – царь Тигран сидел в кресле и с негодованием слушал рассказ главнокомандующего.

– Государь, под пыткой Варажауни рассказал все, – Мамиконян докладывал о результатах расследования. – Сын Кохара доставил ему приказ Митридата убить Спандуни, Метродора, Аревик и меня, передал яд и особый кинжал с тремя лезвиями...

– Тот, что не щадит жертву?

– Да, государь. Сын Кохара, как известно, человек Тиграна Младшего.

Царь был подавлен:

– Негодяй Варажауни! Пригрев змею на груди, долгие годы я верил этому человеку, все время удивляясь: откуда Митридат знает, что происходит у меня под боком? Мой младший сын, как видно, еще долго не уймется, но с ним все

ясно. Меня удивляет Митридат.

Поднявшись с кресла, Тигран в волнении заходил по залу. Оказывая Митридату существенную помощь войсками и оружием, армянский царь помог понтийцу вернуть отнятое Римом царство; не выдал его по требованию римлян, когда беглец прятался в Армении, чем ввергнул страну в войну; раненому и умирающему Митридату спас жизнь. И вот благодарность: понтийский царь повелел убить всех, кто дорог армянскому царю... Повернувшись к Мамиконяну, Тигран отрезал:

– Отозвать отряды армян из армии Митридата!

– Будет сделано, мой государь! – четко ответил полководец. – Придется злодею довольствоваться армией малообученных крестьян и рабов.

Царь был в ярости:

– Похоже, в планы Митридата входит захват Великой Армении, а возможно, и всей Малой Азии...

То, что Митридат Евпатор ненадежный союзник, Тигран знал всегда и не доверял ему, считая его суеверным, коварным и жестоким деспотом, устранявшем всех, кто становился у него на пути. Жена Тиграна и младший сын, попав под влияние Митридата, предали царя Великой Армении. И вот теперь понтиец подсылает и к нему наемных убийц...

– Мамиконян, как только Митридат ступит на армянскую землю, схватить его! Тому, кто принесет его голову, выплатить сто талантов! – вспышка гнева полыхнула в слабоосве-

ценном зале дворца.

Талант – античная единица измерения и денег в Европе, Передней Азии и северной Африке. Серебряный талант как денежная единица был приравнен к двадцати шести килограммам серебра.

Тигран, глубоко расстроенный и огорченный, ощущая внутреннюю тревогу, думал о Митридате: «Этот человек творит зло. Пусть его жестокие поступки обернутся против него самого. Карая зло, мы делаем жизнь менее опасной».

Царь с уважением смотрел на главнокомандующего:

– Ты, мой друг, раскусил его план, поэтому остался жив...

Спарапет раскрыл секрет:

– От деда к отцу, от отца ко мне перешел серебряный кубок с двойным дном. Эта чаша не раз спасала жизнь членам рода Мамиконянов. Я заподозрил, что Варажауни и есть опасный преступник. Решил проверить. На кубке есть кнопка... Я не ошибся.

– Интуиция оградила вас с Аревик от гибели, – за время разговора царь впервые грустно улыбнулся.

Интуиция – это чутье, которое вместе с логикой может не только зародить сомнения, но и спасти жизнь.

– Да, мой государь, – кивнул спарапет. – Небо подает нам сигналы, нужно только прислушаться.

Глава 16. Римское нашествие

Хорошо оснащенная римская армия численностью в сорок пять тысяч человек, не считая такого же количества союзных вспомогательных войск, конницы и четырехсот кораблей, пришла в движение. Рим решил окончательно разделаться с наглым Митридатом, не прекращавшем ни на минуту борьбы с республикой. Десять «железных» легионов двинулись к Понтийскому царству. Часть войск с боевыми машинами шла из Италии по морю на кораблях, другая выдвигалась из Киликии, где успешно завершила разорение пиратского гнезда, третья формировалась в провинции Азия из солдат Лукулла (брали только тех, кто не перечил воле командиров), четвертая, состоящая из свежих сил, готовилась переправиться по понтонным мостам через пролив Геллеспонт (ныне Дарданеллы).

Пролив между Европой и Азией шириной от 1,3 до 6 километров был назван Геллеспонтom в честь Геллы. По преданию, царская дочь Гелла, спасаясь от преследований злой мачехи, переправлялась из Европы в Азию на баране с золотой шерстью, но утонула. Позже шкуру овна стали звать золотым руном. Так случится, что в походе на Кавказ Помпей вдруг очень заинтересуется золотым руном.

Шел 66 год до нашей эры.

Главкомандующий и его военачальники прибыли к ме-

сту переправы, чтобы наблюдать наведение плавучих мостов из Европы в Азию. Штормило, и цепочку квадратных паромов, называемых понтонами, никак не удавалось привести в беспокойном море в самом узком месте пролива. Помощник Помпея Гай Кассий Лонгин, принадлежавший к знатному плебейскому роду, в свои двадцать лет уже квестор (в его обязанности входили финансовые дела и архив похода), с негодованием воскликнул:

– Гней, природа пытается помешать твоему очередному триумфу!

Помпей с сожалением смотрел на бессмысленные старания понтонеров:

– Природа не источник несчастий. Их по большей части устраивает сам человек в безумном стремлении к совершенству.

Кассий, амбициозный, с завышенными притязаниями молодой человек, завидовал Помпею. У того получалось все. С шестнадцати лет на войне. Неоднократно мог узурпировать власть в Риме, но не сделал этого. Молва приписывала ему победу над Спартаксом в Италии и над Серториумом в Испании. Он был единственным в Риме, кто сумел обуздать пиратов Средиземного моря. Являлся самым влиятельным гражданином республики с прозвищем *Magnus* (Великий), которое ему, двадцатипятилетнему парню, присвоил сенат. Римский народ обожал его. Диктатор Сулла, чьим протеже был Помпей, велел звать подчиненного императором – пол-

ководцем-победителем. Помпей имел два триумфа в Риме (триумф – это победное вступление в столицу полководца и его войска) – первый за Африку, второй за Европу. И вот теперь наступает его звездный час: он пленит Митридата, разорит Армению, покорит Иберию, захватит Сирию, дойдет до Индии и получит третий триумф за Азию. Победитель мира!

Кассия коробило от этих мыслей. Он, как бы в шутку, называл Помпея римским Александром, намекая на удачливого царя из Македонии, а его патрон, которому льстило такое сравнение, только ухмылялся, стараясь и вправду походить на великого завоевателя: такой же мягкий и страстный взгляд, бритое лицо, короткие завитые подстриженные лесенкой темные волосы, непреклонное упрямство, заслуженное уважение и любовь солдат. Правда, в людях полководец разбирался не слишком хорошо.

Молодой Кассий, сын консула, тоже прославился: в школе избил сына диктатора Суллы за то, что тот превозносил отца. Помпей все уладил, но в сердце юного повесы поселилась зависть к маститому льву; юноша выжидал, когда на осколках неудач патрона можно будет взметнуться вверх, к славе, чтобы самого Кассия сравнили с Александром Великим. «Поражение Магнуса было бы кстати. Пусть не задирает нос!» – думал Кассий. Кстати, сын бывшего диктатора Суллы, Фавст, юноша двадцати лет, военный трибун, в этом походе участвовал также, он был помощником Помпея.

Шторм не прекращался. Кассий пошутил:

– Может быть, высечь море, как это сделал персидский царь Ксеркс? У него получилось: стихия успокоилась.

Никто не засмеялся. Эпизод давней истории анекдотом ходил по Риму.

Персидский царь Ксеркс I, чье имя означает «царь героев», шедший покорять Грецию, приказал построить два понтонных моста через Геллеспонт. Когда армия начала переправляться, поднялась буря и разметала понтонные мосты, множество персидских воинов утонуло. Разгневанный Ксеркс приказал сечь море плетьюми и кидать в него цепи, чтобы усмирить, а надзирателям над работами отсечь головы. Когда море утихло, через пролив переправилась армия в двести тысяч человек: персы, мидяне, лидийцы, киссии, гирканы, вавилоняне, армяне, бактрийцы и другие – все те, кто теперь составлял разношерстное войско Митридата.

– К чему бесплодные порывы? – усмехнулся Помпей. – Природа всегда остается непобежденной. Нам просто нужно упорядочить ее желания и дары.

Вмешался в разговор легат Габиний, чьим покровителем был Помпей. Легат страстно желал повторить карьеру начальника, своего друга, во всем подражал ему и рвался в пекло. Он в шутку возвестил:

– Цицерон объявил Риму: «Помпею всегда везет!»

Все посмеялись. Недавно Цицерон опубликовал речь, произнесенную в сенате. В ней он отмечал, что Помпей обладает четырьмя основными качествами великого полководца:

знанием военного дела, мужеством, авторитетом и везением.

Сейчас именно своим везением и решил воспользоваться главнокомандующий. Он подозвал ординарца:

– Шкатулку с перстнями!

Ординарец немедленно принес деревянный, отделанный золотом ларец и открыл крышку. Скопив глаза на содержимое, Помпей выбрал кольцо с красным камнем – Драконий перстень – и надел его на указательный палец левой руки. Приблизившись к берегу, где стояли раздосадованные понтонеры, он театральным жестом указал перстом на штормовое море. Сидя на породистом скакуне, украшенном золотой уздечкой и драгоценной сбруей, Помпей приосанился и принял подобающее выражение лица. Взгляды понтонеров устремились на него. В пурпурном плаще с золотым шитьем, пурпурной тунике, кожаном панцире с наплечниками, в сапогах-кальцеус, гладко выбритый, без шлема, с развевающимися на ветру волосами, полководец действительно походил на Александра Македонского и с выражением легкого страдания на лице излучал самоуверенность и достоинство.

Невольно легаты, префекты, трибуны и прочие перевели взгляд на море. Через пару минут шторм стал утихать, в разрыве облаков показалось солнце, ветер поменял направление, а потом и вовсе стих. Квестор Кассий с изумлением смотрел на происходящее, легаты вытянули шеи, застыв в позе всадников, преодолевающих на конях высокие препятствия, понтонеры, пораженные увиденным, открыли рты.

Шторм прекратился, море успокоилось, и в безмятежной тишине прозвучал спокойный голос Помпея:

– О великих людях судят по их многочисленным удачам.

Понтоны навели, войска начали переправу на противоположный берег пролива. Мысль, что Помпей и есть удачливый Александр Македонский, переправивший армию таким же способом и в том же месте, где когда-то шел великий завоеватель, завладела сознанием легионеров, маршировавших по азиатским дорогам. Воодушевленные солдаты бодро вышагивали по пыльному тракту; все необходимое у них при себе: кроме щита и оружия, каждый несет на шесте походный набор, включающий миску и котелок из бронзы, плащ, туалетные принадлежности, сетчатый мешок для провизии, цепь, серп, пилу, веревку, киркомотыгу и дернорез. Солдаты в предвкушении богатой добычи держали четкий строй, обдумывая заманчивую перспективу: будущие раздачи земли, регулярное жалование и списание долгов.

Помпей украдкой улыбался, вспоминая как в сенате над ним насмехались. Он, видите ли, побеждает лишь тех, кто уже был разбит. Спартака победил Красс, но победу приписали Помпею, Сертория в Испании сломил Метелл, а Помпей лишь завершил начатое, Митридата фактически разбил Лукулл, и теперь осталось развить успех и пожинать лавры, назвавшись покорителем мира. Честолюбивый главнокомандующий злорадно думал: «Я заставлю бездарных сенаторов преклоняться перед моим гением. Я, защитник республики,

неизмеримо возвышусь над суетой и мнением толпы. Мне всегда везет!» Затмить сенаторов возможно. Нужно лишь вернуться с победой с митридатовой войны, а что касается личной славы, то она для знати Рима всегда стояла выше интересов государства.

На азиатском берегу была установлена штабная палатка с бронзовыми орлами на стойках, мимо нее стройными рядами двигались легионеры. Переправа шла без эксцессов. В палатке, усиленно охраняемую, Помпей в ожидании донесений вел беседу с легатами. Командующий сидел в кресле, а легаты (командиры легионов) расположились на скамьях вокруг стола с картой черноморского побережья.

Тридцатичетырехлетний легат Целер, шурин Помпея, бывалый вояка, говорил:

– Гней, в Риме жизнь бурлит, много выскочек, но ты сумел стать истинным политическим лидером и очень популярен.

Помпей задумчиво произнес:

– С неудовольствием отмечаю вырождение демократических начал в Римской республике.

– Это так! – воскликнул Афраний, опытный тридцатипятилетний легат.

Действительно, выборы консулов и преторов в Риме проходили бурно: все исступленно спорили, исход же решали деньги.

В разговор вступил Флакк, самый старый из легатов (ему

уже под сорок):

– Выборы в народном собрании высших должностных лиц республики вылились в подкуп избирателей. Я вижу тебя, Гней, последним защитником республиканского строя...

И это было правдой. Народу подкидывали гладиаторские бои, подарки и угощение, и люди голосовали за нужного кандидата.

Тридцатишестилетний легат Скавр, умелый командир, проронил:

– Проконсул, как военачальник ты приобрел в Риме огромный политический вес...

Хотя у политиков Рима была дурная слава (они все беззащитно лгали), Помпей считался спасителем нации. Подстегивая страсть граждан к обогащению, он снискал у них уважение, восхищение и почет.

Легат Геллий жизнерадостно воскликнул:

– Проконсул, взоры жителей Рима сейчас обращены к твоему походу! Народ жаждет новых земель, раздач, богатой добычи и рабов. Предлагаю тост за Помпея-победителя!

Личный слуга Помпея по имени Вириат, преданный раб, по происхождению лузитанец (его Помпей привез в Рим после боевых действий в Испании, был в услужении у знаменитого полководца уже десять лет), разлил по кубкам красное вино. Вириату по окончании восточного похода была обещана свобода, римское гражданство и достаточно денег, чтобы купить дом и заняться виноделием.

Лихо сдвинув кубки, под нестройный звон серебра все выпили. Встрепенулся Лентул, товарищ по несчастью Геллия. Все знали, что оба легата (каждому чуть больше тридцати) потерпели поражение от Спартака, долго не могли смыть позор, но Помпей увидел в них настоящих служак – усердных, мало рассуждающих, волнующихся за дело и результаты кампании, серьезных, требовательных – и взял их сначала на борьбу с пиратами, где они оба отличились, а потом и в восточный поход.

Лентул воскликнул:

– Для римлян закон – основа существования! Блюсти законы – это и традиция, и необходимость!

Помпей усмехнулся:

– Мой друг Цицерон говорит: «Высшая законность – это высшее беззаконие».

Все улыбнулись, а префект Помпоний, начальник конницы, сорокалетний друг Помпея, поддержал молодых коллег:

– Гней, все ресурсы государства в твоем распоряжении. Царства Востока изобилуют золотом, надо его только взять...

– Не сомневаюсь, мы победим, – Помпей окинул многозначительным взглядом командиров легионов: – Я всегда достигаю цели...

В этот момент в палатку влетел военный трибун Фавст:

– Проконсул, только что поступило донесение: армянский царь Тигран объявил награду за поимку Митридата!

– О, неожиданно... – на лице Помпея отразилось удивление. – Каковы подробности?

– Митридат, как доносят, приказал убить ближайших соратников царя Тиграна. Точно известно, что погибли верховный жрец и какой-то мудрец, кажется Метродор...

– Метродор... Его Цицерон особо чтит за поразительные возможности памяти. Мы, римляне, не уделяем должного внимания памяти и красноречию, а зря. Надо учиться у греков...

Помпей был прекрасно осведомлен, что Метродор пользовался безграничным доверием Митридата, но стал перечить, и царь его изгнал. Служил затем Тиграну: разведка доносила, что он был главным советником армянского царя.

– Какова же награда?

– За голову Митридата назначено сто талантов.

Целер присвистнул от изумления:

– Из такого количества серебра можно сделать две статуи митридатова коня в полный рост!

– Что ж, нам это на руку, – Помпей, не скрывая чувства удовлетворения,

улыбался: – Таким образом, пути отступления через Армению царю Понта отрезаны.

Он встал, прошелся по палатке, потом снисходительно посмотрел на подчиненных:

– Чтобы выиграть время, я отправил к Митридату посла с

предложением сдаться. Уверен, он отвергнет предложение. Жду также новостей из Парфии: царь Фраат, надеюсь, выступит на нашей стороне.

С этими словами Помпей покинул штабную палатку.

В Амасии, столице Понтийского царства, было неспокойно. Жители знали: армия Помпея движется к границе государства, а Митридат готовится отражать вероломное нападение римлян. Мыслители и поэты, собранные царем в городе со всего света для прославления персоны правителя, паниковали. Золото и серебро повозками вывозили в приморскую Синопу, дабы в случае чего погрузить на корабли и отправить в Таврику (древнее название Крыма). Спокойствие сохранялось только в царском дворце.

Митридата известили о прибытии посла римского главнокомандующего для переговоров. Сидя на троне с непроницаемым лицом, царь раз за разом проигрывал ситуацию, стараясь уловить ход будущих явлений и предугадать развитие судьбы. Сложное предвосхищение событий всегда позволяло ему получить догадки, не раз спасавшие жизнь и приводившие к успеху, но сегодня сознание загружало лишь фрагменты грядущего. Цепляясь за прошлое и обрывки будущего, Митридату никак не удавалось составить общую картину: победа или гибель. Проблески откровений лишь мелькали в сознании. «Боги и мудрость делают человека прозорливым», – повторял про себя царь.

В зал ввели посла Тиранниона, греческого ученого родом из Понтийского царства. Митридат с наигранной радостью воскликнул:

– Тираннион, мы знаем друг друга! Ты понтийский грек, выдающийся ученый... Тебя всему научил мой друг великий Гестия. Он всегда восхвалял твои способности, да и я тебя уважаю.

Ученый, захваченный в плен Лукуллом, при разделе военной добычи достался легату Мурене. Тот его отпустил на волю. В Риме Тираннион занимался преподавательской деятельностью и каталогизацией трудов Аристотеля, привезенных Суллой в качестве трофея.

– Государь, я посол поневоле, – Тираннион поклонился. – Никто из окружения Помпея не захотел ехать к тебе с трудной миссией.

– Значит, ты единственный, кто решился встретиться со мною?

– Так и есть. Повсюду царит безумие, и загадка в том, как его остановить. Я хотел бы избежать твоего гнева, и знаю: лучший способ сделать это – притвориться, что готов к смерти.

– Смерти ты заслуживаешь, – теперь Митридат изобразил наигранный гнев. – Переметнувшись к римлянам, ты предал дело всей моей жизни и не оставил мне выбора. Назови причину, по которой я не должен тебя повесить.

– Я всего лишь человек – существо, сотканное из противо-

речий, чудо природы и порождение хаоса, – Тираннион выглядел как хрупкий мыслящий стебель. – Думаю, государь, ты не захочешь лично явиться к римлянину. Кто же донесет до Помпея заверения в твоём искреннем желании не допустить новой войны?

– Это так! – удовлетворенно буркнул Митридат. – И что же римский командующий?

– Помпей приказал тебе капитулировать, причем явиться самому и просить об этом.

– Я готов капитулировать, пусть назовет условия прекращения войны.

– Государь, капитуляция без всяких условий...

– Скажи ему, что я буду платить дань римлянам за своё родовое царство, могу отдать в заложники сына или друга.

– Это не поможет. Он хочет твою голову.

– Знаю. Просто хочу выиграть время.

– Моя миссия терпит неудачу...

– А чего ты хотел? Неужели не знаешь римлян?

Конечно, все греки понимали, что могущество римлян с самого начала покоилось на грабеже и захвате чужих земель, жен и домов. Римляне как язва Вселенной не признавали ни божеского, ни человеческого закона. Единственный стимул их войн со всеми царями и народами – ненасытная жажда власти и богатства.

Тираннион произнес:

– У Помпея огромное войско, на его стороне необъятная

сила, воинственные римские боги и половина стран Востока, а также мощное вооружение, опыт... Везение, наконец.

Митридат впился глазами в ученого:

– Я буду биться с ненавистными мне римлянами до предсмертного вздоха, отчаянно и страстно, как будто каждая моя битва последняя, и я одолею врага!

Дипломат предупредил:

– Предполагая выиграть битву, будь готов воевать бесконечно или сложить голову во имя грядущей славы.

Митридат решительно заявил:

– Каким бы безысходным не казалось мое положение, я легко не сдамся. Жизнь – это борьба, а бороться мне не привыкать... Вот что, Тираннион! Отвези-ка Помпею в дар чашу! Может, сердце его смягчится.

Царь хлопнул в ладоши, и в зал вошел слуга, держа в руках великолепную большую вазу для фруктов из сардоникса (красноватый агат с белыми и черными прослойками) с ножкой в виде ребенка в звериной шкуре из слоистого синего-белого агата. Агаты и сердоликовый оникс для этой вазы доставили из Индии, и мастера Понта изготовили невиданное изделие.

– Эта чаша стоит целое состояние, она символизирует долголетие и процветание. – Митридат деловито дотронулся до шедевра. – Говоришь, на стороне Помпея везение? Посмотрим... Ну иди! Чаша хрупкая, будь с ней осторожен.

Когда Тираннион ушел, выражение лица Митридата стало

презрительным, уголок рта приподнялся, будто в полуулыбке (на самом деле это была усмешка).

– Раб Вириат готов? – зловеще прозвучал вопрос царя.

Из-за шелковой занавеси, задрапированной каскадными складками, вышел Диафант, приближенный Митридата, его начальник охраны.

– Мой государь, раб готов. Все инструкции им получены.

Аршам, сын бывшей любимой наложницы Тиграна, Седа, – красивый, крепкого сложения юноша – вбежал в покои матери в арташатском царском дворце:

– Мама, римляне идут!

– Что? Как? – всполошилась Седа.

– Все только об этом и говорят! Римская армия движется на восток!

Седа выглядела, как всегда, изумительно: в фиолетовом платье с узорчатым шитьем и декоративными рукавами, в вышитых туфлях, изящная и грациозная. На ее бледном лице отразилось волнение. Ошеломленная новостью, она прошла по комнате, обернулась и сказала:

– Римляне свергнут Тиграна. У них будет выбор кого поставить на трон Великой Армении: Тиграна Младшего или Артавазда. Ни тот, ни другой их не устроит: слишком заносчивы, ненадежны. Аршам, – решительно сказала она, – это твой шанс! Нужно войти в доверие к римлянам, ты же сын царя, хоть и рожден от наложницы.

Аршам, свято верила Седа, родился под счастливой звездой. Да, он внебрачный отпрыск, не имеет прав на наследование трона, немного ленив, не слишком образован, однако ж красив, лихой наездник и лучший стрелок из лука. И потом, Аршам ее сын. Она сделает его царем, устранив все препятствия, даже если на пути встанут горы...

– Тебя пока не замечают, – страстно говорила Седа, – но звезды тоже заметны только ночью. Рассвет наступит и поманит моего сына к высотам бескрайних возможностей.

Искушение власти в молодом Аршаме будоражило тщеславие: богатство, почитание, чувство превосходства и полная безнаказанность! Тяжесть бремени власти? Об этом юноша не задумывался, главное – возвыситься, и для этого он готов на многое.

– Через пять дней в театре, – задумчиво сказал Аршам, – дадут трагедию, поставленную Артаваздом. Как помощник я буду там...

– Сынок, в истинной трагедии герой всегда умирает. – Седа достала из ларца туго набитый кошель из бордового бархата и холодно сказала: – Блеск золота может отравить жизнь даже праведнику...

В театре Арташата давали трагедию афинского драматурга Софокла. Под куполом мерцающих звезд, в свете немногочисленных факелов в оркестре (круглая сценическая площадка) развертывалось бурное действие пьесы «Царь Эдип».

Три актера в масках и хор из пятнадцати человек двигались среди декораций (расписные холсты) и живо изображали сцены трагедии, громко декламируя текст по-гречески так, что было слышно в последних рядах. Места для зрителей располагались подковой вокруг оркестры.

За сценой (сооружение в виде архитектурного фона), напоминающей храм с колоннами и статуями, царевич Артавазд, начинающий драматург и постановщик, не находил себе места: «Царя Эдипа» ставили впервые.

– Аршам, как зрители? – волнуясь, вопрошал он друга.

– Похоже, под впечатлением, – отвечал тот.

– Я хочу, чтобы публика погрузилась в иллюзию действия и сопереживала душевному состоянию героев, – произнес Артавазд, вслушиваясь в слова актеров.

Креонт

О царь, владел когда-то нашим краем

Лай, перед тем, как ты стал править в Фивах.

Эдип

Слыхал, но сам не видывал его.

Креонт

Он был убит, и бог повелевает,

Кто б ни были они, отмстить убийцам.

Эдип

*Но где они? В каком краю? Где същещь
Неясный след давнишнего злодейства?*

Креонт

*В пределах наших, – он сказал: «Прилежный
Найдет его, но не найдет небрежный»¹.*

Драматургия пьесы сталкивала героев. Артавазд, наблюдая из-за колонны за зрителями, не заметил, как три вооруженных наемника в темноте ночи подкрадывались к нему. Динамичность действия увлекла царевича, и в момент, когда он обернулся, чтобы задать очередной вопрос Аршаму, над ним уже был занесен меч. Моментальная реакция помогла царевичу увернуться и обнажить свой клинок из дамасской стали. Отскочив от колонны, он встал в стойку, чтобы противостоять атаке убийцы, но нападавших оказалось трое. Их клинки хищно сверкнули в свете факела. Подскочил Аршам, и один из наемников завязал бой с ним.

Артавазд, отбиваясь сразу от двоих, замысливших, видимо, молниеносным ударом покончить с соперником, парировал клинковые выпады и сумел взять контроль над схваткой. Один из нападавших, обходя царевича сбоку, искал момент для выигрышного удара, но наследник престола, сфокусировавшись на отчаянной борьбе, сражался храбро, был быстр и

¹ Софокл. Царь Эдип (Перевод С. В. Шервинского).

непредсказуем. Аршам, будучи опытным бойцом, сумел выбить из рук противника меч и приставил клинок к его горлу. Обезоруженный наемник пытался что-то сказать, но получил смертельный укол. Покончив с ним, юноша, скрываемый темнотой, презрительно посмотрел на царевича, однако на помощь к нему спешить не стал, а притаился за колонной, наблюдая за боем.

Артавазд, сохраняя хладнокровие, защищался одновременно от двоих врагов, стараясь действовать интуитивно и держа необходимую дистанцию. Такая ситуация уже возникала в прошлом, в Птолемаиде, когда на него напали сразу десять наемников. Принцип воителей, которым приходится сражаться одновременно с несколькими противниками, гласит: больше маневрируй, чтобы нападавшие мешали друг другу, и старайся иметь дело с каждым из них в отдельности. Дав одному из убийц приблизиться к себе, тем самым усыпив его бдительность, дождавшись, когда тот сделает глубокий выпад, царевич ловко рубанул мечом по его правой руке. Наемник отскочил, зажимая рану: кровь хлестала потоком. Бросив меч, убийца бежал с места битвы.

В оркестре кипели страсти:

Креонт

*Убиты. Лишь один, бежавший в страхе,
Пожалуй, нам открыл бы кое-что.*

Эдип

*Но как решились бы на то злодеи,
Когда бы здесь не подкупили их?*

Публика принимала постановку восторженно. Со зрительских мест доносились одобрительный гул, топот, аплодисменты. Идея, заложенная в трагедии, о неустанном стремлении к истине, как бы она ни оказалась безжалостна, захватила людей.

За сценой Артавазд переключил внимание на последнего, наиболее опасного противника. Они бились, все время маневрируя, и внезапно оказались в лучах света перед публикой. Зрители замерли и насторожились, артисты замолчали, хор в панике разбежался.

Отбивая удары врага, Артавазд сделал широкий мах и, отогнав соперника, глянул ему в глаза: тот явно готовился нанести сильный рубящий удар по ногам. Царевич решил применить обманное движение, призванное убедить наемного убийцу в своей победе. Артавазд закрылся мечом, якобы уберегая голову. Убийца, метя по ногам, взмахнул мечом для нанесения удара, но царский сын опередил его. Не мешкая, он рубанул по шее злодея и снес его голову с плеч. Публика, увидев катящуюся по камням голову, в ужасе повскакивала с мест. Меч наемника со звоном упал, тело, фонтанируя кровью, повалилось на каменные плиты. Зрители спешно покидали театр.

К Артавазду, все еще не остывшему от перипетий боя, подбежал Аршам:

– Я убил одного наемника! Ты как, Артавазд?

– Бой закончен... Точку в игре поставила судьба... Все предначертанное свершилось...

Аршам смотрел на разгоряченное лицо товарища и видел высшее одухотворение человека, предназначенного совершить что-то необыкновенное. Сегодня личность царицы раскрылась с максимальной полнотой и как борца, и как драматурга.

Поздно ночью разгневанный царь Тигран, всматриваясь в лица сподвижников, вопрошал:

– Это неслыханно, чтобы в моей столице совершилось такое злодеяние! Наследник престола мог погибнуть! Хорошо что рядом был его товарищ. Кто заказал убийство?

Кухбаци, протягивая кошель из бордового бархата, произнес:

– Это нашли у убитого наемника. Здесь десять греческих золотых статеров.

– Женщина! – воскликнул царь. – Здесь замешана женщина!

– Государь! – Мамиконян был лаконичен. – Я рекомендовал бы приставить к Артавазду постоянную охрану.

В запале горячности Артавазд гневно посмотрел на Мамиконяна:

– Я могу за себя постоять!

– Сын, это не обсуждается, – строго сказал царь. – Кухбаци, приставить охрану! И проведи скорейшее расследование этого преступления!

Отблеск пламени играл на золотых предметах и белом мраморе, украшавшем зал, ложась теплым светом на лицо Тиграна. Уже спокойным тоном царь продолжил:

– Простота бытия претит человеку, во всем он ищет двусмысленность и противоречие. Зависть, заговоры и бессмысленная жестокость – вот компоненты трагической судьбы человечества. Наши враги никогда не остановятся. Что им может противостоять? Только высокий дух и отменная храбрость.

Мамиконян напомнил:

– Войска Помпея ускорили движение в нашем направлении...

Царь внимательно посмотрел на него:

– Противоречие жизни можно одолеть либо в столкновении сил, породивших это противоречие, либо с помощью божественного провидения...

Римляне разбили военный лагерь в Вифинии. Он напоминал укрепление оборонительного типа. В самом его центре, в расположении легиона Габиния, установлена хорошо охраняемая большая палатка главнокомандующего. Помпей доверял Габинию, они дружили, и сейчас, попивая вино из

серебряных кубков, вели откровенный разговор не для чужих ушей.

– В Риме от тебя, Гней, ждут скорейшего доведения войны до победного конца, – говорил легат.

Помпей мог бы продемонстрировать свое умение быстро добиваться результата, но не хотел.

– Габиний, – сказал он, – после войны Рим должен обеспечить ветеранов моей армии наделами земли. Не уверен, что это случится. Будет солдатский бунт. Конечно, я могу узурпировать власть, выбить из недальновидных сенаторов постановление о даровании моим воинам земельных наделов, конфискованных у римских граждан и союзных государств, но исключить пересмотр легитимности этого шага я не могу.

Неспровоцированная узурпация власти в Риме с точки зрения Помпея была неприемлема, хотя он понимал, что республика переживает политический кризис и диктатура грядет. Автократия представлялась ему единственным средством против анархии, и в роли диктатора он видел себя.

– Война затягивается... – сделал печальный вывод Габиний.

– По-видимому, – сказал Помпей.

Как бы там ни было, пока полководец не найдет решение, война не прекратится. Но он мастер планирования операций, и обязательно найдет верный путь. Недаром Габиний всегда слепо верил в талант Помпея. Для начала нужно разделаться с Митридатом. У главнокомандующего появилась

отличная идея: заблокировать торговые пути на Черном море, чтобы ни один купец не рискнул везти провиант и скот Митридату. Он, Помпей, разорит Понтийское царство.

Стемнело. Военачальник кликнул слугу. Вошел Вириат и зажег светильники. Секретарь доложил о прибытии квестора.

– Император, – торжественно начал Кассий, – поступило донесение из Парфии.

– И что же наш друг Фраат?

– Царь Фраат III обязался выступить против Великой Армении, союзника Митридата, в обмен на признание Римом власти Парфии над Месопотамией.

Габиний, не слишком понимая суть вопроса, воскликнул:

– Хорошие новости, Гней! Наш фланг с востока будет защищен...

Проконсул скептически посмотрел на обоих, затем краем глаза глянул на драконий перстень. Камень сверкнул ему красной искоркой.

Помпей глубокомысленно произнес:

– Можно биться с противником и проиграть, а можно не биться и все равно быть в проигрыше. Что выбрать? – Сделав паузу, промолвил: – Глубоко втянувшись в борьбу, надо заранее продумать, как выйти из нее победителем.

Озадаченный Кассий смотрел на покровителя и хлопал глазами; Габиний, так ничего и не поняв, виду не подал и с умным видом спросил:

– Мы же не собираемся отдавать Фраату Месопотамию?
Помпей ухмыльнулся:

– Мы сражаемся за справедливое дело, которое справедливо только для нас. Остальным остается радоваться и желать нам успеха.

Не понимая, куда клонит патрон, Кассий вспомнил историю, услышанную ранее. Однажды, когда Помпею нужно было срочно отплыть в Рим, поднялась буря, и кормчие не решились сняться с якоря. Тогда Помпей первым взошел на борт корабля и, приказав поднять якорь, вскричал: «Плыть необходимо, а жить нет!»

Своего неумного и своевольного начальника молодой Кассий никогда не понимал и считал непоследовательным. «Некрасивое, обрюзгшее лицо с толстым носом и маленькими глазками. Ничего героического! – думал он. – Ему просто всегда везет! А что за перстень на его левой руке?»

Доложили, что прибыл с донесением Фавст. В палатку вошел молодой трибун и бодро воскликнул:

– Император! Поступила письмо от Тиграна Младшего, сына армянского царя. Он считает необходимым предотвратить агрессию со стороны Великой Армении в отношении римской провинции Азия. Он просит упредить удар Тиграна II и войти в пределы армянского царства. Выражает надежду, что законным правителем Великой Армении и другом римского народа будет объявлен он.

Помпей произнес что-то невнятное, снова глянул на пер-

стену, потом спросил:

– Где он сейчас?

– Тигран Младший движется со своим отрядом на соединение с твоей армией.

– Ну и хорошо, – главнокомандующий был краток.

Кассий перехватил взгляд Помпея и подумал: «Перстень непростой... Что скрывает начальник?»

Следующим докладывал Тиберий, восемнадцатилетний военный трибун. Он происходил из патрицианского рода Клавдиев. История сделает его отцом императора Тиберия.

– Император, – бойко начал Тиберий, – возвратился посол от царя Митридата! Угроза возымела эффект. Царь готов к переговорам, заверяет о своем искреннем желании не допустить новой войны и даже готов платить дань за свое родовое царство. В знак примирения прислал тебе в дар вазу редкой работы.

В палатку внесли большой сосуд из сардоникса на ножке из агата в виде ребенка в звериной шкуре. Вазу поставили на стол, и Помпей невольно залюбовался ею. «У Красса такой нет, она явно из знаменитой митридатовой коллекции агатовых чаш и vaz», – мелькнула мысль в голове начальника. Вслух же он сказал:

– Как я понимаю, Митридат отказался безоговорочно капитулировать и лично явиться ко мне, чтобы просить об этом?

– Да, император!

Лицо Помпея искажилось в гневе, он вскочил с места и взревел:

– На что он надеется?! Я здесь, чтобы победить!! Этот лис теперь не ускользнет, его партия проиграна! – Успокоившись, спокойно продолжил: – Пусть злодей насладится еще несколькими днями свободы. Я ощущаю вкус победы, которая принесет мне славу.

Обведя взглядом подчиненных и с удовлетворением отметив, что они застыли на месте разинув рты, Помпей сел, подвинул к себе агатовую чашу и с интересом стал разглядывать, потом подал знак секретарю. Позвали раба Вириата. Тот разлил всем вина. Главнокомандующий, взяв кубок, провозгласил:

– За победу!

Все подняли бокалы. Кассий и Фавст, еще продолжавшие сидеть, с грохотом поднялись. Офицеры, восторженно глядя на Помпея, сдвинули кубки, разбрызгивая вино, и выпили до дна.

Шумная попойка продолжалась, когда доложили о прибытии восемнадцатилетнего военного трибуна Эмилия.

– Император! От царя Тиграна II письмо – пергамент на трех языках: латинском, греческом и армянском.

Развернув свиток, он зачитал: «Главнокомандующему римскими войсками в Азии, проконсулу, наместнику и императору Гнею Помпею Великому. Я, царь царей, властитель Великой Армении и Сирии Тигран II, приветствую тебя и

выражаю надежду на взаимное уважение в вопросах войны и мира, дальнейшее сотрудничество и плодотворный диалог при личной встрече для обсуждения нерешенных споров. В знак уважения преподношу тебе дар – лучшего коня арцахской породы».

Все слушали, затаив дыхание.

– Император, – нерешительно доложил начальнику Эмилий, – конь у твоей палатки...

Заплывшие глазки Помпея выражали довольство, а закрытые губы слегка растянулись в стороны. Оглядев присутствующих, он спросил:

– Что скажете?

– Царь Тигран II испугался и хочет переговоров! – возвестил Габиний.

– Он готов к капитуляции, – прокомментировал Эмилий.

– Тигран быстро сообразил, что лучше заключить мир на наших условиях, – сказал Кассий.

– Безоговорочная капитуляция, и точка! – потребовал Фавст.

– В ситуации, когда только выигрыш или смерть, он выбрал дружбу, – смеясь, провозгласил Тиберий.

Помпей, изобразив на лице напряжение воли, поднялся:

– Рим недоволен усилением Тиграна. Его мощь и богатство угрожают римским провинциям в Азии и нашим союзникам. Я подумаю и сам определю статус царя Армении...
Прошу всех пройти со мной и взглянуть на подарок – коня.

Он направился к выходу, за ним последовали все остальные. Перед палаткой конюх держал на поводу скакуна с уздечкой и сбруей, украшенных золотом и драгоценными камнями. Боевым конским снаряжением были кожаное седло, сделанное в скифской технике, и стремяна из дерева. Невиданные для Рима новинки! Чистокровный красавец золотой масти принадлежал к породе, выведенной на территории Арцаха – провинции Армении, где живут свободолюбивые армяне, и считался лучшей породой горных верховых лошадей в мире. Армения продавала их Риму дорого, и колесницы, запряженные двумя, тремя, а иногда четырьмя арцахскими лошадьми, неизменно выигрывали в скачках. Говорят, что гиксосы в свое время завоевали Египет только благодаря этим выносливым животным и закованным в железо колесницам. Такого коня дарили в знак особого уважения, он был предметом гордости и могущества. Помпей, прекрасно разбиравшийся в лошадях, эту породу знал.

Пока начальник и его офицеры рассматривали скакуна и восхищались им, Вириат, раб из Лузитании, оставался один в палатке. Его змеиные глазки сверкали огнем. Прислушиваясь к разговорам снаружи, он подошел к вазе из сардоникса и, придерживая за основание, резко повернул влево агатовую фигурку на ножке, изображающую ребенка в звериной шкуре. Фигурка отделилась, и, поднеся ее к глазам, раб увидел встроенный маленький прозрачный флакончик с белыми кристаллами. Цианид – самый быстрый и сильный яд в мире.

Он вызывает судороги, остановку дыхания и смерть в ужасных муках. Вытащив емкость и приладив фигурку на место, Вириат, покрутив по сторонам головой, подошел к кубку Помпея. Несколько кристаллов яда упало в бокал, мгновенно растворившись в вине. Потом в каждый кубок на столе было добавлено по одной крупинке. Выполнив задание Митридата, раб смиренно встал у входа, опустив глаза в пол.

Помпей возвращался в палатку. Он вошел и сел, а когда все остальные заняли места за столом, сказал:

– Лошади этой породы необычайно послушны, смело преодолевают препятствия, неутомимы на длинных дистанциях.

– Действительно, – подтвердил Габиний, – мышцы у животного хорошо развиты, ноги крепкие, лоб высокий. Хороший конь!

– Проконсул, тост! – предложил Кассий. Он встал, подняв кубок: – Завоеывая государства одно за другим, мы, римляне, открыли для себя новый стиль жизни, изысканный и богатый. Даже лучшие лошади мира теперь в нашем распоряжении. Пусть варвары знают: римский всадник разит не только копьём и мечом, но и бьет и топчет конем!

Раздался одобрителный гул мужчин, явно тяготевших к первобытным инстинктам: цивилизованность не полностью преодолела варварство.

Помпей, взяв кубок, почти прислонил его к губам, но вдруг уловил блеск на пальце левой руки. Скосив глаза, увидел, что цвет камня на массивном Драконьем перстне меня-

ется от красного к зеленому. Он повернул голову в сторону Вириата. Тот покорно стоял у выхода, не поднимая глаз. Гней снова посмотрел на перстень. Камень, цепко удерживаемый золотыми драконьими когтями, уже стал ядовито-зеленым.

Помпей закричал:

– Не пить!!! Вино отравлено!! – Он снова повернул голову в сторону раба, но того и след простыл. – Поймать!! Охрана! Схватить! Слуга!!Вириат!!

Трибуны с остекленевшими глазами застыли как статуи с поднесенными к губам кубками. Мозг отказывался понимать происходящее, но инстинкт самосохранения заставил их немедленно поставить бокалы на стол и с опаской отодвинуть от себя. Вбежал начальник охраны и два солдата. Воскликание Помпея стремительно достигло их сознания и, резко развернувшись, они занялись преследованием раба.

В ночной тишине, среди деловитых легионеров, готовивших ужин на кострах у своих палаток или располагавшихся на ночлег, отряд охраны неся по дорожкам лагеря, глухо звеня амуницией, издавая тяжелый мерный топот и тревожно извещая: «Лазутчик! Ловить лазутчика!»

Вириат бежал по ночному военному лагерю, не разбирая дороги. Перепрыгивая через костры, сбивая с ног прохожих, переворачивая бронзовые котелки с готовым ужином, он летел к лесу, который, как помнил раб, находился в этой стороне. Мимо просвистело копьё, а стрела, мелькнув в отблеске огня у самой его головы, угодила в палатку и кого-то за-

дела. Топот бегущих охранников нарастал, трубачи сыграли тревогу, центурионы тормозили солдат.

Навстречу беглецу поднялся здоровенный легионер. Вириат с разбегу врезался в детину; солдат, не удержавшись на ногах, неуклюже повалился на спину, неловко задев палатку из грубого полотна и шкур. Та обрушилась прямо в костер. Начался пожар. Из палатки выскакивали солдаты: они кричали и тушили на себе огонь. Облава на раба в лагере превратилась во всеобщее дело.

– Лазутчик!! – орал начальник охраны. – Окружаем!!

Вириат вскочил и побежал дальше. Наперерез ему стремительно двигался караул с факелами в руках. Успев добежать до лагерных укреплений, раб стремглав перелетел вырытый по периметру ров глубиной в половину человеческого роста, затем невысокий насыпной вал и палисад из заостренных деревянных кольев. Спасительный лес был рядом. Несколько стрел зловеще пропели у головы, но Вириат, ловкий и сильный испанец, только прибавил ходу, ворвался в гущу деревьев и скрылся в чаще.

Глава 17. Тугой узел Гнея Помпея

Войска Помпея достигли Галатии. Жителей этого царства римляне называли то кельтами, то галатами, а иногда галло-греками. Когда-то несколько племен галлов переправились из Европы в Малую Азию (шло великое переселение народов на юг). Идя через Грецию, галлы намеревались разграбить храм Аполлона в Дельфах, но вдруг разразилась гроза; гром и молния напугали вождей (зловещее предзнаменование!), и племена ушли из Греции. Расселившись в Анатолии, создали царство Галатия. Его, в конце концов, Рим подчинил себе, объявив свободным государством. Митридат, изгнав легионы Лукулла, первым делом захватил Галатию, граничащую с Понтийским царством.

Армия Помпея встала лагерем на возвышенности возле небольшого города Анкира, название которого по-гречески означало «якорь» (ныне он именуется Анкарой). Городок стоял на перекрестке оживленных торговых путей, связывающих Европу и Азию, и не то чтобы процветал, но жил безбедно. До границы митридатова царства осталось четыре дневных перехода. Но...

– Мы двинемся к границе Понта не сразу, – Помпей пил вино и хитро посматривал на особо доверенных легатов. В палатке командующего сидели Габиний, Целер, Афраний и Скавр.

– Гней, каков твой план? – спросил Целер, брат жены начальника.

– Сначала мы освободим Каппадокию, – ухмыльнулся военачальник.

– Но в Каппадокии войск Митридата нет! – воскликнул Афраний.

– Неважно! – Недогадливому легату Гней разъяснил: – Историки напишут, что это царство было спасено Помпеем, несущим народам не только освобождение от тиранов, но справедливость и прогресс.

– Да, Помпей Великий! – возгласил Скавр. – Ты борешься с темными силами, несешь народам светлое будущее!

– Но почему дикие народы никак не могут оценить это? – удивился Габиний.

Помпей изобразил на своем лице проницательное выражение. Театральные эффекты главнокомандующий любил, а его давнишней мечтой была постройка в Риме театра Помпея, самого большого в городе. Он сказал:

– Мир в хаосе. Сражаясь, я борюсь с хаосом и утверждаю торжество закона.

Рим – это закон! Подчиняя дикий мир, делаю его цивилизованным.

– Ты обладаешь харизмой, способной увлечь народ! – Целер восторженно смотрел на зятя.

– Ты прав, Целер. Я могу и хочу помочь народу Рима вос-

торжествовать над миром, но при этом буду ревниво оберегать нравы доброго старого времени.

Новый слуга, грек-вольнотпущенник Деметрий, разлил вино по кубкам, а Помпей задумался о своей роли. Нет, он не хотел быть царем или диктатором, но он хотел, чтобы его упрашивали и сенат, и граждане всякий раз, когда случается кризисная ситуация и требуется спасти Рим. Вспоминая молодость, Помпей произнес:

– Знаешь, Целер, когда я был моложе, солдаты дали мне прозвище Молодой мясник. Так вот, всех, кто будет мешать, я уничтожу.

Габиний поднял кубок:

– За нашего патрона, подчиняющего своей воле рабских льстецов и кумиров рабов!

Все одобрительно загудели и выпили. Раздался голос Помпея:

– Я хочу третий триумф...

Легаты в замешательстве промолчали. Сменить тему разговора решил Афраний:

– Знаете, мы сейчас на территории кельтов, а они, говорят, употребляют в пищу человеческую плоть, – глупо улыбаясь, он уставился на откровенно удивленных товарищей. – Да-да! Должен сказать, что этот странный и очень воинственный народ (его еще называют то ли галлами, то ли галатами), однажды разграбил Рим. Единственный раз в истории!

Действительно, кельты однажды напали на Рим, издавая

оглушительные вопли и гудя в трубы, похожие на головы животных. Разграбив город, они сожгли его. Несколько племен теперь пришли в Галатию. Пришли и притихли: римляне их усмирили.

Опытный легат Скавр, падкий до золота, произведений искусства и магических предметов, сказал:

– Недалеко от нашего лагеря есть пещерное святилище галатов. Наверняка там много золота. Я слышал, что местные жрецы – друиды – обладают властью над временем. Могут продлевать и сокращать его по своему усмотрению, а еще предсказывают судьбу.

Помпей вспомнил, как десять лет назад усмирять агрессивные галльские племена в Испании. Карфагенский Ганнибал при вторжении в Италию также использовал галлов в качестве наемников. Помпей верил в свою исключительность и неуязвимость, однако, являясь человеком суеверным, вдруг предложил:

– Сходим туда, пусть предскажут судьбу!

Вместе с отрядом охраны двинулись в путь. В небольшой роще спешили у пещеры и вошли с оружием внутрь святилища. Убранство подземного храма создавало впечатление дикой природной мощи и созидательной силы. Золота не было. Масляные светильники освещали убогую обстановку: в нишах – редкие минералы, на стенах – венки из листьев терновника, алтарь украшен цветами. Кельты поклонялись

природе, почитали предков и верили в бессмертие. Римлян поразило множество чаш. В них лежали отсеченные головы и черепа. Эти головы, как верили галаты, оставались вместилищем душ и сообщали жрецам вести с того света. Одна пустая чаша стояла на алтаре рядом с очагом с огнем. В таинства в этом святилище посвящались только избранные: друиды, жрецы, маги, ясновидцы и певцы. Остальные молились духам и богам.

Помпей с удивлением рассматривал обстановку галатского храма. Подойдя к жрецу, одетому в белое, с венком из дубовых листьев на голове, спросил:

– Ты кто?

– Я маг и ясновидящий, – спокойно отвечал тот на латыни.

– А это что? – военачальник показал в глубину пещеры на каменную дверь с изображением свернувшегося кольцами змея, олицетворяющего круговорот явлений и извилистую дорогу в загробный мир.

– Врата в потусторонний мир, – почти пропел друид.

– Я войду?

– Они открываются только избранным.

– Я Помпей, избранный.

– Только мудрец может считаться избранным.

Помпей проглотил колкость.

– Ты можешь предсказать судьбу?

– Друид способен постичь законы жизни человека между двумя полюсами – рождением и смертью тела.

– Так начинай! – Гней ухмыльнулся, но его нетерпение не скрылось от товарищей.

Друид тихо произнес:

– Мне нужно отправиться в загробный мир через врата Яблоневого острова.

Из темноты зала возникли фигуры других жрецов, человек пять, все в белом. Они подошли к алтарю. Друиду подали чашу с желтоватой жидкостью, он выпил содержимое; жрецы взяли в руки барабаны и трещотки и под звуки этих нехитрых инструментов стали петь и танцевать, постепенно входя в транс. Легаты, с иронией смотревшие на это действие, перестали улыбаться и выжидательно застыли. Главный жрец с венком на голове, войдя в особое состояние сознания, приблизился к Помпею. Вечнозеленой веткой омелы, необходимой в обряде предсказания будущего, он дотронулся до плеча военного и пропел:

*Мир иной – вездесущий глаз
Встречается с миром внешним.
Точка слияния свяжет нас
Узлом тугим бесконечным.*

*Дух горы следит за тобой,
Проявляй милосердие.
Ты заплатишься головой
За ревностное усердие.*

Помпей трепетно внимал предсказанию, но злость и недовольство его нарастали по мере пения друида. Невольно обратив внимание на кельтский узор, вырезанный на каменном алтаре и напоминающий узел, он подумал: «Тугой узел!»

Ясновидящий, закончив пение, подошел к алтарю и дотронулся веткой омелы до пустой чаши. Вмиг полыхнуло пламя, повалил дым, посыпались в разные стороны искры. Римляне отскочили. Когда дым рассеялся, они увидели нечто ужасное. В чаше, в кедровом масле, лежала отрезанная голова мужчины с темными волосами и аккуратной стрижкой, чисто выбритая, с лицом похожим на Помпея.

– Это что?! – заорал командующий. – Насмешка, унижение, оскорбление!!! Вот я вам сейчас покажу!!

Обнажив короткий меч, он подбежал к алтарю и рубанул по чаше. Голова, подскочив, грохнулась на камни пола и покатилась в угол; кедровое масло брызнуло во все стороны, окатив легатов и друида; огонь очага ярко вспыхнул, пожирая цветы и ветки, а Помпей вдруг застыл как статуя с занесенным клинком. Четыре легата, также выхватив мечи и впад в неистовство, рассекали все, что попадалось под руку. Наконец неведомые силы отпустили Помпея. Опустив меч, он посмотрел на Драконий перстень. Черно-красный цвет камня вызвал замешательство. Подняв взгляд на жрецов, он увидел на их лицах боль и страдание. Командующего внезапно пронзила мысль: «Чужие боги отомстят римскому на-

роду!»

– Хватит! – крикнул он. Немного успокоившись, добавил: – Их всех надо бы перебить, но нельзя: это вызовет всплеск негодования населения или восстание. Галаты, по существу, – жители нашей провинции. Идемте отсюда!

Прискакав в лагерь, Помпей узнал о прибытии Лукулла. В палатке полководца все было готово к встрече и передаче дел от старого главнокомандующего новому. В ожидании Лукулла Гней ходил мрачный и злой. Друид предсказал, что он поплатится головой за ревностное усердие. «Что это значит? – думал Помпей. – Война? Но я ее специально затягиваю. Богатство? Но оно само плывет мне в руки. Желание стать первым в Риме и навести порядок? Возможно... Кто-то в столице строит против меня козни? Цезарь, Красс, Лукулл? А что значит „Дух горы следит за тобой“...»? Помпей невольно взглянул на Драконий перстень. Камень перстня вновь приобрел цвет тлеющих огоньков, что успокоило и вселило уверенность.

Документы к подписанию в качестве архивиста готовил Кассий. Он тревожно поглядывал на начальника, и когда заметил, что тот рассматривает перстень, спросил:

– Проконсул, что за перстень у тебя на пальце?

Помпей поднял на него цепкий взгляд, снова посмотрел на игру тлеющих огоньков камня, вставленного в золотую массивную оправу, и ответил:

– Возможно, волшебный...

– Великолепная вещь! – восхитился квестор.

– Да, мне самому нравится... – лицо Помпея теперь озарилось властной улыбкой, а в глазах сверкнули молнии.

Дотронувшись до алого камня, он почувствовал неукротимую энергию, нестигаемое упорство, безудержную ярость и неистовую одержимость. Сегодня он поставит на место Лукулла, этого заносчивого и сухопарого выскочку. Он, Помпей, непобедимый и неуязвимый, он великий! Кроме того, имеет богатство, власть над людьми, ум, талант, и ему всегда везет. «Слава моего могущества велика, слава моей справедливости и милосердия бессмертна! А предсказание этого неразумного друида ошибочно, всего лишь недоразумение»...

Перед палаткой готовилась церемония встречи двух военачальников. Обоих полководцев, имеющих блестящие победы, должны сопровождать ликторы – государственные служащие, исполнявшие только парадные и охранные функции. По одиннадцать ликторов полагалось проконсулам – оказывать высшим должностным лицам подобающие почести. Они уже построились в противоположных концах дороги, ведущей от главных ворот к палатке полководца. На левом плече у каждого фасция (пучок вязовых прутьев, украшенный лавром и перетянутый красным шнуром). До появления начальников ликторы, изображая важных персон, переговаривались между собой, но, как и полагалось, сохраня-

ли серьезный вид. От группы Лукулла отделился главный из ликторов, лысый и надменный, и, подойдя к людям Помпея, сказал:

– Ваши лавры увяли.

– Мы шли через безлесную и сухую область, – услышал он в ответ.

– Да-а, – протянул лысый, – Фортуна к Помпею неблагоприятна...

– Фортуна слепа, но предпочитает везучих.

Лысый ликтор поперхнулся, но быстро произнес:

– Лукулл приказал поделиться свежими ветками лавра, – и протянул несколько зеленых ветвей.

Командир второй группы ликторов, не зная, как поступить, озирался, но все же лавр взял и раздал товарищам. Целлер, наблюдая издали эту сцену, укоризненно сказал Афранию:

– Теперь все будут говорить, что Помпей явился, дабы похитить славу и плоды побед Лукулла.

Афраний съязвил:

– За Помпея не беспокойся. Есть люди, умеющие превратить свое поражение в победу, главное, чтобы голова уцелела...

У въездных ворот, обращенных к неприятелю, появился всадник в пурпурном плаще – Лукулл. Он спрыгнул с лошади (никто не может въезжать в лагерь верхом!) и, оставив охрану за воротами, отправился пешком по главной дороге

к палатке полководца. Ликторы с фасциями, чтобы почтить победы военачальника, тут же присоединились к его сопровождению: впереди шел лысый страж, напустив на себя важность и строгость, позади остальные, по двое в ряд. Вдоль дороги теснились легаты, префекты, трибуны, центурионы, солдаты и маркитанты. Из большой палатки с озабоченным выражением лица, припасенным для публики по такому случаю, вышел Помпей, тоже в пурпурном плаще, и направился в сопровождении ликторов навстречу прежнему главнокомандующему. Обе процессии остановились в десяти шагах друг от друга, и Помпей воскликнул:

– Приветствую тебя, проконсул Лукулл!

– Приветствую проконсула Помпея! – зычно крикнул Лукулл.

– Проконсул Лукулл, ты великий полководец! – Гней, полнеющий сорокалетний вояка, старался кричать громко.

– Проконсул Помпей, ты прославился блестящими победами! – гаркнул старый полководец, которому исполнилось пятьдесят два года.

– Проконсул Лукулл, твои деяния останутся в веках, твои победы войдут в историю!

– Доблестный Помпей, все во благо Рима!

– Славный Лукулл, ты старше по консульству и летам!

– Великий Помпей, победитель Спартака, Сертория и пиратов, ты выше достоинством: у тебя два триумфа!

Помпей натянуто улыбнулся и указал на палатку:

– Пройдем!

Они вошли в палатку, где их ожидали отставные проконсулы Марций и Глабрион, а также Кассий. Марций, проконсул Киликии, бывший консул Рима, безуспешно боровшийся с пиратами, передал провинцию и пятнадцать тысяч солдат Помпею. Глабрион, проконсул провинции Азия и бывший консул Рима, ленивый и беспечный, всегда полагавшийся на родственников и друзей, также передал Гнею около пяти тысяч солдат, ранее служивших у Лукулла. У Глабриона была сложная судьба: диктатор Сулла принудительно развел его со своей падчерицей Эмилией, желая породниться с подающим надежды полководцем Помпеем. При этом Эмилия ждала ребенка от Глабриона, которому пришлось подружиться с Помпеем.

– Лициний, – торжественно начал Помпей, – на Родосе мне удалось встретиться с Посидонием, самым великим философом нашего времени. Он напутствовал меня словами: «Стараться других превзойти, непрестанно гореть отличиться!»

– Гней, это строчка из «Илиады» Гомера.

– Неважно! Я не такой начитанный, как ты, но...

– Гней, я раздал награды своим солдатам: земли Галатии, лошадей Армении и имущество Понта.

– Лициний, вынужден огорчить. Я отменил все твои распоряжения: война не закончена, враг не добит. О каких наградах может идти речь?

– Мои доблестные солдаты в тяжелых боях...

– Твои солдаты, Лициний, с радостью перешли в мою армию, проигнорировав твой призыв не подчиняться мне. Но для триумфа я оставил тебе три когорты.

Действительно, Помпей запретил всем должностным лицам повиноваться Лукуллу и отнял всех воинов, кроме 1600 недисциплинированных солдат. Из-за строптивного нрава эти жалкие остатки войск были для него бесполезны, зато для Лукулла опасны.

Лукулл крикнул:

– Ты властолюбивый и алчный мерзавец, Помпей!

– Я расчетлив и справедлив, а ты... – Гней насмешливо посмотрел на соперника, – ...сражался с театральными и призрачными царями. Мне же предстоит борьба с настоящим врагом, научившимся воевать на неудачах. Жаль тебя... Печальный финал военной карьеры.

Марций, Глабрион и Кассий от удивления раскрыли рты. Лукулл, досадливо прикусив язык, сверкал глазами. Наконец гневно ответил на словесные удары соперника:

– Помпей, ты пришел сражаться с тенью войны! Подобно стервятнику, набрасываешься на убитых чужою рукою: приписал себе победы над Серторием, Лепидом и Спартаксом, принадлежащие Метеллу, Катулу и Крассу! Неудивительно, что, примазавшись к победе над беглыми рабами, теперь стараешься присвоить славу армянской и понтийской кампаний!

Помпей скептически произнес:

– Твое тщеславие не имеет меры, твоя скромность сродни лицемерию, а твоя глупость вызывает презрение...

– Ты настоящая дрянь!! – закричал Лукулл. – Хочешь незаслуженно прославиться благодаря моим успехам?!

– У тебя, Лициний, и заслуг-то нет. Не пленил ни Митридата, ни Тиграна. Вот я заслужу триумф. Таковы воля богов и предначертание судьбы. Можешь свои неудачи приписать злему року, тяготеющему над тобой.

– Я захватил самую укрепленную на земле крепость Тигранакерт! – задыхаясь, кричал Лукулл.

– Ты нарушил закон и самовольно вторгся в Армению! – грозно парировал Помпей.

– Благодаря моей доблести и твердости римский народ получил богатства Востока... – бушевал старый командующий.

– Благодаря мне Рим достигнет всемирного владычества! – высокомерно отозвался Помпей.

После этих слов Лукулл осекся и замолчал. Он задыхался, его жутко трясло. Кассий, не мешкая, положил перед ним свиток – начертанный на пергаменте публичный акт передачи дел. Лициний, кипя от злобы, взял бронзовое перо, обмакнул в чернильницу и подписал. Затем, сняв с пальца правой руки фамильный перстень-печать, обмакнул его в чернила и поставил оттиск. То же самое сделали Марций и Глабрион. Помпей с видом победителя, высокомерно посмотрев на присутствующих, также подписал документ и поставил пе-

чать: дело сделано, римские законы соблюдены. Брови Лукулла поползли вверх, когда он увидел на левой руке Помпея перстень с красным камнем.

– Гней, этот перстень... – Лукулл трясущейся рукою указывал на необычное кольцо.

– Красивый, правда?

– Откуда он у тебя?..

– Надеюсь, что он волшебный, – как бы в шутку сказал Помпей.

– Несомненно, это так! – внимание Лукулла переключилось на артефакт. – Я коллекционирую магические предметы и чувствую, что перстень из их числа.

– Что ж! – Помпей был доволен собой. – Боги, внимая моим молитвам, наградили меня чудесными дарами.

– Тебе, Гней, придется столкнуться не только с варварами, жестко защищающими свою землю, но и с магией...

– Не страшно! Я привез много специалистов по магии и не боюсь вражеской армии. – Желая закончить этот разговор, Помпей вдруг сказал: – Знаешь, Лициний, у меня есть мечта: заложить в Риме сад, подобно твоему, но роскошнее и больше... Желаю удачи!

Лукулл, подавленный и усталый, развернулся и вышел из палатки. За ним последовали Марций и Глабрион.

Проводив их холодным взглядом, Помпей произнес:

– Кассий, пошли сообщение моему другу Цицерону. Пусть убедит сенат не давать триумф Лукуллу.

Глава 18. «Освобождение» Каппадокии

Армия Помпея пошла на юг, вступив в пределы царства Каппадокия. В армейском обозе среди торговцев и марки-тантов, ученых и магов, возили царя Ариобарзана I со свитой. Ставленник Рима, он при первой же опасности для своей особы сбегал к покровителям, прося помощи в освобождении Каппадокии от тирании Митридата или Тиграна. И Рим помогал, а потом сенат уговаривал монарха вернуться и править, даже принимал специальное постановление, в котором указывалось, что Ариобарзан имеет более других право на власть в царстве. Несколько лет назад Митридат, разбив легионы Лукулла, в очередной раз захватил царство Ариобарзана и воцарился в его столице Мазаке. Разграбив город и найдя все тайники Филоромана (так прозвали Ариобарзана за узкую привязанность ко всему римскому), он ушел обратно в Понт, но трусливый Ариобарзан не хотел возвращаться, пока ему не дадут целую армию – не менее десяти легионов.

...Помпей, пообедав и отдохнув, приказал Ариобарзану явиться в его палатку. Просматривая донесения, полководец услышал шорох. Он обернулся. Занавески, закрывающие вход, покачивались. Ткань чуть-чуть приоткрылась, и в щели возник глаз. Рука Помпея потянулась к клинку. Короткий

легкий меч гладиус (мягкий в сердцевине, но твердый снаружи) военачальник носил при себе всегда. Теперь в отверстии появился большой орлиный нос. Помпей бесшумно достал из ножен меч и, крадучись, приблизился к пологу. Он уже занес клинок для нанесения удара, как появилось круглое лицо Ариобарзана. Шныряя глазками по сторонам, царь уставился на занесенный над его головой меч, готовый опуститься в любой момент, и зажмурился от ужаса. Помпей, узнав монарха, тоскливо вздохнул и, вложив оружие в ножны, укоризненно произнес:

– Ариобарзан, чуть не пришиб тебя. Заходи!

Полог палатки открылся, длинный нос почуял, что опасность миновала, и толстый, небольшого роста человек в царских одеждах нерешительно вошел, озираясь по сторонам:

– Помпей Великий, ты звал меня?

– Я освободил твое царство, можешь занять трон и править во благо своего народа.

– О Помпей Великий, армия Митридата у порога! Тридцать тысяч понтийских головорезов стоят у моей границы...

– Ариобарзан, бояться нечего. Тебя защищают десять легионов во главе со мной... Вот что... Нам нужно кое-что обсудить! – Помпей заговорщически взглянул на покрасневшее лицо царя.

– О покровитель, я весь внимание.

Толстому монарху с красивой римской прической и диадемой на голове было не по себе: никак не удавалось обрести

душевное равновесие. Он привык много есть, много спать, кормить рыбок, и все это должно было происходить в строго определенное время. А тут... Увы, ни рыбок, ни расписания. Настроение царя было неважным.

Помпей продолжил:

– Все знают, что ты чеканишь самые красивые в мире монеты. Хочу поручить тебе чеканку серебряного денария с моим изображением в профиль.

– О-о! – протянул царь, на его лице появилась слабая улыбка, но в горле пересохло, захотелось пить.

Помпей отошел к письменному столу поискать вощеную дощечку:

– Сейчас покажу рисунок монеты... Все придумал сам...

Ариобарзан заметил столик с серебряным кувшином и кубками. Тут же стояла ваза тончайшего александрийского стекла с печеньем и золотое блюдо с весьма аппетитно разложенными финиками и виноградом. Осторожно, чтобы не тревожить хозяина, царь бесшумно продвинулся в направлении столика. Подойдя ближе и с жадностью поглядывая на великолепное угощение, Ариобарзан неуклюже потянулся обеими руками за кувшином с вином и кубком, но, чтобы достать их, пришлось левую ногу оторвать от пола и грациозно отодвинуть назад. Стоя на одной ноге, монарх не удержал равновесия и рухнул на столик, повалив с него и великолепные блюда, и фрукты, и вино. Раздался оглушительный звон металла и битого стекла: посуда и лакомства грохнулись на

пол, вино разлилось, ваза превратилась в искрящиеся осколки, разлетевшиеся по всей палатке.

Помпей в испуге обернулся, влетела встревоженная стража, перепуганные секретари столпились у входа. Зрелище было забавным: голова Ариобарзана с золотой диадемой лежала на столике для фруктов, руки, унизанные перстнями и кольцами, разведены в стороны, левая нога в красном сапожке, согнутая в колене, отведена назад. Пышно разряженный самодержец, объятый страхом, застыл в странной позе, и только глазки шныряли вверх-вниз.

Первым из оцепенения вышел полководец:

– Ничего страшного! Помогите царю!

Секретари аккуратно подняли Ариобарзана и усадили в кресло, а тот еще долго не мог прийти в себя: мерцающие искры летали перед глазами. Ему подали вина, и, постепенно выходя из шокового состояния, он промямлил:

– Прошу меня простить, получилось случайно...

– Ариобарзан, вот рисунок! – Помпей положил перед ним прекрасно исполненный рабом эскиз монеты.

Монетой в Риме раньше звали супругу бога Юпитера Юнону, а когда на Капитолийском холме возвели в ее честь храм, и рядом с ним начали чеканить деньги, то их называли монетами... Рисунок был хорош. На лицевой стороне – аверсе – художник изобразил Помпея в профиль: победоносный полководец, ревнитель римских традиций, одухотворенно смотрит вдаль на завоеванный им мир. По краю монеты, сле-

ва, позади головы, имелась круговая надпись «Magnus», под головой располагался символ денария – римская цифра X. На оборотной стороне монеты – реверсе – изображена богиня победы Виктория в колеснице с быстроногими конями и надпись «Rompeius». Помпей уже выпускал денарии со своим изображением на аверсе, и трезубцем Посейдона и кораблем на обратной стороне в ознаменование победы над пиратами, но качество их было ужасным, и теперь, в ожидании громких побед над Митридатом, нужно было увековечить себя прекрасной работой медальерного искусства.

Ариобарзан взял дощечку и очень внимательно рассмотрел рисунок, затем ткнул пальцем:

– Здесь, на аверсе, я бы добавил принадлежности культа авгуров – сосуд капис в форме орла и литуус. Вот здесь, внизу, позади твоей головы.

Подумав: «Как же я сам не догадался, эти символы авгуров присутствовали на монете Суллы? Орел – символ власти императора-полководца, а литуус, изогнутый посох авгура, предсказывает по поведению птиц волю богов», Помпей произнес:

– Прекрасно!

– Но серебро... Мое царство бедное, все запасы серебра разграбил Митридат, – заскулил царь.

– Об этом не беспокойся! Скоро, очень скоро я завалю тебя серебром.

– А каков мой процент со сделки? – вдруг спросил окон-

чательно осмелевший царь.

– Твой процент? – Помпей явно не ожидал такого вопроса. – Что ж, трех процентов с тебя хватит.

– О Помпей Великий! Этого явно недостаточно для славы, но вполне хватит на жалкое существование. Я смиряюсь и повинуюсь.

Командующий брезгливо на него посмотрел.

Понтийский царь Митридат прибыл в расположение своих войск. Его армия, сильно поредевшая, так как Тигран II отозвал армянские отряды, все равно была внушительной: около тридцати тысяч пехотинцев, среди которых много римских дезертиров, солдат союзных правителей и три тысячи всадников.

– Я старше Помпея на тридцать лет, значит, мудрее. Мне хорошо известно устройство римской армии, – хвастался Митридат, сидя на троне из дерева, золота и слоновой кости перед военачальниками и вождями племен, собранными в походном шатре. – У Помпея только две тысячи всадников, а у меня три! Выпьем на нашу победу!

В шатер ввели Вириата – раба, сбежавшего от Помпея.

– Вириат, мой друг, как я рад тебя видеть! Ты все сделал правильно. Жаль, конечно, что не удалось убить Помпея, но пусть знает: рабы никогда не смиряются со своей участью, даже если их вовремя кормить. Возьми, мой друг, этот свиток, – Митридат протянул небольшой пергамент. – Ты

больше не раб. Я дарую тебе свободу! Присоединяйся к армии-освободительнице, вместе покончим с римской нечестью.

Бывший невольник встал на колени, поклонился и с благодарностью принял пергамент:

– Государь, это честь для меня служить под твоим началом, бороться с ненавистными поработителями.

– Встань, Вириат! Расскажи, что приготовил для нас Помпей.

– Государь, у него десять легионов, много опытных солдат, прошедших не одну войну. Каждому легиону приданы вспомогательные войска такой же численности – саперы, разведчики, обслуга метательных машин, легкая кавалерия, легкая пехота...

– Ты много лет наблюдал за Помпеем, знаешь его повадки. Поведай о них!

– Государь, он решителен и неустрашим, но никогда не идет напролом. Все тщательно продумывает. Суеверен. Бойтся ночных сражений. Его любят солдаты...

– Да-да, все это интересно... Есть ли что-то необычное в его поведении?

– Государь, на левой руке он носит золотой перстень с красным камнем, который светится. Каждый раз, когда Помпей раздражен или в затруднительной ситуации, он дотрагивается до камня... Я подслушал: однажды он говорили про Драконий перстень, в другой раз услышал слово волшеб-

ный...

– Что?! – Митридат всем телом подался вперед. – Откуда эта вещь у него?

– Подарили армяне...

– Армяне?! Ну иди, тебя наградят... – Царь обвел взглядом

командиров: – Все свободны, я должен подумать.

Военачальники и вожди ушли, а Митридат, заложив руки за спину, стал ходить по шатру взад-вперед. Он был потрясен новостью, так как много слышал о магическом перстне, знал, что волшебный предмет находится у Тиграна, но то, что армянский владыка подарил его Помпею, стало для царя новостью. Перстень, благодаря которому силы горы управляют владельцем талисмана как марионеткой, делая его сначала непобедимым и неуязвимым, потом бессильным и надломленным, мог бы сыграть решающую роль в войне против Рима.

В голове понтийца зародились навязчивые мысли. Конечно, прямое столкновение с Помпеем нужно отложить... Ждать, когда проявится сила перстня, и его владелец будет безжалостно раздавлен морально и физически. Тогда проще простого окончательно сокрушить «железную армию»... Сейчас же надо уходить в глубь территории царства, заманивать противника, уклоняться от открытого столкновения, построить укрепленный лагерь в горах Малой Арме-

нии! И ждать... Но Тигран хорош! Оценил мою голову всего в сто талантов, оставил одного против «непобедимой» военной машины, задумал защититься от Помпея с помощью магии... Ему нет прощения! Царь Армении пошел против меня, величайшего злодея в истории, и его ждет смерть... Против Биндусара еще никто не устоял.

Глава 19. Зловещие звуки флейты

В Арташате, в дворце армянского царя, восьмилетний Арташес, сын царевича Артавазда, никогда неунывающий мальчик, придумал новое развлечение. После происшествия с лисенком и внезапного перемещения в Птолемаиду его не выпускали одного на прогулку. Малышу Тигранчику, брату, всего два годика и, конечно, играть с ним неинтересно, поэтому в шалостях Арташеса участвовала семилетняя Эрмина, чье имя означает «свободная» – внучка азарапета Гнуни, тоже сорвиголова. Дети приступили к исследованию тайных помещений дворца.

– Эрмина! На кухне я обнаружил странную дверь. Потайную! Она, как думаю, ведет в сокровищницу, – объявил мальчик. – Хочу взглянуть на сундуки с золотом. Пойду один: там, наверное, небезопасно.

– Арташес, милый, – жалобным голоском заскулила Эрмина, – возьми меня с собой! Я пригожусь. Вдруг ты попадешь в сети большого паука или огромная кошка схватит тебя и потащит в нору? Вот я и помогу. Могу еще позвать на помощь.

– Ну ладно, будешь освещать путь лампой. Идем!

Крадучись, они двигались по коридору первого этажа дворца, где находились кухня, подсобные помещения и кладовые. У плиты сустились дворцовые повара, а повараята

– мальчишки-подростки – подавали им очищенные овощи и грибы. Улучив момент, когда все переместились к разделочным столам нарезать орехи, зелень и салаты, а главный повар отчитывал поваренка, слишком крупно порезавшего айву, дети проскочили в помещение и нырнули под стол. В стене была небольшая деревянная дверца, скрытая столом. Арташес крошечным кинжалом отжал ее, дверь подалась, и они пролезли в проем. В свете масляной лампы перед ними предстала каморка, забитая старой утварью.

– Эрмина, будь осторожна, не задень горшки и чаны! – повзрослому предупредил мальчик.

– Конечно, Арташес, я очень осторожна.

Стены каморки из грубо обработанного камня явно таили некий секрет. Любитель приключений, облазивший все чердаки и крыши дворца, Арташес чувствовал, что за стеной должен быть ход: зачем же делать маленькую дверь, да еще прятать ее от глаз детей? В сказках, в тех что ему рассказывала мама Анаит, всегда был потайной вход в пещеру или зал, где хранились несметные сокровища. Мальчик в поисках тайного рычага попробовал нажимать на камни и поворачивать горшки, затем его внимание привлекло ржавое железное кольцо, торчащее из стены. На кольце висел черпак. Осторожно сняв ковшик на длинной рукоятке, Арташес повернул кольцо влево-вправо и дернул на себя... Раздался скрип, и проем в каменной стене приоткрылся. Дети вздрогнули.

– Я же говорил! – растерянно прошептал мальчик.

Огонек в лампе затрепетал: из проема потянуло затхлым воздухом. Но разве юных искателей приключений это остановит! С трудом отодвинув дверь, они пролезли в узкий проход и уперлись в каменную лестницу, ведущую вверх. Стали подниматься по ней. В полной тишине раздавались негромкие детские шаги; тени мальчика и девочки, необычно большие и призрачные, плыли по стене узкой винтовой лестницы, что закручивалась все время вправо. Осторожно, с любопытством на лице и с детским кинжалом в руке шел впереди Арташес, за ним с обреченным видом и замиранием сердца поднималась, держа медную лампу с дрожащим огоньком, Эрмина. Еще одна дверь, и они оказались в большой комнате с низким потолком. Вдоль стен стояли стеллажи со старинным оружием: луки, стрелы, топорики, пики, копья, глиняные кувшины с пробковой крышкой, ядра для пращи.

– Вот это да! – воскликнул мальчик, разглядывая арсенал. – Похоже, сюда давно не заходили. Такое оружие сейчас не используется. – Он откупорил один из кувшинов и понюхал содержимое. С важным видом как большой знаток произнес: – Здесь масло, по запаху – смесь льняного с серой...

– Арташес, может, вернемся? – тревожно спросила девочка.

– Что ты, приключение только начинается! Мы, Эрмина, сделали открытие. Вперед!

Продвигаясь дальше, они увидели струящийся свет прямо

из пола и слышали голоса. Дыра в полу была ничем иным как узорчатой вентиляционной решеткой в потолке комнаты ниже. Посмотрев сквозь нее, дети увидели большую куклу, одетую в экзотический индийский наряд, сидящую на деревянном сундуке с резьбой, инкрустацией и дверцами. В руках кукла держала индийскую поперечную флейту бансури. Это был автомат. Так называли движущуюся, изображающую человека, фигуру. Рядом с автоматом стоял высокий мужчина с бородкой в индийской одежде – красное, расшитое золотом шервани, шелковые белые шаровары и розовый тюрбан на голове – и осматривал гастрюфет. Мальчик это оружие знал и подумал: «Да это же метательный механизм!»

Мужчина раскрыл передние дверцы сундука, и из него вылез карлик в белом хлопковом лунги. Они вели разговор на греческом, но мальчик язык знал, правда, не все расслышал.

– Нужно взвести гастрюфет... – сказал высокий.

– Не забудь кончик стрелы обмакнуть в яд и...

Высокий навалился на рычажный механизм гастрюфета животом, тем самым взведя его.

– Готово!

Артасес во все глаза смотрел на приготовления этих людей. Действительно, греческий гастрюфет (или арбалет) был изобретен очень давно, во времена ранней античности. Он имел надежные механизмы – рычажной (для взведения и удержания в натянутом состоянии тетивы) и спусковой (для

стрельбы). Артиста (высокого мужчину) по прибытии в дворец стражники обыскивали: оружия не нашли, в сундуке также ничего странного не увидели.

– Я думаю, – прошептала Эрмина, – они задумали что-то нехорошее.

В это время карлик залез в сундук, а высокий подал ему снаряженный гастродетектор и закрыл дверцы. Изобразив на лице почтение и благодарность, он начал репетировать: поклонился пустой комнате и хлопнул в ладоши. Карлик изнутри ногой выбил створки дверок и выставил вперед оружие в готовности к стрельбе. Репетиция прошла успешно, оба были довольны, карлик вновь спрятался в сундуке, а высокий стал ждать.

Артасес поразился пришедшей ему в голову мысли:

– Стрела, яд... Да они задумали кого-то убить!

Появились четверо слуг. Подняв сундук с механической куклой, они понесли его в соседнее помещение – великолепный зал для приемов и развлечений со статуями и колоннами из индийского зеленого мрамора, освещаемый лучами заходящего солнца через открытые окна и огнем бронзовых канделябров. Вскоре в зал вошли охранники во главе с Кухбацци. Тщательно все проверив и заглянув в сундук, начальник службы безопасности приказал открыть парадные двери. Переговариваясь и смеясь, вошли царь и придворные. Рядом с Тиграном кресло заняла Аревик. По правую руку царя сели Артавазд и Анаит, по левую Гурас с женой, за их спинами

встали Гнуни, Мамиконян и Кухбацци, тоже с женами.

Встревоженные дети через небольшие узорчатые решетки наблюдали сверху за происходящим. Высокий человек с бородкой торжественно произнес:

– О великий царь царей Тигран! Я прибыл из Индии, чтобы продемонстрировать тебе непревзойденную машину, способную играть на музыкальных инструментах. Ты изрядно удивишься пытливому уму человека, создавшего этот автомат, и получишь величайшее наслаждение и несказанное удовольствие.

Тигран оглядел присутствующих:

– Удовольствие, как считают греки, часто заслуживает осуждения, если... – он улыбнулся, – ...оно не утоляет неистовую жажду прекрасного.

Все присутствующие улыбнулись, а Гурас спросил артиста:

– Апка кья нам хай? (Как тебя зовут? – *хинди*)

– Мера нам Биндусар хай, – с поклоном ответил артист.

– Что ж, Биндусар, покажи нам свое искусство! – улыбнулся Тигран.

Артист открыл передние дверцы сундука и, освещая его внутренности медной лампой с горящим фитилем, показал публике сложный механизм с различными узлами и деталями. Спрятанный в сундуке карлик не был виден: система зеркал прекрасно скрывала его за перегородкой. Закрыв дверцы и поставив лампу на сундук, чтобы подсветить лицо кук-

лы, исполнитель на ее спине большим ключом завел пружину. Манипуляции выглядели очень эффектно. Повернув какой-то рычажок, «индус» поклонился, а автомат зашевелился. В цветных одеждах – пхета и шервани – кукла, выполненная в натуральную человеческую величину, задвигала глазами, поднесла флейту к губам и заиграла мелодию, при этом ее грудная клетка шевелилась, а голова поднималась-опускалась в такт музыке – мягкой, трогательной, немного грустной.

Тигран, разбирающийся в музыке, сразу узнал насыщенное звучание индийской национальной мелодии с неповторимым тембром необычной легкой окраски. Очарованный мотивом, он встал и приблизился к автомату, чтобы рассмотреть как это устроено.

Арташес, увидев через отверстие в потолке приближающегося к сундуку царя, заволновался и поспешил в соседнюю комнату. Эрмина удивленно смотрела на мальчика, а тот уже возвращался с кувшином. В тот момент, когда царь обходил автомат вокруг, любуясь совершенством конструкции, а владелец устройства, изобразив на лице почтение и благодарность, сверкая глазами, приготовился хлопнуть в ладоши, Арташес откупорил кувшин и стал лить горючую смесь сквозь решетку прямо на куклу. Эрмина, повинувшись неодолимому детскому желанию нашкодить, подпалила от лампы платочек и протолкнула его сквозь решетку. Жидкость, стекающая вниз, воспламенилась. Совершив опасное

дело и оставив перевернутый кувшин с вытекающей горячей смесью, дети немедленно побежали назад к выходу.

Масляный поток с потолка вдруг превратился в струю низвергающегося сверху огня. Лампа на сундуке усилила горение, и совершенное устройство, объятые пламенем, превратилось в пылающий факел. Тигран отскочил в сторону, Кухбаци, обнажив меч, ринулся на защиту царя, придворные в панике бросились к выходу, Биндусар застыл в позе ужаса. Передние дверцы сундука резко открылись, из него вывалился охваченный пламенем карлик с арбалетом. Вопя от нестерпимой боли, лилипут метался по залу и катался по полу. Кухбаци недолго думая пронзил его мечом и приставил оружие к горлу высокого артиста. Раздался звон стекла: из рук «индуса» вывалился стеклянный шарик, разбился, и немедленно весь зал наполнился зеленым дымом со странным противным запахом. Кухбаци, спасая царя, сбил его с ног и накрыл своим телом.

Благодаря открытым окнам дым быстро рассеялся. Охрана, обступив плотным кольцом государя, увела его в безопасное место, сундук с куклой, превращаясь в пепел и груды металла, догорал на каменном полу, а Кухбаци погнался за артистом, которого и след простыл.

Биндусар, загодя продумав план отступления, хорошо ориентировался в дворце. С лицом, выражающим гнев и страх, он быстро двигался к выходу. У каждого поста охраны разбивались шары, создававшие маскировочный зеленый

дым с неприятным запахом вонючки скусна. Спасение уже рядом – впереди парадная дверь дворца. На лице «индуса» появился оскал: гнев сменился чувством осознания спасения, возникли дополнительные силы для бегства. Вдруг перед самым его носом с металлическим лязгом опустилась решетка. Выход закрыт! Подбежав к железному препятствию, «индус» схватился за толстые прутья и неистово их затряс. Бесплезно! Обернувшись, он увидел приближавшегося Кухбаци. Лицо Биндусара конвульсивно задергалось, но, взяв себя в руки, он мобилизовался для атаки. Кухбаци, ощущая волну ненависти к этому человеку, бежал с мечом в руке и кричал: «Схватить убийцу!»

Стеклянный шар разбился, помещение заполнил зеленый дым. Начальник службы безопасности царя остановился: за плотной дымовой завесой ничего не видно. Энергично, вслепую размахивая мечом, Кухбаци медленно продвигался вперед, рассчитывая задеть наемника. Биндусар налетел сзади и сбил армянина с ног. Меч со звоном упал на камни, улетев незнамо куда. Кухбаци попытался встать, но тут же получил сильный удар в глаз. Его противник, человек специально обученный, бил воина кулаком по голове, ногой в живот, а потом, сорвав с его пояса кинжал, занес клинок для смертельного удара.

Упрямый Кухбаци увернулся, и удар кинжала пришелся в камни. Затем воин рванул к «индусу», повалил его и выполнил захват ногами. Прекрасно владея приемами армян-

ской борьбы кох, он заставил Биндусара панически изворачиваться и, как только тот попытался вырваться из клещей, Кухбаци схватил его за пояс и выполнил бросок через себя. Головокружительный полет «артиста» закончился оглушительным падением спиной на камни, а чтобы закрепить победу в схватке, воин сильным ударом кулака в голову оглушил соперника.

Ощущая боль во всем теле, Кухбаци придерживаясь за решетку и вытирая кровь с лица, тяжело осел. Напряжение уходило, возвращалось нормальное состояние... Дым выветрился, в вестибюле столпилась стража. Кухбаци сидел на полу, задумчиво глядя на дворцовую лестницу, где стояли испуганные дети Арташес и Эрмина.

На другой день Тигран, подавленный случившимся, пригласил к себе всех участников драмы. В зал приемов вошли Гурас, Артавазд, Гнуни и Кухбаци. Последний пришел с перевязанной головой и синяком под глазом.

– Государь, – сказал Кухбаци, – у Биндусара нашли пузырек с ядом, такой же, как у рабыни, пытавшейся отравить Аревик. Бутылочка финикийского стекла синего цвета...

– Подлый Митридат! – воскликнул царь. – Это его проделки. Когда нет спасения, отчаяние толкает человека на безумные поступки. – Остыв немного,

спросил: – Ну, а где наши герои?

Кухбаци вышел, потом вернулся, ведя за собой Арташеса и Эрмину с их мамами.

Царь строго посмотрел на мальчика:

– Арташес, ты чуть не спалил дворец.

Мальчик явно был в затруднительном положении и развел руками:

– Мне пришлось так поступить...

Смелая Эрмина перебила его:

– Очень плохие люди хотели навредить царю.

– Все знаю! – Тигран улыбнулся. – Вы замечательные и смелые дети! – Посмотрев на взрослых, воскликнул: – Достойная смена растет! – Взяв со столика кинжал, сказал: – Арташес, это мой подарок тебе.

Обоюдоострый кинжал невероятной красоты с коротким лезвием из прочной стали, с рукоятью и ножнами, покрытыми золотом, а в навершии рукояти сверкал необычно большой рубин. Глаза мальчика загорелись. Он смотрел на дар царя и не мог поверить в свое счастье.

Тигран, сделав загадочное выражение лица, по секрету сказал:

– Арташес, рубин на рукояти – магический талисман из Индии. Он противостоит силам тьмы... Кинжал станет не только напоминанием о вчерашнем происшествии, но однажды поможет тебе обрести власть. Храни мой подарок!

Мальчик бережно принял дар. Затем правитель обратился к девочке:

– Эрмина, тебе тоже царский подарок: кольцо с изумрудом, – он взял со стола ювелирное украшение и подал ей. – Кольцо великовато, но это ничего. Придет время, и оно превратит твои сны в явь. А еще с ним ты сможешь читать чужие мысли и предвидеть будущее.

Эрмина приняла подарок с благодарностью:

– Спасибо, зеленый камушек мне очень нравится.

– Вот и хорошо. А сейчас предлагаю тост за моих спасителей! – Тигран дважды хлопнул в ладоши.

Виночерпий Вардгес с золотым кувшином и слуги с кубками чинно вошли в зал. Разлили в бокалы вино цвета красного рубина, а Арташесу с Эрминой в маленькие серебряные чаши налили вина, разбавленного водой. В те времена вино пили все, включая детей, ведь вином обеззараживали питьевую воду.

Царь поднял золотой кубок и произнес тост, сотканный воображением. Однажды человеку пришлось биться с чудовищем. Страх охватил человека, он хотел бежать, но потом в голову пришла мысль: «Если я повернусь лицом к опасности и разозлюсь, тогда перестану бояться». В сознании человека произошла перемена. Гнев, подобный грозе, вырвался наружу, и человек стремительно бросился с мечом на чудовище и пронзил его в самое сердце.

Царь Тигран улыbnулся и провозгласил:

– Так выпьем же за то, чтобы страх, порождающий чудовищ, мы преодолевали достойно, а нашими главными каче-

ствами были храбрость и отвага!

Глава 20. Поцеловать перстень

«Освободив» Каппадокию, армия Помпея двинулась к понтийской границе. Остался всего один дневной переход, но Гней Помпей вдруг решил посоветоваться с богами. Ни один полководец Римской республики не начинал боевых действий, не принеся жертвы богам и не узнав их волю через жрецов. Армию сопровождал войсковой авгур Донатус, тощий и высокий, член почетной жреческой коллегии, выполнявшей официальные государственные гадания для предсказания предстоящих событий. Авгур в короткой трабее (тоге с ярко-красной полосой и узкой пурпурной каймой), с жезлом литуус и сосудом капис вышел вперед и, встав лицом на север, начал вращать головой по сторонам.

– Проконсул! – торжественно воскликнул он. – Я вижу на востоке ворону. Птица со стороны солнца приносит счастье!

– Прекрасно, – сказал удовлетворенный Помпей.

– Ворона не одна, целая стая! Хорошее предзнаменование!

– Не сомневаюсь в своем успехе... – полководец обвел ободряющим взглядом легатов.

Легат Скавр показал рукой в противоположную сторону:

– Донатус, я вижу коршуна!

Коршун считался вестником поражения. Жрец-гадатель изменился в лице. Он провел над головой изогнутым литуусом.

усом две мысленные линии – одну с севера на юг, другую с востока на запад, потом начертил в воздухе прямоугольник, посмотрел наверх, на птицу в небе, и сказал:

– Это не коршун, а молодой орел!

Помпей с облегчением вздохнул: появление орла предвещало победу.

– Орел – знак императора! – воскликнул он и, чтобы больше не испытывать судьбу, приказал: – Донатус, заканчивай.

Жрец быстро забрал свои принадлежности и ушел. Сквавр вновь посмотрел на небо. Птица приближалась. Это был и не орел, и не коршун, а сокол. Вот он развернулся и полетел обратно от наблюдателя, что означало: забирает удачу с собой. Легат с тревогой взглянул на улыбающееся, разгоряченное лицо начальника, раздающего указания, и промолчал.

Митридат решил отступать. Его тридцатитысячная армия пошла в глубь Понтийского царства, не вступая в сражение, и по мере преследования Помпеем, удалялась все дальше и дальше, пока не уперлась в горы Малой Армении.

– Гипсикратия, – говорил царь своей жене на привале, – становится опасно. Возьми детей и отправляйся в Боспорское царство к моему сыну Фарнаку.

– Великий царь, детей я отправлю, но сама останусь. Я всегда буду рядом с тобой, и никакие лишения и опасности не истощат моего желания любить тебя.

– Жизненное благо иметь такую жену, – царь растрогал-

ся. – Нас губит не война или поражение, а потеря веры, прежде всего, в близкого человека.

Снабжение провиантом обеих армий ухудшилось: отряды снабженцев яростно уничтожались сторонами, устраивавшими друг другу засады. Кроме того, у сторон конфликта появились дезертиры. Их ловили и вешали – и Помпей, и Митридат.

– Моя цель – генеральное сражение! – возвещал Помпей своим командирам.

– Только в генеральном сражении я одержу победу! – обещал царедворцам Митридат.

Наконец, найдя в Малой Армении подходящую скалистую гору под названием Дастейра, царь Понта приказал занять боевые позиции. Обращаясь к своему лучшему полководцу Олфаку, вождю скифского племени дандариев, он сказал:

– Пусть Помпей нас штурмует: мы уничтожим его армию.

– Легион за легионом! – воодушевленно воскликнул Олфак, имя которого по-скифски означало сверхбыстрый.

Приготовили для римлян и камнепад, и огненные клубки из веток, и рабов-смертников, и массированный обстрел стрелами со скал. Армия Митридата, малообученная и слабо организованная, могла победить разве что на энтузиазме.

– Мир держится на лжи и жадности, – вещал Митридат, – и только великие личности меняют мир к лучшему.

Под великой личностью он, естественно, подразумевал се-

бя.

– Мир – это война, которую великий человек развязывает во имя мира! – провозглашал своим подчиненным Помпей Великий.

Он уже подошел к сильно укрепленному лагерю Митридата на горе и размышлял как выманить царя и вынудить сражаться. Римляне осадили лагерь понтийцев.

Помпей на площадке у подножья горы Дастейра скакал на золотистом скакуне вдоль строя легионов, кавалерии и вспомогательных войск. В легионах служили только граждане Рима, в остальных подразделениях – жители провинций и рабы. На солнце сверкали доспехи, оружие, литавры и трубы, в строю заметно выделялись знаки легионов: серебряные орлы, знамена и штандарты. Первое, чему учили солдат, срок службы которых составлял двадцать пять лет, – неотступно следовать за знаменем и серебряным орлом. Потеря этих символов – величайший позор для легиона. Все были убеждены: настал день славы, долгожданный для солдат, рвущихся в бой. Чувствовалось всеобщее воодушевление.

Вернувшись на середину строя, Магнус провозгласил:

– Вы храбрые и отчаянные воины! Впереди битва! Нас ждет боевой успех! Смерть врагу!

– Барра!! – боевой клич разнесся эхом по округе – подбодрить себя и товарища, утратить врага, докричаться до высших сил.

Справа от полководца стоит вестник. Он зычно спраши-

вает:

– Все ли готово к бою? Все ли готово к бою? Все ли готово к бою?

– Да, готово! Да, готово! Да, готово! – радостно выкрикивают солдаты, трижды поднимая вверх руку.

С горы за этим ритуальным действием наблюдал Митридат в окружении Гипсикратии, Олфака и Диофанта.

Царь равнодушно сказал:

– Имеющий мозги не заблуждается насчет всяких глупостей. Они прольют столько крови, что эту гору назовут Красной.

Построение римлян закончилось. Поглядывая на гору Дастейра, Помпей незаметно дотронулся до камня на Драконьем перстне. Вдруг сильное волнение охватило его, направление мыслей изменило ход, сердце забилося учащенно, и вызрело взвешенное решение. Благодаря перстню Помпей избежит провала.

Габиния в спешке вызвали к главнокомандующему.

– Император, ты звал меня?

– Габиний!

Легат с удивлением смотрел на Помпея:

– Да, император!

– Вот что я решил, – деловито начал полководец. – Боя не будет... Мы измотаем противника, лишим его продовольствия и воды, заставим либо сдаться, либо в отчаянии спуститься с горы и биться.

– Император, Митридат не решится дать сражение. Полагаю, нам предстоит штурмовать гору.

Военачальник сверкал глазами:

– Мы не полезем на гору. Я же не выжил из ума!

– Как же мы достанем Митридата?

– Мы построим земляной вал вокруг горы.

– Что?..

Вражеский лагерь римляне начали обносить сплошным рвом с валом. Инженеры и рабы сноровисто копали землю, а сторожевые подразделения, выделенные легионами для охранения, заняли передовые позиции. Митридат, осознав, что генерального сражения не будет, потерял душевный покой. Помпей не спешит штурмовать гору и готовит длительную осаду. Несомненно, вдохновение к нему снизошло благодаря Драконьему перстню! Что ж, ярость понтийского царя прольется кровавым дождем.

Митридат, волнуясь, приказал:

– Олфак, действуем по запасному плану!

Ночью отряд скифов провел отвлекающий маневр. Светила бледная луна. Ее мертвенный свет окрасил скалы серебром, залил лагерь римлян в долине оттенками серого и черного. Невеликие ростом, но резвые скифские лошади, выносливые и неприхотливые, стремительно помчались с горы вниз, неся всадников, готовых выпустить в противника тучу стрел с бронзовыми наконечниками. Преодолевая недо-

строенную систему укреплений, воины-скифы пускали в ход не только стрелы, но и акинаки (скифские мечи), дротики и копья. Рядом с ними скакали обезумевшие лошади с колесницами, пылающими жарким огнем, с горы катились ярко горящие во тьме шары. Внезапный налет был встречен римлянами эшелонированной обороной сторожевых отрядов. Сверхбыстрый Олфак – вождь племени дандариев с Кубани – увлек за собой кочевников в прорыв. Скифское «жало», словно огромное смертоносное копье, врезалось в римских солдат и, протаранив охранение и опрокинув заслоны, влетело в лагерь непобедимых римлян.

Заиграли рожки, объявили тревогу. Помпей, никогда не любивший ночных схваток, выскочил из палатки и с удивлением уставился на происходящий хаос. Скифы метались по лагерю, сбивая строения и солдат, выпуская стрелы, вонзая копья, поджигая палатки, опрокидывая повозки, а их дикие, перемазанные грязью гримасы в свете костров и пламени пожаров вызывали у легионеров оторопь. Наконец центурионы, опытные вояки, справившись с первоначальным шоком и, превосходно зная свое дело, приступили управлять солдатами, подавая четкие команды. Кочевники получили отпор, а пожарные когорты потушили возгорания.

Митридат во главе войска по заранее разведанным в скалах труднопроходимым тропам, оставив в лагере горящие костры, покидал Дастейру – уходил на север, к Черному морю. К утру войск понтийского царя на горе не было. Олфак

погиб, а небольшая часть скифов, спасаясь, ушла в горы.

Римляне настигли Митридата на третий день у реки Лик, что недалеко от верховий Евфрата. Разведывательный патруль обнаружил дорогу, по которой следовала армия понтийского царя, и хорошо натренированные легионеры ускоренным маршем зашли в тыл противника. Передвигалась армия царя по ночам, утром строила лагерь и отдыхала.

Смеркалось. В шатер Митридата вбежал начальник охраны Диафант:

– Государь, они обнаружили нас!

– Быстрее, чем я ожидал. Где они?

– Лазутчики докладывают: около трех стадий отсюда (греческий стадий 178 м).

– С самого начала думай о конце! – патетически произнес царь. – Диафант, куда отступать?..

Не дождавшись ответа, царь сам просчитал варианты. Здесь недалеко истоки трех рек – Аракс, Тигр и Евфрат. Это ворота в рай. Но боги в рай его не пустят: слишком много злодеяний совершил, пролил кровь десятков тысяч невинных людей. Податься в Армению нельзя: за его голову Тигран объявил награду. Идти в Трапезунт, чтобы погрузиться на суда и отплыть в Таврику? Но Диафант докладывал, что Помпей блокировал все порты. Что делать?..

– Государь, ты должен биться с римлянами! – говорил царедворец, возбужденно сверкая глазами.

Царь подавленно взирал на него:

– Моя армия слаба, отсутствует дисциплина, много дезертиров. Непрерывные войны истощили царство, собрать новое войско невозможно.

– Ты великий полководец, способен победить римлян в генеральном сражении и решить спор с Помпеем раз и навсегда!

– Размахивать мечом и сражаться – две разные вещи. Когда отвернулась удача, победа превращается в поражение.

– Тогда, государь, осталось одно: спасайся бегством! Время есть... Римляне не посмеют напасть ночью. В крепости Синория спрятаны твои сокровища. Заберем и поскачем в Колхиду!

– Бежать, не дав генерального сражения? Недостойно. Ты же сам назвал меня великим полководцем. Впрочем, признать поражение – тоже победа, хотя бы над собой.

В шатер влетел советник и стратег Менофан:

– Государь, римляне разворачивают боевой порядок!

Митридат помрачнел:

– Противник намерен биться? Делать нечего, отбросим нерешительность и ударим по собственному страху. Трубить сбор!

Помпей всегда считал бой в темноте рискованной затеей, но вынудить царя сражаться днем не получалось. Если не решиться напасть немедленно, ночью, Митридат опять сбе-

жит, и перспектива победы улетучится. Гней колебался, но перстень дракона на его руке сейчас сиял особенно ярко: свет красного камня, казалось, обжигал и подталкивал к смелому решению – действовать немедленно. Вновь довериться перстню? Вообще-то, по мере приближения к горе Арагат, Гней чувствовал рост безумной одержимости, поэтому в конце концов согласился с предложением Габиния, Афрания и Скавра дать ночной бой.

Римские солдаты, славившиеся железной дисциплиной, в темноте при свете факелов заняли боевые порядки. Каждый знал свое место. В легионах вперед вышли велиты (легкая пехота), первую линию заняли гастаты (копьеносцы), вторую принципы (тяжеловооруженные воины), третью триарии (ветераны войн, их бросали в бой в решающий момент). Вымуштрованные солдаты не испытывали страха и рвались навстречу опасности.

Низкая луна была на ущербе. Казалось, она поблекла и уменьшилась в размере, но света давала достаточно. Пронзая тьму, луна светила в спины римлян, и их черные длинные тени вытягивались далеко вперед. Противник никак не мог определить верное расстояние до первой шеренги. Ночные силы явно подыгрывали потомкам Ромула.

Помпей, еще не до конца уверовав в свои силы, приблизил перстень к лицу и поцеловал. Неожиданно его охватили дрожь и предчувствие удачи, решительность окрепла, бесстрашие явилось. С багровым лицом, в наступательном по-

рыве, вызванном неистовым восторгом, при свете факелов он отдал боевой приказ:

– Митридат строит фалангу. Она способна действовать лишь по определенному правилу, заведенному раз и навсегда. Приказываю раздробить и рассеять войско противника!..

Приказ должен выполняться безоговорочно и незамедлительно. Легиону Афрания приказано ударить с левого фланга, солдатам Геллия с правого, Скавру и Лентулу со своими легионами произвести охват войск противника и зайти к нему в тыл. Направление главного удара – с фронта в центре. Его нанесут легионы Целера и Флакка после массированного применения катапульта. А чтобы окончательно сломать монолитный строй врага, по команде главнокомандующего вводятся в бой легионы Габиния и Торквата. Они и добьют войско Митридата. Остальные легионы – резерв императора. Конница Помпония вступает в сражение только при угрозе атаки кавалерии противника.

Мощная греческая фаланга царя Митридата представляла собой плотное, в несколько шеренг, построение огромного количества воинов в крепких доспехах и с длинными копьями. В бою участвовали только первые шеренги, остальные служили резервом для немедленной замены раненых и убитых.

Понтийский царь в шатре, в окружении любимых вещей и перепуганной свиты, ставил задачу своим командирам:

– Я хочу дружный натиск вначале, а затем охват войск противника. Мы задушим римлян в своих объятиях. Не давать им слаженно действовать! Опрокинуть, удушить, перейти в наступление!

В стане римлян Помпей к удивлению легатов уже перешел на крик:

– Мы заставим Митридата биться по нашим правилам!! Его тактика устарела, его войска не могут маневрировать, им нечего противопоставить совершенной военной машине римлян!..

И вот все пришло в движение, рубка в темноте началась. Лучники выпустили стрелы: римские достигли цели, понтийские ложились на длинные тени. Полетели дротики: римские опять попали в цель, а соперники метнули их слишком рано – опять били по черным теням. Римские катапульти ударили стрелами и камнями, достигая рядов противника и причиняя серьезный ущерб. Катапульти у Митридата не было. Фаланга понтийского царя двинулась вперед, чтобы в момент сближения нанести мощный фронтальный удар. Длинные копья солдат лежали на плечах впереди стоящих воинов, но атаквали они тени, а не людей.

Внезапно из темноты римляне обрушили фланговые удары, пошатнув стойкость фаланги. Затем новый удар – фронтальный. Клин пробил брешь в понтийском строю и позволил легионерам врезаться в гущу войск противника. Получив фронтальный и фланговый удары, фаланга понтийцев

сломалась, ее монолит превратился в скопище солдат, каждый из которых хаотично рубил мечом. В этой свалке римские легионы распались на более мелкие подразделения – когорты, – способные действовать автономно, слаженно, как единое целое, и эти «машины уничтожения» стали громить неуправляемую толпу бойцов Митридата. Его конница, так и не вступив в бой, поскакала прочь, его солдаты, потеряв волю к сопротивлению, обратились в бегство, фаланга рассыпалась окончательно, началась паника... В ночной темноте методично уничтожалась армия царя.

– Нам здесь больше делать нечего, – с горечью сказал Митридат.

Во главе отряда охраны, прихватив жену и приближенных, он поскакал по разведанной ранее дороге на северо-восток, в крепость Синория.

Глава 21. Дар судьбы

В Арташате праздновали день рождения армянского царя. С наступлением вечера, после трудового дня, начались торжества. У храмов и на площадях людям раздавали бесплатное угощение, подносили всем желающим вино из царских запасов, а в тронном зале Тигран II принимал поздравления от государей, знати, послов и приближенных.

Царь сидит на троне, украшенном золотом и слоновой костью. Он облачен в пурпурную расшитую узорами тунику, на плечах длинная леопардовая накидка. Драгоценный пояс имеет пряжку «лев терзает дракона», золотой кинжал украшен ручкой из рога африканского носорога, на груди владыки подвеска-талисман «Солнце и Луна». Голова царя увенчана белой с золотым шитьем и драгоценными камнями тиарой (изготавливалась из мягкого войлока, восточный символ великого царя) и золотой диадемой (знак царского достоинства). На голова есть еще повязка из полоски белой ткани (в античном мире символ предводителя нации и символ победы). На его руках перстни-обереги, кольца и печати. Ноги обуты в ярко-красные сафьяновые сапожки.

Справа и слева от царя, сложив руки на груди, стоят наследник престола Артавазд и брат царя Гурас. За тронном расположились министры, приближенные и родственники. Царь в хорошем настроении. Мимо него, улыбаясь, прохо-

дят в нескончаемой процессии гости, нахарары и дипломаты. Каждый останавливается перед владыкой, отвечает поклоном и сообщает о привезенных дарах. Царь удовлетворенно кивает, кое с кем перебрасывается репликами.

Барзапр, генерал-губернатор ашхара (области) Алдзник (Арзанена, по-гречески), сквозь натянутую улыбку доложил о подарках и добавил:

– Великий! Нужно любой ценой помешать экспансии Армении Римом.

Царь снисходительно сказал:

– Мое царство было и останется самостоятельным.

Губернатор Васпуракана (области между озерами Ван и Умрия), нахарар Арцруни обеспокоенно произнес:

– Государь, ты связующее звено между нахарарами, пользуешься среди нас большим уважением. Только скажи, и мы придем для битвы конницу и крестьянское ополчение!

– Дорогой Арцруни, в битвах побеждает не тот, кто сильнее или хитрее, а тот, кто мудрее.

Гурас, обратившись к государю, тихо сказал:

– Вассальные цари тебя предали, брат. Не прибыли на праздник правители Гордиены, Атропатены, Осроены и Адиабены.

Тигран саркастически усмехнулся:

– Что могу сказать? Рим запугал их, они решили, что с Арменией покончено. Помнишь, наш отец говорил: «Как не сделаешь мыслителем невежду, так не заставишь поумнеть»

дурака»?

В то же самое время в небольшом царстве Гордиена, в мрачно-сером дворце царя Зарбиены, повелителя воинственных и неукротимых горских народов кордов и курдов, тайно собрались правители четырех стран, ранее зависимых от Армении. В центре темного зала при свете всего одной лампы, чтобы никто не подслушал и не подсмотрел, они сидели на диванах и вели секретный разговор.

Испуганно поглядывая по сторонам, Зарбиена, давно тяготившийся господством армянского владыки, увещевал трех владык:

– Я пригласил к себе царей Мидии Атропатены, Осроены и Адиабены – царств, где великое открывается в малом, а малое растворяется в великом. Все мы тайно поклялись дружить с Римом, поэтому его легионы не войдут в наши страны. Солнце царя Тиграна закатилось. Предлагаю презирать его.

Царь Атропатены Дарий, подданные которого были ираноязычными, поддержал:

– Империя Тиграна разваливается на глазах.

Абгар II, царь Осроены, араб по происхождению, стоящий во главе ассирийцев, напомнил:

– Рабский ошейник, надетый Тиграном, сделал нас покорными и подобострастными. Все мы боимся армянского царя, обладающего поразительной интуицией, читающего чу-

жие мысли на расстоянии. Мне донесли: в преддверии войны он, как ни странно, спокоен, армию спешно не собирает и не готовится к сражениям. Сведения заслуживают доверия. Что-то Тигран задумал!

Царь Адиабены Монобаз, потомок ассирийских царей, был более рассудителен:

– Мне выгодно торговать с Великой Арменией. Это богатая страна. Но политическая обстановка сейчас непредсказуема, вот я и согласился с римским эмиссаром уйти от Тиграна. А знаете, что армянский царь сказал мне при последней встрече? – Заговорщически взглянув в глаза собеседников, он продолжил: – «Ты, Монобаз, сохранишь идентичность и государственность своей страны только в союзе с Арменией, в противном случае Адиабена растворится во тьме истории».

Зарбиена вполголоса промолвил:

– С Римом мы сами станем историей.

Дарий, самый проницательный из них, скорбно заметил:

– Не обольщайся, Зарбиена. Римское владычество более губительно, чем армянское. В странах, попавших под влияние Рима процесс развития замедляется.

Абгар обреченно опустил голову:

– Дарий прав: вспомните царства Пергам, Вифиния, Галатия, Ликаония. Там похозяйничали римляне. И где теперь эти царства? Исчезли! И моя Осроена превратится в римскую провинцию...

– Абгар, не расстраивайся! Скоро к тебе придут римские

торговцы и ростовщики, и будешь ты процветать как никогда раньше.

– Не шути так, Монобаз!

Все тяжело вздохнули и задумались каждый о своем.

Праздник в Армении продолжался. К трону приблизился царь Коммагены Антиох I. Молодой светловолосый армянин с греческим профилем был похож на бога. Одет по-восточному: туника и шаровары, персидская тиара.

– Напасть на тебя, Тигран, будет грубой ошибкой Рима, – сказал он. – Думаю, ты найдешь выход из непростой ситуации, и Армения отправится в будущее гораздо быстрее, чем с римской опекой.

– Дорогой Антиох, – улыбнулся Тигран, – римляне, опьяненные победами в Европе, пришли на Восток. И что же? Римская империя переживает не лучшие времена, она на распутье: либо республика, либо диктатор. Первое ради общего блага добродетельных римских граждан, второе – это разложение и крушение. Думаю, Рим пойдет по второму пути, его ждет короткое величие, а затем катастрофический упадок.

Антиох I поклонился и проследовал далее. Гости, приветствуя Тиграна, шли еще какое-то время. Но вот всех пригласили в зал приемов, где были накрыты столы: серебряные кубки, медная, бронзовая и керамическая посуда. Подали яства: овощные кушанья с айвой и заправкой кунжутным

маслом, полба с орехами и чечевицей, долма с бараниной в виноградных листьях, хоровац (шашлык), арганак (суп с олениной), кутап (форель, фаршированная рисом, изюмом и имбирем), дичь, бастурма – все приправлено травами и острым перцем. Естественно, на столе лаваш – пресный белый хлеб. Кухня, как известно, – высокий элемент любой культуры. Слуги разлили красное, искрящееся вино.

Встал Гурас, поднял кубок и произнес тост:

– Царю царей Тиграну II слава! Пусть живет столько лет, сколько листьев на дубе в старом саду, пусть вокруг него вьется столько красивых женщин, сколько рыб в глубоком пруду, пусть в его жизни будет столько счастливых дней, сколько звезд горит в вышине, пусть одержит он столько побед, сколько капель в этом вине! Выпьем же за виновника торжества, за его крепкий дух, доброе сердце и исключительное мужество!

Враги боятся Тиграна, а друзья восхищаются им. Кубки, поднятые за здоровье, наполнены доверху. Гости сдвинули их и, расплескав ароматный напиток, с величайшим наслаждением выпили до дна насыщенное, выдержанное вино.

Заиграла музыка. Для танца перед владыкой вышли девушки, все в нежно-голубых платьях и шапочках с подвесками, сверкая золотыми ожерельями и браслетами. Они двигались степенно и ритмично, пробуждая у публики чувственные образы. Тигран всегда восхищался танцами, выделяя это искусство особо. Танец будил в нем массу эмоций: иногда

грусть и печаль, а иногда волнение и страсть. Чувства, выраженные позой и жестами, раскрывали душу человека, его энергию и устремления. Через музыку, движения и ритм сообщают о любви, ненависти или сочувствии.

Вперед вышла солистка – Аревик. Ее участие в общем танце – подарок возлюбленному. Тигран, затаив дыхание, любовался: как она хороша! Плавные повороты гибкого станна, необычайные пластика и грациозность... Движения рук напоминали медитацию. Созерцая и наслаждаясь, царь поймал взгляд желанной женщины. Ее прекрасные глаза вызвали не только восхищение, но и призывали к обретению умиротворения и блаженства.

По коридорам дворца шел маг. В те времена магами называли волшебников и астрологов, они также были философами и богословами. Маги могли предсказывать будущее и творить чудеса, исцелять больных и воскрешать умерших. Волхвы – так магов называли в Персии – имели седые, ниспадающие до плеч волосы, а бороду ниже пояса. На маге был длинный белый хитон, подпоясанный священным кошти (длинный желтый пояс, украшенный звездами), и синий плащ, а на голове белая тиара из мягкого войлока в виде шара с вышитой золотом восьмиконечной звездой.

Навстречу магу неслась детвора. Неугомонные Арташес, малыш Тигранчик и Эрмина искали приключения на свою голову и, возбужденные праздничной атмосферой вечера,

бегали друг за другом по коридорам дворца. Арташес на полном ходу врезался в мага. Взглянув на странно одетого человека с седой бородой и посохом, мальчик раскрыл рот от удивления. Подбежала Эрмина и встала за Арташесом, боязливо поглядывая на незнакомца.

Маг, обращаясь к детям, сказал:

– Арташес (ведь так тебя зовут?), тебя ждет великое будущее: станешь царем Арташесом II. Девочка, ты Эрмина, так? Судьба уготовила тебе стать царицей, женой Арташеса. Для царства вы благо. В ваше правление восторжествует правда, а ложь раскроется...

В этот момент к ним подбежал веселый двухлетний Тигранчик и, не смутившись, дотронулся до плаща мага.

– О, малыш Тигранчик! – маг ласково погладил его по голове. – Тебя ждет непростое будущее. Римский принцепс, вообразивший себя богом, возведет Тиграна III на армянский престол как своего ставленника, но став царем, ты пойдешь наперекор судьбе...

Дети внимали старику, не проронив ни слова, а он возвестил:

– Пастухи мироздания откроют одному из вас дивный мир, порожденный Луной и Млечным путем, и вручат хаому, назначив хранителем мира.

Хаома – это напиток, божество и растение в единстве. Маленький Тигранчик, улыбаясь и желая возобновить игру, побежал обратно, а старшие дети погнались за ним.

Маг вошел в зал приемов. Танец под чарующую музыку продолжался. Девушки, излучая мягкость, гибкость и текучесть, двигались под ритм мелодии как хоровод звезд, даруя Тиграну хрупкую красоту и благодушное настроение. Что-то заставило царя отвлечься от танца и поднять глаза. Он увидел мага. Властитель Армении медленно встал и приподнял ладонь правой руки – знак остановить танец. Музыканты сбились с такта, прекратили играть, танцовщицы замерли на месте, гости, вертя головами, переговаривались. Тигран, не говоря ни слова, вышел из-за стола и направился к магу. За ним последовали Артавазд и Кухбаци.

Тигран обернулся к сыну и охраннику:

– Оставайтесь здесь, меня не сопровождать!

Артавазд и Кухбаци, пребывая в замешательстве, приказ выполнили. Царь вместе с магом покинули зал.

В покоях, закрыв дверь, Тигран обратился к гостю:

– Ты маг? Как тебя зовут?

Гость сложил ладони, и из них неожиданно вырвался огонь:

– Меня зовут Хурдиш.

Тигран вглядывался в черные глаза мага:

– Хурдиш означает «сияющее солнце». Что ты умеешь делать?

– Умею перемещаться в другое место или время, могу находиться одновременно в трех местах, предчувствую буду-

щее и вижу прошлое. Поклоняюсь огню, воде, солнцу, луне и звездам. Когда служу богам, пою гимны людям, когда служу людям, внимаю богам, и они открывают мне грядущее.

– Я знаю зачем ты здесь! – решительно сказал Тигран. – Ты пришел изменить судьбу – либо мою, либо моей страны.

Хурдиш молчал. Известно, что маги оказывали сильное влияние на правителей. Так, они убедили персидского царя Ксеркса, вопреки его желанию, разрушить греческие храмы в ходе похода на Грецию. «Ибо храмом, – сказали они, – является весь мир, а потому грешно запираť бога в стенах». В Афинах не осталось храмов. Это была попытка изменить религию греков. Маги советовали царям устанавливать культ единого бога, как, впрочем, и культ единого властителя.

Тигран тихо произнес:

– Ты, конечно, можешь повлиять на веру в моем царстве, но нам нравятся наши боги: добрый верховный бог Арамазд, золотая мать армян Анаит и громовержец Ваагн.

Маги люди загадочные, они воспринимают мир по-особому и воздействуют на него. Гость сказал:

– Ты дерзнул разбудить Армению, но народ цепляется за прошлое.

– Это так, – согласился Тигран.

Царь прекрасно осознавал, что в армянской сельской общине старый порядок, косность и застой определяют ход жизни: все меняется медленно или вообще ничего не меняется.

Хурдиш произнес:

– Я предложу тебе нечто такое, что изменит тебя, твою страну и весь мир. – Он достал из кармана плаща связку палочек из тамариска (божье дерево) и пробормотал заклинание: – О Аша, могущественный и победоносный, ты существуешь в мире добром, красивом и приятном. Очисти наши мысли, защити от врагов, подари абсолютную праведность и научи как проникнуть в средоточие Горы...

Стены зала поплыли, стали падать и закручиваться, привычные очертания предметов приобрели странную форму. Взгляд Тиграна затуманился, и, потеряв ориентацию в пространстве, он закрыл глаза. Когда вновь открыл, увидел высеченный в скале большой зал, расписанный яркими красками с преобладанием красного и голубого цветов. В светильниках на треногах горел огонь, и его свет отражался от статуй из золота и бронзы: перед Тиграном стояли и сидели боги и цари. В центре зала на золотом троне восседала статуя вавилонского бога Мардука. Его глаза – два огромных рубина – тускло светились. Изваяние внушало трепет, олицетворяя могущество высших сил. Даже трон, покоившийся на фантастических тварях с крыльями и человеческими головами, поражал своей монументальностью.

Тигран воскликнул:

– Мы в Дворце власти!

– Да, Тигран. Боги и цари смотрят на тебя.

Слева и справа от золотого Мардука высились статуи бо-

гов – ассирийского Ашшура, урартского Халди, персидского Ахуры Мазды и армянского Михра, а по углам – скульптуры царей Вавилона, Ассирии, Персии и Урарту.

– Боги и цари приглашают тебя, – сказал маг.

– Я здесь уже был. – Тигран осмотрелся: – Там, на стене справа, есть символ звезда. На самом деле это ключ к двери. Мне известно, как войти в то помещение.

– Взгляни! – маг указал на треугольник на центральной стене. – Этот древний символ тоже ключ. Нам нужно туда!

Маг умолк. Тигран понял: чтобы пройти дальше, нужно разгадать код. Боги его испытывают, тот ли он человек, которому можно поведать тайны? Все пять чувств царя разом обострились. В волнении он подошел вплотную к стене и пригляделся к изображению. Треугольник из бронзы, обращенный вершиной вверх, заполнен сверкающими камнями: три в вершинах фигуры и один в центре. Центральный камень – горный хрусталь (окаменевший лед). Ему приписывают целомудрие, чистоту помыслов, скромность и верность. Наверху расположился нефрит с зеленоватым отливом – символ справедливости и мудрости. При основании треугольника слева поблескивал вишнево-красный гематит – камень, внушающий не только радость и оптимизм, но и приносящий счастье. Справа при основании тигровый глаз. Он дарует стабильность и ясность.

Есть о чем подумать! Тигран перебирал в памяти все, о чем ему рассказывали мудрецы. Треугольник, как говорил

Евсевий, – триада человека: воля, любовь и разум. Амфи-крат называл треугольник символом природы всего сущего. Метродор говорил, что он символизирует стремление материи к духу. Тигран был в замешательстве: «Несомненно, нажать нужно одновременно три камня, так как тройка является совершенным числом». Но какие три камня? Лишь одна попытка! Он собрался с мыслями: «Итак, все камни представляют космос: центральный – божество, первопричина всякого бытия; камень на вершине – символ жизни; камень слева в основании треугольника – знак времени и тленности; камень справа – знак телесности и материального».

Внезапно Тиграна озарило:

– Нужна сокровенная формула миропорядка!

Он сосредоточился на космосе как на упорядоченном целом, и его мысль заработала лихорадочно: «Чистота помыслов лежит в основе незыблемости мира. Конечно, это хрупкий горный хрусталь. Справедливость невероятна, но к ней нужно стремиться. Это нефрит. Счастье возможно, но лишь на мгновение, как призрачный блеск гематита. Вот она, формула: чистота помыслов, справедливость и счастье!»

Тигран поднял правую руку и уверенно нажал одновременно три камня – горный хрусталь, нефрит и гематит. Глаза золотого Мардука вспыхнули насыщенным пурпурно-красным светом. Раздался скрежет, часть стены отъехала, образовался проем, из которого лилось мягкое лазоревое сияние. Тигран обернулся. Мага не было. Без колебаний он прошел

в следующий зал.

Над полом, повиснув в воздухе, вращались три сферы. Их называют сферами бытия: движение, пространство, время. До крайности пугающее и завораживающее зрелище. Приверженцы всего таинственного и непостижимого остались бы довольны. Как зачарованный, царь смотрел на эту непрерывную совокупность проникновений: сферы то пронизывали друг друга, то совпадали, а то вращались совершенно независимо, создавая искрящиеся материальные и духовные полюса. Гармония сфер!..

Раздался голос:

– Здравствуй, Тигран!

Царь обернулся. Рядом стоял человек лет шестидесяти трех в великолепном одеянии: длинная белая рубаха с широкой желтой полосой от шеи до подола, пурпурная расшитая золотом (соколы и ястребы) мантия, мягкие башмаки, на голове митра в форме расширяющегося цилиндра, украшенная драгоценными камнями, на шее ожерелье, на руках браслеты. Он кого-то Тиграну смутно напоминал. Черные как смоль волосы, пышные усы и завитые трубочками пряди бороды, в руках золотой скипетр в виде посоха. Ну конечно! Изображение этого человека Тигран видел в дворце в Персеполе, столице персидской империи.

– Я персидский царь Кир II, – просто сказал человек.

– Кир? Великий завоеватель? Но ты умер пятьсот лет назад! Царица массагетов Томирис приказала окунуть твою го-

лову в винный мех, наполненный кровью...

– Эту легенду придумали греческие историки, так как мое исчезновение осталось загадкой. Огромная держава от Индии до Эгейского моря требовала постоянного внимания. Однако когда в дворце Вавилона (оттуда я правил последние девять лет), появился маг, я без раздумий ушел с ним. И вот я здесь уже пятьсот лет.

Тигран поклонился:

– Я преклоняюсь перед тобой, основатель могущественной империи и мудрый правитель! Сохранять власть на завоеванных территориях без жестокости и кровопролития – величайшая твоя заслуга.

– Спасибо, Тигран, – сказал Кир. – Кстати, Крёз тоже здесь.

Известно, что однажды оба этих царя сошлись в жестоком бою за Каппадокию, но силы были равны. Лидийский царь Крёз отступил в свою столицу Сарды, чтобы основательнее подготовиться к войне, а Кир схитрил, решив застигнуть его врасплох, и стремительно двинулся к Сардам. Новый бой... Крёз вывел конницу, а Кир верблюдов с лучниками. Военная хитрость удалась. Лошади в лидийском войске, учуяв незнакомый запах верблюдов и увидев их, обратились в бегство. Крепость Сарды пала, лидийский царь был взят в плен, и Кир хотел было его казнить, но Крёз поведал ему о Дворце власти, и перс не только сохранил ему жизнь, но и сделал своим советником.

Армянский царь был удивлен:

– Вы оба здесь и причастны к высшим силам и их проявлениям?

– Да! Мы проводники божественной воли на Земле.

– Это и есть бессмертие?

– Наверное... Мы находимся вне времени и пространства, став хранителями мира.

Тигран был ошеломлен. В Дворце власти, что находится в горах Армении недалеко от озера Ван, действительно слились сакральная власть и высшие силы, произошло взаимодействие земной и божественной сфер.

– Сегодня ты, Тигран, как и любой человек, мыслишь себя центром Вселенной. Присоединившись к нам, ты поднимешься над миром, сможешь взглянуть на него со стороны, объединив в себе два начала – материальное и духовное.

Тигран был в замешательстве:

– Речь идет о гегемонии над миром?

– Не совсем, – Кир улыбнулся в усы. – Видишь ли, человек, страдая сам и унижая других, по своей сути слабо изменился за последние несколько тысяч лет. Но если он поймет, для чего живет и найдет в себе силы преобразиться, то приблизит эру справедливости.

Тигран понял: боги и цари, забыв о первенстве в делах, превосходстве в силе и влиянии, готовили здесь, в Дворце власти, приход великого царя, который установит вечный мир на Земле.

– Итак, вы предвосхищаете приход на Землю мессии, посланника высших сил, чтобы дать миру самое нравственное из всех существующих учений, – резюмировал Тигран.

– Да, царь армянский, это так! – на устах Кира выступила добрая улыбка.

– Утопия! – Тигран разочарованно посмотрел в глаза перса. – В мире царит хаос, ведутся бесчисленные войны, свергаются режимы, теряются территории. Исчезают целые цивилизации!

– Мы, хранители мира, следим, чтобы не сгинул человек, чтобы Земля осталась его домом, а история этой планеты не канула в вечность.

Преуспевающих людей ведет по жизни стремление к превосходству. Настойчивые и целеустремленные лидеры, которым подражают люди, меняют мир вокруг себя. Но стало происходить что-то странное: мировое зло поднимает голову, ресурсы Земли, как выяснилось, не безграничны, масштабные бедствия множатся, однажды человечество просто может исчезнуть. Катастрофа надвигается... Перед глазами Тиграна возникли картины: ровная, гладкая земля с черными ранами, голод, мор...

Кир с улыбкой промолвил:

– Оставайся с нами! Став хранителем мира, божественно избранным посредником между богами и людьми, получишь доступ к замыслам богов, сможешь помогать людям совершенствоваться, влиять на их образ мыслей, воздействовать

на политику государств. Твое предназначение – дать человечеству надежду.

– Это так. Кто-то должен присматривать за миром... – задумчиво произнес

Тигран. Затем перед его глазами возник образ Аревик и, посмотрев в глаза персу, царь продолжил: – Прости, Кир. Надежда на чудо может иногда сделать невозможное, но кто поможет моему народу сейчас, когда Армении грозит смертельная опасность? Римские войска на пороге, и я должен быть с нацией, чтобы найти истину и не допустить непоправимого. Ты сам когда-то сказал: «Краткое величие может привести к долгому унижению». Мне нужно время, чтобы довести начатое до конца, а потом я вернусь.

Кир снова улыбнулся:

– Я понимаю тебя, Тигран. Что ж, приходи, когда посчитаешь нужным. Двери истины открываются тому, кто, несмотря на ошибки и заблуждения, готов радоваться жизни, но умереть за правду.

Артавазд и Кухбаци, измучившись в ожидании, выбежали из зала приемов. У двери в покои царя они остановились.

– Государь у себя? – спросил царевич.

Стражники, охранявшие покой повелителя, подтвердили. Переглянувшись, Артавазд и Кухбаци подошли к двери, постучали. Ответа нет. Открыв дверь, нерешительно вошли.

Ни в одной из комнат царя не было. В замешательстве придворные еще раз все осмотрели и только тогда объявили тревогу. В дворце учинили переполох. Гости разбежались по комнатам, караул заблокировал входы-выходы, войска заняли боевые позиции на крепостных стенах. В зале приемов, где совсем недавно провозглашались тосты и веселились люди, осталась одна Аревик. Узнав, что царь исчез, она вдруг потеряла силы и, сев за стол, заплакала. В полной тишине свет беспокойной луны проникал в окна зала, создавая таинственные видения. Языки пламени горящего масла в канделябрах заставляли все предметы отбрасывать на стены странные тени, напоминающие чудищ из неведомых миров. Слезинка Аревик упала в кубок с вином. Звук кап разнесся по залу.

– Милая, я вдохновлен нашей любовью!

Женщина подняла заплаканные глаза и увидела Тиграна. Он стоял напротив и ласково смотрел на нее. Подойдя, он сел рядом:

– Твоя любовь – великая награда, она будоражит кровь, и никакие препятствия не остановят меня в стремлении быть рядом.

– Тигран, не потерять тебя – мое главное желание... – Аревик плакала.

– Либо мы вместе, либо тоска и пустота, – царем овладели нежные чувства к любимой, и он поцеловал ее в губы.

...Они шли по коридорам дворца полные достоинства,

выпрямив спины, выражая момент великого согласия и абсолютную уверенность. Он вел ее, подхватив ее правую руку и выставив вперед, и оба – Тигран в царской леопардовой мантии, Аревик в голубом расшитом золотом плаще – выглядели восхитительно. К ним присоединились дети, Арташес и Эрмина, которые, взявшись за руки точно так же, как взрослые, шли торжественно и важно. Бегущие по коридорам дворца всполошенные придворные, слуги, офицеры и солдаты останавливались на полном ходу и с удивлением смотрели на эту процессию. Весь армянский мир ликовал радостно и бурно, признавая царя Тиграна и его Аревик даром судьбы.

Глава 22. Погоня за призраком

На месте битвы у реки Лик в честь победы римского оружия Помпей приказал заложить город Никополь (Ника – богиня победы в древнегреческой мифологии). Теперь-то полководца история запомнит! Однако не покидала тревога: неясно куда сбежал царь. Где Митридат? Никто ответить не мог. Самым разумным представлялся вариант побега к понтийскому городу Трапезунд, что на берегу Черного моря. Там у царя корабли, припасы, люди. «Он по морю захочет прорываться в Таврику!» – наконец решил Помпей и двинул огромную римскую армию на север. С моря порты заблокированы, а теперь и с суши подходы перекроют войска.

Но из Трапезунда разведка донесла, что Митридата видели в крепости Синория, стоящей на границе с Великой Арменией. Оставив в причерноморских городах три легиона, Помпей развернул армию на юг. Войска двинулись по ущельям гор и долинам рек, выйдя к цели на пятый день пути.

На невысокой горе стояла мрачная и неприступная крепость Синория. Старый дворец и круглая башня цитадели из черного камня были окружены толстыми крепостными стенами. С них на римлян смотрели немногочисленные защитники. К воротам этой крепости вела всего одна дорога.

– Гоняться за призраком не самое мое любимое занятие, – буркнул раздосадованный Помпей, следуя в колонне всадни-

ков. – Но если ловушка захлопнется, буду считать это подарком судьбы.

Габиний, следовавший верхом рядом, деловито рассматривал подступы к твердыне:

– Проконсул, судя по количеству людей на стенах крепости, войск у Митридата осталось мало.

Помпей вдруг потянул на себя поводья и остановился. Драконий перстень, с которым он теперь не расставался ни на минуту, вел себя странно. Гней никогда раньше не видел, чтобы красный камень в массивном золотом кольце на его левой руке так игриво поблескивал, явно намекая на что-то. «Да, эта крепость мне нужна, я ее возьму!» – решил полководец.

Учитывая, что от Митридата можно ожидать любых сюрпризов, легионеры разбили лагерь на возвышенности подальше от крепости. Обученная армия Помпея приступила к осаде. Как всегда, все делалось организовано и сноровисто: перекрывались дороги и мосты, выставлялись дозоры и охрана, строились сторожевые укрепления и циркумвалационная линия (земляной вал и укрепления вокруг осажденной крепости для отражения неприятеля извне). Громко разносились команды офицеров, подгонявших солдат из вспомогательных войск, чтоб быстрее засыпали ров у стены. Боевые расчеты устанавливали метательные машины, готовился таран. Лучники, заняв позиции вокруг крепости, обстреливали каждого, кто проявлял активность на стене.

– Глупо и неразумно не открыть нам ворота, – с усмешкой сказал Афраний.

Скавр, также наблюдающий за слаженной работой солдат, произнес:

– Мы, римляне, упорядочиваем мир, учимся сами и обучаем других. Мы суровы, даже жестоки, но вместе с тем великодушны и справедливы, не так ли?

– Несомненно! – поддержал легат Целер. – А еще наши воины сильны духом и бесстрашны.

Флакк провозгласил:

– Даже если придется заковать в кандалы весь мир, мы все равно будем нести бремя прогресса несогласным!

Легат Лентул засмеялся:

– Рим – это не только величие, но и борьба! А цель этой борьбы – честь и победа, а еще увлекательное приключение.

Легат Геллий воскликнул:

– Кто с доблестью, тот и со славой!..

Главнокомандующий пригласил легатов в штабную палатку. Он был краток:

– Целер с севера, Афраний с юга, Геллий с запада, Лентул с востока. Кто первый ворвется в крепость, получит двойное вознаграждение. Тому, кто схватит Митридата, пожалуйю двести талантов.

Талант (античная единица измерения и денег) приравнивали к двадцати шести килограммам серебра.

Работа закипела. Баллисты огромными камнями били по

воротам, метательные машины отправляли в крепость огненные шары, стреломет «Скорпион» и хиробаллистры давали массированные залпы. Прикрываясь щитами, римские солдаты ставили к стене длинные лестницы и под защитой своих лучников карабкались наверх, на крепостную стену. А со стены вниз летели камни и горшки, лились масло и кипяток. Яростное сопротивление защитников крепости привело к срыву штурма.

Потери всех четырех штурмовых легионов оказались неприемлемыми. Помпей был взбешен. Несомненно, такую грамотную защиту мог организовать только опытный военачальник и, вероятнее всего, сам царь. Помпей, злясь на неудачу, отвел легионы и приказал делать подкоп под стену, чтобы ее расшатать.

– Мы все равно принудим гарнизон к капитуляции!

Под крепостной стеной оказалось скальное основание. Подкоп не удался. Начали подвозить землю и бревна для строительства земляной насыпи, а к воротам крепости, поврежденным баллистами, двинули таран на колесах. Таран представлял собой циклопическое сооружение: укрытие с двускатной крышей из дерева, железных листов и мешков с мокрым песком (защита от поджога). Толстое бревно из ясеня с железным наконечником, подвешенное на цепях, раскачивали защищенные укрытием девятьюстами солдат. Удар за ударом, и ворота – слабое звено крепости – не выдержали.

В пролом ворвались триарии – ветераны войн, которых

бросали в бой в решающий момент. Они, самые опытные солдаты, вооруженные короткими мечами гладиус и пилумами (короткие метательные копья), закованные в бронзовые панцири, шлемы и поножи, бешеным натиском сломили сопротивление противника и обеспечили проход через ворота легионеров Целера.

В крепости завязался беспощадный бой. Римляне теснили защитников крепости.

Сам Целер с двумя когортами ринулся к дворцу, еще одна когорта проникла в цитадель и вела бой внутри, захватывая этаж за этажом. Когда схватка переместилась на плоскую крышу цитадели, дворец уже захватили, благо кроме женщин и детей в нем никого не было.

К вечеру все было кончено: основные силы армян и понтийцев перебиты, оставшиеся в живых взяты в плен. Их участь решил Помпей: продать в рабство. Мрачный и задумчивый, он обходил со свитой пустой старый дворец. Митридата в крепости не было.

– Кто руководил защитой крепости? – военачальник пристально посмотрел на Целера. – Выясни!

Легат выбежал на площадь перед дворцом, куда легионеры согнали мужчин, женщин и детей. Пройдясь молча перед толпой побежденных и поняв по их лицам, что эти фанатики либо ничего не знают, либо не скажут, он, хорошо разбираясь в тонкостях человеческой природы, остановился перед

мужчиной с беспокойным лицом, сразу заметив его подавленное состояние. Зрачки расширены, брови подняты, рот приоткрыт, глаза в смятении. Он точно внушаем более, чем все остальные.

– Ты! – Целер указал пальцем на этого неуверенного в себе человека. – Ты пойдешь со мной!

Двое легионеров схватили мужчину и поволокли за лега- том. В большой комнате дворца, куда затащили пленника, Целер обернулся и задал вопрос:

– Кто руководил защитой крепости?

– Я... я не знаю, – перепуганный человек занервничал, стал суетиться.

– Тогда ты мне бесполезен. Убить!

Легионер обнажил меч и занес для удара в грудь.

– Нет, стойте!.. Я хочу жить, я все скажу! – закричал муж- чина, испытывая сильное душевное потрясение.

– Ну? – легат приподнял руку, остановив удар.

– Женщина! Ее имя Стратоника.

Целер недоверчиво смотрел на перепуганного воина:

– Ты укажешь ее!

Пленника потащили назад на площадь и провели перед толпой. Бледный, похолодевший, обессиленный и сломлен- ный, он шел медленно, осторожно, будто боялся упасть, и остановился перед женщиной с голубыми глазами и черны- ми волосами, одетую в белый хитон, расшитый по кайме ор- наментом, и коричневый гиматион. Подняв руку, мужчина

указал на нее.

– Она! – его рука тряслась. Чтобы выторговать еще один шанс на спасение, он скороговоркой выпалил: – У нее есть сын, вот он!

Рядом стоял подросток лет шестнадцати, тоже голубоглазый и в белом хитоне. Толкнув предателя в толпу, легионеры схватили мать с сыном и повели в дворец.

Помпей придирчиво разглядывал эту удивительную женщину, успешно возглавившую сопротивление, и спокойного подростка:

– Ты кто?

Она молчала.

– Говори! Не забывай, что твой сын у меня.

Красивая и волевая женщина, гордо подняв голову, произнесла:

– Меня зовут Стратоникой, я наложница царя Митридата, это – мой сын Ксифар.

– Где царь, Стратоника?

Понимая, что оказалась в безвыходном положении, женщина решилась. Митридат в безопасности, и это для нее, преданной наложницы, главное. В горах Кавказа его никто не поймает. С едва заметной улыбкой она произнесла:

– Ушел на север, в Кавказские горы.

Раздосадованный Помпей прошелся по залу, а затем приказал:

– Казнить обоих!

Солдаты схватили заложников и потащили к выходу.

– Стойте! – Помпей, увидев, что его перстень необычно засверкал, обратился к Стратонике: – Я передумал. Казню лишь твоего Ксифара, а тебя продам в рабство. Всю жизнь будешь укорять себя за гибель сына... Так помоги ему, спаси! Ты много знаешь. Поведай мне тайну. Отпущу на свободу обоих, слово главнокомандующего.

В глазах Стратоники выступили слезы, боль пронзила сердце. Сейчас произойдет ужасная вещь: она навсегда потеряет своего ребенка! Материнские чувства затмили доводы разума, и она тихо произнесла:

– Я открою то, за чем должна надзирать...

В тайное подземное хранилище спускались Помпей и Кассий в окружении освещавших путь факелами солдат охраны. Шли настороженно по длинному, петляющему коридору, озираясь на черные тени, скользящие по каменной кладке. Система коридоров была устроена так, что непосвященный должен был обязательно заблудиться и погибнуть в одной из ям-ловушек. Стратоника в подавленном состоянии, но довольно уверенно шла впереди, держа в руках медную масляную лампу. Она остановилась в тупике у двери, обитой медными листами:

– Это здесь!

– Ты первая, – сказал Помпей.

Женщина открыла дверь ключом, висевшим на цепочке у нее на шее, и спустилась по трем ступеням каменной лестни-

цы в сводчатое помещение. За ней последовал военачальник. В свете огня факелов он поразился увиденному: вдоль стен стояло не менее десяти деревянных и медных сундуков, набитых сокровищами Митридата – золотыми и серебряными монетами, драгоценными украшениями, агатовыми вазами, редким оружием. Сокровища таинственно светились, поражая воображение многоцветьем и совершенством.

Помпей почувствовал внутреннее удовлетворение. Богатство плыло в руки, а еще немного везения, и Митридата также схватят. Тайные желания исполняются. Отмщение сенату грядет, стремление к единоличной власти над Римом неостановимо!

– Дать Стратонике и ее сыну лошадей, все необходимое, и отпустить на все четыре стороны! – приказал Помпей. – Ты свободна, женщина!

Когда та в сопровождении солдата ушла, он, понимая, что преданная наложница поскачет к Митридату просить прощения, а царь, конечно же, не простит предательства, сказал начальнику охраны:

– Следить за каждым ее шагом! Она приведет нас к Митридату.

Глава 23. Боги оберегают Тиграна

II

Квестор Кассий был доволен: казна похода пополнилась митридатовым золотом. А еще он окончательно убедился, что патрона к успеху ведет магия. «С Драконьим перстнем

любой станет величайшим полководцем всех времен. Армения, обладающая невероятными богатствами, несомненно, падет к ногам командующего».

Кассий, как бы между прочим, спросил:

– Проконсул, не пора ли обратиться к статусу Армении?

Помпей задумался. Гоняться за Митридатом, пока разведка не донесет где скрывается царь, нет смысла. Покорение народов Кавказа и Индии – его старая задумка – может затянуться, поэтому подождет. В Риме уже отгремели праздники по поводу победы в Никополе, а новых громких реляций в сенат он не отправлял. Не хвалиться же скромным успехом – взятием со значительными потерями небольшой крепости, обороной которой руководила женщина! Что ж, Армения – это тот повод, который заставит Рим восхититься гением Помпея...

– Мы идем к Тиграну, – сухо сказал он.

А сам подумал: «А этот Кассий умен не по летам, всегда дает дельные советы... Мне нужно заручиться поддержкой армянского царя, обеспечить тылы, а потом покорять Азию. Встреча с Тиграном – хороший повод поставить на место Фраата, заносчивого царя Парфии. Мне дано право проводить самостоятельную внешнюю политику, и я воспользуюсь этим правом: буду плести запутанную сеть хаоса в своих интересах, отгоняя претендентов на лакомые куски, коих в Риме предостаточно. Все хотят войны, так как война – наикратчайший путь к обогащению».

Семь легионов вошли в пределы царства Великая Армения. На берегу реки Аракс, вдоль которой римляне двигались на Арташат, Помпей уже ждал со своим отрядом Тигран Младший. Вечером, когда римляне разбили лагерь для ночевки, к шатру главнокомандующего привели двадцатипятилетнего армянского царевича, высокого, бледного и утонченного. Забрав меч и кинжал, разрешили войти.

– Император, главнокомандующий! Приветствую тебя! – вскричал Тигран Младший и почтительно поклонился.

– О, давно мечтал познакомиться! – Помпей с серебряным кубком в руке надменно смотрел на юношу. – Царевич, твой отец – величайший из царей современности. Один против всех, но все его уважают и боятся. Любопытный феномен. Он не хочет войны, предлагает мне мир, и я склонен дать ему этот мир.

Тигран Младший, трепетно внимая словам полководца, в смятении воскликнул:

– Император, мой отец тиран! Его мечта завоевать весь Восток, повергнуть Рим в прах, стать единственным властелином мира!

Помпей с усмешкой произнес:

– Тигран II, как никто другой, понимает тонкости войны и мира, он сильный и храбрый царь, достойный меня соперник. А ты? Что можешь ты?

– Я... я требовательный, хладнокровный, могу быть жестоким, но бережлив и расчетлив. Буду служить своему на-

роду, Рим же найдет во мне верного друга. Я умен и знаю как заставить народ повиноваться...

«Мелок! – Помпей смотрел на этого пылкого юношу, готового из кожи вон выпрыгнуть, дабы стать недаровитым царем, и думал: – Я пойду с ним на демонстративный союз для оказания давления как на Тиграна-старшего, так и на Фрата. Но как царь царей он слаб, навести порядок в Азии не сможет, римские провинции при нем всегда будут ощущать угрозу со стороны варваров – парфян, персов, кавказских албан, арабов, набатеев... Возобновятся мятежи знати, вспыхнут восстания рабов, всю Малую Азию охватят бунты против римских сборщиков налогов, а торговые пути, проложенные мной, окажутся заброшенными. Всего этого необходимо избежать». Вслух же сказал:

– Я сам решу, кто займет место царя. Тебе же посоветую: не переживай из-за того, что не можешь изменить ситуацию. Сначала изменись сам, а потом навязывай свою волю другим.

Помпей повернул голову в сторону секретаря, дав понять, что аудиенция окончилась. Секретарь встал между начальником и Тиграном Младшим, и последнему ничего не оставалось, как развернуться и выйти из палатки. В сознании парня зародились первые ростки гнева.

Римская армия продолжила движение по армянской земле. Не встречая сопротивления, не трогая небольшие крепости и деревни, непобедимая армада шла по Араратской равнине на восток.

Дозорный на вышке в Арташате подал сигнал о приближении конного отряда. Одна турма (взвод) приближалась к городу. Это тридцать римских всадников в посеребренных шлемах, блестящих доспехах и красных плащах. Впереди скакали офицеры, неся сигнум (военный знак турмы) с пятью фалерами на древке (диски-знаки почета) и наконечник манус в форме открытой ладони в венке (символ присяги верности). Царь и высший командный состав Армении уже давно оповещены о движении римского войска и высланной вперед турмы. Через полчаса отряд въехал в ворота столицы, к нему присоединились армянские всадники.

Кассий, возглавлявший турму, был приглашен в дворец. Сняв шлем, он стоял в зале приемов и ждал. Сопровождающие (помощник с документами и переводчик) озирались по сторонам. Торжественность обстановки ошеломила Кассия. В республиканском Риме такую роскошь позволяли только в храмах, и то не во всех: общественное мнение одобряло лишь скромность и умеренность, поэтому граждане старались не выделяться. Зал же армянского царя, отделанный розовым и кремовым туфом, поражал: колонны из индийского зеленого мрамора, капители в форме чаш с листьями аканта, прекрасные греческие статуи, огромные керамические вазы с золотым декором, мозаичный пол... Все это великолепие подсвечивалось проникающими через окна лучами солнца.

Двери открылись, вошла стража. Появился царь. Рядом

с ним следовали Артавазд, Мамиконян и Кухбаци. Увидев двадцатилетнего Кассия, Тигран в недоумении остановился и на мгновение, под влиянием какой-то мысли, бросил взгляд на Артавазда. Кассий, выпрямившись и гордо подняв голову, громко и задорно произнес:

– Царь царей Тигран II, приветствую тебя! Я Кассий, римский квестор. Меня прислал главнокомандующий, император Помпей, готовить вашу встречу для заключения мирного договора, а также решить вопросы снабжения его армии. Я привез необходимые документы, – он кивнул, и помощник, сделав шаг вперед, протянул свитки.

Кухбаци, начальник охраны, забрав пергаментные свитки, запечатанные красным индийским сургучом и личной печатью Помпея, с удивлением взглянул на царя. Тот, изменившись в лице, видимо, потрясенный чем-то, молчал, но после небольшой паузы наконец вымолвил на латыни:

– Квестор Кассий, передай главнокомандующему и императору Помпею мои наилучшие пожелания. Я с нетерпением жду его прибытия в армянскую столицу, чтобы лично воздать почести великому полководцу.

– Передам! – Кассий по-военному кивнул головой.

Снова пауза. Тигран, пронизательный и наделенный обостренным чувством предвидения, не замечая лиц пораженных соратников и гостей, снова сделал паузу. Он увидел нечто. Этот черноволосый римлянин источал свет тьмы, сам не понимая, что зло, затмившее его сознание, сделало

из него марионетку. Офицер, облеченный большими полномочиями, – посланник зла? Удивительно! Он причина будущих несчастий Помпея, Красса, Цезаря и других. Пощадя не будет никому. Его деятельность принесет непоправимое горе Риму, который познает развал духовности нации. Философия, поэзия и искусство в этой стране станут настолько примитивны, что все, заимствованное у греков, опустится до уровня недалекого обывателя. Вместо умеренности, чести и достоинства Рим захватят пороки – ложь, лесть и оргии, вместо почитания обычаев предков будет иная система ценностей. Сам же Кассий умрет ужасной смертью.

Мысли царя пронеслись быстро, и когда квестор начал говорить, он словно очнулся.

– Для устройства лагеря мне нужны фураж, повозки и дрова.

– Мамиконян, выделить все, что требуется!

– Да, государь!

Царь развернулся и вышел. Кассия препроводили в выделенный для него гостевой дом, и он, довольный собой, в прекрасном настроении, в белой тунике и кремовой тоге из овечьей шерсти, хорошо отдохнув, в сопровождении двух солдат вышел в сад, чтобы осмотреться. Волшебное обаяние арташатского дворца пленило его. Роскошное и величественное сооружение, окруженное садом, говорило о процветании и могуществе Великой Армении. Квестор поднял глаза. Вдруг ему стало не по себе. С крыши здания на него смотре-

ли каменные изваяния – грифоны, существа с туловищем и хвостом льва, крыльями и головой орла. «Такие скульптуры ставят для отпугивания злых духов», – удивленно подумал Кассий и поспешил уйти, ощущая тревогу и страх.

В глубине сада он заметил беседовавших богато одетого юношу и девушку, они весело смеялись. Более изысканной черноволосой красавицы квестору никогда раньше не доводилось видеть. Она пленила римлянина с первого взгляда. На вид ей было лет двадцать; розовый подпоясанный хитон и желтый пеплос подчеркивали гибкую фигуру, а желтая шапочка и украшения дополняли впечатление неземной прелести. Кассий подошел.

– Могу я спросить? – обратился по-гречески он к юноше.

– Конечно! – Аршам был весь внимание.

– Я ищу конюшни, хочу взглянуть на знаменитых арцахских скакунов. Не подскажешь, куда идти? – спросил Кассий, поглядывая на девушку. Ее незаурядная красота задела его.

– Я провожу! Всегда рады гостям. Гость – это дар богов в награду за благочестие.

– Злоупотреблять гостеприимством не в моих правилах, но от помощи не откажусь. – Кассий еще раз бросил взгляд на красавицу и пошел вслед за Аршамом.

– Как тебя зовут?

– Мое имя Аршам, я сын царя.

– Сын царя? Каков твой статус? – римлянин, посмотрев на него заинтересованно, остановился.

– Я офицер для поручений при царе Тигране.

– Ты будущий царь?

– Наследником престола объявлен брат Артавазд, но моя мать, наложница Седа, верит: когда-нибудь я стану царем Армении и сделаю эту страну счастливой. Знаешь, я лучший всадник и самый меткий стрелок. У меня много достоинств...

– Как ты относишься к римлянам? – спросил Кассий.

– О, вы великая нация, которая должна править миром! Я восхищаюсь вами.

– Не ожидал, что на Востоке встречу единомышленника. Мы с тобой подружимся. Чем ты еще занимаешься, кроме скачек и стрельбы?

– Люблю ухаживать за женщинами, – Аршам лукаво засмеялся.

– Кто та девушка, с которой ты так оживленно разговаривал?

– Ее зовут Рипсимэ, дочь садовника.

– Она твоя возлюбленная?

– Девушки – моя страсть. Они чудо, наполняющее нашу жизнь смыслом и яркими красками. Нет, она не моя возлюбленная, – улыбнулся Аршам.

– Эта красивая армянка, похожая на изящный цветок, перевернула мое представление о вашей стране. Истинное наказание не познакомиться с ней.

– Ну, это я устрою, – заверил сын царя.

– Совершенно очаровательная девушка... – мечтательно сказал Кассий.

Через пятнадцать дней римская армия, пройдя триста девять римских миль (миля – тысяча двойных шагов римских солдат в полном облачении на марше) встала северо-западнее Арташата вблизи леса. Солдаты разбили укрепленный лагерь, чтобы исключить внезапное нападение неприятеля. Кассий лично выбрал место для лагеря на небольшом холме у реки, и там, где он воткнул белый флаг, была установлена палатка главнокомандующего.

Первые признаки беспокойства Помпей ощутил, когда готовился лечь спать. Беспричинную тревогу он объяснил усталостью, но чувство опасности не покидало. Драконий перстень тоже давал о себе знать: камень вспыхивал то ярко-красным огнем, то переливался тлеющими огоньками костра. Утром, плохо отдохнув, невыспавшийся, Помпей вышел из палатки и остановился, как вкопанный. Перед ним вдалеке открылся исполин – гора Арарат. Патологически беспричинный страх сковал мышление полководца, захлестнуло подспудное напряжение и нарастало беспокойство. Второй исполин – гора Арагац – была с противоположной стороны. Видимых причин для паники не было, но для себя Помпей решил не мешкать, все быстро завершить и увести армию отсюда. Встреча с царем назначили уже на следующий день. Перстень на всякий случай он с пальца снял.

Царь Тигран II на белой лошади во главе свиты из царедворцев и охраны ехал к римлянам, главным воротам лагеря, разбитого рядом с Арташатом, когда Мамиконян, следовавший рядом верхом, тихо проговорил:

– Государь, армяне живут во всех восточных римских провинциях и царствах Малой Азии... Если эта сила поднимется, то растерзает армию врага в клочья...

Царь недоуменно посмотрел на него:

– К сожалению, армяне не так сплочены, как хотелось бы. Весь армянский мир обменивается взаимными упреками, порождая подозрительность и чувство недоверия ко всему разумному. Мамиконян, будем придерживаться плана.

Процессия приблизилась к открытым воротам римского военного лагеря. Тигран спешил и прошел в широкие *porta praetoria* (ворота, обращенные к неприятелю – *лат.*). Его спутники остались у ворот, наблюдая, как царь в одиночестве идет по главной улице к центру лагеря, где высилась палатка главнокомандующего. Римские офицеры и солдаты, гурьбой высыпавшие посмотреть на это небывалое зрелище, бросали любопытные взгляды на армянского царя: повелитель огромной державы идет на поклон к повелителю мира! Именно так должны заканчиваться войны с Римом: противник признает поражение и полагается на милость победителя.

Тигран в пурпурном плаще и белой расшитой тунике с

золотым поясом, с царской диадемой на голове, талисманом «Аревахач» на цепи шел уверенно, держа руку на рукояти меча. Путь ему преградил префект лагеря, и царь, отдав оружие – меч в золотых ножнах, – продолжил движение. Из палатки, украшенной на передних и торцевых стойках бронзовыми орлами, вышел Помпей. Он стоял и ждал; его обрюзгшее лицо расплылось в самодовольной улыбке. Тигран остановился в трех шагах от него, снял с седой головы золотую диадему с красными рубинами, синими сапфирами и оранжевыми топазами и склонил колено, чтобы положить венец к ногам Помпея. Римский полководец успел схватить его за правую руку и, как того требовал обычай, в знак глубочайшего почтения не допустил царя преклонить колено. Взяв из рук Тиграна диадему (знак царского достоинства), Помпей заглянул ему в глаза в ожидании нужных слов.

Тигран сказал:

– Мое царство у твоих ног, правь им!

Помпей водрузил на голову царя диадему и громко произнес:

– Объявляю тебя другом римского народа, продолжай править в интересах Рима и мира! Вместе отныне будем решать судьбу других государств!

Раздался бой барабанов, трубы и горны затрубили сигнал «Классикум». Обычно так извещали о присутствии полководца-императора или когда производилось наказание воина со смертельным исходом.

– Прошу! – Помпей указал на вход в свою палатку, и Тигран вошел.

Пройдя в сопровождении римского военачальника через тамбур и оказавшись в богато обставленном полевом штабе, армянский царь увидел Тиграна Младшего, сидящего за большим столом. На лице сына были написаны глухая ненависть и злорадство. Царь остановился, в его глазах сверкнула молния, кулаки сжались, чувства выдали гнев. Ожидания не оправдались, и негодование царя вырвалось наружу:

– Тщетно ожидать от человека, обладающего полнотой творить справедливость, уйти от соблазна применить кнут!

Помпей среагировал мгновенно:

– Сильнейший определяет, что справедливо, а что должно подвергнуться сомнению!

Тигран Младший презрительно смотрел на отца. Человеческие отношения наполнены разными чувствами и включают гамму эмоций от возмущения и обиды до похвалы и восторга, но сегодня преобладали гордыня, досада и неловкость.

Помпей занял место в центре стола, рядом с Тиграном Младшим, и, указав на стул справа от себя, пригласил:

– Царь Тигран, прошу присесть!

подавив в себе злость и неприязнь к младшему сыну, царь занял место по правую руку от Помпея. В палатку вошли римские легаты, квестор, префекты и армянские царедворцы Гурас, Мамиконян, Гнуни и секретари. Все заняли места. Помпей встал:

– Царь Тигран, я уважаю сильных, но, как учат мудрые греки, лаской почти всегда добьешься больше, чем грубой силой. Мы оба стремимся к миру, потому что ожидание победы в войне обычно затягивается, а иногда и вовсе заканчивается горьким разочарованием, – Помпей с видом триумфатора оглядел присутствующих. – Виновником всех твоих прежних несчастий являлся Лукулл. Я лишь вынужден по требованию римского народа исправить ту несправедливость, которую ты нанес нам в предыдущей войне. Приветствую тебя в моем лагере и намереваюсь сообщить принятое решение.

Помпей умел располагать к себе людей. Обуреваемый тщеславием, мнящий себя вершителем судеб мира, он, чтобы все почувствовали, как сильно ему обязаны, сделал многозначительную паузу, а потом продолжил:

– Так вот, хочу сделать Великую Армению другом Рима, а, как известно, у наших друзей есть только одно обязательство: не помогать нашим врагам...

Произнося речь, он источал алчность и жажду власти. Все молча внимали. Римские командиры своим видом выражали согласие и превосходство, армянские гости – недвусмысленное разочарование и недоверие. Обращаясь к Тиграну, главнокомандующий объявил:

– Ты, как и раньше, – царь царей, и владеешь Великой Арменией!

При этих словах Тигран Младший непроизвольно вос-

кликнул:

– Как?!

Помпей грозно посмотрел на него, потом сказал:

– Царь Тигран, ты выступишь Риму за нанесенную обиду контрибуцию в шесть тысяч талантов...

Выплатой контрибуции Тигран выкупал право добычи, принадлежащей победителю.

– ...и лишаешься приобретений за границами своего царства. Сирия, Финикия и захваченные тобой области в Киликии и Галатии уступаются Риму, но взамен... – Помпей лукаво улыбнулся и торжественно посмотрел на Тиграна, – ты получаешь восточную часть Малой Армении, ранее принадлежавшую Митридату VI.

Бровь Тиграна II взлетела вверх, на лице отразилась досада, хотя скорее это было изумление. Помпей ухмыльнулся: сюрприз явно произвел впечатление.

– Софена будет управляться Тиграном Младшим, – главнокомандующий взглянул на юношу.

У молодого армянина вскипела кровь. Слова Помпея ставили крест на его мечте стать правителем Великой Армении. С безумными глазами он вскочил:

– Если кто и должен править Великой Арменией, так это приверженец римского образа жизни, верящий, что сильный всегда прав!

Помпей злобно посмотрел на него, подумав: «Чересчур противоречив, недостаточно послушен, опасен!», но вслух

буркнул:

– Кому более позволено, чем надо, желает больше, чем следует! Тебе, бессовестному, злорадство милее стыда?

– Я не стыжусь того, что делаю! – Тигран Младший дерзко смотрел в лицо полководца.

Римские офицеры неодобрительно загудели, хмурясь и цокая языками. Помпей, взбешенный такой наглостью, нагнулся всем грузным телом на юношу и рявкнул:

– Только я, наделенный римским народом законной властью, решаю, кто прав, кто виноват и как будет устроен мир!! – Потом, успокоившись, сказал то ли себе, то ли царевичу: – Кто преодолевает гнев, тот преодолеет врага.

Обиженный Тигран Младший сел на место.

Царь Армении, помня поговорку «Лекарство от бед есть спокойствие духа», молчал и с иронией наблюдал за этой бурной сценой. Он видел перед собой самодовольного, ограниченного Помпея, совершавшего ошибку за ошибкой, и своего младшего сына, потерпевшего жизненный крах. Как в истории отзовется сегодняшней день? Ясно одно: Великая Армения получает время для восстановления и развития.

Когда перепалка закончилась, Тигран встал и произнес:

– Условия принимаю, как и считаю тебя, Помпей, личным другом!

Кассий, получивший награду в Армении – очаровательную девушку Рипсимэ (квестор обещал жениться, и она согласилась сбежать с ним от отца), поднес пергаментные свит-

ки с арташатским договором, и две стороны его подписали, приложив перстни-печати. Римляне одобрительно загудели, а легат Габиний вскочил и выкрикнул:

– Победа любит старание! Во славу Помпея, во славу Тиграна!

Помпей милостиво улыбался: все прошло как надо. Союз с Тиграном обеспечит защиту Римской республики от посягательств парфян, в Азии будет порядок, торговля получит развитие, а казна Рима пополнится золотом Востока. Он подал знак. Вошли слуги и, разлив вино по кубкам, обнесли им присутствующих. Помпей предложил тост:

– Друзей создает счастье, несчастье испытывает их. Теперь половина моей души будет в Армении, и царь Тигран убедится в моих добрых намерениях. Выпьем! Пусть все будет хорошо!

Римские офицеры встали и, сдвинув бокалы, выкрикнули:
– Во имя Рима!

Армянские гости, поднявшись, сдвинули с ними кубки и выпили. Церемония закончилась. Помпей и Тигран вышли из палатки, за ними потянулись все остальные. Уединившись на минуту с Помпеем, армянский царь сказал ему:

– Император, приглядишься к Кассию, что-то в нем менястораживает.

– Царь Тигран, его предки были патрициями. Правда, один из них пытался захватить власть в Риме, но неудачно. Я обязан его отцу, а этот юноша настолько умен, что я при-

слушиваюсь к его советам.

– И все же знание предотвращает жертвы и даже рассеивает заблуждение.

Тигран поклонился и отошел к группе армян.

– Полагаю, – сказал он соратникам, – победа иногда кроется в уступке. Несколько шагов от края пропасти – уже неплохой результат в критической ситуации.

Тигран Младший, сломленный и несчастный, стоял в одиночестве. Гнев, порождающий агрессивность, разрастался, побуждая к действию. Охватившая его безумная энергия полностью блокировала доводы разума. Сила эмоций отразилась в яростном взгляде, который испугал бы любого, взглянувшего на него. Бешенство, выйдя на поверхность, выплеснуло все чувства и желания наружу, и юноша с мыслью: «Крушить на своем пути все и вся!» подлетел к префекту лагеря, ловким движением выхватил меч из его ножен и с криком: «Мертвые прав не имеют!!» набросился на отца, намереваясь нанести удар в спину.

По кончику клинка, хищно нацеленного в спину царя, рубанул меч-гладиус легата Афрания, оказавшегося случайно рядом. Отвернув удар, легат заглянул в безумные глаза Тиграна Младшего и рукоятью меча нанес ему тычок в лоб. Царевич рухнул на землю. Царь Тигран обернулся и бросил презрительный взгляд на сына-неудачника, потом с благодарностью посмотрел на Афрания. Обескураженный Помпей уже отдавал приказы страже. Тиграна Младшего скру-

тили и потащили в полевую тюрьму, его отряд из парфян и армян велено было обезоружить, арестовать и отправить на остров Делос на невольничий рынок Ариобарзана. Римская армия – это дисциплина, и малейшее нарушение или невыполнение приказа карались смертной казнью: сначала провинившегося секли розгами, затем отсекали голову топором. Железная дисциплина вела к блестящим победам.

– Царь Тигран, – кричал Помпей, – надеюсь, ты не пострадал?!

Тигран был немногословен:

– Помпей Великий, боги оберегают меня. Время страданий еще не пришло...

– Как все нелепо получилось! – сокрушался Помпей. – Никому не позволено подвергать сомнению величие Рима и мои решения! Я намерен оставить при тебе легата Афрания с пятью когортами. – Подумав еще о чем-то, отходя от Тиграна, он пробормотал: – Отдам Софену Ариобарзану.

Глава 24. Смелость города берет

Помпей повел легионы по следам Митридата. Чем дальше он удалялся от Арарата, тем заметнее улучшалось настроение, вновь проявилась свойственная ему уверенность, вера в везение возвратилась. Драконий перстень переливался оттенками солнца, крови и огня, подыгрывая обладателю драгоценности. Армения покорена, и теперь возникла внутренняя необходимость снискать еще большую славу. Магнус думал: «Кавказские албаны, по данным разведки, собирают войска, чтобы противостоять мне, избраннику Рима? Что ж, я покорю этих диких горцев, и они сами разыщут и приволокут ко мне отсиживающегося в скалах Митридата. Историки же напишут: Помпей покорил Кавказ!»

В Армении спустя неделю после ухода римского войска проводилось ежегодное празднество в честь богини Анаит. В ее арташатском храме принесли в жертву телку, украсили статую богини венками, провели молебны и искупительные церемонии. Более пышные ритуалы прошли в Эресе и Аштишате, где статуи богини, подобно Артемиде Эфесской, были из чистого золота.

В столичный город Арташат стекалась масса народа. В торжественной процессии принял участие сам царь. Рядом с ним по улицам, запруженным народом, следовал новый вер-

ховный жрец Мигран из жреческого рода Мехруни.

– Через месяц мы будем почитать бога Михра, – говорил жрец. – Он бог солнца, небесного света и справедливости. В Арташате явно не хватает большого храма Солнца

в честь него.

– Мигран, твой род ведет свое происхождение от бога Михра?

– Да, государь.

– Твое имя означает «озаренный лик», не так ли?

– Я предпочитаю «солнечный лик».

– Мигран, как бы тебе сказать... Бог Михр утрачивает популярность в народе, его место в триаде армянских богов занял Ваагн, бог войны, грома и молнии.

– Государь, где Михр там истина! В пещере Зымзым на Вороновой скале бог живет как пленник, вращая колесо судьбы, и, когда оно остановится, наступит конец света!

– Я, Мигран, бывал в пещере Зымзым, и поверь, у богов другие заботы. Но мне понятно, куда ты клонишь: за счет казны царства предлагаешь возвести храм. Похвально, но несвоевременно. Сегодня у государства другие приоритеты: надо укреплять армию, поднимать хозяйство. Обрати внимание на храмовые сокровища Михра в Багааридже...

Процессия приблизилась к храму Анаит, и государь со жрецом вошли внутрь для проведения праздничного ритуала.

В этот день в Армении приостановились работа и судебная деятельность: богиня разрешила людям отдыхать, звала повеселиться и отвлечься от будничных забот. Каждому предоставлялась свобода радоваться так, как он хотел. На площадях выступали музыканты, танцоры, акробаты, чародеи; были накрыты столы для угощений. Все продумано, организовано, и сердца людей наполнялись радостью.

Для развлечения устраивались состязания, в которых принял участие и небольшой римский гарнизон. В борьбе на ковре победил армянский атлет, в метании дротика – римский. Острый поединок развернулся в стрельбе из лука на точность и дальность. На шесте закрепили шкив – большое колесо на оси. По желобу колеса уложили веревку, на ее концы повесили мишени: одинакового размера и веса кожаные мешки из толстой шкуры медведя, наполненные водой. Мешки свисают с двух сторон шкива в полном равновесии. Расстояние для стрельбы – полстадия (девятьсот метров), стрельба по команде судьи «Стреляй!» Проигрывает тот, чья мишень коснется земли. Разгорелось жесткое соперничество, однако в результате лучший римский солдат-стрелок проиграл армянскому воину.

Легат Афраний, наблюдавший за турниром, был недоволен результатом. Его резкие черты лица, свидетельствующие о неуступчивости и упорстве, еще больше обострились. Ярый приверженец Помпея, оставленный им контролировать Армению, он происходил из незнатного рода и возвы-

сился благодаря Магнусу, у которого служил еще в Испании, прославив безжалостным к врагам. Он отличился, захватив лагерь Сертория, римского легата, поднявшего мятеж в Испании против войск диктатора Суллы.

Подойдя к Аршаму, Афраний сказал:

– Тебя, кажется, зовут Аршамом? Сын царя... Мне Касий рассказывал о тебе... Вызываю на поединок! Согласен?

– Почему нет? – лицо юноши озарилось белозубой улыбкой.

Они вышли на рубеж для стрельбы. Зрители затихли в ожидании небывалого зрелища. Аршам – лучший стрелок в Армении, римлянин – главный среди легионеров. Им дали луки и повесили на плечи кожаные сумки со стрелами. Когда мишени были готовы, судья, седой армянин с пышными усами, прокричал: «Стреляй!» Оба соперника, ловко орудуя луком, посылали стрелы в мишени. Результаты были высокими, мужчины продемонстрировали необыкновенную меткость: почти все стрелы попадали в цель. Вода из кожаных мешков лилась струями беспрерывно.

Аршам, искусный стрелок, заметил, что мишень римлянина стала опускаться. Зрители неистовствовали от восторга. С кривой ухмылкой он взглянул на легата. Афраний повернул голову, и юноша уловил взгляд, полный ненависти и презрения. Улыбка соскользнула с лица парня и, специально перестав контролировать силу стрелы, он ухудшил меткость, отправив несколько стрел мимо мишени. Еще какое-то вре-

мя соперники хватали стрелы и заряжали луки, но вот мишень Аршама – кожаный мешок, в котором осталось больше воды, – коснулась земли. Судья закричал: «Прекратить! Победа присуждается римлянину!» и тут же преподнес ему символический приз – медную чашу с армянским узором.

Зрители расходились, громко обсуждая перипетии состязания. К настороженному Аршаму подошел Афраний:

– А ты молодец, стреляешь метко! Постараюсь, сын царя, чтобы о тебе узнали в Риме.

В ворота Арташата въехал небольшой отряд всадников в восточных одеждах. Цари Гордиены и Адиабены, те самые что отвратились от Тиграна, со своей охраной в спешном порядке прискакали в Армению. Царь Тигран, не откладывая, принял их. В тронном зале окруженный придворными и стражами он спокойно ждал, когда войдут правители сопредельных государств. Двери открылись, и два царя с тревожными лицами торопливым шагом направились к трону, остановившись в нерешительности. Тигран не встал и не приветствовал их. Он сидел, завернувшись в пурпурную мантию, и равнодушно смотрел на гостей. Зарбиена, царь Гордиены (царство на стыке современных границ Турции и Сирии), моложавый кареглазый горец с красивой черной бородкой, в черном плаще и пурпурной рубахе до пят, с золотой диадемой на голове, всегда воинственный и неукротимый, а сегодня испуганный и смущенный, коротко сказал:

– Брат, парфяне отняли у меня царство! Они грабят мою столицу. Помоги!

Тигран молча перевел взгляд на Монобаза. Царь Адиабены (царство находилось на территории современного Ирака), потомок ассирийских царей, грузный, с оплывшим лицом, густыми бровями и лоснящейся длинной черной бородой, в синем плаще с золотым поясом, красной накидке с пурпурной бахромой, в войлочном колпаке кидарис, расшитом золотыми пластинками и драгоценными камнями, прохрипел:

– Брат, еле ноги унес. Все разграбили парфяне. Они вторглись в мое царство, а главный у них – Ород, сын Фраата. Он сказал: «Выбирай – либо ты подчиняешься нам, либо становишься другом смерти!» – Всхлипнув, он жалобным тоном продолжил: – Ты царь царей, избран старшиной среди нас. Помоги, прошу!

Стоявший слева от царя, сложив руки на груди, Гурас повернул голову к Тиграну и достаточно громко произнес:

– Государь! Когда-то оба этих лиса превозносили тебя до небес и пели хвалу, потом предали, а теперь ищут у тебя защиты. Кто предал единожды, у того вероломные мысли возникают даже без повода.

Артавазд, стоявший справа от царя, повернул голову к Тиграну:

– Простить предательство – то же самое, что обидеть верность!

Цари, потерявшие царства, выглядели словно в воду опущенные. Зарбиена был мрачен, но полон достоинства, Монобаз раскис и утирал слезы.

Зарбиена подал знак слуге и, взяв у него чашу, произнес: – Царь Тигран, я давно собирался преподнести тебе дар – старинную бронзовую чашу, сделанную армянскими мастерами. Ее нашли в земле рядом с моим дворцом.

Секретарь, забрав чашу, передал ее царю Армении. Чаша блестела и вся была покрыта клинописью. Тигран вертел этот древний предмет и не верил своим глазам: перед ним послание из прошлого – письмо царя Сардури II, при котором Урарту достигло наибольшего расцвета и стало не только самым могущественным государством Передней Азии, но и расширилось от берегов Каспийского моря до Средиземного. Его предшественник Сардури I прославился тем, что нашел способ прекратить грабительские набеги ассирийцев в страну армян Урарту: убил чудовище в пещере горы Ара-рат, отсек ему голову со сверкавшим на лбу камнем карбункулом, вставил этот камень в Драконий перстень и послал врагу.

Тигран преклонялся перед Сардури II, но знал, что тяга к прекрасному сыграла с урартским правителем злую шутку. Владея железодельным производством, он, тем не менее, продолжал изготавливать оружие из бронзы золотистого цвета, украшенное немислимыми узорами. Его войско было вооружено великолепными бронзовыми мечами и кинжала-

ми, ассирийцы же имели стальное оружие. Бронзовые мечи были хрупкими и ломались быстрее, чем железные клинки. В решающем сражении на берегу Евфрата ассирийцы разбили урартскую армию, Сардури бежал и, видимо, у стен Амиды обронил (или оставил?) чашу-послание потомкам.

Тигран мог читать урартскую клинопись. Надпись на чаше из бронзы, пролежавшей долгое время в земле, гласила: «Сардури говорит: я отправился, выступил я в поход на страну Куммух (Коммагена). Царь Ассирии Тиглатпаласар был на моем пути. Он преследовал меня, хотел найти Страну Золота. Под покровом ночи я ушел в Тушпу. Он не нашел Страну Золота».

У Тиграна промелькнули мысли: «Страна Золота – это Дворец власти; ассирийцы пытались его захватить; Сардури II предупреждает потомков о грозящей опасности божественному творению и взывает защитить его!»

Армянский властитель взглянул на Зарбиену: «Спокоен, выглядит уверенно и достойно. Его царство Гордиена расположено как раз недалеко от Дворца власти, который парфяне разыскивают уже много лет. Если не принять мер, Дворцу, где сливаются сакральная власть и высшие силы, будет грозить серьезная опасность. Похоже, Зарбиена знает это... Знает о Дворце с его сокровищами, о моей роли хранителя мира и, как носитель великой тайны уверен, что в помощи я не откажу».

В зале повисла гнетущая тишина. Внезапно Монобаз про-

изнес:

– Ты, Тигран, истинно велик! Твое величие не в том, что силен и тверд, а в том, что творишь справедливость без промедления. Прости меня, ложного друга и лицемера. Прошу, помоги!

– Монобаз, – прозвучал властный голос Тиграна, – сколько парфян вторглось в твоё царство?

– Брат, неисчислимое множество: черная туча накрыла мою землю!

Царь Тигран, повернувшись к соратникам, произнес:

– Я бы помог, но есть одно препятствие. Подписан договор, по которому я обязан согласовывать внешнюю политику с Римом. Быть может, римский генерал даст дельный совет?

Вслед за царем все повернули головы в сторону легата Афрания, приглашенного на эту встречу. Зарбиена и Монобаз, до того момента не замечавшие его в зале, удивленно уставились на человека в белой тоге, сидевшего в кресле у колонны. Тога, как символ гражданского достоинства римлянина, имевшая пурпурную полосу (знак аристократии), была надета поверх красной туники с вышивкой по краю. Гладко выбритый, с челкой надо лбом, в сандалиях-кальцеус на ногах, с перстнем-печаткой на пальце, Афраний выглядел внушительно и уверенно. Легат встал и подошел к трону:

– Государь, в Риме говорят: «Размышлять нужно часто, решать один раз». Истина в том, что у нас с Парфией есть договор о ненападении. Без решения сената ни один римский

солдат не должен вступать на земли царя Фраата.

Тигран обратил его внимание на факт нарушения правил:

– Афраний, в Риме также говорят: «Ненависть лежит под видимостью, а не на поверхности». И что же мы видим: парфянский царь Фраат захватил независимые государства. А что лежит на поверхности: он нарушил договор с Римом!

– Понимаю, к чему ты клонишь, – Афраний взглянул на царей-неудачников. – У меня всего пять когорт. Придется ждать возвращения из похода императора Помпея, хотя... Кто сомневается в истинном, поступает неразумно. Я готов выступить!

«Умный военачальник», – подумал Тигран, вслух же сказал:

– Смелость открывает путь к успеху, а успех к власти! Не удивлюсь, Афраний, если лет через пять народ Рима выберет тебя консулом, чтобы править республикой! – Обратившись к Мамиконяну, приказал: – Один полк армянских всадников, способных действовать в горных условиях, придать отряду Афрания!

Посмотрев на Зарбиену, застывшего в ожидании решения царя царей, Тигран спросил:

– Зарбиена, где твои воины?

– Нашли пристанище в горах.

– Подчини их Афранию! Твой дворец захватил сын Фраата, не так ли?

– Да, это так.

– Как попасть в дворец?

– Есть тайные подземные ходы. Мой человек укажет, – с облегчением произнес Зарбиена.

Тигран встал:

– Пусть свершится справедливость!

– Государь! – Афраний спешно высказал просьбу: – Если твоих всадников возглавит Аршам, я смогу ему довериться!

– Возьми Аршам: он прекрасно знает горные проходы в Гордиену!

Не говоря больше ни слова, Тигран вышел из зала.

Преодолев Восточный Тавр по секретным горным проходам и перевалам, отряд Афрания, усиленный армянами, курдами и курдами, с севера приблизился к столице Гордиены городу Амиде и, незамеченный парфянами, затаился в скалах. Амиде была построена как неприступная крепость: город на берегу реки Тигр окружали высокие и толстые стены из черных базальтовых тесаных камней с восьмьюдесятью сторожевыми башнями. Вокруг – поля и пашни. С крепостных стен за местностью непрерывно наблюдали парфянские воины.

– Аршам, задача твоего отряда – открыть городские ворота! – приказал Афраний. – Пробеgetесь с провожатым по подземному ходу в крепость, и, как только откроете ворота, мы обрушимся на противника. Царевич Ород твой.

– Робость и нерешительность не из числа моих качеств, –

засмеялся Аршам. – Если что и делаю хорошо, так это дерусь и побеждаю.

В спальне изгнанного царя Зарбиены готовился отойти ко сну сын царя Парфии Ород. Он выполнил задачу, поставленную отцом, – захватил Адиабену и Гордиену. Двадцатипятилетний юноша, потомок скифов, мечтал стать царем парфян, но отец был полон сил, да и младший брат путался под ногами. У Орода давно возник план устранения обоих: он готовил мятеж, но пока ничем себя не выдавал. Светловолосый и голубоглазый, злой, заносчивый и склонный к насилию, он предпочитал не говорить, а действовать.

Мягко ступая по каменному полу в обуви, осыпанной самоцветами и жемчугом, он подошел к столику, отделанному черным ониксом. Пальцы рук царевича унизаны перстнями и кольцами. Снимая их, он выкладывал украшения на золотое блюдо. Послышался шорох, затем скрип, возникло дуновение воздуха. Ород резко обернулся. Никого! Взяв в одну руку меч, в другую масляную лампу, он посветил вокруг себя, но ничего не увидел. Успокоившись, поставил лампу на столик, как вдруг краем глаза заметил тень. Не разворачиваясь, рывком выставил руку с мечом в сторону тени, а повернув голову, увидел фигуру человека с оружием и круглым щитом, возникшую словно привидение.

– Заблокировать двери! – прозвучал голос Аршама. Потом, криво улыбаясь, он вышел на свет: – Не ждал? Нехорошо грабить роскошные дворцы.

Внезапное появление в тщательно охраняемой комнате чужака в богатом армянском наряде обескуражило парфянского царевича:

– Ты кто?

– Я Аршам, сын царя Тиграна. Отец поручил навести порядок в Гордиене и Адиабене.

– Значит, армяне пришли сюда... – упавшим голосом произнес Ород. – Тигран Младший твой брат?

– Ну да!

Ород гордо поднял голову:

– Мы уйдем, если нам отдадут Тиграна Младшего! Он женат на моей сестре Родогуне.

– Римляне увели его в кандалах с собой, так что все вопросы к ним.

– Мой отец, царь Фраат, требует выдачи своего зятя, – решительно сказал Ород, – а также установления границы с Римом по справедливости – по реке Евфрат. Пока требования не будут выполнены, мы останемся здесь.

– Ород, очень надеялся тебя впечатлить внезапным появлением. В дворце Зарбиены столько тайных ходов! И еще: мои люди уже внутри крепости, вот-вот городские ворота откроются и хлынут войска, так что сдавайся.

– В ситуации «бежать или сдаваться» я выбираю меч! – Ород мгновенно сделал выпад, пытаясь нанести укол в сердце армянина.

Аршам успел прикрыться небольшим круглым щитом, из-

бежав ранения.

– Придется тебя убить! – прокричал самоуверенный армянский юноша и нанес удар сверху.

Ород парировал удар, отведя клинок армянина в сторону. Будучи умелым фехтовальщиком, он не спешил; обходя противника, выжидал удобного момента для укола, при этом говорил:

– Хороший игрок не хвалится раньше времени.

В закрытые двери безуспешно ломилась стража, Аршам суетился, пытаясь атаковать раз за разом, Ород же, лучший парфянский боец, своим булатным мечом, закаленным особым способом, блокировал удары соперника, двигался быстро и уклонялся искусно. Он ждал когда соперник откроется, чтобы нанести решающий удар. Вот, в надежде усыпить бдительность армянина, Ород сделал вид, что ему страшно, вынудив соперника совершить ошибку: тот попался на уловку, пошел в атаку и подошел слишком близко. Тут же лезвие рубящего меча парфянина пронеслось у его лица, и только щит и быстрая реакция спасли Аршаму. Следующий удар Орода был такой силы, что клинок Аршамы сломался, и, чтобы выжить, он отступил, бросив сломанное оружие и прикрывшись щитом. Если бы не товарищи, поединок закончился бы для него плачевно. Поняв, что соперник не по зубам, Аршам крикнул: «Уходим!»

Тени растаяли в темном углу комнаты. Ород, озлобленный и уязвленный, выскочил на балкон и изумленно уста-

вился на кошмарную картину: северные городские ворота открыты, поток солдат с факелами в руках вливался в крепость. Римские воины в блестящих панцирях и шлемах с красными гребнями, с мечами и щитами, объединившись в группы и действуя как единое целое, яростно молотили парфянских захватчиков. Гордиенцы в черных куртках и широких брюках, с бордовыми поясами и накрученными на голову черными платками, целились и стреляли из луков по парфянским воинам на крепостной стене. Армянские всадники в чешуйчатых доспехах и бронзовых шлемах с оранжевым гребнем хлынули на улицы города, уничтожая выбегавших из домов сонных бойцов противника. Кругом распластались тела в черно-желтых одеждах – солдат Парфии.

Ород побледнел, но взяв себя в руки, шагнул к двери, заблокировал ее и прокричал обезумевшим стражникам:

– Подать сигнал к отступлению!!

Бой барабанов и вой рога разнесся над крепостью. Огромная масса парфянских воинов устремилась к южным городским воротам, а Афраний силами имеющихся в его распоряжении войск продолжал теснить врага до полного ухода из крепости.

– Смелость открывает путь к успеху, а успех – к власти! – впервые за долгое время на его грубом лице появилась улыбка.

Парфянская армия покинула не только Амиду, но все города Гордиены и Адиабены, и ушла в свое царство.

Глава 25. Покорение Кавказа

Римская армия шла по земле кавказских племен, настроенных Митридатом против агрессора. Пришлось не только преодолевать бурные реки и горные перевалы, но и ожидать нападения горцев в любую минуту. Кавказ не скрывал недружелюбие. Восхищала природа Иберии с ее необычайно живописными местами: горы, покрытые густым лесом с реликтовыми дубами, каштанами и грабами, непроходимые заросли ежевики и дикого винограда, цветущие луга, прозрачные озера, стремительные речушки, ревущие водопады. Встречались олени, косули, за елью мог притаиться медведь, на деревьях сидели рыси.

Движению вперед мешал снег. Он выпал внезапно, стало холодно, и Помпей принял решение организовать зимовку. На берегу Куры было разбито три римских лагеря (зимнюю стоянку римских войск археологи найдут в районе современного города Ахалкалаки). Утепленные дома и казармы делали из бревен и досок, крыши покрывали соломой, телячьими шкурами и грубым полотном. Инженерные войска (в них служили неграждане Рима и рабы) очень быстро возвели городки: дом главнокомандующего в центре, справа жилище квестора Кассия, слева домики легатов и трибунов.

Помощник народного трибуна (эдил) Фавоний, по специальности историк и географ, истинно преданный Гнею чело-

век, поздним вечером пришел к Помпею (они были в дружеских отношениях) и, греясь у жаровни с углями, рассказывал:

– На горных перевалах при сильном снегопаде целые караваны гибнут в снегу. На случай такой опасности путешественники имеют шесты. Время от времени они высовывают шест на снежную поверхность, делая отдушину в снегу и подавая знак путникам, чтобы пришли на помощь, откопали и спасли.

Помпей ухмыльнулся:

– Мы переждем снег и морозы здесь, в обустроенном лагере, и, как только перевалы откроются, двинемся дальше в Колхиду.

– О да! Колхида... – задумчиво произнес эдил, которому было за пятьдесят. – За поколение до Троянской войны аргонавты отправились морем в Колхиду. Они должны были вернуть в Грецию золотое руно волшебного барана...

Помпей слушал историка заинтересованно. Его давно посещали мысли о золотом руне. Ходили слухи, что руно – это символическое название некоего вещества, реактива, способного превращать металлы в золото, а в сочетании с вином порождать эликсир молодости. Главным знатоком мистики в Риме считался Лукулл, однако Помпей как умный, но суеверный человек пытался понять все непознанное и, не делаясь ни с кем мыслями, просто искал артефакты. Гонимый за Митридатом, втайне думал о золотом руне.

– Фавоний, Колхидой владеет Митридат, – сказал Помпей. – По данным разведки, он прячется в Фасисе.

Фасис, древнегреческая колония (ныне город Потти, Грузия), самый восточный город Понтийского царства, стоял на берегу Черного моря и являлся главным торговым центром Колхиды. Именно здесь вождь аргонавтов Ясон добыл золотое руно. На родину, в Европу, он привез не только руно, но и красивых птиц, названных фазанами по имени города.

– До тебя, Гней, ни один римский полководец не заходил с армией так далеко, – говорил Фавоний. – Горцы очень опасны, особенно колхи, иберы и албаны.

– Фавоний, в своей «Истории» ты напишешь, что я добился славы покорителя Кавказа. Местные царьки обещали соблюдать нейтралитет и предоставить моим войскам свободный пропуск в Колхиду.

– Не все племена будут с этим согласны.

– Придется усмирить. Царю Иберии Артагу, давнему другу Митридата, я не доверяю.

– Бесспорно, проконсул, победа над горцами будет твоей заслугой.

В домике Кассия горели свечи, разносился аромат благовоний, в жаровне тлели угли, было тепло и уютно. Его спутница Рипсимэ (многие в войске Помпея имели «полевых жен»), красивая и утонченная, с прекрасной фигурой и тайной в глазах, придвинулась к нему в постели и, поцеловав в

губы, спросила:

– Каковы у меня шансы стать твоей законной супругой?

Римляне первыми ввели единобрачие. Брак считался в Риме священным таинством и опорой государства, он заключался в богатых семьях чаще всего по расчету или для продолжения рода, также для объединения владений и укрепления политических союзов. Мужчины должны были строго следить за моралью и поведением своих жен, а женщины обязывались посвятить жизнь поддержке мужа и заботе о нем. На практике и мужчины, и женщины искали интрижек на стороне.

Кассий, обладатель молодого точеного тела, тонкого носа с небольшой горбинкой, коротких темных волос с челкой до середины лба, с лицом мужественного римского воина и со взглядом завоевателя, всегда нравился женщинам. Такие мужчины, как представлялось слабому полу, смелы и воинственны; казалось, они готовы неистово защищать своих избранных, впрочем, как и свои владения. Рипсимэ же могла считаться образцом гармонии: юна, свежа, мила и красива. Ее притягательное овальное лицо радовало изящным изгибом бровей, высоким лбом и пухлыми губами; она обладала белоснежной кожей, восхитительно чистой линией профиля, небольшой упругой грудью и томным взглядом карих глаз. Такие девушки вызывают восторженный взгляд любого мужчины. Весь лагерь завидовал Кассию.

Рипсимэ росла без матери, и, как только представился

шанс, она заявила отцу, что встретила своего избранника и, не слушая родительских доводов, ушла из дома к римскому повесе. Разделяя все тяготы походной жизни, красавица, тем не менее, была счастлива и беспечна. Квестор стремительным вихрем ворвался в ее жизнь, она его полюбила и боялась лишь одного – потерять его.

Услышав вопрос о браке, Кассий погрузил пальцы в ее пышные кудри, опустил прелестную голову себе на грудь и сказал правду (при этом на его лице не дрогнул ни один мускул):

– Ты должна знать о моей помолвке с Юнией Терцией: отцы договорились о предстоящей свадьбе. Но это ничего не значит, все может перемениться.

Девушка подняла голову и, рассматривая его умные глаза и восхищаясь обнаженным с идеальным рельефом торсом, произнесла нежным голосом:

– Моя любовь к тебе соткана из грез, страсти и верности. Я не могу жить без тебя!

Квестор поцеловал подругу в губы, затем взял со столика костяную коробочку и открыл:

– Это тебе, золотое ожерелье.

В шкатулке лежала небольшая золотая скифская пектораль, доставшаяся Кассию при дележе сокровищ Митридата. Эта изящная вещь была изготовлена греческими ювелирами по заказу знатных скифов, и ее теперь в полном восторге держала в руках Рипсимэ.

– Я счастлива! – прошептала она и, отложив украшение в сторону, поцеловала возлюбленного.

Распущенные черные волосы шатром закрыли лицо Касия, он вдохнул их аромат и промолвил:

– Реальность такова, что меня ждет слава и власть. Мне предначертано стать народным трибуном, затем претором и консулом... и, как итог, диктатором. Не потерплю неудач! Взлечу вверх как птица или... разобьюсь о скалы.

Притязания этого молодого человека явно были завышенными.

Испытывая чувственное наслаждение, он притянул к себе девушку, оказывающую на него необъяснимое магическое воздействие.

– Иди ко мне!

В его голосе сквозило желание. Сгорая от вождения и утопая в блаженстве, он целовал красавицу...

Поздний вечер. В лагере раздавались громкие голоса, песни, музыка: римские солдаты отмечали ежегодный праздник сатурналий. Сатурн – сеятель, первым давший людям пищу, и в этот день все становились равными, даже рабы освобождались от обычного труда. Солдаты веселились и выбирали царя сатурналий.

Помпей в своем домике углубился в чтение писем Митридата, найденных в крепости Синория. Злодей писал любимой и неукротимой наложнице Стратонике о «славных»

делах: отравил собственного сына Ариарата за мелкую провинность, лишил жизни лучшего наездника Алкея из Сард, посмеявшегося победить его на конских ристаниях (гонки колесниц)... Коварство понтийского царя не знало границ.

Драконий перстень вдруг необычно засветился. Всегда цвета тлеющих угольков, сейчас он переливался от светло-зеленого до кроваво-бордового. Помпей ощутил опасность, внутренне содрогнулся. Им овладело неприятное предчувствие дурного, как в тот раз, когда его пытались отравить. На мгновение он растерялся, испытал панический страх, но тут же, собравшись, отбросил нерешительность. Открыв дверь в соседнее помещение, энергично крикнул дежурному офицеру: «Объявить тревогу!» и начал надевать доспехи.

В центральном лагере прозвучал пронзительный звук трубы, его подхватили трубачи соседних лагерей, и сигнал тревоги вихрем пронесся по всем легионам. Центурионы с факелами в руках освещали знамена отрядов, привлекая тем самым внимание солдат, строили их, отдавали голосом приказы, дублируя их в темноте дудками. Лагеря были достаточно хорошо укреплены: ров, вал, плетень, палисад из кольев. Освещение обеспечивали светильники на столбах: горело, коптя, льняное масло.

Широкие ворота распахнулись, и легионеры в доспехах, при оружии и со щитами организованно занимали боевые позиции вокруг лагерей. Все с тревогой вглядывались в тем-

ноту.

Со стороны гор донесся шум. Он усиливался и, казалось, доносился со всех сторон. Слышались глухие шаги, топот копыт, выкрики, многоголосая речь, ржание лошадей. Римские солдаты, не видя в темноте опасного противника, чувствовали его приближение и готовились к бою. Костры, светильники и факелы высветили первую шеренгу нападавших. Иберы, албаны и кочевники – кто в полукафтанах, штанах и шкурах, кто в бурках (черные накидки из овчины без рукавов), кто в меховых шапках, шлемах или с непокрытой головой – приближались уверенно и с достоинством. Вся эта разношерстная масса была вооружена чем попало: кинжалами, бронзовыми мечами, луком, топорами, пиками, палками...

Самобытные, непокорные и свободолюбивые иберы (грузины), рослые албаны (их называли: белые, свободные) и воинственные кочевники (скифы, тюрки и другие), говорящие на разных языках, в то числе на языках лезгинской ветви нахско-дагестанской семьи, уязвленные тем, что их землю топчет пришлый римский солдат, прониклись решимостью действовать. Объединенную армию Албанского царства (союз двадцати шести племен), иберов и кочевников вел царь Оройз. Он, самоуверенный и наивный, полагал, что римлян, расслабившихся на зимовке, отмечающих какой-то праздник, можно уничтожить внезапным и стремительным ударом.

Помпей оценивал обстановку: не менее сорока тысяч че-

ловек. Стена варваров! Предстоит ночной бой, придется на-прячь все силы.

– Приказываю, – главнокомандующий ставил через офицеров-порученцев задачу легатам, – Скавру, сразу после стрельбы катапульта и баллист, ударить во фланг противника слева, Флакку – справа, Лентулу и Габинию – в центре, Целеру и Метеллу быть в готовности преследовать и уничтожить врага!

Горцы, медленные на обиду, но скорые к отмщению, спокойные, полные презрения к смерти, готовые с быстротой молнии любого ударить кинжалом, шли с явным намерением штурмовать лагерь устрашающих высоких римлян (высоких из-за шлемов с гребнями). Повергнуть в прах внезапной атакой сильного врага, думали прямодушные горцы, значит, показать кто истинный хозяин этой земли. Они не потерпят пришельцев, ворвавшихся в их мир, труднодоступный, замкнутый, но такой для них привычный.

Противоборствующие стороны оказались на расстоянии полета стрелы. Прозвучал первый сигнал трубы. Легионеры проревели «Барра» (рев слона), чтобы устрашить неприятеля до того, как вступить с ним в рукопашную схватку. Второй сигнал трубы. В нападавших полетели стрелы, ударили стреловидными снарядами катапульты, камнями навесом выстрелили баллисты. Воины Оройза, несмотря на потери, также пустили стрелы, но легионеры закрылись щитами. Третий сигнал трубы. С боевым кличем «*Vivat mortem!*

(Да здравствует смерть! – *лат.*) римляне начали движение вперед, на врага, постепенно ускоряя шаг. Навстречу им неслись пешие и конные горцы. Рубка началась: римские солдаты беспощадно резали, кромсали и уничтожали противника.

В ночной кровавой схватке ничего нельзя было разглядеть, но Помпей не сомневался: противник будет разбит. Яростный напор иберов, кавказских албан и кочевников, как и ожидалось, встретил сокрушительный отпор, и еще слаженные действия всех звеньев римской военной машины. Храбрые горцы терпели поражение. Честолюбивый Помпей, оценив обстановку, с выражением лица полного довольства собой, понял очевидное: Фортуна благоприятствует ему как всегда, с толпой варваров он справится.

Эдил Фавоний, стоящий рядом, грустно произнес:

– Иберия никогда не захочет стать зависимой от Рима.

– Это мы еще посмотрим, – отрезал командующий.

– Царь Иберии Артаг установил контроль над перевалами Кавказского хребта...

– Он пожалеет, что связался со мной!

Устрашенные и разбитые горцы побежали. Военное счастье от них отвернулось. На поле боя остались лежать их убитые и раненые товарищи; уцелевшие же устремились к спасительной переправе через Куру или скрывались в чаще леса. Римские солдаты преследовали их, но в ночи это дело бесполезное, поэтому вскоре вернулись в лагерь.

Помпея поздравил Кассий:

– Проконсул, нападение отражено! Талисманы не только приносят удачу, но и вытаскивают из ада.

– Не забивай голову бесплодными мыслями. Ничто не предопределено, все сомнительно.

Военный трибун Фавст воодушевленно воскликнул:

– Дикие горцы потерпели поражение и понесли большие потери!

Помпей промолчал, затем спросил историка и географа:

– Фавоний, какая столица у албан и кто царь?

– Столицей Кавказской Албании является город Кабала, а правит, объединив двадцать шесть племен, Оройз.

– Возмездие неотвратимо, – зло сказал командующий. – Трубить отбой!

Как только сошел снег, армия Помпея, оставив лагерь в идеальном порядке, двинулась дальше, но не к Фасису, где прятался Митридат, а в обратную сторону – к царю иберов Артагу. Цель – нанести внезапный удар, застигнув повелителя гор врасплох.

– Понимаешь, Кассий, – говорил Помпей квестору, следуя верхом в колонне войск вслед за авангардом (легионом Скавра), – мы, римляне, не стремимся завоевать весь мир. Мы хотим равновесия. Мы властвуем над миром в том смысле, что лучше других понимаем нужды народов, но при необходимости диктуем им свою волю.

– Да, проконсул! – вторил Кассий. – Мы – нация, живу-

щая в простоте и аскетизме, но, имея железную дисциплину и упорство, всегда доводим дело до конца.

– Именно, Кассий! Артаг установил контроль над перевалами? Он пожалеет, что связался со мной.

Помпей вел армию по живописной долине реки Кура. Пешие легионы, конные отряды, волы, тянущие обозы и метательные машины, двигались по правому берегу реки вниз по течению к месту, где в Куру впадала Арагви. Нанести упреждающий удар, чтобы обезопасить свой тыл от иберов – так сказал легатам командующий. Разведка доносила, что в Гармозике, хорошо укрепленной крепости у переправы через Куру, засел царь Артаг. На самом деле Помпей затягивал войну как можно дольше, ведь сенат еще не принял нужные ему постановления. Покорить Кавказ, значит, подчинить себе природу. Если потребуется, Гней осадит крепость, пустит в ход стенобитные машины, построит высотную земляную насыпь, обеспечит полную блокаду, возьмет измором...

Мысли Кассия были заняты талисманом патрона, а глаза то и дело ловили перстень на руке Помпея. Красивая вещь! Способна приносить удачу и охранять от неприятностей. Мечта будоражила кровь, а желание безраздельно владеть этим сокровищем мучило его. Наступит момент, и это случится, решил он. Голова закружилась от открывающихся перспектив.

В Гармозике (иберы называли эту крепость Армазцих) царь Артаг, сорокалетний горец, темноволосый, с ост-

рым взглядом, густой бородкой и широкими усами, в красном длинном кафтане и накидке из белой овчины, с царским венцом на голове, большим золотым медальоном на груди и кинжалом на поясе, сидел в грубом деревянном кресле за столом, накрытым блюдами из дичи, и держал в руке железный кубок с вином. Он похвалялся:

– У нас будет еще возможность свести счеты с римлянами! На Сурамском перевале устроена засада. Выпьем за успех!

Придворная знать и вожди кочевых племен, сидящие с царем за одним столом, одобрительно закричали, стукнулись бокалами и выпили невероятно терпкое красное вино саперави. Солнечный свет через небольшие окна проникал в просторный зал со стенами из природного камня, дубовыми колоннами и массивными балками на потолке. За столом на скамьях сидели наместники округов и военная верхушка Иберии, недавно совершившие неудачный набег на лагерь неприятеля. Отрывая руками сочные куски превосходного мяса (тушки косуль, приготовленные на вертеле), поедали его с пшеничным хлебом с плевелами (хлеб мог храниться долго и не плесневеть) и пили из железных кубков густое и тягучее вино.

– Артаг великий царь!! – заревел вождь племени месхов в накидке из волчьей шкуры. – В нашем поражении виноваты царь Оройз и его необученные солдаты из Кавказской Албании. Мы еще покажем этим римлянам!

Все закричали: Гамарджвеба! (победа – *груз.*) и снова вы-

пили.

Раздался режущий слух свист. Стрела, длинная, как копье, с толстым древком и мощным железным наконечником, влетела в окно и вонзилась в дубовую колонну, бешено вибрируя. Все замерли. В полной тишине Артаг вскочил с места и подбежал к окну. На расстоянии четырех стадий от крепости стояли на возвышенности стрелометы и обстреливали его крепость, а вокруг, разворачиваясь в боевой порядок, готовилась к сражению римская армия.

– Римляне!! Я скачу за подкреплением! – с этими словами Артаг быстрым шагом направился к дверям зала, за ним поспешили царедворцы, наместники, полководцы и вожди. Зал опустел.

Ворота крепости открылись, и кавалькада всадников во главе с царем поскакала к мосту через Куру. Как только ворота стали закрывать, катапульты, баллисты и стрелометы ударили по ним, заклинив и повредив. В крепости началась паника. Начальник гарнизона, пытаясь организовать оборону, метался по крепостной стене, но его уже никто не слушал. Деревянный мост через Куру – единственную переправу на другой берег – подожгли солдаты Артага. Под бой барабанов и вой рожков воины легиона Лентула с боевым кличем ворвались через разбитые ворота в крепость, уничтожая всех, кто пытался оказать сопротивление. Гармозика пала.

На балконе, нависшим над морем, стоял Митридат. Внизу

пенились и бились о скалы волны, поднимая фонтаны брызг. Сегодня море светло-зеленое, а над ним сияло безбрежное голубое небо. Белоснежный дворец наместника Колхиды, выстроенный на скале, сверкал в лучах полуденного солнца. Великолепный вид на просторы Черного моря мог бы вдохновить и успокоить, если бы не одно но. Римские военные корабли стояли на рейде Фасиса на случай попытки бегства понтийского царя морем. Настроение было неважным, если не сказать отвратительным. «Он думает, что загнал меня в угол. Мнит из себя величайшего полководца со времен Александра Великого. Хочет, чтобы я боялся, впал в панику, покорился судьбе», – размышлял царь.

Войдя в покои, взял золотой кубок с вином, отпил и стал оценивать свои шансы: «Колхиду и Кавказ мир всегда представлял краем света и сюда не так-то просто добраться. Здесь, на Кавказе, был прикован к скалам Прометей, а в Колхиду, на край земли, аргонавты ходили по морю за золотым руном. Да, это место труднопроходимое: высокие горы, бурные реки, недружелюбные племена... Помпей долго будет сюда пробираться. Но он упорный...»

Царя приводило в ярость, что никак не удастся отвязаться от погони. Шпионы и лазутчики, коих Митридат внедрил повсеместно, регулярно доносили о победах Помпея: отбил нападение на свою зимовку людей Оройза, самого отчаянного из царей Востока, подчинившего себе двадцать шесть диких племен (в том числе амазонок); наказал царя Артага, и

мало того, что римляне заняли его неприступную крепость Гармозика – они сумели переправиться через Куру без моста и вынудили властителя Иберии сражаться; Артаг бой проиграл, запросил переговоры и подчинился условиям победителя – отдал римлянам в качестве заложников своих детей, а главное, наследника престола Фарнаваза.

– Диафант!

Из-за шпалеры с сюжетом «Одиссей на корабле Арго», озираясь, вышел Диафант, начальник охраны Митридата.

– Мой государь?..

– Сообщают, что Артаг потерял девять тысяч убитыми, а десять тысяч попали в плен.

– Чрезмерная самоуверенность нужна, когда видишь заманчивую цель, а если впереди туманная перспектива, уйди в тень и жди случая поквитаться.

Митридат посмотрел на Диафанта: «Сколько раз хотел его казнить! Он знает об этом, но предан».

– Диафант, передо мной открылась туманная перспектива. Армия Помпея движется сюда, упорно и неумолимо.

Уговор понтийца с племенем гептакометов напасть на колонну римлян вряд ли ее остановит. Путь бегства по морю блокирован. Пробираться через Кавказский хребет? Там поджидают подкупленные Помпеем армяне-хотенейцы, иберы и дикие племена. Хорошо, с ними он справится, но дальше придется преодолевать «скифские запоры» (узкие кавказские ущелья, охраняемые скифами). Их еще никто не

проходил, но даже если я пробьюсь, то на пути в Боспор лежит Меотийское болото (Азовское море), а еще ненависть моего неблагодарного сына Махара.

Диафант, помолчав, также подумал о горах Кавказа.

– Государь, ни один человек не решится идти через Кавказский хребет. – Увидев во взгляде царя безысходность, добавил: – Слабые не бывают великими правителями. Выживание, как известно, зиждется на трех составляющих: риск спасает, неудачи закаляют, а неопределенность добавляет смелости.

– О, да ты философ! – экспрессивно выразился царь. – Поддаваясь унынию, вспомни про барана...

– Барана?

Митридат растолковал:

– Пока из барана не сделали шашлык, он будет упираться там, где тигр смирится с участью.

Раздался стук в дверь. Диафант немедленно спрятался за шпалерой, а в покои царя вошел секретарь:

– Аристарх хочет переговорить с тобой. Уверяет, что срочно.

– Пусть войдет!

Ахейнин Аристарх, стратег царя Колхиды и военачальник армии колхов, человек недюжинной силы и большого роста, в бронзовых доспехах и шлеме, вошел с поклоном:

– Государь, кто-то искусственно раздувает недовольство колхов.

– Найти, упечь в тюрьму и казнить! – среагировал понтийский царь.

– Эту тетрадрахму я изъял у человека, волновавшего народ...

– Дай взглянуть! – Митридат подошел и взял монету.

Внезапно острие кинжала впилося в шею Митридата. Царь, испытав боль, невероятным усилием оттолкнул Аристарха, но сам не удержался на ногах и повалился на пол, опрокинув кресло. Диафант, верный телохранитель, выскочив из-за шпалеры, подбежал с мечом как раз в тот момент, когда Аристарх готовился завершить начатое – вонзить лезвие в сердце царя. Меч телохранителя обрушился сверху. Ахеянин успел увернуться, перекатившись по полу. Клинок меча все же коснулся его панциря, защищавшего торс, нанеся незначительную рану. Аристарх вскочил, занял боевую стойку, а охранник с хищным выражением лица уже летел к нему, пытаясь пронзить живот соперника. Резко ударив кинжалом по лезвию меча и отведя его в сторону, Аристарх схватил левой рукой правое запястье понтийца, заблокировав работу клинка, и попытался вонзить кинжал в его грудь, но получил удар ногой и отлетел к шпалере. Тяжелый тканый ковер рухнул, однако стратег, удержавшись на ногах, снова приготовился сражаться.

Диафант, разгоряченный боем, пошел в атаку и нанес рубящий удар сверху. Аристарх, подставив плоскость клинка кинжала, остановил удар и провел болевой прием, обхватив

руку с мечом соперника и вывернув ее. Диафант приемы знал, меч не выронил, и, как только противники на мгновение скрестили взгляды, полные ненависти и презрения, толкнул Аристарха животом.

– Убей его!! – прохрипел Митридат, продолжая лежать на полу, зажимая рукой кровь, вытекающую из раны на шее.

В Диафанта вселился демон: он вновь атаковал. Блокировать удары меча кинжалом становилось все труднее. Аристарх, парируя атаки, выскочил на балкон. Перед ним явно был боец высокого класса, с ним не справиться. Недолго думая, ахецянин запрыгнул на мраморную балюстраду балкона и спрыгнул вниз, в пучину волн.

Диафант подбежал к балюстраде и, посмотрев вниз, сказал:

– Море поглотило его... Нужно найти тело...

Поиск трупа Аристарха ничего не дал. Отряд охраны понтийского царя обыскал все побережье, но безрезультатно.

Митридат с ядовитым взглядом и перевязанной льняным бинтом шеей восседал в кресле и пытливо смотрел на царя колхов Олтака. Престарелому наместнику Колхиды, захваченной Митридатом, было разрешено иметь титул царя, чтобы не волновать вспыльчивый и свободолюбивый народ. И вот теперь, в красном плаще и с белой повязкой вокруг русоволосой головы, он стоял с кандалами на руках перед мучителем.

– Олтак, – ледяным тоном проронил Митридат, – назови

причины, по которым я не должен тебя казнить.

– Государь, в Колхидском царстве процветают земледелие, металлургия, обработка льна, керамическое и ювелирное ремесло. Я исправно снабжаю тебя золотым песком, а также вином, фруктами, хлебом, чеканю монеты с твоим профилем.

– Меня чуть не убил твой стратег! Ты ответишь за это! Все вы предатели! Почувствовали мое безвыходное положение? Нет такой клетки, из которой я не могу выбраться!

Бедный Олтак, в кандалах, подавленный и смиренный, опустил глаза. Диафант поднес ему на блюде чашу с вином.

– Это яд! – произнес Митридат. – Пей, ты заслужил.

Колхидский царь, звеня цепями, взял чашу и дрожащими руками поднес к губам. Глаза выражали сожаление, а в голове промелькнула мысль: «Жаль, Аристарху не удалось осуществить задуманное...»

– Стой! – прозвучал голос Митридата.

Олтак, держа чашу у губ, поднял глаза на царя.

– Все равно тебе не жить. Придет Помпей и покарает всех, кто укрывал меня. Сослужишь последнюю службу:пустишь его по ложному следу.

Диафант с трудом вырвал из рук колха чашу, снял кандалы и вложил в его ладонь маленький синий пузырек. Митридат промолвил:

– Выпьешь яд, когда не сможешь оправдаться перед самим собой и станет нестерпимо стыдно за свою постылую

ЖИЗНЬ.

Глава 26. Упоение пирровой победой

Войска Помпея вошли в Фасис. Долгий и трудный марш завершен. Путь легионов пролегал вверх по течению реки Куры, затем они прошли Сурамский перевал и преодолели реки Колхиды, построив сто двадцать мостов, а также отразили нападение гептакометов, потеряв три когорты. Потерь могло быть больше, если бы не перстень дракона. Помпею на лесной стоянке принесли дикий мед. Камень перстня тут же засветился зеленым цветом. Отраву, подложенную гептакометами, срочно изъяли у солдат, а Помпей запретил без проверки употреблять что-либо в пищу.

В резиденции наместника Колхиды на балконе, нависавшем над морем, стоял Помпей. Внизу пенились и бились о скалы волны, поднимая фонтаны брызг. Сегодня море было серого, почти черного, цвета, а небо затянуто тучами.

– Сбежал! Но куда? – Помпей посмотрел на Кассия.

– Неутомимого гения зла не сломили неудачи, – пошутил тот, но став серьезным произнес: – По словам царя Олтака, Митридат пробивается в Боспорское царство через Кавказский хребет.

– И ты веришь этому? – на лице проконсула был написан скепсис. – Ни один человек не решится идти через Кавказ-

ский хребет.

В разговор вмешался военный трибун Фавст, сын бывшего диктатора Суллы, помолвленный с дочерью Помпея. Еще до похода, в кругу друзей, он в шутку грозился: «Став диктатором Рима, организую новые проскрипции, объявлю всех друзей вне закона и конфискую их имущество». Сейчас он опять был неосторожен:

– Рим настоятельно требует, чтобы ты, проконсул, продолжал преследование Митридата.

Помпей укоризненно посмотрел на него:

– Углубляться в горные районы Колхиды? Нет уж, увольте. Злодей при бегстве более опасен, чем в сражении. Для его обуздания вполне достаточно флота легата Сервилия. Он заблокирует Киммерийский Босфор (Керченский пролив) и обречет царя в жертву голоду.

– Проконсул прав! – бойко сказал Кассий Фавсту. – Главкомандующий не желает напрасно тратить силы на преследование врага. Есть другие военные задачи.

Помпей с довольной ухмылкой посмотрел на любимчика Кассия:

– Ты далеко пойдешь, квестор. Я помогу. А сейчас хочу допросить Олтака. Кассий, останься.

Фавст ушел, а Помпей и Кассий вошли в покои, где недавно хозяйничал Митридат. В сопровождении двух легионеров появились двое: Олтак в царском одеянии и с белой повязкой на голове и Аристарх в доспехах, но без оружия. Племя

ахейцев, из которого происходил Аристарх, было очень воинственным. После похода на Троию оно осталось в Малой Азии и однажды попало под власть Митридата. Царь притеснял ахейцев, и этого они ему не простили. После неудачной попытки убить злодея Аристарх сумел выжить, проплыв под водой в известную ему пещеру, и теперь деятельно сотрудничал с римлянами.

Легионеры с каменными лицами встали у двери, Помпей, внушительный и надменный, в белой тунике и пурпурной тоге, сел в кресло, а остальные устроились на стульях.

– Царь Олтак, – начал командующий, – меня интересует золотое руно.

Брови Олтака поднялись:

– Руно – вымысел. Многочисленные речки, текущие с Кавказских гор, несут мельчайший золотой песок. Местные жители, положив в воду длинношерстные шкуры овец, собирают золото, застревающее в шерсти.

Помпей загадочно улыбнулся:

– Я слышал другое. Золотое руно стало магическим гарантом благоденствия колхов. Вот сколько тебе лет?

– Мне... семьдесят.

– А выглядишь на пятьдесят, седых волос совсем не видно. Полагаю, что в словосочетании «золотое руно» зашифрован некий таинственный смысл.

– Конечно, миф о золотом руне повествует о немалых усилиях, которые нужно приложить, чтобы овладеть богат-

ством, – простодушно сказал Олтак.

При слове «богатство» глаза Помпея заблестели. Олтак заключил: «Ум людей в их глазах. Римлянин, падкий на деньги, верит в мифы, и будет очень разочарован как только произойдет отрезвление ума».

– О Помпей Великий, что для тебя важнее: безумные деньги или богатство внутреннего мира?

– Стоп! А где этот мир? – на полном серьезе заинтересовался римлянин.

– Когда становится достаточно темно, можно увидеть звезды... – философски заметил Олтак. – У тебя есть желание, удовлетворить которое так же трудно, как гасить пожар соломой.

– А вот ученый Варрон считает, что руно – это некий эликсир, в сочетании с вином способный омолодить тело.

Варрон Реатинский был ученым-энциклопедистом. Имея неоспоримый авторитет в Риме, он провозгласил: «Высшее благо – удовлетворение души и тела!»

Олтак презрительно смотрел на Помпея и думал: «Еще один искатель приключений, идущий на риск и опасные подвиги без сомнений и колебаний. Он не поверит ни единому моему слову, давно решил, что золотое руно у меня и не остановится ни перед чем, чтобы заполучить его. В общем, жить мне осталось недолго». Достав из складок плаща синий флакон, он сказал:

– Вот этот эликсир!

Помпея и всех остальных будто гром поразил. Глаза Гнея вылезли из орбит, Кассий раскрыл рот, у Аристарха внутренние уголки бровей поднялись. Первым пришел в себя Помпей. Драконий перстень светился зеленым цветом. Приказав принести чашу с вином, он мрачно посмотрел на царя. Вошел слуга Деметрий с чашей на подносе. «Та же чаша!» – подумал Олтак. Вылив содержимое флакона в вино, он взял сосуд.

– Вообще-то я пошутил, – тихим голосом сказал он. – Это яд.

Главнокомандующий сидел как сфинкс, в зале повисло гробовое молчание. Олтак, разочаровавшись в жизни, выражал всем видом презрение к Помпею. Его левая бровь приподнята, веки полуопущены, руки не дрожат и держат чашу твердо. Вот он поднес ее к губам...

– Стоп! – скомандовал Помпей. – Ты мне нужен живым: украсишь мой триумф.

Олтак удивленно посмотрел на римлянина, а потом на солдата, вырывавшего из его рук чашу.

Помпей ясно представил торжественное вступление в столицу победоносного полководца и его легионов после успешного восточного похода. Сенат дарует ему, полководцу-императору, триумф, эту высшую награду. Главным же украшением триумфа станет не только богатая добыча из культурных стран Востока, но и плененные цари и их семейства. Затем знатных пленников принесут в жертву: по приказу три-

умфатора их убьют в особой тюрьме на склоне Капитолия. Когда Олтака увели, Помпей обратился к ахейнину:

– Аристарх, ставлю тебя царем Колхиды. Найдешь мне золотое руно!

Отомстить царю Кавказской Албании Оройзу за предательское нападение во время декабрьских праздников сатурналий было новой навязчивой идеей Помпея. Восточный поход затягивался, приобретая неясную перспективу. Главнокомандующий приказал двинуть армию из Фасиса в Кавказскую Албанию.

– Мы не пойдем кратчайшим путем вдоль Куры, мы пойдем обходным – через Армению, чтобы застигнуть албан врасплох! – такую задачу он поставил легатам.

Золотое руно не найдено, но все равно настроение было приподнятое, ведь в Риме его уже объявили покорителем Кавказа; впереди – Албания, а может быть, и Индия! Подобно Александру Великому, он грезил Индией, но как к этому отнесутся подчиненные?

Мощная римская колонна войск двигалась быстро и неутомимо. В ходе марша пригодились и построенные мосты через реки Колхиды, и стоянка для зимовки, и просеки в лесу, и иберы, ставшие проводниками.

– Кратчайший путь к цели – это окольный путь, и этот путь проложат судьба и

гнев! – поучал Помпей легатов в своей палатке на ночной стоянке, угощая их вязким и сладким колхидским вином с привкусом меда и трав.

– Гнев – порок, он притупляет разум и подогревает ссору! – произнес Габиний, которого развезло.

– Кто побеждает гнев, преодолевает максимального врага! – воскликнул развеселившийся и неунывающий Метелл.

– Жизнь интересна своей непредсказуемостью, – высказался захмелевший Скавр.

– Ты ведешь нас по лабиринту неведомого, – заплетающимся языком проговорил Лентул.

– Тому дозволено все, кто может больше, чем хочет! – провозгласил разгоряченный Флакк.

«Пьяного речи – трезвого мысли», – подумал Гней, а вслух сказал:

– Возмездие неотвратимо! Теперь скажите мне, как вы смотрите на наш поход в Индию?

Произошло замешательство. Легаты тупо уставились на командующего. Индия в их понимании была страной далекой и окутанной тайной; ходили легенды об ее неведомых опасностях и удивительные истории о сказочных богатствах. Туда стремились лишь любители приключений и острых ощущений.

– А зачем нам слоны? – неожиданно спросил захмелевший Габиний.

– О, индийцы купаются в золоте! – икнул Метелл.

– Мы сможем наладить вывоз специй и пряностей в Рим напрямую, – всхлипнул Скавр.

– В Индии чудеса на каждом шагу, – подмигнул Лентул.

– Точно! Я слышал о летающих колесницах и армии обезьян! – рыгнул Флакк.

Помпей был доволен:

– Прекрасно! Итак, решено: мы разобьем албан и двинемся в Индию!

– Да!!! – заорали пьяные легаты. – Мы презираем опасность!.. Кто медлит, тот боится!.. Смелость не терпит сомнений!

Долго еще подвыпившие офицеры обсуждали будущие подвиги в загадочной Индии, но наутро, как и положено заведенному механизму, отдохнувшие войска двинулись вперед. Возглавляли колонну отряды легкой римской пехоты и конницы (разведка); за ними шел авангард – один легион; потом отряд, наводивший мосты; за ним следовали главнокомандующий и штаб; потом объединенная конница и мулы, тянувшие осадные машины; следом маршировали четыре легиона солдат по шестеро в ряд, а замыкал длинную колонну арьергард – обоз, неофициальные жены, работорговцы, маркитанты и проститутки.

Маршрут получился замысловатым. К озеру Севан в Армении подошли с северо-запада, сделали крутой разворот от озера на северо-восток, и колонна войск двинулась по древнему торговому пути вдоль реки Акстафа, притока Куры.

Выйдя к месту переправы войск на реке Кура, римляне остановились в недоумении: на противоположном берегу стояла мощная стена из бревен, преграждая проход в ущелье. Стена была столь высока, что создавалось впечатление неприступного оборонительного укрепления. Казалось, за стеной затаился враг, который при приближении римских войск обрушит на них всю мощь своего оружия – стрелы, копья, дротики, камни...

– Опасное зло прячется внутри нас, поэтому не позволяйте страху преодолеть себя, – с этой сентенцией Помпей обратился к штабным трибунам. – К бою! Лентулу выслать разведку!

Прозвучали сигналы трубы. Армия прямо с марша разворачивалась в боевой порядок. Муштра и дисциплина делали свое дело: центурионы под штандарты и знаки римских легионов, выполнявших функцию боевого знамени, выстраивали солдат. Обслуга стрелометов, баллист и катапульта разворачивала орудия, лучники принимали исходную изготовку, легионеры, надев шлемы и прикрывшись красными щитами, присели на одно колено и, выставив вперед копья, зорко наблюдали за обстановкой.

Разведчики на лошадях, в усиленных доспехах и шлемах, опасаясь каждую секунду получить стрелу, перешли в мелком месте реку и подошли к стене. Тот, кто ее возвел, знал толк в фортификации: такое защитное сооружение мог построить специалист атаки и обороны. Разведчики с опаской

приблизились и прислушались. Тишина! Встав на круп лошади, один из них полез на стену. Неуверенно заглянув по другую сторону преграды, он увидел горное ущелье, двух коз, пасущихся на склонах, и одного безоарового козла. Млекопитающее (предок домашней козы) мирно стояло на выступе скалы и с любопытством смотрело на римлянина. Врагов не было.

Разведчики вернулись в расположение войск и доложили обстановку. Помпей произнес:

– Странно... Либо это военная хитрость, либо албаны переправили вина.

Инженеры за день сделали брешь в стене, и войска, перейдя Куру по мелководью, двинулись дальше. Теперь дорога шла по пустынной и безводной степи в условиях палящей летней жары. Легионы и обозы изнывали, и Помпей принял решение двигаться по ночам, неся с собою запасы воды в мехах. Врага не встретили, зато природа резко стала меняться. Перейдя вброд реку Иори (Камбиз) и выйдя к реке Алазань, левому притоку Куры, все решили, что оказались в раю. Алазань, берущая начало на южных склонах Большого Кавказа, здесь, в Алазанской долине, была неглубока, но быстра, а вокруг открывалась удивительно красивая картина: солнечная и уютная долина, усыпанная пышным разноцветьем, величественные платаны, прозванные деревьями бога, звонкий воздух, напоенный ароматами трав и цветов, янтарный виноград, зреющий под лучами щедрого солнца. Все преиспол-

нено тишины и блаженства...

Эдил Фавоний произнес:

– Это Кахетия – земля, где живут гордые и свободные люди. Они привержены старине и древним обычаям, доверчивы, откровенны, но легковверны и беспечны, любят вино и веселье.

– Твои беспечные кахетинцы могут представлять опасность? – спросил Помпей

– Еще какую! Несмотря на склонность к хвастовству и показухе, они дерзки и расторопны, прекрасные наездники и вооружены до зубов.

– Тот, кто намерен добиться победы, должен быть коварным, хитрым и скрытным, – сам себя подбадривал Помпей.

– О, так писал Ксенофонт в «Анабасисе»! – удивился Фавоний.

Помпей промолчал: он высоко ценил это произведение. Прежде чем идти на Восток, мысленно совершил поход в глубь Малой Азии вместе с Ксенофонтом.

– Мы добьемся победы, если повергнем врага в смятение, – произнес он.

Царь Оройз после очередной попойки беспробудно спал в своей крепости Кабала. Именно к ней устремилась группа всадников, один из которых нес знамя с изображением пегаса – символа славы. К Оройзу скакали славные кахетинцы. Вскоре всадники стремительно въехали в ворота невы-

сокой, сложенной из природного бурого камня крепости, и один из них, спрыгнув с коня, поспешно взбежал на второй этаж замка.

– Где царь?! – закричал он.

Ему навстречу вышла в сопровождении свиты царица Рона:

– Сандро, царь тебя не примет, он занят.

– Рона, ты не понимаешь... К нам идет римская армия!

– Как это?

– Рона, где царь? Ему нужно поднимать народ!

Сандро, сын вождя Кахетии, красивый и статный юноша (хотя сегодня растрепанный и испуганный), был в смятении, и его тревога тут же передалась Роне.

– Пойдем!

Они вошли в покои царя. На большой деревянной кровати под навесом-балдахином шелковой ткани из Багдада, среди шкур и беспорядочно разбросанных подушек с рисунком в крупную клетку, в вязаной из грубой шерсти рубаше лежал молодой царь албан. Он был высок, светловолос, небрит и сильно пьян.

Налетел Сандро:

– Оройз, проснись! Война!!

Никакого эффекта. Сколько он ни расталкивал царя, тот лишь что-то бурчал, отворачивался и снова засыпал. Сандро в отчаянии посмотрел на Рону. Она, стройная, в прилегающей темно-синего цвета рубаше в пол и черном плаще,

подбитым мехом, в пояске с серебряной пряжкой, в небольшой черной шапочке с вуалью, украшавшей рыжие волосы со скромной прической, подошла к мужу, потрепала его по щекам и поцеловала. Оройз, приоткрыв серые глаза, потянулся к ней губами.

– Милый, вставай, война!

– Война?! Где мой меч? Где мой конь?

Он сполз с кровати и, поддерживаемый слугой, ничего не понимая и не разбирая дороги, побрел во двор. Подвели лошадь, кое-как усадили на нее царя, в руку вложили меч.

– Сегодня мертвый среди живых, вскочил я на коня, – затянул Оройз, – хотел сражаться за троих, но сон сморил меня...

После этого царь свалился с лошади без чувств. Слуги отволокли государя в покои, а взволненная Рона, сверкая глазами, обратилась к его младшему брату:

– Косис, царство в опасности! Поднимай племена, веди народ на битву!

Косис, светловолосый высокий юноша двадцати лет во всем черном, смотрел на царицу растерянно. Подбежал Сандро:

– Брат Косис, пастухи принесли весть: римляне подошли к Газахскому запору и ломают его!

– Что делают римляне в Кахетии?

Рона, утирая глаза, выговорила:

– Они идут нас убивать!

Перепуганный Косис, никогда не водивший войско в бой, но сам отчаянный и храбрый воин, был в замешательстве. Схватившись за кинжал, воскликнул:

– Воевать и умирать привычно, выстоять и победить достойно!

– Боги помогут, Косис! Веди войско! От судьбы не скроешься, – тихо сказала Рона.

– Племена Кавказа будут сражаться плечом к плечу! – взволнованно выпалил кахетинец Сандро.

Во все земли союза албанских племен поскакали гонцы.

Через тринадцать миль движения по Алазанской долине путь римлянам преградили албаны. Высокие, сильные и светловолосые люди, кто на конях, кто пеший, либо с дротиком, либо с мечом, все с луками и в шлемах из звериных шкур, наступали с севера со стороны гор. Это племя инициировало объединение племен Кавказа на землях между Каспием и Иберией.

Римская колонна остановилась. Механизм отлаженной машины заработал: легионы разворачивались в боевой порядок, тяжеловооруженная пехота и конница занимали позиции, метательные машины готовились к стрельбе. Стратегия римлян неизменна: разгромить противника в одном решающем сражении. Три легиона, чтобы противостоять массивному фронтальному натиску албан, встали в линию, благо долина позволяла развернуться во всю ширь. В каждом

легионе девять когорт по пятьсот человек, все когорты построились в шахматном порядке. Габиния и Сквава Помпей придержал в резерве.

Противники сближались. Римляне уже приготовились метнуть стрелы и копьё-пилумы, как вдруг слева показались новые отряды горцев – с криками и свистом с запада на римлян наступали гелы и леги. Помпей, стоявший в окружении штабных офицеров на холме, у подножья которого сосредоточились тяжелая кавалерия, мулы и обозы, среагировал быстро – послал военного трибуна с задачей левому крылу развернуться на запад. Но тут раздался нарастающий шум кавалерии справа. Обернувшись, он увидел на востоке неприятельские силы горцев: шли утии и гаргары.

– Флакку новая задача: противник справа! Путь разворачивает легион! – приказал Помпей и взглянул на заветный перстень. Перстень молчал.

Вдруг сзади затряслась земля: с юга прямо на холм главнокомандующего летели на конях отряды кавказских племен – чилби, сильвы, лпины, цоды. Легион Габиния преградил им путь. Албаны тоже получили подкрепление: прискакали каспии и рутульцы. Бой начался. Плохо вооруженные горцы, малообученные, но свирепые, без всякой тактики и управления пытались победить могущественного врага, имеющего непобедимое оружие – устойчивую, эффективную и сокрушительную когорту.

– Они сражаются не по правилам! – возмутился Помпей.

– Зато бьются, как львы, – иронично заметил эдил Фавоний.

– Эти невежественные варвары пришли сюда погибать, – сердито сказал Помпей.

Град стрел, дротиков, метательных копий и разнокалиберных камней сыпался на солдат обеих сторон. Звенели мечи, сигналили трубы, били барабаны, свистели снаряды, хрипели лошади, кричали люди, лилась кровь...

Храбрый Косис, врезавшись в гущу сражения, закричал товарищу:

– Сандро, без помощи не устоим!!

– Косис, помощь придет!!

Помпей перестраивал пехоту, сосредоточив ее сразу на нескольких направлениях удара. Войдя в раж, он неистово орал на трибунов и префектов, посылая их с новыми поручениями: образовать то сплошные линии, то смыкание рядов, то отход с позиций. Сверху это безумное массовое побоище напоминало гигантский смертельный аконит – цветок, ядом которого в Риме и Греции травили приговоренных к смерти.

Римская армия, окруженная варварами, рубилась как заведенный механизм, и было ясно: в битве с «железной машиной» на одном энтузиазме кавказцам не устоять, хотя и сражались они отчаянно, показывая чудеса военной доблести. Их силы таяли под натиском когорт.

– Что это?! – закричал Кассий, указывая на северо-запад.

Помпей обернулся. Отряд амазонок приближался к полю

битвы. Его вела Калестрида верхом на серой лошади. Она по-прежнему молодая и красивая, с золотистыми волосами, в пятнистой тунике, легких кожаных доспехах и шлеме, с коротким железным мечом акинак. Но теперь на ней был Пояс Ипполиты. Она вступила в бой со своим отрядом воинственных и неустрашимых женщин. Прокричав боевой клич «Етта!», амазонки вклинились в легион Лентула, беспощадно уничтожая всех на своем пути.

– Скавр, усилить Лентула! Помпоний, конницу в бой! – приказал Помпей.

Амазонки знали толк в войне: по преданию, они успешно сражались с самим Гераклом. Как нож сквозь масло прошли воительницы через боевые порядки римлян, увязнув в центре. Легионеры и римские всадники тяжелой конницы, неся существенные потери, окружили отряд амазонок, сосредоточившись на уничтожении предводительницы. Лошадь под Калестридой, сраженная копьем, пала. Очувтившись на земле, амазонка рубящими ударами меча продолжала биться с противником, и ни стрела, ни копье, ни меч не касались ее. Подбадривая себя и остальных всадниц, она кричала:

– Я пролила немало крови и потушила свет в глазах многих врагов! Убить, значит победить!

Помпей, не веря своим глазам, безотрывно смотрел на женщину-воина: «Не может быть!» Устремив взгляд на перстень, удивился: камень приобрел густой кровавый цвет.

– Фавоний, – вскричал он, – это магия?!

– Либо она заговоренная, либо на ней Пояс Ипполиты. Миф превращается в реальность! – Увидев, что Помпей с недоумением смотрит на него, друг, эдил и ученый пояснил: – Обладатель этого пояса непобедим. Так гласит предание.

– Что посоветуешь?

– Повелевай духом, чтобы дух не властвовал тобой...

Главнокомандующий, потрясенный увиденным, приказал:

– Трубить отбой!

Над полем битвы зазвучали сигналы к отходу, легионеры, медленно пятясь назад, готовые в любой момент отразить нападение, уходили. Амазонки и все остальные племена, понесшие большие потери, остановились в нерешительности и врага не преследовали, не понимая что происходит. Войска разошлись.

– Они уходят! – воскликнул Косис.

– Мы победили? – недоумевал Сандро.

– Вряд ли это можно назвать победой, – услышали они голос Калестриды, подъехавшей на гнедой лошади. – Враг не признал себя побежденным. – Посмотрев на удивленных юношей, суровая амазонка слегка улыбнулась: – Мудрость гласит: «Сильнейший не победит, если за справедливость бьются честь и достоинство». – И снисходительным тоном добавила: – Парни, одно вам скажу: они больше сюда не сунутся.

Ударив сапожками по бокам лошади, Калестрида поскакала в горы, а вслед за ней ее верные амазонки. К вечеру появились с обеих сторон похоронные команды и, не мешая друг другу, совершили свою печальную работу.

В стане римлян царила растерянность.

– Потери большие. Подсчеты заканчиваем, – доложил Фавст Помпею.

Главнокомандующий смотрел на него отстраненно.

Эдил Фавоний, не глядя в глаза военачальнику, постарался донести ему важную мысль и успокоить. Он негромко, чтобы никто не слышал, сказал:

– Проконсул, ты жестоко их наказал. Трудность пути и множество змей не позволяют продолжать поход на восток.

Помпей озадаченно посмотрел на него. Подошел Кассий и бодро отчеканил:

– Еще три дня пути, и мы выйдем к Каспийскому морю!

Холодно взглянув на квестора, Помпей вспомнил о своей мечте добраться до Индии, повторить подвиг Александра Македонского, но вдруг остыв, потерял интерес к Индии и проронил:

– Множество змей не позволяют продолжить поход на восток. – Приняв важный вид, объявил военным трибунам и легатам: – Наш новый поход на юг. Завоеем Сирию. Похоронить павших и в путь.

Глава 27. Тигран благосклонен к смелым

Наложница царя Армении Седа, красивая властная черноволосая женщина средних лет, стала очень раздражительной и беспокойной. Ее недобрые глаза выражали решительность: нужно что-то делать, пока римский гарнизон стоит вблизи Арташата и ее сын Аршам завел дружбу с легатом Афранием. Мечта сделать сына царем изменила ее жизнь, снедала изнутри, разжигала честолюбие. Она чувствовала: пришло время возвеличить его и возвыситься самой. В волшебных грезах видела себя царицей, а сына – повелителем Азии.

– Сынок, мне было видение: ты станешь царем Армении! – Седа ласково погладила бархатистые волосы сына. – Аршам, есть способ ускорить события.

– Да, мама?

– Нужно посорить римлян с армянами.

– Это как?

– Легенды не врут... Все убивали, чтобы возвыситься: Эдип убил отца Лая, став царем Фив...

В мозгу Аршама всплыл эпизод неудачного покушения на Артавазда во время постановки трагедии «Царь Эдип» по Софоклу. Мать продолжала:

– ... Александр убил своего отца Филиппа II, став царем Македонии...

Александр вряд ли был заказчиком убийства своего отца. Об этом Аршам слышал от Артавазда, который специально изучал вопрос. Седа щедро делилась мыслями:

– ... потомки царя Тантала безжалостно убивали друг друга, борясь за власть...

– О мама, не обрекай меня на танталовы муки!

«Танталовы муки» – ужасные мучения, говорящие о недосягаемой, но кажущейся близкой цели.

Седа, тяжело переживая, с обожанием смотрела на сына:

– Мой мальчик, боги благоволят тебе.

– А если боги за дерзость низвергнут меня в подземное царство Аида и обрекут на вечные страдания?

– Нет! Все возрадуются твоему возвышению и воздадут почести победителю. Если убить Афрания, то Помпей сместит Тиграна и казнит, а его семью продаст в рабство.

Она слышала от людей, побывавших в Риме, что Помпей безжалостен к тем, кто идет против его воли. У римлян есть закон: зависимые царства должны управляться только наследными властителями. Римляне не глупцы, они на царство поставят конечно же ее мальчика. Он доказал им свою преданность. Кто же может управлять огромной державой и держать в узде горные племена, как не сын царя, ее Аршам?

– Убийство – гнусная затея... – пробормотал Аршам.

Колеблясь, он все же задумался о преступлении: «Рок

привел Афрания сюда, и здесь ему суждено умереть. Даже боги ему не помогут».

– Конечно, – говорила мать, – от содеянного вряд ли получают наслаждение, но результат того стоит...

Глаза Аршама уже горели непреодолимым желанием охотника и жаждой власти:

– Либо я навлеку на себя гибель, либо овладею величием!

Поздно вечером Афраний вышел из палатки полководца в центре небольшого военного лагеря римлян, что стоял между лесом и рекой недалеко от Арташата. Легату царь Тигран предлагал жить в дворце, но дотошный офицер старался быть ближе к солдатам, не давая им расслабляться: легионеры и воины вспомогательных войск, составляющие его гарнизон, ежедневно проводили изнурительные военные тренировки и занимались укреплением периметра лагеря: углубляли ров, насыпали вал, покрывали его дерном и камнями, сооружали плетень, устанавливали деревянные колья. Рядом с лагерем возник рынок, на котором армяне продавали дрова, фрукты и сладости.

Афраний, только-что получивший приказ свернуть лагерь и идти на соединение с колонной войск Помпея, подошел к алтарю, установленному невдалеке от палатки. Деревянный алтарь был предназначен для отправления культа и совершения жертвоприношений в полевых условиях. В пяти шагах высилась небольшая насыпь, покрытая дерном, – трибунал;

здесь Афраний вершил суд. Пламя светильников на столбах и огонь лагерных костров давали достаточно света, чтобы видеть рельефное изображение богов на деревянном барельефе и молиться. Афраний бросил в чашу с жертвенным огнем веточку мирта и возложил на алтарь три персика. Юпитер считался главным богом легионеров, но сегодня легат обращался к Юноне – богине семьи, брака и рождения.

– О светлая Юнона, советчица и кормилица! Прими в дар жертву – спелые персики. Позаботься о моей семье. Пусть дети, Луций и Авл, растут в чести и согласии, а я обязуюсь первый же талант серебра, захваченный у врага, отдать на строительство святилища в твою честь.

Жертвоприношение богам у римлян носило договорный характер. Афраний заключал сделку с Юноной, продумывая каждый пункт договора. Война – дело частное и преходящее, она рано или поздно завершится, и легат возвратится к семье и продолжит прежнюю мирную жизнь. Афраний смотрел на изображение богини Юноны, строгой, высокой, величавой, в шлеме и панцире, и думал о жене и детях.

Вдруг он уловил звук полета стрелы. Мгновенная реакция, отточенная до совершенства за годы военной службы, спасла его. Увернувшись, он упал на алтарь. Пролетев мимо головы, стрела вонзилась в алтарь. Новая стрела пронеслась еще ближе, и попала бы в цель, не упав он ничком на землю. Из темноты со стороны рынка велся обстрел. Легат бесшумно пополз. Стрелы одна за другой следовали за ним, ложась

в деревянный постамент алтаря все ближе к нему. «Уйти с освещенного места, спрятаться за препятствием!» – билась в мозгу мысль, заставляя действовать. Перекатившись через голову, он ушел от очередной очереди стрел. Сделав еще пару кувырков, Афраний оказался за трибуналом, небольшой насыпью. Тишина. Осторожно приподняв голову, осмотрелся, и тут же стрела просвистела над головой, задев волосы. Стрелок явно был высокого класса, в темноте стрелял точно, кучно, но... не попал. Это немного развеселило легата. Не все в этой жизни внушает жалость, время от времени бывают удачи: улыбка благосклонной судьбы.

– Тревога!! Нападение на лагерь!! – крикнул он.

Охрана среагировала моментально. Раздался сигнал рожка, потом звук трубы. Сторожевые патрули приготовились к стрельбе, конный дозор в поисках врага поскакал к рынку, караул усилил посты, особенно у палатки, где хранился значок легиона (по представлениям римлян, бронзовый орел обладал сверхъестественной силой), четыре центурии выдвинулись к воротам. Вскоре все легионеры, составлявшие гарнизон, прочесывали окрестности, в том числе лес.

В это время царь Тигран в своих покоях при светильниках и свечах беседовал с мудрецами. Евсей и Амфикрат сидели в креслах напротив него. Лица всех в теплом мерцающем свете выглядели величественно и достойно.

Амфикрат говорил:

– Правила поведения – это обычаи, которые в Греции однажды стали законом. Заповеди Хирона гласят: чти богов и родителей, уважай гостя, соблюдай порядок и гармонию вещей.

Царь возразил:

– Но греческое право не вылилось в стройную систему норм, годную для заимствования Арменией.

– Государь! – вмешался в разговор Евсевий. – Власть твоя неограниченная, а вот государственный аппарат весьма слаб. Вот почему держава оказалась непрочным объединением. Тебе нужно подумать о более разумном регулировании отношений между людьми, о праве.

Амфикрат воскликнул:

– Да, закон – это сила! Нужны фундаментальные законы, чтобы поддерживать порядок среди всех и защищать интересы каждого. Вспомни правило Демарата!

Однажды Ксеркс I, персидский царь, шел завоевывать Грецию. Вместе с ним был изгнанный спартанский царь Демарат. Его изгнали потому, что спартанец-завистник заявил: Демарат не царской крови. Соплеменники обратились к дельфийскому оракулу, но того подкупили: пифия дала ответ: «Не сын царя». Демарат лишился престола и бежал к персам. Ксеркс спросил его: «Выйдут ли против моего войска спартанцы?» Демарат отвечал: «Выйдут». Ксеркс удивился: «Неужели они могут сражаться один против ста?» Демарат ответил: «Нет, но у них есть закон не спрашивать,

сколько врагов, а спрашивать, где они, не раздумывать, можно ли отбиться, а выходить и биться. Спартанцы боятся закона больше, чем персы царя».

– Введению новых законов повсеместно мешает устаревшая письменность, – укоризненно сказал Амфикрат.

Царь парировал:

– Алфавит сложный, согласен. Мне бы хотелось, чтобы население более широко знакомилось со сводом законов.

Тигран часто сокрушался, что не создан новый армянский алфавит. Ему говорили: все образованные люди в Армении и так пишут и читают по-гречески, да еще владеют арамейским письмом. Конечно, происходит взаимовлияние культур Армении и Греции. Хотя греческая культура постепенно приходила в упадок, все ее достижения армяне с удовольствием заимствовали.

Амфикрат вежливо сказал:

– Государь, я написал сочинение «О великих мужах», где много глав посвятил тебе, создателю великой цивилизации. Ты задумал построить мир во имя процветания народа, но не забывай: Рим сильнее тебя, потому что у него совершенный аппарат власти, и все там чтят законы.

Тигран резюмировал:

– Итак, деспотия или демократия? Царь – защитник принципа «законности» или покровитель родовитой знати? Есть над чем подумать. Дискуссия была полезной. В следующий раз поговорим об анналах знаний, сосредоточенных в моей

библиотеке...

Раздался стук. Вошел секретарь:

– Государь, Афраний просит принять его незамедлительно.

По лицу Тиграна промелькнула тень тревоги:

– Пусть войдет!

В доспехах без оружия, держа шлем в левой руке, с недобрым взглядом и кипя гневом, шумно вошел Афраний:

– Государь! Награждая титулом «друг и союзник римского народа», сенат может и заклеить тавром «враг римского народа».

– О двойной формуле мне известно. Что случилось, Афраний?

– В меня стреляли, хотели убить!

Царь встал. Известие его поразило как громом. Он медленно произнес:

– Нас явно хотят поссорить...

Тигран посмотрел на мудрецов, те встали.

Евсевий, обращаясь к легату, сказал:

– Оставь ссору, прежде чем она разгорелась.

Амфикрат проронил:

– Рискованное это занятие ссориться с Римом...

Тигран старался быть убедительным:

– Афраний, рассуди: мы недавно заключили союзнический договор. Нашей распре теперь может радоваться только слабый или завистливый. Заводящий ссору человек – прово-

катор. Прежде чем разогрелась обида, подумай: ненавидеть и рушить легче, чем любить и творить.

Необузданная запальчивость римлянина начала проходить, слова царя успокаивали; легат опустил голову, на лице выразилось сожаление и, взглянув на Тиграна, он объявил:

– Желания поспориться у меня нет.

– Хорошо, Афраний. Мы расследуем это покушение и найдем преступника.

– Государь, я пришел проститься.

На лице Тиграна отразилось удивление. Афраний продолжил:

– Я получил приказ главнокомандующего императора Помпея свернуть лагерь и с войском следовать за ним. Помпей не будет заходить в Арташат, он сейчас форсирует реку Аракс через широкое мелкое место.

Царь все понял: Помпей не пленил Митридата, возвращается в Понт ни с чем, идет той же дорогой, что пришел, и форсирует Аракс в районе слияния с рекой Раздан. Он не хочет оставаться в Армении ни дня, так как дух горы Ара-рат гонит его армию прочь, подальше от армянской земли. Защитник, незримо оберегающий Армению, зорко следит за ее обидчиками.

Царь подошел к стене с арсеналом редкого оружия и снял два кинжала.

– Афраний, как-то ты рассказывал, что у тебя два сына. Хочу сделать им подарки. Кинжал в золотых ножнах симво-

лизирует стойкость, кинжал в серебре – постоянство. Внутри обоих – стальные клинки, означающие твердость. На рукоятях рубины – талисманы удачи для тех, кто привык сам пробивать себе дорогу в жизни.

Афраний склонил голову и с благодарностью принял подарки. Подняв глаза на царя, он подумал: «Тот самый случай, когда уважаешь противника. Тигран благосклонен к смелым, жалостлив к попавшим в беду, взыскателен к нерадивым». Вслух он сказал:

– Государь, прощай! Пусть Фортуна даст тебе в вечную собственность верное счастье!

По-военному развернувшись, он вышел.

Правитель Боспорского царства Махар, сын царя Митридата, был в смятении. Ему донесли, что отец, сбежав от Помпея из Колхиды и преодолев Кавказский хребет и «скифские запоры», приближается к Таврике. Махар в ужасе думал: «Перебравшись через Боспор Киммерийский (Керченский пролив), отец вот-вот появится здесь, в столице, городе Пантикапее, и тогда...»

Излишне эмоциональный, стремящийся к единоличной власти и роскоши, Махар в свои тридцать лет заметно располнел, был груб с людьми, часто нерешителен, сейчас же выглядел побитым и беззащитным. На его покато лбу выступили капли пота, губы дрожали, зрачки расширились, ноги, словно ватные, подкашивались. Хотя женщины счи-

тали Махара красавцем (крупный нос, маленький подбородок, пухлые губы), сегодня лицо правителя приобрело землисто-серый оттенок. Пышные светлые вьющиеся волосы, тщательно уложенные, ниспадали на плечи, а из-под массы локонов выглядывала белая лента-диадема. Многие признавали полное его сходство с отцом в молодости, что льстило; но, зная нрав Митридата, он почти не сомневался: жить осталось недолго.

Словно зверь в клетке повелитель Боспора метался по тронному залу дворца, венчающего вершину горы. Пантикапей стоял на горе (ныне гора Митридат – горная вершина Крыма, центр города Керчь). Город имел акрополь, храмы наиболее почитаемых богов и дворец – здание, отделанное мрамором со множеством архитектурных деталей, снабжавшееся водой из цистерн с запасами дождевой воды. В залах, расписанных картинами по штукатурке, было множество монументальных скульптур, ковров и огромных ваз из зелено-вато-волнистой яшмы, малахита и оникса.

В зал вошел брат Фарнак:

– Махар, взгляни в окно! Сегодня римский флот подошел ближе.

Оба брата приблизились к окну. Триеры с тремя рядами весел и парусом, биремы – военные корабли с двумя рядами весел и тараном, длинные скоростные и маневренные либурны с метательным оружием блокировали пролив и город.

– Они задерживают и казнят всех купцов, везущих нам

товары, – произнес Фарнак.

Махар посмотрел на него жалобно:

– Брат, что делать?

Фарнак, высокий, стройный, амбициозный, высокомерный к окружающим, снисходительный к слабостям женщин, уверенный в себе человек, тщательно выбритый (в подражание отцу), был красив: имел золотистые волосы, спускающиеся на плечи, и энергичную линию бровей. Лицо с правильными чертами всегда оживляла легкая ироническая улыбка. Царь Митридат ценил его выше всех своих детей, заявляя, что именно он будет его преемником, и сын, преисполненный презрения к римлянам, мечтал воссоздать Понтийскую державу в прежних пределах.

– Пантикапей защищен двойной линией крепостных стен, так что бояться римлян не надо, – ответил Фарнак.

– Я не о том. Боюсь отца...

– А чего ты хотел? Ты предал его. Диадему понтийских монархов теперь носит в Риме гетера, насмехаясь над нами.

Несколько лет назад Махар, являясь правителем Боспорского царства, открыто перешел на сторону противника: отказал отцу в помощи, когда тот проиграл битву при Кизике, отправил к римскому полководцу Лукуллу посольство с золотой диадемой, решив, что с отцом покончено, снабжал римлян хлебом при осаде Синопы, столицы Понта. О, чего не сделаешь ради удержания власти!

– Может быть, бежать в Херсонес? – Махар с надеждой

смотрел на брата.

– Прощается все, кроме измены. Побег не спасет, сам знаешь, – взгляд Фарнака был издевательским.

Дверь открылась и быстро вошла Клеопатра Понтийская, за ней дети Митридата.

– Великая радость! – возвестила она. – Прибыл гонец с вестью: наш отец с минуту на минуту въедет в ворота Пантикапея.

Законная супруга царя Тиграна, Клеопатра Понтийская (отец выдал ее за армянского царя, чтобы скрепить союз двух государств), сбежала от гнева армянского владыки в Тавриду (Крым). Она так хотела завладеть единоличной властью в Армении, что подговорила трех сыновей убить мужа. Двоих Тигран казнил, а третий, Тигран Младший, теперь мучился в тюрьме у Помпея. Женщина среднего возраста, умная, гордая, привлекательная – вся в отца! В национальном армянском наряде она выглядела пленительно: светлые волосы, уложенные в греческую прическу, подхвачены белой лентой, на шее на шнурке амулет (подарок мужа) в форме скорпиона, выполненный из золота и драгоценных камней (голубого опала и желтого кошачьего глаза). Амулет усмирлял ненависть и мстительность, оберегал от влияния магических сил и несчастий. Печаль на лице женщины сменилась надеждой.

Сын Митридата восемнадцатилетний Артаферн презрительно посмотрел на Махара, своего конкурента по Боспору:

– Расплата за совершенное вероломство последует...

Дарий, прыщавый и жестокий подросток шестнадцати лет, радостно воскликнул:

– С возвращением отца вновь вспыхнет война! Это прекрасный способ доказать миру нашу исключительность!

Сообразительный, но неуклюжий четырнадцатилетний Ксеркс добавил:

– Разрушить могущество Рима, думаю, не удастся, зато новая война сделает нас очень богатыми.

Шестнадцатилетний голубоглазый Ксифар, аутист, сын наложницы Стратоники, глядя в одну точку и наматывая на палец прядь кудрявых волос, пробурчал себе под нос глупую считалочку:

– Раз – испугает, два – убегает, кто не спрятался, чудовище пожирает...

Оксатр, щуплый и рассудительный мальчик двенадцати лет, произнес:

– Я получу Херсонес Таврический. Буду справедливым царем, потому что творить несправедливость – удел несчастных.

Самая юная очаровательная десятилетняя девочка Эвпатра объявила:

– Сейчас папа придет, сделает меня царицей, и будет у меня муж Тасий, предводитель светлых людей роксоланов.

Махар, погруженный в свои мысли, сидел на троне и был безучастен ко всему. Вдруг его лицо перекосила злоба, он

стал задыхаться, в глазах засквозила безысходность. Вскочив с трона, торопливым шагом вышел из зала.

Фарнак проводил его взглядом:

– Непомерные амбиции обычно ломают судьбу, а высокое самомнение превращает даже великого в неудачника.

Раздался сигнал трубы. Все подбежали к окнам. На площадь акрополя въезжала кавалькада всадников и среди них Митридат VI Евпатор.

Как неукротимый вихрь в зал ворвался царь Понта. Львиная грива поседевших волос Митридата была перевязана белой лентой. Его сопровождали Гипсикратия, Диафант и Менофан.

– Дети мои, мы снова вместе! Как же я соскучился! Где Махар? Диафант, найди его!

Подошел к Фарнаку, обнял, выразительно посмотрел на него:

– Делая серьезные дела, выбирай дорогу, не приводящую в тупик. Впереди, мой сын, столько замыслов!

Повернувшись к Клеопатре Понтийской, царь возвестил:

– Ты, как всегда, неотразима, – обнял ее, чмокнув в щечку, – от тебя исходит великолепный аромат, запах какого-то сказочного нектара!

– Отец, я так счастлива, что ты добрался живой и невредимый...

– Милая, мои убийцы посрамлены, у моих врагов будет возможность раскаяться, а моим друзьям не время оплаки-

вать меня. – Увидев на ее руке золотой перстень с аметистом и династической эмблемой понтийских митридатидов (шестилучевая звезда над полумесяцем), царь растрогался: – Семейный перстень. . . Он защитит тебя, носи как талисман.

Поцеловав младших детей в лоб и потрепав их по щеке, он наконец остановился возле Ксифара и, уставившись на юнца немигающим взглядом удава, недовольно произнес:

– Твоя мать Стратоника предала меня. Будет справедливо, если ты умрешь.

Гипсикратия, изменившись в лице, немедленно отреагировала:

– Великий царь, он всего лишь ребенок, который любит своего отца. Подари и ты частичку любви – прости его!

Ксифар, отстающий в развитии, немного заторможенный, смотрел на отца, ничего не понимая. Царь зло сказал:

– Я всегда всех прощаю, даже достойных казни. Где его мать?

Менофан доложил:

– Она в Египте.

Взглянув мельком на Гипсикратию, Митридат отрезал:

– К этому вопросу мы еще вернемся.

Вошел Диафант с напряженным лицом:

– Государь, твой сын Махар мертв. Принял яд.

– Жаль, уж было собрался простить!

Раздалось бормотание Ксифара:

– Раз – испугает, два – убегает, кто не спрятался, чудови-

ще пожирает...

– Что?! – Царь в крайнем гневе вперился взглядом в мальчика.

Гипсикратия схватила Ксифара за руку и вывела из зала. Проводив недобрым взглядом курчавого подростка, Митридат, пройдясь перед строем детей, сел на трон:

– Греческий мир меня обожествляет, сравнивая с Дионисом, поэты называют Гераклом, а историки продолжателем дела великого Александра Македонского.

Я задумал немалое: хочу вновь очутиться перед римлянами и воевать с ними уже в Европе, тогда как Помпей еще в Азии. Боспор – плацдарм для наступления. Я соберу огромное войско и пойду с ним через Фракию, Пеонию и Македонию, вторгнусь в Италию, перейдя Альпы. Сыновья мои, вы мне поможете: поедете к живущим по соседству варварам, каждый возьмет в жены скифскую царевну, а ты, моя любимая Эвпатра, выйдешь замуж за Тасия...

На лице Фарнака отразился скепсис. Относясь к грандиозным планам отца неодобрительно, он осознавал бессмысленность военных действий, приводящих лишь к упадку торговли, чрезмерным поборам с населения, злоупотреблениям сборщиков налогов. А еще придется вооружить ненадежных рабов и пленных, скупленных у пиратов. Он повернул голову к окну и вновь ощутил опасность созданной римлянами морской блокады.

А Митридат, распаляясь, перешел на крик, вселяя уверенность в детей и подзадоривая самого себя:

– К моему походу присоединятся скифы, кельты, галлы – все, кто ненавидят римлян!! – Но вдруг, почувствовав упадок сил, он осекся и проговорил: – Ну мои дорогие, идите. Мне надо отдохнуть с дороги...

Глава 28. Сирия будоражит воображение

Добивать Митридата в Таврике, как призывал римский сенат, никакого желания у Помпея не было. В донесении в Рим он писал: «Рассчитываю победить деспота в открытом сражении». К горе Арарат приближаться он также боялся. Хватит того, что на пути из Кавказской Албании во время переправы через Аракс Драконий перстень вел себя с чудинкой – то вспыхнет ярко-красным, то серебристо-серым, а то фиолетово-синим. Теперь главнокомандующий увлекся сирийским походом, где никто не оказывал сопротивления его потрепанной армии: защитники городов, увидев римское войско, сдавались немедленно, и легионеры, бодро марширующие по дорогам Азии, были довольны: тяготы опасного похода на Кавказ сильно вымотали.

Свою новую резиденцию Помпей обосновал в столице Сирии Дамаске, называемым «матерью городов». Старейший город на земле, древний как камень, цветущий оазис в пустыне, видел разных захватчиков. Фараон Тутмос III, одержав победу в Мегиддо, присоединил Дамаск к Египту. Иудейский царь Давид, победив арамеев, захватил Дамаск, но его сын, царь Соломон, город не удержал: слуга Соломона (арамей) объявил себя царем и возглавил победонос-

ный мятеж. Потом были ассирийцы, снова иудеи, вавилоняне, персы, эллины, набатеи, армяне... Теперь Дамаск захватили римляне.

В дворце сирийских царей Кассий занимал ряд роскошных комнатах; в них хозяйничала красавица-армянка Рипсимэ. Она смотрела на римлянина и думала: «Как пленить Кассия, чтобы он на мне женился? Одной красоты мало, нужно показать свой ум!» Изощренный женский ум – то малое, что делает красавицу незаурядной, а некрасивую желанной. Гибкий юный ум Рипсимэ был очень изобретательным.

– Милый, ты надеваешь парадные доспехи?

Кассий, закрепляя меч на поясе, сообщил:

– О дорогая, сегодня важный день. Будет решаться судьба Сирии.

Девушка как бы невзначай сказала:

– Решая судьбу Сирии, вспомни, что эту страну называют «землей первой крови».

Кассий заинтересованно посмотрел на нее:

– Ну, продолжай... Мне интересно.

Рипсимэ неповторимым обликом, гибкой фигурой и тайной в глазах создавала ощущение восточной сказки. В образе римской матроны она выглядела величественно: длинные, обрамлявшие лицо, локоны, темно-зеленая туника без рукавов из легкой шелковой ткани, изящный леопардовый пояс, восточные драгоценности – золотое ожерелье, изумрудные серьги и нефритовые браслеты. Все в ней олицетворяло гар-

монию и безмятежность. Зеленый – это цвет самой природы, его часто выбирают умные.

Рипсимэ кокетничала, показывая всем видом, что ей не хочется говорить о страшном, но все же «сдалась» и поделилась знанием:

– Милый, Дамаск – опасное место. Недалеко отсюда совершилось первое на земле преступление: убийство Каином своего родного брата Авеля.

Кассий не мог отвести взгляда от ее упругой груди, но все же, преодолев желание, поднял глаза и рассеянно спросил:

– Как это случилось?

– О Кассий, дело было так...

Ее рассказ звучал таинственно. Пастух АVELЬ пас овец, а Каин был земледельцем. Однажды они принесли богам жертвы: АVELЬ лучшие части ягнят, Каин плоды земли. Боги обратили внимание на дары Авеля: с неба упал огонь, а дары Каина боги не приняли. Огорчился Каин и убил Авеля. И было Каину пророчество богов: «Ты проклят! Когда будешь возделывать землю, не станет она давать тебе свои силы. Будешь изгнанником и скитальцем»...

Квестор отозвался:

– Я не верю в пророчества. Сегодня умрут все, кто встал на пути римлян к мировому господству.

– Милый, не спеши, обдумай решение. Судьба обычно исполняет пророчество богов...

– Рипсимэ, чем же закончилась твоя история?

– Древние истории никогда не досказывают до конца. Спустится на землю вечер, загорится огонь в свечах, раздастся звон золота, и полетится рассказ девушки, который как крепкий напиток разбудит воображение...

Обожающими глазами смотрел Кассий на очаровательную Рипсимэ. Но долг зовет. Поцеловав в губы прелестницу, он развернулся и шумно вышел.

Помпей уселся на трон Селевкидов, выполненный из слоновой кости. Династию Селевкидов основал один из полководцев Александра Македонского – Селевк, и все цари династии отличались необычайной предприимчивостью и склонностью к удовольствиям. Сегодня Помпею предстояло решить судьбу Сирии: что делать с царством. Рядом с Помпеем разместились помощники и легаты.

Кассий, ответственный за казну похода, радостно воскликнул:

– Проконсул, поступления в казну Рима благодаря твоим завоеваниям увеличились более чем вдвое! Союз с Арменией позволил контролировать Кавказ, Парфию, Сирию, Месопотамию и много мелких царств.

– Да, Кассий, – Помпей благодушно поглядывал на подчиненных, – Армения имеет стратегическое значение на Востоке, но, предсказываю, она всегда будет яблоком раздора сильных держав.

Сделав выразительное лицо, проконсул подумал: «Тигран

поступил мудро, заключив с нами союз. Он понял, что Риму суждено покорять надменных, являя милость покорным». Еще он вспомнил известную римскую поговорку: «Судьба ведет того, кто ей повинуется, или тащит силой того, кто ей противится».

В зал ввели старейшину знатных родов Сирии влиятельного царедворца Хадиана и еще шесть сирийских аристократов. Хадиан, седой, с длинной бородой, в хитоне и плаще-хламиде, украшенном орнаментом, опираясь на посох, приблизился к трону, поклонился и сказал:

– Проконсул Помпей, о твоём таланте организатора ходят легенды.

Помпей, с любопытством посмотрев на него, отрезал:

– Где Помпей, там господство закона.

Старец покосился на Афрания, Скавра, Метелла и Лоллия (запасной легат). Эти полководцы уже навели в Сирии «порядок и законность»: Афраний усмирил гористую Сирию, Метелл и Лоллий – равнинную, а Скавр ввел римские порядки в Дамаске. Везде, где они прошли, аристократия потеряла независимость, началась выкачка средств в пользу Рима, а поборы, реквизиции и непомерные налоги стали нормой жизни.

– Я буду поддерживать и поощрять торговлю, – объявил Помпей.

Ему уже разъяснили, что каждый караван, следующий через Сирию, принесет казне солидные доходы.

Хадиан вновь поклонился:

– Проконсул, торговля – это хорошо. Пшеница, масло, вино, пряности... Вот армянский царь Тигран защищал купцов от многочисленных разбойников, а твои полководцы не желают этим заниматься.

– Я Помпей, я победил пиратов, я организую рациональное управление на всех территориях, подконтрольных Риму!

– О, шансы на выживание Сирии повышаются! Господство воли всегда лучше, чем господство глупости...

Главкомандующий, не слыша сарказма в словах старика, распался:

– Сирия будет платить одну десятую долю доходов. Это справедливо. Молиться вы будете своим богам, но храм Хадада я перестрою в храм Юпитера Дамасского. Надо, Хадиан, приобщать вас к истинным ценностям.

Помпей в своих мыслях уже вышел через Сирию и Аравию к Красному морю и Индийскому океану. Историки напишут: «Он завоевал весь обитаемый мир! Его нога определила границы Римской державы – Европа, Африка, Азия, Атлантической океан, Индийский океан, Каспийское море, Кавказские горы». Дух захватило: «Мои походы затмят достижения Александра Македонского! Средиземное море будет называться Внутренним морем».

Воинственный Фавст воскликнул:

– Это законно! По праву военной победы!

Кассий сообщил:

– Арташатский договор дает нам право на территории, контролируемые ранее Тиграном II.

– Но Тигран наш царь! – возразил старик Хадиан.

– Тигран наш друг! – отрубил Целер.

Главная обязанность «друга» Рима состояла в том, чтобы не действовать во вред республике и ее союзникам.

– Тигран наш союзник! – резанул Габиний.

Союзники были обязаны строго согласовывать свою внешнюю политику с Римом, а в случае необходимости предоставлять ему войско.

– Кто не друг и не союзник, тот враг! – объявил Скавр.

– Предателей мы не потерпим! – изрек Афраний.

Помпей, одобрительно взглянув на соратников, спросил:

– Так чего вы хотите, Хадиан?

– Мы хотим сохранить царство Сирия, а царем Тиграна Армянского, – просто и прямо ответил старец.

Стало ясно, что Армения остается слишком влиятельной страной. Главнокомандующий смотрел на старика как удав на кролика. Наконец он сказал:

– Я сам решу, кто будет царем! – и кивнул секретарю.

Двери зала открылись, под охраной легионеров вошли два претендента на сирийский престол: Антиох XIII и Филипп II, двадцатилетние двоюродные братья, оба из рода Селевкидов, непримиримые соперники, готовые на все ради трона. Братоубийственная междоусобица – не новость для Сирии. Недавно братьев захватили в плен арабские царьки, мечтаю-

щие разделить Сирию и посадить на трон покорного царя, и ради этого дали римлянам взятки.

– Кто из вас прислан Сапсикерамом I, князем Эмесы? – задал вопрос Помпей.

Один из братьев, в синем хитоне и пурпурном плаще, с короткими завитыми золотистыми волосами, подстриженными лесенкой, поправил на голове веночек из золотых дубовых листьев и, напустив на себя важность, произнес:

– Меня! Я Антиох XIII. Император, подтверди мое царское достоинство!

– Тебя разбил Тигран Армянский, я разбил Тиграна. По логике вещей править Сирией должен я.

– За мной стоят поколения Селевкидов, а по римским законам...

Помпей, не став слушать, повернул голову к полному юноше, прозванного в народе Барипусом (Толстоногий), и спросил:

– А ты, значит, Филипп?

Упитанный пышнокудрый шатен с белой повязкой на голове, одетый в длинный белый хитон с короткими рукавами и нарядный гиматий из сирийского шелка с замысловатым узором, перекинул ткань плаща через руку:

– Император, ты поступишь несправедливо, отдав трон брату. Он уже правил в Сирии и разорил ее, а еще втайне мечтает завладеть египетским престолом: в его жилах течет кровь Птолемеев.

– Да-а-а, – на лице Помпея отразилась досада.

Он подумал: «Агония Селевкидов налицо, и это угрожает римскому влиянию в Азии. Мы приобрели Сирию, не отдавать же ее мальчишке! Лукулл советовал назначить Антиоха, но есть угроза захвата ослабленной территории Парфией».

Антиох, беспокойно поглядывая на Филиппа, категорично заявил:

– Мой брат Филипп обещал арабам караванные пути.

– А ты, братец, – толстяк говорил резко и торопливо, – с помощью магии умерщвляешь своих недругов...

Габиний не выдержал:

– Проконсул, предлагаю казнить обоих!

Сирийские братья дрогнули. Вмешался Кассий. Он вспомнил легенду, сегодня утром рассказанную ему Рипсимэ, о Каине и Авеле: один брат убил другого. С кривой ухмылкой, со злобой в глазах квестор предложил:

– Проконсул, сама судьба решит, кто станет царем Сирии. Устроим гладиаторский бой. Пусть победит сильнейший!

На забаву публики на специальных аренах сражались бойцы. Погибал слабый, а сильного оставляли в живых. Но суровые тренировки делали гладиаторов образцовыми воинами, а двое изнеженных братьев вряд ли могли справиться с предстоящей нагрузкой. Гладиаторские игры – любимейшее зрелище римлян, обожавших, как и греки, состязания: нет ничего почетнее, чем стать победителем. «Хлеба и зрелищ!» – требовал народ Рима, и патриции устраивали бои.

Помпей с любопытством взглянул на Кассия, затем оценивающе на претендентов, прищурился и, загоревшись идеей, изрек:

– Да, конечно, пусть победит сильнейший!

Братьев вытолкали из зала и повели готовиться к представлению. Через четверть часа все присутствующие вышли на балкон. Расположившись в креслах, лакомясь инжиром и сладостями, ждали – римляне с нетерпением, сирийцы с содроганием. На площадь перед дворцом вывели бывших царей, вновь претендующих на трон уникальной страны: Сирия лежит на стыке трех материков – Африки, Европы, Азии – и является лакомым куском для любого завоевателя. За двадцать лет правления Тиграна произошло маленькое чудо: раскрылся талант сирийского народа, страна расцвела, обогнав в развитии соседей, но... пришли римляне.

Протяжный горн известил: сейчас начнется бой. Схватка для развлечения собравшейся в импровизированном амфитеатре публики началась. Солдаты вытолкнули в центр площадки, утопающей в лучах изнурительного ближневосточного солнца, обоих «гладиаторов». Антиоха облачили в короткую и мягкую тунику с поясом и поножу на правой ноге, дали меч гладиус и большой прямоугольный щит римского легионера. Таким образом он стал мурмиллоном (морское чудовище). Филипп же, обряженный в мягкую тунику и кирасу, был вооружен трезубцем, кинжалом и сетью, как ретиарий (рыбак). Задача ретиария – метнуть сеть так, чтобы

опутать противника с головы до ног, а затем уже прикончить трезубцем или кинжалом. Без меча приходилось полагаться только на собственную ловкость.

Римляне на балконе, ожидая острого и кровавого спектакля, гудели и кричали; сирийцы-аристократы выглядели испуганными и переглядывались между собой. Антиох пошел в атаку. Мечом он владел виртуозно, но его брат, пятясь назад и выставив вперед длинный трезубец, ловко уклонялся, не давая приблизиться к себе. Под аплодисменты и одобрительные крики римлян красавчик Антиох стал наносить широкие удары, стараясь задеть грудь или голову противника, но Филипп удачно ставил блок трезубцем, а затем как заправский ретиарий броском сети, привязанной к правой руке, попытался захватить соперника, но промахнулся. Хотя попытка и оказалась неудачной, раздался одобрительный рев публики, жаждущей зрелищ.

Антиох, войдя во вкус, с азартом в глазах стал толкать соперника щитом. Филипп с размаху ударил по нему трезубцем. Щит из рук брата он выбил, но, не удержавшись на ногах, упал, подняв тучу пыли. Римская публика стала скандировать: «Выдержка, терпение, презрение, победа!», а потом заулюлюкала, глумясь над Филиппом. В глазах толстяка читались обреченность и безвыходность. Он встал на четвереньки и пополз прочь. Антиох, догнав брата, начал колотить его мечом – плоской стороной клинка – по спине. Изнемогая под ударами соперника, жалкий и слабый Филипп

перевернулся на спину, выставив вперед трезубец.

– Вставай! – закричал Антиох, – бейся!

Потный, весь в пыли, опираясь на трезубец, Филипп с трудом поднялся, но неожиданно попытался убежать. Легионер тут же ему «помог»: развернул обратно и сильно подтолкнул ногой в зад. Горе-гладиатор вылетел на арену. Публика потешалась, хохотала, хлопала в ладоши, требуя, чтобы смертельный поединок продолжался. Антиох ловко ударил по трезубцу, сломав, его, и двинулся на соперника – нанести решающий удар. Филипп, уронив остатки оружия, в отчаянии запустил сеть и – о, чудо! – опутал голову противника, лихорадочно потащив его к себе. Ловкий Антиох в последний момент выскользнул из сети и так врезался головой в живот Филиппа, что тот грохнулся на землю и больше не сопротивлялся.

Антиох в предвкушении развязки наступил правой ногой на горло побежденного и, подняв меч, повернул голову к императору в ожидании вердикта и приготовился пронзить сердце брата, застывшего в предсмертном ужасе. Помпей посмотрел на соратников.

На их свирепых лицах он увидел жажду крови. Выкинув правую руку вперед с зажатым кулаком, он оттопырил большой палец в сторону и повернул его вверх – жест, дарующий гладиатору жизнь.

В поту и крови, но живой, Филипп появился в зале, хро-

мая за Антиохом. Сирийские аристократы внимали Помпею, жадно следя за каждым словом, а легаты и трибуны искоса поглядывали на незадачливых царей. Помпей хмурил брови. Он стал говорить тоном, не терпящим возражений:

– Формально Сирия – часть державы Тиграна, но теперь перешла Риму, тем более что достойного царя я не вижу. Решение такое: Антиох получает в управление Антиохию, а Филипп гористую Киликию. Остальную часть Сирии объявляю провинцией Рима и достоянием римского народа!

Антиохия стояла на левом берегу реки Оронт. Являлась перекрестком караванных путей, город-государство контролировал торговлю между Востоком и Западом. Горная Киликия все еще оставалась приютом морских разбойников. Цицерон, одно время управлявший Киликией, держал в покорности ее равнинную часть, а про горную сказал: «Эти горцы беспокойны и неукротимы. Слишком свободолюбивы!»

Помпей, довольный своим решением, встал, давая понять, что аудиенция закончилась. Когда гостей вывели, он обратился к Габинию:

– Габиний, отдать Сирию этим неопытным юнцам было бы непростительной глупостью. Назначаю тебя наместником Сирии. Казнишь обоих, как только завещают свои царства Риму.

– Проконсул, – встрял зловредный Кассий, – есть идея: мы могли бы, устранив Птолемея XII, женить Филиппа на египетской царице и тем самым законно прибрать к рукам

Египет.

– Идея заслуживает внимания...

Сказав это, Помпей, с видом стратега, одержавшего большую победу, задрал нос и вышел из зала.

Глава 29. Время открывает скрытое

Две монеты в одном кошельке издают больше шума, чем сто монет. Эта древняя еврейская поговорка не пришла на ум двум братьям из Иудеи. Зато шум долетел до Помпея.

Деметрий, вольноотпущенник и слуга главнокомандующего, во второй половине дня подавал в триклинии (столовая с тремя застольными ложами) обед, который, как принято у римлян, обязательно предполагал приглашение гостей. Сегодня с начальником обедал легат Скавр, опытный, молодой и корыстный. Сотрапезники, обложившись подушками, возлежали на ложах (называемых клиниями) вокруг небольшого стола, и ели ветчину, сырный пирог, орехи и персики, запивая красным вином. Деметрий резал мясо и подливал черпаком из широкой хрустальной чаши вино в стеклянные бокалы.

– Гней, – говорил Скавр, – недалеко от Сирии есть небольшое царство Иудея. Там идет гражданская война. За престол борются два брата.

– Опять братья, – буркнул Помпей, поедая ветчину. – И что?

– Умерла царица иудеев Саломея Александра, а ее сыновья не могут поделить власть.

Помпей, прожевывая кусок, пробормотал:

– Захватывать небогатую Иудею я не собираюсь. Добычи не будет, а хлопот много.

Скавр, опустив глаза, взял ломоть пирога, откусил и стал сосредоточенно жевать. Он обещал помощь одному из братьев – Аристобулу. Другой брат, Гиркан, наняв войско царя набатеев Ареты, осадил Иерусалим. Аристобул заперся в городе, оборонялся, а когда сил не осталось, послал верного человека за помощью к римлянам. Взятка иудеев попала к Скавру.

Легат, падкий до золота и произведений искусства, решил не отступать:

– Арета – главный враг на пути к господству в Палестине. Проконсул, он досаждаёт тебе, блокируя караванные пути из Аравии. Возомнил себя ключевой фигурой в торговле пряностями и благовониями; в Риме они на вес золота. Сейчас пытается захватить Иерусалим. Я хотел бы припугнуть Арету. Он не решится спорить с римским командиром.

Помпей молчал, идея ему не нравилась. Вдруг в разговор хозяина и легата вмешался слуга, вольноотпущенник Деметрий:

– Проконсул, если разрешишь, я скажу.

– Говори, Деметрий.

– Проконсул, Иудея – необычная страна. Нить всех событий на Востоке обязательно проходит через Иудею. Там даже случаются чудеса. Ее столица Иерусалим имеет способность

выживать при любых обстоятельствах. – Деметрий остановился, но увидев, что хозяин заинтересовался, продолжил с придыханием: – Народ этой страны поклоняется единственному божеству. Говорят, в иерусалимском храме, набитом сокровищами, есть особая комната, где обитает само божество с золотой ослиной головой...

Помпей прекратил жевать и внимательно слушал Деметрия, а когда тот завершил рассказ, посмотрел на Скавра и сказал:

– Деметрий знает что говорит. Он из здешних мест. Потомок Антигона (полководец Александра Македонского). Стал рабом, но я выкупил его и сделал богатым. Как никто предан мне.

– Проконсул, нам нужно увидеть этот храм! – у Скавра загорелись глаза.

В мыслях Помпея пронеслось: «Когда-то Александр Великий владел Иудеей. Я тоже Великий...»

– Что ж, – сказал он, – не упускать же случай установить контроль над страной. Скавр, проводи разведку!

Гиркан за деньги нанял царя набатеев Арету III, сорокалетнего смелого араба, готового оказывать военные услуги всем кто платит. Набатей – народ удивительный. Живя в пустыне, построили белоснежные города с водопроводами, а в Петре, столице, собирали пошлину со всех караванов, везущих в Европу пряности, благовония и экзотические товары

из Индии и Китая, а еще продавали воду.

Легион Скавра встал лагерем рядом с Иерусалимом. Арета со своим войском осаду города снял и расположился неподалеку.

В лагерь Скавра пришла первая делегация во главе с воинственным Аристокбулом, сорокалетним сыном царицы Саломеи Александры, младшим из двоих братьев. Не имея прав на престол, он поставил перед собой цель узурпировать власть. Делегацию иудеев провели в палатку полководца. Они вошли с поклоном, все в богатых одеждах – длинных расшитых рубашках и кафтанах с кистями, но некоторые в ефодах (облачение священника из дорогой материи с золотой нитью). У всех роскошные пояса, шапки и бороды (их умащивали дорогими маслами и благовониями).

Скавр, напустив на себя важность, приготовился слушать. Аристокбул, как только перед римлянином поставили два сундучка и шкатулку и открыли их, стал приводить аргументы:

– Легат Скавр, здесь четыреста талантов, а в сосудах – благовония. В шкатулке – подарок императору Помпею: изготовленная из золота и драгоценных камней виноградная лоза стоимостью пятьсот талантов. Прошу о заступничестве.

У Скавра загорелись глаза:

– О Аристокбул, мое мнение все больше и больше склоняется в твою пользу...

Иудейский царевич самоуверенно поспешил сообщить:

– Я готов, если займу престол, выплатить Риму вознаграждение в десять тысяч талантов.

Скавр подумал: «Вот момент, когда Иудея становится частью системы римского господства!» Он сказал:

– Я человек беспристрастный, но оцениваю твои шансы стать царем Иудеи как весьма высокие.

Делегация удалилась, а через некоторое время пришла другая. Пятидесятилетний царевич Гиркан, тоже с бородой (главный признак мужской красоты и достоинства), решительно произнес:

– Легат Скавр, в знак благодарности за помощь прими четыреста талантов и сосуды с пряностями. Я законный наследник престола, а мой брат силой захватил власть. Прошу о заступничестве.

Скавр, как истинный римлянин, быстро сообразил, что острый конфликт между братьями сулит неплохие возможности и Риму, и ему лично. С жадностью посматривая на ларец с деньгами, он заметил:

– О, я выслушал противоположные мнения и уже склоняюсь, чтобы выбрать наилучшее! – Подняв высоко бровь, он как бы невзначай спросил: – Гиркан, а как же набатеи?

– Они уйдут, если ты выберешь меня, – жестко, с угрозой в голосе сказал иудей.

Скавру это не понравилось: «Мало того, что Аристокл больше платит, так этот недруг еще пытается меня шантажировать». Вслух же витиевато сказал:

– Разумеется, вопрос будет рассмотрен, но не мной – лично Помпеем Великим. Даже если мне что-то нравится или не нравится, доводы начальника всегда более весомы.

– Надеюсь, твое мнение имеет достаточный вес. Ухожу в непоколебимой уверенности, что править буду я! – Гиркан с делегацией ушел.

«К непоколебимой уверенности склоняются обычно глупцы», – подумал Скавр.

В палатку вбежал трибун:

– Легат, набатеи разворачиваются в боевой порядок! Хотят биться!!

– Сигнал тревоги! К бою!!

Большая армия набатеев построила боевой порядок пехоты в виде фаланги и ждала римлян. Скавр, наблюдая, как его когорты строятся в шахматном порядке, с кривой ухмылкой на лице смотрел на приготовления кочевников: «Вооружены устаревшим оружием, всадников не видно, а наша когортная тактика, способная противостоять массивному фронтальному натиску, им неизвестна... Как и введенное новшество – стимулы, поощряющие заслуги и героизм: офицерам – венки и флажки, солдатам – ожерелья и браслеты».

Быть неосторожным губительно на войне. В условиях холмов и лесов, окружавших Иерусалим, следовало подумать о построении легиона более прагматично. Но... слава жаждет опасности. Внезапно устрашающие крики донеслись со всех сторон. Скавр заметался. Из зарослей лесов выскочи-

ла легкая конница арабов на верблюдах и лошадях, обстреляв римлян с флангов и тыла. Плотность огня была настолько велика, что легионеры, сломав строй, укрылись щитами и даже не пытались отвечать. Улыбка сошла с лица легата. Он был ошеломлен: кавалерия противника сейчас опрокинет фланги, солдаты побегут, снесут центр и его самого! Конницу Скавра, прикрывающую легион, окружили обитатели бесплодных песков пустыни и стали ее теснить своими резвыми лошадьми, приученными вместо воды пить молоко верблюдиц, и верблюдами, от запаха которых шарахались лошади римлян. Орел в опасности!

Вдруг послышался бой табла – барабана с натянутой рыбьей кожей, раздался затяжной клич по-арамейски, и конница набатеев, развернувшись, ускакала в заросли лесов. Все стихло. Пехота противоборствующих сторон так и осталась на месте. Ряды набатеев разом расступились, и выехал арабский всадник на белой лошади, размахивая знаменем в левой руке и оливковой ветвью в правой. На черном полотнище знамени были вышиты золотом и драгоценными камнями восьмилучевая звезда, восходящий полумесяц и стрела; сам всадник одет в долгополую белую рубаху, кожаные сандалии, короткий пурпурный шерстяной плащ и головной платок, придерживаемый шнуром на темени.

Скавр понял: Арета хочет говорить с ним. Легат никогда не был трусом, в бою проявлял инициативу, за что его ценил Помпей, поэтому, недолго думая, ударил лошадь по бокам и

поскакал навстречу царю набатеев. Арета ждал и, как только римлянин приблизился, крикнул по-гречески:

– Легат, зачем тебе головная боль? Умный грек однажды сказал: «В войне большей частью побеждают рассудительность и обилие денег».

Раздраженный Скавр выпалил:

– Рим не потерпит ничьих оскорблений. Сдавайся!

– У доброго человека быстро умирает гнев. Так говорят в Риме, – беззлобно поддел Арета.

– Куда ты клонишь? – римский полководец свысока смотрел на царя.

– Послушай, я не хочу с тобой воевать. Дружить и торговать лучше. Шелк и пряности нас помирят. Вот мое предложение: буду платить Риму три сотых с дохода. Установление отношений с нами станет твой заслугой, легат.

Скавр знал, что товар из Китая и Индии напрямую доставляется морским путем в Персидский залив, оттуда караванами по Аравии и Сирии в Рим, и набатеи забирали в виде пошлины четверть всех товаров.

– Риму все покоренные народы платят одну десятую доходов, – высокомерно отозвался Скавр.

– Легат, мы слишком ценим свободу, покорить Аравию не получится.

– Посмотрим... – римлянин развернул лошадь и поскакал в расположение своих войск.

Арета, проводив его неодобрительным взглядом, повер-

нул к своим, и вскоре армия набатеев растворилась в песках пустыни.

В Дамаске легат Скавр докладывал:

– Проконсул, я приказал Арете убраться, пригрозив объявить врагом римского народа. Он очистил Иудею. Его предложение было возмутительно: платить Риму три сотых от доходов с пошлин. Я отказался!

– Я всегда в тебя верил, Скавр! – Помпей, развалившись на диване, был доволен экспедицией легата. – Говоришь, арабы чересчур богаты? Покорим Иудею, займемся Nabateей. – Взглянув восхищенными глазами на золотую виноградную лозу, сказал: – Ты предлагаешь из двух братьев выбрать Аристобула? Я готов, если он сдаст Иерусалим и заплатит десять тысяч талантов, а пока поставлю царем Гиркана. Деметрий считает, что из него получится преданный вассал.

В Пантикапее, на акрополе, в храме богини плодородия и земледелия Деметры, одной из двенадцати богов Олимпа, Митридат молился, приобщаясь к сакральности. Раскрашенная бронзовая статуя богини с волосами цвета пшеницы стояла на пьедестале в окружении изваяний Персефоны и Диониса. В левой руке торжественно-величавой богини лежали колосья, а правой она держала факел, но была холодна и беспристрастна.

За спиной царя молились его сын Фарнак и телохранитель Диафант. Один из жрецов бросил в жертвенник для воскуре-

ний ладан, чтобы молитва, как дымок фимиама, направилась к богине, другой поднес к устам правителя чашу с напитком кикеон из вина, мяты, ячменя и спорыньи. Отпив из чаши, царь прикрыл глаза. Голова немного затуманилась, пробуждая иное состояние сознания, но сосредоточиться не получалось, непереносимые мысли будоражили разум: «Жизнь опостылела. Я, прозванный Дионисом, – последний, кто еще способен освободить греков, воскресить Элладу, дать людям обновление». С сожалением он констатировал, что надежды рушатся: из-за морской блокады римлян пришло в упадок царство Боспор, ремесла и сельское хозяйство вырождаются, греческое население полуострова ожесточилось, а солдаты его армии не хотят похода в Италию. Не помогла даже священная жертва – казнь Ксифара, сына Стратоники. Что делать?

Вдруг таинственный голос, вселивший в него мистический ужас, произнес:

– Деметра отвергла тебя, надежда на вечную жизнь угасла, время твое закончилось.

Сознание царя резко перешло от сумрака к свету, он обернулся и уставился на Фарнака.

– Это сказал ты?!

– Да, отец. Солдаты подняли мятеж, они хотят, чтобы царем был я.

Митридат схватил сына за грудки:

– Ты предал меня!

Фарнак надменно смотрел на отца, потом, усмехнувшись, изрек:

– Правда рождает ненависть. Знай же, Херсонес, Феодосия и другие города Таврики больше не подчиняются тебе. Скифов, которых ты призвал усмирить полисы, люди изгнали. Войско восстало, храм окружен. Отдай власть, или живым ты отсюда не выйдешь!

– Я беспощаден не только к своим противникам, но также к близким и друзьям. Ты и все мятежники умрете!

Необузданная ярость охватила Митридата. Его жестокость, о которой ходили легенды, не знала границ, заговорщики ему мерещились каждую минуту, но поверить, что Фарнак, единственный, кому царь еще доверял и готовился передать власть, предал, было выше его сил.

– Диафант! – Оттолкнув сына, задыхаясь в бессильном гневе, царь

вскричал: – Казнить его!

Клеврет вытащил из ножен меч и нерешительно приставил к горлу Фарнака.

В святилище поспешно вошел стратег и советник Каллистрат:

– Государь, храм окружен взбунтовавшимися солдатами! Митридат посмотрел на него остекленевшими глазами.

В храм влетел молодой командир галльских наемников, телохранитель царя, Битоит:

– Государь, восстала Фанагория!

– Как Фанагория? Там жена и дети!

Жена Гипсикратия и дети военным кораблем отправились на ежегодное празднование таинств богини плодородия Деметры в Фанагорию, куда стекались люди со всей Таврики.

С грохотом открылись двери храма, и стратег Менофан с порога закричал:

– Восстал Пантикапей!!

Внезапно пол под ногами в святилище заколебался, донеслись ужасающий грохот и нарастающий гул, с потолка посыпалась черепица. Люди, пытаясь удержаться на ногах, чтобы не упасть, расставили в стороны руки, Митридат схватился за каменное изваяние богини. Разрушительное землетрясение поедало свои жертвы на полуострове Крым. Суша содрогалась, а на море возникли серные вспышки огня. Фарнак, оставаясь невозмутимым, изрек:

– Боги отвернулись от тебя, отец, и шлют великую кару!

Сотрясения суши, хоть и меньшей силы, продолжались. Доносился отдаленный рокот.

– Знак свыше, государь! – Менофан с опаской посмотрел на потолок, а затем на Диафанта, и удивился: зачем стоять с мечом, направленным на Фарнака? Умный стратег все понял: – Государь, это уже не поможет. Все кончено. Отпусти сына с миром и позаботься о единении с богами. Твоя миссия на земле исполнена.

Диафант, не дожидаясь приказа хозяина, опустил меч.

Все взоры устремились на Митридата.

– Боги на стороне Рима... – Царь, сказав это, как-то сразу осунулся, глубокие морщины прорезались на лбу, и в полной печали поверженный тиран прошептал: – Когда наступает предел жизни, умереть со славой – единственное что остается.

Фарнак молча вышел из храма. Толпа солдат восторженно приветствовала его: «Наш царь!» и еще долго скандировала: «Фарнак! Фарнак!...»

Землетрясение у берегов полуострова произошло, когда празднование в городе Фанагория, посвященное богине земледелия Деметре, достигло кульминации. В церемонии внутри святилища участвовали жрецы, приближенные царя Митридата, его жена и дети. Снаружи толпа горожан, приобщаясь к таинствам культа богини, ждала раздачи пищи богов амброзии – жрецы наливали в пузырьки оливковое масло.

Мощный толчок в недрах земли поверг людей в панику. Испуганные дети Митридата прижались к Гипсикратии. Казалось, храм сейчас рухнет.

– Держитесь меня! – прокричала жена царя. – Мы должны уйти отсюда!

Она, а также Клеопатра Понтийская, Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр и Эвпатра поспешно выбежали во дворик.

– Нужно срочно попасть на корабль и отплыть в Пантикапей! – выкрикнула Клеопатра Понтийская, оглядывая разрушения вокруг.

– Море горит! Ничего не получится! Мы переждем здесь, на акрополе Фанагории. – Гипсикратия, схватив за руку маленькую Эвпатру, увлекла ее и остальных детей за собой на вершину горы.

Подземные толчки продолжались. Неотвратимая угроза нависла над городом, стихия рушила дома, куски скал с шумом падали в море. Клеопатра Понтийская в отчаянии побежала в порт одна. Военный корабль уже был готов выйти в море, так как оставаться в гавани стало небезопасно: земля трескалась, катились камни, возникли пожары, толпа у пристани в ужасе штурмовала суда и лодки. В последний момент вбежав на борт корабля, Клеопатра Понтийская бросила взгляд на акрополь и увидела множество обезумевших людей, ринувшихся в полной уверенности, что боги карают город за грехи царя, к вершине горы, чтобы разделаться с его семьей раз уж сам Митридат недоступен. Корабль отчалил.

Разразившись бранью в адрес правителя, разъяренные солдаты и горожане Фанагории хлынули через крепостные ворота акрополя на храмовую площадь.

– Все за мной! – вскричала Гипсикратия, устремившись с детьми к башне с оружием.

Вход преградил злобный солдат, набросившийся с копьем на женщину. Она, сверкнув глазами, ловко увернулась, перехватила древко рукой, отвела удар, а другой рукой, выхватив из ножен кинжал (с ним дочь скифского вождя не расставалась никогда), вонзила его в живот воина. Повержен-

ный солдат свалился на землю.

– Всем внутрь, забаррикадируйте дверь! – крикнула она.

Дети повиновались, бросились в укрытие. Гипсикратия, заметив на стене висевшие на крюке лук и сумку со стрелами, вооружилась и приготовилась к стрельбе. Разъяренная толпа приближалась. Первая стрела пронзила самого оголтелого из нападавших. Он рухнул. Воинственная женщина поражала стрелами каждого, кто приближался к укрытию. Но вот один из бывалых солдат метнул копье. Остановить его полет Гипсикратия уже не смогла... Копье вошло в шею с правой стороны, она, подобно раненой амазонке (как статуя Поликлета), подняла руку и, истекая кровью, медленно опустилась на каменные ступени. Толпа гудела, требовала открыть дверь, а потом, когда кто-то крикнул: «Сжечь!», люди принесли дрова и ветки, обложили ими строение и подожгли. Дверь открылась, задыхаясь и кашляя, дети Митридата выбежали на площадь. Толпа растерзала их.

Митридат, получив известие о гибели жены и детей, пришел в полное оцепенение. Укрывшись красным плащом самого Александра Македонского (в коллекции царя находилось много вещей великих людей), он, сидя на троне, погрузился в безрадостные мысли. На помертвевшем лице не было и намека на образ всеильного правителя – прежнего властолюбца, деспота, гордеца, обладателя безудержного нрава, но можно было прочесть единственное желание: уйти из жизни. Придворные, собравшись в тронном зале пантикапейского

дворца, тягостно молчали. Наконец царь заговорил:

– Я всю жизнь стремился вернуть потерянное прошлое, считал себя наследником Александра Великого, был одержим идеей осчастливить греков... Но не преуспел, так же как не приобрел ни настоящих друзей, ни верных союзников. Все погибло! Жить незачем...

Он встал, подошел к мраморному столику со шкатулкой, отделанной золотом и драгоценными камнями, и, открыв ее, взял хрустальный закупоренный флакончик с черной маслянистой жидкостью – яд аконит. Раскупорив сосуд, не задумываясь, выпил содержимое и неторопливо вернулся на место. Подняв горделиво голову, стал ждать. Диафант и Менофан встали на колени, галл Битоит остался стоять, невозмутимо наблюдая за самоказню.

Яд в огромной дозе не подействовал. Митридат внутренне усмехнулся. С юного возраста, боясь отравлений, он приучал себя к ядам и стал к ним невосприимчив. Он поднялся, подошел к Битоиту:

– Бесплезно, мой организм из-за нелепых предохранительных мер не реагирует на яды. Битоит, приказываю: избавь меня от мучений, пронзи мечом! – И закрыл глаза.

Командир галльских наемников, один из телохранителей царя, воинственный и отчаянный, но бесчувственный и равнодушный, обнажив меч, отвел его назад и без колебаний вонзил в Митридата. Лезвие меча, блеснув в лучах заходящего солнца, поразило царя в самое сердце. Тело обмякло

и в конвульсиях сползло на ковер. Прикончив царя, Битоит вытащил меч из трупа и протер лезвие о рукав своей рубахи, торчащий из-под кольчуги. С презрением посмотрев на мертвеца, сказал:

– Тиран повержен, мир ликует! – и, не обращая внимания на ошеломленных Диафанта и Менофана, не спеша вышел из зала.

Преодолев перевалы и горные долины, огромная римская армия пришла под стены Иерусалима. Крепостная стена, высокая, со сторожевыми башнями, огибала город, стоящий на крутых холмах, и должна была предотвратить вторжение любого врага. Храм был сам себе крепостью и просматривался на высоком холме, с которого срыли природную вершину. Ворота закрыты наглухо, и город, снабжаемый водой по подземному водопроводу, надеялся выдержать продолжительную осаду.

Аристокбулу, явившемуся к Помпею, был устроен внешне радушный прием.

– Аристокбул II, царь Иудеи, рад тебя видеть! – Помпей расплылся в улыбке. – Мой друг Цезарь всегда повторяет: «Великие начинания даже не надо обдумывать». Действуй своевременно и игнорируй ничтожное, и ты поступишь мудро!

Умные глаза властителя маленькой страны Иудеи выдавали растерянность:

– Мои мысли тревожны, но мои чувства будоражат кровь. Главнокомандующий сверкнул глазами:

– Рим ценит почтение и преданность. Выпьем за успех!

Деметрий, подозрительно поглядывая на Аристобула, подал кубки с вином и хищно улыбнулся. Аристобул насторожился.

Помпей гремел:

– Ты будешь великим царем!! Я пью за тебя!! – а потом спокойным тоном объяснил: – Прикажи открыть ворота, мы войдем в город, ты уплатишь десять тысяч талантов, и правь своим народом дальше.

Аристобул вдруг ясно осознал, что совершил роковую ошибку, связавшись с римлянами, и это грозит потерей не только личной власти, но и независимости страны. Подняв кубок, он неуверенно сказал:

– Царь велик, если судьба страны в руках народа. Обещаю все исполнить, если ты уведешь армию.

Поздно. Наивное тщеславие приводит к катастрофе. Горделиво поднятая голова Помпея говорила о высокомерии, а в глазах читался открытый вызов, выдавая приступ необузданного гнева.

– Обещаниями сыт не будешь, Аристобул! – полководец был холоден и хмур, что окончательно отрезвило царя.

Легион Габиния подошел к южным воротам Иерусалима. Защитники со стены видели своего предводителя Аристобу-

ла среди римлян, спешно занимающих боевой порядок. Солдаты, сопроводившие к воротам царя, оставались за его спиной.

Один из защитников на стене поднял правую руку и жёсткими пальцами спросил Аристобула: «Что происходит? Открывать ворота?» Аристобул собрал щепотью три пальца правой руки и незаметно направил вверх. Жест означал: «Не спеши!» Затем показал ладонь: «Стой!»

Терпение римлян кончилось. Царя привели к Габинию.
– В чем дело, Аристобул? Почему не открывают ворота?
Посмотрев пристально в глаза наместнику, царь с вызовом сказал:

– Иногда злая воля может возобладать над человеком, но благословенный бог помогает справиться с испытанием.

Наместник Сирии Габиний наморщил лоб, на его лице отразились крайняя презрительность и недоброжелательность.

– Задержать! – сквозь зубы процедил он.

Царю заломили руки за спину и увели.

Помпей был взбешен:

– Дело принимает такой оборот, что придется штурмовать город! Мое великодушие принесено в жертву строптивости иудеев.

На другой день под стенами Иерусалима появилась вся армия римлян. Город был окружен войсками. Штурм готовили с западной стороны, наименее защищенной. «Железная машина» (регулярное войско) действовала безотказно: раз-

ворачивались метательные механизмы и тараны, готовились зажигательные снаряды, строилась «черепаша», чтобы под ее прикрытием пробить брешь в стене и взять город приступом, расчищали и выравнивали путь для осадных машин, возводили высокую деревянную башню на колесах (она должна господствовать над укреплениями города). Защитники с ужасом наблюдали за этими приготовлениями.

Внезапно ворота в западной стене открылись. Отчаяние твердит: более сильный все равно победит, так зачем же сопротивляться? Но надежда заставляет не падать духом и действовать во вред себе. Сторонники Гиркана открыли ворота.

– О, неожиданно! – со злой усмешкой проронил Помпей.

Римляне ворвались в город. Убивая всех, кто встречался на пути, они пробивались по узким улочкам к жилищу бога. На подступах к храму, в котором не прерывалось богослужение, завязалось сражение – приверженцы Аристобула бились яростно и фанатично, а когда римляне стали теснить, и потери резко возросли, укрылись на территории храма. Мощные ворота крепостной стены, окружавшей храмовые постройки, надежно закрылись.

– Это не храм, это крепость на горе! – возмущался Габиний.

Гиркан, сопровождавший свиту Помпея, печально сказал:

– Храм – самое укрепленное место в городе. Бог сделал его неприступным.

– Гиркан, – Помпей фальшиво улыбался, а в глазах скво-

зило презрение, – в Риме так говорят: «Рассудительный повелевает, глупый служит» Запомни, нет неприступных крепостей, есть осажденные крепости. Одними можно овладеть с помощью осла, груженного золотом, другими – терпением и упорством.

Общительный и веселый драматург Софокл когда-то сказал: «Время открывает все скрытое и скрывает все ясное». Почему враждовавшие, не слишком умные братья, Аристокл и Гиркан, обратились к римлянам? Почему гордость и тщеславие, подпитываемые страстями, убивают труд добрых начинаний? Храм падет, и иудеи потеряют независимость на две тысячи лет...

Помпей отдал приказ начать штурм крепости, и осаждающие начали насыпать вал с северной стороны. Вольноотпущенник Деметрий обратился к хозяину:

– Проконсул, если разрешишь, я скажу.

– Говори, Деметрий.

– Благочестивые иудеи по субботам не имеют права трудиться. Тора, их религиозный закон, предписывает воздерживаться от работы в этот день. Можно лишь отдыхать и поклоняться богу.

– О, в субботу будем возводить насыпь с особым усердием!

Пока иудеи в субботу молились и приносили жертвы, завоеватели без помех строили насыпь и готовили штурм. В остальные дни недели очаг сопротивления пылал: защит-

ники храма, показывая беспримерную храбрость, сбрасывали на головы противника зажигательные снаряды (горшки с горящим маслом) и поражали врага стрелами и камнями. Штурм затягивался.

– Я не отступлю!! – орал Помпей. – Трибун Фавст, назначаю тебя ответственным за строительство насыпи. Не справишься, разжалую!

Когда к очередной субботе насыпь была вполне готова, первым на территорию храмового комплекса ворвался Фавст. Римские солдаты, не встречая сопротивления, просочились на Храмовую гору, последовала массовая резня: служителей убивали прямо при совершении богослужений. Тишина наступила, как только большинство защитников было перебито. Ворота открылись, и Помпей в сопровождении легатов и трибунов в нетерпении поднялся на холм и проследовал в ограду внутреннего двора.

Перед римлянами предстал храм: прямоугольное здание из камня и ливанского кедра. У входа, обращенного на восток, установлены два столба из меди. Огромный бронзовый жертвенный алтарь (в нем день и ночь горел огонь) размещался во дворе. Жертвоприношения были призваны очищать от грехов, а также сопровождали любые события в жизни иудея. Рядом – гигантская бронзовая чаша, называемая «море литое», из нее брали воду для ритуальных омовений. Деметрий, следовавший в свите, шептал на ухо хозяину: – Проконсул, если разрешишь, я скажу.

– Говори, Деметрий.

– Иудеи хранят здесь сокровища. Обрати внимание на пристройки слева и справа.

И действительно в храме скопились богатства. Многие из дорогих вещей вернули персы после возвращения иудеев из вавилонского пленения, кое-что завещали люди, а жители города помещали здесь на сохранение свои сбережения, потому что доверяли храму: он священный и неприкосновенный. Еще служители здесь чеканили собственную монету.

В передний зал вела лестница. Группа военачальников решительно поднялась по ней, и через деревянные, обитые золотыми пластинами двери, вошла в притвор. Скромное внутреннее убранство удивило Помпея: светильники с елеем, стол подношений, жертвенник воскурений и никаких статуй или растений. Путь в следующее помещение ему преградил закутанный в белые одежды из виссона священнослужитель:

– Остановись! Никому, кроме первосвященника, не дозволено видеть, что находится в святой святых!

В святой святых – помещение, предназначенное для обитания духа бога на земле, – раз в год (в день Пасхи) входил первосвященник и обращался к богу с торжественной молитвой о прощении народа за грехи: разрушение вавилонянами первого храма и утрату ковчега Завета. Затем он приносил в жертву двух козлов: одного – богу, другого, называемого «козлом отпущения», – злему духу пустыни. Над вто-

рым животным первосвященник вне храма исповедовал грехи народа, затем козла уводили в пустыню и сбрасывали со скалы.

Оттолкнув служителя, римский военачальник рявкнул:
– Я Помпей, мне можно!

Он поднялся по ступенькам и толкнул дверь. Первое, что ощутил Помпей, – тревогу, перерастающую в угрозу. Отбросив негативные мысли, продолжил движение. Сейчас он, покоритель мира, великий полководец, император, войдет в особое помещение, где обитает сам бог, поднимется до уровня бога, и тайные знания прольются на него!

В святая святых было темно. Кассий принес факел. Большая темная комната без окон... пуста. Легаты в недоумении стояли за спиной Помпея и переглядывались. Деметрий, не рискнувший зайти, с любопытством тянул шею, чтобы рассмотреть хоть что-то. Кассий пошутил:

– Богу до нас нет никакого дела, он попросту пренебрегает нами, испытывая терпение.

Помпею было не до шуток. Он уставился на перстень дракона, горевший так ярко, что, казалось, прожжет человеческую плоть. Внезапно Гнея охватила паника, появилась нарастающая головная боль, из глаз потекли слезы, слова застряли в горле. Чтобы не потерять сознание, Помпей резко развернулся и вышел из святая святых. Боль исчезла, перстень больше не светился, ясность речи вернулась. За ним на площадку перед храмом вышли остальные. Обратившись

к ним, он тихо сказал:

– В храме ничего не трогать. Пошли!

У ворот стоял Гиркан и, проходя мимо него, Помпей объявил:

– Гиркан, я пришлю двух быков в жертву богу. Тебя назначаю этнархом и первосвященником иудеев!

Гиркан поник лицом: этнарх – титул правителя этносом в римской провинции (причем с массой ограничений), не царь и не царского звания. А Помпей продолжал:

– Иудея включается в состав римской провинции Сирия. Наместник Габиний тебе поможет, но не беспокойся, без особой надобности тревожить не будем. Правь, Гиркан!

В лагере римлян царило приподнятое настроение. В палатке Помпея собрался командный состав. Деметрий разливал вино по кубкам, а полководец провозглашал:

– Мы взыщем с Иудеи контрибуцию – десять тысяч талантов! Все получают вознаграждение за взятие Иерусалима!

– Во имя Рима! – заорали вояки.

– Аристокл обманул меня! – злость отразилась на лице Помпея. – Его с семьей увезем в качестве пленников!

– Да-а-а!! – кричали легаты.

– Габиний! Ты как наместник не сильно прижимай иудеев, предоставь им некоторую автономию, а порядок поддерживай с наименьшими затратами.

– Слава Помпею! Слава Габинию! – рев пьяных офицеров

разносился по всему лагерю.

Помпей, позволивший себе расслабиться после пережитого днем, прищурил глаз:

– А завтра мы начинаем планировать поход в Nabateю...

Генералы и офицеры, уставшие от походов, давно не были дома и надеялись, что со взятием Иерусалима война закончилась, открыли рты, но не произнесли ни звука.

В палатку стремительно вошел Тиберий, восемнадцатилетний военный трибун:

– Проконсул! Прибыл гонец с известием о смерти Митридата!

Немая сцена. Все застыли, окаменели. Способность анализа медленно возвращалась к потрясенному Помпею. Он подумал: «Как некстати!.. Война до победного конца... Вот и конец войне... Миссия исполнена...»

Он смотрел на Тиберия долго и изумленно, как будто пораженный молнией. Озадаченные офицеры ждали реакции главнокомандующего и во все глаза смотрели на него. Закон о передаче ему командования римской армией на Востоке действует до смерти Митридата. В Риме сенат давно выражал недовольство затягиванием войны, а знатные горожане побуждали народ требовать возврата армии из Азии и защищать город от намечавшегося вторжения понтийского царя. Гней преднамеренно оттягивал завершение войны, часто специально не ввязывался в сражения с противником, придумывая разные предлоги и заставляя солдат покорно мар-

шировать по азиатским дорогам. Теперь он увяз в Иудее. А все потому, что не получалось решить в сенате главный вопрос о земле во владение ветеранам его армии. Без поддержки ветеранов он в Риме никто, и мечта стать диктатором неосуществима.

Наконец, выйдя из ступора, проконсул глухо произнес:

– Войне конец.

– Ио!!! – раздался триумфальный крик офицеров.

Присутствующие, уже не замечая Помпея, смеялись, шутили, поздравляли друг друга, договаривались о предстоящих попойках, подшучивали над Габинием, которому досталась беспокойная провинция, строили планы на будущее.

Помпей смотрел на этот разгул необузданного веселья и думал: «Судьба неизбежнее рушит планы, чем помогает осуществлять задуманное».

Когда командиры ушли, он сел за чтение письма Фарнака, сообщавшего о мятеже в Боспоре и самоубийстве отца. «Я отправил корабль с дорогими дарами для тебя, а также с телами отца и его детей. Выражаю желание стать другом Рима», – писал он.

– Тиберий, – Помпей, подняв голову, посмотрел на трибуна и медленно, негромко приказал: – подготовь распоряжение: Митридата с почестями похоронить в царской гробнице в Синопе, в бывшей его столице. Противника надо уважать, ведь без его величия и мы ничтожны. Войскам готовиться к возвращению в Рим.

Оставшись один, Гней думал о превратностях судьбы, пока Деетрий не отвлек его от грустных мыслей:

– Проконсул, если разрешишь, я скажу.

– Говори, Деетрий.

– Ты раздвинул власть римлян до Египта, а сам Египет остался вне поля твоих интересов. Обрати взор на эту страну. Надежные люди рассказывают, что ее правитель нашел то, что делает каждого великим провидцем, наделяя магической силой и бессмертием.

Помпей встрепенулся:

– И что это за вещь?

– Свиток творца! С помощью него можно постичь язык и письменность всех народов, получить власть над природой и людьми, встать вровень с богами.

Помпей встал. Его охватило сильное волнение. Глаза выражали решительность и непреклонность.

В Риме смерть Митридата, которого Помпей Великий загнол в ловушку и победил, вызвало бурное ликование. По предложению консула Цицерона были объявлены десятидневные празднества и игры. Фарнак, выдавший римлянам труп отца, надеялся, что его объявят царем Понта, но просчитался: получил лишь Боспор и затаил обиду.

Глава 30. Любовь окрыляет

Египетский царь (фараоном его стали называть вслед за греками во всем мире) внезапно объявился в Армении.

– О царь царей Тигран! – воскликнул Птолемей XII, войдя в покои государя в арташатском дворце.

Одетый по римской моде, с повязанной вокруг головы белой лентой, он пытался льстить правителю Великой Армении:

– Ты велик! Пусть дни твоего правления продлятся до бесконечности, а твои дела плодят изобилие и богатство.

Тигран II снисходительно смотрел на повзрослевшего молодого человека, своего ставленника на трон Египта:

– Лесть применяют в двух случаях: когда хотят завуалировать правду и когда льстецу что-то нужно.

– О царь царей, твое слово как молния разит заклятых врагов и подобно благодатному дождю вселяет надежду в друзей.

– Чему же я должен довериться, молнии или дождю?

Птолемей тяжело вздохнул:

– Гром прогремел над моей головой. Украли Свиток творца. Египет разорен, меня же изгнали из страны.

– Плохо, – только и сказал армянский правитель.

Тигран встревоженно взглянул на советников, стоящих рядом. Артавазд, озадаченный и раздосадованный, спросил:

– Как это случилось?

Птолемей, всхлипнув, скупно обрисовал ситуацию:

– Все шло хорошо. Цезарь, получив обещанные деньги, провел через римский сенат закон о признании меня царем. Страна шла к процветанию, наладилось хозяйство, а собираемость налогов увеличилась вдвое. Но Свиток творца пропал, я больше не всесилен.

Царь смотрел на неудачника исподлобья:

– Что ж, расскажи подробнее. В любом безвыходном положении есть как минимум два выхода.

Птолемей поведал историю своего падения, умолчав о деталях...

Египет, месяц назад.

Фараон, прозванный Авлетом (Флейтист), разгоряченный вином, доказывал другу-музыканту:

– Я достиг величайших вершин в игре на флейте. Вот послушай!

И он сыграл длинный пассаж. Друг, такой же повеса, как и Птолемей, на вид совсем пьяный, не согласился и исполнил пассаж на продольной флейте снизу-вверх и наоборот.

– Зато я лучше тебя умею дозировать воздух по скорости и объему, – горячился Авлет.

– А я умею так! – друг выдал прекрасную трель.

– Выпьем! – Птолемей осушил кубок.

Вдруг он заиграл чарующую мелодию. В ней слышались и

выразительность звучания, и яркая окраска тембра, и трудные пассажи. Красота исполняемой мелодии и мастерство Птолемея настолько поразили товарища, что он встал на колени и произнес:

– Божественно! Как тебе это удается?

– О, у меня есть это! – и захмелевший царь вытащил из складок плаща Свиток творца. – Эта вещьца дает мне власть не только над музыкой, но и над природой.

Спрятав свиток обратно, он наполнил кубок до краев вином, залпом выпил и свалился вдребезги пьяный.

Птолемей проснулся поздно ночью: что-то сильно тревожило. Поднявшись, шаткой походкой поплелся в покои. Внезапно остановился, похлопывая по карманам плаща: Свитка творца не было. Моментально протрезвев, обернулся. Ни друга, ни заветной вещи. Осмотрев все вокруг и не обнаружив пропажи, встал как вкопанный посреди зала и уставился невидящим взглядом в потолок, потом резко сорвался и побежал по коридорам дворца искать товарища. На полу тронного зала в луже крови лежало тело друга-флейтиста. В ужасе и смятении Авлет обходил труп, когда услышал шорох платья, и, подняв глаза, увидел в дверях старшую дочь Беренику, напустившую на лицо выражение высокомерной брезгливости, как у ее погибшей матери. За спиной девочки толпились главный министр Потин, военный министр Ахилла и начальник дворца Теодат. Войдя в зал, Береника объявила:

– Я царица Египта, твоя жена-соправитель. Ты ищешь

это? – подняв над головой Свиток творца, она самодовольно улыбнулась.

– Доченька, слава богу Тоту, ты нашла свиток! Отдай его мне!

– Теперь я стану великой провидицей, а ты, жалкий и ничтожный, зря тратишь жизнь, предаваясь беспутству и расточительству. Боги хотят, чтобы Египтом правила я! – в глазах Береники сверкнули красные огоньки.

– Доченька...

– Папочка, отдай жезл Сехем, и я сохраню тебе жизнь.

– Но фараон я, ты не имеешь прав на трон! – закричал Птолемей.

Дочь обдала его враждебным взглядом:

– Правителя, порождающего лишь зло и несправедливость, народ презирает, и участь его – быть изгнанным. Если до утра не отдашь Сехем, будешь казнен. – Она развернулась и ушла, а вслед за ней и продажные министры.

Птолемея окружили четверо грозных стражников. Он, горько посмотрев на убитого друга и вспомнив поговорку: «Предатели долго не живут», подчинился требованию и был препровожден в свои покои, уже однозначно зная как поступит. Оставшись в спальне один, он подошел к стене, украшенной снизу доверху рельефом, где преобладали коричневые, желтые и голубые тона, дотронулся до глаза нубийца в сцене «Фараон хватает врагов за волосы» и, дождавшись, когда механизм сработает, толкнул плиту, открыв проход в

туннель. Оглянувшись, вошел внутрь и задвинул камень на место.

В порту стоял всегда готовый к отплытию военный корабль. Матросы команды, верные и храбрые, жили на судне и были способны исполнить любой приказ монарха немедленно. Со специального склада сноровисто загрузили сундуки: золото, специи и деньги, предусмотрительно накопленные Птолемеем на случай бегства. Взятки, подношения, плата за содействие – все это он скрывал от главного министра, ведавшего опустевшей казной. Бросив последний взгляд на недружелюбную страну, приказал отчаливать.

...Птолемея умолк, а Тигран, Артавазд и Евсевий, сидящие напротив него в жестких креслах, переглянулись.

– В твою дочь Беренику, – сказал Евсевий, – вселилось зло.

– Тебе следовало быть осторожнее... – Артавазд печально смотрел на фараона.

Царь Тигран был разочарован своим протеже, но всегда, даже в безвыходной ситуации, искал единственное решение, способное обеспечить успех.

– Умеренность и осмотрительность, Птолемея, никогда не были твоими сильными качествами. Как я понимаю, начались скитания. Куда же ты направил корабль?

– В Рим, – фараон сказал это без особого энтузиазма.

Рим, месяц назад.

Юлий Цезарь прохаживался вместе с Птолемеем в украшенном колоннами атриуме своего нового жилища – государственного дома великого понтифика. Популярность Цезаря стала такова, что его пожизненно избрали с большим отрывом от претендентов верховным жрецом – главой коллегии понтификов, и он сразу же перебрался из ужасного района Субуры в самый центр города. Огромный двухэтажный дом находился рядом с храмом Весты на форуме.

Проходя мимо статуй великих весталок, установленных в портике, Цезарь говорил:

– Дорогой Птолемей, золотые вещицы, что ты мне привез, бесценны. Сам понимаешь, моя должность престижна, но неприбыльна, позволяет лишь управлять делами религии, – Цезарь указал рукой на статую, – например, приговорить весталку, нарушившую обет целомудрия, к погребению заживо. Однако, думаю, моя карьера теперь резко пойдет вверх.

Птолемей расточал любезности:

– О великий понтифик Цезарь! Ты величайший римлянин всех времен! Жребий уготовил тебе блистательное будущее. В городе делают ставки на будущего претора, и ставят на тебя.

Претор – следующая по старшинству должность высшей власти в Риме после консула.

Цезарь улыбнулся. Все римляне азартны, любили игры, в которых нужно было угадать событие, а в ходе боев, ставя

деньги на гладиаторов, иногда выигрывали большие суммы.

– Что привело тебя в Рим? – спросил он.

– Благодаря тебе сенат признал меня законным царем, но в Александрии возобладали противники моих начинаний. Они умело разжигают религиозный пыл туземцев, хотят спровоцировать войну с Римом. Я же хочу дружить с вами.

Нравственные качества Авлета были далеки от идеала. Считая, что клевета – надежный вид обвинения, он подогревал Цезаря вскипеть и пообещать вернуть ему власть. Со своей стороны, энергичный и беззастенчивый Цезарь лелеял идею аннексии Египта: мечтал усилить личную власть за счет богатств этой страны.

– Что ж, хоть мы и сохраняем в отношении Египта нейтралитет, думаю, пришло время вмешаться. Дорогой Птолемей, Рим не потерпит твоего унижения! Я сегодня же переговорю с Помпеем о нападках на законного правителя. Меры будут приняты.

Помпей, вернувшийся из восточного похода, пока не проявлял инициатив в Риме, но, как только Цезарь обрисовал ему картину грядущего овладения Египтом, конечно же не дал себя долго уговаривать и пообещал навести порядок.

Римские войска вошли в Египет. Их вел соратник Помпея, наместник Сирии Габиний, вел для восстановления на троне Авлета, пообещавшего за помощь выплатить колоссальную сумму – десять тысяч талантов. Вмешавшись в дела независимого государства (вопреки решению сената Рима),

наместник в первом же бою с египетской армией разгромил ее. В сражении погиб новый фараон Архелай, побочный сын Митридата. Его в спешке Потин, Ахилла и Теодат подобрали Беренике IV в качестве мужа. Без фараона никак нельзя. За сорок веков существования Египта было всего пять женщин-фараонов, и те носили накладные бородки и одевались как мужчины. Жена царя могла быть только соправительницей.

Габиний с армией вошел в Александрию. Четыре легиона промаршировали по городу и остановились перед дворцом правителя. Увидев устрашающую картину блеска доспехов и копий наперевес, министры Потин, Ахилла и Теодат убежали из дворца и, промчавшись вниз по лестнице, выстроились перед римским полководцем, выделявшимся пурпурным плащом. Главный министр Потин в платке немес с белыми и золотистыми полосами (самоуверенность его поубавилась), преодолевая одышку, воздел руки и произнес:

– Боги нам возвестили истину, глаза наши раскрылись и увидели солнце, озаряющее правду! Египет внемлет великой армии Рима. Мы, недостойные, восхваляем тебя, римский наместник, а наши сердца наполняются ликованием...

Габиний смотрел на весь этот спектакль свысока и пренебрежительно. Наконец он перебил министра:

– Я здесь, чтобы восстановить справедливость. Ваш законный царь Птолемей XII обратился за помощью, и наш долг помочь.

– Слава тебе, наместник... – запел опять Потин.

Его не стали слушать. Габиний с соратниками и охраной проследовал мимо министров напрямик в дворец. В тронном зале наместник бесцеремонно уселся на трон фараона и, холодно посмотрев на пустующий малый трон царицы, обратился к министрам, представшими вновь перед ним:

– Боги послали вам царя Птолемея XII, а вы, его министры, противитесь выбору богов.

– Но власть царя сама собой угасла, – перепуганный до смерти главный министр только развел руками.

– Лишь боги и римский сенат решают участь друга Рима. Тот правитель превосходен, у которого в друзьях сила, преданность и удача.

– Но Птолемей XII исчез, а Египет без царя как раб без хозяина, – осторожно сказал военный министр Ахилла.

– О, в следующий раз, когда вы останетесь без царя, я пришлю достойную кандидатуру – человека, способного взять на себя тяжелое бремя управления страной, правителя горной Киликии Филиппа II. Он из рода Селевкидов, в его жилах также течет кровь Птолемеев. Прекрасный жених для вашей царицы. Я не хочу вмешиваться во внутренние дела Египта, тем более что имею полномочия лишь восстановить на троне законного правителя, но хочу настойчиво предложить на пост министра финансов компетентного человека.

Главный министр изменился в лице:

– Вообще-то финансами страны управляю я сам...

– Мне известно, что казна пуста, и умный, сведущий в этом деле человек (ему я безмерно доверяю) вам не помешает. Знакомьтесь: Постум!

Лица министров окаменели. Рабирий Постум вышел из свиты, сопровождавшей наместника, и, приложив руку к сердцу, почтительно поклонился. Только его глаза выдавали лукавство.

Начальник дворца Теодат сказал очень тихо, как бы извиняясь:

– Я слышал, что он управлял финансами на Кипре, в результате царь Кипра завещал государство Риму и покончил с собой...

– Вы будете довольны... Антоний!

Вперед вышел Марк Антоний, начальник кавалерии и друг Габиния, представительный молодой человек двадцати пяти лет, мужественного вида, истинный Геракл, тщеславный и влюбчивый. Его начищенные до блеска доспехи говорили о любви к внешнему лоску.

Габиний его спросил:

– Мы же не оставим наших друзей беззащитными?

– Конечно нет, наместник! – Антоний лучился уверенностью. – Я подготовил лучших воинов для неусыпной охраны покоя царя и его министров – пятьсот галлов и германцев.

– Вот видите! Рим заботится о вас! – Габиний встал: – Покажите мне ваш необыкновенный дворец. Я слышал, что в Египте чудеса на каждом шагу. – Сказав это, он, сопровож-

даемый свитой, пошел на поиски чудес.

Птолемей, рассказывая армянам о драматических событиях, уронил скупую мужскую слезу.

– И что же произошло дальше? – негромко спросил его царь Тигран.

– О, в Александрии стала хозяйничать солдатня. Верные мне люди сообщили: все ценное в дворце разворовано, коварный Постум, управляя финансами, ограбил страну, а когда население охватила смута, он сбежал в Рим. Министр Потин прислал ко мне посольство уговаривать вернуться.

– Что ты решил? – Тигран в упор посмотрел на неудачника.

– О царь царей, я опасаюсь за свою жизнь, ведь Свиток творца у Береники! Кроме того, я должен алчному Габинию огромную сумму, а еще задолжал римским банкирам...

– Птолемей, боги противятся твоему правлению, – разочарованный Евсевий был категоричен. Посмотрев на армянского царя, сказал: – Остается одно – магия...

– Государь! – к Тиграну обратился Артавазд. – Разрешите мне вместе с Птолемеем отправиться в Египет и отыскать Свиток творца.

Тигран молчал, думал. Цивилизация Египта настолько велика, что разум человека не способен охватить все ее достижения: остается довольствоваться лишь мгновениями бытия.

Царь принял решение:

– Сын, парадокс в том, что пока не польешь землю кровью и слезами, не пробьются ни ростки просвещенности, ни дух созидания, ни многоликость жизни. Конечно, наш долг заботиться о творении богов – великом Египте. Отправляйся!..

Факелы в руках Артавазда и Птолемея освещали сводчатые стены подземного туннеля, ведущего к александрийскому дворцу. Мужчины двигались осторожно, ожидая каждую минуту засады. Потрескивала горящая смола, сквозняк гулял по запутанной сети коридоров, но находить нужное ответвление в туннеле скитальцам помогал жезл Сехем. Его «глаза» горели розовым светом, и, чем ближе был предмет вождения – Свиток творца, – тем ярче сияли самоцветы. Наконец мужчины приблизились к каменной стене, возле которой камушки на жезле расплылись до красно-оранжевого цвета.

– Это здесь! – Птолемей, немного изучивший за полтора десятка лет правления подземные ходы и познавший кое-какие секреты дворца, в нетерпении рассматривал иероглифы. – Уверен, за плитой – спальня царицы. Но как туда войти?

– Что здесь написано? – Артавазд вопросительно смотрел на фараона.

– Каждый иероглиф в своей ячейке. Думаю, нажать нужно единственно правильную, иначе упадут острые пики или нас

разрубят пополам.

– Ты шутишь?

– Когда твоя жизнь зависит от такой мелочи, как везение, остается только шутить. – Затем, показывая на ячейки, Птолемей стал читать: – «Наследственность, милость, красота, сладость, любовь».

– К чему же ты склоняешься? – Артавазд указал на изображение стервятника чуть выше надписей: – Посмотри, над иероглифами есть изображение грифа.

Гриф – крылатое чудовище с головой орла и туловищем льва.

– Если не знаешь, как поступить, вспомни любимую женщину и ее веру в твою значимость... – фараон предался сентиментальности.

– У тебя есть любимая женщина?

– Ну да. Жена Ахилла, этого самоуверенного и гадкого военного министра. Молода и свежа! Он не достоин ее и, к счастью, о нашей связи не ведает.

– Так значит, слово любовь?

Честолюбивый Птолемей решил не отступать, обдумывая слово любовь.

– Знаешь, Артавазд, ты прав: любовь, но любовь к Мут!

Богиня-покровительница материнства Мут носила корону, украшенную иероглифом «гриф». Строители туннелей явно оставили подсказку. Птолемей уверенно нажал на ячейку, что-то щелкнуло, и плита немного отошла от стены. Муж-

чины, облегченно вздохнув, аккуратно отодвинули ее и заглянули внутрь. Спальня Береники была погружена в полумрак: масляная лампа давала тусклый свет. На ложе, освещенном лунным светом, спала юная царица в белой сорочке из тончайшего виссона. Ее роскошные черные волосы разметались по подушке. Стояла тишина: весь дворец погрузился в дрему.

Закрыв надежно на запор входные двери комнаты, друзья начали тщательный осмотр в поисках свитка. Магического предмета нигде не было. Обозленный Птолемей, потеряв осторожность, споткнулся о подставку для ног у кровати. Шум разбудил царицу:

– Отец, что ты... Стража!! – завизжала Береника.

В дверь начала ломиться охрана. Раздавались крики, брань, стук, но дверь стояла непоколебимо.

– Отдай Свиток творца, и все будет как прежде! – зывал фараон.

– Я владычица земли, я фараон! Встать вровень с богами – мое предназначение! – кричала Береника. – Стража, убивают!! – Вытащив из кармана золотой цилиндр – Свиток творца, – она подняла его над головой и забормотала заклинание: «Я, Береника IV, обращаюсь к тебе, бог Анубис! Ты могущественен, хитер и мужествен. Приди, сделай так, чтобы Птолемей оказался в загробном мире...

– Остановись! – закричал отец.

– ...отведи его в низшее царство, где он будет мучиться

вечно...

– Не надо!!

В комнате поднялся воздушный вихрь, волосы девочки от дуновений ветра стали развеиваться в разные стороны, напоминая змей, а лицо превратилось в черную собачью морду, за спиной же выросли крылья летучей мыши. Мужчины отпрянули. Перед ними была Фурия – богиня мести, способная любого довести до безумия.

– ...суди его душу, достойную Дуата...»

Птолемей потерял самообладание, опустился на пол, его охватило отчаяние. Обычно из такого состояния его выводила флейта. Вот и сейчас, достав из кармана любимый инструмент, он заиграл мелодию «Солнце пустыни», вкладывая в исполнение все чувства и ожидания. Раздался шорох. Слева от ложа, из темного угла, показалось отвратительное чудовище. Оно медленно приближалось к царице. Ама, богиня возмездия за грехи, в образе гиппопотама с головой крокодила, львиными лапами и гривой, почуяв запах злобы, зависти, гордыни и гнева, шествовала к Беренике.

Артавазд схватил с туалетного столика тяжелое золотое ожерелье и запустил им в царицу. Бросок был точным. Магический предмет выпал из руки Фурии и откатился в сторону. Фурия расвирепела, завыла, воздела руки и приготовилась кинуться на Птолея. Чудовище за спиной Фурии уже вставало на задние лапы и раскрывало пасть. Мужчины, застыв в оцепенении, с широко раскрытыми глазами ожидали конца

драмы. Птолемей, продолжая играть на флейте, не смел шелохнуться. В тот момент, когда чудовище молниеносно проглотило царицу, он зажмурился. Вихрь прекратился, богиня Амаат, сделав свое дело, под музыку спокойно заковыляла в свой угол и исчезла в темноте.

Стража мечами кромсала дверь, дворец клокотал, а Артавазд, присев рядом с другом, мягко отвел флейту от губ Птолемея и вложил ему в руку золотой цилиндр – Свиток творца. Устремив взгляд на армянского царевича, фараон поблагодарил одними глазами, наполненными счастьем. Потом, собравшись с духом, с трудом подбирая слова, сказал:

– Артавазд, магический цилиндр я помещу в надежный тайник. Ты всегда сможешь его найти с помощью жезла Сехем...

Дверь под натиском солдат рухнула, стража ворвалась в комнату, застыв на месте. Фараон собственной персоной, встав с пола, гордо выпрямился, обдал подданных испепеляющим взглядом и проследовал к выходу. Вдруг резко остановился. В коридоре стояла его младшая дочь...

– Папа, где Береника? – маленькая Клеопатра в ночной рубашке из тончайшего виссона смотрела на отца немигающими глазами.

Ощувив прилив нежности, Птолемей, растроганный и умиленный, подошел к ребенку и, погладив по голове, сказал:

– Доченька, ее нет. Пойдем, моя хорошая!

Глава 31. Помни о смерти

Помпей жил в своем поместье в Альбане недалеко от Рима в ожидании разрешения сената на триумф – высшую награду государства. Вопреки молве и тревожным прогнозам перепуганного сената, он распустил армию, поблагодарив воинов за верную службу и пообещав собрать легионеров для триумфа. По закону триумвир, чтобы заслужить награду, должен был убить не менее пяти тысяч врагов и ждать за чертой города, когда даруют триумф.

Помпей, у которого образовалась уйма времени, занялся устройством личной жизни. Он развелся с женой Муцией, изменявшей ему, пока он нес тяготы и лишения восточного похода, и женился на дочери Цезаря красавице Юлии, явно решив переориентироваться на союз с набирающим популярность политиком. Впрочем, Цезарь использовал дочь как инструмент для продвижения в карьере. Сначала прелестная Юлия была помолвлена с Фавстом (сыном диктатора Суллы), потом состоялась новая помолвка с тем, кого история назвала символом предательства, – Брутом (поговаривали, что Цезарь мог быть его отцом), в итоге же теперь была выдана замуж за Помпея, союзника отца. И хотя разница в возрасте составляла тридцать лет, супруги были счастливы.

Наконец разрешение получено, и Помпей отпраздновал свой триумф. Красс демонстративно уехал из Рима, взяв с

собой детей, чтобы дать пищу разговорам о грядущем захвате власти.

Победоносный полководец вступил в столицу. Пышная процессия шла по тесным улицам города через форум на Капитолийский холм. Впереди – сенаторы и магистраты, потом музыканты, за ними несли доски с названиями покоренных стран: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Иберия, Колхида, Албания, Сирия, Киликия, Месопотамия, Финикия, Палестина, Иудея, Аравия и... морские разбойники. Потом появились другие доски: взяты 1000 крепостей, 900 городов и 800 кораблей, основано 39 городов, казна обогатилась на двадцать тысяч талантов. Затем ехали запряженные породистыми лошадьми повозки с сокровищами. Особенно выделялись ониксовые вазы и кубки из митридатовой коллекции, массивные золотые чаши, сосуды из рогов, украшения для кресел, конская сбруя, инкрустированные драгоценными камнями седла и трон самого Митридата. Далее – повозки и носилки с грудой серебряных монет, статуями Митридата VI и Тиграна II, медные носы пиратских кораблей (шли также морские разбойники), потом гроыхали повозки с оружием, несли вражеские знамена, вели редких зверей и белых жертвенных быков с позолоченными рогами...

Тигран Младший в кандалах и преувеличенно пышной одежде армянского царевича шел в группе знатных пленников и смотрел по сторонам. С обеих сторон улицы выстрои-

лись толпы римлян. Они неистовствовали: ревели, свистели, вопили, указывали пальцами на взятых в плен. Римский люд праздновал сокрушительную победу над многочисленными народами, с трудом представляя, где находятся эти страны, но желая только одного – богатых трофеев. А Тиграна Младшего обурежала лишь одна мысль: как сбежать?

В компании с армянским царевичем, также в кандалах, брели разодетые в восточные одежды иудейский царь Аристокбул (тоже помышляющий о бегстве), наложницы Митридата, царь колхов Олтак и другие заложники.

Помпей ехал на круглой позолоченной колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми, которых под уздцы вели рабы. Был он в пурпурной тоге и позолоченной обуви, с лавровым венком на голове; в правой руке лавровая ветвь, в левой скипетр из слоновой кости с орлом. Вот он зенит славы! Помпей – покоритель мира! Рыхлое лицо с толстым носом этого одолеваемого тщеславием полководца светилось самодовольством и высокомерием. Чтобы Помпей не слишком мнил о себе, за его спиной на колеснице стоял государственный раб, время от времени говоривший: «Memento mori» (Помни о смерти – *лат.*). Перед колесницей шли ликторы с фасциями, обвитыми лавром, за ней верхом на конях следовали легаты и трибуны, маршировали наиболее почетные

солдаты-ветераны.

Кассий верхом на коне был в группе трибунов. Им владели сразу два чувства – гордость и досада. Он мечтал о триумфе для себя, но видел тупик в карьере: Помпей явно отходил от дел, отдавшись семейной жизни с обожаемой им Юлией. Следовательно, потребуется что-то неординарное для взлета наперекор обстоятельствам. В толпе он разглядел Рипсимэ, выделявшейся ослепительной красотой и величавым спокойствием, и помахал ей рукой.

После завершения шествия и принесения жертв богам на Капитолийском холме Кассий приехал в дом, специально купленный для армянской красавицы. Вилла Лигария в пригороде Рима была большой, одноэтажной, имела атриум и бассейн для сбора дождевой воды, тенистый сад и великолепную спальню.

Рипсимэ была раздражена:

– Ты столько раз обещал на мне жениться, что, кажется, я начинаю скорбеть о потерянных годах жизни... – Она, изобразив печаль, пыталась переключить его внимание на себя: – Милый, для счастья, как известно, нужны двое, а я живу в одиночестве.

Увы, планы мужчины требовали брака по расчету, и он женился на родовой Юнии, и та теперь ждала от него ребенка. Но плотская чувственность и созерцание гармонии женского тела здесь, в доме Рипсимэ, вызывали у Кассия блаженство, погружая в сладостное наслаждение долгожданных предвкушений.

– Я не могу без тебя, – страстно говорил квестор. – Мне нужна лишь ты, одна-единственная. Только здесь ощущаю прилив счастья, а рядом с тобой раскрываются мои тайные помыслы и исполняются желания. Боги же послали мне невыносимую муку – терпеть Юнию.

Рипсимэ прошла в таблиниум (большую комнату для приема гостей) и полулегла на кушетку в одной легкой тунике. Хорошенькая и соблазнительная, она выставила напоказ босые ножки; плетеный золотой венец с жемчугом обрамлял черные волосы, стянутые золотистой сеткой, а несколько локонов маняще спадали на лоб; плавный изгиб фигуры и лицо невинного ребенка сводили Кассия с ума. Он встал перед подругой на колени и, чтобы подчеркнуть прочность отношений, преподнес очередной подарок – кольцо с ярким, прозрачным коричневым топазом (под цвет ее карих глаз). Кольцо с маленьким камнем, привезенное с Востока, он бережно надел на холеную руку любовницы и поцеловал ее тонкие пальчики:

– Сейчас я в растерянности, нужно что-то предпринять и вырваться из пут жалкого неудачника. Я хочу возвыситься, стать вровень с Помпеем, прославиться в сражениях, но Помпей забыл обо мне, он вообще забыл о войне.

Капризная и кокетливая Рипсимэ, поцеловав возлюбленного в губы, изрекла:

– Мое счастье находится в твоей власти. Я не могу долго сердиться на тебя...

И вновь страстный поцелуй, долгий и сладкий, опьянил двух влюбленных. Насладившись поцелуем, Рипсимэ внимательно посмотрела в глаза любимого:

– Кажется, я знаю, почему ты встревожен. Все дело в перстне.

– В перстне? – удивился Кассий.

– Ты, любимец судьбы, достиг многого в карьере, но завистливые боги не замечают тебя, поэтому утрата всего достигнутого в жизни тревожит милого больше и больше.

Кассий угрюмо сказал:

– Я всегда считал себя настолько удачливым, что при малейшем подвернувшемся шансе не упускаю его, добиваясь успеха. Но иногда задумываюсь о грядущей беде.

Прекрасная Рипсимэ ошеломила:

– Достичь жизненных вершин поможет перстень! Да-да, перстень! Не понимаю, откуда знаю, но ощущения будят чувства, а чувства обостряют разум.

– Твоими чувствами управляет провидение, я знаю... Но почему перстень?

– Милый, я расскажу тебе историю...

В комнату через дверь проникали солнечные блики от бассейна и, казалось, все пространство таблиниума погрузилось в волшебный мир. Кассий благоговейно внимал Рипсимэ, а она рассказывала о Поликрате, тиране греческого острова Самос (родина Пифагора и Эпикура). Он хитростью завладел властью, и ему всегда неправдоподобно везло во

всех делах. Но однажды он получил письмо от царя Египта. «Мой друг, – сообщал египтянин, – в твоей жизни столько удач, что, думаю, проснется зависть богов. Любимцев Фортуны всегда ждет трагический конец. Но выход есть! Расстанься добровольно с какой-нибудь дорогой для себя вещью и печалься всю жизнь. Судьба будет обманута». В тот же день Поликрат, выйдя на корабле в море, бросил в воду любимый золотой перстень, после чего стал горевать о потере. Через несколько дней личному повару царя рыбак продал рыбу, внутри которой обнаружили утраченный перстень. Поликрат воскликнул: «Пусть мое неизменное счастье огорчает завистников!» Однажды ему предложили неслыханную сумму за услугу, и алчность превысила осторожность. Поликрата коварно убили.

Кассий уже догадывался какой перстень ему поможет, но спросил:

– Рипсимэ, дорогая, что же делать?

– Милый Кассий, – сладострастная красавица уткнулась лицом в его волосы, глубоко вдохнула их запах и ласково произнесла: – найди перстень в желудке рыбы, и везение будет сопутствовать во всем. Возможно, перстень – это метафора или человек, избранник судьбы, и он вверит тебя неизбежному. А грядущая беда... – Она взяла книгу-свиток со стихами Луцилия, приобретенную недавно в книжной лавке, и зачитала: – «Вознесись душою в счастье и смиришь, когда беда».

Юлий Цезарь пригласил в дом великого понтифика Красса и Помпея. Последний негодовал:

– В сенате провалили законопроект о наделе моих ветеранов земельными участками!

Все трое были в белых тогах без пурпурной каймы, сидели в белых креслах в таблинуме и вели важный разговор, понимая, что оказались у опасной черты: им грозит потеря влияния. Помпей теряет авторитет среди ветеранов, Цезарь в среде плебса, а Красс у привилегированного сословия всадников.

Цезарь изобразил озабоченность:

– Сочувствую. Безземельный плебс, мечтающий о наделах, будет разочарован. Земля в политике – главный вопрос.

Помпей продолжал возмущаться:

– Я одержал множество побед, разбил войска двадцати двух восточных деспотов, присоединил к Риму новые провинции, но не могу обеспечить своих ветеранов землей!..

Красс, решивший ради выгоды временно воздержаться от критики Помпея, заявил:

– Военную добычу, захваченную тобой, Гней, на Востоке, сенат должен истратить на покупку земли для твоих ветеранов, например купить у частных владельцев из всадничества.

– Точно! – поддержал Цезарь. – По рыночной цене они продадут.

Красс, ослабившись, предложил:

– Не пора ли устроить вторые проскрипции по примеру Суллы?.. Шучу.

Проскрипцию в Риме когда-то изобрел диктатор Сулла. Это – массовый террор, составление списков объявленных вне закона как богатых аристократов, так и сенаторов, их убийство, конфискация имущества, сведение личных счетов... Прекрасный способ обогатиться и злоупотребить властью.

– Меня хотят унижить! – не унимался Помпей. – Трусливые сенаторы отказали мне в консульстве и не утверждают распоряжения на Востоке!

– Все еще хуже, – Цезарь сочувственно смотрел на Помпея. – Сенат грозит аннулировать твои распоряжения.

– Что?! – взорвался Помпей.

Он вскочил, стал ходить по залу, желваки заиграли, руки сжались в кулаки. Наконец успокоился, сел на место и уставился в потолок.

Цезарь, понимая, что перелом в сознании вояк наступил, высказал свою главную мысль:

– Нам троим необходимо объединиться для совместной борьбы с сенатским господством.

Помпей и Красс посмотрели на него с удивлением. Неожиданно Красса осенило:

– Триумвират!

Каждый из присутствующих погрузился в раздумья, отражавшие его политические цели. Помпей думал: «Меня под-

держат ветераны. Они сметут любую преграду и уничтожат кого угодно; главное – утвердить распоряжения, сделанные мной на Востоке, и наделить солдат землей».

Красс, рвавшийся к власти, имея сильную поддержку со стороны всадников, размышлял: «Мне нужна война. Хочу быть наместником римской провинции Сирия и набрать войско для войны с Парфией. Хочу заполучить тот самый перстень с красным карбункулом, о котором рассказал Кассий (Красс покосился на кольцо, поблескивавшее на пальце левой руки Помпея). Обогащусь безмерно, а потом...»

Цезарь, зная, как сильно его обожает городской плебс, требовавший хлеба и зрелищ, и забывший что такое работать, давно устраивал для горожан бесплатные раздачи хлеба, а заодно и гладиаторские бои, но его сокровенные мысли витали гораздо выше, чем у компаньонов: «Хочу получить консульство и неограниченное политическое влияние, а потом наместничество в провинции Галлия на пять лет, чтобы воспитать сильнейшую в мире армию».

Внезапно идея борьбы с бюрократией и «высокие» помыслы сплотили трех непохожих мужчин.

– У меня есть план! – воскликнул Цезарь и одарил лучезарной улыбкой двух полководцев. – Нужно устроить так, чтобы я был избран консулом, и я проведу через народное собрание законы в нашу пользу.

План веский и полезный. Все встали и в порыве неудержимого воодушевления соединили правые руки в знак вер-

ности заключенному договору. Красс, будто давая клятву, воскликнул:

– Действуй и надейся!

Помпей, взволнованный событием, призвал:

– Нет дороги – проложи ее сам!

Цезарь, почувствовав неподдельную заинтересованность великих полководцев, торжественно провозгласил:

– Проложим дорогу силой!

Довольные собой и событием, триумвиры подошли к столу с вином и фруктами и, когда Цезарь разлил терпкую влагу по кубкам, с удовольствием выпили за

«каждому свое».

– У меня только одна просьба! – Красс по-свойски обратился к Цезарю. – Когда станешь консулом, хочу, чтобы ставка откупного налога для сословия всадников была снижена на одну треть.

– Сделаю! – Цезарь обаятельно улыбнулся.

– А всех недовольных урезонят мои ветераны, – деловито уточнил Помпей.

Из дома великого понтифика Помпей и Красс в приподнятом настроении вышли на форум. Стояла прекрасная погода, лучи солнца подсвечивали статуи, коих здесь было множество. За право поставить изваяние со своим изображением в полный рост (доказательство своей значимости) в Ри-

ме шла борьба. На форуме – средоточии городской жизни – многолюдно: общение людей из различных сословий не прекращалось никогда.

Помпей, почувствовав в Крассе нового союзника, говорил:

– В Риме зреет заговор. Мне доподлинно известно. Кому-то придется подавлять мятеж.

– Понимаю: ты хочешь получить повод вновь собрать свою армию... – Красс прищурил глаза и пристально посмотрел на коллегу.

– Я не Сулла, и кровопролитной гражданской войны не будет, – Помпей притворно надулся.

– Так ты не замыслил стать диктатором? В Риме кое-кто называет тебя будущим царем.

Теперь Помпей изобразил невинное удивление:

– Мои помыслы лишь об огромном театре. Хочу возвести его на Марсовом поле.

Оба разом остановились. Им навстречу шел Лициний Лукулл. Он осунулся, еще больше похудел, черты лица заострились, но глаза все так же излучали живой свет. Приблизившись, старый полководец произнес:

– Приветствую Красса и Помпея! Полагаю, сближение двух влиятельных политиков явно пойдет не на пользу сената.

– О Лукулл! – Красс добродушно расплылся в улыбке. – Ты променял вкус к победам на изнеженность гурмана. В го-

роде только и говорят о лукулловых пирах.

– Привить публике вкус к изысканной пище, с которой я познакомился на Востоке, гораздо сложнее, чем взять неприступную крепость, – Лукулл довольно улыбался. – Вот Помпей и Цицерон уже у меня были и могли составить мнение, а тебя, Красс, на своих пирах я еще не видел. Вот что: пойдете-ка ко мне прямо сейчас!

– Лициний, Крассу больше свойственны насилие, грубость и простота, – съязвил Помпей.

Лукулл лукаво подмигнул:

– Изобилие и излишество делает нрав покладистым, а вкус безупречным. Итак, вперед!

– Красс, пошли, – поддразнивал Помпей. – Потом всем будешь рассказывать: «Сегодня обедал у Лукулла!»

За чертой города, на холме Пинчо, где Лукулл разбил великолепный сад, стояла огромная вилла. В саду журчали фонтаны и распускали хвосты павлины, в питомнике разгуливали диковинные птицы и звери.

– В моем саду растут вишневые деревья. Я их привез из Армении. Больше ни у кого таких нет, – похвастался Лукулл.

Проведя гостей в атриум виллы, он заметил:

– Я привез из похода много рукописей, книг и открыл в доме общедоступную библиотеку: допускается любой интересующийся.

Гостеприимный хозяин пригласил Помпея с Крассом в триклиний. На вилле было несколько триклиниев, один

больше другого. В этих столовых с застольными ложами бывший полководец принимал гостей и прививал им изысканный вкус. На полу мозаика, на стенах живопись, на стеллажах стеклянные, хрустальные и золотые вазы, много статуй – трофейная роскошь, привезенная с Востока, поражала изяществом и блеском, вызывая невольную зависть. Мраморные лежа по краям стола, рассчитанные на девять человек, застланы мягкими перинами и пурпурными тканями; стол ломился от изобилия: жареные ребрышки поросят, копченые крылышки дроздов, фаршированные орехами и изюмом голуби, лангусты со спаржей, пряности, рябчики, журавли, фламинго, соловьиные язычки – весь мир поставлял сюда лучшую провизию, а искусные повара творили гастрономические чудеса. Перемена блюд следовала одна за другой, а рабы подливали вино из кувшинов, обложенных снегом.

Роскошь трапезы дополнялась музыкой и танцами восточных красавиц. Рабыни из Тигранакерта, привезенные Лукуллом в Рим, изумляли гостей своей прелестью и грацией не меньше, чем жареные павлины в перьях.

– В движениях этих армянских танцовщиц проявляются важность, печаль и покорность, – произнес Помпей.

– О, из Армении я привез много чудесного, – мечтательно вздохнул хозяин.

Гости возлежали на ложах, ели, пили и вели беседу.

– Гней, у тебя осложнились отношения с сенатом? – Лукулл криво усмехнулся.

– Сенат занялся сложным делом, и до вопроса об утверждении моих распоряжений у него не доходят руки.

– Что за дело?

– Лициний, твой бывший легат Публий Клодий оделся в женское платье и проник на праздник Благой богини – покровительницы замужних женщин...

Недавно в доме великого понтифика проводился праздник, и в нем могли участвовать лишь женщины. Тайное появление мужчины (это обнаружила мать Цезаря) сорвало торжество, нарушило обычный ход вещей, и происшествие, признанное сенатом тяжелым преступлением – святотатством, всколыхнуло моралистов. Еще бы! Ходили слухи (правда, недоказанные), что целью Клодия была жена Цезаря, его любовница. Не дожидаясь суда, великий понтифик развелся с женой, произнес напыщенную фразу: «Жена Цезаря должна быть вне подозрений».

– Публий Клодий еще тот фрукт, – Лукулл брезгливо поморщился. – Он, по сути, сорвал мне армянский поход. От него можно ожидать чего угодно. Покровители, конечно, его спасут, потом проведут в народные трибуны и натравят на сенат. А твои легаты,

Гней, лучше?

– Есть толковые. Скоро сделаю консулами Целера и Афрания.

– Хорошие воины! – захмелевший Красс еле перебирал

языком. – Вот что я вам скажу: Римская республика угасает, слишком много внутренних противоречий.

– Помпея давно пора сделать царем, а Красса главой сената, – произнес Лукулл.

Бессмысленность фразы явно говорила о помутнении его рассудка. Гости, переглянувшись, промолчали.

Хозяин дома продолжил:

– Помпей, конечно, не гений, но он может создать империю. Красс, не обижайся, но тебе не хватает широты взглядов. Неплохо бы пополнить победы чем-то выдающимся.

– Я хочу войну с Парфией, – открылся Красс.

– О, лучше меня никто не знает Парфию, – Лукулл говорил серьезно и чопорно. – Это царство, созданное скифами, боится только армян, всех остальных презирает и готово растерзать вмиг.

– Почему же армян парфяне боятся? – Красс уже стал проявлять признаки отрезвления.

– Магия и аура, друг мой! – Лукулл иронично прищурился.

Помпей решил разрядить обстановку:

– Я вам расскажу занятный анекдот из жизни...

Анекдот оказался несмешной, зато с намеком. Молодой сенатор завел длинную речь о бережливости и воздержанности. Его прервал добродетельный сенатор Катон: «Да перестань! Ты богат как Красс, живешь как Лукулл, а говоришь как Катон!»

Кроме Помпея, никто не засмеялся. Стоик Катон был образцом очень строгих нравов и значился главным противником Цезаря.

– Кстати, – строго сказал Лукулл, – Катон неоднократно говорил, что надо избрать Помпея единоличным консулом. – Посмотрев на Красса и явно подстрекая его к войне с Парфией, продолжил: – Добыча в парфянском походе превзойдет все это, – и он обвел рукой комнату. – Роскошь развращает бедняков, а для богатого – это способ удовлетворить ненасытное тщеславие.

Помпею стало казаться, что Лукулл теряет ощущение реальности. Слухи о том, что он сходит с ума, уже ходили по Риму.

Красс вдруг испытующе взглянул на Помпея:

– У меня две просьбы к тебе. Исполнишь?

– Отказать другу – то же самое, что не исполнить просьбу матери. Говори!

– Я скоро получу наместничество в Сирии, наберу десять легионов и обрушусь на Парфию. Для успеха мне нужны твой квестор Кассий и кольцо, что у тебя на левой руке.

Помпея охватило смятение, в замешательстве он машинально дотронулся до Драконьего перстня. Паника повергла его в страх. На него испытующе смотрели Красс и Лукулл.

– Узнаю магический перстень, – Лукулл трепетно смотрел на украшение. – Волшебный, из коллекции Тиграна Армянского. Дивная вещь, способна озарять и увлекать...

– Гней, – Красс старался говорить примирительным тоном, – мне перстень нужен лишь на время похода, потом верну.

Помпей понимал: если откажет, позднее ему будет стыдно.

– Самая худая привычка – это привычка к хорошим вещам, – Он снял кольцо и передал Крассу: – Возьми, Марк!

Золотой массивный перстень Красс надел на указательный палец левой руки, затем, встав с ложа, с любопытством рассмотрел украшение. Алый камень цвета тлеющих огоньков переливался причудливо и таинственно. Внезапно по телу полководца пробежало тепло, в мозгу поселилась уверенность в своей исключительности, на лице отразились алчность и жажда власти. Он с благодарностью взглянул на Помпея, отвесил поклон Лукуллу и вышел из триклиния.

Марк Антоний (в нем Цезарь разглядел талантливое командира) быстро стал одним из его ближайших соратников. Поручения Цезаря, носившие деликатный характер, он выполнял регулярно и неукоснительно.

Сидя в позолоченных креслах, привезенных из Египта, Антоний беседовал с Клодием, тем самым Публием Клодием, который в Армении настроил солдат против Лукулла, а в Риме проник на церемонию таинств Благой богини, куда допускались только женщины. Покровители (за их спинами стоял Цезарь) его спасли: запугали сенаторов, подкупили су-

дей.

Антоний говорил:

– Ты сыграешь выдающуюся роль в государстве.

Клодий вторил:

– Я хотел бы прославиться.

Антоний доверительно понизил голос:

– Тебя выберут народным трибуном, не сомневайся. Станешь вождем плебеев, проведешь закон типа «Бесплатная раздача хлеба», а еще... Здесь достаточно денег, – Антоний указал на мешки, – чтобы устроить в Риме беспорядки. Убийства, грабежи, гражданские распри должны вызвать праведный гнев граждан.

– Мне знакомы многие плебеи, рабы, вольноотпущенники и наемники. Всех придется подкупить и вооружить... – Клодий был лжив и жаден до денег, но являлся демагогом высшей пробы.

– Первая твоя цель – сенат! Нужно устрашить сенаторов и вывести из игры Цицерона. Он должен добровольно уехать в ссылку.

Просочились слухи, что Цицерон собирается открыто обвинить Цезаря в стремлении к государственному перевороту.

Клодий скривил рот:

– Ненавижу Цицерона. Что делать с его домом?

Антоний пожал плечами:

– Что хочешь...

– Сожгу, куплю участок и построю себе красивый особняк.

Антоний настойчиво и властно продолжал:

– Вторая цель – Катон. Изгнать из сената! Пусть сочтет за лучшее получить наместничество на Кипре.

– Что еще? – Клодий смотрел на Антония, как преданная собака.

– Третья цель – Помпей и Красс. Плебеи должны их преследовать с особой враждебностью.

– Конечно! – Клодий ненавидел и Помпея, и Красса, и даже своего брата Аппиуса Клодия, отличного офицера. – Все, что невыгодно ревнителям закона, пойдет на пользу мне и толпе.

– И еще! – Антоний близко наклонился к гостю. – Рим гегемон, все остальные страны должны погрузиться в хаос. Для начала за взятку похитишь двух царевичей – армянского Тиграна Младшего и иудейского Аристокбула – из частной тюрьмы претора Флавия, посадишь на корабли и отправишь в свои страны сеять смуту, сохраняя, конечно, контроль.

Безумные глаза Клодия загорелись:

– Я принесу в жертву любого, без колебаний, только скажи!

Глава 32. Боги призывают Тиграна к себе

Безвозвратное время уносит события, часто испытывает судьбу, иногда раскрывает тайны, всегда серебрит волосы, но никогда не меняет характер человека.

Прошло десять лет. Седа, бывшая любовь Тиграна, красивая и властная наложница из гарема армянского царя, все десять лет таила злобу на прекрасную Аревик, которую без памяти любил повелитель, и эта злоба была готова убить без ножа. Ненависть переросла в коварство, а коварство в жестокость. Седа предприняла немало попыток, чтобы извести соперницу, но все неудачно: молодую женщину берег какой-то дух. Аревик неусыпно охраняли евнухи, с годами она расцвела как дивная роза и выглядела шедевром греческого скульптора. Ее неземная красота вызывала восторг окружающих, ее любовь к царю была бесценной. Ему восемьдесят пять, совсем седой, но полон сил, энергии и молод душой. Его царство, заключив к этому времени военные союзы одновременно с Римом и Парфией, процветало, игры в превосходство над соседями Тигран оставил, продолжая строить сильное армянское государство.

Черноволосая Седа, скромно одевшись, шла по базару к известной старухе-целительнице, готовившей и продавав-

шей настойки и зелья. Базар шумел, народу было много, все торговались и бранились, но в лавке старухи Цицаны было тихо.

– О мой гиацинт! – Старуха изобразила удивление и, улыбаясь беззубым ртом, посетовала: – Видно, мое зелье опять не помогло, раз Седа пришла.

– Цицана, моя знакомая по-прежнему сильно больна, а я испытываю муки

страдания... – Седа осмотрелась.

В полутемной каморке пахло беленой, на полках стояли склянки и флаконы со снадобьями, висели пучки трав и цветов, в стеклянной банке ползали пауки.

– О моя маргаритка, мне кажется, она, неблагодарная, искушает твою добродетель.

– Насчет добродетели не знаю, но пора испробовать что-нибудь сильнодействующее.

Старуха прытко вскочила с мягкого табурета и подошла к стеллажу:

– Моя лилия, уже применяли аконит, болиголов, дурман-траву и даже снадобье духа зла – рвотные орешки (стрихнин)...

Цицана задумалась, а Седа, присев на стульчик, проворчала:

– Ничего не помогает...

– О моя астра, у меня есть кое-что необычное! – Знахарка

достала костяную шкатулку и, сев рядом с постоянным покупателем, открыла ящичек. – Вот что тебе нужно!

В шкатулке лежали золотые крученые трубчатые браслеты в виде змеи с бирюзой.

– Моя фиалка, ты будешь довольна... – Цицана вытащила парочку. – Купцы из Персии везли эту красоту по Великому шелковому пути; отдали дорого. Обрати внимание: у этой змейки два бирюзовых глаза, а у этой один.

Седа взяла браслеты и оценивающе рассмотрела:

– В чем же разница?

– Бирюза – символ богатства. Женщины браслеты «на удачу» раскупают с удовольствием. Но тот, что с двумя камнями, приносит смерть.

Старуха вдруг стала страшной, от нее повеяло опасностью и безысходностью. К горлу Седы подступила тошнота, будто в комнате появилось отвратительное зловоние. «Целительница» продолжала объяснять:

– Змея с двумя бирюзовыми глазами имеет с внутренней стороны еле заметные шипы. Они будут исподволь царапать кожу руки, а из змейки сочится яд... – Цицана хищно скрючила пальцы. – Яд без цвета, без запаха. Все подумают, что человек умер от

холеры. – Старуха отложила шкатулку и взяла склянку: – Или вот еще крайне редкое, взгляни!

Седа повертела баночку, где лежал порошок стального

цвета с зеленоватым оттенком и вернула Цицане. А та расписывала:

– Это арсеник (мышьяк). Он легко растворяется в воде, а смертельная доза всего капля! Об этом средстве ходят легенды. Вот послушай...

Рассказ старухи был ярким и драматическим. Парисатида, мать персидского царя Артаксеркса II, что правил четыреста лет назад Персией, ужасно ревновала сына к его жене Статире. Невестка отвечала взаимностью. Обе боялись отравления. Чтобы обезопасить себя, женщины брали кушанья с одного и того же блюда. Как-то им подали аппетитное мясное кушанье. Парисатида ножом отрезала себе кусок и приступила к трапезе. Увидев, что свекровь съела мясо и не отравилась, Статира тоже отрезала кусок... и через некоторое время умерла. Коварная Парисатида заранее намазала нож ядом, но лишь с одной стороны. И этот яд был арсеник.

– Я возьму шкатулку с браслетами! – вдруг властно заявила Седа.

– Моя мандрагора, но здесь дюжина браслетов! – удивилась старуха.

– Для танца как раз нужно двенадцать девушек... – Седа, не слушая возражений, вложила в узловатую руку Цицаны тугий синий бархатный мешочек с золотыми монетами: – Здесь хватит с лихвой. – Она встала, держа в руках шкатулку, и направилась к выходу. – Кстати, – она обернулась, – ты ни разу не назвала меня розой.

Старуха насмешливо прищурилась:

– Я называла тебя именами прекрасных цветов, но роза – царица венка. Розой называют безупречных и чистых женщин, которым выпал жребий познать страсть, а потом грустить о прошедших временах.

Глаза Седы полыхнули молнией:

– Если опять не сработает, берегись...

Развернувшись, она вышла из лавки.

Отдых государя обычно протекал за кубком терпкого вина и созерцанием величавых движений танцовщиц. В этот вечер в зале отдыха, в свете пылающих огнем канделябров, умиротворенный Тигран сидел на диване, попивая вино и слушая музыку. Танцовщицы еще готовились к выступлению, царедворцы, расположившись на диванах и пуфах, боясь нарушить идиллию, молчали, а охрана зорко наблюдала за порядком.

Двенадцать красивых девушек из гарема должны были собраться в комнате (что-то вроде грим-уборной), где на вешалах развешаны великолепные белые с черным и желтым платья, а на именных стульях разложены туфельки, шапочки с вуалью и золотые украшения, подобранные главным евнухом из сундуков казны. Женщина в золоте – владычица честолюбивого мужчины. Красота требует обрамления.

– О! – воскликнула веселая Мелания, впорхнувшая в комнату вместе с подругой. – Посмотри, какие необычные брас-

леты нам припас этот скупердьяй Мард!

Надев на руку свою «змейку», она обошла все стулья с нарядами и остановилась возле убранства Аревик.

– Опять Аревик достался лучший браслет, только посмотри! У всех золотая змея с одним бирюзовым камнем, а у нее с двумя! Ну нет, должна же быть справедливость! Седа, такая скромная и трудолюбивая, имеет идеальную фигуру, безупречную внешность, создает танцевальные номера. Она заслуживает не меньше почестей, – и Мелания поменяла браслеты местами. Довольная, стала надевать свой наряд.

В комнату зашли танцовщицы, поднялся невероятный гомон: одевались и обсуждали последние гаремные сплетни. Прибежал Мард:

– Девушки, быстрее, скоро ваш выход!

В последний момент появилась Седа, а вслед за ней Аревик в сопровождении двух евнухов, которые, убедившись, что посторонних нет, ушли. Седа в спешке облачилась в платье, пристегнула рукава, надела золотистые туфли, шапочку с вуалью, шелковый пояс с вышивкой, на лоб цепочку с золотыми монетками, кольцами, листочками и лунницами, на шею ожерелье с жемчугом, на руки браслеты, кольца и, несказанно счастливая, стала прихорашиваться перед небольшим зеркалом. Все было прекрасно. Но что это? У браслета-змеи... два глаза? Зрачки женщины остекленели, взор вперился в зеркало. Седа была растеряна, изумлена и обескуражена. Взяв себя в руки, осторожно сняла браслет и

бросила взгляд на Аревик. Та еще лишь одевала войлочную шапочку, была, как всегда, сосредоточена и спокойна.

Седа двинулась к ней:

– О Аревик, локон из твоей прически выбился, разреши, поправлю, – и неуловимым движением сбросила ее шапочку на пол. – Какая я сегодня неловкая! Извини-извини... – Седа нагнулась поднять головной убор и незаметно подменила браслет на стуле.

Аревик проводила ее удивленным взглядом, завершила облачение и присоединилась к остальным наложницам.

Заиграла музыка. Вступил тавих – армянская арфа. Публика, забыв о вине и фруктах, устремила взоры на танцовщиц. Те, подняв руки, застыли в центре зала. Раздались звуки зурны, дудука и барабана дхол, и женщины, очаровательные и манящие, начали медленный танец. Его движения, сдержанные, успокаивающие и пластичные, завораживали. Напевная мелодия льется, каждый шаг танцовщиц тянется, но ритмичен, каждое движение руками выражает настроение, желание, просьбу. Эмоциональный настрой зрителей растет. Тигран не отводит взгляда от Аревик, а она, чувственная и красивая, взмахом руки, осанкой, поворотом головы и ритуальным жестом передает свою любовь повелителю.

Танцовщицы пошли широко, свободно, Аревик же отстала, дыхание ее сбилось, ноги ослабли. Угасая, она опустилась на мозаичный пол и посмотрела на Тиграна как бы силясь

сказать что-то важное, но не смогла. Трепетное сердце еще билось, но женщина уже умирала.

Опрокинув столик с фруктами и кубком, Тигран бросился к любимой и, обняв, пытался заглянуть ей в глаза:

– Аревик, что случилось? Милая, приди в себя, открой глаза!

Музыка нестройно смолкла, танцовщицы в смятении разбежались, царедворцы в ужасе и изумлении вскочили с мест... Лекарь Егия, встав на колени, измерил пульс Аревик, осмотрел зрачки, потом, нерешительно взглянув на царя, тихо сказал:

– Она умерла.

– Что?! – Тигран не верил своим ушам. – Не может быть!!

Осознавая, что любовь потеряна, ощутил бессмысленность дальнейшей жизни. Глядя на бездыханное тело самого близкого человека, он почувствовал отчаяние, пустоту, на глаза навернулись слезы. Нежно поцеловав Аревик, стал рассматривать ее прекрасное лицо, думая о том, что потерю любимой ему не пережить...

Через неделю скончалась Седа. Тигран после трагических событий в дворце впал в апатию. Егия определил, что Аревик отравили, а Седа умерла от холеры. Цицана исчезла из города, и отравителя не нашли.

Царь сидел в кресле, отрешенный и задумчивый. Дверь в покои открылась, и на пороге появились Артавазд с сы-

ном Арташесом и его невестой Эрминой. В потухших глазах неподвижно сидящего Тиграна на секунду вспыхнула искорка. Перед ним его любимый внук с красавицей-невестой. Арташесу девятнадцать лет, он возмужал, окреп, юноша зрелый, решительный, никогда не унывающий. Тигран вспомнил себя в молодости. Такие же непослушные волосы до плеч, стремительный и пытливый взор, невозмутимость в поступках. Эрмина – распустившийся бутон лотоса (символ чистоты и целомудрия). Ей восемнадцать, и она прекрасна.

Артавазд вывел вперед счастливую молодую пару:

– Отец, благослови детей, скоро у них свадьба.

Царевич искал повод, чтобы вывести отца из состояния безразличия и отчаяния, из покорного смирения перед концом жизни.

Лицо Тиграна не изменило своего выражения. Он медленно поднял руку и произнес:

– Благословляю вас, Арташес и Эрмина. Судьба уготовила обоим серьезное испытание... Все неслучайность, все свершится...

Молодая пара ушла, а царь, сидя неподвижно, глядел в одну точку. Наконец он сказал:

– Сын, я благодарен судьбе за каждый час, прожитый с Аревик.

Артавазд видел, что отец потрясен случившимся, не реагирует на важные события, замкнулся в себе. Все функции управления государством царевич уже взял на себя.

– Государь, ты всегда подавал мне пример безграничного оптимизма и жизнелюбия... – Артавазд пытался достучаться до отца.

– Наверное, пришло время завершить предначертанный богами путь... – тихо сказал Тигран. – Сын, ты обладаешь удивительным воображением и находчивым умом. Судьба благоволит тебе.

– Но без твоей помощи не получится противостоять Риму!

– Мужайся...

Царю вдруг вспомнилась китайская мудрость. Торговавшие с Арменией китайские купцы как-то поведали царю великий принцип политики: «Мудрая обезьяна сидит на горе и наблюдает, как два тигра дерутся в долине». Тигран давно содействовал внутренним проблемам Рима и Парфии, и борьба за власть в этих странах обострилась. Римляне, погруженные в свои внутренние проблемы, забыли о странах Востока. Напряженная ситуация и в Риме, и Нисе была на руку Армении. Государство армян десять лет спокойно развивалась и укреплялась. Однажды римляне это поймут и не простят...

– Артавазд, римляне сильны как никогда. Пружина, толкающая их вперед – это коллективное эго римского народа.

– У Рима слишком большие амбиции, – вспыхнул царевич.

– Сын, я скажу тебе необычную вещь. Большие амбиции

– это совсем неплохо. Они позволяют добиться недостижимого, решить задачу, у которой, как думают, нет решения, а мечту сделать реальностью.

Щит Марса, преподнесенный богами римлянам, делал их самым воинственным народом в мире. Кроме того, они внедряли технические новшества немедленно, а свой огромный город сделали открытым для любого, кто хочет помочь возвысить его. Рим не остановить. Ему нужны новые провинции, больше денег, небывалая роскошь, армия рабов... хотя, каждый третий житель Рима и так был рабом.

– Отец, в Риме много желающих преуспеть на завоеваниях в Азии. Цезарь вот сказал: «Я могу пойти куда пожелаю».

– Тщеславие погубит Цезаря... Сын, надо уметь защищаться, иначе навяжут чужую культуру и религию, – продолжал Тигран.

Артавазд негодовал:

– Сначала нас поработят, затем заставят поклоняться чужим богам, а потом принудят раствориться в истории...

– Рад, что ты понимаешь... Мое время прошло...

Царь Тигран II Великий приобщал армян к греческой культуре, самой выдающейся цивилизации мира. Продолжать его деяния – забота Артавазда, и отец все прошедшие десять лет неустанно наставлял сына. Армения должна остаться независимой. Власть и религия объединяют нацию, язык и письменность пробуждают самосознание людей, а культура делает их просвещенными и открытыми ми-

ру. Сын драматург, он написал несколько талантливых трагедий. Пусть дерзает и впредь, пусть развязка его новой драмы подарит человеку надежду на прекрасную и счастливую жизнь...

Тигран молчал, в тишине было слышно лишь потрескивание огня в масляных светильниках, от легкого дуновения ветра на окнах раскачивались занавески.

Артавазд, преисполненный благоговения и сознавая важность момента, произнес:

– Превратности судьбы играют нами, как легкий ветерок колышет занавеску...

Тигран встал, подошел к окну и устремил взгляд на Арарат.

– Дух горы будет покровительствовать тебе, – сказал он. – Арарат испускает магическую энергию, но помни: силы магии преувеличены мифами, и надеяться нужно только на себя. – Он взглянул на сына: – Боги зовут меня к себе, теперь ты царь, но связь наша не прервется. Правь мудро, подари Великой Армении мир и спокойствие. Сильный правитель способен повлиять на ход истории во благо своего народа.

Тигран объявил стране и миру о передаче власти Артавазду и о своем уходе на покой. Во главе кавалькады преданных воинов отец и сын скакали на лошадях в отдаленную крепость, где легендарный правитель проведет остаток дней. Так думали все. В полночь отряд остановился у пеще-

ры Зымзым, что на Вороновой скале недалеко от озера Ван. В свете луны скала выглядела загадочно и внушала непостижимое таинство. На ее вершине, куда вела тропа, была пещерная каменная дверь в Дворец власти – обиталище богов. Тигран и Артавазд с факелами в руках вдвоем поднялись по тропе наверх. Гладкая каменная поверхность двери была покрыта почти истершимся тонким рельефным узором и клинописью. Царь погладил ладонью теплую шершавую поверхность, ощутив кожей пальцев изображение цветка сезам (кунжут), снял с шеи талисман «Солнце и Луна». Природа внезапно замерла: воцарилась зловещая тишина, почернело небо, прекратился ветер, замолчали птицы.

– Прощай, сын! – Тигран ласково смотрел на Артавазда, стараясь подбодрить и рассеять страх взволнованного отпрыска. – Тоска по ушедшему ведет к скорби, а скорбь – плохой советчик в делах. Живи и воплощай мечты в жизнь.

Они обнялись. Тяжелый комок подкатывал к горлу сына. Новый армянский царь Артавазд II, задыхаясь и едва сдерживаясь, чтобы не заплакать, прошептал:

– Прощай, отец!

Тигран трижды дотронулся талисманом-ключом до двери и трижды произнес магическое слово «сезам». Прокаркал ворон, раздался скрежет камня о камень, дверь со скрипом открылась, в проеме появилось неяркое голубое свечение. Лошади у подножья скалы заржали и заметались, птицы неистово защелбетами, подул ветер, луна окрасилась в багро-

вые тона.

Врата вечности открыты. Царь Тигран обратился к Артавазду:

– Возьми талисман, ты знаешь, что делать... – Передав ключ к Дворцу Власти, посмотрел в глубину пещеры: – Бог Арамазд в обиду не даст! – и вошел в скалу.

Дверь с шумом и скрипом закрылась. Все успокоилось, луна вновь стала серебристой, замерцали звезды...

Царь Артавазд II в царском одеянии восседает на троне, слушая своих советников. Он облачен в пурпурную расшитую узорами тунуку, на плечах длинная леопардовая накидка. Драгоценный пояс имеет пряжку «лев терзает оленя», золотой кинжал украшен ручкой из рога африканского носорога, на груди владыки подвеска-талисман «Солнце и Луна». Голова царя увенчана белой с золотым шитьем и драгоценными камнями тиарой (восточный символ великого царя), золотой диадемой (знак царского достоинства), головной повязкой из белой ткани (символ предводителя нации в античном мире и символ победы). На его руках перстни-обереги, кольца и печатки. Ноги обуты в ярко-красные сафьяновые сапожки.

За спиной мужа стоит царица Анаит, темпераментная обладательница гордой осанки и редкой красоты, с венцом, украшавшим пышные черные волосы. Слева и справа – царедворцы. Брат Аршам назначен главой службы безопасно-

сти царя. Ловкий придворный чиновник Гнуни по-прежнему ведаёт финансами и налогами царства. Глава старейшин родов Багратуни, великий венцезолагатель, как всегда, отстаивает интересы алчной аристократии. Верховный жрец Мигран заботится лишь об усилении влияния на государя. Главнокомандующий войсками Багунци безуспешно бьётся за деньги для армии. Философ Амфикрат все ещё пытается поучать царя. Уехали из столицы в свои крепости отстранённые от дел Мамиконян, Кухбаци и Гурас, а Евсей и Вараздат ушли в мир иной.

Мигран продавливает нужное решение:

– В Арташате нет большого храма Солнца в честь бога Михра. Государь, повели построить храм!

– Дорогостоящее дело! – возразил Гнуни. – В казне нет средств!

Багунци озаботился вопросом безопасности:

– Армия не развивается. Нахарары не выполняют план согласно зоранамаку...

Зоранамак (военный регистр Великой Армении) требовал от всех княжеских династий предоставлять в случае войны конницу и крестьянское ополчение.

Гнуни был непреклонен:

– Жизнь в твоём царстве, государь, спокойна, войны давно нет, все довольны. Для укрепления армии нужно много денег, а сейчас не лучшие времена. Казна не справится...

Багратуни напыщенно разглагольствовал:

– Ты, государь, должен объявить о новых привилегиях родовой аристократии: подати с крестьян нужно увеличить вдвое!

Гнуни, опасаясь бунтов, не сдавался:

– С этим можно повременить!

Амфикрат пытался достучаться до царя:

– Государь, все разбогатели в твоём царстве. Посмотри, нахарары купаются в роскоши, храмовые общины преуспели, торговцы процветают, а простой народ беднеет, деревня в упадке... Снизь налоги!

Рачительный Гнуни негодовал:

– Невозможно! Денег не хватает! Знать, конечно, соперничает, кто богаче, но в деревне любят умеренность... Конфликта здесь нет.

Анаит положила руку на плечо мужа:

– Не докучайте царю, он, как когда-то его великий отец, заботится о благе страны. Все могут свободно работать и торговать, а жизнь царства подчиняется вечному ритму: природа дает, народ берет.

Артавазд безучастно слушал: окружение соперничало, требуя уступок. Конечно он понимал, что жадные нахарары пекутся прежде всего о своем благе, а не о народном процветании, бюрократия на местах сильно подрывает его авторитет, в казну не поступают налоги в полном объеме. Народ ропщет. Но что он, порядочный и благородный, любитель драматургии и словесности, слабо пригодный к руко-

водству большим государством человек, может сделать? Как использовать для возвышения Армении ее природные богатства и людской потенциал, непонятно... Управлять страной – не мечом махать...

Он успокаивал себя мыслью, что все будет совершаться по раз и навсегда заведенному великими предками порядку. Основатель династии Арташес I установил верховную власть на всей территории Армении, издал законы, разделил страну на области, провел реформы. Его отец Тигран II раздвинул границы державы, присоединив много земель, сделал страну богатой и сильной. Он, Артавазд II, дал храмам, землевладельцам, любимым родственникам много земли и рабов, в том числе из царских резервов, но примирить аристократию ни с центральной властью, ни между собой не смог. Знать требует привилегий все больше и больше. Тяжелое бремя, взвалившееся на его плечи, придавило волю царя.

Наконец Артавазд нерешительно произнес:

– Отец учил ни перед кем не склоняться, никогда не давать себя в обиду. Поэтому военные отряды, непосредственно подчиненные мне, получают лучшее оружие и снаряжение.

Все склонили головы в знак согласия.

Аршам предложил:

– Происхождение власти – божественный процесс. Твой отец, государь, был верховным правителем Востока, и тебе надлежит именоваться титулом «царь царей», а на драмах надо чеканить слово «божественный».

Это Артавазду понравилось. Себя он видел в роли справедливого правителя, свое предназначение – в великодушии, свою миссию – в спасении. Это накладывает великую ответственность (конечно, в рамках личного миропонимания), а что касается Рима и Парфии, так придется соблюдать нейтралитет.

Царь встал:

– На моей диадеме изображены орлы – единственные птицы, способные преодолеть путь от земли до неба, к богам... Боги дали мне абсолютную власть, моя природа божественна.

Глава 33. Победоносный Красс и парфяне

К римскому наместнику в Сирии Габинию, разместившемуся в резиденции царей в Дамаске, привели царевича Митридата Парфянского. Этот молодой человек вместе с братом Ородом убили царя Парфии Фраата (своего отца), и братья начали править совместно, но потом между ними разгорелась непримиримая борьба за власть. Сначала верх взял Митридат Парфянский. Его, легко внушаемого, поддержала родовая знать, но влиятельный полководец Сурена, человек недюжинного телосложения и исключительной отваги, сместил правителя и поставил царем своего ставленника Орода. Брат бежал и теперь просил помощи у Габиния.

– Наместник, я законный правитель Парфии. Ород захватил власть. Царь я! – Митридат Парфянский, негодуя, угроживал: – Помоги сесть на трон, убей Орода!

Габиний, сидя в кресле перед стоящим царем, со свойственным ему цинизмом поинтересовался:

– Что может заставить меня нарушить закон Рима о невмешательстве в династические споры царей?

– О наместник, я щедро заплачу!

– Где золото?

– Ты захватишь для меня столицу и из царских запасов

получишь пять тысяч талантов.

– Мало! Египетский царь заплатил десять.

– Ты получишь столько же, когда я сяду на трон.

– Риск большой... Деньги сейчас, или нам не о чем говорить, – в голосе Габиния была слышна такая угроза, что Митридат Парфянский счел за благо откланяться.

Для него осталось одно место на земле, где его поддерживали и где можно затаиться и собраться с силами, – Вавилон. Город на берегу Евфрата, один из главных городов Древнего мира, неоднократно превращался в руины. Парфяне, захватив его, восстановили небольшую часть мегаполиса, возвели неприступную стену из кирпича-сырца и начали контролировать шедшие по реке корабли с медью, мясом и строительными материалами, и сухопутные караваны с пшеницей, ячменем и фруктами, а все окрестные народы держали в страхе. Там и заперся Митридат Парфянский. Но полководец Сурена уже через месяц осады крепость взял.

К царскому дворцу Вавилона верхом на гнедой лошади прискакал Ород во главе большой группы военных и охраны. Рядом с ним ехал Тигран Младший. Все спешили.

– Рад, что ты бежал из плена, Тигран Младший. Твой ум и талант мне пригодятся, – царь Парфии похлопал друга по плечу.

Они шли по дорожке сада мимо еще необруанных трупов защитников крепости, направляясь в главный зал, где когда-то целый месяц стоял забытый и никому не нужный гроб

Александра Великого, а сейчас Орода ждал замечательный подарок. Он, светлобородый, увешанный золотыми цепями, с перстнями на каждом пальце, в сапожках, расшитых жемчужом, и с белой повязкой на голове, уже видел себя покорителем Востока. Мешали только Армения и Рим. Но для этих стран уже заготовлены уловки.

– Армения должна покориться мне... – Ород выжидательно смотрел на Тиграна Младшего. – Мое царство монолитно как никогда. Мы камень, который ломает камень. Уйду я, и мой сын Пакор продолжит дело.

Армянский царевич осторожно сказал:

– Твой сын Пакор очень способный и энергичный мальчик. У него явно есть военный талант.

– Спасибо. Наследник престола весь в меня.

У Тиграна Младшего мелькнула мысль: «В этой парфянской династии все становятся царями после убийства отца сыном».

Ород, охваченный азартом, делился планами:

– Армения жаждет нейтралитета? Не выйдет! Армения – буфер между сильными Римом и Парфией.

– Да, моя родина между молотом и наковальней, – произнес почуявший угрозу Тигран Младший.

– Именно! Я хочу заставить Артавазда поступиться нейтралитетом и принять участие в моей войне с сильнейшей державой мира – Римом.

– Артавазд слишком прямолинеен, не умеет лавировать

между соперниками...

– Да, друг мой, это так. Царем Армении должен быть ты, а моя сестра Родогуна царицей. Однажды наступит момент, когда тебе придется сыграть истинную роль спасителя Армении. Сейчас же от твоего брата Артавазда требуется одно: не мешать нам направить по ложному пути римлян, жаждущих развязать войну.

Тигран Младший подумал: «Временный союз с тобой мне выгоден, но однажды наступит момент, и придется тебя уничтожить».

Ород со свитой вошел в дворец и, пройдя через анфиладу помещений, вошел в парадный зал, имевший пышное убранство из темно-синих глазурованных кирпичей с цветными барельефами грифонов, быков и львов. Сев на трон, стоявший в большой нише, он подал знак. Ввели Митридата Парфянского в кандалах. Оба брата светловолосые и светлоглазые, с усами и бородкой, оба поразительно похожи друг на друга.

– Ну что, брат, вот и встретились! – с усмешкой на устах, но примирительным тоном сказал Ород. – Напрасно ты от меня бегал. Нас связывают братские узы, мы вместе росли. Помнишь, как я чуть не утонул, а ты спас меня?..

– Брат, я осознал, что ты велик! – поверженный юноша испуганно округлил глаза. – Тебя называют лживым, но я этому не верю, тебя называют заносчивым, но это не так. Ты истинный царь арийцев, спаситель и благодетель нации, побе-

датель всех наших врагов! Прости меня.

Ород сузил глаза, нахмурил брови:

– Конечно, я тебя прощаю! – и бросил взгляд на Сурену.

Полководец подошел к закованному в кандалы узнику, достал из ножен меч и пронзил им пленника в самое сердце. Вскрик вырвался только у Тиграна Младшего.

Красс получил Сирию, став проконсулом на пять лет с правом ведения войн с соседними странами. Всем было ясно, что война будет, и непременно с Парфией. В Риме не верили, что Красс сможет легко укротить потомков скифов и арийцев, затмив славу Лукулла и Помпея, однако все равно жаждали небывалых трофеев. Что касается Габиния, то его отозвали, и он стал отбиваться от многочисленных исков в судах за вымогательство, грабежи и нарушения законов, которые он творил будучи наместником.

Перед иерусалимским храмом стоял Красс, окруженный свитой, и не решался войти внутрь. Главнокомандующий имел короткие, редкие по углам лба, волосы и лоб в морщинах. Брови, затеняющие глубоко посаженные глаза, у него нахмурены, а упрямые складки на щеках никогда не разглаживались. Губы сжаты, узкие, подбородок волевой, квадратный, взгляд цепкий, убийственный. Рядом суетился ставленник римлян – иудейский князек по имени Антипатр, опекун первосвященника Гиркана, фактический правитель

Иудеи. Налоги, собираемые им, шли в Рим исправно, и это делало его значимой персоной.

– Что это? – Красс указал на огромный жертвенник у храма.

– Жертвенник всежжения! – бойко отвечал Антипатр. – Дождь ни разу не потушил в нем огонь.

Красс уставился на это сверхъестественное чудо, затем посмотрел на опытного Кассия. Тот дал дельный совет:

– Проконсул, я рекомендовал бы принести жертву. Помпей, например, прислал двух белых быков.

– Почему ты посоветовал мне не входить в храм? – озадаченный Красс в упор смотрел на Кассия. Квестор нагнулся к самому уху командующего и шепнул:

– Драконий перстень предупреждал Помпея об опасности, но тот ослушался... Помпея чуть удар не хватил.

Тяжелый взгляд Красса упал на перстень, затем снова вперился в здание.

Иерусалимский храм, обитель божественного духа, имел двери, украшенные золотыми и серебряными пластинами, два массивных медных столба и стены из тесаных камней. Храм обнесен каменной стеной, на воротах надпись на латинице и греческом: «Вход в пределы храма карается смертной казнью». В казне храма по-прежнему хранились большие богатства, об этом Крассу ранее сообщил Кассий.

Вид здания внушал благоговение, а Драконий перстень странно себя вел. Не решившись войти внутрь, Красс, подо-

звав к себе Антипатра и первосвященника (и также этнарха) Гиркана, сказал им:

– Я изымаю деньги для своего грандиозного похода в Парфию. Солдатам нужно платить жалованье... Десять тысяч талантов хватит.

У Гиркана потемнело в глазах. Только недавно Иудея с большим трудом выплатила контрибуцию. Был общественный сбор средств – десять тысяч талантов, выплата, наложенная на побежденное государство победителем Помпеем. И вот снова! Красс так посмотрел на Антипатра, что у того затряслись поджилки. Свирепый взгляд военачальника приводил в трепет любого. Поняв, что деньги или золото храма к нему придут, полководец развернулся и тяжелым шагом проследовал на выход через ворота ограды.

В Дамаске Красс на террасе своей резиденции смотрел вдаль и думал: «Богатства провинции Сирия и царства Иудея ничто по сравнению с несметными сокровищами, ожидающими меня в парфянском походе. После Парфии будут Армения, Бактрия, Индия и Китай! Походы Лукулла и Помпея – детские забавы. Мой мир будет огромен: от океана на западе до океана на востоке. Я один буду контролировать торговлю шелком».

Торговля шелком процветала, но никому не удавалось производить шелк за пределами Китая: тайна изготовления охранялась веками. Шелк везли по Великому шелковому пути. Красс, конечно, был доблестным и энергичным полко-

водцем, а богатство для него служило всего лишь средством прославиться, но у него начисто отсутствовало политическое чутье, а цели были настолько ничтожны, что вряд ли их можно назвать целесообразными или необходимыми.

В распоряжении Красса имелось всего семь легионов пехоты и конница из четырех тысяч всадников, плюс одна тысяча вспомогательных галльских конников на медлительных, но выносливых конях и собственный сын в качестве одного из легатов. Набор в армию проходил со скрипом: римские граждане записывались крайне неохотно. Наместнику достались солдаты, не востребованные Цезарем и Помпеем. Рим роптал: нарушение союзного договора с Парфией многих встревожило, а сенатская оппозиция проклинала Красса. Набрав в Италии всего три легиона, он забрал еще четыре у Габиния. Вся армия полководца составляла сорок тысяч легионеров и всадников, столько же вспомогательных войск. И с этой силой он собрался завоевать мир?..

Рассчитывая заполучить конницу Армении и Осроены, Красс ждал встречи с царями этих стран, отвергнув предложение посла Парфии о мире. Кассий на правах главного советника информировал главнокомандующего:

– Проконсул, я хорошо знаю Армению...

Знания Кассий почерпнул от своей подруги и спутницы. Когда Артавазд стал царем, в один из римских вечеров Рипсимэ, поцеловав любовника и получив очередной сверкающий подарок, рассказала такую историю. У армян есть гора,

они называют ее Азат – священная. Весь мир знает ее как Арарат. Землетрясение, бури, языки пламени, черный дым – не редкость для людей, живущих близ нее. В самой горе обитают вишапы (драконы). Иногда вишапы крадут ребенка, подменяя его злым духом из своего рода. Так вот, новый царь Армении Артавазд имеет все повадки вишапа. Он наделен незаурядными умом и силой.

– Из чего это видно, дорогая? – спросил Кассий.

– Ну как же! Он драматург, много пишет, и все его трагедии с ужасным концом. Еще Артавазд побеждает во всех состязаниях.

– Откуда ты знаешь?

– Поговаривают, он вездесущ: с помощью магии перемещается в любую точку земли... А еще очень жесток... – Рипсимэ изобразила на лице кислую гримасу.

– Не слышал, – Кассий удивился.

– Он казнит подданных за пустяковые провинности...

У квестора зародились сомнения, но женщина настаивала, и неприкрытое презрение сквозило в ее облике:

– Он вероломен! Всегда делал вид, что не замечает меня...

Рипсимэ не стала говорить, что он когда-то отверг ее притязания.

– Милая, но это не повод называть его вероломным...

– А то что он ненавидит Рим, а на его флаге изображен дракон, разве не вероломство? Говорят, дух горы Арарат покровительствует царю! – выпалила красавица.

Ее руки обвили шею Кассия, любовники поцеловались, и она прошептала:

– Дорогой, не связывайся с ним, не ходи в Армению.

Похоже, самолюбие Рипсимэ и повышенная впечатлительность переросли в месть, однако Кассий насторожился. До сих пор она не ошибалась...

Своему начальнику квестор сказал:

– Проконсул, царь Армении Артавазд умный, хитрый и жестокий, владеет магией и очень вероломен.

– И что, мне надо бояться Артавазда?

– Нет, конечно, проконсул. Но верить ему нельзя.

– Я слышал, что в армянских храмах, – Марк Красс сверкнул глазами, – статуи богов из чистого золота. После Парфии мы зайдем в Армению.

Драконий перстень позеленел. Кассий отреагировал:

– Я бы не советовал, проконсул...

Кассий, обратив внимание Красса на перстень, рассказал: на руке Помпея талисман горел как огонь, когда полководец с армией шел по дорогам армянского царства. Дух, обитающий в горе Арарат, следил за каждым шагом римского войска, обрекая на неудачи... Помпей быстро прошел сквозь территорию Армении, ничего не взяв. Лукулл же запаниковал и повернул обратно... Красс задумался. Конечно, он не настолько суеверен, как Помпей и Лукулл, но разум подсказывал умерить честолюбивые помыслы. Он спросил:

– Мне сказали, что у царя Артавазда есть проблемы с соб-

ственной знатью...

– Да, проконсул. Наш человек в его окружении Аршам, сын царя Тиграна от наложницы, сообщал, что Артавазд непопулярен. В столице не прекращаются интриги и столкновения. Верхушка армянской аристократии давит на него, требуя привилегий и игнорируя все распоряжения, а его армия малочисленна и небоеспособна.

– А что насчет царя Осроены?

Царство Осроена, граничащее с Сирией и Арменией, возглавлял лживый Абгар II, араб по происхождению, правивший ассирийцами. Его конница считалась лучшей в мире: лошади в пополах из звериных шкур были резвы, а всадники – лихие смельчаки.

Кассий ответил так:

– Абгар предан нам, знает местность и повадки парфян. Он полезен, свою преданность доказал. Помпей оставил его царем.

Сирийское солнце нещадно палило, но на террасе, защищенной тентами от полуденных лучей, царила приятная прохлада. Красс попивал охлажденный напиток из бананов и персиков, закусывая инжиром и сушеными финиками, когда доложили о прибытии царя Армении. Полководец поднялся ему навстречу. Гость вошел и с поклоном произнес:

– Проконсул и наместник Красс, приветствую тебя! Пусть дни твои продлятся до бесконечности, а подвиги твои затмят свершения великих!

– Царь царей Артавазд, приветствую тебя! – сердитый вид Красса несколько

смягчился. – Надеюсь, выбранная тобою дорога не была излишне извилистой? – выжидательно посмотрев на гостя, Марк указал на кресло.

Царь Армении спокойно ответил:

– Моя дорога была вымощена благими намерениями.

Они сели, беспокойно поглядывая друг на друга.

– Проконсул, я привел с собой отряд: шесть тысяч всадников, – наконец сказал Артавазд.

Армянский царь ненавидел Рим, но союзные обязательства требовали поставлять римлянам вспомогательные войска, конницу и продовольствие. Многоходовая игра Орода состояла в том, чтобы запугать недалекого Артавазда вторжением парфян и вынудить его просить помощи у Красса. Иная роль была отведена коварному Абгару II: ему поручалось вывести легионы Красса на открытую местность.

Артавазд, очень надеясь, что римляне обезопасят его страну от парфян, уговаривал:

– В Армении я смогу присоединить к тебе, проконсул, еще десять тысяч катафрактариев (тяжелая кавалерия) и тридцать тысяч пехоты.

– Щедро! – Красс не верил ни единому слову гостя. – Но что ты хочешь взамен?

– Парфянский царь Ород в нарушение договора угрожа-

ет вторжением. Он опустошит мое царство. Прошу, приди в Армению, и мы вместе ударим по врагу! Единственная сила парфян – конница, но путь твоей армии по земле армян будет безопасным: парфянская конница бесполезна в горах.

– Понимаю, – сказал наместник.

Красса в Риме прозвали Богачом. Он чуюл запах армянских сокровищ. Однако, вспомнив рассказ Кассия, сидящего рядом (тот насупился и всем видом показывал свое отрицательное отношение к этой идее), великодушно произнес:

– Предложение заслуживает внимания. Я подумаю, как наказать Орода.

Армянский царь откланялся, а вскоре Красса, самоуверенного и ослепленного идеей легкой победы, приветствовал Абгар II.

– Проконсул! – царь Осроены, сидя напротив Марка Красса, льстиво улыбался. – Моя конница в твоём распоряжении! Я сам буду сопровождать тебя в победоносном походе.

По его словам, план похода был прост и заманчив: римская армия следует на северо-восток и, переправившись на другой берег Евфрата в самом узком месте (у Зегмы), безопасно шествует по царству Осроена до столицы Эдессы. Отдохнув и пополнив запасы воды, поворачивает на юг с заходом в Мигдонию (ее столица Нусайбин утопает в роскоши) и в Карры – древний город, где живут греки, потомки воинов Александра Македонского. Далее следует стремительное движение по долине реки Тигр вниз по течению до заветной

цели – малой столицы парфян Ктесифон, очень богатого города.

Абгар живописал:

– Эти трусливые парфяне разбегутся врассыпную при виде твоей доблестной армии, и путь к главной парфянской столице Нисе откроется. Там сказочные сокровища! – Но вот улыбка пропала, и Абгар изобразил на лице озабоченность: – Полагаю, царь Артавазд предлагал идти через Армению. Проконсул, будь осторожен: этот маршрут ужасен и опасен. Горы коварны...

Необузданная алчность Красса разжигалась неумемной жаждой легкой победы. Римский наместник слепо доверился Абгару и выбрал маршрут через Осроену.

Армия Красса перешла Евфрат по переправе у селения Зевгма. После Мигдонии, где римские войски пополнили запасы провианта и воды, не забыв пограбить население, колонна повернула на юг, вступив в месопотамские степи, перемежающиеся с плоской каменистой равниной. К главнокомандующему прискакал его старший сын Публий. Он был очень взволнован:

– Отец! Артавазд отзывает отряд армянских всадников. Ород с армией вторгся на территорию Армении и движется на его столицу! Разведка подтверждает.

– Прекрасно! – самодовольная улыбка озарила мужественное лицо Красса. – Это означает, что парфяне ждут нас

в Армении и не знают о движении через Осроену.

– Но отец, Ктесифон наверняка под защитой войск...

– Сын, моя воля непоколебима, а веление моей страны неумолимо. Кто бы ни стал на пути, будет разбит.

– Проконсул, – вмешался в разговор Кассий, – взгляни на перстень!

Камень карбункул лучился оранжевым светом.

– Ну и что? Не понимаю, как это связано с моим походом.

– Проконсул, – напомнил военный трибун Октавий, – мы пойдем в жару, а местность пустынная и безводная...

Красс скривил рот:

– Октавий, расслабься! Доблесть не в том, чтобы готовиться к бедствиям, а в том, чтобы, сознавая последствия поступков, изнывать от желания победить...

Походная колонна римской армии, растянувшись на десятки миль, прошла город Карры, окруженный древними городскими стенами, а врага по-прежнему не было видно, или он уклонялся от сражения.

– Проконсул! – Кассий был воодушевлен. – Парфяне не решаются дать бой. Хороший знак!

Красс, следуя в группе трибунов, одобрительно кивнул. Он ждал результатов вылазки разведчиков. Местность открытая, и это тревожило, но невдалеке есть небольшой холм и речка. Возможно, здесь следует поставить лагерь для ночлега изнывающего от жары и жажды войска... На горизонте появилось облачко пыли. Прискакали солдаты из разведки.

Вернулось всего три человека из двух десятков.

– Проконсул, – закричал один из них, – мы попали в засаду, почти всех перебили! Неприятельская конница стремительно наступает!

Изумленный известием, что враг больше не уклоняется от битвы, Красс на минуту онемел. Военный трибун Октавий, увидев состояние полководца, громко закричал:

– Враг приближается!

– Атака парфянской конницы! – завопил трибун Петроний.

– Перстень! – толкнул шефа Кассий.

Красс опустил глаза: камень в перстне переливался разноцветьем: от серебристо-серого до фиолетово-синего. Марка передернуло, дар речи вернулся, мысль заработала, сознание прояснилось. Он скомандовал:

– К бою! Развернуть легионы по фронту!

Военная наука требовала в случае нападения больших конных отрядов противника построить легионы в линию. Забили барабаны, заиграли трубы, военные трибуны поскакали с приказами. Войско прямо с марша при поддержке кавалерии занимало боевой порядок в линию легионов глубиной в десять солдатских рядов. Когда первые четыре легиона выстроились по фронту, на горизонте появилась черная туча – всадники парфян.

– Не успеваем занять боевой порядок по ширине всей долины! – воскликнул Кассий, прискакав к Крассу. – Три ле-

гиона и катапульты еще на марше!

Красс заревел:

– Развернуть крайние легионы так, чтобы образовался квадрат!! Занять оборону!! Оставшиеся легионы считать резервом!

Военные трибуны ринулись доводить приказ. Главкомандующий взглянул на Драконий перстень: карбункул был цвета крови. Проигнорировав знак судьбы, он воинственно окинул взором офицеров и воскликнул:

– Наконец-то битва! Мы их разобьем! Я держу центр, ты, Публий левый фланг, Кассий, правый!

Легионы, подчиняясь приказам и заведенному порядку, выстроилась в каре, закрывшись щитами и выставив вперед копья в готовности отразить любой удар. Остатки колонны римских войск и метательные машины медленно вползали на поле битвы, но не успевали занять позиции. Внезапно от них отделился большой отряд всадников. Конница Абгара во главе с царем, поднимая клубы пыли, пустилась в бегство.

– Предатель!!! – Красс неистовствовал, посылая в адрес царя шквал ругательств. – После Парфии разберусь и с Абгаром, и с Артаваздом!

Парфяне шли на сближение. Конных лучников вел Сурина. Его барабаны-тимпаны издавали глухой дребезжащий звук, угнетающе действовавший на римлян и вдохновлявший потомков скифов. «Парфянская стрела» неслась на боевые порядки Красса. Эти всадники в шароварах и серых под-

поясанных ремешком халатах, с короткими черными плащами на плечах и желтыми островерхими шапками на голове, непокорные и воинственные, привыкшие всю жизнь проводить на коне, скакали легким галопом, но на расстоянии выстрела пустили лошадей в быстрый галоп и выпустили стрелы.

Парфяне с такой скоростью стали расстреливать римских всадников и лучников, что первые в панике отступили, а вторые попрятались за рядами легионеров. Римляне, прикрывшись щитами, отстреливались из луков, метали пилумы и дротики, но град парфянских стрел сковал их действия. Парфяне непрерывным потоком огибали строй противника, выпуская несметное число смертоносных стрел, пробивавших щиты и доспехи. Уходя, лихие стрелки неожиданно прямо на конях разворачивались задом наперед и снова вели огонь.

Такая тактика для Красса была полной неожиданностью. Его солдаты массово получали ранения и гибели, а он был бессилен что-либо сделать.

– Должны же у них когда-нибудь закончиться стрелы! – закричал Октавий.

Вдалеке появились верблюды с корзинами стрел: прибыло пополнение боеприпасов. Скученность легионеров представляла отличную мишень для неприятельских лучников. Обстрел продолжался, парфянская конная рать непрерывно обтекала боевые порядки легионов, тесня римскую конницу, и та вскоре была вся перебита. Сурена пустил в ход ката-

фрактариев. Покрытые броней всадники и лошади попытались таранить строй римлян и длинными копьями пробить брешь в боевых порядках. Не получилось! Катафрактарии увязли в гуще солдат-ветеранов, а те, зная свое дело, стаскивали с лошадей неуклюжих, не знавших седел и стремян латников и кромсали их мечами.

Это ловушка... До Красса наконец дошло, что его пехота в безлюдной степи не в состоянии биться с армией, состоящей сплошь из конницы. Его предали, завели в бескрайние равнинные земли, где кочевники, привыкшие здесь жить, получили небывалое преимущество. Но они не с тем связались! Он Красс, победитель Спартака, триумфатор, и его талант полководца ценят выше дарования Помпея и Цезаря!

– Публий! – подозвал он юношу: – Опасную, но важную задачу я могу возложить лишь на сына. Контрудар! Твой легион и галльская конница внезапной атакой отвлекут противника, что позволит отступить основным силам!

– Да, отец! – глаза Публия загорелись. С детства отец обучал его владеть оружием, воспитывал высоко ценимые в Риме качества – преданность, послушание, скромность. – Я не подведу!

– Публий, не увлекайся преследованием, – они обнялись. Сын ушел, а Красс приказал Кассию: – Оповестить войска: отступаем к Каррам!

– Слушаюсь, проконсул!

Отряд Публия, усиленный галльской конницей, внезапно

атаковал парфян с фланга. Подействовало! Парфяне развернули коней и поспешно поскакали прочь, а легион Публия преследовал их. Красс с облегчением вздохнул. Но вскоре примчался трибун:

– Публий с отрядом окружен, просит помощи!

– Я сам пойду на помощь сыну! Кассий!.. – Красс осекся.

Парфяне возвращались. Когда они приблизились, легионеры содрогнулись: один из неприятельских всадников нес на пике голову Публия. Уничтоженный морально, Красс, тем не менее, призвав офицеров, сдавленно произнес:

– Смерть сына касается только меня. Исполняйте свой долг!

И все повторилось вновь: град стрел, атака за атакой, катафрактарии... Легионеры, оцетинившись копьями и щитами, отгоняли парфян как могли, наносили контрудары, стреляли залпами из катапульта, но это не помогало: они возвращались вновь и вновь. Так продолжалось, пока солнце не село. В разгар сражения раздался сигнал тимпанов, обстрел прекратился, и парфяне покинули поле битвы. Наступление ночи принесло передышку. Красс пал духом. Остатки его армии, бросив убитых и раненых, отступили к Каррам.

Решив, что парфяне ночью воевать не будут, римское войско попыталось выбираться из пустыни. Кассий, возглавив уцелевших всадников, со словами: «Он нас всех погубит!» бежал в Сирию, чтобы потом хвастать, как он спас римскую армию. Отряды Красса утром, когда до спасительных холмов

оставалась мила, настиг Сурена. Черная туча из лучников приближалась. Легионеры, чей дух окончательно угас, заняли круговую оборону, закрывшись щитами.

В Риме парфян представляли заносчивыми, необузданными, коварными и наглými. Перс Сурена, главнокомандующий парфянской армии, был другим: высокий, мощный, статный, уверенный в себе, с лицом спокойным и полным достоинства, мужественный и сильный. Его войско уступало в численности противнику в четыре раза, но он нанес римскому полководцу величайшее поражение.

Сурена приказал отпустить группу пленных римских солдат. Когда те добежали до своих, парфянский военачальник в сопровождении всего двух всадников поскакал к позиции римлян. На полпути он и его люди спешили и пошли пешком по выжженной зноем желтой земле. Остановились на расстоянии полета стрелы. Один из свиты, подняв над головой белый платок, стал медленно приближаться к римскому отряду. Подойдя совсем близко, он крикнул по-гречески:

– Сурена предлагает Крассу заключить перемирие! Ждем вашего начальника обсудить условия! – и ушел.

Приунывшие офицеры обступили Красса.

– Это засада! – Октавий, как всегда, был осторожен.

– Спасение близко, на уловку парфян поддаваться нельзя, – высказался Петроний.

– Они всех нас перебьют! – вдруг завопил военный префект.

– Император, мы потеряли пол-армии в одном бою, и это твоя вина! – сказал один из легатов.

Упреки со всех сторон посыпались на военачальника:

– Красс трусит!

– Он толкает нас к краю пропасти!

– Переговоры – это шанс получить приемлемые условия и выйти из затруднительного положения!

Большинство офицеров, бросая в адрес Красса оскорбления, потребовали переговоров с врагом. Красс молча сносил все это, но нервозность выдавали руки, стискивающие одна другую. Взгляд его упал на камень перстня: тот почернел. Краски жизни вдруг померкли, Марк впал в состояние полного безразличия. Он отрешенно произнес:

– За той горной грядой, – полководец указал на север, – вы будете в безопасности. Надежду на спасение нельзя терять никогда. Я пойду на переговоры, хотя и не верю в их успех. Пусть историки напишут: «Марк Красс погиб, обманутый врагами, а не преданный своими согражданами».

Офицеры молча кивнули.

Яркое месопотамское солнце освещало смуглое обветренное лицо полководца Сурены, привыкшего к жаре и укладу жизни кочевника. Погладив черные внушительные усы, он обратился к своим людям:

– Упустить его нельзя. Он придет, я уверен. Будем ждать.

Красс, решившись на переговоры, подозвал секретаря. Сняв с пальца золотой Дракониий перстень, талисман, кото-

рый должен был привести его к победе, повертел его, и вдруг на внутренней стороне кольца различил надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Кривая улыбка – признак нервного напряжения – расплзлась на лице военачальника.

– Мою судьбу дух горы решил, пусть же неизбежное свершится и с любимцем Фортуны. – Протянув перстень секретарю, приказал: – Вернуть Помпею!

Идти с Крассом вызвались Октавий и Петроний.

– Спрячем в доспехах кинжалы, – Октавий заговорщически смотрел на товарища. – Парфяне коварны.

Легионеры расступились, и Красс, тяжело ступая по земле, в кожаном панцире и пурпурном плаще, без оружия и шлема, в сопровождении преданных офицеров (тоже в панцирях, плащах и шлемах) направился навстречу судьбе.

Они остановились на расстоянии пяти шагов от парфян. Первым заговорил Сурена:

– Полководец Красс, я готов заключить перемирие.

– Ты уничтожил половину моей армии, – враждебно сказал римский военачальник.

– Рим ратифицировал с нами договор, который ты нарушил.

– Земли на левом берегу Евфрата мы всегда считали своими, – беспомощно оправдывался Красс.

– Земли на левом берегу Евфрата – парфянские земли! Но царь Ород больше не держит на тебя зла. Ты можешь со своими войнами спокойно уйти в Сирию. – Сурена одарил

Красса улыбкой, прозванной позже парфянской и ставшей символом лицемерия. – В знак дружбы прими подарок.

Один из парфян свистом подозвал вороного коня и взял его под уздцы. Красс смотрел на этого прекрасного скакуна с золотой сбруей и скифским седлом, явно благородного, энергичного, стремительного, и думал: «Неужели я обманут в своих ожиданиях, и парфяне отпустят с миром? Черный конь... камень перстня тоже черный...»

Сурена подзадоривал:

– Прими дар царя, садись, владей!

Смирившись с неизбежным, римский военачальник оседлал коня, но неожиданно один из парфян шлепнул рукой по конскому крупу, и лошадь, тронувшись с места, уже было поскакала в расположение парфян, как вдруг Октавий вцепился в поводья. Ему на помощь пришел Петроний, и оба силились удержать животное. На римлян набросились двое парфян и стали их теснить. Петроний оттолкнул одного, а Октавий, выхватив кинжал, вонзил его во второго. Сурена, достав из складок черного плаща персидский изогнутый нож, метнул его в Красса. Нож глубоко вошел в спину полководца. Красс рухнул с коня.

Октавий, не веря своим глазам, в ужасе вскрикнул, и в это момент его доспехи пробил нож противника. Петроний схватив труп Красса, стал тащить его в сторону своих войск. Легионеры, наблюдавшие эту борьбу, сорвались с места и побежали на помощь. Им навстречу уже неслась конница неприятеля.

теля. Сурена и его воин ухватились за тело Красса и потянули на себя. Петроний не ослаблял хватку. Внезапно парфянский полководец, сверкая глазами, извлек из складок одежды меч и, хищно оскалившись, набросился на Петрония. Тот упал, бросив ношу и, отталкиваясь от песка ногами и руками, попятился назад. Парфяне схватили бездыханное тело полководца, взвалили на коня, на который резво вскочил Сурена. Ударом ног он перевел животное в галоп и поскакал в сторону своих войск.

Бежавшие на помощь легионеры остановились. Не успели! Конница парфян стремительно приближалась. Развернувшись, римские солдаты и офицеры побежали обратно. Раздался бой далеких тимпанов. На полном ходу парфянские всадники проделали маневр и ускакали в степь, подняв огромное облако пыли.

Обескровленная римская армия, потеряв двадцать тысяч убитыми и десять тысяч пленными, ушла горными дорогами и болотами в Сирию. Орлы легионов (символы бога Юпитера) и знамена войск попали к парфянам.

Глава 34. Жуткая трагедия «Вакханки»

Ород с конной армией вторгся в Армению. Его в «победоносном походе» сопровождали наследник престола десятилетний сын Пакор и жена, царица Лаодика. Парфянская колонна войск, состоявшая только из всадников, проследовала мимо развалин Тигранакерта, разрушенного по приказу Лукулла, и остановилась на Тигранакертской равнине у деревни Семал. Кратчайший путь к Арташату лежал через тайный проход в горах, преодолев который оказываешься в Мушской долине, и далее путь до столицы открыт. Маршрут указал парфянам Тигран Младший. Не решаясь войти в расщелину в горах, отряд Орода ждал нападения армян. Существовал другой маршрут, и Ород им в пору своей юности ходил на Арташат, но теперь прыть поубавилась, да и разведка донесла, что единственный мост через бурный Аракс армяне уничтожили.

Армия Артавазда никак не проявлялась. Разочарованный Ород, рассчитывавший, подобно Сурене, применить конницу на равнине, где пехота армянского царя будет уязвима, так и не дождался противника. Превзойти своего полководца Сурену – победителя Красса – не удалось.

Ород бросил на царицу многозначительный взгляд:

– Уверен, в этом ущелье Артавазд приготовил нам сюрпризы, как когда-то его отец римлянину Лукуллу. Тот потерял в армянских горах почти всю армию.

– Государь, – сказала она, придерживая лошадь, – преодолеть армянские горы – то же самое, что ходить по краю пропасти.

Лаодика знала, что говорит. Дочь Антиоха I, правителя армянского царства Коммагена, была очень похожая на отца – яркого, статного мужчину со светлыми волосами и греческим профилем. Златокудрая женщина, изящная, очень умная и властная, она выросла в армянской среде и в окружении гор. Коммагена лежала между Великой Арменией и Сирией и процветала благодаря торговле плодами и маслом. Ород еще царевичем однажды увидев Лаодику, потерял покой. Осыпав царевну и ее отца-царя золотыми украшениями, драгоценными камнями и другими подарками, он добился-таки ее руки. Была пышная свадьба в столице Парфии Нисе, и все завидовали «завоеванию» Орода. Царедворцы предприняли попытку отодвинуть царицу от власти, но Лаодика осадила их и стала существенно влиять на политику государства наравне с мужем. Ород был в восторге от ее деловых качеств.

Их сын Пакор, ребенок от союза скифа и армянки, был похож на мать: тонкие черты лица, пылливый взор, золотые кудри. Он, впитав от двух самобытных народов доблесть, культуру, воинственность и страстность, обладал великолеп-

ными качествами: превосходный наездник, неплохой стрелок из лука, крепкий боец на мечах, недурной метатель копья и аркана.

– Отец, – сказал мальчик, – наши предки всегда сторонились опасных гор Армении. Ты сам учил: «Стань другом врага, чтобы победить его, стань врагом друга, чтобы создать себе врага».

Ород рассмеялся:

– Мой сын не боится волков, поэтому не разводит овец, а берет силой все, что захочет. Да, победить Армению трудно, но возможно.

– Но не сейчас... – Лаодика улыбнулась. – Артавазд умен, он призвал в свою армию даже горы. Действовать нужно не спеша, осторожно.

– Любимая, какой же план родился в твоей чудесной голове? – Ород обычно рассуждал прямолинейно, но в шепетильных вопросах доверял царице.

– Поводом нашего похода должно быть веское соображение... Есть идея! Пришло время помолвки сына, наследника престола... – Женщина нежно взглянула на сына: – Пакор, ты женишься на дочери армянского царя. Ее зовут Наринэ. Станешь другом врага. Мы втянем Армению в сферу наших интересов и покорим без боя. А ты, дорогой, – Лаодика одарила мужа лучезарной улыбкой, – сегодня свяжешь Артавазда родственными узами, чтобы завтра назначать правителей этой страны.

Умная женщина способна сокрушить крепость без боя.

Ород, взвесив шансы, воскликнул:

– О, хорошая идея! Если осел не подходит к грузу, подвинь груз к ослу... Решено! Пакор, союз двух стран скрепим помолвкой!

– Но, отец...

– Никаких возражений! Государственные интересы. Цари Парфии давно мечтали заполучить Армению, и я этого добьюсь. Возможно, поначалу сохраню этой стране внутреннюю автономию, но однажды уничтожу, заставив армян молиться нашим богам.

Неумолимый ход истории, как всегда, вносит правки в земную жизнь. Парфянское царство просуществует еще двести восемьдесят лет, затем канет в Лету, Армения же, одно из древнейших государств мира, существует по сей день...

Царица, одетая по последней моде (вышитая цветами розовая туника, голубая тонкая накидка, кожаные гамашы, на голове золотая диадема и небольшая войлочная шапочка с вуалью, с ног до головы в драгоценностях) шурилась на солнце.

– Знаешь, дорогой, предложи Артавазду кое-что еще. Это окончательно привяжет его к тебе.

Ород размыслил:

– В награду за послушание он получит Софену и Малую Армению.

Лаодика решительно развернула лошадь:

– Вперед я поеду одна. Поговорю по-армянски, скажу, что приехали сваты и родители жениха.

И, не слушая возражений, погнала лошадь в ущелье мимо столетних дубов, охранявших как стражи вход в расщелину. Она скакала по узкому скальному проходу между вечнозелеными фисташковыми деревьями, увешанными плодами, и зубчатых кряжей, громоздившимся по обеим сторонам теснины. Вскоре два армянских всадника выехали ей навстречу. Поговорив с ними, царица вернулась назад:

– Государь, нам разрешено войти в ущелье, но в сопровождении только одной тысячи всадников.

В тронном зале арташатского дворца царь Артавазд, поглощенный своими мыслями, ждал гостей. Уже зная о крупном поражении римлян, он догадывался, зачем Ород пришел в Армению. На его волевом лице читалась озабоченность, упрямый подбородок был вскинут, тяжелые мысли создали душевное напряжение. Наконец поборов растерянность, он решил, что вида подавать не будет, как и не будет жертвовать своими интересами.

Возвестили о прибытии царя Парфии. Артавазд встал и посмотрел на царицу Анаит, сидевшую на малом троне. Она улыбнулась ему. Царь перевел взгляд на чинно стоявших придворных. Они всецело сосредоточились на тревожных мыслях. Слева от трона, скрестив руки на груди (знак полного подчинения царю царей), стоял Аршам, справа – сын

царя Арташес. В глазах обоих сквозила настоженная подозрительность.

Двери распахнулись, и размеренным шагом вошел Ород, сопровождаемый свитой.

– Брат, я так долго ждал этой встречи! – возвестил лживый Ород, воздев руки к небу.

– Брат, для меня честь принимать великого соседа! – любезно приветствовал Артавазд, идя навстречу гостю.

Они обнялись. Ород с любопытством разглядывал одеяние армянского царя: пурпурную, богато украшенную тунику, длинную накидку из шкуры леопарда, золотую диадему и старинный бронзовый кинжал с ручкой из рога африканского носорога на поясе. Сам Ород был в темно-зеленом кафтане, расшитом драгоценными камнями, в штанах и сапогах; на плечах черный плащ, на голове белая повязка. От ежедневного ношения громоздкого головного убора царской династии он воздерживался, стараясь во всем подражать грекам, чье культурное наследие ценил. Его кинжал, больше напоминающий короткий железный меч акинак, имел навершие в виде полумесяца с сапфиром в центре, золоченую рукоять, клинок из дамасской стали и деревянные ножны с накладками из золота.

– Брат, Великая Армения для меня подобна цветку, – шутил парфянин. – Если потрогаешь – вонзятся шипы, сорвешь – убьет молния, а вдохнешь аромат – сойдешь с ума!

– Брат, любуйся этим цветком издалека... – Артавазд по-

думал: «Удел армянских царей – выпалывать сорняки», но вслух сказал: – С красотой цветов не поспоришь, а вот привычка приходить туда, где тебя не ждут, заразительна.

– О, ты намекаешь на вторжение римлян в мои земли? Очень пагубная привычка! Представляешь, я поехал к тебе по делу, а оборону Месопотамии поручил Сурене. Так он укоротил не только вражескую армию, но и самого полководца Красса, чью голову теперь возят по городам Парфии. Завтра привезут показать тебе.

– Брат, Рим унижен, его политика в Азии провалилась, прими мои поздравления! – царь Армении дружески похлопал гостя по плечу. – Имея таких незаменимых помощников, как хитрый Абгар и победоносный Сурена, ты заставишь мир восхищаться собой.

Ород проглотил колкость по поводу своей беспомощности как полководца. Ни в одной из битв он еще не участвовал, громких побед за ним не числилось, но амбиции и гордыня им обуревали.

– Мне иногда кажется, – осторожно сказал он, – мир не только должен восхищаться Парфией, но и принадлежать ей... – И, высокомерно посмотрев на Артавазда, добавил: – Теперь, после победы над Римом, титул «царь царей» должен по праву носить я, не так ли?

Повеяло холодом. Артавазд, ощутив, что Ород призывает к подчинению, произнес:

– Мы, цари, являемся потомками богов, и наша миссия

вести мир ото лжи к правде, от заблуждения к истине, от страдания к блаженству.

– Брат, я слышу слова именитого драматурга! – Ород посмотрел на правителя Армении с нескрываемым интересом. – И все же?

Цари прогуливались по залу. Артавазд сказал:

– Что касается титула... Расскажу тебе историю...

Речь шла о том, что цари Востока старшиной царей выбрали армянского правителя не случайно. Армяне – потомки Айка, государя, жившего две с половиной тысячи лет назад. Он очертил границы государства вокруг горы Арарат и стал первым армянским царем. Когда к нему с войной пришел, ведя отборное войско, завоеватель Бэл (в железном шлеме, с головы до пят в броне, с копьем и мечом), Аик убил его, пробив броню всего одной стрелой. Нашествие провалилось.

Артавазд остановился у базальтовой стены с барельефом, изображающим льва, и, сделав каменное лицо, произнес:

– Брат, пробей камень кинжалом!

Ород ехидно ухмыльнулся:

– Это невозможно.

Артавазд неторопливо вытащил из ножен бронзовый кинжал с ручкой из рога африканского носорога, смотревшийся как бутафорское оружие, годное разве что для театральных постановок, и неожиданно вонзил лезвие глубоко в камень. Когда царь извлек кинжал, лезвие сверкнуло, по нему пробежала молния, и выступило изображение дракона. Од-

нажды Тигран II обмакнул этот клинок в драконью кровь, с тех пор кинжал мог пронзить любую стену как масло. Сила воздействия жеста была столь велика, что Ород, испытав потрясение, изменился в лице и больше не поднимал вопрос о титуле.

Артавазд почувствовал необычайный прилив сил:

– Брат, у моего предка Айка был девиз: «Умрем или победим!»

Ород быстро сменил тему разговора:

– Ты ведь ставишь трагедии? Я человек просвещенный, обожаю трагедии Еврипида и прививаю своим подданным художественный вкус. Мы с женой хотели бы посмотреть театральную постановку. Так, дорогая?

Ород обратился к жене и, взяв ее за руку, подвел к царю Армении. Красота царицы Парфии восхитила Артавазда. Он на мгновение застыл на месте. Легкая улыбка коснулась лица Лаодики:

– Трагедии разыгрываются и в дворцах, и на полях битв, но драматизм им придают люди, повелевающие судьбами.

– О! – воскликнул Артавазд. – Слабости женщин – это не только источник переживаний мужчины, но и движущая сила всех мировых трагедий. – Обернувшись к Анаит, он, протянув руку, позвал ее: – Дорогая, иди сюда, наши гости – любители драматургии!

Виночерпий и его помощники разнесли золотые кубки, наполнив их красным вином из кувшинов. Артавазд произ-

нес тост. Кавказский тост-легенда, как всегда, длинный и мудрый – побудить к действию, вдохновить на подвиг, вселить уверенность.

Однажды царь Армении спросил мудреца: как заставить подданных себя уважать?

– А чем ты руководишься, принимая решения? – вопросом на вопрос ответил мудрец.

– Часто разумом, – поделился царь.

Мудрец возразил:

– Какой бы выбор ни подсказал тебе разум, все обернется кошмаром.

– Иногда решения я принимаю под воздействием эмоций! – воскликнул царь.

– О, тогда ты должен знать, что эмоции порождают бурю, сводящую на нет усилия.

– Как же быть? – царь был озадачен.

– Все не так плохо, – сказал мудрец. – Оторвись от сиюминутности, найди мотив и пойми кто твой друг, тогда примешь верное решение и заслужишь уважение подданных.

Царь понял мудреца. Нужно не спешить, а наблюдать, ценить в людях не движение в стае, а самобытность и достоинство, не враждовать, а ладить с окружающими.

Артавазд сделал паузу и лукаво посмотрел на Орода:

– Царь Ород, я оторвался от сиюминутных дел, осознал твой мотив, побуждающий уважать Армению, и понял, что две страны должны дружить. Я принял верное решение и

приобрел друга. За нас!

Армянский царь с Ородом, изобразившим деланную улыбку, чуточку сдвинули кубки и выпили вина.

Ород спросил:

– Какой же выбор сделаешь ты, царь Артавазд, когда римляне в следующий раз нападут на Парфянское царство?

Артавазд, застигнутый врасплох, все же улыбнулся:

– Царь Ород! Говорят, цель человека – сохранить внутреннюю гармонию. Я хочу достичь этой цели. Для этого я должен постичь истину, любовь и природу вещей. Еще очень важно знать, что друзья в безопасности. Конечно, я приду на помощь другу!

– Достойный ответ, брат! – Ород вышел на середину зала: – Потомки нас с тобой ни в чем не упрекнут, если будем дружить, а союз двух стран скрепим помолвкой наших детей – моего сына Пакора и твоей дочери Наринэ.

Артавазд знал намерения парфянина. Царица Анаит, женщина редкой красоты, в парадном одеянии и в обрамлявшем пышные черные волосы венце с золотым гранатовым деревцем, произнесла:

– Если верно, что каждый должен оставить след в истории, то царь Тигран II, которого сегодня с нами нет, воплощал в себе дух Великой Армении. Он порадовался бы, что два соседних народа ищут сближения. Пусть союз наших детей станет мостом доверия и надежды! Дети, идите сюда!

С одного конца зала вышел десятилетний Пакор, с друго-

го девятилетняя Наринэ, и, взявшись за руки, смущенные и трепетные, оглядываясь по сторонам, они встали между царями и царицами.

Царь Артавазд громко возвестил:

– Сегодня мы празднуем два великих события: примирение государств и помолвку царских детей! В честь этих событий, которые, я верю, раскроются во времени судьбоносным знаменем, завтра закатим пир!

Супруги обоих царей и дети ушли гулять в сад, а Ород, сидя в кресле в отведенных ему в дворце покоях, нервно покусывал губу. Несомненно, Артавазд одержал над ним верх, пусть даже в нравственном аспекте, но как бесцеремонно он это сделал! Ненадолго... Последнее слово все равно останется за Ородом. Бесшумно появился, как всегда, Помаксафр, главный подручный и советник парфянского царя.

– Государь, не только армяне смеются над тобой. В твоей державе резко выросла популярность Сурены. Славу победителя Рима не затмить.

– Помаксафр, что ты предлагаешь?

– Высокий авторитет Сурены слишком опасен для тебя. Его надо устранить.

Ород резко поднял голову и испытующе посмотрел на подручного. Царь завидовал славе талантливого подчиненного, а зависть, как известно, вызывает огорчение и злобу.

– Слишком опасен... – эхом прозвучали слова Орода.

– Государь, – оскалился Помаксафр, – яд аконит действует быстро. Но есть еще одна проблема: царь Осроены Абгар очень возгордился. Всем рассказывает, что погибель римлян его заслуга, мол, именно он привел их под стрелы парфян.

– Его сын Ману в моей свите?

– Да, государь.

– Позови!

В покои царя ввели юношу, наследника престола Осроены. Это царство, населенное сирийцами, ассирийцами и армянами, было завоевано арабским племенем оррой и все время пребывало в нерешительности к кому примкнуть – к Армении или Парфии.

Ород сверлил глазами царевича:

– О Ману, царство Осроена настолько важный плацдарм для моей грядущей большой войны с Римом, что править им должен молодой, энергичный и храбрый царь. Такой, как ты, например. У меня имеются веские причины подозревать твоего отца в измене. Готов ли ты к решительному шагу?

Ману, двадцатилетний сын Абгара, давно мечтал занять отцовское место. Не хватало смелости. Ород взял над ним опеку и показал как нужно добиваться власти: убил своих отца и брата. Сигнал ясен. Восприняв призыв, юноша решил, что пора свершиться неизбежному. Он страстно зашептал:

– Готов, повелитель! Так хочет богиня Аллат! – Ману поклонился. – Да свершится предначертанное!

– Прекрасно! – Ород раскрыл ладонь. Подобострастный

Помаксафр вложил в нее флакон с ядом. – Ману, этот яд откроет тебе дорогу не только к трону, но и к могуществу! – и протянул пузырек царевичу.

Ману, взяв флакон, удалился, а Ород изрек:

– Пока в мире есть глупость и доверчивость, можно не опасаться за свое благополучное будущее.

Мальчик и девочка, взбудораженные помолвкой, гуляли по саду. Пакор, больше привыкший ездить верхом, чем передвигаться пешком, чувствовал себя вне обычной обстановки беспомощным.

– Отец говорит, что женщины тщеславны и болтливы, часто несут вздор, – сказал он. – Моя мать умна, всегда молчит, и потому отец ее выбрал. Я бы лучше поговорил о лошадях...

– А мой отец говорит, – парировала Наринэ, – что женщина – дар богов, она делает мужчину скромнее и добрее.

Дети остановились у фонтанчика с изображением крылатого мифического существа аралеза, изо рта которого струилась вода.

– Если бы ты была мальчиком, мы бы поговорили о мечях, кинжалах, луках, о борьбе наконец. А так... – раздосадованный Пакор скорчил гримасу неудовольствия.

– Ты можешь со мной говорить о чем угодно, – сказала Наринэ.

– Вы, девчонки, думаете только о нарядах и куклах.

– Не всегда. Дай-ка руку!

Изящная и грациозная Наринэ, не дожидаясь реакции Пакора, внезапно захватила обеими руками его правую руку и, не напрягаясь, провела болевой прием, выполнив бросок. Мальчик, сильный и физически развитый, совершил головокружительный пируэт. Швырнув его на землю, Наринэ закончила прием имитацией удара кулаком в голову.

Пакор резво вскочил с земли и, обозленный, с вытаращенными глазами закричал:

– Что это было?

Наринэ посмотрела на него по-детски невинно:

– Это прием из армянской борьбы кох. Отец научил.

Дальнейшая прогулка по саду принесла обоим массу удовольствия; тем для разговоров появилось предостаточно.

На другой день, когда солнце садилось, в храме принесли жертвоприношения – быков и коз, – а потом в дворце, в большом зале для приемов, устроили грандиозный пир. Подавали мясо зажаренного барашка, лаваш, сыр, гусиную печень, запеченных фламинго, форель, выловленную в озере Севан, овощи, зелень, фрукты, сладкие пироги и мороженое; изысканным было и вино. Все общались, вели беседы, слуги приносили блюда с яствами и чаши с водой для мытья рук, подавали прохладительные напитки.

За центральным столом сидели цари и царицы, рядом дети. Ород поднялся и объявил:

– Мой подарок детям – царства Софена и Малая Армения, которые я собираюсь отобрать у римлян! А еще, чтобы все говорили о моем милосердии и крепкой дружбе с армянским царем, верну ему золотую статую богини Анаит!

Раздались одобрителный гул и аплодисменты. Эта статуя, реликвия армян, была захвачена парфянами более со-рока лет назад и всегда являлась поводом для дипломатиче-ских переговоров. Артавазд, когда Ород сел, произнес:

– Брат, я наслаждаюсь общением с тобой. Наша дружба крепче камня.

«Доверчив», – подумал Ород, а вслух сказал:

– Мы с тобой оба владыки Азии. Обиды и недоверие оста-лись в прошлом. Зерна верности и дружбы дадут богатые всходы.

Они обнялись. Чревоугодие затянулось до полуночи, по-том столы убрали, и все приготовились смотреть представ-ление: трагедию драматурга Еврипида «Вакханки». В отли-чие от Рима, где больше любили вульгарных шутов и крова-вые цирковые состязания, в Армении (да и в Парфии) знать приобщалась к изысканному, поэтичному и красивому теат-ральному искусству. Своеобразная культура Востока в чем-то обгоняла западную, но, перенимая все лучшее у Запада, она одаривала мир цветом, изяществом и поэзией.

– Сегодня мы увидим трагедию «Вакханки», – Артавазд обратился к Ороду и Лаодике. – Это представление посвя-щено победе Парфии над Римом.

– Я в нетерпении, – произнесла Лаодика.

– Хочу отвлечься, чтобы забыть на время бесконечные уособицы и склоки, – доверительно сказал Ород.

Представление началось. Актеры декламировали, хор (полтора десятка человек) танцевал и пел, а притихшая публика в свете золотого огня канделябров внимала каждому слову героев трагедии.

Молодой бог Дионис, еще малоизвестный, возжаждал вселенского могущества. Он приходит в Фивы, чтобы установить свой культ, но встречает противодействие молодого царя Пенфея и его матери Агавы, считающих культ этого божества распутством.

Пенфей

*Едва успел вернуться я домой,
Дурные вести слышу отовсюду,
Нежданная постигла нас беда:
Дома, детей фиванки побросали;
В вакхическом безумии они
Скитаются в горах, поросших лесом,
И бога Диониса – что за бог,
Не знаю – почитают пляской².*

Дионис, явившийся из Азии с мыслью, что вино – объединяющая людей сила, хочет влить в народ божественный дух.

² Еврипид. «Вакханки» (Перевод И. Анненского)

Терпя от смертных брань, он решил заставить Фивы (один из самых влиятельных городов Греции) уважать себя. Город обречен на месть, кровь, детоубийство, вакханалии, разгул страстей и безумие...

Дионис

Пусть же царь

И прочие фиванцы убедятся,

Что точно бог я.

Пенфей арестовывает принявшего вид странника Диониса и запирает в хлеву. Дионис оскорблен. Он лишает разума Агаву, делая ее одержимой культом Вакха, то есть Диониса, – бога виноделия, веселья, оргий и экстаза, – чтобы обезумевшая мать убила своего сына.

Зрители притихли, напряжение нарастает. Все понимают, что победителем в противостоянии бога и царя-нечестивца выйдет азиатский бог. В конце пьесы толпа вакханок растерзала Пенфея. Жрица Агава, его обезумевшая мать, в сопровождении вакханок, с венком на голове и в сильнейшем возбуждении несет тирс (деревянный жезл), увитый плющом и виноградными листьями, на который нанизана перепачканная кровью голова Пенфея. Но что это?.. Вместо бутафорской головы зрители видят голову полководца Красса!

Агава

Несем с Киферона

Улов свой счастливый, трофей этот свежий...

Хор

Я вижу трофей твой: приди и ликуй!

Агава

Я первая взяла...

При этих словах Агавы со своего места в зале сорвался парфянин Помаксафр, выбежал на сцену и, пламенея гневом, вырвал у актера Язона, исполнявшего роль жрицы Агавы, отрубленную голову Красса и швырнул ее к ногам парфянского царя: «Он первый взял!»

Ород, остановив ногой прикатившуюся голову, поднялся и, попирая ее черным сапогом, расшитым белыми жемчужинами и красными камнями, выразительно посмотрел на царя Артавазда, затем на публику. Весь вид его говорил: «Я, подобно Дионису, – повелитель всех земель Азии, и буду диктовать мировой порядок». Стушевавшийся было хор неуверенно пропел: «Да, всех богов сильнее Дионис!»

Глава 35. Тайна власти

После возвращения в Египет Птолемей XII устроил резню и репрессии. Римское присутствие ему было на руку, и поэтому он не только не урезонивал солдат (пятьсот галлов и германцев), но и всячески поощрял: благодарил, вознаграждал, одобрял браки с местными женщинами, обещал землю. В результате разленившаяся солдатня не хотела ни воевать, ни возвращаться в Рим и была не прочь навсегда поселиться в Египте. Когда проконсул Бибул, новый наместник Сирии, назначенный после гибели Красса, направил двух сыновей в Египет за этими солдатами, чтобы усилить группировку войск на парфянской границе, те, не захотев возвращаться к суровой дисциплине римского лагеря, по совету египетского министра Ахиллы убили их.

Свиток творца – атрибут власти над природой и людьми, источник благосостояния страны – Птолемей спрятал в тайник.

В царские покои вошла дочь Клеопатра с изящным серебряным кувшином. Она уже взрослая, привлекательная, с типично греческим лицом, волнистыми волосами и носом с горбинкой, как у отца. Великолепный наряд (калазирис с геометрическим орнаментом как идея бесконечности жизни, полупрозрачный плащ, сине-голубые фаянсовые бусы и черный парик, украшенный белой лентой и цветком лотоса)

подчеркивал свежесть и совершенство девушки, а ее обаяние, сквозившее в каждом движении и слове, излучало веру в искренность.

– О моя дорогая! – Птолемей, прекратив упражняться в игре на флейте, обожающими глазами смотрел на дочь. Он был готов для нее на все: баловать, поклоняться, восхищаться. Отложив флейту, подошел и, поцеловав дочь в щеку, воскликнул: – Клеопатра, ты главное сокровище Египта, богиня Хатхор, владычица Тентира, моя соправительница!

Хатхор почиталась в Египте богиней неба и любви, женственности и красоты, веселья и танцев. В городе Тентира фараон строил центр культа и храм в честь Хатхор, посвятив его своей дочери Клеопатре.

Поставив кувшин на стол, девушка взяла в руки систр – музыкальный инструмент из золота с навершием в виде кошки с человеческим лицом. На нем были подвешены тарелочки и колокольчики.

– Отец, я пришла, как обычно, помузицировать с тобой, – голос Клеопатры, чарующий и мягкий, обволакивал, в каждом слове сквозила притягательная сила. – Какое музыкальное произведение исполним сегодня?

– Дитя мое, в голову не пришла ни одна новая мелодия. Только в общении с тобой я черпаю вдохновение.

Считалось, что богиня Хатхор может принимать образ вечнозеленого дерева сикомор (смоковница), по прочности не уступающего дубу, а его плоды фиги считались драго-

ценной ягодой. Богиня поила живительной влагой из этих ягод посетителей «прекрасного запада» (царство мертвых). Родиной дерева был Египет. Из фиг, по рецепту из «Книги небесной коровы», Клеопатра каждый день готовила для отца пьянящее пиво, в которое подмешивала вещество «диди» (порошок гематита), открывающее врата человеческой души. Фараон употреблял это пиво исключительно из рук дочери, пренебрегая услугами рабов-пробователей. Напиток цвета крови концентрировал мысль, прибавлял решительности, смелости и уверенности в себе.

Клеопатра налила из кувшина в стеклянный с золотым ободком бокал кроваво-красную жидкость и подала отцу. В глазах девушки сверкнули красные огоньки. Птолемей с благодарностью принял бокал и стал жадно пить. Пришло умиротворение, устойчивость, покой, сама собой возникла музыкальная тема – потрясающая, смелая, с новым способом выражения, явился лейтмотив: жизнь Хатхор, дарующей плодородие Египту.

– Я назову эту композицию «Дикая сикомора»! – сказал он.

Фараон одарил дочь одобрительным взглядом и заиграл на флейте лирическую протяжную мелодию. Музыка как птица невесомо парила в пустоте, а взмах ее крыльев – это биенье и звяканье тарелочек и колокольчиков систра, которым брэнчала Клеопатра.

Через несколько дней Авлет слег. Болезнь так подкосила его, что он с трудом говорил и принимал пищу. У дверей покоев царя толпились придворные: главный министр Потин, военный министр Ахилла и начальник дворца Теодат.

– Он умирает, не оставив завещания! – негодовал Потин.

– Он обязан выразить последнюю волю, назначив наследником сына, иначе Рим пришлет своего ставленника, – торопливо сказал Ахилла.

– Только в присутствии главного жреца завещание станет неоспоримым фактом, —обронил Теодат.

Позвали верховного служителя Великого храма в Мемфисе – главного египетского жреца Пшериниптаха. Вместе с ним и вошли в спальню фараона. На огромной кровати с золочеными спинками, под балдахином из прозрачной ткани лежал неизлечимо больной Птолемей XII. Луч солнца, пробивавшийся сквозь резную решетку окна, падал на его изможденное лицо, освещая предсмертную агонию умирающего. Все четверо приблизились к ложу. Пшериниптах (ему уже почти сорок) в длинной льняной коричневой рубаше, шапочке из той же ткани и со шкурой леопарда на плечах, вышел вперед, воздел руки к небу и произнес:

– О боги небесные, боги земные, придите и узрите фараона! Я поручаю вам его! О люди, ликуйте в ожидании нового божества! Царь Птолемей, избавься от страха, приготовься уйти в загробную жизнь и стать бессмертным! – жрец положил на ложе погребальный папирус с заклинаниями для

защиты от враждебных сил, обитающих в Дуате. – Бог Анубис ждет. Он сопроводит тебя к царю загробного мира Осирису.

Еле шевеля губами, не поднимая головы с подушки, фараон произнес:

– Великий провидец Пшериниптах, я принимаю волю богов...

– Достоинно закончи свой земной путь – назначь наследника престола. Кто новый царь?

– Мой старший сын.

Жрец объявил:

– Новый царь Птолемей XIII. Кто станет его соправителем?

– Моя старшая дочь.

– Царицей станет Клеопатра VII.

У Авлета было двое сыновей и две дочери, и вот малолетнему Птолемею надлежит стать фараоном, а юной Клеопатре – царицей и соправителем.

– Поставь подпись на завещании.

Потин вложил в руку фараона палочку из тростника, подложил под нее папирус с текстом, обмакнул тростник в склянку с чернилами из сажи, замешанной на гуммиарабике (смола аравийской акации), и умоляюще прошептал: «Подписывай!» Царь поставил подпись и уронил тростник. Дело сделано, династические законы соблюдены, и об этом скоро узнает мир. Раздался голос Пшериниптаха:

– Чтобы путь царя в загробный мир был легким, я, как хранитель священных тайн, должен провести ритуал очищения. Оставьте нас!

Выжидательно посмотрев на придворных (они замешкались, неохотно покидая спальню), провидец, как только дверь плотно закрылась, спросил:

– Птолемей, где Свиток творца?

– В тайнике.

– Кто знает о тайнике, и где ключ?

– Армянский царь Артавазд знает, ключ у него.

– Хорошо! – жрец ушел.

За стеной у изголовья кровати, приложив ухо к отверстию для подслушивания, стояла Клеопатра. В глазах ее вновь сверкнули красные огоньки. Она выпрямилась, гордо подняла голову и напустила на лицо выражение высокомерной брезгливости, как у ее погибших матери Трифаены и сестры Береники.

Бог солнца Амон – верховный бог египтян. Его самый знаменитый храм в Египте был в оазисе Сива. Однажды персидский царь Камбис II, покоря Египет, отправил пятьдесят тысяч воинов захватить Сиву, но они бесследно исчезли, а Камбис впоследствии был поражен безумием. Те же, кого бог Амон выбирал сам, становились великими. Перед завоеванием Персии Александр Македонский прибыл в Сиву. Оракул храма объявил ему о его божественной природе и на-

звал законным фараоном Египта. Единокровный брат Александра Птолемей I имел дочь Арсиною. Ее именно здесь, в Сиве, бог Амон выбрал себе в жены. Став соправительницей фараона, она получила при жизни божественные почести, и все ее потомки (среди них и Клеопатра VII) обладали незаурядными и даже мистическими способностями.

Клеопатра, самостоятельная и деятельная, с развитой интуицией и цепкой хваткой, знающая магию и десять иностранных языков, отличалась острым умом, чарующим голосом и неодолимым обаянием. Эта смуглая черноволосая гречанка могла молниеносно соблазнить мужчину, волшебным образом влюбив его в себя, умела легко манипулировать мужским полом, вызывая сначала страсть, чувственное влечение, а затем стремление исполнить любой ее каприз. Манящий запах этой женщины, усиленный розовым маслом, привязывал партнера намертво.

Клеопатра, получая божественные знаки и подсказки, была одержима идеей править миром, как великие фараоны Тутмос III и Рамсес II, сокрушившие армии многих государств, или как Птолемей I, завоевавший Киренаику, южную Сирию, Кипр и множество греческих полисов. Отстранив от управления брата и клику министров, Клеопатра стала принимать решения сама.

Главный министр евнух Потин, военный министр Ахилла и начальник дворца толстяк Теодат, имеющий почетный титул «воспитатель фараона», в тронном зале, озираясь, гово-

рили вполголоса, иногда переходя на шепот:

– Она отстранила нас от управления.

– Проводит проримскую политику, как ее отец.

– Подняла налоги, чтобы выплатить долг Риму.

– Выдала новому наместнику Сирии убийц его сыновей.

– Владеет магией. Умеет делать золото из других металлов.

– У нее есть воля, это опасно.

– Приказала снизить содержание серебра в монетах вдвое, собирается провести деноминацию...

– О, надо что-то делать!! – закричал Потин.

– Я скажу что делать, – «воспитатель фараона» заговорщически посмотрел на царедворцев. – Воспользуемся ситуацией. Плохой разлив Нила в этом году вызвал неурожай. Конечно виновата царица! Пустим слух, что возникла угроза голода, возмутим народ, усилим антиримские настроения, отправим подстрекателей бунтов во все номы. Пусть египтяне требуют ее казни и грозят прекратить ирригационные работы!

– Иностранцы наемники тоже настроены против нее, – сказал Ахилла. – Это надо использовать.

– Среди жречества пустим слух, – высказался Потин, – что новым фараоном будет не грек, а египтянин, а столицу вновь перенесем в Мемфис. Жрецы этого хотят... Они отвернутся от нее.

– Да будет так!

Все трое, довольные планом и решительно настроенные добиться победы над женщиной, пошли воплощать задуманное.

Клеопатра все слышала. С самого детства она изучила тайны дворца, построенного так, чтобы ни один секрет не укрылся от фараона.

Бывшие солдаты Габиния, галлы и германцы, обозленные на Клеопатру, оцепили дворец, а толпа возбужденных египтян, ведомая подстрекателями, ворвалась в него и беспрепятственно вломилась в покои царицы. В большом зале, украшенном традиционными фресками и цветами, среди голубых колонн в виде папируса, журчащих фонтанчиков и красных ковров, полулежа на золотых ложах, облокотившись на шелковые подушки, семь «цариц» смотрели на недовольных горожан. Все одного роста, все в черных париках с диадемой, все в оранжевых калазирисах и прозрачных плащах, с лицами, прикрытыми черной вуалью; в руках каждой опахало из страусовых перьев. Потин, выйдя вперед, растерялся:

– Клеопатра! – он вертел головой по сторонам, пытаясь угадать, где подлинная царица. – Ты виновна в бедах Египта. В Александрии голод!

Подойдя к одной из девушек, он резко сорвал ее вуаль. Узнав рабыню, растерялся, но закричал:

– Клеопатра, ты виновна в том, что хочешь изгнать своего брата, законного правителя Египта!

Подскочив к другой «царице» и сорвав с ее лица вуаль, увидел черную рабыню и, взвизгнув, отбежал назад. Семь женщин встали с лож и с достоинством, гордой осанкой, мягким шагом с красивой походкой выстроились перед возбужденной толпой. Заговорила та, что в центре:

– Александрийцы, вы именуете меня «Наша владычица и великая богиня». Неужели вы поверили лжецу Потину? Египет возвысится при моем правлении. Я повелела восстановить самые почитаемые из разрушенных храмов, строю храм в честь Хатхор, а новый канал, который я приказала прорыть, принесет нильскую воду в Александрию в избытке. Народ любит меня. Я Изида, дочь бога Амона-Ра...

Потин закричал:

– Не слушайте ее! Она порождение зла, исчадие тьмы, гнусная обманщица, развратная девка! Смерть отродью бога Сета!

Толпа зарычала, загудела, двинулась на «цариц». Строй девушек сомкнулся. Их стало шесть. Потин принялся срывать с каждой вуаль. Клеопатры не было... Сбежала!

– Ищите ее в дворце!! – истошно заревел он и, увлекая толпу за собой, выбежал из зала.

Сенат в Риме постановил, что Цезарь – враг народа, так как не сложил полномочия главнокомандующего в Галлии по окончании срока проконсульства и не распустил войска. Он угроза для Рима! Законопроект готовил Помпей, чья по-

пулярность росла с каждым днем. Устранение Цезаря с политической арены открыло бы ему путь к единоличной власти. Вето на постановление сената наложил Антоний – его Цезарь предусмотрительно провел в народные трибуны. Теперь жизни Антония грозила смертельная опасность. Переодевшись в раба, на повозке, запряженной ослиами, ночью он бежал из города. Республику лихорадило: Красс погиб на войне, триумvirат развалился, произошли вооруженные столкновения, Клодия убила, его отряды мстителей распустили, прокатилась волна политических процессов, начался разгул самых диких страстей. Умерла во время родов Юлия, дочь Цезаря и жена Помпея. Двое политиков больше не доверяли друг другу и, разругавшись вконец, стали непримиримыми врагами. В Риме объявили о наборе войск. Все шло к гражданской войне.

Цезарь с одним легионом и трехстами всадниками выдвинулся из Галлии к реке Рубикон – северной границе Италии. Переход через эту реку войскам категорически запрещался законом. Рим – первая цивилизация, основанная на соблюдении законов.

– Проконсул! – Антоний на коне подъехал к Цезарю. – Сенат воспримет переход границы как мятеж, а мятежника ждет казнь.

– У меня есть повод для вторжения: тебя хотели убить. А что это как не угроза священной неприкосновенности народного трибуна?! – громко, чтобы слышали все, сказал Це-

заль, а сам подумал: «Если я откажусь перейти Рубикон, это принесет мне несчастье, но если я перейду его, это принесет несчастье всем».

Он колебался. Стояла звенящая тишина, ее нарушало лишь фыркание лошадей. Посмотрев на своих преданных генералов, веривших ему и готовых действовать самоотверженно в любой ситуации, он произнес:

– Жребий брошен! – и первым на коне форсировал мелкую речку.

Гражданская война (в ней погибнет республика) началась. Взоры запаниковавшего сената обратились к Помпею, мнящему себя властителем мира, и Помпей, так долго ждавший момента, когда его будут умолять, взял на себя роль спасителя республики.

Кассий ощущал душевное равновесие только в доме Рипсимэ, и только в ее объятиях испытывал сильные чувства. Она питала к нему глубокую привязанность, но его эмоциональное состояние, высокомерность и внутренняя опустошенность страшили ее. Сомневаясь в искренности его чувств, Рипсимэ успокаивала себя: «Неважно, что он не хочет разводиться с женой, главное – я ему небезразлична, он нуждается в моей поддержке». Она приподнялась на кровати, положив руку под голову, чтобы увидеть лицо возлюбленного. Он спал. Римский чеканный профиль Кассия представлял собой застывшую маску надменности. Рипсимэ так

и не удалось открыть тайники его души. Последние встречи стали пугать: квестор говорил только о политике, во взгляде появилась жестокость, в делах доминировала склонность к порокам. Его самолюбие было болезненным. Превратившись в циника, он был готов ради своего тщеславия принести в жертву все и вся. Рипсимэ, как могла, сглаживала резкость и противоречивость любовника, отвлекая его от грустных мыслей.

Видимо, почувствовав взгляд подруги, Кассий открыл глаза и улыбнулся, но тут же на его лице появилась холодность.

– Милый, – женщина ласково прижалась к нему, – мне хочется быть полезной тебе. О чем ты задумался?

– Рипсимэ, – лицо Кассия исказилось, – Рим ввергнут в политическую анархию.

– И что с того?

– Цицерон предложил избрать диктатора.

– Сенат обратил взор на...? – она с любопытством открывала в нем ростки зависти.

– На Помпея... Им удобнее управлять. Но Цезарь – сенат его боится – неудержимо рвется к власти.

– О милый, я чувствую, грядет война, – вид красавицы, похолодевшей от мысли о войне с непредсказуемым исходом, стал испуганным.

– Непомерное честолюбие Цезаря против напыщенного самодовольства Помпея! – на лице Кассия заиграла презри-

тельная улыбка. – Борьба за власть! Я заинтригован. Рипсимэ, чью сторону принять?

Он смотрел на девушку выразительными серыми глазами. Накопленная ярость во взгляде жестокой натуры этого человека вдруг выплеснулась в зримое воплощение зла. Рипсимэ почувствовала, что обнажилась темная сторона его души.

Вдруг Кассий высказал осенившую его мысль:

– Все дело в перстне!

– Милый?

– Я понял! Кто владеет Драконьим перстнем, тот обречен.

Красса убили, потому что он, пренебрегая знаками судьбы, шел в заготовленную перстнем ловушку. Помпей ведет себя осторожнее, но это ничего не меняет. Его также ждет гибель. Кстати, перстень ему вернули...

Рипсимэ казалось, что Кассия переполняла ненависть, над ним прочно довлел предрассудок, но тот с воодушевлением и пафосом произнес:

– Я рад этому!

Он все для себя решил. Выше квестора подняться в армии ему не дадут, но война – это шанс возвыситься. Помпей обещал сделать его народным трибуном, но парню этого мало. Цезарь наверняка сделает легатом. Миссия Кассия – убрать неспособную к управлению державой коррумпированную аристократию в лице сената. Державе нужен монарх. Но почему держава? Империя! Он будет императором, покорит мир, и все царства станут провинциями Рима с одной

лишь привилегией – поставлять рабов, зерно и золото. Конечно, народы не смирятся с римским господством, вспыхнут смуты, мятежи, восстания... Он подавит любые выступления.

– Милый, ты меня пугаешь.

– Я утоплю мир в крови...

Последние слова Кассий произнес яростно, исступленно, с ухмылкой садиста. Рипсимэ всполошилась: «У него бредовая идея величия. Он способен принести страдания мне, людям, странам...»

– Милый Кассий, – растерянно произнесла она, – я расскажу тебе одну историю...

Красноречию Рипсимэ он внимал, как всегда, молчаливо. Безжалостный царь Вавилонии Навуходоносор II повелел военачальнику Олоферну завоевать страны Востока. Олоферн с огромной армией, состоящей в основном из ассирийцев, разорил Месопотамию, Киликию и другие земли и подошел к Иудее. Молодая, богатая и красивая вдова Юдифь, стремясь спасти свой родной город Ветилуя, облачилась в нарядные одежды и отправилась в стан ассирийцев. Она сделала вид, что хочет предать свой народ. Очарованный красотой гостыи, Олоферн попытался овладеть ею, но выпил лишнего и, к несчастью для себя, заснул в шатре. Юдифь обезглавила спящего полководца его собственным мечом, а отрубленную голову положила в мешок и унесла. Испуганные ассирийцы бежали, город был спасен.

Рипсимэ умолкла и посмотрела на Кассия. Его неестественно искаженное лицо и безумный взгляд вызвали у нее неуверенность и слабость.

Взглянув на нее спокойно и враждебно, тихим голосом Кассий произнес:

– Я не пью много вина...

Он встал, оделся и, уже уходя, бросил:

– Меня ждут либо почести, либо бесславие, но свою лепту в разрушение мира я внесу.

Цезарь стремительно наступал, используя в полной мере фактор внезапности. Помпей, застигнутый врасплох, был обескуражен. Он не успевал ни переправить на Апеннинский полуостров свои легионы из Испании, ни набрать новые. Его противник совершал победоносное шествие по Италии, всех прощая. Легат Афраний с легионом, получив щедрые обещания и приглашение вступить в армию Цезаря, предал Помпея — после недолгого раздумья капитулировал.

Помпей спешно ушел с войсками в Грецию и обосновался в городе Лариса, а Цезарь, захватив Рим и казну государства, провозгласил себя диктатором и с небольшой армией (шесть легионов) переправился в Грецию, где ввязался в кровопролитные бои. В одном из них он чуть не погиб, но нерешительность Помпея спасла ему жизнь.

И вот развязка. Битва при Фарсале, на севере Греции, окончилась сокрушительным разгромом Помпея. Талант

Цезаря проявился в полную силу. Применяв военную хитрость, он сконцентрировал скрытый резерв из трех тысяч легионеров на левом фланге противника со слабым легатом. Помпей командовал правым флангом, имея против себя Антония. Цезарь дал знак, и его кавалерия, сражавшаяся с кавалерией Помпея, расступилась, пропуская резервные когорты пехоты. Те стали биться со всадниками неприятеля, норовя попасть копьём именно в лицо человека. Отпрыски знатных семейств из кавалерии Помпея не выдержали и обратились в бегство. Солдаты Цезаря приступили окружать помпеянцев на фланге, те дрогнули и бросились врассыпную, а боевой порядок рассыпался. Сам Помпей решил бежать в Египет в надежде, что дети Авлета вспомнят, как Габиний по его приказу восстановил их отца на троне.

Флотилия Помпея из десяти судов подходила к Египту. Суда были большей частью торговые, так как боевой флот легаты-изменники, в том числе Кассий, угнали к Цезарю. Гней совсем пал духом, и даже новая жена Корнелия и ее сын Секст, взятые на борт на острове Лесбос, не поднимали настроения. Один из сенаторов назвал Помпея, совсем недавно мнившего себя вершителем судеб Римской республики, ничтожеством. Черeda ошибок, и он ступил на путь гибели. Возможно, его, ослепленного тщеславием, ждет крах, а возможно, не все еще потеряно. Римские солдаты, которых Габиний оставил в Египте, пока там, ждут его приказов, царь-

мальчик Птолемей обязан ему тронem, богатства Египта безграничны, флот этой страны не уступает римскому. «И золотое кольцо дракона все еще у меня. Да, все складывается! Нельзя падать духом!» – решил Помпей. Сняв с пальца Драконий перстень, любимый талисман, он повертел его на ярком солнце, внимательно рассматривая. Камень горел кроваво-красным пламенем. На внутренней стороне кольца он вдруг различил надпись: «Слава и забвение: всему свой срок».

– Забвение великому человеку не грозит, – вслух сказал он.

– Что, дорогой? – не поняла Корнелия.

– Творишь добро всю жизнь, а люди запоминают лишь ошибки, грязь и неудачи.

Жена нежно поцеловала мужа:

– Мнимые друзья – приспособленцы, на сердце у них лишь ревность, соперничество и зависть. Будь сильным, думай о хорошем!..

Они оба смотрели на приближающийся берег, вселяя в свои сердца надежду. Письма Птолемею XIII и командиру римских войск в Египте были отправлены заранее. Ответ был положительным, и теперь корабли Помпея шли в Пелузий, город-крепость в дельте Нила на берегу Средиземного моря, где юный фараон готовил войска к сражению с Клеопатрой, на вербовавшей наемников – арабов и набатеев.

Фавоний, бесконечно преданный Помпею, произнес:

– Не нравится мне все это. Похоже, в этом году нам не видать тускульских фиг.

В Тускуле, городе недалеко от Рима, стояли виллы богачей. Отказаться в этом году от тускульских фиг означало оставить надежды о скором возвращении в Рим. На берегу выстраивалось большое египетское войско. Помпей взглянул на камень Драконьего перстня. Тот переливался разноцветьем: от серебристо-серого до фиолетово-синего. Военачальник насторожился.

– Гней, – снова заговорил Фавоний, перехватив взгляд патрона, – мы могли бы уйти к берегам провинции Африка (современный Тунис) или просить помощи у царя Армении Артавазда; заключить, на худой конец, союз с парфянами или, как Цицерон, отказаться от борьбы и вернуться в Италию.

– Фавоний! – Гней грустно взглянул на товарища. – Судьба, прощая злодейства и оправдывая неудачи, все равно ведет всех в бездну.

Помпей вдруг осознал, что его величие призрачно: «Меня так долго называли великим, что я сам в это поверил; но, похоже, история изобразит меня неудачником, вознесшим Цезаря на вершину власти».

– Гней, – Фавоний сурово смотрел ему в глаза, – демон направляет тебя по гибельному пути.

Взгляд географа вновь упал на Драконий перстень. Камень перстня уже стал черным.

Военный министр Египта Ахилла, одетый по случаю важ-

ного события в торжественные одежды, в платке немес с красными и белыми полосами, с пасмурным лицом, а также два угрюмых центуриона в кольчужных рубахах, шлемах с гребнем, красных плащах и с мечами на поясе спешили навстречу флагманскому кораблю на украшенной белыми лилиями лодке с несколькими рабами на веслах. Подплыв к судну, Ахилла встал и, приложив руку к сердцу, поклонился и выкрикнул:

– Император Помпей Великий! Царь Египта ждет тебя для торжественной встречи! Прошу пересесть в мою лодку! Море здесь мелкое, большой корабль не сможет подойти к берегу! – и протянул руку.

Спасаться бегством было поздно и унижительно. Поколебавшись с минуту и набросив поверх доспехов воинский плащ пурпурного цвета, Помпей, поцеловав побледневшую Корнелию и бросив прощальный взгляд на сына, бессознательно процитировал слова Софокла:

– Кто отправляется к тирану, становится его рабом...

Опираясь на руку Ахиллы, он перешел в лодку. Вслед за ним последовал Фавоний. Лодка поплыла к берегу. Корнелия с беспокойством провожала глазами мужа. Помпей, взглянув на римского центуриона на корме лодки, произнес:

– А ведь ты служил когда-то под моим началом?

В ответ тот лишь кивнул головой. Отвернувшись, военачальник достал маленький свиток с написанной по-гречески приветственной речью, которую собирался произнести пе-

ред Птолемеем, и стал читать. Лодка остановилась, уткнувшись носом в песок. К ней уже шел молодой фараон, царедворцы Потин и Теодат. Помпей поднялся со скамьи, и в ту же минуту центурион вонзил ему меч в спину. Фавоний вскрикнул, схватился за меч, но второй центурион уже приставил к его горлу свой гладиус. Смертельный удар в сердце Помпея нанес мечом министр Ахилла. Полководец с глухим стоном рухнул к ногам убийц.

Корнелия, наблюдавшая с борта корабля жуткую сцену, с душераздирающим воплем упала в обморок. Сын Секст истошно закричал: «Измена!» Капитан римского судна, увидев выходящую из-за скал египетскую эскадру боевых кораблей с гребцами, парусом и лучниками, развернул корабль и направил в открытое море. За ним поспешно удалились остальные суда.

На берегу мальчик-фараон с ужасом смотрел на окровавленное тело Помпея в доспехах и пурпурном плаще.

Потин сказал:

– Подобный финал рано или поздно был неизбежен.

Теодат произнес:

– Помощь Помпею поставила бы под угрозу независимость Египта.

Ахилла заметил:

– Теперь у Цезаря не будет предлога для вторжения.

Юный фараон, испуганный и бледный, закричал:

– Мне не простят этого злодеяния никогда!! Клеопатра

заслужила бы благосклонность Цезаря другим путем!

– Молчи, она старше тебя и умнее! – цыкнул Потин.

Глава 36. Клеопатра пленяет Цезаря

Через несколько дней после вероломного убийства римского полководца в бухту Александрии вошли корабли Цезаря, гнавшиеся за Помпеем. На тридцати боевых судах перевозился лишь один легион. Но этот легион – самая мобильная и боевая единица Цезаря. Первым из военачальников он стал присваивать легионам номера и эмблемы. VI Железный легион имел эмблему «Бык и капитолийская волчица».

Юлий Цезарь стоял на палубе большой квинквиремы с тремя рядами весел и смотрел на гигантское сооружение – Александрийский маяк, а ветер трепал волосы диктатора. Раб-парикмахер обычно их искусно укладывал, чтобы скрыть лысину. Худое, но энергичное лицо человека, привыкшего повелевать, высокий морщинистый лоб, впалые щеки, маленькие, но умные и живые глаза и отстраненность во взгляде говорили о наличии духа победителя. А еще в его характере многие подмечали ненасытное тщеславие, безмерный эгоизм и неприкрытую иронию.

Навязчивые мысли тешили самолюбие. Он добьется признания, но не как пожизненный диктатор, а благодаря своей энергии и способностям. Армия его поддержит. Каждый солдат после войны получит две тысячи сестерциев и землю,

каждый римский гражданин – триста сестерциев и прощение долгов. Его след в истории? Он сам будет творить историю! Для достижения целей потребуются воля, хитрость и жестокость... Нет, жестокость не нужна, больше подойдут снисходительность, милосердие и сострадание, чтобы казаться людям мудрым и добрым. Народные массы нужно направлять в правильное русло, это нравится людям. Он заставит сенат уважать себя и наконец станет консулом Рима!

А еще Цезарь мечтал получить право чеканить монету со своим изображением. Опустошив для этого храмы Галлии, он привез в Рим предостаточно золота и серебра. Но монеты – дело второе. Сейчас инстинкт подсказывал, что гражданская война закончится, как только пленят Помпея.

От пристани отчалила большая египетская лодка, украшенная цветами лотоса, и направилась к кораблю. На борт флагмана поднялся Теодат, толстый начальник дворца в белой длинной тунике и платке немес с зелеными и белыми полосами. Приветливый, радушный, совсем не кичливый, он приложил руку к сердцу и почтительно поклонился Цезарю:

– Император и победитель, великодушный и благородный Цезарь! Приветствую тебя на земле Египта. Пусть боги даруют тебе долголетие и личное благополучие, а Риму – процветание и всевозможные милости! – Обернувшись, он дал знак следовавшему за ним рабу с объемистым свертком: – О великий полководец, прими этот дар!

Раб вышел вперед, положил у ног Цезаря сверток и раз-

вернул его. На куске льняной ткани лежала забальзамированная голова Помпея. Как живая. Самообладанию Цезаря можно было позавидовать. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и присутствие духа не покинуло ни на мгновение. Вот тот момент, когда устремления и цели воплотились в жизнь! В конце концов, о величии человека судят только по успеху. Из всех удач эта – самая ценная. Однако... как же непостоянно человеческое величие! «Мне не в чем себя упрекнуть. Помпей пал жертвой заговора египетских тиранов, и его внезапная смерть очень огорчает меня».

Все окружение – легаты, префекты и трибуны – решили, что Цезарь впал в ступор. Несколько секунд он стоял в оцепенении. Вдруг слезы навернулись на глазах его. Он закрыл лицо руками, и все слышали стон ужаса.

– О боги, мой любимый зять! – взмолился он, подняв руки к небу. Слезы были искренними, так как это были слезы радости. – Бог Аид отомстит трусам и предателям, преждевременно прервавшим жизнь лучшего из римлян! Обещаю отомстить убийцам!..

Теодат попятился назад.

– Ты кто? – строго спросил Цезарь.

– Я Теодат, начальник дворца и воспитатель фараона, и к этому не имею никакого отношения...

– Я хотел даровать всем спасение, а вы, злодеи, убили надежду, замыслили измену, посеяли смерть! Нельзя обижать гостя! О, лучше мне тоже умереть, чем жить с мыслью о ги-

бели Помпея!

Несомненно, этот захватывающий спектакль, разыгранный Цезарем, станет известен в Риме. В этом можно было не сомневаться.

– Где тело?

– Тело сожгли на погребальном костре, а прах похоронили... – лицо Теодата стало белее белого.

– Где родовой перстень убитого? – угрожающе надвинулся на чиновника Цезарь.

Теодат торопливо взял из рук раба два перстня и протянул полководцу. Перстень-печать «лев и меч» был фамильным в роду Помпеев. Римские патриции такие кольца носили всю жизнь, не снимая. Второй перстень – золотой и массивный, в форме драконьих лап, цепко держащих идеально отшлифованный алый камень карбункул, – приковал внимание Цезаря необыкновенной игрой света: тлеющий огонь сменял цвет горячей крови.

– Камень горит! – восхитился Цезарь. – Великолепный блеск!

Передав перстни секретарю, властно распорядился:

– Голову Помпея предать сожжению в огне ценной древесины, прах похоронить с почестями, на могиле установить статую героя в полный рост!

Развернувшись, усталой походкой и с опечаленным видом он пошел на корму оплакивать бывшего союзника.

Смерть Помпея нисколько не помешала Цезарю решать задачи подчинения себе Италии и провинций. Габинию, ставшему его легатом, он приказал добить остатки войск Помпея на Балканах, где Габиний и погиб. Кассию (теперь легату) было поручено набрать легионы, переправиться в Африку, вторгнуться в богатейшую Нумидию (современный Алжир) и наказать царя Юбу за поддержку Помпея, а потом сделать эту страну провинцией Новая Африка. Чрезвычайно благоприятному случаю нажиться на войне Кассий был рад.

В Александрии Цезарь, поселившись в дальнем крыле дворца фараона, неотступно думал, что убийство Помпея плохо отразится на его репутации в Риме, и нельзя возвращаться без отмщенья. Кроме того, в Египте его интересовало все, связанное с Александром Македонским, магией и чудесами, которыми полна эта страна.

В дополнение появилась возможность обильно обеспечить Рим египетским зерном и обогатиться самому. Подчиненным было сказано, что из-за сильных пассатных ветров, делающих отплытие затруднительным, придется задержаться. Потин и Теодат в дворце плели заговоры, фараон не выходил из спальни и, зная повадки старшей сестры Клеопатры, ждал от нее любой подлости. Ахилла с войском стоял в Пелузии, готовясь к войне.

Покои, где разместился Цезарь, охраняли солдаты VI Железного легиона, но все подходы к этому крылу здания заня-

ла египетская стража. Вызвав секретаря, полководец приказал принести ему перстень с красным камнем.

– И вот еще что... Почетное нужно предоставлять сильнейшим, а необходимое слабейшим. Понимаешь, о чем я говорю?

– Да, император! Твои покои настолько скудно обставлены, что трудно судить, победитель ли ты. В дворце много красивых статуй, а ювелиры Александрии – одни из лучших в мире.

– Есть две вещи, которые умножают власть, – войска и деньги, и друг без друга они немислимы! – Цезарь посмотрел на секретаря: – Не забудь записать эту мысль.

– Не забуду и прослежу, чтобы сокровища достались достойному.

Драконий перстень снова привел Цезаря в восторг. Надев кольцо на палец левой руки, полюбовался им. Внезапно пришел прилив энергии. Это удивило. Возникли неизведанные ощущения – негибамое упорство и неистовая одержимость. Это вселило самоуверенность. Диктатор уверовал в свою исключительность.

Вечер спустился на Александрию, в небе появились первые звезды, нестерпимый зной смягчился, повеяло прохладой. К пустынному берегу причалила рыбацья лодка с гребцами и, высадив двоих, тут же ушла в море. Клеопатра и ее верный телохранитель Аполлодор, никем не замеченные, по-

дошли к гроту в скале и исчезли среди камней. Сицилиец Аполлодор (потомок выходцев из Трои), сильный и выносливый храбрец, прибыл в Египет из римской провинции Сицилия и нанялся охранником в свиту царицы. Ему она доверяла. Тайный туннель привел в дворец фараона.

– Аполлодор, я должна встретиться с Цезарем, – Клеопатра с надеждой смотрела на воина. – Чтобы не проиграть, следует воспользоваться шансом, который другие сочтут безумством.

Телохранитель отозвался:

– Уповая на чудо, надейся на слепой случай.

Царица снисходительно обронила:

– Азартный человек рискует вслепую.

Аполлодор, светя факелом, вел спутницу по лабиринтам туннеля. Наконец, осторожно приоткрыв потайную дверь, он осмотрелся. В призрачном свете масляных ламп какие-то люди перетаскивали статуи, картины и ковры по коридорам дворца.

– Похоже, Цезарь – любитель искусства. В его покои переносят крупные предметы, – прошептал мужчина. – Царица, жди здесь.

Он бесшумно вышел из укрытия, спрятался за мраморной колонной и, как только появился человек с большим ковром на плече, сильным ударом кулака в лоб отключил рабу сознание. Затащив оглушенного в туннель, сказал:

– Моя царица, я заверну тебя в ковер и отнесу к Цезарю.

Стройная, хрупкая и грациозная Клеопатра улыбнулась:
– Всегда есть шанс, меняющий судьбу...

За группой рабов, перетаскивающих бронзовую статую спортсмена-победителя Дорифора работы Поликлета, шел Аполлодор, неся на плече тяжелый ковер. Миновали посты египетской стражи и подошли к покоям полководца. По знаку секретаря легионеры расступились. Секретарь распорядился:

– Статую установим в первой комнате, ковер занести в соседнюю! – и переключился на установку изваяния Дорифора.

Аполлодор уверенным шагом проследовал в указанную комнату, потом направился в следующую. Открывая двери, он шел вперед, на голоса, что слышались все более четко.

Цезарь, окруженный секретарями и советниками, сидел за столом, освещенном лампой, и работал: просматривал почту, диктовал послания, обсуждал государственные дела, писал наброски будущей книги, комментировал предложения советников, с пафосом произносил пришедшие на ум удачные мысли. И все это делал одновременно. Пребывать в беспечности и праздности он не терпел, развлечения считал бессмысленной тратой времени, но на гладиаторских играх появлялся всегда, чтобы предстать перед обожающими его римлянами. Один из друзей однажды Цезаря упрекнул: «Как можешь ты смотреть бой и одновременно писать письма?» На что политик ответил: «Цезарь может делать не только два,

но и три дела одновременно – читать, писать и слушать!»

С шумом открылась дверь, и на пороге появился человек с ковром. Разговоры стихли, все присутствующие с немым вопросом на лице повернулись к нему.

– Император Цезарь! Ковер для тебя! – спешно сообщил Аполлодор.

– Оставь в соседней комнате!

– Это не простой ковер, это бесценный ковер, главное сокровище Египта. Взгляни!

Не дожидаясь разрешения, Аполлодор бережно положил ковер на пол и, удерживая края, подтолкнул его. Скатанный в рулон ковер развернулся, и из него выкатилась прелестная девушка. Черные, распущенные и подхваченные белой лентой волосы, брови идеальной формы, глаза подведены черными стрелками, ресницы длинные и пушистые... Красавица одета в калазирис из тончайшей полупрозрачной ткани, ее украшали ожерелье, серьги и браслеты из золота и бирюзы. Не девушка, а само изящество, великолепие и невозмутимость. Она грациозно поднялась. Аполлодор, упав на колени, громко возвестил:

– Царица Египта Клеопатра VII!

Эффектное появление обескуражило всех, кроме Цезаря, любившего впечатляющие зрелища. Он имел тягу ко всему необычному, был врагом рутины и скуки. Недавно произнес нетленную фразу: «Живи так, чтобы знакомым стало скучно, когда ты умрешь». Встав из-за стола, улыбаясь, с явным

интересом приблизился к девушке:

– Я слышал, Клеопатра привыкла восхищать, но то, что вижу, превзошло мои смелые ожидания.

Клеопатра сделала несколько шагов навстречу, и этого было достаточно, чтобы узнать в ней роковую сердцеедку с повадками пантеры. Она заговорила на латинском с греческим акцентом:

– Великий Цезарь, я истинная царица Египта. Хочу обладать властью, которую мне дарует Рим.

Ее голос, подобный бархату, интонации с оттенками радости и неповторимый тембр сильно подействовали на Цезаря.

– Рим смущен: власть и красота обычно несовместимы, – сказал он. – Обладать властью и не злоупотреблять ею доступно единицам.

Цезарь своими карими глазами пытливо всматривался в девушку, и ее молодость, свежесть и совершенство очаровали его. На лице царицы не было ни тени замешательства, острый ум блистал в убедительном ответе:

– Несовместимы мораль и власть, остальное – интересы сторон и предмет переговоров.

Устоять от искушения любоваться этой смуглой черноволосой гречанкой с притягательным обаянием и владеть ею не было никакой возможности. Вспыхнула страсть, усиливаемая чувственным влечением. И даже здравая мысль, что воцарение Клеопатры послужит его собственным политическим интересам и что она будет обязана ему властью, ушла

на второй план. Пятидесятидвухлетний Цезарь был пленен окончательно.

– Оставьте нас, – нетерпеливо сказал он.

Когда все вышли, диктатор попытался быть серьезным, хотя рассудок уже затуманился:

– По какой причине я не должен превращать Египет в провинцию Рима?

– Цезарь, ты этого не сделаешь. Наместник Египта, которого ты назначишь, станет твоим конкурентом. Опираясь на богатства Египта, он посеет смуту и развяжет новую войну. Зачем тебе это?

– Убийство Помпея, римского гражданина, недопустимо для вассального царя...

– Ветер истории унес имя Помпея. Теперь пришло время блистать Цезарю.

– Почему бы мне не взыскать с Египта долги, оставленные твоим отцом банкиру Рабирию Постуму? Очень большая сумма...

Клеопатра мягко, по-кошачьи, подошла, уверенно посмотрела Цезарю в глаза и, приподнявшись на носки, поцеловала его в губы, потрепав тонкими пальчиками темные волосы на затылке диктатора. Головокружительные ощущения породили у того чувство новизны и эйфорию. Царица Египта завораживающим голосом с придыханием сказала:

– Выдающийся политик повинуетя долгу, но в конце концов жертвует своими интересами во имя любви.

Околдован против своей воли! «Она из рода Александра Македонского, моего кумира и бога. Она совершенство, ищет защиты, пропитана уверенностью в мое всеисилие, хочет, чтобы я повелевал. Манящий запах этой женщины неповторим!» Возникло нестерпимое желание обладать ею. Весь во власти чувств, Цезарь старался говорить серьезно:

– Царица Клеопатра, ты не забыла, что твой отец оставил завещание? Ты правишь совместно с братом. Разреши спор мирным путем, распусти свои войска!

Она с большим изяществом прошла вокруг Цезаря, как кошка потерлась об него и, пристально всматриваясь в глаза, сказала:

– Когда-то Египетское царство было огромным и могучим, фараоны правили не только Египтом, но также многими странами Азии и Африки. Я мечтаю возродить могущество своей страны, создать небывалую империю.

– Империю – прерогатива Рима. Империю – это нечто большее, чем право повелевать народами, это та сущность бытия, которая сотрясает устои мироздания.

– Цезарь, ты ищешь магию... – Клеопатра взяла его левую руку, любуясь украшением. – Армянский перстень! Он делает тебя могучим, но не всеисильным, – в глазах египетской царицы сверкнули красные огоньки. – Здесь, в тайнике дворца, спрятан волшебный предмет, позволяющий любому стать великим провидцем, – Свиток творца. С его помощью ты получишь власть над природой и людьми, встанешь вро-

вень с богами...

Диктатор вострепенулся:

– Где тайник?

– Знает лишь царь Армении Артавазд.

Чаровница, держа руку полководца, грациозно повлекла его в спальню...

На следующее утро в присутствии фараона, министров и своих военачальников Цезарь, сияя как солнце, торжественно объявил:

– Рим выступает посредником в династическом споре. Согласно завещанию, править Египтом должны Птолемей XIII и Клеопатра VII. Да будет так!

На пороге его спальни появилась царица, изысканно одетая, в черном парике с головным убором «трон», как у богини-покровительницы Исиды.

Целую минуту Потин, Теодат и мальчик-фараон не могли прийти в себя. Внезапно юный Птолемей взорвался: сорвал с головы головной убор немес с голубыми и белыми полосками, бросил его на пол, закричал: «Измена!» и опрометью выбежал из зала.

Последующие дни стали испытанием для малочисленного римского гарнизона. Потин послал к Ахилле гонца с требованием начать наступление войск на Александрию. Теодат, желая спровоцировать мятеж в городе, распорядился от имени царицы конфисковать сокровища храмов – якобы в упла-

ту римлянам долга. Мальчик-фараон требовал изгнать Клеопатру. Бывшие солдаты Габиния, галлы и германцы, почувствовав запах добычи, окружили царский квартал. Письмо Потина было перехвачено, и Цезарь приказал казнить главного министра, а Теодата посадить в темницу.

Военные трибуны один за другим заходили в кабинет диктатора с донесениями. Перстень с красным карбункулом на его пальце, побуждая сосредоточиться и действовать, переливался от ядовито-зеленого до красно-фиолетового цвета. Такой вспышки ясности сознания полководец еще не знал.

- Император, водопровод с пресной водой перекрыт!
- Водопровод перестал работать? Ройте колодцы!
- Император, наш флот заперт в Александрийской бухте!
- Высадить десант на остров Фарос, захватить маяк!
- Император, египетский флот идет к Александрии!
- Сжечь корабли противника!
- Император, в городе вспыхнуло восстание!
- Строить оборонные укрепления! Когортам вести уличные бои!

Пресная вода за ночь открылась в большом количестве, маяк был захвачен, египетский флот сожжен, легионеры стойко выдержали нападение разъяренной толпы. Свет маяка помог кораблям с подкреплением благополучно миновать рифы. Пришли два легиона, поступили хлеб, оружие и метательные машины.

Цезарю доложили, что к Александрии приближается еги-

петское войско в двадцать тысяч человек, ведомые из Пелузия военным министром Ахиллой. В составе этого войска египтяне, бывшие римские солдаты, пираты, разбойники и беглые рабы. Послов, высланных Цезарем для переговоров, убили. Ахилла занял город, кроме царского квартала, и попытался одним натиском ворваться в него. Не получилось! На узких улочках Александрии завязались бои. Пожары и разрушения губили богатый город. Загорелась Александрийская библиотека.

Вошла Клеопатра:

– Мой Цезарь, стало очень опасно, бои идут на подступах к дворцу!

– Царица, ты прекрасна... Не беспокойся, мы выстоим. Удачи придают римлянам силу, а неудачи мужество.

– Милый, мой корабль ждет в гавани. Я знаю тайный ход к морю. Уйдем! Птолемей и моя младшая сестра Арсиноя уже сбежали, – Клеопатра с надеждой смотрела на своего кумира, пытаясь уговорить спастись.

– Непревзойденная Клеопатра, я должен забыть о бегстве и думать только о том, как победить. Кроме того, находясь здесь, я поднимаю боевой дух солдат.

Пылко поцеловав царицу, он ушел побеждать. Вскоре в Александрии установилась власть римлян.

Вверх по Нилу, к истокам шли необычно украшенные корабли – целая флотилия во главе с флагманом «ладьей веч-

ности». Бог Ра и его свита перевозят солнце. На пурпурном парусе ладьи был изображен солнечный диск. Гребцы мощно работали веслами, и корабль легко скользил по водной глади Нила. Корпус судна украшен позолотой, весла посеребрены, на бортах изображены цветы лотоса, а на носу, гордо вскинув головы, стоят богини Маат и Хатхор. Их изображали две рабыни.

Клеопатра восседала на золоченом троне, установленном на палубе под высоким балдахинном. У трона на циновке, скрестив ноги, сидел с развернутым папирусным свитком Аполлодор в роли бога Тота. Негритята помахивали опахалами над головой царицы Египта. Всем своим видом она внушала трепет подданным, подтверждая божественное происхождение. На Клеопатре надета двойная корона пшент с коброй и грифом, белый калазирикс с поясом из золотых пластинок, ожерелье из золота и цветной эмали, в руках жезл Хека и плеть Нехех. Чарующие звуки флейт достигали берегов. Народ валил отовсюду. Все население Египта жило вдоль Нила, и царские гонцы, скача на лошадях от селения к селению, возвещали о приближении божественной ладьи, о чуде на реке. Народ хотел увидеть чудо и возликовать.

На том же корабле прислужницы-рабыни подавали кубки с вином Цезарю и его легатам. Посматривая на царицу, они, наслаждаясь прогулкой по реке, сидели в креслах под тен-том и попивали вино. Клеопатра смотрела лишь на Цезаря, не обращая внимания на красавцев-мужчин, а это были луч-

шие легаты Цезаря: Карфулен (он решил исход битвы с египетской армией ударом конницы; погибли фараон и Ахилла, пленили Арсиною); командир Железного легиона Тиберий, храбрец и будущий отец императора Тиберия; Руфин, вольноотпущенник (рабу даровали свободу), поднявшийся над знатными по рождению гражданами благодаря Цезарю и своему воинскому таланту.

Диктатор говорил:

– Здесь, в Александрии, я пообщался с крупнейшими учеными современности и в мавзолее воздал почести Александру Македонскому.

Карфулен добродушно произнес:

– Египтом теперь правит Клеопатра и один из ее братьев – Птолемей XIV, совсем юный...

Руфин, прищурившись, посмотрел на Цезаря:

– Женщина получила титул фараона. Невероятно!

Диктатор парировал:

– Она происходит по прямой линии от Птолемея I, родственника Александра Великого.

– У нее чарующий голос и острый ум, – прокомментировал Тиберий. – Народ на берегу, увидав ее, падает ниц и поклоняется как богине.

– Она и есть богиня... – Цезарь с обожанием смотрел на свою пассию.

Он встал и направился к египетской царице. Подойдя, учтиво поклонился и, улыбнувшись, стал что-то рассказы-

вать. Клеопатра трепетно смотрела ему в глаза.

– Слабость великого человека... – произнес Карфулен.

– Роман затянулся на восемь месяцев... – сказал Руфин.

– Любовь? – спросил Тиберий.

– Увлечение. – Руфин, наблюдая за парой, у которой завязались романтические отношения, тихо, чтобы слышали лишь товарищи, сказал: – Блудница, обольстительница и умелая интриганка.

Клеопатра не могла слышать этих слов, но повернула голову и так посмотрела на него, что Руфин вздрогнул, поперхнулся и пролил на себя вино.

Глава 37. Стать богом на земле

Оставив царице три легиона и легата Руфина, Цезарь с Железным легионом отбыл из Египта. Но не в Рим, где его ждали (Антоний и другие политики, замещавшие диктатора, не справлялись, и город погрузился в анархию), и не в провинцию Африка, где последователи Помпея собирались с силами. Цезарь отправился в Малую Азию. После Египта с его чудесами и магией он уже мыслил другими категориями. Энергия этого человека направлялась «богиней», появилась способность менять события и судьбу, а убеждение в собственной исключительности укрепилось. Теперь ему стало мало одного Рима – захотелось заполучить весь мир.

План был впечатляющим: пленить армянского царя Артавазда и получить жезл Сехем, а по пути решить проблему мнимой угрозы со стороны царя Фарнака. Задача из задач – завладеть Свитком Творца! «Решу задачу, и стану не только первым в Риме, но положу мир к своим ногам. Все торговые пути возьму под контроль, гарантированно обеспечу Рим зерном и рабами, Парфия будет завоевана, Индия и Китай станут вассалами, скифы падут, а германцы и галлы смирятся с римским владычеством. Целый мир – Римская империя, а я – император, представитель бога на земле!» – мысли Цезаря, опережая одна другую, как ураган, проносились в мозгу, подбадривая, придавая силу, порождая стремления.

Клеопатре Цезарь подарил Кипр и великолепного сына, разрешив дать ребенку прозвище Цезарион (Маленький Цезарь). Диктатор, у которого родных детей от законных жен не было, признал сына и прочил его в наследники своей империи. Поскольку Клеопатре брат-соправитель больше не нужен, та решила избавиться от него. Как только малыш окреп, Птолемея XIV отравили.

В Малой Азии кипели страсти. Затаивший обиду Фарнак, сын знаменитого Митридата VI Евпатора, вдруг осознал, как велик был его отец, которого он предал, и как мало он получил за свое предательство – лишь Боспорское царство. Не обладая и частью таланта отца, главного злодея эпохи, он, тем не менее, объявил себя царем царей и решил освободить Понтийское царство от римских оккупантов. Фарнак с войском внезапно на кораблях пересек Черное море, высадился в Малой Азии и начал наступление. Первый бой был удачным. При Никополе, городе, основанном Помпеем в честь победы римского оружия над Митридатом, Фарнак победил, обратив в бегство римские легионы и вернув себе столицу Амасию.

Цезарь с Железным легионом пришел в Понтийское царство. Крепость Зела (у ее стен произошли две знаменитые битвы), окруженная живописной природой, невысокими горами, долинами, рекой, озером и болотом, в ряду других крепостей призвана была защищать подступы к Амасии. Присоединив к своему легиону войска легатов-неудачников и ар-

мию царя Галатии Дейотара, Цезарь встал лагерем на возвышенности напротив крепости.

– Что скажешь, пропретор Фавоний? – обратился Цезарь к бывшему советнику Помпея.

Фавоний (его Цезарь простил и повысил в должности) не раз доказывал, что может предсказывать события. Бросив взгляд на тлеющий красными угольками камень перстня, который диктатор носил не снимая, историк и географ произнес:

– Диктатор, Фортуна тебе благоволит. Можешь уже до битвы послать в сенат донесение о победе над врагом.

– Фортуна слепа и многих ослепляет, но любимцев балует и возносит на пьедестал, – сказал Цезарь и обернулся к секретарю: удачная мысль должна быть записана.

Появилась армия Фарнака. Цезарь приказал построить боевые порядки на склоне холма. Самоуверенный Фарнак повел войско в атаку вверх по крутому откосу: на правом фланге скифская конница, на левом сарматы, в центре пехота боспорцев. Римские легионеры с боевым кличем «Барра!», призванным подбодрить товарищей и устрашить врага, неудержимо ринулись в атаку по склону холма вниз. VI Железный легион (ветераны, самое опасное оружие Цезаря), сметая все, как лавина, обрушился на левый фланг Фарнака и опрокинул его. Войско Фарнака вместе с царем обратилось в бегство.

Цезарь блистал остроумием:

– Битва стремительная, победа безоговорочная! Секретарь, отправить в сенат отчет о сражении. Пиши: «Пришел, увидел, победил».

Фарнак сбежал в Таврику, где в ходе переворота был убит.

– Десять дневных ускоренных переходов, и мы в Арташате. Пусть Артавазд думает, что я хочу завоевать Парфию, – Цезарь, воодушевленный и ликующий, в палатке командующего планировал со своим штабом новый поход. – Из Арташата вернемся в Рим, где мое новое имя – император Гай Юлий Цезарь – устрасит врагов и откроет путь к бессрочному правлению. Что скажешь, пропретор Фавоний?

Фавоний, хмурый и тревожный, осторожно намекнул:

– Император, в Риме царит безвластие, требуется твое немедленное возвращение в столицу...

– Ты не договариваешь, Фавоний, – командующий смотрел на него выжидательно.

– Поход в Армению опасен, – пропретор старался донести тревожную мысль. – Римские военачальники, ходившие завоевывать эту страну, плохо кончили: Лукулл стал безумцем, Помпей потерял голову.

– И почему же?

Фавоний, авторитетный ученый, донельзя взволнованный и испуганный, разразился тирадой:

– Демон, дух или некая непознаваемая сущность обитает в горе Арапат! Демон равнодушен к человеку, пока тот

не замыслил плохое против Армении, в противном случае околдовывает его, с готовностью служит, отвращает от зла, а потом высасывает энергию и направляет на погибель... Как это происходит, мне неизвестно, но ясно одно: опасность для тебя, Цезарь, большая.

– А римские боги? Почему бы им не защитить меня? – глубоко верующий Цезарь считал, что его боги всемогущи.

– Все просто: демон – посредник между богами и людьми. Здесь он служит армянским богам.

– Люди охотно верят тому, чему желают верить... – Вскинув голову, Цезарь мечтательно произнес: – Неплохо бы подчинить демона своей воле, вызывать, когда потребуется, управлять...

Фавоний, поглядывая на Драконий перстень, веско произнес:

– Император, магия, ритуалы, скрытое и непознанное – не предметы твоей миссии...

Цезарь опустил глаза. Камень в перстне переливался от серебристо-серого до фиолетово-синего цвета. Голос диктатора прозвучал фальшиво:

– Такова природа человека: неизвестное порождает либо веру, либо страх. – Он повернулся к офицерам: – В конце концов, Рим ждет меня! Нужно получить должность консула и разбить все еще сильных сторонников Помпея. Дел много. Возвращаемся!

Величие Цезаря устрасило противников. Он стал одновременно консулом и диктатором, и преуспел, как никто другой. Римская держава теперь простиралась от реки Рейн до Атлантического океана. В Азии и Африке не влившиеся в империю царства стали союзниками. Последователи Помпея были разбиты. Всего за два с половиной года Цезарь провел радикальные реформы, затронувшие все стороны жизни не только Рима, но и половины человечества. Произошли перемена календаря (за образец был взят египетский), ломка структур государственного аппарата и судов, реформа налогов и права, подавление оппозиции, выдвижение на высокие должности незнатных, но талантливых людей, получение гражданства эмигрантами, прекращение грабежа провинций.

Решения диктатор принимал самостоятельно, не совещаясь с сенатом. Всех несогласных либо подавлял, либо уничтожал, гражданские свободы ограничил. Ветераны войн получили земельные наделы, неимущим раздавали бесплатный хлеб, безработица уменьшилась, Рим пережил строительный бум. Началось обожествление Юлия Цезаря. Седьмой месяц года, в который он родился, назвали в его честь июлем. На празднике плодородия Луперкалии Антоний демонстративно возложил на голову Цезаря царскую диадему, но диктатор, явно проверяя реакцию народа, посетовал и снял ее.

На вилле Лигария под Римом Кассий, раздраженный и

угрюмый, выпив много вина, обращаясь к Рипсимэ, говорил:

– Я ненавижу Цезаря и, чем выше он поднимается, чем успешнее управляет Римом, тем больше ненавижу. Похотливый кобель! Он не упускает ни одной возможности приударить за женщиной. Солдаты называют его лысым бабником. Даже мою жену совратил!

– Ты ревнуешь? – Рипсимэ села к нему на колени.

– Что ты! Ревность разрушает любовь, а ненависть испепеляет тех, кто нас превосходит.

– Ты ему обязан, вот и ненавидишь, – с улыбкой, пытаюсь унять волнение любовника, произнесла красавица.

– Да, он сделал меня претором, одним из шестнадцати. Мне этого мало! Хочу власти, влияния, поклонения!

Претор – вторая по старшинству должность в Риме после консула.

Зло, овладевшее Кассием, замыслило мятеж с тем, чтобы вознести претора на вершину власти и, сделав его инструментом своего замысла, завладеть умами людей, подавить их, вселить в души страх. Жизни будут загублены и в конце концов люди смирятся с участью рабов. Наступит торжество тирании, угодливости и несправедливости.

– В последнее время ты недружелюбен и задирист...

Рипсимэ произнесла эту фразу шутливым тоном и даже попыталась поцеловать Кассия, но тот отстранился и, грубо согнав ее с колен, поднялся. Тонем, не терпящим возражений, он сказал:

– Завтра здесь, на вилле, я собираю друзей. Будут влиятельные сенаторы. От тебя требуется украсить тожество: пусть лопнут от зависти.

В голове Кассия созрел план убийства Цезаря. В заговор он решил вовлечь не только тех, кто ощущал недовольство и неудовлетворенность, но и тех, кто был близок к диктатору, однако мечтал в одночасье возвыситься. Кассий хорошо разбирался в людях...

После эквирий (14 марта), посвященных богу Марсу (конные ристания, скачки), в назначенный час на виллу отметить праздник прибыли двадцать два сенатора – патриции и состоятельные плебеи, большинство из которых были обязаны диктатору богатством и карьерой. Заговор, зревший уже несколько месяцев, приобретал зримые черты. В основном страсти кипели из-за ревности к всесильному властителю и нескрываемой жадности. Кое-кто пришел по эгоистическим соображениям, но несколько человек были идейными, отстаивая ценности республиканского строя. Среди них выделялся Брут.

Тридцатидевятилетний Марк Брут был идеалистом, интеллектуалом, поэтом и писателем. Прямой и мужественный республиканец, острый на язык, он был лидером молодых аристократов. Его предки (он происходил из двух знатнейших римских родов) когда-то свергали царей и тиранов. Быстро продвигаясь по карьерной лестнице, он метил в консулы. Мать Брута была любовницей Цезаря и поговаривали,

что он его внебрачный сын. Брут ненавидел Помпея, но при-
мкнул к нему потому, что Цезаря ненавидел больше. Армия
Помпея была разбита, но Брута не арестовали, более того,
Цезарь пригласил его к себе на службу, обласкал и нежи-
данно для всех назначил наместником Цизальпинской Гал-
лии – ближайшей к Риму провинции. Проявил себя Марк
Брут там прекрасно и заслужил похвалу диктатора. И все же
он презирал Цезаря, считая, что тот обесчестил семью Брута.

Было шумно. Гости в белых тогах с широкой алой поло-
сой прогуливались в атриуме вокруг бассейна и шептались.
Рабы разносили кубки с вином, фрукты и сладости, игра-
ла музыка: мелодичное звучание кифар и авлоса ушлажда-
ло слух. Вдруг шум стих. Все взоры обратились к Рипсимэ.
Одетая в шелковую столу (женская туника с короткими ру-
кавами) аметистового цвета со множеством складок и пур-
пурной лентой внизу, она подошла к Кассию и поцеловала
его в губы. Он, польщенный, почувствовавший зависть го-
стей, громко сказал:

– Друзья, представляю вам Рипсимэ – женщину, от кото-
рой веет мистикой и тайной!

Она, решительная, уверенная и загадочная, с венцом в
пышных черных волосах и украшениями из золота и сереб-
ра с аквамаринами и изумрудами, прошла по атриуму, ло-
вя восторженные вздохи сенаторов и, собрав их мечтатель-
ные взгляды, удалилась. Гости, забывшись на минуту, вновь
с озабоченными лицами стали тревожно шептаться.

Наконец рабов отослали, и сенаторы прошли в таблинум. Заняв места, все молча смотрели на хозяина. В зале повисла гнетущая тишина.

– Здесь собрались смелые люди, жаждущие вернуть сенату власть, а стране республиканские ценности, – начал Кассий. – Диктатор, поправ законы, единолично правит Римом. Многие из нас являются близкими друзьями Цезаря, но это ничего не меняет, так как все потеряли влияние. Он хочет, чтобы мы делились богатством с народом, называет нас алчными, покровительствует выскочкам, сенаторов лишает былых привилегий, грозит отобрать нажитые состояния. Не это ли реальная угроза каждому из нас?! Неопределенность положения не может продолжаться...

Встал Децим, близкий друг диктатора:

– Цезарь попирает не только законы, но и достоинство свободных людей, традиции предков. Отобрал у нас право властвовать, оставив лишь право поклоняться, а прижизненный портрет на монетах – не это ли символ самовластия? Спасем республику!

Он сел, поднялся Каска:

– Во всех храмах Рима появились его статуи. Он хочет быть царем. Антоний уже возложил на него царскую диадему...

Тиллий негодующим тоном вставил:

– Народ этому не возрадовался, и диадему Цезарь снял, но у него появилась новая

идея – перенести столицу в Александрию.

Туруллий с гневом выкрикнул:

– Милосердие Цезаря – это вероломство! Подаренное тираном милосердие означает унижение, а должности, которые он раздает, ничего не решают!

Лабеон печально сказал:

– Он инициировал закон об ограничении роскоши. Начались поборы...

Обиды множились. Сенаторы выступали один за другим, и все их слова крутились вокруг эгоистических соображений. Шла психологическая атака на колеблющихся. В соседней комнате Рипсимэ подслушивала разговор. Участь Цезаря ее волновала мало. Кассий ее разлюбил! Она лихорадочно соображала: «Мерзавец! Он хочет меня бросить, погубить и уничтожить все, что мне дорого».

Ходом собрания Кассий был доволен. Участие Брута, родственника диктатора по линии жены, должно было придать замыслу вид хоть какой-то законности. Кассий получил душу этого человека.

– Брут! – воскликнул он. – Твоя миссия – положить конец новой тирании!

Децим страстно произнес:

– Брут, ты всегда был лидером, возглавь наше движение и сейчас! В твоих жилах течет кровь героев, творивших историю Рима и отдавших жизнь за республику!

Кассий, понизив голос, провозгласил:

– Брут наш вождь!

Все стали негромко скандировать:

– Брут наш вождь! Брут наш вождь!..

– Да помогут нам Юпитер и Марс! – воззвал к богам Кассий, и все воздели руки к небу.

Гальба был беспощаден:

– Наш приговор будет суровым: тиран должен умереть!

Идеалист Брут, не понимая, что он является лишь орудием в руках злодея, встал и горячо поддержал:

– Тирану Цезарю не жить! Я убил бы собственного отца, если бы увидел, что он стремится к тирании. Освободим римский народ!

– Высокие принципы Брута – эталон для каждого из нас, – поспешил поддержать Кассий. – Приспешника Антония следовало бы убить тоже.

– Я против! – решительно воспротивился Брут. – Освобождение от тирании не влечет за собой террор. Я убью Цезаря-тирана, а не Цезаря-человека.

– Надо спешить! – Кассий действительно спешил убедить заговорщиков. – Завтра в курии Помпея сенат проведет решение о вручении Цезарю царских регалий. Диктатор хочет через три дня отбыть с войском на Восток, как он объявил, мстить за Красса и покорять Парфию, но, думаю, его интересует нечто другое. Свой маршрут он почему-то проложил через армянскую столицу Арташат...

– Страхуюсь удачливости Цезаря, – подал голос Гай Пармский.

– Хочу услышать его предсмертный стон! – выкрикнул Децим.

– Пусть каждый нанесет удар, дабы связаться круговой порукой! – предложил Каска.

Кассий, понимая, что цель достигнута, но не все так просто (неизбежно найдется предатель, либо Драконий перстень предупредит владельца), спокойно предостерег:

– Он узнает о заговоре, вернее, почувствует, я уверен. Это неважно. Цезарь верит в фатальность событий, и рок приведет его в сенат.

– Кто выдаст нас, пусть умрет! – вскочил со своего места Туруллий.

– Да!! – закричали заговорщики.

15 марта, иды (день в середине месяца по римскому календарю, шел 44 год до нашей эры). Полнолуние. Кальпурния, третья жена Цезаря, рыдала во сне. Разбуженный шумом и ярким светом луны Цезарь прошел в ее спальню.

– Дорогая, что случилось?

Она обезумевшими глазами смотрела на него:

– Мне привиделось, что ты истекаешь кровью.

– Спи, Кальпурния. Поговорим утром.

Утром в доме понтифика было тревожно. За завтраком жена стала просить:

– Гай, не выходи сегодня из дома. Гадатель Спуринна предсказывал опасность для тебя на иды. Я чувствую, что-то случится.

– Дорогая, сегодня важное заседание сената, я должен председательствовать...

– Отмени заседание или пошли Антония вместо себя, он тоже консул!

– Но вопрос в сенате касается меня лично...

– Принеси жертвы богам, искупи опасность!

Цезарь подумал: «Женщины лучше чувствуют опасность, чем мужчины, возможно беспокойство жены не преувеличено. Странно, никогда раньше не замечал у нее склонности к суевериям. Или это дух-охранитель сфинкс подает мне знаки, или магический перстень...» Цезарь опустил глаза. Камень перстня переливался от серебристо-серого цвета до фиолетово-синего.

– Странно!

Он снял с пальца талисман и внимательно рассмотрел. Филигранная работа! На внутренней стороне золотого кольца была надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Ухмыльнулся, надел перстень и произнес:

– Да-да, дорогая, я склонен послушаться твоего совета.

Вскоре пришел его друг Децим, которого прочили в наследники диктатора.

– Цезарь, что я слышу?! Ты испугался примет? Всем своим недругам даешь повод для упреков в высокомерии, мол,

даже царские регалии хочет получить заочно!

Поводом для получения регалий стали изыскания жрецов. Изучив Книги Сивилл, содержащие пророчества, жрецы сообщили, что для удачного похода в Парфию Цезарь должен носить царские регалии вне Италии.

Децим продолжал настаивать на посещении курии (место заседаний сената):

– Цезарь, хотя бы лично сообщи сенаторам, что заседание переносится. Цицерон во всеуслышание объявил о твоей богоизбранности. Боги благоволят тебе, а у Фортуны ты любимец!

Диктатор, отбросив сомнения, твердо сказал:

– Мое непоколебимое решение идти!

Кальпурния проводила мужа тревожным взглядом.

Цезарь не имел охраны, живя по принципу: «лучше один раз умереть, чем бояться всю жизнь». Они с другом шли по роскошному городу, освещенному полуденным солнцем, а люди приветствовали Цезаря, сопровождая и протягивая записки. Один человек, изрядно напуганный и бледный, силится что-то сообщить, но толпа его оттеснила. Увидев гадателя Спуринну, консул остановился и воскликнул:

– А ведь мартовские иды наступили!

– Наступили, но еще не прошли... – Спуринна тоскливо смотрел на удаляющуюся фигуру диктатора.

Фавоний из толпы выкрикнул:

– Цезарь, демон торжествует и предвкушает пиршество!

Бросив взгляд на него, а потом на Драконий перстень с камнем черного цвета, диктатор грустно улыбнулся:

– Я прожил долго... и по меркам природы, и по меркам славы.

Знакомый Цезаря Артемидор вложил в его руку свиток:

– Прочти это, Цезарь, немедленно!..

Шум толпы заглушил его слова. Диктатор вслед за Децимом продолжал идти в курию, как будто неведомая сила, сначала сделав его непобедимым и неуязвимым, теперь надломил, опустошила и вела на погибель.

Цезарь с досадой сказал:

– Я всегда верил в предопределенность событий...

Децим ироничным тоном произнес:

– Доброжелатели подталкивают человека на опрометчивые поступки... – Увидев безысходность на лице Цезаря, подбодрил: – Ты бессмертен подобно богам, твоя добродетель истинна!

– Моя добродетель ищет человеческое совершенство. Пошли! – Цезарь обрел решительность.

Он вошел в здание, где находилась курия, все еще держа свиток в руке. Огромное здание, отделанное мрамором, построил на Марсовом поле после своего триумфа Помпей. Здесь также были великолепный театр, сад и храмы. Лучшие произведения искусства со всего мира собраны в дивных интерьерах. В курии, где иногда проводились сессии сената, Помпей установил свою статую. Полукруглые ряды ска-

меек поднимались амфитеатром, и почти девятьсот сенаторов уже заняли свои места.

По пути в зал заседаний диктатор подошел к жертвеннику. Жрец в его присутствии вскрыл внутренности ягненка и, изменившись в лице, поднял испуганные глаза. Цезарь отвернулся и пошел дальше. Лучи солнца проникали в зал из оконцев в потолке и высвечивали застывшие холеные лица сенаторов. Они в знак уважения поднялись с мест. В белой тоге с пурпурной полосой и лавровым венком на голове Цезарь сел в кресло у статуи надменного Помпея. Сенаторы с шумом рассаживались, заговорщики, скрывавшие под одеждой кинжалы, обступили Цезаря. Тиллий протянул записку:

– Цезарь милосердный, мой брат в изгнании... В твоих силах помиловать его... – и начал стягивать тогу, подавая знак заговорщикам.

Стоявший сзади Каска нанес первый удар кинжалом в шею диктатора. Цезарь вскочил, толкнул его:

– Негодяй Каска, что делаешь?

По сенатским рядам пронесся испуганный вскрик. Гальба обнажил кинжал и вонзил в плечо, Децим ранил в бок. Цезарь стал бороться, отталкивать нападавших, кричать, но когда Брут ударил его в живот, замолк и перестал сопротивляться, только прохрипел:

– И ты, Брут?..

Кинжал Кассия пронзил сердце. Диктатор рухнул. В зале поднялся истошный крик, началась паника, многие, оцепе-

нев от ужаса, застыли как истуканы. Заговорщики, толкая друг друга, наносили удары по неподвижно лежащему телу. Двадцать три раны.

Статуя Помпея забрызгана кровью. Казалось, что полководец с пьедестала с нескрываемым презрением смотрит на публичный акт правосудия (или мщения?). Кассий, бросив взгляд на каменное изваяние, злорадно ухмыльнулся, стащил с пальца диктатора почерневший Драконий перстень и нацепил себе на руку. Брут в испачканной тоге, сжимая кинжал, с которого капала кровь, вознамерился произнести речь:

– Пала тирания!..

Но никто не слушал. Сенаторы в страхе выбегали из зала, и курия быстро опустела.

Появился Антоний, развлекавшийся всю ночь с женщинами, но вмиг протрезвевший. Стоя над бездыханным окровавленным телом диктатора, укоризненно произнес:

– Милосердие убило тебя, Цезарь. Величие не терпит милосердия...

Глава 38. Жемчужина в вине

В римском храме Теллус (посвящен божеству Матери-земли) на особом заседании сената все заговорщики по инициативе Антония, полагавшего, что будет немедленно объявлен новым диктатором, были прощены. Однако он просчитался. Выступил его непримиримый противник, лучший оратор и лидер республиканцев в сенате Цицерон:

– Ныне прав тот, за кого стоят боги. предадим все забвению. Не стоит спешить объявлять Антония диктатором, пока завещание Цезаря не оглашено.

Сенаторы поступили мудро: не осудили убийство, но и не назвали Цезаря тираном, воздав ему божественные почести. Предложение о чествовании заговорщиков принять не удалось.

Антоний опередил всех: в ночь после убийства пришел в дом Цезаря и, погоревав вместе с безутешной Кальпурнией, забрал все документы, секретную переписку и казну.

К всеобщему удивлению и огорчению Антония, Цезарь в завещании назвал своим единственным наследником Октавиана, девятнадцатилетнего юношу, внука сестры, военного трибуна в Испании. О сыне Клеопатры не было сказано ни слова. Тогда Антоний решил пойти на отчаянный риск: на похоронах Цезаря призвал народ и ветеранов армии наказать

убийц. Заговорщики, ощутив опасность для своих жизней, покинули Рим.

Гай Кассий внезапно появился на острове Тасос в Эгейском море, что недалеко от Македонии. Он сюда сбежал, проиграв Антонию битву при Филиппах. В доме на берегу моря (дом специально купили для него) уже жила Рипсимэ. Виллу Лигария и римский дом Кассия негодующая толпа в отместку за убийство Цезаря разграбила и сожгла.

– Рипсимэ, за мной охотятся! Я безнадежно проигрываю... Этот армянский перстень... – Кассий снял талисман с пальца и стал рассматривать воспаленными глазами, – ... он не помогает мне!

Камень перстня переливался от серебристо-серого до фиолетово-синего цвета. С удивлением Кассий увидел буквы на внутренней стороне кольца.

– Здесь есть надпись! – Он с удивлением прочитал: «Слава и забвение: всему свой срок» и мрачно пробурчал: – Мои прегрешения недостаточно тяжкие, чтобы предать забвению былую славу.

– Милый, в последнее время удача сопутствовала тебе... – Рипсимэ стремилась успокоить любовника.

Действительно, на сторону Кассия, неожиданно для Антония, перешли легионы в Сирии и Македонии (Кассий щедро платил солдатам). Клеопатра, как ни странно, тоже решила поддержать Кассия: через своего наместника на Кипре Се-

рапиона она помогла деньгами и кораблями.

– Улыбнулась удача? Нет, дорогая. Перстень подарил богатство, вселил упорство и ярость... – претор смотрел сквозь женщину. – Почему же все рассыпалось в прах?

Не обращая внимания на Рипсимэ, Кассий ходил по комнате, силясь понять, где просчитался или в чем умысел высших сил.

Несомненно, Антоний хочет стать диктатором. Ему нужна законность, легитимность, которую дает лишь имя Цезаря, но имя Цезаря получил наследник Октавиан. Вот почему родился союз Антония и Цезаря Октавиана! Они, готовясь к войне с Кассием, начали с проскрипций: санкционировали убийство трехсот сенаторов и трех тысяч богачей, набрав денег на двадцать легионов. Солдатам отдали на разграбление Италию, убили Цицерона...

– Последователи Цезаря намного опаснее меня, – громко говорил Кассий, возбужденно расхаживая по комнате. Он задался вопросом: – Цезаря сенат провозгласил богом, Октавиана сыном бога, а кто я? Антитеза бога – демон? Да, конечно, я дух зла, потому что ненавижу людей, желаю посеять в их душах ложь и хаос...

– Милый, ты меня пугаешь, – Рипсимэ встревоженно смотрела на него, инстинктивно подавшись назад.

– Уйди! – Кассий продолжал ходить по комнате, анализируя ситуацию.

Антоний и Октавиан собрали двадцать легионов из вете-

ранов Цезаря, прикормленных диктатором деньгами и землей. Кассий и Брут тоже набрали сильную армию (девятнадцать легионов) и пришли в Македонию, где в сражении при Филиппах обе армии (Кассия и Антония) отчаянно схлестнулись в битве, и долго было неясно, кто победит.

– Этот бездарный Брут позволил солдатам понукать собой и при первой же неудаче опустил руки, умоляя заколоть его! – громко возмущался и неистовствовал вояка.

Кассий вдруг остановился, до него дошло: «Победа была близка, но случилось невероятное. Солдаты Цезаря, жаждавшие отомстить за любимого полководца, эта безликая толпа, ведомая инстинктом и вышедшая из-под контроля Антония, вдруг организовалась и двинулась с таким напором, что опрокинула мои легионы и выиграла битву. Какая сила направляла эту массу, и почему она сильнее духа перстня?»

В его воспаленном мозгу мелькнула вспышка озарения, и он, окончательно надломленный, ухватился за поспешное объяснение. Подозрительно взглянув на Рипсимэ, выкрикнул:

– Это ты во всем виновата! Ты появилась в моей жизни не случайно: обольстила, усыпила бдительность, ввела в тоску, разожгла гнев и зависть, высосала энергию, управляла мыслями и чувствами...

– Нет!! – закричала женщина. – Я виновата лишь в том, что своим молчанием и ласками утешала тебя и вселяла в твой пошатнувшийся разум надежду и успокоение! Ты про-

сто пресытился мной...

– Убирайся, ты мне больше не нужна! Утром я отплываю на Родос, соберу новую армию и разобью Антония, захвачу Рим и стану богом как Цезарь!

Она, печальная и измученная, вышла из комнаты, а Кассий, неспособный никак успокоиться, «решал» судьбу римского государства.

Ночью Рипсимэ, в отчаянии, разочарованная в избраннике, бесшумно вошла в его спальню. Обессиленный Кассий, впав в забытие, лежал на кровати. Небольшой масляный светильник озарял мистическим светом комнату, рисуя на стенах черные тени. Женщина смотрела на чеканный профиль римского патриция, на котором играли затейливые блики, и в ее груди разгоралась ненависть к этому человеку, испепеляя остатки любви. Месть становилась иступленной страстью. Он погубил ее жизнь, а теперь готов уничтожить все светлое и возвышенное на земле, посеять хаос, разрушение... Взяв в руки меч, лежавший на столике рядом с кроватью, Рипсимэ медленно вынула клинок из ножен, повернулась к любовнику и долго стояла, не решаясь переступить грань дозволенного. Добродетель превосходит порок хотя бы тем, что несчастья рождаются из злобы, а счастье из мук...

Драконий перстень на пальце Кассия загорелся кроваво-красным цветом. Рипсимэ уготован трагический удел. Она решилась. Вечный сон чудовища близок. Камень перстня стал черным: подан знак! Над Кассием взметнулся кара-

ющий меч...

Сердце злодея пронзил сверкающий клинок. Римлянин вскрикнул. Черный дымок поднялся из его груди и окутал Рипсимэ. Она глубоко вздохнула. Темная сущность проникла в нее. Со сладостным наслаждением и чувством выполненного долга, зная теперь себе цену, невозмутимая и исполненная достоинства женщина спокойно сняла с пальца бывшего возлюбленного магический перстень и ушла. Акт мести совершен...

Рипсимэ брела по песчаному берегу моря к огням поселения, чтобы нанять лодку, переплыть пролив и отбыть в Армению. Ночное море, с шумом подкатывая волны к ее ногам, смиренно вздыхало, мерцающие в высоте звезды молчаливо восхищались ею, лунные блики, создав на водной глади серебряную дорожку, зывали в далекое никуда. Она, слившись с природой, впитывая ароматы ночи, шла не спеша, внимая гласу бездны: «Твоя первобытная сущность раскрылась. Ты – разрушение и созидание, превосходство и очарование...»

Утром на остров Тасос с когортой солдат прибыл Антоний. Рассматривая тело Кассия с торчащим из груди мечом, он сказал:

– Канидий, отправь донесение в сенат: Кассий покончил с жизнью.

Лучший полководец Антония, его заместитель и друг Канидий ухмыльнулся:

– Марк, хотел бы я так закончить жизнь: страстная женщина вонзает в сердце меч в момент наивысшего удовольствия любви.

– В моем понимании наивысшее удовольствие – это безграничная власть. Все заговорщики, кроме Гая Пармского, мертвы, все враги в сенате уничтожены. Осталось одно препятствие – мальчишка Октавиан. – Антоний, гордо вскинув голову, многозначительно произнес: – Власть – единственное, ради чего нельзя останавливаться ни перед чем.

Канидий расплылся в снисходительной улыбке:

– До сих пор я считал, что удовольствие ты получаешь только в компании хорошеньких женщин...

– Удовольствие и власть – две губительные трясины, затягивающие в омут непреодолимых искушений. Канидий, прямо сейчас отметим успех в компании хорошеньких женщин.

В Анатолии на берегу реки Кинд, протекающей по Киликийской равнине и впадающей в Средиземное море, стоял город-крепость Тарс. Город достиг известности, славы и блеска, так как ученые греки основали здесь университет – высшую школу грамматики и философии. Тарс являлся третьим по учености городом после Афин и Александрии. Самый большой урон городу нанес Кассий, разграбивший крепость и угнавший мужчин в рабство. Антония, который не только вернул мужчин обратно, но и восстановил былое величие древнейшего города, жители считали освободителем,

если не богом. Богом Дионисом, поскольку попойки и веселье не прекращались ни на день.

После очередной пирушки болела голова. Антоний в белой тунике с пурпурными полосами полулежал на диване и мечтательно говорил:

– Вчера хорошо повеселились. Деллий, ты все же соблазнил красавицу-гречанку из аристократической семьи!

– О Марк, устоять против моих чар невозможно... – Квинт Деллий (легат, входящий в круг близких друзей Антония) в белоснежной тунике из овечьей шерсти развалился в кресле. – Для начала я рассказываю женщине эротический миф, направляю ее мысли в нужную сторону, а потом она падает в мои объятия.

Канидий, черноволосый, в помятой белой тунике и с венком Диониса из виноградных листьев на голове, присев на край стола, захохотал:

– Я обливался слезами, когда Деллий отмахивался от девушек, липнувших к нему словно мухи... Интересно, смог бы этот мастер соблазнения очаровать египетскую царицу Клеопатру?

Деллий усмехнулся:

– Я бы рискнул, но боюсь, потребуется недюжинное мужество, чтобы решиться на соблазнение царицы порока.

В Тарсе, в дворце правителей и наместников Киликии, Антоний устроил себе ставку и правил восточными римскими провинциями жестко, но справедливо. Он решил, пока

Октавиан улаживает дела солдат-ветеранов в Риме (отнимал землю у одних и отдавал ее другим), остаться на Востоке. Непрестанно мучила мысль: что делать дальше, как снискать расположение Рима, как прославиться? В Тарсе он все время сравнивал себя с завоевателем Александром Македонским, чье имя чтит подобно всем полководцам своего времени.

В этом самом дворце удачливый македонский военачальник умирал от болезни. Однажды, устав от утомительной погони за персидской армией царя Дария, он искупался в холодных водах реки Кинд, простудился и заболел. Когда все решили, что Александр умрет, а врачи опустили руки, произошло чудо. Выпив отвар, приготовленный из местных трав, который ему принес самый отчаянный лекарь, он через несколько часов пришел в себя, быстро окреп и повел армию на решающую битву с Дарием.

«Мне нужно маленькое чудо, чтобы как Александр воспрянуть духом и выйти на решающую битву с Октавианом. Но как сотворить чудо? Денег нет не только на выплату наградных ветеранам и выкупа для них в Италии обещанных земель, но и на содержание войск в провинциях. Налоги собраны за десять лет вперед, деньги растаяли, и что же делать дальше?» – Антоний впал в уныние.

– Марк, – Канидий шутливо обращался к нему, – я готов на спор пошатнуть репутацию Деллия. Пусть Квинт соблазнит Клеопатру!

Деллий запротестовал:

– Она околдовала Цезаря и ускорила его гибель! Эта буйная блудница снабдила Кассия деньгами и кораблями. Марк, ты защитник римских ценностей, духа Марса, ученик и соратник Цезаря. Ты не можешь оставить преступление без отмщенья!

Канидий возразил:

– Да, она порочна и блудлива, но безумно богата, владеет несметными сокровищами Египта.

Деллий тяжело вздохнул:

– Она настолько порочна, что назначила смерть ценой своей любви. Рассказывают, что нашлись мужчины, готовые за ночь, проведенную с царицей, заплатить своей жизнью...

Подал голос Антоний:

– У Клеопатры есть деньги и продовольствие...

– Призови ее к себе, Марк Антоний, – Канидий нарочито напустил на себя суровость, – обвини ее в помощи убийцам Цезаря и под этим предлогом получи с нее деньги.

– Квинт, – Антоний порывисто сел, – тебе придется соблазнить Клеопатру.

– Хорошая мысль! – поддержал Канидий. – Деллий родом из потомственных аристократов, умеет обходиться с женщинами своего круга.

Антоний был настроен решительно:

– Пусть явится ко мне в Киликию для объяснений!

– Но она не согласится!! – Деллий был потрясен заданием.

– Квинт, – завелся Канидий, – хочешь пари? Привезешь

царицу, и я съем дохлую курицу.

– Она меня велит казнить раньше, чем я изобразю приветливую улыбку! – Деллий вскочил со своего места.

– Квинт, – Антоний встал, подошел и дружески положил руку ему на плечо, – больше утонченных манер в сочетании с лестью. Тебе это по силам. Женщина подобна огню: она разгорается от всего соблазнительного и притягательного...

Флотилия кораблей, преодолев море, вошла в устье реки Кинд. Впереди шел корабль с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, плывший под звуки флейт и кифар. Царица Египта в наряде Афродиты возлежала на диване под балдахином из золотой парчи, и мальчишки, похожие на амуров, обмахивали ее веерами. Корабль, украшенный гирляндами из мирта, роз, маков, анемонов и лилий, скользил вверх по течению благодаря силе дюжих гребцов. Толпы людей бежали по берегам, сопровождая флотилию. Разнесся слух: Афродита едет на встречу с Дионисом.

– Марк! – кричал Канидий. – Богатства Египта плывут тебе в руки!

Антоний поспешно вышел на террасу дворца, возвышавшегося на холме над городом. Пораженный и восхищенный увиденным, придя в себя от потрясения, приказал:

– Канидий, иди встречать царицу! Нет, стой, я сам пойду! Клеопатра лежала на диване в легком хитоне из струящей-

ся полупрозрачной шелковой белой ткани, осыпанной драгоценными камнями. Длинные пряди волос, собранные сзади в пучок и украшенные нитками жемчуга, вместе с золотистыми ободком, поясом и сандалиями дополняли картину красоты и чувственности. Запах благовоний опьянял, а невинный взгляд говорил: «Ты звал меня, вот я и приехала». Она робко протягивала красное яблоко. Антоний, стоя на пристани в окружении потрясенных легатов и трибунов, мечтательно взирал на Клеопатру, видя перед собой греческую Афродиту или римскую Венеру (словом, олицетворение любовного влечения), и протягивал ей руку.

Канидий, заметив выглядывавшего из-за балдахина сладострастного Деллия, понял: придется есть дохлую курицу.

В зал, набитый произведениями искусства, вошла Клеопатра со свитой. Антоний в белой тунике и пурпурной тоге с вышитыми золотом сценами битв стоял в окружении друзей, потрясенный увиденным, пытаюсь делать умное лицо. Первое, что его пленило, – это запах благовоний, ворвавшийся в зал. Второе – он был сражен красотой царицы Египта: великолепное тело, грациозная походка, чувственное лицо, томные глаза с неотразимой прелестью во взгляде. Впечатление усиливали облегающий золотистый калазирис, прозрачный голубой плащ, диадема с коброй, ожерелье-воротник из золотых пластин, жемчуга и крупных алых камней, умопомрачительные серьги и ажурные браслеты. Клеопатра скромно

отвела глаза в сторону. Голова у Антония закружилась.

– Царица, приветствую тебя! – он говорил нарочито небрежно, поглядывая на соратников. – Хочу объяснить тебе, как надо вести себя после смерти Цезаря.

– Твое умонастроение говорит о безмерном желании спросить о другом, – мягко сказала она тихим и низким голосом, прекрасно уловив суть естества этого мужчины.

– Да, именно! Я желаю знать, зачем твой наместник на Кипре снабдил Кассия деньгами и кораблями.

– Кассий хорошо заплатил, а потом... Я ничего не знала об этом, а когда узнала, было поздно. Наместник казнен.

– Клеопатра, – вожделение уже обуревало консулом, – приткие часто спотыкаются. Помогая моим врагам, ты наказываешь справедливость. Придется держать ответ, – не очень уверенно сказал Антоний.

– Не помогать бессердечно, помогать грешно... Может, не помогать никому? – кроткий взгляд ее наивных глаз устремился на военачальника.

Карие глаза Антония блестели, зрачки расширились. «Коварна, изворотлива, – думал пресытившийся женщинами Антоний. – Но как прелестна, бездна обаяния... Красивая линия бедер, идеальная осанка, утонченная натура... Перед ее чарами не устоял сам Цезарь... Теплота сквозит в каждом слове, голос ласкает слух, взгляд неотразим... Не женщина, а загадка».

Клеопатра же оценивала его: «Красавец, силен, настоя-

щий Геракл, тщеславен, влюбчив, падок до внешнего блеска. Неглуп, но простоват, юмор военный – словом, грубый солдафон и восприимчивый к лести аристократ. Хочет, чтобы я по достоинству оценила его... Несомненно, что-то в нем есть». Пленение римского Геракла почти завершилось, осталось удивлять, заинтересовывать и преследовать...

– Понимаю, ты жертва обстоятельств, – примирительно сказал полководец. – Народ тебя воспринял как Афродиту, и этот образ тебе идет. Однако, как известно, красавица-богиня Афродита стала причиной гибели Трои. Не такую ли судьбу прекрасная Клеопатра уготовила Риму?

По легенде, юноше Парису из Трои богиня Афродита пообещала любовь прекраснейшей из земных женщин Елены, и между молодыми людьми действительно вспыхнула страстная любовь. Троя пала.

Клеопатра поправила волосы, задержала взгляд на лице Марка Антония и, отвернувшись, произнесла:

– Потеряв голову от любви, нельзя терять самообладание. Зевс, как известно, отдал свою дочь Афродиту в жены безобразному и хрому Гефесту, однако истинным отцом троих ее детей стал Арес – красивый, неукротимый, всегда пьяный бог войны, – и она в упор посмотрела на полководца.

Сравнение с Аресом Антонию понравилось. Греческий бог, которого в Риме называли Марсом, предпочитал войну ради войны и считался истинным смертоносным оружием. Польщенный Антоний созерцал Клеопатру, и это доставляло

ему радость: «Ее главная черта характера, как и моя, – повторство своим желаниям. Я нравлюсь ей. Египет завоеван».

Проницательная царица, как всегда, взяла ситуацию под контроль: завладела волей и рассудком Антония, стала предметом сладострастия. Уверенная, независимая, обладающая незаурядным умом, она вела его к фатальной неизбежности: отказаться от чести и достоинства римлянина, забыть семью, пасть к ее ногам.

Антоний нетерпеливо сказал:

– Нам надо многое с тобой обсудить... Всем выйти!

Когда посторонние ушли, Клеопатра придвинулась к Марку Антонию вплотную, нежно положила пальцы на его затылок и, неспешно перебирая волосы, прижалась к мощной шее. Он ощутил размеренное сладостное дыхание женщины.

Красавица возле его уха шептала:

– Любовь пленяет мужчину, разрушает преграды...

В мозгу Антония билась шальная мысль: «Она меня понимает, предана мне, я ее бог»...

– Египет должен остаться самостоятельным... – внушала Клеопатра честолюбивому полководцу.

Затем, взглянув в горящие глаза, прильнула к губам мужчины. Легкие прикосновения и жаркий поцелуй сводили его с ума. В его голове мелькало: «Она беззащитна, нуждается в моей помощи. Конечно, ей подвластно искусство обольщения, ведь своей смертью многие мужи платили за обладание ею. Однако удовлетворять ее желания – наивысшее счастье

для меня. Ее сила в любви».

Клеопатра шептала:

– Ты соперничаешь с Октавианом за владычество над Римской республикой? Я помогу...

Манящий запах этой женщины довершил торжество неизбежного. Антоний вдруг понял, что нуждается в ней, получает в ее обществе наслаждение, она его трофей и богиня... Он безумно влюбился.

Неотразимая соблазнительница, разбудив необузданную страсть, повела властолюбивого мужчину в спальню.

На другой день был устроен грандиозный пир в честь прибытия Клеопатры. На дворцовой террасе с идиллическим видом – сверкающая река, эвкалиптовая роща, каскадный водопад – набилось много друзей Антония и людей из свиты царицы. В тени тентов и миртовых гирлянд люди лежали на кушетках-клиниях или сидели за столами, но взгляды всех были прикованы к Антонию и Клеопатре, которые, счастливые и величественные, в торжественных одеждах восседали за центральным столом затейливой работы. Деллий, задушевный друг царицы и полководца, громко крикнул:

– Поднимем бокалы за здоровье нового Диониса и божественной Афродиты!

Раздался звон бокалов из финикийского стекла, и все с удовольствием выпили белое виноградное вино, искрящееся в лучах южного солнца. Рабы разносили отменную еду,

темнокожий слуга из серебряного кувшина подливал вино очаровательной влюбленной паре, а музыканты на кифарах и авлосе исполняли помпезные римские мелодии. Обжорство и роскошь пиров у римлян входили в моду.

Антоний был совершенно очарован Клеопатрой. Она, улыбнувшись, воскликнула:

– Поднимем бокалы за Антония, воплощение египетского бога Осириса!

Гости одобрительно зашумели и звонко сдвинули бокалы. Антоний крикнул:

– За Клеопатру, царицу Востока... нет, царицу царей!

Офицеры засвистели, загудели, выражая полное одобрение своему главнокомандующему.

Она, восторженно посмотрев на избранника, негромко сказала:

– Антоний, я хочу сделать тебя царем Рима.

– Клеопатра, ты не понимаешь... – полководец был снисходителен к обворожительной женщине. – Высшая ценность для меня, римского гражданина, богом избранного, – служить, не щадя сил и жизни, Риму. Наш народ не потерпит царя.

– Если женишься на мне, станешь царем для египтян, а потом я поведаю тебе как превратиться в повелителя мира.

– Ты знаешь рецепт абсолютной власти?

– В моем александрийском дворце хранится волшебная вещь – Свиток творца. Он сделает тебя земным богом.

– Я заинтригован. Похоже, ставку главного командования нужно перемещать в Александрию...

Раб принес салат *Jesur ficatum* (фиговая печень – *лат.*) известного римского повара Дариуса, экзотическое и экстравагантное яство: деликатес из гусиной печени (гусей откармливали фигами), языков фламинго и мозгов фазанов. Поставив изысканное блюдо в золотом салатнике на стол перед царственной парой, он подобострастно поклонился.

Антоний воодушевленно воскликнул:

– Дорогая, это кушанье в Риме стоит целое состояние. Попробуй!

Клеопатра с высоты своего величия лишь мельком взглянула на салат и, бросив насмешливый взгляд на тщеславного воина, милостиво обронила:

– Мои пиры побогаче римских. Могу прямо сейчас угостить блюдом, куда более дорогим, чем это.

– Еще дороже? Здесь и сейчас? – поперхнулся Антоний. – Это невозможно! – Изумление сквозило во взгляде возлюбленного. – Если удивишь, проси подарок.

– Если удивишься, подари мне Финикию... – она с неприкрытым обожанием взирала на азартного любовника.

Вынув из уха золотую серьгу с огромной жемчужиной, Клеопатра бесстрастно бросила ее в стеклянный бокал Антония. Невиданно крупная жемчужина вместе с серьгой опустилась на дно бокала, струйки пузырьков от нее стали подниматься и, достигая поверхности вина, взрываться. Зрели-

ще волшебных пузырьков завораживало. Вино играло, что было невиданным в те времена. Жемчужина растворилась. Царица Египта, взяв этот бокал, отпила немного.

– Выпей, Антоний!

Не иначе как сама Афродита протягивала ему наполненную вином чашу, испив из которой, человек (согласно мифу) получал вечную молодость.

Глядя в глаза возлюбленной, Марк Антоний взял бокал и осушил до дна. Поймав зубами золотую серьгу, он победно обвел взглядом притихших и неотрывно наблюдавших за колдовским действием соратников, поднял высоко над головой сережку с растаявшей жемчужиной и провозгласил:

– Финикия твоя!

– Люблю побеждать!

Клеопатра, владеющая не только искусством обольщения, но и демоническими чарами, сумела крепко привязать к себе порочного, преданного и безрассудного храбреца. Он, презрев все, остался с ней навсегда.

Глава 39. Артавазд в моменты неуверенности

Царь Парфии Ород не мог смириться, что его великая держава, основанная племенами кочевников и скифов, простирающаяся от Индии до Армении, вобрав в себя Персию, Бактрию и еще тридцать царств, церемонится с Антонием и Артаваздом. Вся Азия должна принадлежать Парфии. Он задумал удар по римским гарнизонам в Азии, а потом захватить Армению. Его сын, наследник престола Пакор, вырос и теперь командовал армией. Очень пригодился римский перебежчик, безрассудный молодой офицер Лабиен. Его Кассий отправил в Парфию за подкреплением, а тот после сражения при Филиппах перешел на сторону парфян. Ород приказал армии во главе с Пакором и Лабиеном пересечь Евфрат и вторгнуться в Сирию.

Антоний в Египте погрузился в радости жизни с Клеопатрой и не заметил, как парфяне захватили Сирию, Палестину, Иудею, юг Малой Азии и Киликию. В Иерусалиме царем стал их ставленник Антигон II, а этнарху Гиркану повредили уши, чтобы не мог, согласно иудейскому закону, быть первосвященником. Крепости, не спешащие сдаваться бывшим кочевникам, получали послания-листочки, обернутые вокруг стрел, и римские солдаты, деморализованные безде-

нежьем, открывали ворота или перебежали к Лабиему.

Для парфян все закончилось неудачно. Протрезвев, Антоний понял катастрофичность ситуации и послал своего легата Вентидия (шестидесятилетнего умного офицера, друга Цезаря) с несколькими легионами восстановить римский порядок. Вентидий, проявив военную хитрость, лишил парфян возможности использовать конницу, одержал в битве блестящую победу, изгнал врага из Сирии, а потом из Иерусалима. Пакор погиб, а Лабием сбежал. Антоний очень завидовал Вентидию, получившему от сената триумф, после которого триумфатор внезапно умер.

В Нисе, столице Парфии, был траур по Пакору. В тронном зале удрученный царь Ород сокрушался:

– Мой любимый сын Пакор погиб. Бог Ахурамазда покинул меня...

Ород сидел на золотом троне, держа в правой руке скипетр, а в левой кубок с опьяняющим напитком, дарующим всесторонние знания. Совет родичей, главный совещательный орган при царе, также опечаленный, занял места по левую и правую руку от государя. Все вельможи – бородатые, светловолосые, в кафтанах, штанах и сапогах, с черными шапками на голове и золотыми кубками в руке. Скипетроносец в синем кафтане, отпив из кубка, произнес:

– О властитель Востока, у нас нет наследника престола!
Начальник канцелярии в зеленом кафтане предложил:

– О солнце Парфии, у тебя от разных жен тридцать детей, из них пятнадцать мальчиков. Ты должен срочно назначить наследника.

Голубоглазый монарх, всегда злой, заносчивый, склонный к насилию из-за патологической подозрительности, колебался. Посмотрев на свои руки, унизанные перстнями и кольцами, неуверенно сказал:

– Власть царя при всех своих преимуществах имеет маленький недостаток: сильно зависит от произвола царедворцев и обезумевших родственников.

В фиолетовом кафтане, расшитом яркими камнями и жемчугом, в узорчатых штанах, обутый в короткие сапожки, с белой повязкой на голове и золотыми цепями на шее, Ород выглядел эффектно, но был сбит с толку и впал в оцепенение. Очнувшись, он поднес кубок с напитком к губам, отпил (все последовали его примеру) и бросил взгляд на царедворцев, ища в их глазах ответ – кого же назначить наследником престола.

– Спаситель, обрати внимание на своего сына Фраата, у него твой характер. Неуступчив, беспощаден, силен, – предложил начальник охраны Шапур в кафтане коричневого цвета.

– Брат Луны! – запротестовал один из лучших полководцев Монес, одетый в черный кафтан. – Фраат безумен! Его последний поступок опрометчив: натравил гирканского пса на раба за недостаточно охлажденное вино.

– Но он смел и решителен! – возгласил начальник охраны.

Ород поморщился:

– Нет идеально добрых, нет идеально злых, есть хищники и жертвы. Катастрофа наступает при нарушении равновесия. Решено, наследник Фраат!

Начальник канцелярии в зеленом кафтане подал свиток и перо. Ород внес имя, подписал указ и поставил перстнем печать.

В царские покои вошел с видом полной безучастности к горю отца двадцатилетний сын Фраат, на нем был красный кафтан. За ним следовали его мать Лаодика и недавно потерявшая мужа невестка Наринэ, обе в траурных одеяниях и с заплаканными лицами. Начальник охраны Шапур, суровый и неприступный, встал на выходе.

Ород с удрученным видом подошел к родственникам:

– О мой сын, горе помutilо мой разум... Пакор погиб, его голову возят по сирийским городам для устрашения народа, посмевшего нам помочь. Этот нечестивец, царь Армении Артавазд, прикрылся договором с Римом и не пришел на помощь. Твоя мать, Фраат, в трауре, – он поцеловал жену Лаодику. – Наринэ убита горем, – он обнял невестку. – И ты, любимый сын, – глаза Орода забегали, – я вижу, весьма огорчен... – царь положил руку ему на плечо. – Теперь ты наследник престола. Отомсти за смерть брата, за оскорбление, нанесенное твоему отцу! Пусть возмездие достигнет

римлян и армян! – и он обнял сына.

Объятие длилось долго. Лаодика занервничала, рванулась к мужу, ее задержал начальник охраны. Когда молодой и крепкий Фраат отпустил руки, тело Орода сползло на пол. Лаодика, в ужасе схватившись за голову, закричала, Наринэ, потрясенная разыгравшейся трагедией, бросилась на колени и стала нащупывать пульс у Орода, начальник охраны не двинулся с места.

– Он мертв! – закричала ошеломленная Наринэ.

Юноша, напустив на себя надменный вид и суровость, взял со стола скипетр, повертел в руках и тоном, не терпящим возражений, произнес:

– Я царь Фраат IV, властитель Востока. Мне покорится Армения, затем двину войска на Рим. Вы все будете жить, пока не заподозрю измену.

– Ты убийца!! – закричала мать.

– Стража! – Вошедшим стражникам парень приказал: – Мою мать увести на женскую половину дворца и никуда не выпускать!

Начальник охраны кивнул, и стражники вывели убитую горем Лаодику.

– Тебя, Наринэ, я беру в жены. Слабак Пакор был недостойн такой красавицы. Ослушаешься, пеняй на себя. Иди!

Растерянная Наринэ с потухшим взглядом и тяжелым сердцем побрела в свои покои.

– Шапур! – новый молодой царь злобно сверкнул глаза-

ми. – Всех моих братьев казнить! Монеса тоже.

Полководец Монес исчез из Нисы, но вскоре объявился в Александрии.

Октавиан, чей незаурядный ум заметил еще Цезарь, не обладал талантом военного стратега, но был одарен другими качествами: терпелив, расчетлив, рассудителен. Амбициозный, но спокойный и уравновешенный, он жаждал абсолютной власти. Ошибки приемного отца Цезаря будут учтены, но главное, понял он, в политике следует действовать тонко. Лучше быть добрым и щедрым, исповедовать республиканские ценности, избегать диктатуры и тирании, действовать в рамках законов, при этом постепенно забирая у сената властные полномочия, но на неограниченный срок. Римляне, уставшие от гражданской войны и насилия, пережившие разруху, жаждали мира и стабильности. Они это получают! Со временем, чтобы навести порядок в государстве, придется прибрат к рукам и сенат, и армию. Но пока... Поразмыслив, Октавиан решил на данном этапе не ввязываться в борьбу за единоличную власть, ведь в распоряжении Антония сто тысячная группировка, в том числе много легионеров, служивших ранее у Юлия Цезаря, как, впрочем, и у него...

Солдатская масса, жившая по своим законам, повинувшись запросу общества и бессознательному порыву, заставила двух правителей Рима заключить мир. Октавиану и Антонию ничего не оставалось делать, как встретиться и дого-

вориться.

– Антоний, главная беда Рима – продажная власть... – Октавиан, уверенный в своей правоте, говорил спокойно. – Предстоит разгрести Авгиевы конюшни. Предлагаю соглашение: дуумвират разделит власть в римской державе. Ты правишь в восточной части, я в западной. Заставим всех чтить закон!

Консул Рима и одновременно египетский царь Антоний специально прибыл морем в Тарент (современный город Таранто на юге Италии) для встречи с собратом. На воде, недалеко от берега, соорудили из дерева удерживаемый якорем специальный понтон, куда, подплыв на лодках, взошли два военачальника – без оружия, в кожаных кирасах и пурпурных плащах. Каждый готов при необходимости незамедлительно прыгнуть в воду. На фоне атлетически сложенного Антония Октавиан смотрелся щупловатым, но был строен и красив, словно бог, сошедший с небес. Он глядел на своего соперника умными серо-голубыми глазами достаточно дружелюбно, но под пристальным взглядом молодого консула старый вояка (старше на двадцать лет) опустил глаза.

– Мне не нужно соглашение, – вскинул бровь Антоний, – мне нужна власть, причем полная. Очень скоро я ее получу.

– Спешу не торопясь, – произнес любимую поговорку Октавиан, но тут же напустил на лицо приветливое выражение. Понимая, что впереди предстоит решительная схватка, он с притворным простодушием сказал: – Ты достоин власти,

Антоний, но сенат и народ Рима ждут от тебя великой победы над Парфией. Кто, как не ты, отомстит парфянам за унижение республики и гибель великого Красса, кто вернет священных орлов и знамена легионов, захваченных противником?! Ты должен въехать в Рим триумфатором!

Антоний молчал. Возразить было нечего. Сенат давно требовал от него наказать парфян и вернуть орлов, так как, согласно Сивиллиным книгам, «угроза исходит от восточной страны, которая может напасть на Город и погубить его, если грозовые птицы поселятся там». Грозовой птицей римляне считали орла, приносившего молнию Юпитеру.

«Не иначе как Октавиан надеется, что я сгину на азиатских просторах. Но возвращаться в Рим без «орлов» нельзя: сочтут трусом. Военная слава – главное что ценят в Риме», – думал полководец.

Октавиан вел свою игру, причем достойно. Его внешний облик был безукоризнен: каштановые волосы с золотым отливом, нос с горбинкой, волевое лицо, военная подтянутость – все говорило об уверенности в себе. Он ждал реакции оппонента.

Антоний жестко отрубил:

– Мы ненавидим друг друга, война за верховенство дело времени.

Октавиан был дружелюбен, деловит и практичен:

– Опрометчивость не исправить, а вспыльчивость – плохой советчик. Мой

принцип – упорядочить хаос через гармонию. Предлагаю заключить мир и скрепить наш союз твоим браком с моей сестрой Октавией.

Недавно в Риме внезапно умерла Фульвия, жена Антония. Яды Клеопатры действовали безотказно. Сестра же Октавиана была вдовой.

Антоний ухмыльнулся:

– Как ты говоришь: не будь торопливым?

– Спешу не торопясь.

– Что ж, я согласен. Пусть будет мир... пока.

Подписав соглашение и скрепив его печатями родовых перстней, они сели в лодки и уплыли – Антоний к кораблю, Октавиан к берегу.

Молодой консул уже знал, как будет воплощать свой план в жизнь. Сначала очистит сенат от сторонников Антония, а потом выставит его умалишенным. Может ли разумный гражданин Рима унижать законную жену Октавию, бросить детей и жениться на провинциальной царице подконтрольного государства? Может ли нормальный военачальник поклоняться темным богам Египта и дарить Клеопатре римские земли? Связь с Клеопатрой – его уязвимое место. Вот где будет нанесен удар! Разбудить негодование в народе и склонить чашу весов в свою сторону...

– Аршам!

Кто-то окликнул царедворца, спешащего по мостовой армянского города Арташата в сторону дворца.

Он обернулся и увидел Рипсимэ.

– Рипсимэ, ты? – Аршам был приятно удивлен. – Считал, что ты в Риме у Кассия.

Она подошла, отбросила край плаща, покрывавший голову, и подняла глаза:

– Он умер, я осталась одна. Потянуло на родину...

Волнение охватило Аршам: его бывшая подруга, как и прежде, свежа, изящна, красива, хотя глаза потухшие, выражение лица холодное и тоскливое. Чувственный изгиб бровей и пухлые губы еще могут пленить мужчину, но Рипсимэ уже другая: не пленительная невинная овечка, а расчетливая, опытная, уверенная в собственной неотразимости женщина. Аромат благовоний довершал картину: привлекательная и ослепительная светская львица. Ее прекрасную фигуру подчеркивали лиловая туника и коричневый плащ палла, похожий на греческий гиматий.

Аршам, зрелый воин крепкого телосложения, все еще пользовался у женщин популярностью, но теперь осторожный и подозрительный человек, всегда просчитывающий ситуацию. Что-то ему подсказывало: «Не доверяй ей».

– Мне жаль, что так сложилась твоя судьба, – он смотрел на Рипсимэ с нескрываемым любопытством. – Зачем ты здесь?

– По правде сказать, хочу встретиться с царем. Ты ко-

гда-то любил меня... Помоги, устрой встречу! Глава службы безопасности царя может многое.

– Царь занят, вряд ли тебя примет.

– А ты скажи, что из Рима прибыла Рипсимэ, и у нее важное сообщение.

Аршам взглянул на очаровательную армянку, предмет своего прежнего обожания, и ее миндалевидные глаза и стройная фигура вновь восхитили его. Отказать не было сил:

– Полагаю, мне ты не скажешь, о чем хочешь поговорить с царем. Да? Что ж, во имя нашей старой дружбы попробую что-нибудь сделать. Приходи завтра в час пополудни в дворец.

В кабинет царя, где Артавазд обычно принимал с докладами вельмож, солнечные лучи проникали в окна, подсвечивая уникальные мраморные статуи и большие золоченые вазы с завораживающими рисунками. Лицо царя, сидевшего в кресле, было одухотворенным и благородным. Он думал о насаждении культуры греков в армянской среде. Ему нравилось все греческое, поэтому трагедии Артавазд писал по-гречески. Скульптура, мозаика, живопись уже стали неотъемлемой частью жизни армянской знати, в государстве процветали спорт и театр, а грамматика и философия изучались всеми юношами из аристократических семей. Однако экономика страны развивалась медленно, что тормозило высокие устремления царя в продвижении культурных проек-

тов. Многие придворные были им недовольны, и открыто это выражали. Не выполнялись указы по набору рекрутов в армию и поставкам лошадей и продовольствия, главы некоторых аристократических родов, почувствовав мягкотелость правителя, встали в оппозицию. Отец оставил могучее царство, но удержать его на достигнутом уровне развития оказалось для Артавазда непосильной задачей. Внешние враги торжествовали и замыслили козни против слабеющего государства.

Вошли Аршам и Рипсимэ.

– Государь, – произнес Аршам, – эта та женщина, о которой я тебе говорил.

Артавазд узнал ее. Как хороша, какая стать! Она по-прежнему красива, к тому же величава и спокойна.

– Рипсимэ! Я тебя помню. Жаль, твой отец скончался. Как ты?

– Государь, – женщина преклонила колено, низко опустив голову, а когда распрямилась, царь увидел, как горят ее золотистые глаза, – я долго жила в Риме с Кассием, но он умер, и я вернулась.

– Слушаю, Рипсимэ. Чего ты хочешь?

– Разреши мне остаться при дворе. Могу обучать девушек, могу выполнять другую работу...

– Что ж, не возражаю. Аршам, позаботься!

Рипсимэ просияла, но тут же стала серьезной:

– Государь, есть новости! Они тебе не понравятся.

– Говори!

– На вилле, где я жила, Кассий встречался со многими сенаторами. Я слышала их разговоры.

– И что же тебя насторожило?

– Говорили о походах в Парфию, Атропатену и Армению...

– Почему Парфия?

– Предсказано: если не смыть позор поражения Красса и не вернуть значки легионов, боги уничтожат Рим.

Артавазд задумался. Несомненно, знаки и знамена легионов – лишь предлог, вопрос в гегемонии на Востоке. Территориальные споры не прекращаются, а границы оспариваются. Ничего нового. А вот Атропатена – это необычно.

Рипсимэ бесстрастно продолжала:

– В Атропатене, государь, их интересует лишь святилище Адур-Гушнасп, что в крепости Фрааспа.

Адур-Гушнасп – ныне современные развалины под названием Тахт-е Солейман на северо-западе Ирана.

Артавазд резко встал. Рим замахнулся на святыню! В знаменитом святилище в Талышских горах, что южнее Армении, горел великий огонь, и ему поклонялись даже римские жрецы. Еще там хранился выполненный из слоновой кости и золота трон царя Соломона, наделяющий человека мудростью, пророческим даром и силой повелевать духами и ветрами. После смерти иудейского царя трон переходил как трофей от одного властителя к другому, но никто не смог

усидеть на нем: оживали золотые львы, украшавшие трон, и прогоняли недостойного. Артавазду стала ясна цель похода римлян: затушить вечный огонь, чтобы разрушить могущество зороастрийской религии, захватить трон, дабы повелевать духами. Будут перебиты персидские жрецы, произойдет упадок боевого духа воинов, падет Парфия...

Вслух он сказал:

– Ясно... Рим хочет, чтобы солнце славы не заходило над Италией никогда. А что говорили об Армении?

– Их волнует какая-то тайна... Ею владеешь лишь ты, государь. Еще называли Великую Армению единственным государством, способным уничтожить Рим.

Артавазд прошелся по кабинету. Его отец, царь Тигран II, говорил: «Хочешь упорядочить мысли, смотри на гору Арарат». Через окно в дымке виднелась гора богов. Стоя у окна, Артавазд погрузился в мысли: «Рим готовит вторжение, несмотря на союзный договор? Нет, не верю! Зачем, если я во всем поддерживаю римскую политику? Впрочем, Армения остается головной болью Рима. Соседу не дают покоя мои новые приобретения Малая Армения и Софена? Покорить нас, не прибегая к силе, не удастся никогда: народ, побуждаемый духом горы Арарат, охранителем Армении от посягательств на суверенитет, восстанет! Попытка силового захвата уже была: все закончилось для Лукулла и римской армии неудачей. Следовательно, остается одно – сменить правителя, поставить царем подконтрольного, слабого челове-

ка».

– Спасибо, Рипсимэ. Твои слова приму к сведению.

– Государь, есть еще кое-что... – и она достала из кармана Драконий перстень. – Возможно, это поможет тебе устоять...

Артавазд смотрел на протянутый ему предмет, прекрасно зная его силу.

– Что это, Рипсимэ? – он пристально посмотрел ей в глаза.

– Кассий называл эту магическую вещь армянским перстнем. Все победы римских полководцев Помпея, Красса и Цезаря как-то связаны с ним. Возьми, он нужен тебе! – глаза женщины потемнели, зрачки расширились.

«Она не так проста, как показалось вначале», – царь, углубившись в свои мысли, неуверенно взял кольцо. Золотой массивный перстень притягивал взор необыкновенной игрой алого камня: то тлеющие огоньки, то горячая кровь. Но известно, что магия опасна. Творя чудеса, она околдовывает человека, придает ему невероятную силу, но в итоге блокирует сознание и подчиняет волю до беспрекословного послушания.

Артавазд загадочно произнес:

– В один прекрасный день все наши мысли и поступки отзовутся либо счастливым даром, либо истинным наказанием... Спасибо, Рипсимэ. Ты открыла мне глаза на правду, – царь отвернулся к окну, погружившись в раздумья.

Аудиенция закончилась, Аршам и Рипсимэ удалились.

Большой отряд римских воинов приближался к Арташату. На солнце блестели начищенные шлемы с красными гребнями, угрожающе отсвечивали чешуйчатые доспехи, на овальных ярко-красных щитах красовалась эмблема «орел и молнии», все воины вооружены мечами и копьями. Впереди ехали офицер с сигнумом (диском со знаком почета) и солдат с флагом-вексиллум на копье. Посланник Антония Канидий в пурпурном плаще и золотистом шлеме спешил к армянскому царю.

Артавазд незамедлительно принял посла.

– Приветствую тебя, царь царей, повелитель Великой Армении! – раскатистым басом прогремел Канидий, войдя в тронный зал. – Я Канидий, консул-суффект, заместитель главнокомандующего. Консул Римской республики Антоний передает тебе пожелания личного благополучия во имя процветания армянской державы!

– Приветствую тебя, суффект Канидий! Консул Рима Антоний – мой друг и всегда может рассчитывать на поддержку, – произнес царь.

Артавазд в парадном одеянии (леопардовая мантия и знаки царской власти) сидел на троне в окружении придворных. Традиционно справа и слева от царя, скрестив руки на груди, стояли Арташес и Аршам, вокруг – вельможи, секретари, охрана. Хотя царь догадывался, зачем пожаловал римский генерал, но был взволнован, и напряжение момента передавалось всем. Давно римляне не появлялись в столице Армении.

Бравый Канидий заявил:

– Вскоре консул Антоний пойдет в поход на Парфию. Ее царь удерживает святые римские символы и пленных солдат. Урегулировать вопрос дипломатическим путем не удалось. Консул призывает тебя, друга и союзника римского народа, принять участие в борьбе с врагом Рима.

Такой постановкой вопроса Артавазд был раздосадован:

– Великая Армения поддерживает дружеские отношения одновременно с Римом и Парфией. Ни один человек в здравом уме не будет ссориться с соседом, ведь, как известно, сосед ближе родственника. – Артавазду портить отношения с Римом все же не хотелось: – Чем могу быть полезен консулу?

Канидий задумался, но, похоже, был готов к такому повороту:

– Государь, оставаясь в уверенности, что с соседями не стоит враждовать, все же рассуди: Рим стоит того, чтобы отважиться на поступок знающего себе цену стратега.

Царь отреагировал спокойно:

– Глупцы неминуемо обрекают себя на несчастья, получая позор, забвение и рабство.

Римлянин, почувствовав, что нахрапом здесь не взять, смягчился:

– Полагаю, государь, Рим получит хотя бы право прохода войск по твоей территории...

«Антоний, чтобы нейтрализовать преимущество парфянской кавалерии, хочет использовать гористый рельеф мест-

ности Армении. Учел негативный опыт Красса», – подумал царь.

Посол продолжал, патетически воскликнув:

– ...мы надеемся, что во имя союзнических обязательств Армения выделит, как надлежит соратнику, отряд кавалерии и вспомогательные силы!

Артавазд оказался в сложном положении: не помочь, и армянская оппозиция, настроенная проримски, получит повод для консолидации сил, помочь, и заклятый враг Парфия придет с войной. И так, портить отношения с Римом нельзя, уклониться от военной помощи не получится, но участвовать в чужой военной кампании нужно минимальными силами и, чтобы не остаться в изоляции, уклоняться деликатно.

Царь туманно высказался:

– Несомненно, наши дружеские и союзнические отношения требуют участия Армении в предприятии, хотя нам в данный момент самим приходится сложно: враги внутренние и внешние не дремлют. Канидий, впереди зима. Не лучше ли разместить войска на зимовку в союзной Армении, как это делал Помпей?

– Царь царей, я знаю: ты друг римского народа, наши отношения развиваются и крепнут. Забота о римском войске делает тебе честь, – Канидий позволил себе улыбнуться, – но консул Антоний хочет завершить поход до зимы. Еще раз излагаю просьбу пропустить войска и принять участие в кампании, конечно сугубо добровольно.

– Для меня честь поддержать экспедицию великого военачальника Антония. Армения разрешает проход римской армии по своей территории, а также выделяет Антонию конницу – шесть тысяч всадников – и отряд вспомогательных войск!

– О, разумное решение, максимально отвечающее интересам каждой из сторон! Я передам консулу твои слова. Мы вместе навеки!

Ударив себя кулаком в грудь, Канидий хотел было развернуться, чтобы уйти, но, помедлив, спросил:

– Хотел задать необычный вопрос... Ты располагаешь неким талисманом... Он мог бы помочь нам одержать победу над врагом в предстоящей войне. Не поделишься? Ценность дружбы в том, чтобы делиться с единомышленником...

Взгляд царя стал холодным:

– Так думают обыватели, мудрые же знают: дружба довольствуется возможным, не требуя должного.

Все дипломатические уловки вояка Канидий израсходовал. Больше ничего от царя не добиться. Кивнув, он по-военному четко развернулся и вышел из зала.

Очередная ошибка Артавазда. Подари он Антонию Драконий перстень, как когда-то его отец послал магическую вещь в дар Помпею, история пошла бы по другому пути.

Глава 40. Вероломство Антония

Александрия египетская, не имевшая себе равных в мире, смешавшая стили жизни Египта, Греции и Рима, процветала. Царь Антоний и его соправитель Клеопатра управляли страной мудро, и жители – египтяне, греки, македоняне, иудеи, армяне, сирийцы, персы и другие – чувствовали себя вполне счастливыми.

На террасе дворца с видом на гавань Антоний смотрел на прекрасный город, простиравшийся вдоль моря на тридцать стадий (греческий стадий 178 метров), думая о собственном вкладе в прогресс столицы, основанной Александром Македонским, о своих успехах, призвании и влиянии. Его лепта в восстановление города была весомой: разрушенные храмы отстроены, Александрийский маяк обновлен, дворцы засияли золотом, широкие и прямые улицы вымощены мраморными плитами, в Доме муз поселены ученые и поэты, возобновившие диспуты и беседы. Появились экзотические животные в зверинце и необычные растения в ботаническом саду, заработала обсерватория. Александрийская библиотека, хранящая все знания мира, восстановлена и превращена в крупнейший в мире университет, где созревала научная мысль, а тексты с папирусов переносились на более долговечный пергамент. Улицы города освещались, снабжение же водой по туннелю стало бесперебойным.

Подошла обворожительная Клеопатра и, обвив руками шею Антония, поцеловала его в губы. Он наслаждался ее присутствием, чувствуя вожделение и желание быть ее вечным пленником. Праздная жизнь восточного правителя ему нравилась. Пирьы закатывали почти каждый день, а расточительство Клеопатры не знало границ. Возникла мысль: не обладает ли она секретом превращения железа в золото? Вслух он сказал:

– Вчерашний пир был великолепен. Аромат ковра из роз, которым ты устлала полы в зале, заставил меня думать о тайне совершенной любви.

Клеопатра томно вздохнула:

– Ты скучаешь... вот и сейчас задумчив, посматриваешь на свой Тимониум.

На берегу моря недалеко от дворца Антоний велел возвести дом с колоннами – для собственного уединения. Называл он его в честь афинского богача Тимона, любившего людей, бескорыстно щедрого к друзьям, мизантропа, но разорившегося и покинутого всеми. Обратившись к друзьям за помощью, Тимон получил отказ и возненавидел не только их, но и весь род людской.

– Тимон не знал середины, – сказал Антоний. – Он был человеком крайностей, как и я. Неблагодарность – худший из пороков.

Божественная царица, казавшаяся ему ранимой и доверчивой, восхищенно смотрела на любовника. Она произнес-

ла:

– О, надеюсь не дожить до тех времен, когда ты решишься жить отшельником, как Тимон!

Она в честь любовника заложила храм, чтобы прославить его на века, назвав его Цезариум. А в храме Осириса уже возведена гробница, где они, когда умрут, будем покоиться вместе.

– Я люблю тебя, Клеопатра, и буду любить вечно...

Влюбленные глаза Антония затуманились, сердце забилося чаще, и сильное чувственное влечение вытеснило в сознании все неважное и пустое...

Волны накатывали на берег, пенились, умиротворяли. Властолюбивая и дерзкая Клеопатра накрепко привязала к себе Антония. Он, наслаждаясь жизнью в объятиях царицы, всегда добивающейся желаемых результатов, подарил ей не только римские земли, но и двух очаровательных близнецов: мальчика Александра Гелиоса (Солнце) и девочку Клеопатру Селену (Луну). Браком с Октавией, сестрой Октавиана, он тоже сочетался (встретился с ней в Афинах), и она родила ему девочек-двойняшек. Но так как Клеопатра пригрозила самоубийством, послал своей римской жене письмо с уведомлением о разводе.

– Наши дети будут счастливы, – шептала царица.

– Я сделаю их великими, – вторил Антоний.

План был таков: приемный сын Цезарион получает в управление Египет, Сирию и Кипр. Маленькая Селена ста-

нет царицей Киренаики (территория части современных Ливии и Алжира), а его любимец Александр Гелиос будет поводителем Армении, Атропатены и Парфии. Для жены Клеопатры он приготовил подарок: отчеканил серебряную монету с ее гордым профилем. А еще каждый легионер написал ее имя на щите. Антоний заслужил долгий и страстный поцелуй.

Жаль, что настоящие монеты с профилем Клеопатры не дошли до потомков, как и ее бюсты, и скульптура, и описания. Вскоре Октавиан приступит к планомерному уничтожению памяти об опасной для Рима царице. Впрочем, точно также он поступил и с Антонием, и с историческим наследием Армении... Римская машина пропаганды работала исправно: по всему миру распространялись фальшивые и карикатурные изображения «мерзких» цариц и царей.

Глаза Клеопатры блестели ярким пламенем:

– Дорогой, я мечтаю о необычном подарке... Подари мне Артавазда, царя Армении. Он ключ к познанию тайны бессмертия и могущества.

Антоний с извиняющим видом промолвил:

– Вернулся из Армении Канидий, так и не узнав ничего... Все нужно делать самому... Обещаю, любимая, эту игрушку ты получишь.

В кабинет Антония ввели Монеса, полководца из Парфии, недавно сбежавшего от свирепого Фраата IV. Теперь он но-

сил подпоясанный белый хитон на манер греков в жарком Египте.

– Великий консул, рад служить тебе! – он низко поклонился.

– Монес, я тебя озолочу и сделаю своим полководцем. Со временем станешь этнархом Парфии, а захочешь, получишь римское гражданство. Готов ли ты участвовать в моем походе?

– Да, консул! Это великая честь для меня.

Антоний подумал: «Мои обязательства перед сенатом вести войну против Парфии исполняются. Слава покорителя Востока не за горами... хотя, именно за горами».

– Сумеет ли мы преодолеть горы Армении и Атропатены?

– Да, консул. Дорогу я знаю. Эти страны легкая добыча, а в Парфии нас уже ждут: народ готов восстать против царя.

И опять в голове Антония забила мысль: «Александр Великий изменил миропорядок в свои двадцать четыре года, ураганом обрушившись на Азию и Африку. Я завладел Египтом, ставшим жемчужиной в моей короне. Что мешает мне, как Цезарю, завоевавшему Галлию, покорить Армению, Атропатену и Парфию?»

В зал вошла Клеопатра. Она, как всегда, в курсе происшедшего разговора.

– Это тот самый парфянин, побуждающий тебя, дорогой, к сумасбродному походу? Мы, греки, всех бородатых мужчин, кроме философов, считаем варварами. Чего ждать от

человека, говорящего о легком завоевании Армении? Здесь поможет только хитрость.

Антоний воскликнул:

– Клеопатра, любимица судьбы, ты читаешь мои мысли!
Воодушевленный Антоний решил выступить немедленно.

Шел 36 год до нашей эры. Шестнадцать легионов двинулись в поход. Антоний призвал под свои знамена сто тысяч человек, в том числе иберийских, кельтских, армянских и понтийских всадников. Как и армия Красса, войска Антония подошли к переправе через Евфрат у селения Зевгма, но, не став переправляться, двинулись по берегу реки на север в Армению, обманув парфян, ожидавших римлян на другом берегу и устроивших засаду у города Карры, сосредоточив там большую группировку войск.

С каждым днем армада римских и союзных войск, двигаясь по земле Армении, приближалась к границам Атропатены. У истоков Евфрата в походную колонну Антония влились войска Полемона I – грека, назначенного Антонием повелителем Понтийского царства. У города Ван присоединились конница и вспомогательный отряд, присланные царем Артаваздом.

Земля Атропатены начиналась у озера Урмия. Используя Армению как плацдарм для нападения, Антоний вторгся в Атропатену, страну, «охраняющую огонь» и, чтобы не дать опомниться парфянам, заставил армию ускоренно, без отды-

ха двигаться к городу Фрааспе – главному зороастрийскому святилищу Адур-Гушнасп. Верхушка аристократии Атропатены во главе с царем заперлась в крепости – столице Ганзак. Фантастический план Марка Антония, возглавлявшего самую большую римскую группировку, когда-либо ходившую в Азию (в два раза больше армии Красса, в три раза превышающая войска Помпея и Лукулла), воплощался в жизнь.

Горная дорога труднопроходима и опасна. Приходилось преодолевать ущелья, теснины, скальные хребты, мелководные речки. Из-за поворота в любой момент могли выскочить парфянские всадники, поэтому каждый командир был наготове. Армянский генерал Хабужян, следующий в свите Антония на гнедом коне, оценивая местность, произнес:

– Парфянская стрела летит быстро... и обычно точно в цель.

Легат Стациан был настроен оптимистически:

– Антоний учел опыт Красса. Привлек такое количество конницы, что окружить армию не удастся.

Хабужян пожал плечами:

– Не понимаю, как в горах конница защитит колонну на марше. Здесь каждая скала, каждый камень пускает стрелу.

– Быстро двигаемся, тылы не успевают... – посетовал Полемон, царь Понта.

Канидий, консул-суффект (заместитель консула и главнокомандующего Антония), хрипловатым голосом заметил:

– Быстрота дает предпочтительные шансы на успех.

Хабужян, опытный и знающий повадки парфян полководец, все же был встревожен:

– Колонна очень сильно растянулась. Мы не должны недооценивать парфян. Для этих людей главное – пиры и скачки, жизнь как таковую они не ценят.

Канидий не очень-то верил в легкую победу, но других слов, чтобы подбодрить подчиненного, не нашел:

– Знаешь, Хабужян, копьё с привязанным флагом, что позади нас несет воин, взято из храма Марса. Сам Юпитер даровал его Риму. Оно делает армию непобедимой. Верь в успех!

– Не сомневаюсь, суффект Канидий, боги нам помогут! – Хабужян, храбрый воин, оставался неисправимым пессимистом. Показывая уверенность в правоте безнадежного дела, он похвалился: – Мои всадники, например, могут нейтрализовать парфянские катафракты!

Полемон пошутил:

– А знаете, какой высокий боевой дух в моей коннице?! В ближнем бою всадники нагло теснят противника и смеются ему в лицо!

Все развеселились, и тут легат Деллий негромко сказал:

– Обоз – обуза для армии... Мы могли бы двигаться быстрее. Я переговорю с консулом, – и поскакал к главнокомандующему.

На привале Антоний собрал легатов, командиров кавалерийских отрядов и штабных офицеров.

– Обоз двигается слишком медленно, задерживая основные силы армии, – сказал он.

Неповоротливый и медленный обоз представлял собой триста повозок с продовольствием, имуществом, дровами, а также осадные машины: катапульты, баллисты, штурмовые башни в разобранном виде и мощный тяжелый таран. Вьючные животные тащили все это по сложным извилистым дорогам, так как изготовить машины и башни на месте не представлялось возможным: в горах не найти ствольной древесины.

Антоний объявил приказ:

– Я принял решение оставить для охраны обоза два легиона. Стациан, возглавишь конвой! Тебе придаются армянская конница Хабужяна и понтийская Полемона, всего легионеров, всадников и obsługi обоза двадцать тысяч человек. Остальные ускоренным маршем во главе со мной двигаются к Фрааспе. Выполнять!

К Антонию подошел Канидий и негромко, по-дружески, посетовал:

– Марк, дробление армии на две части во враждебной стране не очень удачное решение. Одиннадцать тысяч всадников армян и понтийцев в горных условиях бесполезны.

– Канидий, к заветной цели нужно двигаться быстро, иначе рискуешь потерять ее из виду. И потом, расписываясь в собственном бессилии, забудь о выгодах, сулящих успех... Да и какой прок от армянской конницы при осаде Фрааспы?

Фраат IV, молодой царь Парфии, искал возможность проявить себя и показать всем своей незаурядный талант полководца. Хитрый Монес, чтобы заслужить прощение парфянского царя, сообщил тому маршрут колонны Антония и ее состав. Узнав от слуги Монеса о разделении армии Антония, Фраат решил напасть на медленно ползущий конвой Стациана. Все горные дороги Атропатены парфяне знали как свои пять пальцев. Удар был нанесен в самом уязвимом месте. Легионы не смогли создать оборону, а конница оказать сколь-нибудь заметное сопротивление.

Скалы и камни внезапно стали стрелять. Огненные стрелы вонзились в повозки и деревянные осадные машины, тучи стрел не давали пехоте поднять голову, конница практически прекратила существование, ее остатки растворились в горах, Стациан и Хабужян были убиты, царь Полемон взят в плен, а Монес сбежал. Черный дым и языки пламени, поднимающиеся из ущелья, извещали, что Антоний остался без осадных машин и продовольствия. Всего погибло десять тысяч воинов, раненых и плененных было восемь тысяч.

Главные силы римлян подошли к Фрааспе. Стены крепости (невысокие, но толстые) обороняли защитники-иранцы. Армия римлян деловито приступила к осаде: первым делом отрезать крепость от помощи извне, затем обстрел из луков и, наконец, подготовка к штурму.

Взбудораженный Антоний, решив не ждать осадные ма-

шины и таран, приказал:

– Строить земляную насыпь, использовать подручный материал – кусты и камни!

Вспомогательные войска, повинувшись замыслу главнокомандующего, приступили к работе, а легионеры, прикрывая тружеников, обстреливали из луков защитников на стене. Население Фраасы, побуждаемое к героизму священным огнем, со стены поливало головы неприятеля горящим маслом и кипятком, обстреливало из луков и пращей, а ночью, делая вылазки, сжигало все заготовленное римлянами за день.

Армия Антония несла потери. Известие об уничтожении парфянами конвоя с провиантом и машинами стало потрясением для главнокомандующего.

Деллий, раздосадованный и злой, жаловался Канидию:

– Он все время пытается походить на Цезаря, повторить его путь. Но он не Цезарь! Опять провал.

– Знаешь, Деллий! Путь к славе сложный и извилистый, никогда не угадаешь, где споткнешься... – Канидий и сам был не рад сложившейся ситуации, но виду не подавал.

Антоний придирался к легатам по пустякам, срывался на трибунах и тиранил всех подряд. В порыве гнева заставлял солдат идти под стрелы, а когда те проявили трусость, устроил в двух когортах децимацию – казнь каждого десятого. Изнуренные легионеры теряли веру в полководца. Когда доложили, что запасы пшеницы закончились, а фуражиры не

вернулись из рейда, Антония охватило ощущение безысходности. Штурм крепости без высокого духа воинов, осадных машин и продовольствия невозможен. Жара сменилась холодом, и главнокомандующий, упав духом, приказал возвращаться домой. Отступление происходило под градом парфянских стрел. От жары, холода, голода, битв, болезней, эпидемий, дезертирства армия понесла огромные потери: только погибших было более 35 000 человек. Кампания закончилась полным провалом.

У стен Арташата появилось войско Антония и встало лагерем на том же месте, где когда-то стояли легионы Помпея. Канидий, «искусный дипломат», въехал в город с большим отрядом легионеров и поспешил к дворцу. Царь Артавазд II уже ждал в зале приемов; рядом находились сын и соратники.

– Государь! – хриплым басом возгласил Канидий. – Консул Антоний передает тебе пожелания процветания и заверяет в дружеском расположении! Неблагоприятные погодные условия заставили его отложить завоевание Парфии.

– Суфффект Канидий, рад нашей новой встрече, – сидя в кресле, установленном на возвышении, царь был хмур, но старался говорить вежливо. – Я признателен консулу Антонию за пожелания. Передай мои заверения во взаимном доверии. Пусть боги ниспошлют ему хорошую погоду для победы в каждой битве!

– Государь, наша дружба не подлежит сомнению. Твои всадники в бою с коварным противником, бесчестными парфянами, проявили себя героически. Мой друг Хабужян, твой лучший генерал, погиб за правое дело, и я безмерно скорблю.

– Вся Армения скорбит, Канидий, – произнес Артавазд. – Погибло пять тысяч моих лучших воинов.

– Вот я и говорю: нам надо быть вместе, отомстить за Хабужяна. Пусть парфяне знают, что в Азии есть только две страны, достойные повелевать народами, – Рим и Великая Армения!

Царь сдержанно отреагировал:

– С какой миссией ты прибыл?

– Государь, поверь, Антоний сожалеет о случившемся и хотел бы лично выразить сочувствие и загладить вину. Я уполномочен пригласить тебя вместе с семьей на встречу с ним. Марк Антоний хочет поддержать друга в трудную минуту, мечтает познакомиться с твоими близкими.

– Вот как? – Артавазд краем глаза увидел, что камень Драконьего перстня на его пальце стал переливаться от серебристо-серого до фиолетово-синего цвета. Это его встревожило.

Канидий упивался красноречием:

– Государь, вот список приглашенных персон... – лист пергамента взял Аршам и передал царю. Канидий продолжал: – Антоний хочет обсудить с тобой и царицей династический брак его сына Александра Гелиоса, которому пока

всего шесть лет, с твоей маленькой дочерью Ануш. Все знают, что жены-армянки побуждают мужей обрести величие. Этот брак, считает консул, скрепит узы дружбы стран еще сильнее.

Артавазд молчал. Канидий засуетился:

– Государь! Ты можешь не давать ответ сразу, но я бы не советовал уклоняться от встречи. Конечно, твои согласие или отказ будут поняты верно, но консул ждет в нетерпении. На поляне у леса уже возведен белый шатер: в твою честь устраивается пир!

Артавазд тихо произнес:

– Мудрость бытия подсказывает: боги на небесах будут плакать, смотря на пир во время чумы.

– Дорогой царь Артавазд! Жизнь любит радость, так как на сердце становится легче, а страдания не кажутся наказанием...

Царь встал, давая понять, что встреча закончилась:

– В жизни каждый волен выбирать судьбу, понимая, что живет не ради себя. Я подумаю.

Завершая щекотливую миссию и поклонившись, Канидий выдавил на грубом лице радушную улыбку:

– Государь, завтра пополудни тебя и твоих родных будет ждать консул. Нашей дружбе ничего не угрожает. Великая Армения – стратегический партнер Рима.

Он ушел. Царь сел, задумался. Толстяк Багратуни, глава старейшин родов, великий венцевозлагатель, подбежал к ок-

ну:

– Чудовищно! Он ускакал всего с двумя солдатами. Весь римский отряд в городе!

– Государь, – взвился главнокомандующий войсками Багунци, – поход Антония завершился бесславно, и теперь он ищет оправдание своей беспомощности. Такое поведение римлян надо расценивать как вторжение. Разреши поднять войска по тревоге!

Багратуни истошно закричал:

– Багунци, ты сошел с ума!! Антонию нужен повод, чтобы осадить город. Попробуй тронуть хоть одного римского солдата! Да и сил у тебя нет, чтобы противостоять огромной армии Антония! Ты, государь, меня не слушал, а ведь я говорил: «Не ссорься со знатью». Теперь большая часть владетелей земли обижена. Начнешь войну с Римом, и они не поддержат, войска не пришлют!

Негодовал умудренный опытом, по-прежнему заведовавший казной старый Гнуни:

– Армяне-аристократы, настроенные проримски, не понимают, что Антоний хочет вознаградить себя за счет твоих богатств, государь... Он хочет овладеть Арменией без войны...

– Отец, это ловушка! – Арташес был крайне встревожен.

Аршам, глава службы безопасности царя, нарочито выговорил:

– Государь, ты должен идти на встречу с консулом! И се-

мью возьми! Иначе Антоний оскорбится и начнет осаду столицы. Города брать он умеет.

Багратуни запричитал:

– О боги, город сгорит! Нас всех убьют или возьмут в рабство...

Мигран, верховный жрец, воздел руки к небу:

– Боги на нашей стороне, государь! Бог справедливости Михр не позволит случиться худшему. Государь, иди на встречу! Всего-навсего консул собирается обсудить помолвку...

Артавазд чувствовал неладное. Он снял с пальца массивный золотой перстень. Казалось, талисман должен придать ему силы и неуязвимость, как тогда в Птолемаиде. Но что-то не так... Царь внимательно рассмотрел перстень. Камень менял цвет, и, когда стал багрово-красным, на внутренней стороне кольца повелитель Армении вдруг прочитал надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Лицо царя окаменело. Надев перстень, он произнес:

– Все вы правы... – в наступившей тишине было слышно, как дрожал его голос. – Я пойду с семьей. Хочу избежать кровопролития, спасти город и свой народ.

Царь все еще не терял надежды. Возвращаясь в покои, он думал: «Проведу переговоры, соглашусь на династический брак, предложу содействие и деньги. В конце концов, у нас с Римом союзнический договор, и я ни разу его не нарушил. Боги явят милость, и все обойдется».

Деллий, друг Антония, беспринципный, легко меняющий убеждения карьерист, стоя у шатра в ожидании армянского царя, говорил Канидию:

– Неудачный исход войны подорвал репутацию Антония. Его злейший враг Октавиан торжествует.

Имелось в виду, что Октавиан начал кампанию очернения соперника в глазах римлян, обвиняя того во всех грехах. Антоний поспешил найти персону, на которую можно возложить, как на козла отпущения, свои промахи, и царь Армении оказался идеальной фигурой для этого. Он главный виновник провала консула!

– Армянский царь ни при чем... – Канидий ненавидел себя за содеянное.

– Думаешь, не придет?

– Придет, ему некуда деваться.

– Антоний уже отписал сенату, что измена царя нарушила стратегические планы.

Двойная мораль Деллия (Риму все, прочим ничего) была в крови у этого известного в Риме богача и промышленника.

Канидий сыронизировал:

– Деллий, выдающемуся военачальнику Антонию парфяне оказались не по зубам.

– О, Канидий, это нужно преподнести так: огромные усилия, отборные легионы, и все напрасно из-за позорного предательства! Артавазд II – предатель, его ненавидит собствен-

ный народ, мечтающий избавиться от тирана...

– Уверен, римские летописцы так и напишут, – кривая улыбка расплзлась по лицу суффекта.

– Уже... – Деллий лучился самодовольством. – Летописцы получили нужные предписания. Они напишут: «Долг Рима – помочь дружественному армянскому народу». И не забывай, Канидий: Армения необычайно богата!

Из ворот города следовала процессия. Крепостные стены Арташата заполнила встревоженная толпа армян. Впереди в пышных одеждах шли царь Артавазд с царицей Анаит, за ними, сверкая глазами и придерживая рукоять меча, следовал Аршам, далее сыновья царя Арташес и Тигран. Замыкали колонну ведомые воспитателем пятилетняя дочь Ануш (имя означает «дыхание утра») и четверо внуков царя. Среди последних выделялась красотой и яркостью двенадцатилетняя Эрато, получившая имя в честь греческой музыки любовных песен, дочери Зевса. В истории Армении эта девушка сыграет немаловажную роль. Казначею Гнуни, как одному из немногих знающих лабиринт, хитроумные замки и ловушки в подземельях дворца, где хранились казна и магические вещи, царь приказал запереться в сокровищнице и не выходить.

Навстречу царю из шатра вышел Антоний. Дружелюбно приветствуя Артавазда, он предложил гостям войти внутрь. Деллий, наблюдая эту идиллию, иронически заметил:
– Сейчас Антоний попросит царя подписать и скрепить

печатью договор сотрудничества и брачный союз, затем обвинит его в предательстве, возложив вину за свой неудачный поход, а потом потребует приданое и выкуп за семью. Все в ультимативной форме. Патрона я знаю.

– Твои летописцы, Деллий, – едко прокомментировал Канидий, – изложат событие так: «Антоний в бескровной кампании захватил Великую Армению и взял богатые трофеи».

– Что ж, он уже велел мне чеканить монеты «В честь победы над Арменией», – рассмеялся Деллий.

Канидий парировал:

– О, я бы сделал другую надпись: «Армения, побежденная обманом!»

Деллий удивленно посмотрел на Канидия, потом откровенно расхохотался:

– Представляю, что скажет Антоний Клеопатре: «Дорогая, наш мерзкий план сработал, давай поженим остальных детей на богатых царях и таким образом завоюем весь Восток!»

Из белого шатра вышел римский префект с выражением сосредоточенности на лице. За ним под усиленной охраной шел царь Артавазд, закованный в серебряные кандалы. Его сыновья в железных оковах шагали позади отца. Наконец появились Анаит и дети, испуганные и заплаканные. Царь гордо поднял голову, всем своим видом показывая, что не сломлен. Драконий перстень обо всем уже предупредил. Драгоценный камень пульсировал алым цветом: дух Арарата являл откровение.

– Арташес, сын, – не поворачиваясь, тихо сказал царь по-армянски. – Соппротивление бесполезно и опасно. Если со мной что-нибудь случится, отомстишь. Ты истинный наследник престола. В Арцахе тебя ждут верные мне войска. А сейчас беги!

Арцах – территория современного Нагорного Карабаха, где тысячелетиями жили армяне.

Арташес резко толкнул охранника, сбив его с ног, и что было мочи побежал к лесу. Крики, команды по-латински, ругань, лязг мечей – поднялся невероятный шум. Не менее десятка легионеров ринулись в погоню. Прозвучал сигнал рожка. Несколько всадников поддали ходу и пустились за царевичем. Из шатра выскочили Антоний и Аршам. Наблюдая за погоней, они застыли как вкопанные. «Стой!» – орал префект, отвечавший за охрану. «Стреляй!» – закричал Деллий. «Какой молодец!» – произнес Канидий.

Сын царя приближался к лесу. Мимо него со свистом летели стрелы, вонзаясь в деревья. Боевой дротик, не задев царевича, расщепил ствол бука. Пращевые шары из сургучной яшмы срезали ветки, как ножи. Арташес прыгнул в чащу и запетлял подобно зайцу. Вслед за ним неслись солдаты. Кажется, еще мгновение, и его схватят. Царь Артавазд с дерзкой улыбкой на устах следил за погоней, царица Анаит была на грани обморока, младший брат Тигран испуганно озирался. Что касается детей, то их переполнял неопиcуемый восторг.

Арташес уже видел цель. Подбежав к желто-коричневой скале, торчащей из земли точно зуб, он нырнул в нее и исчез. Тут же появились римские солдаты и в панике принялись искать царевича. Несколько раз обежав скалу, они засуетились, покричали, потом, разделившись, понеслись дальше по лесу.

– Рано радуешься, царь! – Антоний с нескрываемой злобой смотрел на Артавазда. – Его поймают и казнят, девять-то некуда. Лес сейчас оцепят и прочешут.

Артавазд торжествующе посмотрел на римлянина:

– Антоний, армянская земля в обиду своих сыновей не даст!

– Аршам! – Антоний деловито распорядился: – Всех проводить к крепости!

Под усиленной охраной, в кандалах, царская семья направилась к крепостным воротам Арташата. У закрытых ворот Аршам, обращаясь к Багунци и защитникам на стене, крикнул:

– Откройте ворота или царя с семьей казнят!

Багунци медлил. Артавазд, понимая, что нужно спасти город и людей, поднял голову и улыбнулся:

– Открывай, Багунци! Похоже, тебе пора собираться на охоту. Много львов развелось в окрестностях...

Багунци понял: царь повелел браться за оружие, призвать князей с их отрядами к вооруженной борьбе, собрать войско и освободить от оккупантов Армению.

Ворота со скрипом открылись. Римляне ворвался в кре-

пость и, прогнав армянскую охрану, заняли важные позиции, блокируя все пути въезда-выезда в столице. В открытые ворота ринулись легионеры, и было их множество. Город подвергся разграблению. Царя с семьей увели в римский лагерь, разрешив лишь маленькой дочери Артавазда Ануш с воспитателем вернуться в дворец.

В чудесный храм богини Анаит, что в центре Арташата, вломились римские солдаты. Перед ними тут же выросла фигура главной жрицы Каринэ.

– Стойте! – раздался ее звучный голос на латыни. – Горе тому, кто нарушит покой богини! Пока не поздно, принесите искупительную жертву, заручитесь ее благосклонностью!

Центурион в шлеме с красным гребнем, закрепленным поперечно, и мечом в руке угрожающе просипел:

– Чужие боги и богини не пользуются уважением в Риме. Нам сказали, что это золотая мать армян, а при виде золота у солдата захватывает дух.

– Солдат, неужели ты не признал греческую Артемиду, богиню охоты и смерти? В Риме ее почитают как Диану.

Центурион поднял голову: перед ним в длинном одеянии, с высокой грудью, подобной гранатовым плодам, стояла богиня Анаит, слава и животворящая сила армян. Она отвечала за любовь, материнство, рождение детей и плодородие. Греческий мир называл ее Артемидой, римляне Дианой. В темном храме в свете тусклых огоньков светильников брон-

зовая позолоченная статуя Анаит смотрелась величественно. В ее поднятой правой руке был жезл, на котором поблескивала пара отшлифованных камушков горного хрусталя.

– Жрица, отойди! Золото – это страсть и власть! – центурион грубо оттолкнул женщину в сторону.

Каринэ, едва не упав, успела схватиться за алтарь с курящимся жертвенником. Ее голос звучал негодующе:

– Солдат, тебя ждет проклятие!.. Учти, статуя из бронзы!..

– А это мы сейчас проверим, – шагнув к изваянию, мародер соскоблил мечом с поверхности скульптуры кусочек позолоты. Под тонким слоем золотого покрытия открылся темный металл. – Бронзовый идол!! – заорал он. – Нас обманули!!

Со свода храма упал большой камень. Прямо на голову центуриона. Его жизнь спас шлем. Воин рухнул на каменный пол, потеряв сознание. Приходил в себя он достаточно долго. Наконец заплетающимся языком он произнес:

– Я на охоте?.. Диана пустила стрелу... Я жив или мертв?..

Его обступили ошеломленные солдаты. Четверо, с опаской поглядывая на статую богини, потащили командира прочь из храма, другие, обыскав святилище и не найдя ничего ценного, ушли.

Царевич Арташес оказался в мрачном подземелье, где при слабом мерцании четырех светильников поблескивало большое железное зеркало в золотой раме. Гнуни, что-то

бормоча себе под нос, стоял у массивной деревянной подставки со старинной книгой заклинаний и в состоянии прострации листал ее. Услышав шорох, он потерял дар речи. Обернувшись, казначей испуганно посмотрел на юношу.

Магическое зеркало в этой комнате перемещало предметы и человека в некоторые географические точки земли, а скала, как портал, случайно созданный побочным эффектом действия зеркала, затащила царевича в тайный подземный зал арташатского дворца.

– Гнуни! Они арестовали отца и всю семью!..

Узнав царевича, казначей выдохнул с облегчением:

– Арташес, я не пойму, как... каким образом ты?..

– Учитель, это неважно. Я сбежал. Как снять кандалы? –

и он протянул руки с цепями.

– О мой мальчик! Я знал, что так будет... Царь тоже все предвидел, но пошел к римлянам, дабы, как когда-то его отец, предотвратить кровопролитие. Сейчас, сейчас! Здесь, в подземелье, есть все: и инструменты, и запасы продуктов...

Гнуни принес шестигранный ключ нужного размера и, повозившись, снял цепи с царевича.

– Все, мой мальчик, ты свободен! Нам нужно выйти и что-то делать...

– Нет! – решительно сказал Арташес. – Нас предал Аршам. Римляне были в курсе всего, что творится в государстве. Он рассорил царя с главами богатых родов и старейшинами, шпионил, шантажировал, провоцировал... Думаю,

Антоний с солдатами уже хозяйничают в городе. Скоро появятся здесь.

– Ну уж нет! Пройти лабиринт и ловушки, не зная секретов, невозможно! Аршам точно этого не знает. Но что же делать?

– Перемещаться!

Старик уныло опустил руки:

– Я думал об этом и, просматривая книгу заклинаний, даже подыскивал место... Безопасного места на земле не нашел... да и стар я кочевать по свету.

– Отец сказал, что в Арцахе меня ждут верные царю войска...

– Да-да, ты наследник престола, народ тебя любит, ты сумеешь сплотить нацию и повести ее на борьбу с захватчиками!

– Учитель, не будем терять времени!

– Конечно, мой мальчик! Кстати, тебе кое-что в дороге пригодится...

Через минуту он протягивал царевичу панцирные доспехи из кожи и меч.

– Арташес, это доспехи неуязвимого в бою воина. Вещь магическая. Меч (он из дамасской стали) легко рассекает пополам железное оружие.

Пока Арташес прилаживал панцирь и меч, Гнуни листал пергаментные страницы толстой книги в твердой обложке из телячьей кожи.

– Вот, нашел! Ты окажешься в арцахском Тигранакерте, у дома, где растет высокий платан с мощным стволом.

– А ты, учитель?

– За меня не беспокойся. Я останусь здесь как хранитель сокровищ и чудес. Возвращайся быстрее, буду ждать!

Когда Арташес встал у зеркала, Гнуни прочел вслух заклинание:

– Пусть придет солнечный свет и озарит необозримое пространство. Крылами махни и перенеси туда, где растет старый платан. Тело же сохрани и убереги. Да будет так!

Зеркало помутнело, возник металлический блеск, пробежали молнии, появились переливы цветов от серебристого до белого... Гнуни махнул рукой, и Арташес ворвался в пространство другой реальности.

Антоний с богатой добычей и плененным царем выдвинулся в Египет. Деллий же задержался, чтобы поискать сокровища. Он всю хозяйничал в дворце армянского царя.

– Говоришь, статуя богини Анаит из чистого золота в Ере-зе?

Аршам устраивался поудобнее на троне царя:

– Да! Она инкрустирована драгоценными камнями. Побывала в плену у парфян, но сейчас заняла свое место в главном храме.

Деллий снисходительно посмотрел на помощника на троне:

– Аршам, не заблуждайся на свой счет. Ты теперь этнарх, а не царь, так что особенно не привыкай к трону. По брачному союзу трон когда-нибудь займет Александр Гелиос, сын Антония.

Аршам был достаточно сообразителен, чтобы понимать. мальчик Гелиос либо не доживет до сознательного возраста, либо история сметет его со сцены. Свежий ветер перемен гонит исторические события со скоростью летящего с горы камня.

– Чтобы народ подчинялся, я должен быть жестоким, грозным и смелым, – невозмутимо сказал он.

Не обращая на него внимания, Деллий размышлял:

– По договору сотрудничества римский гарнизон в Ерезе не стоит... А зря! Исправим!

Грабеж армянских городов продолжится по плану.

– Что будет с Артаваздом и его семьей? – поинтересовался Аршам.

– Выкуп за семью и приданое Антоний получил. Думаю, согласно нашему закону, всех отправят в Рим, а там после триумфа сенат решит участь каждого. Царя принесут в жертву на Капитолийском холме, а детей отдадут на воспитание в богатые семьи.

– Я бы всех убил...

– Следи как следует за Ануш, иначе Антоний тебе голову оторвет! Сегодня на встрече с твоим министром я буду благосклонен, но в будущем придется поменять всю адми-

нистрацию страны: во главе областей, провинций и уездов поставим преданных граждан.

Аршам чувствовал, что пришло его время. Теперь он станет великим. Жаль, мать не дожила до момента его подлинного возвышения... Все в этом дворце будут внимать каждому его слову, постоянно славить и превозносить до небес. Уже сейчас слуги восхищаются им, осталось заставить уважать себя аристократов.

– Кому дозволено больше, тот сорвет с дерева желаний самые спелые плоды, – слетело у него с языка.

– Не понял, о чем ты? – Деллий внимательно посмотрел на Аршама.

– Покорность – это когда упрямство превращается в слепое послушание.

Открылась дверь и римские легионеры допустили в зал Багратуни. Войдя, он уставился на Аршама и недовольно произнес по-армянски:

– Царь Артавазд еще жив и остается царем. Я, как великий венцезолагатель, не собираюсь короновать тебя, Аршам.

Аршам сполз с трона и, встав рядом, оперся на спинку символа власти.

– Я и не претендую... – Дальше он говорил по-гречески, чтобы Деллий понимал разговор: – Вопрос в том, сколько осталось жить Артавазду?

Деллий в военном одеянии, с мечом на поясе и обворожительной улыбкой на устах примирительно сказал:

– Антоний освободил Армению от злостного тирана.

Толстяк Багратуни был непреклонен:

– Тиран? Тирана свергли, а что получили? Римский диктат и царя не армянина!

Теперь новый царь сын Антония маленький мальчик Александр Гелиос, и армяне должны с этим смириться.

– Багратуни! – Аршам, кипя внутри, все же старался казаться хладнокровным:

– Армении не грозит потеря государственной самостоятельности. Рим гарант нашей стабильности.

– Этот гарант нарушил союзный договор, по которому должен был нас защищать! – возмутился венцезолагатель.

Аршам вскипел:

– Царь сам виноват! Ты, как глава старейшин родов, должен это разъяснить аристократам и предложить на трон достойную фигуру. Временно, конечно...

Багратуни хищно осклабился:

– Не тебя ли, Аршам? Сдается мне, что с тобой мы потеряем нацию. Самобытность окажется под угрозой, будем поклоняться новым богам, а наши божества проклянут нас!

Аршам прикусил губу. Деллий поспешил сгладить ситуацию:

– Вашей самостоятельности, министр, ничего не угрожает.

Аршам, пришедший в неистовство, громко закричал:

– А на что ты рассчитывал, Багратуни? Теперь твоя участь в моих руках. Будешь неговорчив, умрешь!

– Угрожаешь?! Венцезолагатель может быть только из рода Багратуни! Убьешь меня – нарушишь закон и традиции. Народ не простит!

– Твое безрассудство, Багратуни, приведет страну к полной зависимости от римлян, – глаза Аршам налились кровью.

Деллий поспешил вмешаться:

– Зачем так тревожиться? Все привилегии аристократов сохранятся, все будет по-прежнему...

– По-прежнему ничего не будет! – Багратуни беспощадно себя ругал: – Я был слеп, своими действиями навредил царю, причинил урон государству, и теперь все мы попали в ловушку.

Аршам презрительно смотрел на него:

– С тобой или без тебя, Багратуни, но я приведу к покорности всех в этой стране, а на своем знамени напишу: «Советь не мучает, если добыл победу!»

Багратуни презрительно сплюнул:

– Бессовестному наглость заменяет достоинство!

Он развернулся и вышел из зала. Деллий взял со столика скипетр, полюбовался блестящим предметом и спокойно сказал:

– У тебя, Аршам, похоже, проблемы с соратниками. Твой главнокомандующий Багунци сбежал, верховный жрец Ми-

гран заперся в далеком монастыре, этот Багратуни ни во что тебя не ставит... Будь хитрее: расставь силки, усыпи бдительность, а сам постепенно окружай себя льстецами.

– Никаких уступок от меня они не дождутся! – взгляд Аршама стал безумным. – Я хорошо запомнил слова Антония: «Нет ничего хуже, чем стыдиться того, что делаешь!»

Деллий был впечатлен:

– О, Аршам, понимаю! Счастлив тот, кто таковым себя считает.

Глава 41. Слава и забвение

Триумфальное шествие по поводу победы над Арменией должно было, по замыслу Антония, громогласно возвестить миру о его блистательном успехе. И неважно, что никакого завоевания Армении не было, что он схитрил, обманом захватив в плен армянского царя. Неважно, что это шествие нельзя провести в Риме, где уже все ненавидели Антония, а важно другое: сенат и римский народ узнают о притязаниях консула. Он на армянские деньги снарядит новые легионы и, как Цезарь, перейдя Рубикон, завоюет Италию. Триумф по случаю покорения Армении заслужен и будет проведен в новой столице империи – Александрии!

Били барабаны, ревели трубы, ликовал народ. Клеопатра в образе женщины-фараона, вся в изумрудах, властно и надменно взирала с балкона на торжественное вступление в столицу своего избранника. Она, потомок знаменитой Арсиной II, будет после смерти Антония удостоена титула фараона. Но пока Антоний ей нужен... Испытывая к этому необузданному мужчине пылкие чувства, царица не забывала, что должна стать женой бога Осириса, царя мертвых, дабы решить главные задачи: получить бессмертие, быть в одном ряду с богиней Исидой, править миром и родить потомство, обладающее божественной силой. «Арсиноя убила мужа, – думала Клеопатра, – и стала женой бога. Возможно, и мне

придется убить Антония. Кровь богов, что течет во мне, побуждает быть энергичной, решительной, не щадить никого. Я, средоточие мудрости и могущества, достойна после стольких интриг и заговоров повелевать народами. Антоний поверг к моим стопам царя Армении, и скоро Свиток творца, великое творение богов, будет моим».

Она улыбнулась окружавшим ее детям, министрам и Деллию. Тот, вернувшись из Армении с золотой статуей в полтора человеческого роста, чувствовал себя героем. Он протягивал отчеканенные в ее честь монеты из золота. Клеопатра небрежно взглянула. На одной стороне профиль ее, на другой Антония и армянская тиара. Надпись гласила: «В честь победы над Арменией». Клеопатра подумала: «Арсиноя на монетах до определенного времени тоже изображалась с мужем, но потом чеканили лишь ее профиль. Божественную Арсиною воспевали поэты, на состязаниях она выигрывала скачки, с мечом в руке разила врагов».

Лучи жаркого египетского солнца сверкали на статуе богини Анаит из чистого золота. Обвязанную веревками и закрепленную на повозке, ее тащили быки. Блеск драгоценных камней ослеплял так, что людям приходилось жмуриться от яркого света. Следовали повозки с золотыми и серебряными вещами, бронзовыми статуями, знаменитыми армянскими коврами, кованым оружием и амфорами с благовониями. Добыча была богатой.

Антоний ехал стоя на позолоченной колеснице, запряжен-

ной четырьмя белыми лошадьми. Одетый в вышитую пальмовыми ветвями тунику и пурпурную тогу, он улыбался жене. На его голове красовался лавровый венок – символ славы, победы и мира. За колесницей в серебряных кандалах, пышной одежде, с диадемой на голове и амулетом Арвахач (армянский знак вечности) на груди шел царь Великой Армении, за ним следовала его семья. Проходя мимо Клеопатры, Артавазд даже не повернул головы. В глазах египетской царицы сверкнули красные огоньки.

Став жертвой каприза Клеопатры, Артавазд был помещен в темницу, где египетская царица проводила опыты на пленниках. Подобно Митридату, она, чья изворотливость ума поражала всех, изобретала яды и испытывала их на бедолагах и осужденных преступниках, приучая и свой организм к достаточно большим дозам. С некоторых пор ее стал приводить в бешенство упорный поиск Антонием сложностей жизни, которые потом он героически преодолевал.

Супругу она говорила:

– Твоя меланхолия, Марк, говорит о неправильном отношении к жизни. Будь проще, не ищи сложные пути решения проблем, расслабься.

– Ты, как всегда, неподражаема, – отшучивался Антоний.

– Армянский царь не раскрыл тебе ни одной тайны и отдал лишь малую толику своих сокровищ. – Клеопатра назидательным тоном поучала: – Пойдем, я покажу тебе, как

нужно дознаваться правды!

В тюрьме Артавазд, уже зная, что семью отправили в Рим, предавался размышлениям о смысле жизни. Какова конечная цель его существования, можно ли высоко оценить прожитую жизнь, занял ли он подобающее место в истории своего народа? Царь искал ответы на непростые вопросы. С горечью посмотрев на серебряные цепи, он вспомнил предсказание, полученное в Птолемаиде: «Власть серебром ограничит...» Артавазд усмехнулся: «Все сбывается».

Появился начальник тюрьмы со стражей. С лязгом открылся замок, и царя вывели из камеры. В подземном зале со сводами, освещенном тусклыми светильниками, он предстал перед Антонием и Клеопатрой.

Антоний изображал из себя обиженного:

– Мне очень жаль, что все так вышло, но ты, Артавазд, сам виноват. Выход есть! Объяви народу, что титул царя царей передаешь Клеопатре. Она достойна называться царицей царей!

Артавазд смотрел на него даже не насмешливо, а вызывающе:

– Величие имени дает не титул, а репутация. Часто амбиции становятся жертвой непревзойденной бездарности, безрассудного легкомыслия и слабости к порочным женщинам...

Антоний усмехнулся:

– О, великий драматург – смельчак!

– У него перстень! – воскликнула Клеопатра. – Это перстень Цезаря, я узнаю его!

Антоний протянул ладонь, и в его сузившихся глазах возникли гневный блеск и настойчивая просьба. Артавазд снял массивный золотой перстень с карбункулом цвета тлеющих огоньков и положил на ладонь римлянина.

– Я тоже узнаю этот перстень, – сказал Антоний, поднеся его к глазам. – Красивая вещь. Должна принадлежать мне.

– Дорогой! – Клеопатра с придыханием шептала возлюбленному: – Это тот самый магический перстень, благодаря которому Цезарь завоевал Египет и меня.

Чрезмерное честолюбие Клеопатры и алчность Антония позабавили Артавазда. Он невольно улыбнулся.

Клеопатра, словно кобра, гипнотизировала его:

– Чему радуешься, царь? Ты владеешь древними заклинаниями, формулами и предметами. Их магическое и священное значение ты должен поведать мне. Если, конечно, хочешь жить.

Артавазд сохранял завидную выдержку:

– Твои ожидания напрасны...

– Скажи, где спрятаны сокровища армянских царей! – грозно рыкнул Антоний. – Это спасет тебе жизнь!

Артавазд упрямо молчал, исподлобья поглядывая на незадачливую парочку. Царица буравила царя взглядом хищника. Взяв со столика шкатулку, осторожно извлекла из нее змею. Небольшой черный аспид то обвивал ее руку, то при-

чудливо извивался. Артавазд неотрывно, но хладнокровно следил за змеей. Царица подошла близко и позволила аспиду скользнуть по его лицу. Царь ощутил, как холодная, влажная и противная тварь ползала и шипела перед его глазами, вызывая тошнотворный спазм удушья.

Но он молчал. В мозгу вновь всплыло предсказание, полученное в Птолемаиде: «Рассудком твоим завладеет царица Востока, блудница мерзкая; власть серебром ограничит, игрушкой сделав...» Отчаяние, бессилие и безысходность нахлынули на него. А мерзкая блудница, уложив змею в шкапулку, решила изменить тактику. Теперь, умело манипулируя подсознанием человека, она действовала лаской:

– Ты писатель, драматург, мыслитель. Словом, обладаешь божьим даром. Антоний этого не понимает, но я спасу тебя. Ты уйдешь отсюда, когда вздумается. Где жезл Сехем и Свиток творца?

Артавазд молчал. Царица, как ужаленная, взвилась:

– Говори или голову потеряешь!!

Ком в горле мешал произносить слова, но Артавазд, глядя в глаза консулу, изрек:

– Антоний, она ломает тебе жизнь, и, как только закончится ее сверхъестественная ловкость, бросит на произвол судьбы. Чудеса великого Египта канут в небытие. Пока не поздно, уничтожь гадину...

Антоний молчал, а Клеопатра угрожающе зашипела:

– Моя бабка Селена претерпела от твоего отца Тиграна

мучения и унижения. Ты ответишь за это! Я еще вернусь...

Резко развернувшись, она пошла к выходу. Антоний, бросив неприязненный взгляд на царя, последовал за ней.

Недальновидный Антоний испортил отношения не только с Октавианом, сенатом и римской аристократией, но и со своими друзьями и родными в Риме. Граждане республики, возмущенные выходками Антония, попирающего римские нормы и традиции, негодовали.

В сенате выступал Октавиан:

– У меня в руках завещание Антония!

Октавиан потряс свитком, умолчав, что накануне вынудил весталок отдать оригинал документа.

– Он завещал похоронить себя в Александрии, – громко объявил консул. – Клеопатру, эту чуждую нам восточную тиранку, признает женой, а своим наследником указал сына Клеопатры Цезариона, признав за ним право повелевать Египтом, Сирией, Кипром, Киликией, Понтом...

– Возмутительно! – донеслись возгласы из сенатских рядов.

– Антоний предатель! – крикнул кто-то.

Октавиан предложил:

– Предлагаю считать Антония врагом республики и римского народа!

Гул голосов нарастал. Бурному негодованию сенаторов не было предела.

– Война! – закричали некоторые законодатели.

Со своего места встал Агенобарб, один из немногих людей, открыто поддерживающих мятежного консула:

– Антония своими чарами околдовала Клеопатра. Наш соратник всегда был предан идеалам республики. Мы обязаны помочь ему вернуться к своей жене. А войну предлагаю объявить Клеопатре...

Шум в зале...

Обличительная речь Октавиана глубоко задела сенат. Было принято постановление начать войну римского народа с Египтом.

Получив известие о решении сената, Антоний приказал собрать свои легионы в Греции для вторжения в Италию. Теперь у него есть перстень, сделавший непобедимым самого Цезаря. Суеверное поклонение талисману вселяло в него непреклонную решимость сокрушать и побеждать...

Стотысячная армия готовилась к наступлению. Флот из пятисот боевых и транспортных кораблей пришел в Ионическое море, чтобы, погрузив войска, переправить их из Греции в Италию. Кораблей не хватало и интервенция задерживалась. Внезапно в военном лагере Антония появилась Клеопатра. Войдя в палатку командующего она, вся в золоте, перче и изумрудах, своим появлением поразила мужа как гром среди ясного неба.

– Дорогая, я не ожидал тебя! – удивленный Антоний

неохотно подошел и поцеловал ее.

Генералы и офицеры, находящиеся в палатке, насторожились. С появлением царицы неизбежно возникал шлейф интриг и сгущалась атмосфера пресмыкательства.

– Марк, любимый, я не смогла и дня прожить без тебя. Приказала снарядить корабль. В честь тебя дала ему имя «Антонида»! Знаешь, по-гречески это означает «вступить в бой». Я спешила...

– Дорогая, тебе здесь не место... Возвращайся к детям...

– Мое присутствие на этой войне – залог твоего успеха, любимый. Так, Канидий?

Заместитель командующего, зная нрав Клеопатры, поспешил подтвердить:

– О, конечно! Вполне разумно: царица укрепит боевой дух воинов.

– Вот видишь, дорогой! – Пройдясь деловито по палатке, она произнесла: – У тебя и твоих подчиненных такие кислые лица, будто вы пришли не побеждать, а сдаваться без боя. Прикажи принести вина! Настроение повелевает судьбой: дурное угнетает мысли, хорошее сопутствует успеху.

Слуги принесли кубки и разлили терпкое красное вино из кувшинов. Клеопатра, посматривая на приунывших полководцев, держа в руке серебряный бокал, провозгласила:

– Сейчас решается судьба Рима. Дорогой Марк, победа неизбежна. И это не слова, а неоспоримый факт. Ты лучший! Сильная и преданная армия, мощный флот, ресурсы Егип-

та, – все в твоём распоряжении! Уверена: боги тебе благоволят, а магия вдохновляет, и еще... у тебя есть я! – Обведя оценивающим взглядом присутствующих, она объявила: – Египетской флотилией буду командовать лично!

У мужчин вытянулись лица, они ошарашенно уставились на Клеопатру. В полной тишине раздался голос огорошенного Деллия:

– По традиции женщину, обнаруженную на военном корабле, выбрасывают за борт...

Канидий понял, что шутка не удалась. Клеопатра презрительно посмотрела на Деллия. Он, сообразив, что сказал лишнее, стоял блее белого. Она величественно и надменно прошла мимо него, обдав ароматом экзотических благовоний, и, не оборачиваясь, изящно прикоснулась кольцом со сверкающим изумрудом к краю своего кубка. Капля яда упала в вино. Царица резко развернулась и, обворожительно улыбаясь, сказала:

– Деллий, у бога морей Посейдона была дочь Герофила. Она имела дар предрекать будущее. Так вот, у меня, дочери бога, тоже есть такой дар. Мои мысли порождены божественным внушением. Предсказываю: тебя ждет дальняя дорога до края небес... И еще я предрекаю победу Антонию. Выпьем за победу!

Деллий, окончательно потерянный, хотел выпить, но Клеопатра, отстранив его кубок, протянула свой:

– Выпей из моего, дабы ощутить вкус божественного

предсказания.

Деллий стоял как истукан, не моргая и не дыша.

– Боишься? – Клеопатра наблюдала за ним невинными глазами. – Зря! – И она сделала большой глоток из кубка. – Теперь ты!

Втиснув ему в руку свой и отобрав его кубок, она устремила взгляд в остекленевшие глаза легата.

Деллий нерешительно поднес кубок к губам, но, сделав неосторожное движение, опрокинул вино на себя.

– О, какая неловкость! Прости, царица. Мне надо срочно сменить тунику!

Не мешкая, он выбежал из палатки. Клеопатра проводила его взглядом Ламии, любовницы бога грома и молний Зевса. Жена верховного бога Гера приревновала Ламию к мужу и превратила ее в безобразное чудовище, способное, однако, возвращать себе на время прежнюю красоту, чтобы соблазнить мужчин и пить их кровь.

Деллий, не помня как добежал до конюшни, вскочил на коня и, озадачив своей генеральской торопливостью охрану, поскакал куда глаза глядят. Вскоре он оказался в стане Октавиана.

Какие-то силы околдовали Антония. Потеряв хватку и решительность, он так и не отважился преодолеть с войсками Ионическое море. Вскоре армия Октавиана высадилась в Греции.

– Дорогой! – волновалась Клеопатра. – Нужно дать морское сражение. Ты победишь! – она уже наколдовала ему победу.

Царица Египта постоянно вмешивалась в управление армией. Антоний, слушая ее, а не Канидия, требовавшего отправить царицу в Египет, сжечь флот (как обузу) и дать бой на земле, приказал войскам укрепиться на мысе Акции, а флот загнал в залив вблизи мыса (непростительная ошибка). Октавиан расположил сухопутные войска на противоположном берегу залива, его флот блокировал корабли Антония. Длительное противостояние началось. Антоний бездействовал, Октавиан его игнорировал.

Клеопатра назойливо досаждала мужу:

– Дорогой, Октавиан пиратствует на море, невозможно подвезти из Египта хлеб!

Околдованный Антоний негодовал:

– Клеопатра, ты права. Так больше продолжаться не может. Мой флот заперт в заливе!

– Дай бой, утопи флот противника, начни вторжение в Италию! – внушала она.

– Да, я готов!

Он приказал судам выйти из залива в море, где корабли Октавиана выстроились в боевую линию. Казалось, и Драконий перстень призывал к борьбе: кроваво-красный камень одобрял порыв консула.

Два римских флота в Ионическое море сошлись в мор-

ском бою. Флот Октавиана (им командовал его друг Агриппа) состоял из легких маневренных судов-либурн со ста двадцатью воинами на каждой. Флот Антония под его личным командованием – большие неповоротливые корабли с несколькими рядами весел – представлял собою плавающую крепость. Клеопатра с шестьюдесятью боевыми судами в качестве резерва находилась позади боевой линии Антония. Первым не выдержал Антоний. Он приказал атаковать. Корабли сблизились, сражение началось. Полетели стрелы и горшки с зажигательной смесью, на палубы падали снаряженные горящими факелами копья и дротики, катапульты метали пробивающие борта камни, окованные медью тараны врезались в суда противника и топили их, с помощью крюков солдаты сцепляли корабли и, перебравшись на судно неприятеля, бились на мечах.

Клеопатра была довольна. Ее чары действуют, Октавиану против них не устоять... Но что это? Царица заволновалась. На одной из либурн противника она увидела Анкил – начищенный до блеска бронзовый щит в форме эллипса с выемками по бокам. Легендарный щит бога Марса! Антоний часто о нем рассказывал и показывал рисунки. Владелец щита становится владыкой мира, так гласило поверье.

«Антонию не победить, – мелькнула паническая мысль в ее голове. – На стороне Октавиана действуют сверхъестественные силы, и они сильнее моего колдовства. Победа ускользает...» Догадавшись, что ей противостоит магиче-

ская сущность, явленная богом Марсом (с ней Клеопатре не справиться), она скомандовала капитану:

– Прорываемся и уходим!

Ее кораблям удалось пробиться и, вместо того чтобы атаковать неприятеля с тыла, египетская флотилия под парусами пустилась в бегство. Антоний не верил своим глазам. Решив, что все кончено, окружение неизбежно, и положившись на талисман (перстень пульсировал алым), главнокомандующий в панике ринулся на своем судне вслед за женой, бросив сражение, флот и армию.

Отчаявшаяся парочка – Антоний и Клеопатра, – пережив трагедию и разочарование, в ожидании развязки растратовала последние дни и силы на пиры и удовольствия в Александрии. Со дня на день войска Октавиана должны появиться в городе.

– Моя жизнь с тобой – непрерывный праздник, – Антоний, хмельной и разгоряченный, подняв высоко стеклянный бокал с вином, выкрикнул: – За мою жену, несравненную Клеопатру!

– Дорогой, давай сбежим в Индию, – она еще пыталась как-то вразумить мужа, предлагая варианты спасения вдвоем, но уже обдумывала план соблазнения Октавиана.

– Лучше не предпринимать ничего, – Антоний, пошатываясь, прошелся по помпезному, сияющему золотом залу и, встав напротив статуи Плутона, бога подземного царства и

смерти, произнес: – Создадим союз смертников и поклянемся умереть вместе! В этот союз должны вступить все. Канидий, слышишь?

Пир отчаяния собрал друзей. Канидий целую неделю вел упорные бои с войсками Октавиана, но все же бросил деморализованную армию и прибыл в Александрию. Понимая, что конец близок, он промолчал. Злобный взгляд Клеопатры упал на его несчастное лицо, читая мысли и будущие поступки.

Играли авлос и лира. Царица, смерив испытующим взором Антония, стала двигаться под музыку вокруг него. Блудница как бы невзначай проронила:

– Во всем виноват царь Армении Артавазд. Он так и не раскрыл тайну Свитка творца. О, если бы эта вещь была в твоих руках, ты бы исправил ситуацию, вновь получил бы власть и влияние!

Антоний скривил рот:

– Ничего не выйдет. Испробовали все средства. Он молчит. Не боится смерти. Его пытаются, а он говорит: «Зачем бояться? Когда мы есть, смерти еще нет, когда наступает смерть, нас уже нет».

Состроив неодобрительную гримасу, поджав губы, Клеопатра внутренне закипела злобой. Они вновь стали двигаться под музыку.

Канидий незаметно вышел из зала. Синяя мгла расстилась над Египтом, роковая ночь обволакивала полководца

как липкое покрывало из зноя и звезд. Войдя в здание тюрьмы, он сказал дежурному офицеру:

– Я должен доставить царя Армении на допрос к Антонию.

К нему привели Артавазда.

– Пошли! – Взяв за цепь, Канидий повел царя по еле освещенной луной дорожке к дворцу.

На полпути он остановился, достал ключ и, открыв замки кандалов, сказал:

– Я виноват перед тобой. Участвуя в безумствах Антония и Клеопатры, стал слепцом и вырождением, возомнив себя спасителем Рима.

Артавазд, осунувшийся и покрытый кровоподтеками, едва держался на ногах и смотрел в пустоту. Его слабый голос прозвучал сдавленно:

– Заблуждающийся разум рано или поздно приоткрывает истину...

Канидий, видя, что Артавазд умирает, укорял себя:

– Заносчивость привела меня к краху... Надоели капризы подлой парочки. Ты свободен. За воротами сада ждет повозка, в гавани – корабль.

Прихрамывая, царь побрел по дорожке, понимая, что судьбой все предопределено заранее. Звезды, недобро светя на черном небе, призрачным мерцанием призывали не сопротивляться велению богов. Печальная луна, хранительница тайн бытия, холодным мертвенным светом озаряла еги-

петскую землю, а вокруг разлилась тишина: ни пения птиц, ни треска цикад. Артавазда била дрожь, охватила волна апатии, кольнуло предчувствие беды.

Ворота оказались незапертыми. На дороге у каменной ограды стояла запряженная повозка. Возница помог царю взобраться и устроиться среди корзин. Они тронулись в путь. Артавазд поднял глаза к небу. Предвечная звезда Сириус ослепительно ярко сияла на ночном небе. Коридор к богам открыт...

Уже слышался шум моря, возникли очертания ожидающего корабля, когда сзади донесся топот копыт: всадники на конях, с факелами в руках, настигали повозку, и один из них бросился наперерез. Артавазд узнал Антония. Повозка остановилась. Взбешенный консул закричал:

– Царь, тебе не уйти!!

Начальник тюрьмы и солдат стащили Артавазда с повозки и поставили на колени перед Антонием.

– Ты сломал мне жизнь! – кричал тот. – Если бы открыл тайну, все бы сложилось иначе! Я мог бы получить власть над природой и людьми, встать вровень с богами, но ты низвел меня до ада, не оставив даже проблеска надежды спастись.

Царь поднял голову и равнодушно посмотрел в глаза мерзавца:

– Запас твоих желаний неистощим... На что-то надеясь, не забывай о своих черных делах...

Консул безумным взглядом смотрел на пленника и, пони-

мая, что надежда неумолимо тает, встал перед ним на колени и, хватаясь за последнюю соломинку, захрипел:

– Мы с тобой, Артавазд, будем править миром, разрушим старый, изживший себя миропорядок, установим гегемонию двух великих стран. Ты будешь диктовать свою волю на Востоке, я на Западе. Без нас с тобой тьма опустится на Землю...

– Земля без тебя станет чище. Отправляйся в ад, глупец!

Лицо Артавазда просветлело, упрямый взгляд пылал, весь вид его говорил о восторге и ликовании. Консул испустил звериный рык. Вскочив на ноги, в сильнейшем душевном потрясении, одержимый манией, он обнажил меч и, ошеломленный ясной мыслью, что проиграл, занес клинок над головой царя. Перед глазами Артавазда пролетела вся жизнь, в которой было место и восхищению, и любви, и ненависти. Чувствуя себя уже вне пространства и времени, он опустил голову и закрыл глаза. Антоний в неистовом исступлении рубанул мечом...

Утром матросы собрали доски от прогнивших лодок, соорудили на берегу моря погребальный костер и предали тело царя огню.

Антоний в отчаянии от безысходности уединился в своем Тимониуме. Никто не смел нарушать его покой. Он не принимал пищи, никого не хотел видеть, сидел в кресле и смотрел на статую Венеры, богини любви и красоты. Все,

что осталось, – это любовь к Клеопатре. Любовь теплилась в сердце, согревая тоскующую душу. Внимание привлек Драконий перстень на пальце. Камень переливался от серебристо-серого цвета до фиолетово-синего. Сняв с пальца талисман, символ своей значимости, он внимательно рассмотрел его. На внутренней стороне кольца увидел надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Скривив губы, в полном безразличии снова надел перстень на палец.

Раздался звук шагов. Антоний даже не повернул головы. В зале появился телохранитель царицы:

– Консул, это Аполлодор. Я принес плохую весть. Клеопатра умерла.

Антоний резко обернулся:

– Что?

– Она заперлась в гробнице и приняла яд.

Утратив последнюю иллюзию реальности – любовь к Клеопатре, химеру, за которую еще цеплялся в своей безрадостной жизни, – Антоний окончательно впал в уныние:

– Оставь меня...

Аполлодор ушел, а полководец погрузился в сметенные мысли: «Смысл жизни утрачен, беспросветная тоска ододела. Во всем виноват сам, и дальнейшее существование бессмысленно. Пощады все равно не будет. Остается одно: искупить поражение и погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином».

Бросив взгляд в окно, увидел причаливающие к берегу ко-

рабли Октавиана. Кривая усмешка исказила лицо. Перстень почернел, безнадежность охватила целиком, отчаяние раздирало. Никаких слез, никаких эмоций, никакой жалости!

Он взял меч и, обнажив его, всадил себе в живот, вскричав: «Нестерпимая боль!!»

В зал неслышно вошли служанки. Перевязав умирающего Антония, отнесли его в гробницу и положили на деревянное позолоченное ложе в виде льва. Он стонал, но, как только появилась Клеопатра, приказавшая Аполлодору сказать мужу, что умерла (пришло время затеять новую игру с Октавианом), впился в нее глазами, не издав ни звука. Она была в одеянии Хатхор, богини красоты, любви, веселья и танцев: облегающее красное платье-калазирис с воротником из золота, сердолика и бирюзы, голову венчала корона «рога и солнечный диск». Выглядела она печальной и задумчивой. Положив Антонию на грудь золотого скарабея (жук, символизирующий воскрешение), произнесла:

– Моя скорбь безутешна, моя печаль безмолвна, мое несчастье непоправимо... Перенесу ли это горе? – и слезы выступили у нее на глазах.

Сев на край ложа, она поцеловала Антония в губы и, заглянув в глубокие карие глаза мужа, вдруг осознала, что теряет не только любимого человека, защитника и сподвижника, но и несбывшиеся надежды. Впереди неизвестность, мрак, возможно, забвение. Уткнувшись ему в грудь, она разрыдалась.

Антоний умер, и когда в погребальный зал вошли легионеры Октавиана, царица схватила кинжал, выражая готовность умереть, но ее обезоружили. Она встала, прошлась с гордо поднятой головой. В заплаканных глазах возник хищный блеск, лицо приобрело выражение решимости. Ее герой умер, теперь новый победитель интересовал Клеопатру. Она, отгоняя навязчивые мысли и страхи, ждала его в роскошной погребальной камере, расписанной сценами мумификации с Анубисом, стоя среди двух мраморных саркофагов, золотых сосудов и шкатулок. Все было приготовлено для счастливой загробной жизни фараона и его жены.

На пальце мертвого Антония в свете масляных ламп поблескивал массивный золотой перстень с камнем цвета тлеющих огоньков костра. Тот самый, что ранее принадлежал Цезарю и который принес ее любимым мужчинам погибель. Царица сняла перстень с пальца мужа и высоко подняла к свету: камень вдруг засветился необычайно алым светом. Знак свыше? На внутренней стороне кольца она увидела надпись: «Слава и забвение: всему свой срок». Цвет камня медленно менялся на черный. Словно боясь обжечься, она бросила перстень, и он отлетел к саркофагу, ее саркофагу. Прислонившись спиной к стене, ощущая невыносимость момента, она прикрыла веки, чтобы убрать с глаз долой адский предмет, и думала как выкрутиться из создавшегося положения.

Вошла служанка Лиана:

– Государыня, перед входом стоит римлянин в пурпурном плаще. Окружение выказывает ему почтение.

– Октавиан! – дыхание Клеопатры стало учащенным. – Что ж, час настал. Лиана, тот перстень, что на полу у саркофага... Возьми его! – служанка подняла перстень, и он за светился в ее руках цветом тлеющих огоньков. – Выйдешь в море на моем корабле, будешь плыть три дня, затем бросишь армянский перстень в воду и вернешься. Поняла?

– Да, государыня!

– Вот знак капитану... – и она, вытащив из прически золотую заколку с жемчужиной, протянула служанке. – Он исполнит все в точности, как скажешь.

Лиана удалилась, а Клеопатра, приняв маску неотразимости, стала ждать.

Вошли Октавиан и офицеры. Она стояла у ложа, на котором было распластано тело Антония, печальная и подавленная. Статный и красивый Октавиан сразу пришелся ей по сердцу. Умные светлые глаза, темные волосы с золотым отливом, волевое лицо, военная выправка – образец мужского совершенства.

– Царица, я Октавиан! Не заблуждайся насчет самостоятельности Египта. Истина в том, что на обломках твоего заблуждения я построю новый оплот могущества.

Стараясь показать внутреннее беспокойство и напряженность, она произнесла:

– Я в неведении... Заблуждение мне говорит: радуйся но-

вому, а разум предупреждает: тебя ждут перемены.

– Доля истины в твоих словах, царица, есть... – Октавиан подошел ближе, взглянул на окровавленное тело Антония: – Он был моим соратником и соперником, но осталось загадкой, какое предназначение уготовили ему боги.

Клеопатра прекрасно владела искусством обольщения: сеанс соблазнения, который должен привести Октавиана к правильному поведению, начался. Окинув его многозначительным взглядом, она произнесла:

– Убежденный в непогрешимости, должен сознавать, какие руины после себя оставит...

Октавиан поднял на нее удивленный взгляд: «Умна, не ищет оправданий, не скрывает своей грусти, но и не упиивается горем; открыта и не стремится мне понравиться».

Читая мысли консула, она сказала:

– О прошлом жалеть не буду. В моей жизни нет места сомнениям и разочарованию.

Клеопатра пристально смотрела на него, немного сузив глаза и слегка приоткрыв губы. Ее голова чуть наклонилась в сторону, и чувственный вид прелестницы манил Октавиана. Он тоже склонил голову в сторону, и царица угадала: интерес пробудился; мужчина стал поглаживать подбородок, и это был момент принятия решения.

Он думал: «Привыкла, чтобы мир крутился вокруг нее... Однако открытая шея привлекательна, а губы манящие и чувственные. Легкая улыбка говорит о явном интересе ко

мне. Нежна, услужлива, готова к жертве... Божественна!». Он часто заморгал, и царица решила, что консул заинтересовался ею.

Любимец женщин Октавиан, хитрый и расчетливый правитель, предупрежденный друзьями о колдовском даре Клеопатры, заранее все просчитал. Он вынул из-под защитного снаряжения амулет Уаджет (придает проницательность, новые силы, способность раскрывать интриги и тайные умыслы). Соблазнительница, перестав улыбаться, на мгновение оцепенела. Октавиан склонил голову вниз. Склонить при беседе голову вниз – неблагоприятное предзнаменование. Когда же консул поднял голову, она поняла, что проиграла. Чары никакого действия не возымели. Теперь, не питая иллюзий относительно своего будущего, блудница сообразила: идти ей в кандалах по Риму за золотой колесницей консула.

– Смерть подвластна мне, – тихо сказала Клеопатра. – Я скорее уморю себя голодом, чем буду молить о пощаде.

Душевные страдания этой женщины не тронули мужчину: – Ты будешь жить, иначе казнь твоих детей. – Собравшись уходить, он напутствовал: – Царица, ты прекрасна. Живи и помни: красота притворна, счастье призрачно.

Оставшись одна, она приуныла: «Оправдания поражению нет, остались только пути для отступления: первый – унижаться, второй – умереть».

– Ирада! – позвала она и, как только вошла служанка, при-

казала: – Дай знак Аполлодору принести смоквы.

У входа в гробницу дежурила охрана. Пришел крестьянин с небольшой корзиной со смоквами. Для царицы. Офицер посмотрел: ничего необычного. Корзину забрала Ирада. Клеопатра с прислужницами Ирадой и Хармион заперлась в усыпальнице. Трагическая развязка близка. Царица возлегла на ложе «небесная корова», служанки ее раздели, Ирада положила на шелковистую грудь повелительницы Египта черную, смертельно ядовитую змею аспид, спрятанную Аполлодором под смоквами, и прижала рукой голову рептилии. Змея извивалась, пытаясь вырваться, шипела. Ирада отпустила руку, и разозленный аспид мгновенно напал, укусив грудь Клеопатры.

Змея уползла, а прислужницы, затаив дыхание, широко открытыми глазами следили за агонией земной богини. Яд медленно разливался по ее органам: сначала царица ощутила жжение, потом онемение, вскоре боль стала распространяться по всему телу, и дыхание замедлилось. «Делать на этом свете больше нечего, – мелькала мысль в ее голове. – Все готово для встречи с Осирисом, богом, который победил смерть и обрел вечную жизнь. Я богиня Исида, идеал женственности, гений колдовства и магии, воссоединюсь со своим кумиром Осирисом. Он примет образ Антония, и мы будем вместе навсегда».

Осирис и Исида – главный миф египетской религии. Клеопатра заранее все спланировала в строгом соответствии с

этой легендой. Однажды (возможно, через много тысяч лет) два саркофага будут найдены, и, когда их откроют, две мумии оживут и явят миру совершенных существ, побуждающих человечество ужаснуться и раскаяться. Но потом, когда мир будет покорен, Антоний и Клеопатра, сжалившись над людьми, подарят им просветление и новую добродетель.

Сердце царицы перестало биться. Служанки надели на шею ей и Антонию золотые амулеты Анкх – важнейший египетский знак: крест (символ жизни) и круг (символ вечности), что в сочетании означает бессмертие. Затем Ирада извлекла из деревянной шкатулки с двойным дном пузырек с ядом, обе прислужницы поочередно выпили его и легли подле своей госпожи.

Октавиан, раздосадованный и разъяренный, метал в адрес командира охраны гром и молнии. Смерть Клеопатры не входила в его планы. Римский триумф остался без главного украшения и трофея, однако добыча была столь велика, что он успокоился. Денег хватит купить земельные наделы всем ветеранам армии и завоевать Европу. Затем он захватит весь обитаемый мир, перестроит столицу, укрепит хозяйство, ремесло, торговлю, а потом, притворившись на короткое время добрым принцепсом, станет первым императором Рима.

Консул приказал похоронить Клеопатру по египетскому обычаю подле своего супруга Антония. Мумии замуровали в саркофагах, а гробницу запечатали. Нежелательный соперник Цезарион и сподвижник врага Канидий были казнены.

Дети царицы и Антония отправлены в Рим для триумфального шествия, чтобы потом их забрала к себе сестра консула Октавия и воспитала в память о муже. Египет превратился в римскую провинцию, а Октавиан стал полновластным хозяином Рима.

Глава 42. Дух Арарата

В царских покоях римский ставленник Аршам, правитель (этнарх) армянского народа, лишенный римлянами прав царя и царского звания, распался все сильнее и сильнее:

– Как он проник в город?!

Правителю донесли, что в столице Великой Армении появился сын погибшего царя Артавазда Арташес. Вельможи, низко опустив головы, молчали. Аршам с царской диадемой на голове, которую сам себе водрузил, в леопардовой мантии на плечах (она, по его мнению, придавала значимости) прошелся перед строем министров и военных, сокрушаясь:

– Я приказал досматривать все повозки, прибывающие в город, и ловить всех подозрительных странников, появляющихся у ворот. И что же? Проморгали сына царя! Бунтовщик мутит народ, подбивает на восстание, появились акты неповиновения, убиты два легионера. Римский гарнизон буквально полыхает яростью к горожанам. Завтра показательная казнь. Найти Арташеса и убить! Идите!

Все ушли. Отворилась дверь. Неслышно вошел новый казначей:

– Государь, я войду?

– Ты уже вошел, Мард.

– Дворцовая стража удвоена, государь.

– Ты единственный, кто называет меня государем, и я

склонен доверять тебе. Старому евнуху некуда деваться? Ну-ну, не смущайся. Для человека, давно управляющего двором и гаремом, ты достаточно умен и осторожен. Лъстишь мне, что хорошо, но главное – много знаешь.

– О государь, о Аршам, ты так добр ко мне!

– Конечно. Лишь тебе одному доверил казну. Но ты не выполнил мое поручение – найти тайный вход в сокровищницу!

– Ты прав, государь, но мы работаем... Кажется, в темнице есть следы на стене...

– Я казню тебя, если... – Аршам сделал выразительную паузу и зловеще прошипел: – ...если не будет найдена потайная дверь! – Остыв, правитель прошелся по тронному залу, шурша мантией, и, вперив взор вдаль, мечтательно сказал: – Еще мать мне рассказывала о зале чудес в подземелье дворца. Я хочу обладать магическими вещами, получить сокровенное знание, стать истинным царем Армении. Но важнее всего – завладеть жезлом Сехем. Понимаешь, Мард, он ключ к могуществу! Антоний и Клеопатра непременно желали заполучить его.

– Да, государь, приложу все силы. Время есть...

– Времени нет! Мой покровитель Антоний умер, политика Октавиана в отношении нас неясна, в городе зреет недовольство.

– Ты усилил гнет, взимаешь большие налоги, увеличил подати... Вот народ и недоволен...

– Зато римляне довольны. Иди, работай!

На другой день предстояла казнь двух бунтовщиков. Народ стогнали на главную площадь, где уже установили помост, чтобы прилюдно обезглавить преступников. Они якобы убили римских солдат. Устрашение населения – последовательная стратегия оккупантов.

Площадь огласил рожок, забили барабаны, вокруг помоста встали легионеры. Римский легат и этнарх устроились на балконе одного из домов и наблюдали за приготовлениями экзекуции. Преступников вели к месту казни, и в этот момент толпа стала теснить стражу, чтобы отбить бедолаг. Поднялись крик, вопли, брань, кто-то призвал бить римлян, полетели камни в Аршам и легата, римские солдаты сбились в манипулу, обнажили мечи и стали рубить направавших граждан. В сторону солдат полетели камни, наконечники стрел, свинцовые пластины, горсти монет, облака жгучего перца. Помост уже разбирали на доски и палки, пустив это нехитрое оружие в ход. Толпа при полном бездействии армянской стражи снесла римских воинов с площади, освободила заключенных и приступила наводить порядок в городе.

Этнарх Аршам укрылся в дворце. Все входы-выходы в царские хоромы закрыли и выставили охрану из армян и римских легионеров.

– Не удивлюсь, если Арташес появится скоро здесь, – Аршам, раздраженный и настороженный, заперся в спальне с

женщиной, вдруг воспылав к ней страстью. – Рипсимэ, ты красива, умна, безупречна. Как я раньше не замечал?..

Она подошла совсем близко и, пристально смотря ему в глаза, слегка обхватила его нижнюю губу своими губками и нежно втянула в себя. Последовал страстный поцелуй. Этноарх растаял. Прелестная женщина знает, как найти безотказный способ завладеть рассудком мужчины.

– Я хочу царствовать не только в спальне, – шептала Рипсимэ, – но и стать царицей Армении.

– Ты настоящая римская матрона, именно о такой царице я мечтал...

– Когда же римляне тебя сделают царем? – прикосновениями и демоническими чарами она околдовывала его.

Аршам, словно во сне, подчинялся ее воле:

– Скоро-скоро ты станешь царицей! Я отправил Октавиану почетный адрес с поздравлениями и петицию о признании меня царем. Просил войска для наведения порядка.

– О Аршам, неужели недостаточно тысячи римских воинов в Арташате? А как же независимость?

– Желанная моя, разве не понимаешь: право Рима, я бы даже сказал долг, вмешиваться в дела стран в силу своего авторитета...

Для Рипсимэ править волшебной страной без римлян и Аршама стало навязчивой идеей. Демон, вселившийся в нее, повелевал: «Добейся восхищения и поклонения, подчини окружающих своей воле, запугай, держи в страхе. Ты порожд-

дение темных сил и предназначена либо укротить род людской, либо уничтожить его. Но пока используй чары, обзаведись покровителем».

– Римское господство? – она выразила притворное удивление. – Они пожалеют, что пришли сюда. Впрочем, поселенцы быстро заговорят по-армянски.

– Латиняне, конечно, относятся к нам как к туземцам, но в одном они правы: благополучие нации зависит от солдат Октавиана. Патронат мне выгоден, дорогая. Чтобы задобрить принцепса, я возведу в столице храм, посвященный ему и богине Роме.

– О Аршам, не обольщайся. Вызывающее поведение римлян уже породило восстание. Ты прячешься со мной в спальне, не желая замечать, что вокруг дворца бушует озлобленная толпа.

– Народ неблагодарен. Но ничего, как только восстание подавят, внедрю в сознание людей римские обычаи, законы и латинский язык.

– Милый, Армения богата не только железом и медью, но и людьми, готовыми на личные жертвы во имя родины...

Освободить столицу от римлян и их приспешников пришли армянские войска, ведомые полководцем Багунци. Ворота крепости открыли патриоты. Охрана из римлян разбежалась, в город хлынули преданные Арташесу солдаты, в жилых кварталах завязались уличные бои, в условиях бунта и

анархии римскому гарнизону пришлось забаррикадироваться на подступах к царскому дворцу.

По тайному ходу подземелья шел Арташес. Сильный, волевой, с непослушными длинными каштановыми волосами (символ власти и благородного происхождения), в доспехах, с мечом и горящими очами, он, объятый пламенем мщенья, приготовился решительно и бесповоротно взять власть. На его поясе висит кинжал, тот самый, что подарил дед, царь Тигран: рукоять и ножны покрыты золотом, лезвие из прочной стали, а в навершии рукояти вставлен большой рубин, камень-талисман из Индии, предназначенный противостоять силам тьмы. Арташес всегда помнил наставление деда: «Этот кинжал поможет получить контроль над властью. Храни мой подарок!»

В коридоре, ведущем в темницу, он появился как призрак, и Мард, разыскивающий с двумя слугами потайную дверь в сокровищницу, в изумлении разинул рот и потерял дар речи. Слуги прекратили простукивание стен молотками и немигающим взглядом уставились на господина.

– Мард, не узнаешь? Это я, Арташес!

Справившись наконец с волнением, евнух сдавленно произнес:

– О Арташес! Жизнь неумолимо подбрасывает нам проблемы, плодит загадки и опутывает чудовищной ложью. Мне сказали, что ты погиб...

На глазах евнуха появились слезы. Он размяк и, утирая

лицо рукавом, попытался встать на колени перед внуком Тиграна II.

– Не надо, учитель! – Арташес обнял его. – Я жив и собираюсь вершить справедливость.

Всплакнув на груди воспитанника, старый царедворец проронил:

– Верность – прибежище путника, заплутавшего в бесконечных дебрях обмана.

– Учитель, хочу расчистить путь к спасению и вырубить лес безнадежности. Скажи, где моя жена Эрмина?

– С ней все в порядке, мой мальчик! – старый царедворец оживился. – Она в гареме, ждет тебя.

– Убери из дворца армянскую стражу, а сам укройся в гареме.

Воспрянув духом, Мард воскликнул:

– Новый правитель, поставленный римлянами, Аршам, творит беззаконие и злодеяния! Ты пришел спасти нас... Я помогу! Мерзавец заперся в спальне. За мной, мой мальчик, покажу тебе потайной ход.

В город просочились люди из отряда Тиграна Младшего, все отъявленные головорезы. Зная лазы и проходы в ограде сада, царевич с группой громил неуклонно продвигался среди тенистых деревьев к дальнему крылу дворца. Римская стража, охранявшая вход, была уничтожена, и младший брат убитого царя, предавший родину и отца, ненавидящий,

нетерпеливый и злопамятный, ринулся в бесконечные коридоры здания с жадной все крушить и стать тираном. Люди его группы, действуя бесшумно, снимали охрану за каждым углом или дверью. Тигран Младший искал Аршама.

В спальне царя в это время внезапно появился наследник престола Арташес. Как будто вышел из стены... Неожиданное появление молодого сына царя не очень удивило Аршама. Испытав небольшое потрясение, он выхватил из ножен меч и, встав в боевую стойку, испепелял незваного гостя взором, будто хотел лишить его воли.

Прозвучал звонкий голос царевича:

– Не ожидал? Ты, Аршам, – выскочка и изменник! Отец тебе доверял, а ты предал. Теперь пытаешься подлостью и злодейством захватить трон.

Увидев в покоях женщину, удивился:

– Рипсимэ? Ты заодно с этим лицемером?

Воспользовавшись секундной заминкой, новый правитель царства первым нанес удар. Арташес защитился мечом и, сделав резкий выпад, нанес колющий удар в лицо соперника. Тот уклонился.

– Остынь, Арташес, – римский ставленник с диадемой на голове, криво улыбаясь, пытался усыпить бдительность противника: – Я не царь, лишь временно управляю страной. Ждали тебя...

– Ты весь пропитан ложью. Дорога, выбранная тобой, – подлость и трусость, и она ведет в ад!

– Моя дорога ведет в Рим! – крикнул Аршам.

Бросившись на царевича, он нанес рубящий удар, но цели не достиг. Молодой человек выполнил обманную атаку по ногам, вынуждая соперника открыть голову, но хорошо владеющий мечом Аршам вовремя заблокировал оружие противника.

Рипсимэ преобразилась: ее глаза почернели, взор стал надменным. Она с несказанным удовольствием наблюдала за поединком мужчин. Пусть победит сильнейший! Манипулировать умами людей – истинное ее призвание. В конце концов, именно она будет тем судьей, который определит победителя и навяжет свою систему ценностей: невежество, покорность, иллюзию реальности. Это она будет вращать колесо судьбы.

Сражение на мечах продолжалось. Соперники в ходе схватки перемещались по залу, опрокидывая стулья и вазы, уворачиваясь и парируя удары. В запертую дверь давно ломилась стража, с улицы доносились крики и воззвания, в коридорах дворца сражались громилы с римской стражей, и только Рипсимэ была спокойна, наблюдая с высоты своего величия проявление грубой силы и мастерства: кому же улыбнется слепая удача?

Перелом в равном поединке наступил, когда царевич нанес снизу вверх удар по мечу противника, сломав его. Аршам бросил ставшее негодным оружие, побежал, но, увидев на стене лук и стрелы, схватил и стал скорострельно посылать

стрелы. Свистевшие у лица царевича стрелы вонзались в двери, мебель, канделябры. Арташес реагировал мгновенно. Инстинктивно уворачиваясь от стрел, он упал на пол и, ловко переворачиваясь через голову, укрылся в соседней комнате. Самозванец, вбежав туда, встал как вкопанный: комната пуста. Он закричал:

– Ты ушел по тайному ходу, но тебе не выбраться! Я лучший стрелок в государстве, моя стрела пригвоздит любого, кто встанет на пути!

Парфянское войско приближалось к столице армянского царства Арташату. Фраат IV, молодой и горячий царь, воплощал в жизнь свой масштабный план: Азия должна принадлежать Парфии! Поход оказался труднее, чем предполагалось. Крепости, встречавшиеся на пути, без боя не сдавались, единственный мост через бурную реку Аракс у твердыни Джуга разрушили охранявшие его армяне, а круговой путь стал вдвое длиннее. Черные дымы поднимались отовсюду, оповещая о появлении неприятельской армии. В ущелье шумела река Аракс, заглушая все звуки в округе. Она бурлила, пробиваясь через скальные разрывы, и пенилась, переливаясь через пороги. Форсировать стремительный поток конной армией не представлялось возможным. Пришлось идти вверх по течению по краю ущелья, мимо восточных предгорий Арарата, и искать переправу на другой берег, где на двенадцати холмах стояла армянская столица.

Фраат обратился к жене, с которой никогда не расставался:

– Наринэ, лазутчики доносят, что в Арташате творится что-то невообразимое. В город вошла армянская армия, появился наследник престола Арташес, еще орудует с бандой головорезов Тигран Младший, народ бунтует, а римский гарнизон обороняет царский дворец, где заперся правитель Аршам. Что ты обо всем этом думаешь?

Они ехали в колонне войск на низкорослых лошадях без седел, в окружении приближенных и военных. Наринэ, темноволосая изящная армянка, произнесла с обворожительной улыбкой:

– Государь, ты ведешь свое могучее войско в адское пекло. Стоит ли соваться в пасть дракона? Не забывай, по поверью, дух горы Арарат оберегает город. Возможно, как умному человеку тебе следует еще раз все взвесить. Я бы рассмотрела три варианта: довериться случаю, принять волевое решение или взглянуть на ситуацию рационально.

– Я люблю тебя, Наринэ. Ты похожа на мою властную мать. Та повторяла: «Если не можешь изменить что-то, брось и забудь».

– Так какой же вариант ты выбираешь?

Фраат, ощущавший умственное превосходство жены, подумал и сказал:

– Людям кажется, что они делают правильный выбор, но на самом деле всегда выбирают наименьшее зло.

Вторжение в Армению продолжалось. После очередного поворота на другом берегу реки открылась панорама Арташата. Город лежал в плодородной, цветущей и возделанной Араратской долине и был похож на великолепный перстень. Вокруг раскинулись поля изумрудной зелени и золотистой пшеницы, а внутри серых крепостных стен расположился мятежный город, сияющий словно драгоценный камень: зарево пожаров подсвечивало красную черепичную кровлю домов. Блеск и глубину «огненной драгоценности» дополняла инкрустация оранжевыми абрикосами и буро-красными плодами граната. Гора Арарат, двуглавая, с ослепительно белыми шапками, возвышающаяся над равниной как страж, надзирала за спокойствием долины и имела таинственный вид, устрашая врагов.

Наринэ гарцевала на лошади, щеголяя ловкостью в верховой езде:

– Чарующий вид, не так ли? Полагаю, наименьшее зло сегодня – утвердить свое владычество за счет мудрого решения. Поверни назад, и все скажут, что ты великодушно разрешил армянам разбираться в нагромождении дрызг. Но если не видишь доступный пониманию выбор, доверься случаю – загадай примету!

Фраат по-мальчишески звонко рассмеялся. При всех своих звериных повадках он настороженно относился к приметам:

– Хорошо, царица! Будь по-твоему! Если над моей голо-

вой пролетит аист, поворачиваем назад.

Не успел сказать, как над его головой пронесся аист. Выражение лица Фраата стало сначала растерянным, потом сосредоточенным и наконец упрямым:

– И все же мы уже здесь. Я захвачу этот богатый город!

Внезапно раздался ужасный грохот: большой отрезок тропы обвалился в реку вместе двумя десятками конников, которых унесло быстрым течением. Образовался глубокий провал. Лошадь царя испугалась, отпрянула, понесла. Фраат, не теряя самообладания, крепко натянул повод и, успокоив животное, остановил его, затем вперил взор в стремнину, пытаясь разглядеть в бездне врата ада. Он медленно обратил взор на Арарат. Энергия, исходившая от горы, повергла его в трепет.

– Царица, мы поворачиваем назад!

На запряженной ишаком двухколесной повозке возница вез чернооую Лиану, служанку Клеопатры. Повозка остановилась у ворот Арташата. Закутанная в плащ девушка слезла, дала вознице монетку и неуверенно подошла к воротам города. Армянская стража расступилась, что крайне удивило Лиану. Идя по улочкам, засыпанным битой утварью, сломанными телегами, корзинами, бочками, мимо дымящихся пожарищ, она не могла понять, почему встреченные ею люди так странно смотрят на нее. На руке чужестранки сверкало кольцо – Драконий перстень. Дух горы Арарат, подчиняя че-

ловека своей воле, целенаправленно вел девушку в обитель властелина Армении.

Добираясь сюда, Лиана претерпела бедствие. В Средиземном море разыгрался шторм, разнесший в щепки корабль Клеопатры. Ухватившись в воде за сломанную мачту, девушка смогла доплыть до берега. На ее пальце пылал алым пламенем Драконий перстень. Спаслась лишь она. Поясок, ожерелье с монетами и браслеты (все скромное, но из золота) помогли девушке добраться до Армении. «Перстень, наверное, что-то значит для царя этой страны. Продам! Стану богатой и свободной», – решила Лиана...

Римская стража у входа в дворец не посмела ее остановить, никто не окликнул девушку ни на втором этаже, ни в пышном тронном зале. Она шла по пустым коридорам, желая увидеть лишь кого-нибудь, кто препроводит ее к царю.

Стемнело. Армянская армия полностью взяла город под контроль; вокруг дворца не прекращались столкновения римской стражи с мятежным народом; в самом здании

кое-где зажгли свечи и светильники, на этажах царила зловещая тишина. Царевич Арташес осторожно крался по опустевшим темным помещениям, каждую минуту ожидая нападения врага. Римский управитель где-то рядом... В полутемном зале приемов, услышав шаги, царевич затаился за колонной, держа обнаженный меч в готовности нанести все-

сокрушающий удар. Шаги приближались и, когда раздалась совсем рядом, юноша выступил, чтобы обрушить меч, но...

– Эрмина!! – воскликнул Арташес. – Милая, какое счастье тебя увидеть!

Жена бросилась в объятия мужа. Ими овладели волнение и радость, кружилась голова. После долгой разлуки эмоции рвались наружу, хотелось о многом рассказать друг другу... Они нежно поцеловались.

Эрмину переполняла радость:

– О Арташес! Я ждала и верила: ты вернешься, снова будем вместе... – она плакала

Он смотрел на свою восхитительную жену, и сильные чувства захлестнули его. Темные мягкие волосы и бледное утонченное лицо Эрмины сводили с ума, карие выразительные глаза, по которым царевич безумно скучал, казалось, излучали свет любви и надежды.

– Любимая, разлука больше никогда не коснется нас! – Притянув ее к себе, он целовал ее алые губы и прелестные пальчики: – Ты носишь то самое кольцо с изумрудом, подарок деда?

– Да, любимый! Это мой талисман, превращающий сны в явь. Я даже научилась читать чужие мысли. Сегодня приснился ты, а увидев Марда, поняла: муж вернулся. Не смогла усидеть на месте...

– Что с детьми?

– Они в Риме, здоровы, воспитываются в богатой семье.

– Эрмина, нам грозит смертельная опасность...

В зал шумно ворвался обезумевший Аршам:

– Прячься не прячься, все равно найду и убью!

Натянув лук, он уже собрался выстрелить в царевича, но в дверях возник Тигран Младший и со словами: «Умри, приспешник!» набросился на него. Аршам невольно обернулся и, почувствовав неотвратимую опасность, пустил стрелу в сторону Тиграна Младшего. Мечом хладнокровно отбив стрелу в полете, тот, не давая противнику опомниться, сделал выпад, ранив его в левую руку. Со звериным воплем, бросив лук и стрелы, зажав рану, Аршам ринулся прочь, скрывшись во тьме коридоров.

Арташес с прильнувшей к нему испуганной Эрминой с удивлением воззрелся на брата отца:

– Дядя? Что ты здесь делаешь?

– Племянник, бьешься за власть? – Тигран Младший с нескрываемой враждебностью бросил взгляд на сына царя и его жену и равнодушно произнес: – Жажда власти порождает жестокость, вытекающую, несомненно, из благих намерений. Я столько претерпел лишений и унижений, что не остановлюсь ни перед чем, чтобы захватить трон.

– А я на твоём пути?

– Да, Арташес! Я всегда относился к тебе с любовью, потечески, но парадокс в том, что правитель при всей своей справедливости и доброте не должен никого любить, щадить и миловать. Власть обязана навязывать свою волю вопреки

сопротивлению несогласных. – Тигран Младший прошелся по залу, и, чувствуя право и возможность распоряжаться чужими жизнями, остановился в центре: – Дворец контролируется моими людьми, тебе некуда деваться, ты умрешь! – Подняв руки с мечом к небу, он произнес молитву: – О боги, я один против всех, и беру то, что принадлежит мне по праву! Взываю к вам: дайте могущество и безграничную власть, откройте истину и наделите мудростью, ниспошлите силу...

Выражение лица Тиграна Младшего вдруг стало меняться: появилось удивление, отчуждение и, наконец, растерянность. Словно увидев в вышине что-то необычное, он медленно опустил руки, выронил меч и замертво упал ничком на каменный пол. Из спины торчал кинжал. Прямо за ним в черном одеянии стояла Рипсимэ. Обойдя с брезгливой гримасой бездыханное тело, она произнесла:

– Он мне как-то сказал: «Ты всегда выбираешь неподходящих парней». Надеюсь, теперь я не ошибусь. Этот мерзавец изнасиловал меня еще девочкой. Наигравшись, бросил, а при встрече называл шлюхой. Поделом негодяю! – Улыбнувшись, напомнила: – Сражение не окончено. Вперед, Арташес! Власть не терпит слабости. А мы с твоей женой подождем победителя в царских покоях, – она отступила в темноту, ожидая Эрмину.

Арташес поцеловал жену и со словами: «Я вернусь!» бросился искать раненого зверя Аршама.

Рипсимэ в царских покоях, поднося лучину к канделябру,

разглядывала редкую красоту замужней женщины и говорила:

– О Эрмина, ты прелестна! Я могла бы научить тебя искусству косметики...

Она подвела ее к столу с красивыми маленькими баночками с кремами и флакончиками с духами. В Риме пристрастие к косметике охватило и мужчин, и женщин. Пудра из свинцовых белил, мела и меда подчеркивает привлекательные черты лица, скрывая недостатки. Для личика нужны тени и подводка для глаз. А вот и флакончик с ее любимыми духами из лилий и нарциссов. Они прелестны.

– Разреши капнуть из флакона на твою изящную шейку... – лицо Рипсимэ в свете канделябра выглядело зловещим, холодным и восковым.

Эрмина отстранила протянутую руку с флаконом из оникса:

– Я слышана о тебе, Рипсимэ, и не могу сказать, что только хорошее. Мне также известны твои мысли... Положила глаз на моего мужа, хочешь устранить соперницу...

– О, как заговорила! Как же я сразу не догадалась... кольцо с изумрудом, превращающее сны в явь. Оно также помогает читать чужие мысли и предвидеть будущее. Припоминаю: ты была маленькая, царь подарил тебе это волшебное украшение, ты всем хвасталась... Ну, предскажи мне будущее!

– Я вижу, что ты, Рипсимэ, осквернена злом, и только очи-

ститительный огонь озарит путь к спасению.

– Языки пламени поглотят меня? Маловероятно! Зато я предсказываю твою смерть...

В этот момент в комнату вошла Лиана. Скромная девушка в сером плаще поспешила туда, где были свет и голоса.

– Ты кто? – резко повернувшись и воззрившись на нее, строго спросила Рипсимэ.

– Я Лиана... – девушка сообразила, что пришла в самый разгар женской ссоры. – Но могу уйти...

– Постой! Что ты вообще здесь делаешь? – Рипсимэ почувствовала угрозу.

– Хочу увидеть царя и предложить выкупить это кольцо.

Рипсимэ сразу узнала сверкающий Драконий перстень, принадлежащий раньше Кассию, ее любовнику. Творение неизвестного мастера придавало владельцу силу, волю, страсть, вдохновляло на борьбу. Когда же Кассия не стало, перстень стал пропуском к царю Армении. Артавазд, к сожалению, не оправдал ее надежд. И вот магический предмет снова здесь и, несомненно, должен помочь бывшей римской матроне взойти на вершину власти!

– Давай я передам!

– О нет! Рассчитываю на вознаграждение.

Рипсимэ грубо схватила руку Лианы и так сжала, что та закричала:

– Больно!!

– Давай или умрешь! – глаза Рипсимэ почернели, взгляд

стал тяжелым, голос низким.

Лиана, испуганная и беспомощная, жалобно заскулила:

– Возьми, возьми, только отпусти руку! – она сняла перстень и отдала мучительнице.

– Так-то лучше! – Рипсимэ с такой силой толкнула девушку, что та, ударившись о постамент статуи, потеряла сознание.

Матрона поискала глазами Эрмину, но той уже не было. Подойдя к канделябру, залюбовалась отблесками света на ювелирном шедевре. Золотой перстень ослепительно сверкал, камень карбункул переливался от серебристо-серого цвета до фиолетово-синего, на внутренней стороне кольца виднелась надпись «Слава и забвение: всему свой срок». Не придав значения написанному, темноволосая злодейка надела перстень на палец и, удобно примостившись в кресле царя, стала ожидать развязку трагедии.

Когда толпа армян прорвала римские заслоны и ворвалась в дворец, на одном из этажей шел бой на мечах двух претендентов на престол. Аршам с перевязанной левой рукой, держа меч в правой, бился подобно льву. Его соперник Арташес сражался как истинный герой за дело своего отца и деда – государей царства Великая Армения. Рубящие и колющие удары сыпались один за другим, соперники, чувствуя омерзение друг к другу, искали слабости, зевки, уязвимые места. Атака следовала за атакой. Перемещаясь в ходе поединка,

каждый пытался занять выгодную позицию, чтобы нанести решающий удар в живот или голову.

В жестоком бою выживает сильнейший. Царевич защищался достаточно успешно, чувствуя, что сможет одолеть врага. Аршам, теряя силы, запаниковал и, чтобы выиграть время, внезапно сорвал со стены тяжелую шпалеру, и та упала на Арташеса. Резко отбросив ткань, молодой воин, разгоряченный схваткой, вновь встал в боевую стойку в готовности обрушить яростные удары, однако соперника в зале уже не было.

Эрмина бежала на кухню. Она вспомнила о потайной двери, которую ей в детстве показал Арташес, и сейчас искала ее. Освещая дорогу масляной лампой, наконец увидела дверцу, скрытую в глубине помещения под разделочным столом. За дверью – каморка, забитая старой утварью и вход в тайные коридоры и комнаты дворца. Раздвинув горшки, увидела на стене ржавое железное кольцо с висевшем ковшом на нем. Она повернула кольцо влево-вправо и дернула на себя: проем в каменной стене приоткрылся. Поднявшись по винтовой лестнице, женщина оказалась в большом помещении, нависавшем над царскими покоями. Тайный арсенал оружия хранился на стеллажах: луки, стрелы, топоры, копья, закупоренные глиняные кувшины. Взяв кувшин с горючей смесью – льняное масло с серой, – пошла на струящийся из пола свет. Узорчатые вентиляционные решетки позволяли видеть комнаты ниже. Встав на колени, посмотрела вниз, на каби-

нет царя. Надменная и сучающая Рипсимэ сидела в кресле. Внезапно вбежал Аршам. Бледный, с перевязанной рукой, опираясь на меч, он простонал:

– Рипсимэ, помоги! Обещаю, ты будешь царицей!

Она, полюбовавшись перстнем, недоуменно посмотрела на него:

– Всю жизнь искала удобного случая отомстить тому, кто сломал мне жизнь. Обиды прощать нельзя, их можно либо терпеливо сносить, либо смывать кровью, – и женщина обворожительно улыбнулась.

В дверях появился Арташес. Мужчины вновь скрестили мечи. Атака, защита, нападение, укол – рубка продолжалась. Соперники были непредсказуемы: двигались как в танце, многократно обходили друг друга, выматывали, занимали выгодную позицию. Пришла в себя Лиана и, с трудом соображая, уставилась испуганными глазами на бурную сцену. Рипсимэ же наблюдала за поединком с азартом. Ей, владеющей Драконьим перстнем, теперь будет проще подчинить своей воле и будущего царя, и любого, кто встанет у нее на пути.

Соперник царевича выдохся: в бессильной злобе, собрав последние силы, он нанес мощный рубящий удар. Арташес парировал выпад и обманном движением имитировал атаку в плечо справа. Аршам тут же сосредоточился на защите плеча и открылся для удара слева. Немедленно этим воспользовался Арташес. Смертельный удар пришелся в серд-

це. Римский управитель рухнул. Металлический звон упавшего на пол меча возвестил о появлении нового царя Армении.

Рипсимэ встала с кресла. Величественная и неотразимая, она подошла к Арташесу:

– Ты мой герой! Природа наделила тебя превосходными качествами: опасен для врагов и незаменим для друзей. Пойдем со мной, я открою тебе путь к таинственным силам Вселенной. Они внушают ужас, разжигают животные инстинкты, питают ненависть. Я не предлагаю сокровища, ты и так теперь владеешь богатствами Азии, я предлагаю нечто большее: управлять миром, сеять страх и панику, источать угрозу, завоевывать и разобщать...

Арташес не мигая и неотрывно смотрел на Рипсимэ. Он был как во сне, не осознавая что происходит. Какие-то чары околдовали его, опутав ядовитыми щупальцами повиновения. Он внимал матроне, все больше покоряясь ее власти.

Внезапно с потолка прямо на Рипсимэ полилась горячая смесь. Водопад огня обрушился на носителя зла, и одежды демонической женщины мгновенно вспыхнули. Издав вопль, она упала на каменный пол и принялась истерически кататься из стороны в сторону, стараясь загасить пламя, но вскоре утихла и, не подавая признаков жизни, догорала оранжево-красным дымящимся сгустком.

– Ничего себе! – гречанка Лиана с нескрываемым восхищением взирала на побоище. – Приехать в Армению и диву

даться...

Арташес изнемогал от усталости. Опустив меч, он стоял, преодолевая отвращение к мерзкой Рипсимэ и непомерный гнев. На ум пришли слова деда Тиграна II: «Гнев, подобный грозе, вырвался наружу... стремительно бросился с мечом на чудовище, пронзив в самое сердце... страх, порождающий чудовищ, преодолевай достойно... главными качествами должны быть храбрость и отвага».

Простушка Лиана подскочила к телу Рипсимэ, почерневшему, местами обугленному, и уставилась на тлеющие огоньки на пальце:

– Ой, что это? Перстень!

С детской непосредственностью, недолго думая, стащила с пальца злодейки украшение, потерла о свой плащ, и, обратившись к царевичу, сказала:

– Я Лиана. Этот армянский перстень дала мне царица Клеопатра. Приказала утопить его в море на третий день пути, но на второй день случился шторм, а когда меня выбросило на берег, решила привезти драгоценность тебе. Вот, возьми, он твой. Надеюсь на скромную награду.

Арташес принял легендарный перстень. Тлеющие огоньки красного камня завораживали и манили. Надев на палец, почувствовал неукротимую энергию, нестигаемое упорство, безудержную ярость и неистовую одержимость.

– Драконий перстень...

Он любовался карбункулом, прозванным гранатом, а в па-

мяти всплыли слова деда: «Магия опасна. Никогда не полагайся на чары колдовства. Независимость и самостоятельность делают наши поступки более очевидными и смелыми». Взглянув на Лиану, он сказал:

– Ты получишь награду.

В зал влетела Эрмина. Обняв мужа, женщина, задыхаясь, нервно заговорила:

– Арташес, ты жив... Не ранен?..

– Любимая, я в порядке. Ты спасла меня! Еще помогли советы деда, доспехи и боевой меч. Все закончилось, и об этом должен узнать город! Почему здесь темно? Зажечь свет! Пусть как можно больше людей увидят в окнах дворца сияние, озаряющее радость победы!

С этими словами, ликующий, переполненный эмоциями, царевич вложил меч в ножны и, взяв лучину, стал запаливать фитили канделябров и светильников.

Раздался сдавленный крик жены. Арташес обернулся, улыбка исчезла с его лица. Эрмина умоляющими глазами вопрошала о помощи, а обгоревшая Рипсимэ, со страшными ранами на лице, вновь ожившая, но дымящаяся, походившая теперь на чудовище, схватила женщину за шею сзади и душила ее.

Этот монстр кричал:

– Зло не победить! Тьма, страх и смерть соседствуют со светом жизни. Границ между добром и злом не существует! Зло притягательно и будет торжествовать, пока есть соблаз-

ны и людские пороки. Человечество обречено!..

В голове Арташеса пронеслась мысль: «Дед все время посылает мне сигналы из другого мира... его подарок... кинжал... лезвие из прочной стали... рубин в рукояти защищает от сил тьмы».

Чудовище, упиваясь безграничной властью над Эрминой и Арташесом, жадно наблюдало за их физическими и моральными страданиями:

– Твоя любимая женушка, такая милая, добрая, милосердная, умирает. Тебя тоже ждет расплата...

Арташес вдруг ясно осознал что нужно делать. Выхватив из ножен кинжал, размахнулся и метнул его в монстра. Удар пришелся Рипсимэ в лоб. На полуслове, ослабив хватку, она захрипела, обмякла и сползла на пол. Темная сила повержена! Бедная Эрмина, закашлявшись, вконец обессиленная, шатаясь, направилась к мужу, но стала падать. Арташес подхватил любимую, бережно положил на камни пола, встал на колени, целовал, успокаивал, и ее потухший взгляд, на радость ему, вновь ожил.

Черная дымка взвилась из полусгоревшего тела чудовища Рипсимэ и окутала Лиану. Девушка глубоко вздохнула. Со сладостным удовлетворением от полученного вознаграждения, знающая теперь себе цену, невозмутимая и исполненная достоинства, она спокойно удалилась.

Тронный зал заполнялся народом. Римский гарнизон

окончательно перебит, и люди, патриоты и храбрецы, узрев знак божьего гнева и чувствуя свою необходимость, потянулись к месту обитания власти. Коллективный разум, немалый опыт и житейская мудрость подсказывают идеи счастливой жизни, но без лидера, способного возглавить стремление к счастью и инициировать преобразование государства, невозможно идти по неизведанной дороге, даже опираясь на здравый смысл.

Зал был полон. Заносчивая знать, обычно думающая лишь о наследственных привилегиях, и простой народ, духовно единый, с оружием в руках стояли рядом и ждали. Появился Арташес. Весь его вид – доспехи, меч, кинжал, взлохмаченные волосы – говорил о том, что пришел победитель. Рядом с ним шла жена Эрмина. Величаво и неторопливо прошествовали к трону вельможи. Сын царя, опустившись на колени, дал возможность великому венцезлагателю Багратуни, главе старейшин и человеку из рода, имевшего привилегию короновать царей Великой Армении, повязать ему на голову белую ленту, символ предводителя нации.

– Безраздельно властвуй и вселяй ужас в сердца врагов! – сказал Багратуни и подал знак.

Поднесли пурпурную подушечку с двумя золотыми венцами. Венцезлагатель, взяв символ власти монарха – венец с изображением восьмилучевой звезды и двух орлов, – водрузил его на голову Арташеса. Преклонила колени Эрмина. Ей Багратуни надел на голову венец царицы, украшенный

драгоценными камнями и маленьким золотым деревом жизни с рубиновыми плодами граната.

Багратуни обратился к царевичу:

– Сегодня ты, Арташес, обретаешь царское достоинство. Возьми власть, вдохни жизнь в заснувшее отечество!

Взглянув на женщину, он произнес:

– Эрмина, будь опорой царю и монархии!

Подошел управитель двора Мард и водрузил на голову царевича армянскую тиару – шапку с золотым шитьем и остроконечными зубцами.

– Твоя храбрость похвальна, – сказал он, – власть безгранична, а величие духа внушает преклонение.

Старый казначей Гнуни, пересидевший в сокровищнице драматические события, бодрый и торжествующий, водрузил на шею царевичу золотую цепь с талисман «Солнце и Луна»:

– Мой мальчик, ключ от Дворца власти теперь твой. Встань вровень с богами!

Когда Арташес уселся на трон, верховный жрец Мигран вложил в его правую руку скипетр – царскую регалию, атрибут верховной божественной власти.

– Скипетр вручают царю боги! Божественная сила с тобой, Арташес! – благословил жрец.

Багратуни возвестил:

– Царь Великой Армении Арташес II!

Гул одобрения, ликующие крики, дружный возглас: «Сла-

ва богу Арамазду!»

Сакральный знак скипетр позволял Арташесу говорить от имени бога:

– Скипетром этим клянусь бороться за благоденствие армянского народа! Буду справедливым, милосердным и миролюбивым!

По залу раскатисто пронеслось торжествующее восклицание:

– Слава царю!!

Вошел румяный виночерпий с кувшином самого выдержанного вина и слуги с кубками. Виночерпий, важный и чопорный, разлив вино, подал кубки царю и сановникам. Главнокомандующий Багунци выпил залпом. Царь пригубил терпкую влагу. Переволнованный от всех событий дня и церемонии верховный жрец Мигран отпил большой глоток и закашлялся. Жуткий и упорный кашель так донимал его, что все в зале притихли и уставились на жреца. Тот побледнел, не мог дышать, выпучил глаза. Вцепившись руками себе в горло, он стал жадно хватать воздух как рыба.

Царь Арташес с удивлением смотрел на Драконий перстень. Драгоценный камень менял цвет с красного на зеленый, с зеленого на серый, с серого на черный. Полководец Багунци, человек крупный и сильный, уставившись на эти переливы красок, поднял гневный взгляд на виночерпия.

– Ты, подлец, отравил нас! – Схватив его за грудки, он закричал: – Говори, гадина, зачем отравил! – и так встряхнул

охламона, что тот не только выронил кувшин, но и выскользнул из кафтана, грохнувшись на каменный пол.

Царица на грани обморока вцепилась в спинку трона, Багратуни, уронив кубок, застыл как вкопанный, Мард обреченно вздохнул, Гнуни схватился за сердце, публика охнула, виночерпий орал: «Никого не травил! Вино хорошее!»

– Умри, гнида!! – Багунци, схватив виночерпия за шиворот, выхватил меч и занес его над головой нечестивца...

– Стой! – крикнул царь.

Жрец Мигран внезапно прокашлялся, сглотнул, вытер рукавом слезы и, подняв глаза к небу, простодушно сказал:

– Спасибо тебе, господи! Я в порядке.

Меч Багунци та и завис в воздухе. Посмотрев на царя, полководец удивился его улыбке, а устремив взор на перстень, поразился: самоцвет лениво переливался от бордового цвета до шафранового, вспыхивая иногда огоньками тлеющих углей.

Первым пришел в себя Гнуни:

– Все бывает... вино хорошее... дух горы шалит... чтобы не расслаблялись.

Народ, пережив потрясение, захохотал, засмеялись и царедворцы. В порыве безудержного веселья не сразу и заметили, что царь встал. Наконец все успокоились.

Голос молодого царя звенел в тишине:

– Как свет озаряет тьму, так добро всегда побеждает зло. Добрый дух Арарата хочет нас расшевелить. Он повелева-

ет повеселиться, погрузить, но не забывать свою миссию – быть связующим звеном цивилизаций, двигать человечество вперед. Предстоит долгий и тернистый путь, но несгибаемое упрямство, непоколебимая вера и жизнестойкость народа помогут преодолеть невзгоды. Идите и творите справедливость!

Народ расходился. К царю подошел Гнуни:

– Государь! Магия, конечно, воодушевляет, но иногда расхолаживает... – и протянул ладонь.

Царь понял. Сняв Дракониий перстень с пальца, вложил в ладонь казначея:

– В мире так много загадочного, что, не познав истину, теряешь покой...

– Государь, хуже, когда теряешь голову. – Спрятав перстень в карман, казначей вздохнул: – От греха подальше...

В подземелье дворца, в царской сокровищнице на мраморном столике стоял железный ларец. Как известно, железо отпугивает потусторонние силы. В ларце на шелковой подушечке в ожидании новых приключений и странствий лежал массивный золотой перстень с красным камнем, изредка мерцая огоньками, похожими на тлеющие угольки... Сталкиваясь с магией, лучше обходить ее стороной. Вот вспыхнул и потух последний огонек. Перстень уснул.

Продолжение в книге «Талисман империи»